

ТОМ
I

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παλατιπομένων

Евгений Архиппов
Рассыпанный
стеклярус

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПРОЗА

Евгений Архиппов

— СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК —

— παραλιπομένων —

*Евгений
Архиппов*

Дом-музей Марины Цветаевой

Евгений Архиппов

*Рассыпанный
стеклярус*

Том I

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПРОЗА

*Водолей
Москва
2016*

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
А. Л. Соболев (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Составление, подготовка текста, статья и комментарии
Т.Ф. Нешумовой

ISBN 978–5–91763–269–8

ISBN 978–5–91763–270–4 (Том I)

- © Т.Ф. Нешумова, составление, подготовка текста, статья и комментарии, 2016
- © Дом-музей Марины Цветаевой, 2016
- © М. и Л. Орлушины, оформление, 2016
- © Издательство «Водолей», оформление, 2016

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДЫМЫ ЛУЧЕЙ

Я люблюсь на дымы лучей
Там, в моей обманувшей отчизне.

И была вековая печаль
В нежном танце без музыки нежной.

Талый воск и плакал и пылал.
И. А.

I

Противно, противно, противно
расколотой жизнью жить
и тайно, и жутко-наивно
в тревоге запутывать нить.

Как жалобно совы кричали,
и мирт осыпается весь.
Под пеплом Грааля Печали –
неслитость: ни там и ни здесь.

Устало желтеют работы,
под мирною пылью листы,
и нет уже лирной охоты
сливать разноликость мечты.

III

Смерти колючие руки
бледный мой нежат лоб.
Бегут излечить от скуки
пути на талый сугроб.

Туда, где распяты в разрывах
волокна нежнейших встреч.
Где столько умолкло ревнивых
хрустальных очей и свеч.

Когда же спасу из сугроба
огонь опалявших глаз?
Быть может, за гранью гроба?
Быть может, в последний час?

IV

Только сердце свое раскрыть
у холодных Музы колен...

Е. А.

Может ли пепел гореть?
Может ли сон светиться?
Я не хотел бы тлеть.
Как песня, хотел бы литься...

Долететь бы, коснуться и пасть,
у холодных колен разбиться!
Разве есть еще власть,
что заставит сердце не биться?

Я хочу потерять берега
и отдать неверное сердце
на страстной костер четверга,
на злую казнь чужевца!

V

На камнях, на плитах у моря
вновь встретились Рок и любовь,
попынь – чарование горя –
и моря синяя кровь.

Сольются ли пенные волны?
Обнимет ли нас кольцо,
когда опрокинутся чёлны
и Звезда изменит лицо?

Отдаюсь, и томлюсь, и не знаю...
Стерегу свою тень на краю.
В синем томлении таю
и горечь лучей не таю.

VI

К. И.

Когда за ночную калиткою
твоя затеряется тень, —
какой-то проклятой ниткою
разрежется день.

И пастью поглощенный темною,
сквозь ночи и дня остряя,
в аллею с тоской неумною
тогда отойду и я.

И станет безжалостней скрипки
ласкать бездонная тьма.
Над жалкой и темной улыбкой
опустится звезд бахрама.

VII

Долго ли видеть морскую пучину?
Долго ли в ветре тревогу смирять?
Долго ли в ночь заревую святыню
горечью уст призывать?

Падает ночь, покрывая разбегом
времени шумный парчовый песок...
Я не знаю, когда оживу я под снегом
и пронзит ли меня звездно-огненный ток?

VIII

Томиться, сгорать и упасть...
И бред развернуть, как знамя...
За снастью свертывать снасть, –
признать только ветер и пламя!

Как горькая рана болит!
Как кровь Себастьяна струится!
Быть может, любовь победит
иль в дымах лучей приснится?

Оставить рукам твоим власть?
Свернуть опаленное знамя?
Иль в зареве, в гари упасть... –
в бреду выкликать твое пламя!

IX

О, как печален был
одежд ее атлас.

И. А.

Я полюбил бы будку
и моря свинцовый штрих,
но ты обратила в шутку
хрупкий и ломкий стих.

Так лейся, голос шарманки,
свисти, ошалевший вал!
Забудь, что истлели так жалко
семь твоих покрывал.

Душа обнаженной не стала,
лишь танец мечты умолк:
затихла под горечь хорала –
закутана в мертвый шелк.

XI

И то, что было вздох и Бог,
то стало каменной книгою.

И. Э.

Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

М. Ц.

Мое сердце будет мучиться,
когда кончится игра.
Скажет тихая разлучница:
кончена игра!

Мое сердце станет каменным
с именем твоим,
как плита под солнцем пламенным
с именем твоим.

Как молитва, с камня, дольная,
не сорвется стон...
Ты прочтешь под солнцем, вольная,
Камнем ставший сон.

XII

Смой гарь с его лица... Он
жалок, нимфа...

И. А. (Сцена 20-я)

Стоять на берегу, глядеть вдоль переулка.
Из-за колодца ждать неведомую тень.

И ждать, что эти волны гулко
перебегут лениво тленный день...

Глядеть на диск луны, священный, как янтарь...
И медленно отдать покою моря раны.
В покое моря смыть с лица печаль и гарь
и призывать тебя в немислимые страны.

Где нет моей тоски, где небо в жемчугах,
рассыпанных для сладостной иконы,
где нам неведом станет страх,
где Ангелы нам воспоют каноны.

КРЕСТ И СТРЕЛЫ

СНЫ О СВ. СЕБАСТИАНЕ НАРБОННСКОМ

Пусть пламя слов падет на грудь
Умершим,
И знамя свеч укажет путь
Воскресшим!

Ч.

1924. XI. СПб.

Всякий поэт должен стать крестоносцем.

Ч. де Г.

ИННОКЕНТИЮ АННЕНСКОМУ

1

И терн сопутствует венцу.

Н. Г.

Над головою сиянье,
и фиолетовый терн
разлил агоний* блистанье;
ему и останусь верн.

Крыло Твое ранено глухо,
бьется в белой тоске.
Жутко коснулся слуха
скованный шаг на песке.

И во сне, наяву – всюду парка
золотоносный сад.
Ярко-осенняя арка
распылалась в закат.

* Здесь и далее ударение передается курсивом.

Ты спешишь навстречу Безлюбой.
Опален отравою взгляд.
Как на маске, застыли губы,
и лебедя стоны дрожат.

Целую лучи и траур,
вознесу отравленный терн.
Лиловой трагедии аур,
сожженный, останусь верн.

1922

<2>

ПОЛИЕЛЕЙ

Сожженные цветы падут перед портретом.
Твоим, склонясь, забудусь сном.
Тебя не встретил я на свете этом.
Увижу ли на том?

Всегда хочу пред черным днем тридцатым
к Твоим рукам приникнуть восковым,
молиться горечью по милым датам
и стать никем, ничем, иным.

О, как хочу остатком губ тепла
коснуться камня гробового!
Какая жизнь в Тебе священная текла,
о, Лебедь озера иного!

Какую синь и грань непринятых морей
Твои теперь крыла пересекают?
И так же ль в тяжком олове ночей
азалии Тебя крылят и тяжелой болью исполняют?

Сожженные цветы падут перед портретом,
пред лебединым, царственным лицом.
Тебя не встретил я на свете этом,
но жду: Тебя увижу ль в том!

МЕССА ПО И. АННЕНСКОМ

Валентину Инн<окентьевичу> Анненскому

I

Лиловые сумерки над прудами Царскосельского парка. Стройная осень, не дарящая, не отдающая земле свою золотую горящую ношу. От золота деревьев – желтая, тайная, дрожащая кайма на лиловой воде.

Лиловые тона густеют, и золотой ободок в пруде уже светится, к<a>к мерцающий дальний провал, ведущий в подземное царство.

Воздух сразу, жестоко и неожиданно, разрезают клики лебедей. Шум ниспадающих крыльев, угасающий в плеске воды. И снова клики, зовущие торопливо, неустанно и жадно, и больно...

Минута – и на фоне потухающего провала, в дрожащей воде плывут силуэты лебедей. Движение их шей, их трепет крыльев говорят о каком-то мучительном усилии сбросить ярмо, удлинить, расплатать свои крылья...

И фаланга движется, к<a>к четкая – над прозрачным провалом – мука.

II

Задумчивый, далекий хруст и шелест гравия под талым шагом. Чудится движение глубокого раздумья. Чем ближе, тем слышнее в перебое шагов – забота о тайно хранимой, неисцелимой ране: будто тяжелое надломленное крыло мешает ровной поступи.

Всходящий лик луны освещает силуэт поэта с сжатыми руками, подходящего к берегу пруда. В лунном свете лицо кажется закрытым царственно-спокойной маской.

Едва тень поэта касается берега, один из черных лебедей, будто душа поэта, отделяется от фаланги.

В мучительной жажде полета, раскинув крылья, зачерпывая и вздымая воду, он несется над самой гладью, дробя стекло и зажигая блики. С крыльев ниспадают капли и брызги, образуя лунную сонату из бликов, блеска и россыпи зеленых жемчугов.

Мучение лебедя разлагается в феерический каскад малых звездных миров, лунными иглами расширяется в праздник пресушествования муки.

III

Снова тихий хруст песка, но поступь бестревожна, мирна и божественно уверенна, словно движется облако с ветром, пересыпая гравий.

В древнем вечном одеянии, с лицом властным, освобождающим одним движением ресниц от тяжкого житейского волнения, – предстает Муза и рукой воскового оттенка касается сжатых рук поэта.

Ее слова звучат как приговор любви и обреченья и, вместе, к<a>к холод капель лунных, спадающих с лебединых крыльев.

«Целую раны крыл Твоих».

Муза касается губами плеча поэта.

«Ты пройдешь по земле, как белое агоническое знамя обреченной муки.

Пока ты будешь жить, никто не пойдет за тобою, никто не будет знать тебя, Никто! Богиня Апата будет следовать перед Тобою с своим обманным покрывалом. Тебя сожжет тоска. И сердце Твое обратится в сожженное капище моей посланницы – Темной Мадонны Тоски.

Ты вступил в состязание со смертью. Ты будешь обольщать ее своими песнями. И не один покров падет перед Тобою. Но мгновенно руки Твои застынут восковыми.

Крылатый! Ты изберешь себе вольное, без славы и цели страданье. И венчанный им, ты облечешься в траур солнца.

Два цветка дарю Тебе, азалии, ими покроют твое чело, и туберозы, знак белой, созревшей в красоте муки.

Апостол избранной боли, Ты изобличишь ничтожный и обманный путь человека. Ты станешь неслышимым, неизвестным, никем не угаданным божеством.

И безумцы будут жаждать прикоснуться губами к краю Твоего надгробного камня».

Видение исчезло.

И снова послышался длительный, тревожный и жутко режущий клик лебедей.

Взлетевший лебедь с лунной высоты на лунное стекло спустился мертвым.

А.А. ФЕТУ

Твой профиль старого еврея-антиквара –
неверящий, хозяйственный, суровый –
напоминает мне божественного лара
под пеленою сельского покрова.

Молюсь на чуткость рук изваянно-усталых,
души Твоей разжатые крыла.
На вечности таинственных причалах
Твоя душа витала и цвела.

Тончайшая игла из рук Твоих роняла
сладчайших мук узоры сердца, –
и тайна звездная три мира сопрягала:
Лазури, Солнца, Сердца.

Феб севера! Податель света, Фет!
«Живого алтаря» огонь и символ!
Среди каких хрустальнейших планет
Ты якорь-розу кинул?

Твой прах уснул под церковью села,
под золотой броней камергера.
Но Роза Голубая в небе расцвела, –
нездешнего свиданья Stella vera!

1923

ВЛАДИМИРУ СОЛОВЬЕВУ

Истонченные слабые руки
и тяжело нависший взгляд
в сердце вздымают муки,
сердце зовут назад, –

к скрижалям Платона и Фета,
к эротике тайной боли,

к вознесенью чрез купол лета
по нитям Господней воли.

Нездешнего брака правил
каноник. Софийской молитвой
архангельский меч Ты оправил
перед новою битвой:

за Восток, за Логос, за Лилию,
за Лазурную Розу.
Ты – создавший софиофилию
и свиданий мимозу.

В семигранном венце,
историограф видений,
ты таишь на лице
тайный вздох Ее тени.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

В ризах белых парчовых,
Херувим, Серафим, Меченосец,
ты вознес сияние новых
лирических дароносиц.

И душа научилась пенью,
молитве Креста и Розы,
предалась голубому теченью,
уплыла из юдольной прозы.

Целую крылья и латы,
лазурный Твой меч приемлю.
Когда же придешь, Крылатый,
сжечь перед Господом землю.

ЧЕРУБИНЕ ДЕ ГАБРИАК

Твое лицо теперь закрыто для меня.
Через незримые истлевшие пространства,
как запланетная стрела штейнерианства,
возник разрез подземного огня.

Я издали следил тяжелый гребень крылий,
свиданий ждал в костре сожженья,
люциферического пенья
душа ждала, как звездной были.

Но встречный ты остановила бег
через пространства, души и обители,
и, призрачных корон хранители,
земной мы не сожгли свой век.

Тень маски помню на твоём лице,
склоненную над рыцарской решеткой.
Ты сердца стук сковала в траур четкий,
себя укрыв «в магическом кольце».

Не взглядом, не кольцом – обменами
опальных крыл мы тайно скованы.
Нам разделенные свиданья уготованы
за близкими, за слитыми изменами.

Мы обменялись сном спирального полета,
чтобы зажегся крест нетленного свиданья,
чтоб звездные принять в себя страданья
для Иоаннова киота.

1922

ЧЕРУБИНЕ ДЕ ГАБРИАК <2>

Висят неподвижно тучи,
качнулся газетовый день,
и снова на крест неминуемый
волокут мою тень.

Еще одного похмелья,
за пленную тенью спеша,
похмелья смертельного зелья
не знала душа.

Когда же расторгнутся грани?
Когда задымятся лучи?
Иль в пламя паду, изранен,
фюнеральной свечи?
1923

П.Г. ДОЛЕНКО

I

Смерть подошла к тебе тихо,
увела за Черное море.
Переплавилась доля в лихо,
принесла из-за моря горе.

Где поник ты, ею сраженный?
У берега Крита? В Каире?
Ты, печально-рожденный
на нежном Маире...

Милый, любимый, дарящий!
Полюбивший Его отравы,
«Ларец» возносящий
и для боли созревшие травы.

Эвритмии служитель, целитель
улыбкой и жестом!
Какого мира ты житель,
если нет тебя в этом?

Ланцет и повязка Музы
отличали тебя среди мира.
Не ослабит ли смерть твои узы?
Не вернет ли тебя из Каира?

II ПЕРЕД ПАНИХИДОЙ

Всё не могу понять твою кончину,
всесильной смерти воспринять эгиду,
и сам, сквозь будничную тину,
спешу к тебе – на панихиду...

Всё кажется, что Ты еще придешь,
Дашь снова руки мне и голос
и к сердцу, врач, ты голову прижмешь,
чтобы напрасно не боролось.

Вот выпрямишься весь – и просияет вновь
лицо, целящее улыбкой.
С твоих ладоней вся любовь
подъемлет аромат свой зыбкой.

Услышь призыв! Прими ланцет и лиру!
О, не покорствуй Смерти виду!
Так я молю, а сам внимаю клиру,
зовущему к тебе... на панихиду.

III ПОМИНОВЕНИЕ

С поющей, нескорой отравой
я буду читать стихи,
и горькой, торжественной славой
облекутся волны стихий.

Раскроются сжатые руки,
раскроются <p>лавы морщин,
давнишней и тайной муки
убавится час один.

И желанной боли мгновеннее
сойдет небесная тень...

Когда же падет плененье
и сумрак разлюбит день?

АВТОПОРТРЕТ

К сердцу своему
он прижимал поспешно руку,
как бы смиряя муку.

А.С. Пушкин

I

Лицо, закрытое для мира
и ненавидящее всех, –
с мечтой застывшего Памира
и горьким пеплом вех.

Руки печальной, жалкой, нежной
полуподъем и полувздых
о тайной боли, о безбрежной
неутолимости тревог.

На фоне олова безличий
глаза тоски и тлена взглядом
всё ищут тени Беатриче
за гулким и пустынным адом,

Глядят сквозь чадные века,
глядят с тоскою староверца,
и словно Дантова рука
сжимает медленное сердце.

II

Во мне тоскует кровь Святого Себастьяна,
томит от стрел неистовых излиться.

Уже душа последней болью пьяна,
сквозь терпкий бред глаза летят молиться.

Но ты спеши... Меня покинь скорее...
Хочу, чтоб расцвели всем пышным жаром раны.
Сквозь пышный арум ран и ближе и виднее
мои миражные, безвыходные страны.

Лишь помни: я – один! Со мною крест и стрелы...
Полынь кладу на жаждущую рану,
сквозь зелень глаз неистовой Семелы
в угаре и чаду молюсь Себастиану.

<III>

ПАРАСТАС

Что мне осталось с Вами,
милые книги, сказать?
Оставлю портрет свой в раме
и пустую кровать...

Вот на столе мое тело
и проступивший тлен.
Перед Вечностью, оробелый,
я разомкнул Ваш плен.

Обступите меня, укройте,
спасите мои мечты!
Стихов стихирой воспойте
жестокий постриг высоты.

В бестелесной хрустальной дали
стану я различать
горечь Грааля Печали
и Черубины печать.

<IV>

ПРОЩАНИЕ

Как опускаются руки
в смертную грань одеял...
В тонком стоне разлуки
стынет финальный фиал.

Душа всё ждет примиренья,
задыхаясь, считает минуты,
когда лебедь прольет свое пенье
и спадут стеклянные путы.

Утонуть бы в глазах небылицы,
в зеркальном и дальнем взгляде
и не знать, что Смерти страницы
раскрылись на новом аде!

<V>

ЛИТИЯ

Минутна боль – бессмертна жажда муки.
М. В.

На дрогах, на строгих клячах
волочили мой черный трон.
Траур султанов маячил,
срывался и плыл перезвон.

И нимфа, сошедшая в будни,
с фарфоровым ликом нагим,
рыдала за сетью полудней
под звонкую пену: бом-бим...

И ключьями пены покрыли,
как флером, мой первый гроб...
А сжатые руки всё ныли,
и думал и мучился лоб.

О чем? О какой потере?
О чьих зеркальных глазах?
О том ли, что выпали перья?
Что кончился смертный страх?

ДАЛЬНЯЯ МОРЕНА

И стынет в небе дальняя морена.

Кассандра

ВЕРЕ МЕРКУРЬЕВОЙ

Открыть твои парчовые страницы,
дышать святыми ядами Венка,
виденье Пепельной Царицы
узнать сквозь плены и века.

Через пятнадцать звездных стран
Твои проникли певческие стрелы...
Как снов Твоих хрустален караван,
как розы всеедино белы.

Тебе бы царствовать в подземных тайниках,
из вод по<д>нять сиянье Атлантиды!
Чтобы распался мир в стеклянный прах
и новый вышел из орбит Ириды.

Но ты сейчас в плену у бедственного мира.
Ты стелешь строф поющую парчу.
Не узнана Твоя тяжелая порфира,
и мир не отдан звездному бичу!

* * *

В моих глазах, я знаю, анфилады,
где движется процессия Тоски.
Там жуткий лепет пепельной лампы,
таимой в трепете руки.

Там рыцарь черный в сожженном шлеме,
как птицу, стихшее сердце несет.
И траур не тает на дальней эмблеме,
не тает на сердце железо и лед.

Но сон загорится... И сквозь анфилады
моей Темной Мадонны – Тоски –
птица умчится из черной прохлады
в розовый сад беспечальной руки.

24 августа 1922

ГДЕ – КОГДА?

Не всё ли равно, где скитаться,
Одиноким останусь всегда.
А мечта летит: – любоваться
на сияние: «где – когда?»

Отпускаю медленно руки,
целую крылатые вежды ...
И тогда, на пороге муки,
этих слов запылают одежды.

Я знаю, ведь ты не любишь:
ты правила помнишь игры...
Тоски моей не погубишь,
не зажжешь заревые миры.

И – забуду обеты Безлюбой,
и затихнет, нема, беда,
когда медленно скажут губы:
Где? Когда?

* * *

Не томлюсь, не ищу поцелуя,
но ловлю полувздохи зарниц,
но смотрю на тебя, испытывая,
на разжатые сети ресниц.

Не томлюсь... Или только скрываю?
Свое сердце еще берегу.
Я иду по лунному краю
и слабею на талом снегу...

Ах, начну ли опять свою пытку
в твоих нежных рук терему?
Вот, раскрою ночную калитку, –
уйду в безоглядную тьму.

А, быть может, покой на ладони
твоей чуждой боли руки
закроет от смерти погони,
утаит от тоски?

* * *

К. И.

То имя, что я дам, пронизжет грудь твою
огнем томительно-далекого полета.
Вокруг души твоей – и нежной, и простой – я пелену совью,
я пелену совью для звездного киота.

О, сохрани тот дым, тот воздух горечи и дали, –
что напоил наш синий плен, –
тот флер, что вокруг Тебя мои глаза соткали
из жемчуга и блеска Гиппокрен.

То имя, что я дам, умрет с <моей> поэмой,
расплавится в Тоске <и> олове Гекаты.

И станет жемчуг розовый мучительной эмблемой
сжигаемой души пронзительной утраты.

Октябрь <1922>

РОССИЯ

Памяти Владимира Францевича Эрна

Когда спадет гнетущая личина
с лица, закрытого кровавым покрывалом,
и загорится крест за дьявольским провалом, –

Ты вся возжаждешь звездного почина,
и на челе поруганно-усталом
проступят знаки ангельского чина.

Ты затомишься вся, сорвав багряный полог,
по белоснежным лилии атласам,
и теургическим примером старым расам

раскроется твой день, божественен и долог.
Тогда склонись к незримой церкви гласам
и горний снег прими, живителен и колок.

Омыв угарный лик в небесном плеске крылий,
сойди и воцарись, принявшая постриг,
чтоб белоснежный плат развился и настиг,

навекы исцелив от пытки адской были...
О, помолись тогда, чтобы Господь воздвиг
самодержавие Креста и Лилий.

ТОМЛЕНИЕ

Но в даль отбытья, в даль летеиской гребли.

Б. П.

К. А.

Еще растет, и шелестит, и стелется
за днем и ночью кольчатая сеть...

Но ведь придет же смуглая владелица,
и разобьется сердца клеть.

Смотри, смотри, вот солнце катится
за страшный гребень гор...

Но в зареве сейчас означится
светил звучащий хор.

Скажи, возможно ль в час последнего смятения
Сердец молитвы переплесть
и радостно принять в объятья воскресения
кольцо змеи и смерти лесть?

Ты видела, как с неба жар упал стремительно...
О, как жестока пепельная твердь!..
Ужель так больно, так томительно
родиться через смерть?..

Д.С. УСОВУ

Ты был у моей постели
в полумраке ночном.
Твоей петербургской недели
минуты плотаю, как ром.

Ты помнишь: в двадцатом и первом
как письма Твои я ловил.
В потоке, хлеставшем по нервам,
лишь Ты был мне близок и мил.

И слить никогда невозможно
квадратуру и низость лиц
с тем, что навеки неложно,
пред чем опускаемся ниц.

Я так никогда не стремился
к губам поднести письмо.
Наш Эрос в пламени бился,
и толпа протирала бельмо.

О, Твой удивительный почерк,
где буквы – из детской игрушки...
Твой облик дальний, Твой очерк
ловлю с горящей подушки.

И пусть петербургской недели
дошли до меня лишь виденья...
Тебя у моей постели
я слушал в эти мгновенья.

ТИШИНА

А.К. Лозина-Лозинскому

Когда душа сорвется с острия
и гребень крыл потонет в мраке ночи –
ночная в трауре зажжется лития,
зеркальные во сне заплачут очи.

И сон один и вздох приснится снова,
и меч разъединения падет...
В душе баллада камня и покрова
раскроет черный лед.

На страшный лед из стен железных жизни
Ты будешь изгнан, дух... Или перелетишь
в непоправимой и простейшей тризне
и вдруг услышишь каменную тишь...

Ты тишины исход с поэтом странным.
Она придет к Тебе, цвести из сонных рук,
Тебе сиять венчанием полярным...
Твой верный, Твой незримый друг.

И знай, когда душа сорвется с остря
и гребень крыл потонет в мраке ночи, –
в безмолвии тогда заплачет лития
и каменный покров оденет очи.

ИННОКЕНТИЮ АННЕНСКОМУ

К 15-летию со дня смерти

В холодной комнате усталый Твой портрет
и я, к Тебе простерший руки,
меняем медленно печальный взгляд на взгляд,
считая шум сбегающей разлуки.

Еще волна прошла. Пройдет немного лет –
и не найдут лучи от сирого портрета
других лучей, на всё таивших яд...
Полночная растает мена эта.

О, как мне быть тогда! Как я найду Твой день:
всё в трауре катящееся солнце...
Какая темнота! Крылом своим разбей
небытия запорошенное оконце. –

Чтоб с паперти моя к Тебе сорвалась тень –
на остря звезды, поющей и хрустальной, –
чтоб затаить навек медлительность очей,
и плен, и звон, манящий встречей дальней...

А в темной комнате оживший Твой портрет
и я, к Тебе простерший руки,
следим скользящей смерти силуэт,
считая шум сбегающей разлуки.

[СТИХОТВОРЕНИЯ 1922–1924 ГОДОВ, НЕ ПОПАВШИЕ В КНИГИ]

* * *

Растянуться в траве и ждать,
когда в тонкой оправе стилета
прикоснется Харит благодать
и зажжется жало поэта.

Только зов, только звон... Только знать
туберозных ланит аромат,
чтобы вовремя сердце сжать
перед сенью, ведущей в ад.

Только длить, ловить, и таить
отведенных очей твоих плен...
Только сердце свое раскрыть
у холодных Музы колен.

Воскресенье
18 и<ю>н<я 1922>

* * *

Люблю Шуваловский проезд,
полудеревню, полупарк,
огни завода вместо звезд,
дугу Норд-Оста вместо арк.

Люблю в неистовом волнении
полоски моря синеву,
и запад в огненном забвении,
и шумных тополей листву.

И сумерек люблю наплывы я,
и поцелуи на ветру,

слова немногие, ленивые,
Твою победную игру.

*Холодный Н<орд>-Ост <Новороссийск>
9 сентября <1922>*

* * *

...Ты идешь Саломеи походкой
Средь прислужниц и слуг.
Никогда не видал тебя кроткой,
Опустившею лук...

<1922–1924>

ОБИДЫ РАСЕ

PRÉFACE

*Я люблю только Расе и муку
под бессонной сверлящей иглой...*

Любовь к Статуе! Какая редкая для сборника стихов тема!.. Книга родилась в парке, около озера, у ног богини Расе, в Царском Селе. Иннокентий Анненский, гр. В.А. Комаровский (†1914) – вот предшественники автора стихотворений. И главным жрецом богини Расе в русской поэзии, несомненно, является Иннокентий Федорович (1856–1909), впервые в русской лирике сделавший Расе предметом поклонения. Одновременно с автором сборника поклонником Расе является и третий поэт: Д. Усов, переводчик, филолог и лингвист. Оба они и упомянуты вместе в редчайшей книге: Город муз, повесть о Царском Селе. Ленинград. 1930. Стр. 109.

Первое «оживление» статуи мы имеем в знаменитом стихотворении из трилистника «В парке» – «Расе. Статуя мира» (стр. 54 «Кипарисового» ларца». <1>910).

Не знаю почему – богини изваянье
над сердцем сладкое имеет обаянье.

Поэт любил статую, жалел ее, сочувствовал ей, как живой, стоящей под холодным дождем, медленно сеющим, под лаской туманов, от которых на теле статуи остались черные раны.

Эта тема оживления статуи развилась, расцвела, сплетаясь с темой затаенного горя, в сборнике «Обиды Расе»: Расе сходит с пьедестала, отбрасывает факел, и ее глаза, открывшиеся в мир, встречаются с глазами поэта. И прав гр. Комаровский: самые лица людей кажутся бледными, потускневшими – после сочувственного взгляда статуи:

И равнодушная, она не обещала –
сияла мрамором у светлых берегов.
Но человеческих и женственных шагов
и милого лица с тех пор как будто мало.
гр. В. К.

Отдельного внимания заслуживает «Свидание с Расе».

Регина де Круа

*Во имя симфонии
парчи, шелка и янтарных закатов,
звучащих в стихах
Кассандры*

Одни туманы к ней холодные ласкались,
и раны черные у влажных губ остались.

.....
Люблю обиду в ней...

И. А.

Обманутым стихом прославленная Расе.

..... И выбелены раны,
что накопили ей прохладные туманы.

гр. В. К.

О, Царское Село – великолепный бред,
который некогда завещан Аонидам!

Вс. Р.

ПАМЯТЬ О ЦАРСКОМ СЕЛЕ

К. А.

Зеркальные глаза глядятся вдаль,
в летящих облаков отвагу...
Как медленно подводная эмаль
древнейшую расцветивает сагу.

Но в воздухе теперь взметается метель,
в колоколах Китежных рвется сфера.
В озерах царкосельских цвель
нас погружает в заводи Гомера.

И в страшной тишине развалин, униженья,
при царствующих гениях беды,
три образа сейчас закроют звенья:
обида Расе, ты, поэта черные следы.

*Саарское Село
1928*

ШАГИ РАСЕ

Дмитрию Сергеевичу Усову

Парк спит... и сонно дышит полутьму...
О как хочу, чтоб не раскрылся день!
Чтоб в сна немолчную прохладу,
сквозь сдержанную серенаду,
неся медлительность и лень,
вошел серебряный олень...

Тоскуют птички... Ели высоки,
и пруд объят туманной позолотой...
Какой щемящую, мучительную нотой
отозвались Твои шаги,
беспечны, царственно-легки!

Журчит вода. Еще не наступило лето...
И вот тебя напомнил листьев звон, –
порфирный сон
березок севера и Фета, –
моя горчайшая примета...

О, белый призрак Расе и Беаты!
Когда сойдешь в аллею Ты, –
вздохнут сожженные цветы,
раскроются глаза, томленьем сжаты,
и смолкнут возгласы Гекаты!..

Как тени здесь и зелены, и низки,
как сон задумчив и высок!
В Раю на розовый песок
горящие с небес скатились диски...
А здесь не мы,
лишь тени наши близки...

VESTES CORONARIAE

Эти губы не в церкви целованы.

Ч.

Ты свиданье назначила в церкви,
где с тобой не стоять нам рядом...
В бедной и тихой церкви –
не обменяться взглядом...

Наша церковь – берег и море...
В шелковый шепот пены,
как ризы, оденет нас море, –
и падут проклятые стены...

И тревоги наступит конец,
когда с неба, для нас – единый,
для обоих, сойдет венец
семизвездный – синий.

STATUAE LUNARI

Когда я тебя поцелую,
поцелую ли я тебя?
Оживлю ли в сердце статую,
из сплава льда и огня.

Ловлю только думы и светы
от качели летящих очей...
Ты замедлила бег планеты,
траурной и ничьей.

И плывет заревое сиянье
от качели очей, от ланит...
Лунное Ты изваянье?
иль пламя сомкнутых орбит?

* * *

Не пропусти упавшую звезду.

Ч.

(Евгению. 12.VII.1928)

В моей душе, где мирно пепел спал,
кипящая зола клубится.
Взгляни, взгляни, каким я стал,
каким уж снам не сбыться...

В моей душе печально льет хорал
свои звенящие и колющие ноты...
Как погребально в море вал упал,
звезда, скатясь, шепнула: вот – ты!

В моей душе ты оставляешь след
огня, стремительно витавшего в хоромаш...
Паденье звезд встречает твой поэт
и ангелов, к проклятию влекомых...

* * *

Я поклоняюсь жемчугам
озер пустынно-дальних...

Е. А.

Моя тоска – твоим рукам,
печаль – холодным пальцам.
По тем же тальим тропам
иду все тем же скитальцем.

Мой дух – зеленым зеркалам,
душа – туманам алым!
Идет игра – твоим глазам
и боль – моим усталым...

ЕВГЕНИЮ БАРАТЫНСКОМУ

И мое сердце уже почти не бьется.

Ч.

Остынь – страстей рабыня!

А. Б.

Душа моя, опять скорбя, зову тебя, – остынь!
Скорей переступи дневное ликование.
Сильней прижми к устам запекшимся полынь,
на сердце низведи холодное молчанье!

Пусть отойдет с чела туман игры и муки
и серебро волос пусть сделает сплошным,
пленительнее сна, пусть разомкнутся руки
и ты уйдешь с земли, обняв жестокий дым...

Ты запоешь в дыму от огненной отравы,
душа устанет вечности страшиться:
уж над тобой плывет огонь горчайшей славы
и подан сердцу знак – не биться!..

СЕРГЕЮ СОЛОВЬЕВУ

Где-то в чадном альбоме
мы с тобой на одной странице...
И за птицей летящей – птице
над землею пути знакомей!

Где-то смолы вливаются в Мессы
и ты предстоишь пред Богом.
Перед пустынным чертогом
твои возносятся Мессы.

Пусть же пробудится пламя
и столкнутся щиты за Слово,
Крест и Меч Соловьева –
наше знамя!

СТИГИЙСКИЙ ЗАВТРАК

О дайте вечность мне, – и вечность я отдам
за равнодушие к обедам и годам.

И.А.
«РАСЕ»
стр. 54

Когда разомлеют корки
в нищей чашке моей –
на минуту забуду ль об Орке,
о Стигийском мраке полей?

Как тяжело мне просыпаться:
снятся провалы в Аид...
Схватить одеяло и – мчаться
от Стикса, от черных обид!

Но день приплетется – и хлеба
колкие корки краду.
На темный алтарь Эреба
Стиксовы камни кладу...

1928

СКВОЗЬ СТРОЙ ДОЖДЯ

О, Петербургская истома! –
бродить под ризою дождя...
Каким крылатым сном влекома,
взлетела длань Петра-вождя!..

Каким упорным исполином
застыл другой бесстрашный конь!
Круги трамваев вяжут сплином
дни дождевых погонь.

И вот те страшные ступени
в вокзале Царского Села,

куда под «ветровые пени»
Безлюбая тебя взвела...
Петербург. Царскосельский вокзал
1928

МОЛИТВА НА БЕРЕГУ

О, эта влажная завеса
пред берегом иным!
Как будто нет в ней веса,
но тяжкая, как дым...

Мне разъедает ветром очи
тех колких капель соль...
Зачем ты звал сквозь ночи,
о, Ignis sanans, Sol!

Молю: коль срок предстанет близко –
пошли от звездных сил
свет и предстательство Франциска
склоненному без сил...

ТОСКА КРУГЛОГО ГАЗОНА

Обманутым стихом прославленная Расе...
гр. В. К.

Голова болит тонкой болью.
А игла – от виска к виску...
К сирому изголовью
поклониться пошлю тоску.

Побежит, опомнится, станет,
и опять зашатается вслед...
Разве лстивая смерть обманет?
Разве будет рассвет?

И Орфей не подаст мне руку,
чтоб оставить Аида покой.
Я люблю только Расе и муку
под бессонной сверлящей иглой.

Не хочу этой каменной сени,
этих тяжко слоеных громад.
Перебиты мои колени,
и гулким отзывам не рад.

Всё боюсь, что с камня не встану –
(А игла близка уж к виску!) –
твоему поклониться обману,
факелом опалить тоску.

Помолись обо мне, моя Расе,
на скошенном сиром лугу
и дай знак, что не будет иначе, –
что буду в Твоем кругу...

AD LILIUM AURATUM

[1]

Беата, Расе, Черубина
горят в моих бессмертных снах...
И вот растет желанный страх –
моя прозрачная кручина!

И только Ты, о Беатриче,
о пеплотканый, званный сон! –
стоишь со мной среди колонн,
и гневно не смолкают кличи...

Ах, вижу, знаю, что иначе
о нас читали в письменах,
когда с портала звала Таиах
и факел поднимала Расе.

О, родина моя, о, каффская чужбина!
Плыву к Тебе сквозь киммерийский стон
в сладчайший звук благих имен:
Беата, Расе, Черубина!

[2]
УТРО ПОСЛЕ СМЕРТИ

Ч.

Милый друг! Темно разлуки море!..
В. М.

Бледный рассвет идет,
трогает книги и стены...
Ты ли, дневной гнет?
Вы ли, людские плены?

Радости узится круг...
Смерть поднимает маску...
Ты ли уходишь, Друг,
смерти даривший маску.

Разве медлить нельзя?
Душно в «степях чужбины»?
Вот... – и блеснула стезя...
Вспыхнул венец Черубины.

Всё укрывает песок:
руки, Лицо, хризантемы...
(Все слова мои немь!)
Имя – пречистый исток!

1928

[3]
УСПЕНИЕ

Ты посмотри...
вода в Неве еще осталась синей?
У Ангела еще не снят крест?
«Евгению». 12.VII. 28

Спи! Вода в Неве
так же вседержавна,
широка и плавна,
как заря в Москве...

Так же Ангел белый
поднимает крест.
Гений горьких мест,
благостный и смелый.

Так же дом твой тих
на углу канала,
где душа алкала
уловить твой стих...

Только неприветно
встретил Водный Спас
сиротливых нас,
зававших безответно.

О, кто знал тогда,
что лихое горе
возвестит нам вскоре
Черная звезда!

СВИДАНИЕ С РАСЕ

Богини изваянье
над сердцем сладкое имеет обаянье...

И. А.

Расе? Богиня?

И я ее увижу там, в сумерках Царскосельского парка? Ту, которую так любил Анненский, за которую мучилось его сердце... А, может быть, Расе и есть сердце поэта...

Ей поклонялись поэты, о ней восклицали лебеди, ее воспевали и Анненский, и Комаровский... К ней и около нее траурные следы...

Обманутым стихом прославленная Расе!

И тот, и другой поэт говорят о твоих страданиях, о ранах твоей статуи. Ты принимала их взгляд на свои раны, на свои прекрасные ноги... Их взгляд задерживался и на опущенном факеле, и на узле кос... И ты видела их, тебе поклонявшихся! О, если бы ты могла отдать нам их взгляд, сказать, как на тебя они смотрели, как берегли твое истерзанное туманом тело...

Свидетельница их прогулок, свидетельница их страданий и восхищения!..

Есть ли еще другой такой союз статуи и людей? Такой пронзительный, такой прекрасный и такой призрачный союз!..

Беспомощная белизна тела, нагота «девушки воспетой»... Какой тонкой горестью трогала она поэта, перенесшего ее на страницы своей обреченной книги...

Особенно холодный дождик сеет
и нагота ее беспомощно белеет.

Как он хотел этого обмена чертами со статуей, этого «равнодушия к обидам и годам».

.....

И какое счастье пройти с сердцем, трепещущим, как птица, «по траурным следам» – к круглому газону Расе, увы, уже скошенному!.. Еще четыре сердца привлечены к тебе, Богиня! Они явились поклониться тебе, храня в душе всю острую и живую горесть об усопших поэтах. Они – еще уцелевшая на земле связь между ушедшими и тобой...

.....

Прошли два года с минуты свидания... И ты – одна. Как часто ты одна, как жестоко одна!.. Куда смотришь ты через пустыню дней, через руины парка? Что видишь ты?

Видишь ли сквозь редящие ветви, сквозь ненужные плены лет иного озера иные берега и твоих отлетевших, разлученных с тобою лебедей?..

Д. Щ.

1930

СТАТУЯ РАСЕ

1. Она стоит на круглой площадке, посреди газона, который ранее не скашивался никогда (И. А. 1909).

Она стоит на дороге от Эрмитажа к озеру. – Лучшее ее изваянье в парке, наиболее замечательная (– и никем не замечаемая –) статуя в стиле XVIII в. В статуе воплощена девушка (– «Дева белая», «Дева красотой по-прежнему горда». И. А. –) с факелом, с волосами, убранными в узел. Девушка с загадочной улыбкой гасит чадающий факел.

2. Раса – посвящено стихотворению Инн. Анненского. «Раса». («Меж золоченых бань и обелисков славы». «К<ипарисовый> л<арец>»). 1910. Гриф. Стр. 54). Стих<отворе>ие написано дистихами (8). Перепечатано в книге «Царское Село в поэзии». СПбург. 1922. Изд. Парфенон, стр. 40.

3. Раса – посвящена вторая часть стих<отворе>ия гр. В.А. Комаровского: La gruche cassée» («На этот павильон хандры порфиородной». Стихи 11–18) – «Первая пристань». (Петербург. 1913. Стр. 34–35. Стих<отворе>ие датировано: Царское Село. 1913.

Без заглавия стих<отворе>ие перепечатано в книге «Ц<арское> Село в поэзии» (Редакция Н.О. Лернера. Статья Голлербаха Э.Ф. Стр. 46–47).

4. О Раса см. статью Голлербаха в сб.: Ц<арское> Село в поэзии, стр. 13-я, строки в разделе о гр. В. Комаровском.

5. Н. Анцыферов. Статья в путеводителе «Детское село». Москва – Л. 1927. Детскосельские парки, стр. 78, глава «Озеро».

6. Последнее поклонение Расе было принесено в 1928 (22.VII): А.Г. Левенталь – К.Л. Архиппова – Д.С. Усов – Е.Я. Архиппов.

7. Из статуй Расе обращает внимание «Le Génie de la Paix», принадлежащая Ясоро Sansovino. Богиня изображена с опущенным факелом в правой руке, с наклоненной головой, в полном длинном одеянии.

Снимок со статуи помещен в книге: Pierre Gusman. «Venise». Paris. 1904. Стр. 81.

Д. Щ.

МИФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАСЕ

Рах – Εἰρήνη – богиня мира и одна из богинь времен (Ἔραι, см. сб. «Орь» Вяч. Иванова). Дочь Зевса и Фемиды.

Алтари. В Афинах богине мира воздвигнуты алтари после победы Тимофея под флагом лакедемонян.

В Риме в честь богини Рах воздвигнут алтарь 4 июля 13 г. до Р. Х. на Марсовом поле. Алтарь поставлен Сенатом по поводу действий Августа в Галлии и Испании.

Обычны изображения богини: – молодая женщина с рогом изобилия, оливковой ветвью, с гермесовым жезлом, с колосьями, держащая в руке Πλοῦτος'а, бога богатства.

Изображение Εἰρήνη (Рах) в длинном одеянии с жезлом и с Πλοῦτος'ом на левой руке – см. у Любкера, страница 1065.

Другие богини времен (порядка в природе), кроме Εἰρήνη: Εὐνομία (законность) и Δίκη (справедливость). В древнейшее время почитали только двух богинь из Ἔραι (Оры, Горы): 1) Гора весны (Θαλλώ) и <2> Гора лета (Καρλό).

[СТИХОТВОРЕНИЯ 1930–1940 ГОДОВ]

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ УЧИТЕЛЕ (М.А. Волошине)

К.Л. Архиповой

Наша жизнь – жестокая игра,
наша жизнь тревожна и дика...
Не подымется навстречу Ра
скованная холодом рука.

Мы забыты на холодном острове.
Льдины все плывут и бьют.
На Гомеровом, священном полуострове
омертвел Учителя приют.

И твоя походка торопливая
всё уходит в жуть очередей...
Где волна жемчужная, шумливая,
Где слова Пророков и Судей?

Всё летит, всё клиньями сшибается...
Дом не греет, не питает хлеб...
Там душа моя скитается,
где в горах воздвигнутый Эреб...

В хрусталах, в лукавом блеске
нам сияет всё Твое Лицо...
Ах, ужель не разорвется в треске
кратера полукольцо?

И ужель нам не видаться снова,
не сидеть у ног твоих?
Ведь в глазах – лазурная подкова!
В лязге жизни тот прибор не стих!

Твои стихи уподоблю лавине;
Обрушенные в смутные года,
Они взметнулись и застыли ныне...
Во взлете будут жить всегда...
8 апреля 1933

БЕЛЕЙШЕМУ ЛЕБЕДЮ

Мы силу любви одной невозможностью мерим.
З. Г.

Сдайся мечте невозможной.
А. Блок.

Есть в думах, голосах и снах
пронзительная дрожь высот –
волны разбрызганный размах
и горький опыт сот.

Есть в блеске, цвете, взлете глаз
безумье несказанных слов.
Жду: сердце рассечет алмаз
и зазвенит стекло оков.

И есть в пронзенной смуте дней
непобедимая тревожность...
О, этот маятник скорбей, –
возможность – вместе невозможность!

Май 1935
T<анезруфт>

ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ

Кл. Ар<хиппов>ой

Мне кажется, что ты не спишь,
считаешь сны и небылицы...

И проплывают в ночи тишь
созвездья, замысли и птицы.

Мне кажется, что и меня
ты замечаешь истомленным,
вплетенным в полымя огня
или раздумьем затененным.

Мне кажется, что эта боль
и эта дрожь – обетованье,
что впереди не злая роль,
а восхищенное свиданье.

VENERI VERTICORDIAE

Ты держишь хрустальную сферу
в прозрачных и тонких перстах.
А все океаны, все горы,
архангелы, люди, цветы
они в хрустале отразились
прозрачных девических глаз.

Август <1>921

Н. Г.

О имени твоём лепечут птицы,
о имени твоём безумий вереницы.

О имени твоём державный Солнца бег,
о имени твоём... повержен человек.

О имени твоём чуть шелестит прибой.
о имени твоём – вскипает бой.

О имени твоём разверзнется невинная лазурь.
о имени твоём – закружит кипень бурь.

О имени твоём взметаются моря,
о имени твоём – покоят якоря.

О имени твоём блаженные рождаются миры,
о имени твоём ждут смертные пиры.

О имени твоём последний сердца стук,
о имени твоём – нет выхода из мук.

О имени твоём так горестно томлюсь во сне,
о имени твоём весь день в огне.

О имени твоём весь плачь моих годин,
о имени твоём всегда молюсь один...

МУЗЕ (ЛАЗУРНОЙ ПОДРУГЕ)

Счастье входит в сердце, как игла...

В. Х.

Пронзай меня, крылатый взор,
иглою снежного огня.

А. Блок

Я устаю смотреть во тьму
и тень распознавать от тени,
не верить сердцу своему
и пепел отрицать горений.

За призраком на чадном берегу
скольжу и обрываюсь снова...
Какую рану стерегу?
Какая участь там готова?

Когда сойдешь сквозь эту мглу,
неверная лазурная подруга?
Из сердца вырвешь ли иглу
с раскатом смертного испуга?

Июнь <1>935

К ПОРТРЕТУ МАДОННЫ ЛИТ<Т>Ы

Как тонок сон... Как рвутся нити!
Как тяжек стал зигзаг раздумья!
В ночи горят к мадонне Литти
мои мольбы – мои безумья...

А наяву всё тот же морок, та же темень
хватает душу, давит, гложет...
О преврати мне сердце в кремень! –
оно без боли жить не может...

О, это страшное сжиманье!
о, этот призрак утра мутный! –
порыв, смятенье, полыханье, –
и вновь антракт пятиминутный...

Сойди, покой благоволения!
О, рассеки томленья нити! –
так я молюсь мадонне Литти,
моей мадонне умиленья.

МОЛЕНИЕ К ГОЛУБОЙ РОЗЕ

СЕРЕНАДА I ПРИЗЫВАНИЕ РОЗ

Моя душа томится по тебе,
о, голубая сладостная роза!
Сойди к поникнувшей судьбе,
как звездный свет, как Mater Dolorosa...

Как ароматно льет мольбы
в небесном водоеме тубероза!
Как ждет из времени гоньбы
мадонна тихая – мимоза.

О, нежной смерти милая угроза!
О, сердца пылкая заноза!
Лети, моя хрустальная стрекоза,
сойди ко мне, о, голубая роза!

СЕРЕНАДА II ПРИЗЫВАНИЕ ЗВЕЗД

Сойди, голубая звезда!
Раскройся, сапфирная ночь! –
Чтоб вихрем огня превозмочь
и плены, и тлен, и года...

В лазурных полях тишины
летят голубые миры;
по звездным закатам игры
ниспадая в сапфир глубины.

По звездным закатам игры
в полях голубой тишины,
где смерть и дыхание равны –
в огнях полыхают миры.

Пади, голубая звезда!
Мой мрак отсеки и развеи,
чтоб в глуби твоей голубей
моя запылала звезда...

ДВОРИК В ЛЕНЭЕ

Как тихо здесь: лег виноград,
забытая открыта дверца в сад.

И бедная сосна, лишившись друга,
стоит среди листвой засыпанного круга.

Властитель золотой и страж, осыпался орех...
И по забору начался вороний скок и бег.

Хирам в раздумьи у калитки
считает паутины нитки

и ждет, когда ворона та или эта
начнет миракль для пленного поэта...

ИЗ КНИГИ «КАМЕННАЯ ЛИРА»

DE NOMINE ET VITA REGINAE

Фамилия Регины де Круа, вернее, «де Сент Круа», встречается в различных актах со времени Крестовых походов; фамилия рыцарская, связанная с Мальтийским орденом.

Два представителя этого рода особенно запомнились из рассказов матери Регины. Один из них связан с судьбой Агриппы Неттесгеймского (Maître Henry Cornelius dict Agrippa ab Nettesheim, 1486–1535). Это кардинал де Сент Круа. Он привлекает к себе Агриппу и берет с собою на вселенский собор в Пизу. Этим способствует расширению круга знакомств Агриппы и его известности в Италии.

Другой де Сент Круа, рыцарь Мальтийского ордена, упоминается уже в России, при воцарении императора Павла. Он был среди лиц, способствовавших укреплению на престоле Павла в противовес екатерининской партии, пытавшейся воспользоваться рескриптом Екатерины II, возводившим на престол любимого внука Александра помимо нелюбимого и отстраняемого сына.

Мать Регины, Астолену де Круа, мы видим в царствование Александра III.

Детство и молодые годы Регина провела в Царском и в Петербурге. Ей очень близко знакома петербургская литературная среда (Блок – Соловьев – Анненские – Черубина де Габриак – Максимилиан Волошин и редакция Аполлона). Часто она навещала Париж, подолгу гостила в Коктебеле. Ее любимые поэты: оба Соловьева, Иннок. Анненский, Максимилиан Волошин.

Регина скончалась в 1937 году.

Е. А.

Остров Орплид

Камнем ставший сон...

«Дымы лучей»

Столетий каменный хорал.

М. Лозинский

Хочу, чтоб расцвели все пышным жаром раны...

Сквозь пышный арум ран и ближе, и виднее
мои миражные, безвыходные страны.

Е. А.

Что ж мир? – Я всё ему простил

за хрупкие хрустальные раздумья...

Д. Щ.

MON VERSAILLES

А я иду владеть чудесным садом,
где шелест трав и восклицанья Муз!

А. Ахматова

В моем саду мерцают розы белые.

К. Б.

Вот колыхнулся вьявь тот сон крылатый,
и снова видится: скамья, поток
и мостик хрупкий и горбатый,
чтоб к сердцу подступил горячий ток.

Два шума движутся наперебой ко мне:
один – далекий, гневный, заглушенный,
другой – доверчиво журчащий, как во сне,
течет сквозь облак полусонный.

Пруды – на уровне дорожек и земли –
здесь внятно повторяют панорамы,
и, кажется, что небеса вдали
расставлены для изумрудной рамы.

Фонтанов здесь вскипает пыль,
легчайшая, серебряная пудра,
как радужный, разбрызганный ковыль,
клонящийся лениво и немудро.

Павлины так здесь горестно поют,
отрывно, на одной всё ноте,
а лебеди, как облака, плывут,
на черноте прудов и позолоте.

Здесь тихо к сердцу крадется покой.
Деревья клонятся в неведомом обете.
О, эта дымка над стальной водой!
О, золотой зигзаг на куполе мечети!

За мельницей – Эреб, забытая аллея,
без бликов, в полутемной чаше;
здесь, мрамором и плотию белея,
мне призраки являлись чаще.

В венце из лилий и вельвичий
чуть виден облик Таиах.
Вот в нимбе пепельном проходит Беатриче
и Расе, зрима лишь в снах.

Они скользят, пересыпая гравий,
зовут к далеким каффским берегам,
где ждет меня в ониксовой оправе
Максимильянов храм...

<1930> – июль 1935

ЗАТМЕННАЯ УЛЫБКА

И мед, и яд – слова очарованья.

Кассандра

И вижу, как сквозь млечный хор
Бредет душа по окоемам бездны.

Е. А.

Еще душа моя темна,
еще немые облака по ней проходят и грустят,
и не подьемлетса мой взгляд
на Зорь сменяемый наряд.

Еще не выпита до дна
горчайшая из всех услад...
По поступи твоей еще тоскует сад,
и наяву поющих снов разлился аромат.

Еще глаза не знают дна,
еще глаза твои летят,
как звездный свет, как блеск наяд...
Так мимо глаз моих твои глаза летят...

Еще душа моя темна,
еще немые облака по ней проходят и грустят...
И Музы волею пролиты мед и яд,
когда в бессонниц мутный ряд
мои глаза глядят.

Джудекка

* * *

И к сердцу призраки плывут издалека
«Бронзовый поэт...»

Ландыши воду пьют
жадно, забвенно, истленно.

Запахов горек уют.
Призраки снова плывут,
призраки сердца и плена.

Взгляды взлетали легко,
в звездные рушились ночи...
Близко ли ты, далеко?
Сердцем огонь высоко
поднят в зажженные очи!

Близок ли час мой, далек? –
Жадно сжимаю рукою –
(Помнишь ли Дантов намек?)
сердце мое – уголек
перед Айдесской тоскою.

Имя твоё пронесу,
имя твоё повторяю,
гари сквозь полосу,
смерти через косу...
Сжигая, стгорая, горю!

Июнь 1935
T<анезруф>t

ОСЕНЬ В ПАРКЕ

О, Черубины тень – светящая Агата!

Лучше этой мертвой
в свете нет живых!

К. С.

Парча и багрянец склоняются к реке.
Редуют горькие просветы вдальке.

И душу мне объемят тишина,
огромная, как страшная луна.

Она затмила все: и лето, и цветы,
и одеянье звезд, каким одета ты.

Шафран и золото склоняются к реке,
как горечь губ к угаснувшей руке.

Как тишина летит! Как багрянец поет!
И снова сноп лучей по озеру идет...

А я всё здесь еще, на гравии аллей
ищу твоих блистательных путей

и именем Твоим, безмерно чуждый миру,
я поднимаю каменную лиру.

* * *

Уж в пепл истлел пожар сердечных ран.

Петрарка

Сожжен я златокудрым Фебом...

Как Данте простираю руку
вослед ушедшему огню.
Под пеплом огненную муку
я всё еще храню...

С иссохшими и сжатыми губами
я заглушаю сердца стук...
Безумие даруется не нами,
а волею Сгибающего Лук!

О, Аполлон, губитель и целитель!
Сними с чела проклятия пятно,
и пусть в сожженную обитель
прольется благодати зерно!

Июнь 1935
T<анезруф>t

ЯВЛЕНИЕ АНТИЧНОСТИ

Симфония

И в оный час явлений и чудес...

Ф. Т.

Торжественно поют
фанфары Тьеполо и флейты Джиорджоне

М. Волошин

Как люблю тебя нынче, горе!

В. Б-ий

Я боюсь этих трубных торжественных разлучающих звуков...
Я боюсь близкого часа видений.

А день высок, блистателен и ярк.
В расцвете позолот и арок
грустит мелодия и плещется вода.
В высоком и молитвенном покое
застыли тополя...
И бездыханные, как привидения,
проходят облака.
Меняясь, расцветая, как купы роз
и бульденежей,
скрываясь за гранью затихающих звуков,
навек,
в прощальном полыханьи
уходят облака. —

Минута торжества и гибели,
испепеляющей сердце!

Тот же, что прежде,
плеск, блики
и пронзительная музыкальная тишина...
И вот, —
в фанфарах и трубных звуках,
в крылатых восклицаньях лебедей
раскрывается солнечная улыбка...

Она упадет на лицо твое, богиня,
божественное поруганное лицо...
Ты оживешь в тонкой плоти,
легко сойдешь с постамента.
Как белое облако,
в теневых священных аллеях
ты пройдешь по следам поэтов.
Будет светла твоя поступь,
будет откинут факел,
поющие поднимутся ресницы,
и руки
 приблизятся
 навстречу мне...

И в этот миг
от солнечной улыбки
закроются мои глаза...

Всё так же грустит парк,
всё так же,
расплываясь, сужаясь под ветром,
в медлительном танце –
на влажном сером песке –
движутся блики...
Отходят трубные звуки...
новая гряда облаков
готовится продлить путь...

Еще земными смотрю очами в небо,
как в розоватых полях
протянулось тонкое золотое волокно – путь,
которым невозвратно,
в блистающем непоправимом горе
к блаженным островам совершенного счастья
 прошла моя душа.

ПЕПЕЛЬНЫЙ БАЛ

...Тишайший снег...
Забвенье боли и забвенье нег...
за это жизнь отдать не мало.

А. А.

Среди миров, в мерцании светил
И. А.

Стану долго безрадостный
за тобою глядеть...

Ф. С.

И была вековая печаль
В нежном танце без музыки нежной.

И. А.

Вот снег идет... Как больно
коснуться налету мечты,
спустившейся на медленных крылах,
на жалкий срок
забывшей терпкий страх.

Еще больнее хоронить мечту
в снегах блистательных и тяжких
и быть отрезанным седоволосой ночью
от нежных рун,
от на лету звучащих солнц...

Окно передо мной... Измученный и пораженный,
я всё на снег смотрю:
летающий, шепчущий, изнеможенный...
И я готов кричать:
«Всем сердцем, пеплом лет,
всем содроганьем
слушайте торжественный
и нисходящий снег!»
В нем увертюра белая

и шествует, и тает, замирая
в божественных силенциальных звуках...

О снег!

О музыкальный спутник сердца,
куда твой лет?
Из страшной глубины, серой и свинцовой,
куда твой лет?

Я говорю, зову!

И сердце рядом в такт
так пепельно, так тленно бьется,
и кроткий снег зовет...

Смотри, смотри,
не твой ли путь здесь вьется,
не твой ли замирает лет?

Куда теперь лететь?

К ногам ли статуи надменной
с чадающим факелом в руках,
воспетой моим Белейшим Лебедем?

О, Сердце!

и тебе, быть может, предстоит
в кружении легчайшем
разбиться и истаять среди миров,
где блещут золотые звезды,
звуча, пленяя и слепя...

Куда ведешь меня

сквозь музыку молчанья,
в паденьи непрерывнейшем и сладком,
в восставшем и горящем пепле,
мой предреченный,
мой нежнейший снег!

АРСЕНИУ АЛЬВИНГУ

И бог-пчела язвит своим уколом.

Вяч. Великолепный

Пепельный снег за окном сердце уносит в полет.
Белые пчелы летят в вихре истленном и бурном...
Пчелы другие теперь ночью слетают ко мне:
древние пчелы богинь жалкое сердце сосут.

ИМЯ

Лиле

Дождь непроглядный идет, и небесные очи затмились...
Так и лицо твое призрачным стало теперь...
Имя осталось твое, имени звучный изгиб
в сердце пронзенном поет
вечным туманом морей,
вечным стenanьем ветров!

DE REGINAE CARMINIBUS

Вышеприведенные стихотворения извлечены из старинных сборников Регины де Круа с пометками, подчеркиваниями и, в одном случае, с предисловием скончавшейся Черубины де Габриак (Cherubina de Gabriack. Née 1887), чей гороскоп, составленный великим мастером Максимилианом Волошиным, помещен в «Аполлоне» (1909. <№ >2).

Эти книги стихов следующие:

1. «Крест и стрелы». Сны о Себастиане Нарбоннском. Танезруфт.
2. «Дымы лучей».
3. «Дальняя Морена». Тимиссао. С предисловием-надписью Черубины де Габриак.
4. «Обиды Расе». Роченсальм. С рецензирующими примечаниями Кассандры (Вера Меркурьева).
5. «Баллада камня и покрова». Рединг. Издание К.Я. Смирновой.
6. «Αλοξύσματα». Citta Dolente (Равенна).

Из этих старинных сборников и извлечены стихотворения, составившие книгу Βάρβιτον λίθινον. Джудекка.

*

Близкие даты, поставленные под некоторыми стихотворениями, свидетельствуют о том, что Регина де Круа переделывала свои произведения в последние годы. Несколько цитат к стихам Регина пожела-ла взять из стихотворных фрагментов Евгения Архиппова («Е. А.» и «Д. Щ.»).

*

Часто упоминаемое имя богини Расе говорит о давнем пристрастии Регины де Круа к богине Расе, стоящей на дороге от Эрмитажа к озеру. Это лучшее изваяние в Ц<арско>-с<ельском> парке, вызвавшее поклонение и посвящения поэтов: Иннокентия Анненского и гр. В. Комаровского («Первая пристань»).

Из статуй Расе обращает на себя внимание Génie de la Paix, принадлежащая Jacopo Sansovino. Богиня изображена с опущенным факелом в правой руке, с наклоненной головой, в полном длинном одеянии. Снимок – в книге «Venise» (Paris. 1904).

*

Меж золоченых бань и обелисков славы
есть Дева Белая, а вокруг густые травы.

Не тешит тирс ее, она не бьет в тимпан,
и беломраморный ее не любит Пан.

Одни туманы к ней холодные ласкались,
и раны черные от влажных губ остались.

«Расе». 1910. «К<ипарисовый> ларец».

И выбелены раны,
что накопили ей холодные туманы.

«La cruche cassée». 1913. «Первая пристань».

Атьян Зорэ. Киммерия.

АГАПНТОΙΣ

Здесь на земле мы все одни
и накануне вечной встречи.

Черубина

Как снов твоих хрустален караван!

Е. А.

I. БЕССОННИЦА

Максимилиану Волошину

И, как верблюд к назначенному краю,
проходит сон на розовый восток.

К. Лисс<керов>

Я не сплю и безрадостным взглядом вникаю
то в амурную лампу, что снова обрел Кочетков,
то в лик Гумилева, изменившийся к ночи,
то в каменный стол, переживший три лирных эпохи...

Но мысли мои далеко, близ Афинских холмов,
окаймляющих мирный залив древне-гулкого Понта...
Друг мой милый, разве мог я забыть
поцелуй гомеровских уст, на прощанье мне данный?
Данную мне благодать
на своих недостойных губах ощутил я...
И сейчас, в солнечных бликах, в голубом блистанье залива,
вижу твой лик у окна коктебельской машины,
уносящей меня в родимую Каффу.

Снова Понт, одинокий и горький, и корабль
мимо призраков-скал, мимо тайны Опука
увлекает меня от тебя,
от Поэта поэтов, от строителя храма,
от архонта и Друга уносит навек, навсегда.

Но теперь я и в горести счастлив:
я забьлся под утро,
в коктейльском хрустальнейшем сне
снова увидел тебя...

И раскрывши глаза, одаренный твоим поцелуем,
чудо узрел я на уровне ложа:
в огне голубом
в прозрачной ткани воды
голубеет мой Коктебель,
заповедной красы колыбель...

*Джудекка
Год Пушкина*

ВТОРОЕ СВИДАНИЕ

Пронизана лазурью золотистой.
Вл. С.

И целуя дольний прах,
отнесу я сказку людям
о царевне Таиах.
Максимилиан Волошин

Евгению

Разверзлись светозарные врата.
Последние стихают песнопенья...
Как голубое легкое цветенье,
вся милость неба в душу пролита.

Из алтаря к середине врат
Ты в нимбе облачном прошла.
На хорах ликовал небесный град,
и с горних высей пала мгла...

Ниспала пелена с бессмертного лица,
разлился пепел в золоте волос.
И вот по замыслу творца
к ногам нисходит ливень роз.

Глаза еще закрыты. Руки,
покорствуя одна другой,
как будто сердце стерегут от муки,
томительной пленяя белизной.

Овал был тонок, бледен, удлинен;
с мелодией нездешней приподнялись поющие ресницы...
Сквозь тонкий хлад, сквозь стон времен
пробился сноп связующей зарницы.

Твой голубой огонь я узнаю,
огонь таимого сгоранья: –
на розовом песке в раю
простерла ты ладони для лобзанья.

И вот в глазах самозабвенных
пью голубую пламенность Твою...
О, золото улыбок неистленных!
О, златотканый сон в Твоем краю!

«Сиянье божества!» Любимая звезда.
Как жду лазурного свиданья!
Как жду опламеняющего «да»,
жду, распростертый, призыванья!

А в храме тишина... Льет золото лампада,
и шелест полога затих у царских врат...
.....

С таким видением душа навеки рада,
навек низринуться и в смерть, и в ад.

СЕРЕНАДА III ПРИЗЫВАНИЕ МУЗЫ I

Смой гарь с его лица... Он жалок, нимфа!
(Слова Гермеса)

П.Н. Петровскому

И вот, когда, бессильная, ложится
на руки голова...
и жадная тоска не в силах с жизнью сжиться
и никнут все слова, –

явленье Музы Беатриче
горит у сердца моего...
Оно дороже всех величий,
светлее счастья самого!

И к ней всегда одно моление,
одна нежнейшая мольба,
чтоб нить ее благоволенья
сплелась со мною, как Судьба.

О, Муза! милая подруга,
сойди с надзвездного крыльца!
Сними оковы горестного круга,
«смой гарь с его лица!»

Год Пушкина

СЕРЕНАДА IV ПРИЗЫВАНИЕ МУЗЫ

Какое страшное вино!

.....

Смотри, оно впивает свет,
как сердца жертвенная рана...

М. Лозинский

Когда я пью златейшее вино,
я вижу образ Музы шестикрылой,
и в миг один что было, что не было,
совлекшись в плоти, падает на дно.

Когда я пью лазурное вино,
я слышу уст твоих затменные улыбки;
и нежная рука, как слитое одно,
качает надо мной пучин и неба зыбки.

О, Муза милая! Твой голубой хрусталь
пролей в Тобой отверженную душу,
чтобы небес жестокая эмаль
огнем простерлась на моря и сушу...

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СБОРНИКА «ΒΩΜΟΣ ΕΡΕΒΟΥΣ»

За мельницей Эреб, забытая аллея
без бликов, в полусонной чаще.

Там душа моя скитается,
где в горах раздвинулся Эреб...
*О последнем приюте М. М.
Е. А.*

Как будто в области Аида
темнеет путь передо мной...
Foeth...

ВС. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Благословляю вас, двадцатые года...
и девятнадцатый, двадцатый, первый...
В какой зигзаг тогда стянулись нервы!
Какая тяжкая сошла вода!
Казалось, кровь застыла навсегда...

Я разделил в лачуге мой приют
с дровами, книгами, Себастиана ликом...
И ночью в холоде великом
считал, как тягостно часы идут,
как скоро стрелы в сердце попадут.

Каким казались милым сновиденьем
частица хлеба с горстью винограда!
Сквозь боль душа была легка и рада
дышать Селены повеленьем,
Креста и Стрел напечатленьем...

БЕССОНИЦА 1-Я

Кл<од>е Арх<иннов>ой

Полночь в звездном плаще тихо порог перешла.
Я всё не сплю. Сердца ритмический вздох
пению сфер отдаю. Сердце горит и летит,
в яростном гуле времен, – к тайно любимой звезде...
Вот и Ленэйский день к ставням моим приник...

К красному ложу воззвав, стол перешел Хирам.

101-й год

КОНЕЦ ОСЕННЕЙ СКАЗКИ

Сегодня на небе тучи
и мысль ни жива, ни мертва...
Не к радости зоркой, летучей
на бумагу упали слова.

Легли и застыли осколки
фарфоровой лавы сердец,
как снег застывает колкий,
как падает с вестью гонец.

Слова эти были всё те же,
всё тот же гравия хруст,
но сердца удары реже,
но горесть коснулась уст.

Коснулась, а память не вынула,
и память о Расе грустит...
Осенняя сказка отхлынула,
и сердце в полете дрожит...

МОЛЕНИЕ К КИПАРИСУ

КОШМАР

О грустный кипарис!

Жан Мореас

Всё жду: кипарис надломится,
обдадут прохладой листы...
Вот-вот болезнь переломится,
иль – скоро вернешься ты...

Всё жду – пощадит ли солнце,
в бреду не растает ли разум...
А смерть приоткрыла оконце,
вертит назойливым глазом.

Забвенье здесь козам оставлено.
Усопший театр им не нужен.
Для них тишина расставлена,
вода в партере и ужин.

Одна уж спускается к тени,
расплавленным согнана жаром...
Несет от оркестровых млений
кипарисовым перегаром.

Всё жду: вот ветка обломится,
обдадут прохладой листы...
Когда же мой бред переломится?
Когда же вернешься ты?

ТОСКА ЛЕТЕЙСКОЙ ГРЕБЛИ

Отравлен хлеб и воздух выпит...

О.М.

Как труден этот сон,
нечистый, раздробленный;
весь этот жертвенный полон,
докучно обновленный.

Нет отдыха, душа болит без срока,
и даль Летейская пуста...
Ей не омыть себя средь звездного потока,
мне не смочить горчайшие уста.

На что мне мир, готовый раздробиться
и в прах стереться без следа!..
Моя тоска, невеста и царица,
уйдем! Здесь колок хлеб и так горька вода...

* * *

За дальним ликом Беатриче
летят безмолвные мечты.
Из трубных песен и величий,
как Ангел, выступаешь ты.

О, солнце сердца, Беатриче!
в пеплоподобных волнах кос
тебя на золоте вельвичий
живописал бесстрашный Босх...

Живи, злая Беатриче,
среди чарований и разлук!
На фоне горестных безличий
вяжи сладчайший узел мук!

АННЕ АХМАТОВОЙ

Musae Danteanae

В златобагряном сумраке азийском
стопою царственной коснулась Ты степей.
Мы зрим Тебя в хитоне византийском,
в венце смарагдовых лучей.

В огне и скорби, с пламенем молитв
Ты снизошла из бедственного Града,
чтобы в отгулах грома, в свисте битв
нам повторить страницы Ада.

За ратников Земли и Океана,
заступников полей и гор,
предстательствуй за весь земной простор,
о, Пророчицы скорбь, о Musa Danteana!
8-ой год

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ. ПОСЛАНИЯ. НАДПИСИ

ЛАНДЫШИ

О ландыши!
О лань души,
О Наль души!
И горечью, и звонкостью, и светом –
в затменном мире этом –
делись с отверженным поэтом!
1935

НА ПРОДАЖУ КНИГ БУКИНИСТУ

Д<авидоч>ке

Мудро ты поступил, книг убавив число.
Этим ближе ты стал к вечно любимым творцам!
Май 1935

АПОЕУΣΜΑΤΑ СЕМЬ ОБРАЩЕНИЙ К Е.А. ЮРЧЕНКО

1

Были Вы марочной моей королевной,
к капризам моим не гневной.
Но пременялся сердца строй –
и стали Вы моей сестрой!

2

УСОПШИЕ ОКОНЦА

Я чту усопшие оконца,
глядящие в Заветный Сад.
Всё так же в них играет солнце.
Но я смотрю уж через Сад
в твои усопшие оконца.

Ах, не сияло вовсе солнце,
и гром, и дождь сливались в ад,
когда *внутри* твои оконца
трех лиц замкнули долгий взгляд.
Тогда сияла лампа, а не солнце.

Пускай совсем угаснут солнца!
Хочу глядеть в любимый сад
опять из твоего оконца.
Под звук трубы я снова рад
опущенный увидеть взгляд
из сердцу милого оконца!

Хлебный, 1

3

НА БЕГСТВО КАТЕНЬКИ

Наверно, Вы уже в Москве
иль впрямь потерялись в дороге?
О Вас вздыхает Ме-Ве
на своем кронштадском пороге...

О Вас стосковался князь Мышь,
Мишель Слободской и другие.
Вот только б вернулись вы лишь, –
сплели бы мы узы тугие.

Нет, право, куда же пропасть
сумели так быстро и рьяно?

Иль это от Грина напасть?
И сердце Гринландией пьяно?
<1>937

4

В ОКНО ЛЕТЯЩЕМУ ПИСЬМУ

Всё жду еще, поклонник небылицы,
что вспыхнет жест, отрадный и немой,
и, как перо мимолетящей птицы,
кружась, опустится твое письмо.

Я знаю: там Москва, театры и певцы,
там музыкальный дым, звукокипящий плеск.
И загорятся вновь обид моих рубцы,
учуяв арф искрослепящий блеск...

Ты пишешь о поэтах и о книгах,
даря фрагменты книжной суеты,
(еще жива библиоманов лига!)
и в сердце у тебя еще горят цветы!

В твоем письме осколки быта Веры:
Черкизово, Динамовская, Старки...
И лиры А-товой воспламенились сферы.
как древних арф разогнутые арки.

Так разбираю я перо мимолетящей птицы
и жадно жду сплетения вестей
с Новодевичьего, из Старковской станицы,
как летом ждут любимых и гостей.

5

НА ПЕРЕХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ

Познавши строй всех музыкальных дум,
она в молчаньи слушает эпох угасших шум...

НА ВЕНЕРЕ
11 двестиший

«На Венере, ох, на Венере»
болтать можно в любой манере.

Вы написали о киоскере –
и тихонько в рай приоткрыли двери...

Вновь предо мною: свиданье в сквере,
легкая болтовня о всех, в частности, и о Вере,

о Зузунде, всеярольном звере,
Хирамунде, бродячей химере.

Не говорили только о Лере,
но журчал ручеек Годавери.

Воздух – прелесть каких-то прерий,
хотя листья синели, а вовсе не прели.

Музыкальные сферы Вас грели,
а в ушах раскозловские тренькали трели.

Тополя. Тишина в полной мере...
Вы тогда вышивали (не помню!) на канве иль на флере...

Вы учили почтению к Вере,
а я рвался, как пес, никакой не подвластный мере.

И теперь, вспоминая о летнем сквере,
всё хочу проводить Вас до Мулиной двери.

«На Венере, ах, на Венере»
болтать можно в любой манере.

НА ПРИБЫТИЕ КНИГ

Волшебница по уловленью книг!
 Ты сладкий мне даруешь миг, –
 когда несут в Линейскую volum'ы, –
 к тебе мои мечты, моления и думы!

Ты властвуешь над ближним киоскером,
 танцуют пред тобой завмаги-грумы...
 Волшебница! яви себя примером,
 чтоб исторгать дальнейшие volum'ы...
 <1>939

КЛ<ОДИНЬК>Е ГИПЕРБОРЕЙСКОЙ

Легко обо мне подумай!
 Легко обо мне забудь!

Марина

Вот шлю опять в твои снега
 печальный мой отчет.
 Давно нас размела пурга –
 Нас звездный хлад сведет!

Когда взметется мысль о дали, о снегах –
 поднимется тогда непоправимо
 не то чтоб страх,
 а хладный вихрь, несущий мимо.

Всё так же в городе моем,
 заметенном песками,
 глубок и чист небесный водоем,
 горит и жжет звездами.

«Настанет Ночь», – спешу во двор,
 чтоб вихри слушать звездны,

и вижу, как сквозь млечный хор
бредет душа по окоемам бездны...

Мне кажется, что только строй светил
хранит меня от пленного безумья.
Что ж мир? – я всё ему простил
за хрупкие кристаллины раздумья...

О, помяни меня в равнинах снежных,
глядясь всё в тот же звездный путь,
а я не знаю слов нежнее нежных:
«Легко подумай обо мне,
легко забудь!»

ΚΩΝΩΨ

*Конопсхольду
(Д.А. Тарноградскому)*

Твой стройный вид.
Пушкин

Люблю тебя, тончайшее творенье
совсем невидное, – почти виденье!

Твой мелодичный писк, твою трубу буренья!
Кровь для тебя – предел хотенья.

О реющий скелет, о складень паутины:
в воспоминании встают тугие ароматы тины.

Ты балетмейстер зла, струимого незримо.
Ты только алость взял и мчишься мимо.

Стеклянный твой балет в окне неподражаем,
прозрачный сквозь, в прозрачное рождаем.

Складной, изломанный, как Мейерхольд Григорьева:
не разобрать: где прыть, где хворь его!

Ты весь – расчет, и глазомер, и хладность!
В тебе даны изящество и кровожадность!

МОЯ ГЕОГРАФИЯ

9 ГОРОДОВ И 1 ЗАМОК

1. Тихо, как в благостной муфте,
в мрачном моем Танезруфте.
2. Нужно много муфт и тальм,
чтобы въехать в Роченсальм!
3. Но совсем не нужно муфт,
чтоб оставить Танезруфт.
4. В муфте снежной, в муфте белой
встал Казбек над Кунгахеллой.
5. Позади забыт Necropolis,
Лишь увидел я Петрополис.
6. А теперь у сердца – Мекка –
вся в цветах лазурная Джудекка.
7. Всех прекрасней ты, ты – несравненна,
моей мечты обугленной Равенна.
8. Вот Смальгольмский замок – пуст.
Там мороз роняет хруст...
9. И какая б ни настала эра,
отечеством мне будет Каллиэра.
10. В Коктебелевом Музее
жить куда бы мне милее.
Но Фортуна, ведьмы злее,
поселила на Ленэе.

К ГОДОВЩИНЕ «РАСЕ»

Г.Г. Федорову

На наших чтениях, в поздний час,
та Статуя, о друг, соединила нас.
Но и к тебе мы памятью горим,
Лаодамии лунный херувим...

Мой друг! ведь скоро год пробьет,
как в розах мрамор разогрет – и вот,
среди золотого огненного блеска,
как мрамор, блещет нежная Франческа.

Мой милый друг! Сквозь все тревоги,
о верь, не строги будут с нами боги,
не будет тяжесть жизни веска,
коль лик явила нам Франческа!

НАДПИСЬ НА КНИГЕ А.АХМАТОВОЙ, ПО ПОВОДУ ПОЛУЧЕНИЯ ТРИСТАНА

Г.Г. Ф<едоро>ву

Милый друг! знать и впрямь ты из славного Книжного Стана,
если отшельнику, мне, подарил ты безумца Тристана!

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ

Г.Г. Ф<едоро>ву

В сей милой книжке – благостный улов,
то – не Толстой: ни Алексей, ни Лев...
Сошлись под книжный этот кров:
Рождественский, Готье и Гумилев.

ЭПИГРАММА ПОДОРЕХОВАЯ

Воздух – лоз дух!
Не дышать им –
просто грех.
Но дышать им
находил он
множество помех...
И обруган «крокодилом»,
и разделан под орех –
с восклицанием: Эх-эх! –
он садился под орех...

ПРОСЛАВЛЕНИЕ КУКУРУЗЫ

<1>

НА ПЕРЕСЕЛЕНЬЕ ВО ВЛАДИКАВКАЗ

О Макс, Карадаг и Отузы!
Я в подлом плену кукурузы!

1932
Маршал

<2>

Висят гирлянды кукурузы,
позоря жалкое жильё,
а мне всё видятся Отузы,
у Макса светлое житьё!

1935

ПРОСЛАВЛЕНИЕ КУКУРУЗЫ

1

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ К. С ОГОРОДА

Когда гирляндой кукурузы
вновь озарилась жизнь моя, —
над смертью жалкой торжествую я:
да славятся святые Музы!

1945

2

Возвращаясь с базара, нагружен я снопом кочерузы.
Вот чем дарят теперь мои милые музы.

1946

3

ГИРЛЯНДА КУКУРУЗЫ ПЕРЕД ПОСТЕЛЬЮ

Я обречен смотреть на вас,
о связки грузной кукурузы,
и ждать, когда настанет час,
час возвращенья строгой Музы.

1945

ИЗ МАРЦИАЛА

<1>

Дрова, самовар, кипяток —
вот и жизни итог!

<2>

Кастрюли, тарелки и щепки, —
вот чем дни мои лепки!

<3>

Кувшин, и ведро, и горшки, –
вот оставшейся жизни вершки!

ТЮТЧЕВУ

Чуткие звезды глядят с высоты.

T.

1

Мой Тютчев, мой мудрец!
В системе русских бед
Твой светится венец
звездой ума блистательных побед.
И восхвалять мы призваны Твой звездный след, –
стихов «жемчужночуткий» свет,
о Судия судеб, Провидец и Поэт!
1945

2

О, толкователь страшных песен!
Ты древний Хаосов наследник.
Как мир тебе был пленно-тесен,
сновидец душ и духа исповедник!
1945

<3>

Мой друг! Ты истину пойми вот эту:
как нет конца Господня лета,
так и границ величия нету
Ф.И. Т<ютче>ва и Фета.
Декабрь 1946

* * *

Ветер – это безумный поэт. Над морем,
над лесом он любит слушать
только свой голос.

<1946>

* * *

Не закрывай плотно свою дверь для
всех заблуждений, тогда и
Правда <не> останется снаружи.

<1946>

ТЮТЧЕВУ

Пролетают, клубятся и меркнут
заревые, огромные тучи;
только в них найду себе мерку
Твое мерить величие, Тютчев!

Декабрь 1946

* * *

Омой свою душу Молчанием,
и вся пыль мертвых слов,
пыль повторяемости и пошлости
отпадет от тебя.

<1946>

НА ПРОДАЖУ КНИЖЕЧКИ НОВЕЛЛ О ПУШКИНЕ

И.М. Луценко

Поклонник Децима Авзония
и строгий читатель Лукиана,
какая тайная гармония
тебя влечет к «Пушкиниана»?
Прозрачный светлый стиль Тургенева
тебя пленил струею Касталийской.
И вот, в страну, где хлад и где Нева
стремит свой вал Летийской,
ты вносишь предвещанье
Музы эолийской.
Декабрь 1946

* * *

Перед Домом Сумасшедших
вспоминаю всех отшедших.
В этот длинный желтый дом
я самой судьбой влеком.
Декабрь 1946
Идя за хлебом

О ТЮТЧЕВЕ

Но всё, неизбежимо тая.
Тютчев

Собеседнику и сочувственнику

Ты Тютчева назвал вчера,
Ты процитировал любимейшие строки.
Как наши тают вечера,
Как близятся негаданные сроки!

Но в таяньи «неизбежимом» этом,
Пред тенью старческой склоняясь ниц,
мы будем верны Тютчевским заветам
и блеску Тютчевских зарниц.

3 января 1947

ТЕНЬ НА ПОТОЛКЕ

Черная кошка в короне
злобно глядит на меня...
На потолке, на троне
черная кошка в короне
подстерегает меня.

Черная кошка всё знает,
каждую прядь полусна.
И только тогда исчезает,
как утро прольется с окна.

Исчезай же, исчадьё, быстрее,
уноси корону и тень,
чтобы день золотился скорее,
богоравный, целительный день.

Январь 1947

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТРОКИ

*Меценату
(И. М. Л.)*

Опустил ты цитрус, благовонный и нежный,
в суму престарелого пария.
В сухость быта ты внес,
Меценат, тайный благостный жест.

ТРИ СТАРУШКИ И ЧУКЧА́

Три старушки по дорожке
скачут, вытянувши ножки.

А за ними Накарат,
их приличней во сто крат!

Вот является Чукча́,
в кухню он идет ворча:

Он бранится, как Зевес,
словно гром упал с небес.

Затыкаются все щели,
чтобы уши не терпели.

А на двор Евгений Ар
уж выносит самовар.

Апрель 1947

* * *

Вся философия проста:
неспешно пить из винного стакана,
не ведая Судьбы аркана,
в ночной таверне у моста.

Наперекор исчадьям Ада
любить Хайяма-мудреца,
не уклонявшего лица
пред пышной кистью винограда.

Июль <1>948

При Иване Антоновиче <Сокольникове>

* * *

Стал облик Твой
дороже во сто крат
заброшенному старOVERЦУ...
Как будто в древний и забытый храм
учитель наш и друг Хайям
внезапно распахнул нам дверцу.

Июнь <1>948

* * *

Иван Ан-чу <Сокольникову>

Что говорил, то повторю опять:
священный луг поэзии не скошен,
коль властны нас пленять и чаровать
Омар Хайям, Максимилиан Волошин.

Июнь 1948

ОСЕНЬ 1948 ГОДА

Томленье ожидания
тяжким камнем ложится на грудь.

Саади

Какой тяжелый, тяжкий ожиданья камень –
глухому, мне смотреть на доски ставень
и ждать, что вот они раскроются немного,
и мне во тьму, во двор означится дорога:
оглоблю вывернуть мне надо в темноте
и снова вспять брести по слякоти и черноте.

Ноябрь <1>948

* * *

Ивану Антоновичу Сокольникову

Не друг, не брат,
но стал Ты близок к сердцу.

* * *

Клавдии Лукьяновне Архиповой

Хлеб, увлажненный сахаром,
ты подала мне в постель.
Рук Твоих нежный изгиб,
милость проливший и свет,
вечно буду хвалить,
вечно молить за Тебя
благостных светлых богов,
верных защитников крова.
Ты пожелала продлить
сердца слабевшую нить.
Горестный жизненный путь
Ты озаряешь собой.

Ноябрь 1948

* * *

Какая тяжкая тревога:
глядеть сквозь уличную Тьму
и умолять Неведомого Бога
глухую расколоть Тюрьму,

дать радость слышимого звука,
дать ясно-звучную волну!
Забыть, что есть глухая мука,
забыть, за что себя клянчу!

Декабрь 1948

* * *

Клод<иньк>е

О счастье редкое! Сегодня – дома Ты:
и яркий свет пронзает комнаты,
и варится обед, и будет суп,
и вечер мой не будет светом скуп.
Не нужно мне смотреть в белесое окно
и в жуткой тьме следить ночей веретено.

1948

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

СКАЗКА БЕЗ СМЫСЛА И ЗНАЧЕНИЯ...

Моей маленькой сестре К<л>оде

Кругом простор...
Затишье дали
так сердце манит,
ласкает слух...
Нагорный Дух –
Король и Гном
мне взор туманит,
мне сердце ранит
волшебным сном.

Король и Гном
срывает ветви
пушистых верб,
пахучих трав,
цветы купав...
Вплетает герб
в корону лилий;
рог изобилий
дав для забав...

Он шепчет... манит,
он увлекает...
В могучей власти
твердит о счастье
лесных царей...
там, где ручей
гремит и тает
в немом безгласьи
священных пней...

Счастливым сном
Король и Гном
смежил мне очи.
Венцы и герб,
и ветви верб,
с покровом ночи
он снял опять...
Меня поднять
велел к вершинам,

к лесным теснинам
на ветвях сосен...
И долгим сроком
в гробу высоком
меня колышет,
мой сон ласкает,
внимает, слышит
Король и Гном
в краю глухом...

Necropolis
28-е февраля 1905

[ПАМЯТИ ВОССТАНИЯ ПРОТИВ САМОДЕРЖАВИЯ ТРУДЯЩИХСЯ МОСКВЫ. 1905 год]

Тяжелыми уступами
исчерчен небосвод,
наивными и глупыми
бегут громады вод...

Рассветные видения
упали в глубине,
и пляшет озлобление
в разорванном огне.

Тревоги, заграждения
дымятся и растут...

Не знаю, где спасение
от грохота минут?..

Все теми же уступами
изрытый небосвод,
и только!.. только трупами
обогащен народ!..

*17 дек<абря> 1905
Грузинская площадь*

НА ГРОБОВОЙ ПОКРОВ КНЯЗЯ СЕРГЕЯ ТРУБЕЦКОГО, ДЕМИУРГА МОЕЙ ДУШИ

Он уходил совсем печальный,
а я молил о светлых взорах,
хотел иметь залог венчальный...
Ты взял его, о, Изначальный!
И с ним померкнул блеск зеркальный
в небесных сферах и узорах.
Он отошел, как свет прощальный
моей тоски о звездных взорах!..

Декабрь 1905

ВЕЛИЧИЮ НЕЗАБВЕННОЙ ДУШИ КНЯЗЯ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ТРУБЕЦКОГО

Было тихо у светлой могилы,
проносили большие венки:
были близко нездешние силы
у гробницы разлуки-тоски:
занимали соседние плиты,
в темноте шелестели листвой,
и одним обаянием слиты,
затихали в печали одной.

Колебался огонь у гробницы,
застонала и вспыхнула речь.
Приближались от плит вереницы
у святыни затепленных свеч...
У святыни неожиданной могилы
Твоей тени я вверил тайник.
О, Учитель таинственной силы,
О, любимый, немеркнувший Лик!..
8 февраля 1906
Necropolis

ВЕЛИКОЙ ПАМЯТИ КНЯЗЯ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ТРУБЕЦКОГО

Всё желтей золотистые тени
расплывались на своде небес.
В светлом храме разбиты ступени...
Мир земного бездонно исчез...

Ты ушел... Опустели божницы,
Опрокинут миривший очаг...
«Красный смех» и обман Дьяволицы
распластались в кровавых ночах.

Как хотел уловить твои взоры!!
Как лелеял коснуться руки!..
Уносили рыдавшие хоры
саркофаг на могилу тоски...

Там почило величие свято;
тайны мысли и власть Мудреца...
О! Душа Твоей смертью распята,
предает Тебе дух до конца!..
3 сентября 1906
Владикавказ

* * *

*Что же? Зароют? Навеки прости?!
«Я чувствовал долженствующую Смерть»*

Был увит паутинною тиной
бледный остов уснувшей души...
Я стоял пред своею кончиной
у возгробия мертвой тиши.

У возгробия Горести властной,
у исхода последних шагов,
всё рассыплется в глыбе напрасной,
вся докучность мечтаний и слов...

Долголетняя жажда разгадки
распадется под глыбой земли,
будут стуки могильной лопатки
отвечать на пытанья твои.

Не ответ, – только ужас могильный
будет полнить последний приют,
тени ринутся в лаве всеильной
и закроют... «аминь» запоют.

*Necropolis
30 апреля 1906*

* * *

Сердце Твое мне хотелось узнать,
сердцем приветить печаль Твою бледную,
в песне раскрыть светозарность победную,
яркие сны от Тебя зажигать.

Радость моя на печали истратилась...
Знаю, что светлая жизнь не воротится,

только приветить Тебя еще хочется,
только желанность Твоя не изгладилась...

Август 1907

Владикавказ

* * *

Мне снилось счастье только раз
в разрывах гибели и страсти;
грозой рассвет развеял час...
Мне снилось счастье только раз, —
сменила свет магнитность глаз,
раскрыв провал истомной власти.
Мне снилось счастье только раз,
как стон напевно-вольной Страсти.

Владикавказ

Ноябрь 1908

ПРОЗА И МЕМУАРЫ

ВСТРЕЧА С ФЕТОМ¹

Сероватый московский день. Сентябрь. Я только что поступил в 3-ью, Мининскую, как тогда говорили, гимназию на Б. Лубянке, где латинский яз. начинался с 1-го класса². Мы ехали с отцом на Моховую, чтобы купить латинско-русский словарь. Проезжали мы по Б. Никитской на империале конки, где я особенно любил ездить. Мне нравилась езда наверху в тесных и людных московских улицах. И отец мой, Яков Максимович³, уступал мне в моих причудах. Мы подъезжали к Никитским воротам, где на углу была знаменитая кондитерская и кофейная Бартельса⁴. Проезжая мимо проезда Никитского бульвара, Яков Максимович обратил мое внимание на ряд экипажей, дожидавшихся прохождения конки. Впереди них стоял собственный экипаж с новой упряжью. Отец показал на важного человека с седой бородой и велел мне запомнить его лицо. Лицо и без того запомнилось крепко. Оно казалось нерусским, это было скорее лицо врача с равнодушным, почти презрительным взглядом, смотревшим на московскую сутолоку. «Это Фет – знаменитый поэт, известный императору и вел. кн. Константину. Когда будешь в старших классах, можешь взять из моей библиотеки его книги. Тогда поймешь, что это великий поэт Фет – податель света⁵». Я еще внимательнее взгляделся в Фета. Почти сплошь седая борода покрывала грудь, обращала внимание бледность лица, сжатые губы, несколько горбатый нос; довольно широко расставленные умные глаза источали утомленность и важность, как бы спокойно отстраняющую от себя.

Шел 1891 год. А в ноябре 1892 года Яков Максимович из «Московских ведомостей» читал мне выдержки о внезапной кончине А.А. Фета и отпевании в университетской церкви⁶.

Помню, что отец особенно ценил старинное издание «Лирического пантеона»⁷ и солдатенковское⁸ издание стихотворений Фета 1863 года. После смерти Якова Максимовича эти книги, к сожалению, не перешли ко мне, как не перешел и старинный уютный книжный шкаф, оставленный еще в Феодосии, после смерти матери. Взамен я приобрел новое (2-е) издание <А.> Ф. Маркса, в трех томах под ред. Б.В. Никольского, 1910 года⁹, – по которому и преподавал в специальном VIII классе Ольгинской гимназии¹⁰.

[НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИИ] ¹¹

Я родился в Москве (на 1-й Мещанской улице, близ Сухаревой башни, в д. Журавлева¹²) в 1880-м году 22 декабря.

Отец – Яков Максимович Архиппов – окончил высшее специальное заведение (какое – не помню), избрал для себя службу в почтовом ведомстве и умер начальником жел<езно>дорожного почтового отделения 1-го разряда в Тифлисе. Отчетливо помню знак об окончании специального уч<ебного> заведения, которому удивлялись товарищи отца по службе.

Подлинная фамилия отца – Щербинский. Эту же фамилию носил и дед Максим Архиппович Щербинский. Во время второго польского восстания¹³ дед переменял эту фамилию. Об этом же деду не один раз слышал я от отца, что он служил в военной службе простым солдатом (унтер-офиц<ером>), по месту службы жил в Кремле и был затоптан в яме... При каких обстоятельствах и за что – осталось неизвестным. Отец передавал, что дед был брошен в яму и затоптан своими же товарищами-солдатами.

Умер отец во Владикавказе, где поселился после отставки († 6 июля 1908 г.).

Мать: Агриппина Андреевна Струнская. Происходила из западного края (Виленской губернии). Фамилия: Струнская – по первому ее мужу: Марцеллию Струнскому. Девичьей фамилии матери – не помню. С детства помню какое-то влияние Польши и польского языка. Отчетливо помню польские рисунки пером для вышиваний, польские письма с заглавными картинками, бумаги, пожелтевшие снимки польских королей, запасное католическое причастие, хранившееся в особой шкатулке. И наряду с этим особенное почитание (у матери) Остробрамской иконы Божьей Матери¹⁴.

Почти все годы моего детства – мать неизлечимо больна сердцем¹⁵. Болезнь началась в Москве и продолжалась в Крыму, где мать и скончалась в 1893 году, 13 июля (в Феодосии).

Своим складом характера, господствующими настроениями и воспитанием религиозным обязан я в равной степени отцу и матери. На характере – в чрезвычайной степени отразилась постоянная, сопровождающая мое детство болезнь матери. И до начала ученья, и во время ученья в частной школе – большую часть дня я был при постели матери. Мне казалось менее естественным, когда мать (в редкие и счастли-

вые мгновенья) пробовала пройти часть комнаты от одной вещи к другой. Отец по делам службы часто уезжал (на 2–3 суток) в Харьков. И тогда я безраздельно сливался с той особенной атмосферой боли, выжиданий и новых мучений матери. Помню воздух в ее комнате: горький, подстерегающий, пропитанный страхом, томлениями перед рассветом и ожиданием. Помню худобу ее лица, вечную бледность губ, седые волосы в тридцать лет и внимательные, от болезни строгие, светло-коричневые глаза. Помню потом – я сам стал болеть, болел часто и серьезными болезнями: и своя болезнь (начинавшаяся всегда с какого-то опьянения и приятной слабости) – казалась состоянием привычным, родственным, почти единственно-возможным состоянием, уже нераздельно и крепко соединявшим меня с болезненным и томительным миром матери.

Болезнь матери, изолировав меня от внешнего мира, сделала обреченным на одиночество, отъединенным от людей, пугливым, всегда готовым затаить дыхание, подстерегающим самые тихие шелесты в комнатах. Болезнь – обращала меня в те частые часы, когда нельзя было говорить с матерью, вовнутрь, к самому себе, к маленьким и неокрепшим думам. Понятно, что в такой, насыщенной болезнью тишине и в пустынном детском одиночестве Имя Бога, часто произносимое с сердечностью, упованием и со слезами, стало для меня решающим, преодолевающим все и напечатленным навсегда Именем.

А когда приезжал отец – это был самый чистый и самый радостный праздник детства. Я страшно любил отца. Нравилось все в нем: форменное пальто, милое, драгоценное его лицо в фуражке; даже запах саквояжа, смешанный с запахом хлеба и со свежестью воздуха, – казался мне самым любимым, родным и привлекательным запахом... Я совсем не знаю, как пахнет земля, цветы, скошенная трава, пропитанная солнцем... Во все свое детство я знал только два цветка: желтенькие, те, что превращаются в одуванчики. Их видел и любил на откосах тротуаров или за решетками палисадников на Садовой улице. Еще помню розовые кашки, – для меня великий символ загородной жизни, бульваров и Сокольников... Если удавалось найти где-нибудь, около забытых ворот, прораставший подсолнух с двумя тугими лепесточками, – то это казалось большим чудом – и всегда хотелось перенести его домой и вырастить в особой баночке.

Вместе с отцом, когда он был в Москве, – ходил всегда к ранней обедне, в ближайшую церковь (из них помню – в особенности – церковь Большого Спаса в Спасском¹⁶). И эти ритмы церковных песнопений

ний из года в год звучали все тверже и полновочнее, безраздельно и торжественно появлялись в незаполненной боязливо-настороженной душе. И позже, – сквозь все учебные годы, сквозь университетскую жизнь – эти ритмы продолжали звучать уже неслышно, но действительно и тайнообразующе мою духовную жизнь. Особенно памятна простая, за ранней обедней, «Херувимская». Особым созидающим покоем, все разрешающим, преобразующим бедную тревогу в светлое устремление – особым забвением земного – подкрепляется и очищается даже теперь – больная и охолодевшая душа.

Эти ранние обедни до сих пор таинственно поют в моей душе. Зимой, далеко до рассвета, при огне отец будил меня к заутрене. Одевались тихо, чтобы не беспокоить мать, и шли по пустынным улицам, по снегу, еще никем не смятому, среди смутных домов. Помню, как необычность и утренний резкий мороз поселяли во мне невольную дрожь... Обедня, обыкновенно в приделе, начиналась еще в темноте, и рассветало только к «Херувимской». Стоял в церкви охотно, рядом с отцом, обыкновенно около амвона по правую сторону. Особым ритмом, покоем и умирением переполнялась душа.

Мне в таинстве была лишь музыка понятна.¹⁷

Отсюда моя любовь к церковной службе. Вместе с отцом, кот<ор>ый ревностно посещал церковь, – я не один раз побывал в старинных московских церквах, в монастырях (из которых как сейчас помню два: Алексеевский женский монастырь (под Москвою)¹⁸ и Сретенский мужской монастырь). Еще в детстве удалось видеть архиерейское и митрополичье богослужение. Музыка *самых высоких ритмов* в соединении со служением-действием уносила меня вдохновенно и эстетически в совершенный мир... Я следил за службой, как прикованный, отражая в своей душе и ритм поклонов, и хоровые сплетения звуков, то размеренные (архиерейское «Достойно есть») и подготовляющие к восхождению в Светлый Мир, то торжествующие, в сгущенных звуках знаменующие достижения высоких ступеней. Особенно запомнилось в душе *сочетание* глубоко-поясного (почти до земли) поклона, молитвенного и определяющего достигнутую грань смирения – с торжествующим воздействием от поклона, переходящим в благосл<ов>ение миру огнем и крестом (Благословение (первое) зажженными свечами у совершающего богослужение епископа).

Во время моих нескончаемых болезней я помню частое посещение часовни Пантелеймона на Никольской¹⁹ и церкви св. Антипия²⁰. Желание исцелиться и детская вера (вера ли? – может быть, окрыленность души, готовность приблизиться и прикоснуться к святине, как к матери...) – были так велики, что я подолгу дожидался очереди подойти под балдахин в стене, к ковчегу с мощами, с подлинной верой и с призыванием святой помощи пил ложкой освященное деревянное масло из четырехугольного металлического сосуда, прикрепленного к подсвечнику перед мощами... Помню, как с той же верой поздно вечером, в темных переулках, идущих от Мещанской (в направлении к вокзалам), я гнался за каретой Иоанна Кронштадтского²¹, решив упасть к его ногам и просить об исцелении матери (мне было лет 10, я еще не поступал в 3-ю гимназию). Но в темноте, обессилев на повороте, я упустил из виду, куда именно свернула карета.

В церкви Спаса во Спасском помню себя прислуживающим в церкви [так! – *Т. Н.*]. Помню тугой расшитый темно-малиновыми цветами стихарь, что надевали мальчики за всенощной. Помню высокий подсвечник с высокой, испещренной золотом свечой: эти схождения и расхождения у царских врат и в предшестве выносимого образа или Евангелия. Помню мое прислуживание во время торжественных богатых похорон, когда церковь уставлялась²² растениями с перевязанными флером стволами, а главный придел огораживался деревянной массивной решеткой и устилался черным сукном. Высокие свечи (казавшиеся гигантскими), расставленные группами около катафалка, приподнятого и наклоненного в сторону алтаря – внушали мне, в черном с большим крестом стихаре, – и страх, и замирание, и какое-то торжество. Сам гроб с богатым, отороченным²³ белым мехом покровом казался мне, среди всей декорации, – каким-то уютным вместилищем. В своих руках запомнил я различные блюда: сначала с венцом для усопшего, а потом с землею или с землею и с особым сосудом, где смешано красное вино и елей. Мне почему-то было очень жаль расшитый цветами прозрачный покров, по которому растекалось масло и вино... Запомнилась неподвижность служителей бюро, стоявших у четырех концов гроба в лакированных туфлях и чулках.

Вот почти все главные впечатления детства: болезни (мои и матери), страх смерти (за свою мать) и посещение церкви как отрада, как выход из болезненного мира.

Игрушки. Мало их запомнилось почему-то, но было их достаточно много. Среди них фарфоровые барашки, пастухи и фарфоровая па-

штушка. Безмерно радовался, когда, через много недель, их, пропавших и оплаканных, выгребли из-под гардероба или сундука. Был у меня переносный лоток с подстилкой, раздвигавшейся, с особыми весами: – и я с сестрой²⁴ играл в торговлю. Но больше всего любил коробочки из аптеки от лекарств. В это время помню себя в постели, просыпавшимся задолго до утра. Помню папины часы, – я тогда впервые с ними познакомился. Папа утром уходил в аптеку или в булочную (Севастьянова, на углу Сретенки и Сухаревой площади)²⁵. И вот в такие минуты, до окончательного рассвета, лучшие и ясные среди всей болезни минуты, – два занятия были для меня одинаково привлекательны: следить по белому циферблату, когда стрелки приблизятся к цифре возвращения папы, и рассматривать в утренних лучах аптекарские коробки на маленьком столике с белой скатертью около кровати. Это было самое приятное занятие, в которое можно было углубиться надолго: так нравились эти маленькие, чистые сооружения с занимательными крышками, изукрашенные разными повторяющимися изображениями; нравилась форма их: овальная, круглая, или продолговатая, с круглыми углами и золотой каемкой... И я следил, как с тройкой вместе я постепенно заворачивал за угол коробочки. Помню, как потом мои ранние пробуждения стали обычными и были (в силу внимания к моему нездоровью) легализованы. Обыкновенно я вставал в 3–4 утра. Зажигался свет, и я переходил (на руках папы) в соседнюю комнату... Там был уютный диван, на котором я и встречал рассвет. Для меня была всегда приготовлена каша, вкуснее которой я никогда не ел с тех пор: в особом котелке, очень крутая, с боков поджаренная манная каша. Она приносилась из потухшей печки и запах ее и сейчас говорит о самой вкусной, какой-то исключительной пище. Сочетание этой каши с разглядыванием старых тяжелых томов «Нивы», «Луча», «Газеты Гацтука»²⁶ в тишине и уютных шорохах непрошедшей ночи – до сих пор перед глазами. Как-то особенно мягко, сгущенно и уютно ночь обступала – диван, круглый стол перед ним и те картины, что выступали перед глазами со страниц журнала. И даже самые страшные из картин (Дон Жуан встречает собственные похороны²⁷) – не казались страшными... А за окном в каких-то крепких красноватых и румяных тонах начиналась зимняя московская заря... Дом понемногу терял свое замороженное, ночное обаяние: просыпалась сестра, готовила себе завтрак и собирала книги, чтобы пойти в школу.

Эти необыкновенные утра соединены в воспоминании и с первым моим литературным образованием: с чтением мне отцом сказок Пуш-

кина, «Генерала Топтыгина» и «Кому на Руси жить хорошо», и баллад Жуковского. Воображение (странным образом) охотнее всего следовало не за сказочными персонажами Пушкина, а за образом медведя в саях и епископа Гаттона в замке на острове (тем более, что услужливые иллюстраторы «Нивы» как раз запечатлели этот образ епископа с поднятой кверху рукой, сжимающей крысу)²⁸.

В связи с церковными воспоминаниями ясные в моей памяти и первые самостоятельные посещения церкви. Одно из них было в страстную субботу. Мы жили тогда в проезде (внешнем) Сретенского бульвара в гостинице «Венеция» (позже, студентом, я проходил мимо этого места, и там уже была вывеска: «Трансвааль»). Мама редко-редко со мной говорила. Это был какой-то мрачный поворот в ее болезни. По целым дням она не говорила, не принимала пищи и лежала, отвернувшись к стене. Был случай, когда мама три дня не поворачивалась к нам на своей постели, даже во время приезда папы. Мы ездили с папой на самые далекие окраины города. Провели в поездке весь день и вечер. И, вернувшись, застали маму в том же положении. Ничего нам не сказала и даже не повернулась. – Вот из этих номеров я и ходил в церковь Успения в Печатниках²⁹. Страстную субботу запомнил потому, что меня поразил вынос плащаницы в 5 часов утра и крестный ход вокруг церкви среди асфальтов и тесноты магазинов, в необычайной для меня просыпающейся уличной жизни. Вместе с этим шествием какая-то новая жизнь протекала надо мной, над московскими улицами, над жизнью «в номерах». Здесь же (в «номерах») и в ту же весну я (гимназистом 2-го класса³⁰) заболел скарлатиной. И так серьезно, что едва стала проходить болезнь, мы поехали в Крым. Маму все время переносили в кресле или на руках из вагона в вагон, а я следовал за Ней, изумленный переездом, слабый и бледный, как выходец из могилы.

В ту же весну познакомился с Трубной площадью. Дорога к Трубной площади шла прямо от дома по линии бульваров. «Трубу» я сразу мог отличить от Сухаревского базара, который поражал меня своими новыми и интересными запахами: свежего дерева, разных изделий, только что покрашенных красками, запахом сена, на котором расставлены глиняные горшки разнообразной формы. И смесь этих запахов с бодрыми крикливыми голосами сразу погружала меня в мир шумный, новый, что-то жизненно и бодро обещающий, из которого не хотелось выходить в обычную уличную бестолковую суету. – Осмысленность суеты с особой диссоциирующей, но приятной сферой криков нравилась мне и на «Трубе». Но там меня сразу останавливала и звала какими-то

совсем негородскими призывами птичьей пискотни. Помню, — я ничего не покупал на «Трубе», но было для меня каким-то резким и томительным удовольствием: ходить и прислушиваться, и уноситься мечтами, видя попку птиц чужими мальчиками и отпуск на волю тугих, разноцветных и торжествующих шаров. — Верба на Театральной площади казалась мне всегда какой-то особенно парадной по сравнению с «Трубой» и «Сухаревкой»: слишком много там хорошо одетых людей, и самые крики слишком пронзительны и часты в своих неистовых комических переключках.

Трубная площадь и жизнь в «номерах».

«Венеция» — это последнее, что помню о Москве. Дальше: Крым, Феодосия и кончина мамы.

Приехали в Феодосию летом. На время остановились в семье Фотиевых, а через неделю перешли на свою квартиру. По приезде мама прожила недолго, самое большее — месяц. Она больше не поднималась с постели, даже не сидела, помню, за несколько дней до смерти показала мне свои руки с темно-синими кругами на ногтях и сказала, что это ясный признак смерти. Вечером, перед ночью кончины, я гулял около дома, стоявшего на горке перед обрывом, за которым пролегалла улица. Помню, как я побил какого-то мальчугана. Приходили жаловаться отцу, и он уже наложил наказание: решив засадить меня на весь следующий день дома. С этим решением — я и заснул. Мама лежала, как всегда, и ни на что не жаловалась. А ночью Она умерла. Моя постель стояла в небольшой комнате вместе с маминной, у стены, параллельно Ее постели. Я ничего решительно не слышал и ничего не знал. Утром долго не просыпался. Папа разбудил меня: «Геня, вставай, голубчик. Мама умерла». Помнится, я не заплакал, а долго-долго дрожал, одеваясь. Постель напротив меня была опрарвлена и пуста. «Значит, вынесли Ее в ту комнату», — подумал, не заглядывая в дверь. Я оделся и вошел в большую комнату. Наискось, перед тем углом, где стоял книжный шкаф, — на столе лежала мама. В платье (капоте), сшитом и приготовленном Ею Самой. Она давно уже говорила мне про это платье. Она была очень худа, со спокойным лицом, и прибранными назад седыми волосами (Ей было 39 лет). — Как умерла? — слышал только со слов прислуги. Папа ничего не говорил. Среди ночи, около 12-ти часов, Она почувствовала себя хуже и затревожилась. Папы не было дома. Поезд приходил (или уходил) ночью, и папа должен был присутствовать (как начальник отделения) при приеме почты. Пришел Он только к самому концу, застав Ее еще в живых. Как они простились — не

знаю. – Помню, я боялся стать близко около стола, на котором лежала мама, и отказался читать псалтырь, когда папа уговаривал меня при монахине почитать по маме. К вечеру Она была уже в гробу. Ни единого цветка не помню – около Ее гроба. А я не захотел вечером и ночью остаться даже в соседней комнате, ушел к прислуге, где и задремал. Папа, как мне казалось, был очень тверд. Днем, когда я выходил во двор, я видел папу, прислонившегося головой к закрытым воротам. Не смел подойти к Нему, инстинктивно боясь, что Он не захочет моего сочувствия. – На вторую ночь мама была перенесена в церковь на кладбище. Похороны были после обедни. Ни обедни, ни отпевания не помню. Помню земной поклон и прикосновение к холодным косточкам руки. Во время выноса в дверях церкви, идя вместе с отцом, помню Ее седую голову близко-близко от себя. Это – последнее. Затем Ее опустили.

Могила теперь, конечно, исчезла. Я помню ее неуклюжей и громадной. Дождей было мало, и она плохо опускалась. Ничем не была украшена. Приблизительным крестом лежали на ней средней величины камни. – Кажется, положил я. На могилу чаще всего прибегал я один, через поле, мимо огороженной татарской могилы, на которой развевался зеленый флаг. Мамина могила находилась на линии, идущей от церковной паперты к горам, но не прямо, а саженой на 25 вправо, на пересечении трех тропинок. Нравилось сидеть около могилы. А прощаясь, я всегда серьезно молился, как мог. Нравились одинокая тишина, солнце и примятые запахи высоких трав.

Когда уезжали в Петровск Дагестанский³¹, папа уговорился с одной семьей (с матерью и отцом прислуги, бывшей при маме) о постановке деревянного креста. Но вряд ли это осуществилось...

ГИПСОВАЯ МАСКА³²

Черубине де Габриак

Я в мысль глухую о себе
Ложусь, как в гипсовую маску.

Б. П.

Моей мечты
бесследно минет день.

*И. А.*³³

Детство все пронизано религиозными мотивами. Часто помню себя в ранний час в пустынной церкви Спаса во Спасском (в Москве), около амвона, вместе с отцом. Изю дня в день. За цветным стеклом радостное утро в звуковых лучах Херувимской. Мотив этот неотступно со мной, высокий, успокаивающий, как тающие в небе облака.

Зимние морозные утра. Торопливо, еще не остывший от сна, по нерасчищенному снегу, среди спящих домов иду вместе с отцом к Алексеевскому монастырю... Помню монашеские покои. Две монахини растирают сукном мои окоченевшие руки, так ласково, как не могла уже этого сделать мама (все это время прикованная к постели). И слезы проходят, когда слышу над собой властный и нежный голос: «Это хорошо, что ты ходишь, красоту нашей службы видишь. Вырастешь, – может, и сан примешь...»

А ритм литургии вливается в душу: ритм песнопений, движений и выходов. Два круга движений укачивают и уносят душу: золотой – в алтаре, и черный круг хоров, сходящихся и расходящихся на середине церкви.

Еще в детстве видел близко над собой смерть, когда обвалились стропила большого дома и скрестившиеся доски с грудой кирпича похоронили меня. Мы жили тогда около Сухаревой башни, и я проходил мимо двухэтажной возводившейся постройки вовнутрь двора. Помню страшное задыхание и неподвижность рта, забитого известкой и кирпичом.

Все детство, все те немногие моменты, когда я не болел, прошли в Ботаническом саду. Я любил там каждую дорожку, древние деревья над прудом и нежных лебедей. Беспечная, беспечальная блаженная жизнь в красоте – ни с чем не соединяется у меня, как только с этим садом и с образом девочки во мне, – это я сам – так одевали меня до поступления в 1-й класс.

Особенно любил старую часовню в Сухаревой башне, обращенную к Сретенке, такую тихую, со строгими образами, затерянную среди торжища³⁴. Так сердце горело (еще маленькое и чистое) припасть лбом к холодным плитам и с верою глядеть в мрак иконы.

Всю жизнь до 16 лет переходил из рук в руки от одной болезни к другой все на больший и больший срок. Воспитан и вынянчен недугом и в обстановке недуга матери. И полюбил около себя на столике часы, по которым томительно ждал приближения утра и прихода из церкви отца, да еще любил аптекарские коробки с картинками от лекарств, во множестве скоплавшиеся около меня. После одной из болезней несколько месяцев был глухим: меня окружили толстые тетради, исписанные любимым почерком отца.

Просыпаться среди ночи, в силу болезненности, стало моим законом. Это – час беседы с отцом и погружения в нескончаемые иллюстрации, пока румяная московская заря не заливала окна.

Мать только мимолетно помню в тогдашнем старомодном платье, высокую, бледную, с какой-то родной и близкой печалью. Почти всегда вспоминаю ее больной, еще молодой, около 30 лет, но совершенно седой. Около нее, до 13 лет, проходила моя жизнь. При отъезде в Крым, ее вынесли в кресле, на руках переносили из вагона в вагон. Я следил за ней с сестрой жалостливо, совсем не думал, что это моя мама, – а любимая сестра, истонченная и будто уменьшенная болезнью. Ее переносили как ребенка, полузакрытою в одеяле.

Рос один. Капризным, странным, с истонченным и просвечивающим лицом в обширной московской квартире из 6 комнат. Старшая (неродная) сестра училась в закрытом пансионе.

Из игрушек любил маленькие хрустальные шары с разными цветами в середине.

Религиозность росла; с верою в исцеление уже сам посещал в Москве часовню Пантелеймона. И лучшие мои мечты пронизаны ладаном и тем особенным запахом церкви, в котором слились аромат ели, тайна, сладость приобщения и полеты и горечь болезни.

Горькая потеря в детстве – это игрушки, которые я уронил, заснув на руках у отца в экипаже. Среди них был маленький Пьеро с тонким личиком и печальной улыбкой. Но от потери игрушки стали еще волшебнее. И, помню, меня беспокоило то, что я уронил их в снег, ночью, а они ведь были живые.

Лето проходило в подмосковном селе Останкине, где подолгу сидел на краю озера, в надежде увидеть сквозь воду подводный Китеж, – погружившуюся в озеро церковь. Останкино оставило след небесной голубизны, зовущей и обещающей до страшной сердечной боли. Отсюда мои ожидания, настойчивые и мучительные, с которыми борюсь, потому что знаю, что обманут.

Мама умерла в Феодосии. Я мирно спал в одной комнате с нею, почти рядом. Ни звука, ни вздоха, ни тревоги, ни суеты. Меня не разбудили и тогда, когда перенесли ее на стол. Эта смерть – момент радостной близости в горе с отцом, всегда очень любящим и непобедимо замкнутым. Близко, за руку, тесно мы шли за ее гробом, за ее милой, седой головою.

Ужасны были ее летаргические забытья еще в Москве. Мы жили уже в гостинице. Сон длился двое и более суток. Я все боялся приблизиться к ее постели. Тогда отец брал меня с собой, и мы ездили по окраинам Москвы в санях, в глухую зиму. Возвращались, и снова темный грозящий сон повисал надо мною.

Московскую зиму люблю именно такую, с нарощим снегом, с какими-то близкими и притушенными звуками.

Ни в Московской гимназии, ни в Крыму товарищей не имел и не искал, много перенес насмешек и обид, не щадивших ни моей болезненности, ни той стороны души, которая в эти годы стала просвечивать во мне как женственность.

Первое ощущение любви, как страшной и пречистой тайны, узнал в 14 лет на Кавказе, где был пленен девочкой еще моложе меня, властной, с обаятельным овалом и уводящими за собой глазами.³⁵

Я не знал студенческой жизни, как не знал студенческой нужды. Весь был поглощен водоворотом новой жизни. Три течения скрестились надо мной. Это был 1900-й год и другие до 1904-го. 1.) Страстная, обворожившая меня, украсившая каждое мгновение моей жизни любовь к Василию Осиповичу Ключевскому. Я готов был охранить каждый его шаг, целовать складки его одежды. – И я никогда не говорил с Ним. Только молился, любил и следил глазами. 2.) Властное, неотразимое влияние триады: Вл. Соловьев – кн. С. Трубецкой – Л.М. Лопатин³⁶. Почти сразу, как венец, они сковали мое миропонимание, – и навсегда. 3.) И в то же время, как к где-то слышанным волнам, я прислушивался к вступительной кантате Символизма, следил полет первых феерических ракет «Скорпиона»³⁷ – в нежном и нездешнем пении «Стихов о Прекрасной Даме».

Румянцевская библиотека и Кремль – две мои резиденции в Москве до 1903 года. По людным улицам всегда проходил с брезгливостью. Больше любил окраины. 6 лет прожил около Пресненских прудов в общежитии императора Николая II³⁸. Свою высокую и чистую

жизнь там, в прекрасной обстановке, люблю до сих пор. Вижу ее во сне и во сне верю, что я еще не ушел в жизнь.

Дорогие на всю жизнь встречи протекли там, на отлогом берегу заброшенного пруда (в соседнем владении). Теперь – это какие-то ступени блаженной лестницы Чурляниса (– от озера к небесам); на них я встречал кн. Андрея Звенигородского, Владимира Эрна, Павла Флоренского³⁹.

Вл. Ф. Эрн, кн. Андрей знали о моем одиноком и омраченном сердце, быть может, больше, чем я сам.

Владимир Францевич Эрн сообщил некоторый славянофильский уклон моим чаяниям. Я никогда не любил наших западников с их дистиллированной, обесцвеченной мыслью. Мне близки работы и замыслы и остальных трех мыслителей из «Пути», оставшихся в живых: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и Г.А. Рачинского⁴⁰.

Я хотел бы, чтобы битва между *ratio* Запада и *lóγos* Востока⁴¹, которую провидел Вл. Эрн, разразилась ярче и ближе к нашему времени.

Люблю воинственную книгу Вл. Эрна: «Борьбу за Логос»⁴², и знаю, что мы не готовы к окончательной и достойной борьбе. И неготовность – в нашей вере, в нашей Церкви и руководителях Церкви.

Подготовиться к борьбе за *lóγos* можно только через укрепление Церкви и национальное очищение ото всего, что заслоняет и отравляет проявление национально-религиозных устремлений.

Никто не хочет ждать возмужалости нашего духа веры. Все торопятся до времени опорочить русскую душу. Всем дано было расти до полного цветения, а нам суждено пробиваться со времени татарщины сквозь ядовитую чашу леса паразитических растений. Успеют ли раскрыться для мира неопороченные священные чаши нашего тайного цветка?

Литературные веяния сменяли друг друга приблизительно в таком порядке.

В детстве безраздельно: Жуковский. Любимая книга: Кот Мурлыка «Сказки» (Вагнер)⁴³. Потом – Гофман и, на краткий срок, Жюль-Верн.

Студенческие годы: Тютчев, Фет и Вл. Соловьев. И рядом с ними: Бодлэр, Верлен и Эдгар По. Равными русской триаде я их никогда не считал. Тютчев и Фет – без конца любимые и навсегда со мною. Не всегда – Вл. Соловьев-лирик, но всегда – мыслитель и мистик. Эдгар По еще и сейчас тайно и внезапными периодами завладевает мною.

Из иллюстраций, любимых в детстве, запомнил иллюстрации к «Теону и Эсхину»⁴⁴ и «Дон Жуан встречается свои похороны».

После великой триады следуют Ростопчина, (через Андрея) Мирра, и только позднее Каролина (со времени «Северных цветов»)⁴⁵. Почти одновременно с ней: Баратынский.

Бальмонта очень любил и не люблю теперь. Никогда не любил и не люблю Брюсова. Люблю Блока⁴⁶. Из книг его: вечная и великая: «Стихи о Прекрасной Даме». Выход его след<ую>щих книг никогда не мог для меня заслонить его первой и величайшей книги (впоследствии такой же взгляд встретил только у Пяста⁴⁷).

Андрея Белого особенно полюбил тогда, когда стала цвести и раскрываться в нем воскрешенная Эрном тема: Восток и Запад. Люблю прозу «Голубя» и «Петербурга»⁴⁸. Намеренно в полном одиночестве целый месяц читал «Серебряного голубя». Лелею мысль вторично и без перерыва читать «Петербург».

Не любил раньше – только восхищался – а теперь через Кассандру⁴⁹ и Эрна – люблю Вячеслава Иванова, пытающегося уврачевать вражду Востока и Запада созданием синтеза эллинизма и христианства.

Думаю, что отошел навсегда от Гиппиус, Ф. Сологуба и Мережковского.

Волошина очень ценю и, может быть, буду любить. Пока люблю только Корону и Книгу «Демонов»⁵⁰.

Ахматову продолжаю ценить, слежу за ней, как раньше. Еще не отвожу глаз, но уже не могу сказать: люблю.

Владеет мною, как всегда и навеки, – Он один: Иннокентий Федорович⁵¹.

В 1920 году воскресло вновь мое пристрастие – после 1910 г. – к лирике Черубины де Габриак. Имя ее произношу сейчас же после Иннокентия Анненского. Дорожу всеми ее стихами и личным вниманием ко мне. Рад, что рассказал о моем понимании Ее лирики в статье⁵². И знаю, что тонус моей статьи почти никем не будет принят. Печать влияний этого поэта на мне глубока и неизгладима.

Очень люблю стихи Кассандры и, вероятно, дальше буду любить еще крепче. Но имя ее пока тесно связано с Вяч. Ивановым⁵³.

Значительная часть моей жизни (1906–1915) прошла во Владикавказе, где был окружен исключительным, неповторимым вниманием. Более прекрасных людей не встречал: Елисавета Васильевна Цингер⁵⁴, Анна Гавриловна Пономарева⁵⁵ и Кассандра. Первая умерла в 1912 году, и я не знаю, живы ли другие. Имена всех трех для меня священны. Но обо мне они знали больше, чем я сам. С тех пор отвращаюсь от людей, – так высоко величие этой встречи, так святотатственно не нужны обыкновенные сближения с людьми.

Наиболее важными моментами жизни считаю три прощания: у гроба С.Н. Трубецкого в университетской церкви⁵⁶; прощание с отцом, оказавшееся последним, за несколько часов до его смерти; известие о кончине Иннокентия Федоровича.

В числе исключительных событий считаю свидание с К. Бальмонтом в 1904 г. в Москве; видение-призыв Владимира Соловьева летом 1910 г.⁵⁷; принятие благословения от А.М. Хмелькова⁵⁸; близость к античности, остро пережитую (вторично) в период чтения лекций по античной трагедии в студии В.Э. Мейерхольда⁵⁹; заочное общение, без личного знакомства, с Д.С. Усовым и Черубиной де Габриак⁶⁰. Первая близость к античности (в студенческие годы) совпадает со службой моей в Моск. Худож. театре (статистом) в период постановки Юлия Цезаря⁶¹.

Нельзя забыть моих увлечений О. Уайльдом и Гюисмансом⁶². Скит Гюисманса, несколько душный, до сих пор еще казался мне привлекательным. Мне казалось, именно через этот скит я прошел бы, если бы мог создавать свою жизнь.

Мои капризы (если сведения о них говорят), вернее, причуды: не терплю обычного порядка дня; люблю ночь, превращенную в день; по много дней не хотел бы отходить от книг, сидя около них, даже не занимаясь, а погружаясь в тонкое и чародейное забытьё; люблю рядить любимые книги в ткани; бываю очень огорчен, на целый день, когда чужие люди прикасаются к моим книгам; нет ничего ужаснее, чем следы прикосновения человека (читателя! – о ужас!) к книге, – это больнее, чем поругание ребенка или цветка; из цветов люблю сирень, и туберозы (Его цветы!⁶³), и каприфоли; собирал венки сонетов и все намеки и известия об Атлантиде; все еще – вероятно, ненужно, – но и неодолимо влекусь к «масонству», великим инициациям и тайным посвящениям; очень тягочусь, что так много людей на свете, и таких мерзостных и пошлых. Хотел бы посетить Париж и катакомбы. Хотел бы надолго и безраздельно погрузить свое я в музыку Вагнера, Листа и...

Скрябина. А больше всего люблю голубое небо с беспечальным таянием облаков и церковный далекий скифский звон. (Звоны, возьмите меня!)

Книги держат меня в плену. Все хочу со многими расстаться. Последнее время охотно дарю. Но разорвать то, что их соединило именно в таком собрании, – мою единую заботу – так больно. Как уйдешь от такой книги, на которой прощание: Свою любимую последнюю своему любимому последнему. Поэтому на полках живет еще античность рядом с символистами и русская история рядом с Уайльдом, Нервалем и Лафоргом...⁶⁴ И до сих пор еще люблю, когда дарят мне, в одежках, книги, но только те, что уже раньше любил.

Из близких нам художников люблю трех: Бердслея, Мусатова и Чурляниса. Бердслей для меня – траур и высокая соната линии; Мусатов – хрустальная, уже оторвавшаяся от земли Печаль; Чурлянис – так же глубоко, как Тютчев, ушедший в Душу Мира, изобретатель лучей, при которых прозрачна пучина и легки, как тонкий занавес, тяжкие геологические пласты.

Еще два раза была близка мне смерть. В поезде, ночью (между Владикавказом и Петровском) упал между вагонов; полуповисши на цепях и полукачаясь без сознания, ехал долгое время, пока обход не услышал мои стоны. Я был еще в 7-м классе гимназии. И память об этом путешествии – рассеченная грудь. – Второй раз, во время баррикад 1905 года, – бежал из Пресненского участка к Кудрину, мимо церкви Покрова⁶⁵. А сотня пьяных казаков, громивших Пресню, стреляла по мне.

Мои сны очень часто бывают отравлены явлением мертвых, мучительно хотящих умереть, но не могущих и не умеющих. Белые и массивные тени подходят к громадным окнам в мою комнату и, заглянув, с мертвым взглядом падают навзничь. А гул падения разрывает мне сердце.

В закатах, коллекцию которых в памяти я собирал долго, люблю, когда голубое небо, сжатое багрянницей облаков, открывает в чрезвычайном отдалении, узкую, тонкую и древнезеленую полосу в страну блаженства. Там угасают мои надежды и там Он, мой любимый, видел «дымы лучей»⁶⁶.

ЗОЛОТАЯ МАСКА⁶⁷

АВТОБИОГРАФИЯ

Детство в Москве, около Сухаревой башни. Памятен дом Журавлева. Каменный флигель во дворе. Здесь в детстве был засыпан обрушившимися лесами, балками, кирпичом. С большим трудом возвращен к жизни. Запах кирпича и извести стал трагическим и тревожным. Игрушки: Арлекин, стеклянные шарики с цветами, аптекарские коробки с картинками.

Первая трагедия: Арлекин выпал из сонных рук в глубокий желтый московский снег, вечером, когда возвращались в экипаже домой.

Зимой – волшебные московские зори. Вставание в 3–4 часа. Сна нет. Болезни. Обычай следить за расцветанием Зорь. До рассвета – чтение отцом Жуковского и Некрасова. Запомнились: «Смальгольмский барон»⁶⁸ и «Кому на Руси жить...».

Летом – Ботанический сад (на 1-й Мещанской). Пруд и первое видение лебедей – мое пристрастие. Полубеседка на берегу: мама, отец и старшая сестра. Останкино: пруд и Китеж.

В Сухаревой башне всегда посещал часовню, направо от ворот, обращенную к Сретенке. Шум торжища, потрескивание свечей и тишина черных ликов. Холод чугунных плит. Представление о святине. Первое доверчивое целование, отданное мраку икон...

Всю Сретенку вижу, как живую: тесную, торговую, с неожиданно вкрапленными церквями и Сретенским монастырем. Мимо него – каждый день – в 3-ью Московскую гимназию (в доме Минина и Пожарского). Градусник у магазина Трындына⁶⁹.

В доме Журавлева – начало сердечной болезни матери⁷⁰. При резких припадках меня уносили из комнат матери. Я – в объятиях доброго немца, на коленях. Чтоб отвлечь меня, он зажигает в блюдечке спирт, и я прирастаю к синему пламени-призраку. Запах зажженного спирта. Синий, призрачный свет стал любимым.

Обычный сон в зрелые года – дорога к Пантелеймону⁷¹ (Сретенка, Лубянка, Никольская), куда в детстве ходил один, моля об исцелении от бесконечно мучивших меня болезней. Свет бесчисленных свечей в часовне перед ковчегом. Запах ароматного масла.

Второй узел воспоминаний о детстве (9-ти лет): дом Юшина на той же улице, ближе к церкви Адриана и Наталии⁷². Там – сильнейшее развитие болезни матери. Соборование. Я больше остаюсь вне дома.

Почему-то меня часто берут с собой соседи на кладбище. В доме жутко. Горький запах миндаля. В ушах стоит протяжный тяжкий крик матери от сведенной ноги. В памяти: седая голова, болезненно поблекшее лицо, нога в лубке и рядом – сумасшедший сосед, читающий над ней воскресный листок. Как-то вечером, помню, бежал по Докучаеву переулку за каретой Иоанна Кронштадтского в надежде, что он придет исцелить мать.

Начались скитания по Москве. Посещение аптеки Феррейна⁷³. Там часами простаивал перед большим и полутемным аквариумом. Кремль, любимое место – перед Вознесенским монастырем⁷⁴. Александровский сад. Арбат. Неопалимовский переулок. Церковь Купины⁷⁵. Антипьевский переулок. Трифоновская больница и церковь⁷⁶. Посещение игрушечных магазинов. Особый, ни с чем не сравнимый восхитительный запах игрушек.

3-ий узел. Двор церкви Спаса во Спасском, Спасский переулок. Домниковская улица⁷⁷. Ранние московские сумерки зимой. Вместе с отцом расчищал дорожку к беседке в запущенном саду. Прислужничество в церкви. Влюбленность в ритуал. Любимые часы богослужения на Страстной в окружении ломкого льда и медленных чародейных подступов весны. Свечи с флером. Траур. Парча. Необыкновенный запах горечи и тайны. Запах воска и ели. Отец читал больной матери «Ундину» и «Сон» Тургенева⁷⁸, особенно казавшийся страшным. Отец обратил мое внимание на Фета, проходившего по Плющихе.

Начиная с Домниковской улицы – скитания по гостиницам. Прикован к больной матери. Отец в отъезде. Вид из окон – какие-то мучные лавки. Желтый снег в узкой улице. Посещения Алексеевского монастыря. На попечении монахинь. Хоры, сливающиеся посреди церкви. Прекрасные нестеровские лица у монахинь, отогревавших мне руки. Самая высокая радость – еженедельный приезд отца из Харькова. Запах его саквояжа, его одежды, его строгих рук. Мое благоговение перед отцом. Любимая сказка: «Мила и Нолли»⁷⁹.

Гостиница «Венеция» в проезде Сретенского бульвара. Райские яблоки в саду. Мансарда художника. Копия с картины «Боярыня Морозова». Радость – ходить с отцом в кофейню Филиппова на Мясницкой⁸⁰, покупать летучие шары. Утром – всегда тяжелое впечатление от агонии шара. Скарлатина. Глухота. Операции. Накануне последней операции ранним утром убегаю к Успению в Печатниках, к страстной утрени (в субботу) и погребению⁸¹. Тяжкий блеск инструментов на операции. Любимая книга – тетради отца с записями мне – глухо-

му. Летаргический сон матери. Отъезд в Крым. Носильщики переносят маму, как куклу.

В Крыму (в Феодосии) не оставил ничего, кроме могилы матери, теперь, вероятно, затерянной на перепутье трех тропинок. Встречи с полным и пышным мальчиком, державшимся очень важно (Максимилианом Волошиным⁸²). Любимые места в Феодосии: Карантинный холм, обращенный в сторону Коктебеля, башни Генуэзского Кремля, господствующие над Карантином, татарский квартал. Знакомство и беседы с Айвазовским⁸³.

В Петровске – новая и долгая болезнь – тиф. Приготовления к смерти. Неожиданно для врачей – выжил. Влюбленность в геометрию. Преподаватель Владикавказской гимназии Кондратович⁸⁴. Каждая теорема – поэма.

Во Владикавказе гимназистом (3–6 кл.) жил у бабушки в зимнем лимонном саду. Жюль-Верн. К. Фламарион⁸⁵. (Угол Ремесленной и Базарной). Встреча с Марусей Улановой⁸⁶.

В Тифлисе в 7-ом классе 2-ой гимназии встретил Вл. Фр. Эрн и П.А. Флоренского⁸⁷. Влияние Вл<адимира> Фр<анцеви>ча принял сразу и благодатно. Дружба укрепилась позднее – в Московском Университете (1900–1904) и Николаевском Общежитии⁸⁸. Все чтение под влиянием Эрн: Платон в окружении: Сократ, Плотин, Ориген. Н<иколай> II посещает комнаты студентов.

В годы студенчества: Москва – Тифлис – Кострома – Владикавказ – Полтава. Тогда же выросла дружба к маленькой Клоде (Кл<авдия> Як<овлевна> Архипова). В университете – с 1900 по 1906 г.⁸⁹

В 1901–1902 гг. – видение необыкновенных, по-новому горевших московских Зорь (Кудринская Садовая площадь, церковь Покрова, Пресня). Беседы с кн. С.Н. Трубецким⁹⁰, жившим тогда в Кудрине. Наблюдение отцветов Зорь из библиотеки Общежития Николая II и со стороны Вдовьего Дома. Обращение к Полонскому (по поводу «Царь-Девицы»⁹¹).

В 1902 г. (февраль) – в Бутырской пересыльной тюрьме за участие в сходке (в университете), на которой был оглашен приговор над в<еликим> кн<язем> Сергеем Александровичем⁹². Избег ссылки в Архангельск благодаря ходатайству приват-доцента П.В. Преображенского⁹³.

В Общежитии Николая II навсегда соединился в дружбе с кн. Андреем Вл. Звенигородским⁹⁴. Тютчев, Фет, Баратынский с 1901 года. Каролина Павлова⁹⁵.

Профессора: В.О. Ключевский. П.Г. Виноградов. В.И. Герье. кн. С.Н. Трубецкой. Л.М. Лопатин. Стороженко. А.И. Кирпичников. А.Н. Веселовский. Вс. Миллер.⁹⁶

Встречи (единичные) с Бальмонтом (подарок Шелли и посвящение экспромта)⁹⁷, Брюсовым⁹⁸. Б<альмон>т подарил Шелли с надписью.

В 1903–1904 г. служба статистом в М<осковском> Художеств<енном> Театре. Качалов. «Одинокое». Консул Берник. Юлий Цезарь⁹⁹. Подарок от Качалова¹⁰⁰. Чехов и Горький на репетициях в партере и за кулисами¹⁰¹.

Частые встречи с Андреем Белым на лекциях Трубецкого, Лопатина и на семинариях. Л.Л. Кобылинский (Эллис)¹⁰². Похороны одновременно умерших: Михаила Сергеевича и О.М. Соловьевых¹⁰³.

1905 год. – Безраздельное благоухание 1-ой книги Александра Блока¹⁰⁴.

Решающее событие осени 1905 года – смерть кн. С.Н. Трубецкого. Нависшая тишина. Определившийся путь. Запах чадного воска. Речь Л.М. Лопатина¹⁰⁵ на могиле.

В декабре 1905 года жил на Пресне (Грузинская площадь). Участие в восстании. Знакомство с группой С.И. Кустова¹⁰⁶, расстрелянного солдатами Мина¹⁰⁷. Испытал самое близкое прикосновение к себе смерти. Побег из Пресненского участка против ц<еркви> Покрова, странствование по баррикадам. Помрачение Зорь. Зарево пожара и зарево крови.

Прощание с университетом. Кандидатская работа по слав<яно>-русскому отделению: «Лирика Тютчева». Кандидатская работа по историч<ескому> отделению: «Протопоп Аввакум»¹⁰⁸.

С 1906 года – во Владикавказе, в Ольгинской гимназии. Устроен отцом. В 1908 – потеря отца. Грохот Терека и шум приближающейся смерти смешались. Отец умирал в домике на берегу. Запах болезненной горечи и острых лекарств. В черном пальто он подошел к столу, хотел и не мог проглотить ложки супа. Отошел и сел в кресло. Поцелуй в раскрытую ладонь. Маленькая Клодя¹⁰⁹, приехавшая за мной на извозчике на той же улице (дом Демушкина у пяти углов).

Там же, во Владикавказе, стало близким навеки имя Иннокентия Федоровича¹¹⁰. Впервые обратился к Его имени в Москве в 1901 году по поводу перевода «Алкесты»¹¹¹.

Во Владикавказе¹¹² знакомство с Верой Александровной Меркурьевой. Частые посещения домика с колоннами. Сторожевая сосна.

Каждый день мимо нее в Ольгинскую гимназию. Дик¹¹³. Эмилия Васильевна Меркурьева¹¹⁴. Мои лекции о Блоке в Николаевском училище (теперь ГСХИ)¹¹⁵. Всегда перед глазами картина церкви перед ее домиком («Свете Тихий» Елизаветы Васильевны Цингер). Запах белых роз. Садик на Красивой, 1. – Бхагават-Гита в переводе Манциарли¹¹⁶. Увлечение судьбой Атлантиды. Собрание чертежей и сведений. Скотт-Эллиот¹¹⁷.

Два влияния: Буся (Анна Гавриловна Пономарева) и Елизавета Васильевна Цингер. Дружба с Давидом Абрамовичем Тарноградским с 1909 г. В том же году встреча с Сережей Кудрявцевым у Евгении Захаровны Гурчинской¹¹⁸.

1909. Размеренное чтение «Серебряного голубя»¹¹⁹. Лицо Гоголя сквозь серебро голубей¹²⁰. Дом против Лютеранской церкви¹²¹.

1909. 30 ноября¹²². Резкий поворот к Иннокентию Федоровичу. Выход «Кипарисового Ларца»¹²³. Преследующий запах тубероз. Годы 1909–1915 отданы всецело Инн. Анненскому¹²⁴.

Второе видение лебедей¹²⁵: Владикавказ, Трек¹²⁶. Тревожный разрез облаков. Лазурь. Стекло пруда и призывный крик лебедей.

Видение Вл. Соловьева¹²⁷. Лето. Ночь. Моздокская ул<ица>, против Лютеранской церкви.

1910. Стихотворения Черубины де Габриак с рисунками Лансере¹²⁸.

1910. Книга стих<отворен>ий Максимилиана Волошина (1900–1910) с черными рисунками К.Ф. Богаевского¹²⁹. «Corona Astralis»¹³⁰.

1911. Влияние воинственной книги Вл. Эрнэ («Борьба за Логос»).

1912. Гиперборейский аспект Гумилева¹³¹. Анна Ахматова¹³². «Вечер» с предисловием Кузмина.

1912–1915. Дружба с Дмитрием Дмитриевичем Иллиным. Семья Иллиных. Л.Д. Иллина¹³³. Встреча и сближение с анненскианцем Георгием Рыбинцевым¹³⁴. Московская улица. Короткий бульвар. Мечеть. 8 посланий Г.И. Рыбинцева к Евгению Архиппову, с 1914 по 1916 г. (7-е послание из Полоцка, полевой госпиталь).

1913. Последняя весть из Рима от Вл. Фр. Эрнэ¹³⁵.

1913. «Петербург»¹³⁶.

1913. Третье видение лебедей (там же). Лунное серебро падает с крыльев поднявшихся лебедей. Каприфоли¹³⁷. Встречи на треке с Санд<ухт> Арт<емьевной> Арутюновой¹³⁸. Переход мой в «Жатву» Альвинга¹³⁹. Скамья и горбатый деревянный мостик на треке. Мельница и темная аллея разлук (Эреб).

С 1913 года переписка с Арсением Альвингом. Вступление в «Жатву».

С 1915 года – линия незримых встреч и свиданий с Дмитрием Сергеевичем Усовым¹⁴⁰.

С 1921 года – с Черубиной де Габриак.

Переписке с кн. Андреем Вл. Звенигородским в 1935 году исполнилось 30 лет. Переписка погибла при переезде А<ндрея> В<ладимирови>ча в Ардатов¹⁴¹.

В 1915 г. – Нальчик. Запах воздушного напитка. Волшебные токи в воздухе. (См. стихотворение С.П. Боброва¹⁴². Встреча с ним). Никольское-Долинское. Гибель моей библиотеки (в 1917), оставшейся у Кати Никольской¹⁴³.

С 1916 года – Новороссийск¹⁴⁴. Запах древнего моря. Сладкий запах соли и ветра. В.В. Розанов¹⁴⁵ прилагает усилия, чтобы пере<ве>сти меня в Москву.

Обращение к «Фамире»¹⁴⁶. Поклонение Фамире. «Исповедь»¹⁴⁷. (Amours défunts)¹⁴⁸.

Коронование Веры Меркурьевой Вяч. Ивановым¹⁴⁹. Смерть Вл. Фр. Эрн. Краткая переписка с М.О. Гершензоном¹⁵⁰.

Голод 1919–1922 г. Наедине с Св. Себастианом и Вл. Соловьевым. Чередование бедствий¹⁵¹. Ужас холодных ночей в жалкой хижине. Мечты о хлебе. В лучшие минуты любил смотреть на подводный ковер с мола. Храм Мадонны-Тоски.

Встречи с В.Э. Мейерхольдом¹⁵², Рюриком Ивневым¹⁵³ и Б. Алперс<ом>¹⁵⁴. Кружок П.Г. Доленко¹⁵⁵. Мой доклад о религии Фамиры. Секция литераторов, поэтов и журналистов. Два имени меня поддерживают: Черубина де Габриак и Д.С. Усов.

Август 1921. Две смерти. А.А. Блок. Незаживающая рана от смерти Н.С. Гумилева (25 августа). «Огненный столп»¹⁵⁶.

1922 год. Отречение от Фамиры. Рок и три голоса. Звон. Соединение Закатного звона Инн<окентия> Анненского и глухого, жуткого, подводного и китежного звона Черубины де Габриак. Звон, преследующий наяву. Острова Блаженных. Полет смерти.

Синий плен. Запах горечи, гари и дали. Плен зеркал и башня над морем.¹⁵⁷

1921–1926. Башня. Зимой – хрустальный сад. Летом – голубой стеклярус моря. Клавдия Лукиановна Архиппова – общение, родство, единство. Дыхание серебряной полыни и каприфолей.

1923–1925 Книги стихов:

1) Дымы лучей. 1923 (Кайэнна)

2) Крест и стрелы. 1924 (Танезруфт)

3) Дальняя Морена. 1925 (Тимиссао). С предисловием-стих<отворен>ием Ч<ерубины> де Г<абриак> (6.XI. 25. СПб)¹⁵⁸. В <1>925 году Черубина де Г<абриак> посвящает мне стих<отворен>ие «Опять, как в письме, повторяю я то же»¹⁵⁹.

4) Месса по Анненском. 1924 г.¹⁶⁰

1926. Лето. Приезд Всеволода Александровича Рождественского¹⁶¹. Новый взволнованный строй. Взлеты и высота поэтического дара. «Возвращение Орфея»¹⁶². Ревнитель античности, вестник Пушкина. Рассказы о Н.С. Гумилеве Вс. Рождественского. Инн. Анн<енский> – Н. Гумилев – Всев. Рождественский. Вс. А<лександрович> посвящает мне стих<отворен>ие «Был приезд мой – верю – вовсе не случаен» <1>926 год. 5 июля¹⁶³. Н.С. Гумилев в рассказах П.Н. Лукницкого¹⁶⁴.

Во власти воспом<инаний>. «К синей звезде»¹⁶⁵ – подарок Ч<ерубины> де Г<абриак>. Туберозы дышат на моем столе.

1926 (ноябрь). Третья статья М. Волошина о К.Ф. Богаевском: «Богаевский – художник Киммерии» (в Казанском сборнике 1927 года)¹⁶⁶. 1-я статья – «З<олотое> Р<уно>». 1907. 10. 2-я – «Ап<оллон>», 1912, 6.

1926–1928. Трюм под башней. 2-ой (в 1927) приезд Вс. Рождественского. Начало заочного знакомства с Максимилианом Александровичем Волошиным (с осени 1927 г.). Акварели и письма. Новое вступление в родной мир Киммерии, в Каффскую землю¹⁶⁷.

1927 г. «Золотая маска» 1927. (Танезруфт) – Автобиография доведена до 1923 г.¹⁶⁸ «Гипсовая м<аска>» закончена в 1921 году¹⁶⁹.

1927. Июль. Владикавказ. Комнатка на Мещанской, 10. Тугой и звонкий горный воздух. Клавдия Яковл<евна> Архиппова и П.С. Архиппова¹⁷⁰. – Сочувствие, ласка, уют. Запах цветущих лип. Молитвенный строй тополей.

«Баллада камня и покрова» 1927 г. (Рединг¹⁷¹), отпечатанная К.Я. Архипповой. Снова с Давидочкой¹⁷², на Бородиновской, 9. Цветущее собрание книг, полное восточной прелести. Переписка и обмен книгами с Михаилом Ивановичем Слободским¹⁷³.

1928. Февраль. Выход из «трюма». Игрушечные комнаты на Дмитровской ул. 69. Маленькое полукно в сад.

Работа над «Собранием стихотворений Черубины де Габриак». 1928 (Каллиэра¹⁷⁴). Начата еще зимой, в «трюме». Преследующий запах индийского ладана.

1928. Март. 18-ое. Приезд Максимилиана Александровича¹⁷⁵. Встреча у калитки. В узкой книжной комнатке, выходящей на норд-ост. Явление в грозе и буре. Ледянящий, в унылых и пронзительных свистах, норд-ост смешивается с гулом стихов М. Волошина. Чтение: из «Демонов глухонемых», «Протопоп Аввакум», «Государство», «Машина», «Пророк»¹⁷⁶. Чтение стихов Ходасевича¹⁷⁷, рассказ о дуэли с Николоае<м> Г<умилевым>¹⁷⁸. Памятное ночное странствие по городу, рука с рукой, сквозь дикий напор норд-оста, с Дмитриевской на Цемесскую. Голос набата и зловещие шквалы норд-оста. Подарок «Демонов глухонемых».

1928. Апрель. Закончена работа над собранием стих<отворен>ий Ч<ерубины> де Г<абриак> (с помощью К.Я. Архипповой).

1928. «Lectisternia»¹⁷⁹, том 1-ый (Идеализм). 14 портретов учителей и поэтов.

Вторая работа о Черубине: «Темный Ангел Черубины» (1-ая работа: «Корона и Ветвь» написана в 1921 г.)¹⁸⁰. Книжки, подаренные Черубиной: Петрарка, «Сказки», «Черный альбом» и «Гондла» Н. Гумилева (с надписью: «Мы оба из великой семьи лебедей»). X. <1>926. СПб.¹⁸¹

1928. Напутствие Черубины при отъезде в Петербург (июль 1928 г.) «Евгению»: «У Ангела из рук еще не отнят крест?»¹⁸². Петербург: Эрмитаж. Комната Рембрандта. – Зимняя канавка. – Английская набережная. – Спас на Водах. – Опустевшая квартира Черубины. – Арка де Ламотта¹⁸³.

Пленительные ночи. Две встречи с М.А. Кузминым¹⁸⁴. Запах известки и новых красочных этюдов (О.Н. Арбениной)¹⁸⁵. Подарок «Нездешних вечеров»¹⁸⁶.

Саарское Село¹⁸⁷: Встречи: Д.С. Усов, А.Г. Левенталь¹⁸⁸. Поражительная встреча в полном мраке с Валентином Инн<окентьевичем> Анненским¹⁸⁹. Э.Ф. Голлербах¹⁹⁰.

Вместе с Д.С. Усовым – на могиле Инн<окентия> Федоровича. Вместе – на поклонение Расе¹⁹¹ и на тропинках Инн<окентия> Фед<орови>ча. Знаменательное прощание с Д.С. Усовым на вокзале в Ц<арском> Селе¹⁹².

Петербург: поклонение могиле Е.А. Баратынского (Александровская Лавра). Около гробниц Жуковского и Достоевского.

1928. Снова – Танезруфт. Письмо от Черубины о гибели собрания стих<отворен>ий (из Ташкента). Прерванное стих<отворен>ие «Евгению»: «Прислушайся к ночному сновиденью, не пропусти упав-

шую звезду!»). Болезнь Ч<еруби>ны. Работа над собранием *избранных* стих<отворен>ий Ч<ерубины> де Г<абриак> (Берневаль¹⁹³. 1928). Редакция автобиографии Черубины.

1928. Ноябрь. Линия тяжелых испытаний, длившаяся до осени 1929 г. Месь за несхожесть. Миф как сплетение злобы. Миф, разрушающий жизнь¹⁹⁴. Отзыв Ф.В. Гладкова¹⁹⁵.

1928. Декабрь. 4-ое. Сон о хрустальном алавастре¹⁹⁶. Мгновенно встали строчки перед глазами: «Прислушайся к ночному сновиденью»¹⁹⁷. Кончина Черубины. – Удвоенная горечь. Онемение.

Письма Л.П. Брюлловой, Вс.Н. Васильева, Ю.К. Щуцкого о Черубине¹⁹⁸.

Завещание легкости, полета, тайны – прибытие веера Черубины. [«Чтобы ночь тебе светлее вечная была, я тебе севильский веер черный принесла»¹⁹⁹. М. Ц.]

1929. Лето. Размеренное (3-е) чтение «Преступления и наказания» с топографией С<анкт->П<етер>б<ур>га.

Смерть короля Хирама Г²⁰⁰. Ночные похороны на мысу.

1930. Пятая книга стихов: «Обиды Расе» (Роченсальм²⁰¹. 1930 г.). «Свидание с Расе». Запах азалий.

Заочное знакомство и переписка – по желанию М.А. Волошина – со Всеволодом Ив<ановичем> Поповым²⁰².

1931. 8–23 июня. Путешествие в Коктебель: ночь; крышка трюма; унылый свист радио; холод. Днем: явление Петрокеравии²⁰³. «Волны и розы столетий»²⁰⁴. Вновь в родной Киммерии. Родная Каффа – Феодосия, земля моей матери.

Въезд в Коктебель. Кок-Тепэ-Эли²⁰⁵. Живые декорации к «Орфею». Амфитеатр холмов Афинских. В обители Поэта и Учителя²⁰⁶. Гомеровская пища: душистый хлеб и красное вино. Три встречи: мудрец, Таиах, Карадаг. «Остатный меж волхвами»²⁰⁷.

Castellum Maximilianum²⁰⁸. Мастерская. Слепительное соперничество картин в окнах, внутри и вне дома. Таиах²⁰⁹ и портреты Черубины²¹⁰.

Каллиэра²¹¹. Восхождение на кратер. Тема входа в Аид. Лик торжественного и скорбного Коктебеля. Хрустальный голубой шар неподвижного моря. Чабрец и царство полыни. Застывшие готические языки. Душный, душистый и горький запах чабреца. Каменная островерхая роза.

Чтение Максимилианом Ал<ександрови>чем в летнем кабинете: стих<отворен>ия из отдела «Усобица»; главы из книги: «Путями Ка-

ина»; «Св. Серафим»; «История Черубины»²¹². 3-хгранные жилища. Комната Н.С. Гумилева. «Ассирии дно»²¹³. – Прогулка в каньоны.

Во власти масок и Габриаков²¹⁴. Ликующий лик Достоевского. Болезнь. В комнате А. Белого.

Образ Максимилиана Александровича: пророк, блистательный наставник, обаятельный ребенок. Совмещение ликов. Акварели. – «Опыт сердца и опыт ступней»²¹⁵. Киммерия, трижды увиденная. Страна трех корон. Поход на Кучук-Мени-Шары²¹⁶. «Лук Геракла»²¹⁷. Фамира и камни.

Последнее прощание около автомобиля.

1931 г. Июль, август, сентябрь – три поездки во Владикавказ. Нежданное (3-ье) возвращение во Вл<адикавка>з. Е.А. Юрченко – новый друг, ставший в ряд с Бусей и Елизаветой Васильевной. Краткая жизнь в крошечной комнате Кати²¹⁸ (в июле <1>931 г.), обращенной к горам и треку.

Город, видимый сквозь три возраста.

Жизнь в Винете среди зверей и скарба. Снова та же ограда, та же Линейная церковь и строй тополей. От Линейной церкви на Линейную (Ленэя).

Октябрь: выезд в Ленэон²¹⁹.

1932. Знакомство с А.С. Кочетковым²²⁰ в Винете.

1932 г. Февраль: Послание от Веры²²¹, А.С. Кочеткова, М.И. Слободского: «Интермедия»²²². Вечер 3 февраля.

Жестокая зима.

Смерть короля Хирама II.

4.V. Последнее письмо Максимилиана Ал<ександрови>ча Волошина (из Коктебеля во Владикавказ) и новые акварели. Топазовая акварель.

Известия о болезни Максимилиана Ал<ександрови>ча. Письма из Коктебеля Вс. А. Рождественского.

30.VI. Последний привет – приписка на моей «анкете»: «Вопросы о любви к поэтам». Ответы Максимил<иана> Ал<ександрови>ча записаны рукой Вс.А. Рождественского²²³.

1932. 11 августа. 11 часов утра – кончина Максимилиана Александровича Волошина. Все трое в ином мире: Н.С. Гумилев – Черубина – М.А. Волошин.

Горчайшая весть. Мрак и сиротство.

1932. Трагические сборы и мучительный отъезд В.А. Меркурьевой в Москву.

24.IX. Проводы и праздник В. Меркурьевой²²⁴ в Винете. Чтение «Года в Винете»²²⁵. Погружение Винеты. Винета разоренная: прощание с В.А. М<еркурьев>ой. 26 сентября 11 часов ночи. От Линейной церкви – в Зубово²²⁶.

1932–33. Зима, весна, лето – второй жестокий голод. Кормление «жареным забором». Стали близки стихи о голоде Максимил<иана> Волошина и В. Меркурьевой²²⁷. Работа над библиографией Черубины де Габриак.

3-ье чтение «Униженных и оскорбленных».

Красочные и радостные встречи с Давидочкой (Д.А. Тарноградским).

<1>933. 20.I. – Надпись Вс. Рожд<ественско>го на «Белой стае»²²⁸: «У Музы Царского Села походка птиц и речь простая»²²⁹.

<1>933. Август. Посвятительное стих<отворен>ие Вс.А. Рождественского «В закатный век любви, в земле обетованной, мне снится иногда сквозь пену и туман»²³⁰.

1934. 8²³¹. I. Кончина Бориса Николаевича Бугаева. Размеренное, медлительное и воспоминательное чтение «Начала века»²³².

Сквозь книгу вновь пережиты знакомства в Москве, встречи и переписка с персонажами книги. Из них мои профессора и доценты, которых я слушал: В.О. Ключевский, С.Н. Трубецкой, Л.М. Лопатин, А.Н. Веселовский, Н.И. Стороженко, М.Н. Розанов²³³, Брандт Р.Ф.; Цветаев И.В.²³⁴; М. Любавский²³⁵, Озеров И.Х.²³⁶, Иванов И.И.²³⁷, Фохт Б.А.²³⁸

Вновь прошли *повторявшиеся встречи* с Н.В. Бугаевым²³⁹, с Андреем Белым, Кобылинским Л.Л., Е.Н. Трубецким²⁴⁰.

Прошли *единичные встречи*: с М.С. Соловьевым, Кл.А. Тимирязевым²⁴¹, П.С. Коганом²⁴², Кречетовым (Соколовым С.А.)²⁴³, Ликиардопуло М.Ф.²⁴⁴.

Вспомнились *встречи и письма*: С.М. Соловьева²⁴⁵, К.Д. Бальмон-та, В.Я. Брюсова²⁴⁶, Сергея Павл<овича> Боброва.

Знакомства с С.Н. Трубецким, Л.М. Лопатиным, П.А. Флоренским, Вс.Э. Мейерхольдом, В.И. Качаловым, М.А. Кузминым.

Письма: Б.А. Садовского²⁴⁷, И.С. Рукавишниковой²⁴⁸, Печковского А.П.²⁴⁹, Г.И. Чулкова²⁵⁰, В.В. Розанова²⁵¹ и С.А. Венгерова²⁵².

Вновь захотелось пересмотреть *переписку* с М.О. Гершензоном²⁵³.

Вспомнились:

*дружба и переписка с Вл.Ф. Эрном*²⁵⁴,
*встречи, знакомство и переписка с Максимилианом Волошиным*²⁵⁵.

38 лиц из числа всех персонажей книги Андрея Белого оказались мне знакомыми. Из них портреты 11 учителей и поэтов были зарисованы мною раньше: в 1-ом томе моих «Lectisternia» (1928 г.)²⁵⁶

1934. Лето. Окончен «Киммерийский дневник» – Ἐφημερίς Κιμμερία²⁵⁷. Essai²⁵⁸: «Акварели М<аксимилиана> Волошина» (Опыт сердца и опыт ступней)²⁵⁹.

1935. Третье чтение «Идиота». Стихотворения, которые должны войти в 6-й сборник стих<отворен>ий: «Сирень на камне»²⁶⁰: («Пепельный бал» – «Памяти Расе» – «Беата, Расе, Черубина...» – «Как Данте простираю руку...» – «Белейшему Лебедю...» и др.)²⁶¹

ТАНЕЦ ТАНИТЫ²⁶²

И входит рапирой, пронзив забытью,
Мне в сердце высокое имя твое.

Вс. Р.

Я твои ль целовал колени,
разжимая их и сжимая.

Инн. Анненский

Под поцелуями горят ее колени,
как роза, нежные и белые, как снег.

С. Соловьев²⁶³

Глава 1 Богиня

И надо всем немая Мнемозина
бессмертной и прохладною рукою
черту магическую провела.

Анна Р.²⁶⁴

Я закрываю глаза и отдаюсь всезрящей Мнемозине, чтоб в покрывале, сотканном из звезд и алмазов, быть вознесенным к счастливейшим годам моей жизни, к милой Таните.

Кипит и волнуется площадь по обе стороны Сухаревой башни, а рядом, тут же, через дорогу от нее, высится, как храм, как белое святилище, больница Шереметева. Торжище и «сдержанный полет колонн»²⁶⁵, покой и суета, молчание и многоголосый говор, палатки купцов, старьевщиков и, рядом, верховный строй колонн.

Мы стояли внутри арки дворового входа, за резными чугунными воротами, за калиткой, охраняемой сторожем, и смотрели сквозь резьбу на эту суету, на бесцельное снование толпы, на дымку пыли, реющую над площадью.

Девочка старше, мальчик моложе. Это я и Танита, 14-ти и одиннадцати лет.

На ней – легкая туника, стянутая под грудью, не доходящая до восковых колен, легкие розовые сандалии. Вся она казалась одетой

нежным ветром. Волосы, светлые и волнистые, при повороте к солнцу неожиданно отливали пеплом. Таких пеплоподобных кос с магическим отливом я не встречал нигде. Овал лица был правилен и кроток, но глаза властны и горделивы: в них серо-голубая нежность вдруг затенялась зеленоватой далью. И глаза из покоряющих и властных вдруг становились склонными к покорности. Эта смена так меня влекла, так занимала, так преображала милое лицо, что я подолгу не мог отвести плененных глаз.

Вот и сейчас, – только Таня смотрела через дорогу на торжище, а я, как говорила Танина мама, пожелал молиться на нее.

– Знаешь, мне не интересно, – сказала она, – холодно от камня и чугуна. Я хотела бы, чтобы эти люди, которые там ходят и чего-то ищут, увидели меня и пали ниц передо мною. Никому не смей говорить, слышишь! но я знаю: я не такая, как люди... Ты видел гравюру у папы, где в центре стоит голая Аспазия²⁶⁶, и все славят ее, как богиню?... Знаешь, зови меня Гиня. Я – Гиня, а ты – Геня. Ты будешь знать, кто я... И я хочу иметь золотисто-розовое тело, как у Данаи²⁶⁷... Слушай, мне стало холодно. Иди, поцелуй мне колени! Целуй за всех, которые меня не видят. Нет, нет, не здесь... Бежим скорее в сад!..

Глава 2

ДОЧЕРИ ЛЕВКИППА²⁶⁸

Танин папа был доктор Шереметевской больницы, и я подолгу гостил в его семье. Его звали Николай Викторович. Как мы с моим папой, Яковом Максимовичем, нашли его, – не помню. Знаю только, что он сменил доктора Булюбаша, который несколько лет лечил меня, постоянно болевшего мальчику. Не помню, как сблизились наши семьи. Может быть, из-за болезни мамы. И я попадал к Николаю Викторовичу, всякий раз, как маме делалось плохо. У нее был порок сердца, она редко вставала, ей сводило ноги. Помню, как ей накладывали лубок.

В такие дни и недели я переселялся сначала с няней, потом один к Николаю Викторовичу. Няня сопровождала меня до 10-ти лет. А жили мы тоже у Сухаревой башни, по другую сторону, в доме Журавлева, где помещался чайный склад Боткиных²⁶⁹. – Так я встречался и рос вместе с Таней. Танитой называл ее Николай Викторович.

Хорошо помню кабинет доктора. Он походил больше на кабинет поклонника искусств и собирателя гравюр. Одна картина особенно по-

ражала нас с Таней. В глубине кабинета под небольшим балдахином, отороченная темно-красным бархатом висела копия с картины Рубенса «Женщины Левкиппа», как называл ее доктор, а иногда говорил: «созревшие к похищению».

Издали вся группа представляла собою искусный клубок с двумя голыми телами. Этот клубок был достоин другого клубка, сражающихся, принадлежащего Леонардо и описанного у Мережковского²⁷⁰. В клубке шести тел искусно были смешаны симметрично расположенные изогнутые женские тела, умоляющие руки, смуглые мужские фигуры, видные до половины, поднятые копыта, храпящие морды лошадей, а сбоку около лошади прилепился маленький ангелок. Эта картина влекла нас какой-то гармонией, и мы часто сидели около нее. Нам не нравились голые тела девушек. Таня говорила, что они слишком мягкие и отяжелевшие. Но нас поражала в этом клубке, в этой борьбе одна деталь: ручка первой девушки, в запрокинутом виде поднимаемой на лошадь. Она мирно, покорно, почти нежно, почти благовоительно лежала на руке мужчины, тащившего ее. Она была так нежна, так мило изогнута, что Таня и я не раз поднимались на стул и целовали ее.

Второе, что занимало нас в квартире доктора, – это купанье. Мы радовались, когда можно было видеть свое тело зимой и в воде. Мы никогда не мылись сами, нас мыла и купала няня. А больше всего забавляла ванна, в которой мы сидели оба. Нам интересны были изломы линий, отраженные в воде, утолщавшие члены, и жемчуг пузырьков, покрывавший розы тела. Это особенно украшало тело Гини, похожее на пентеликийский мрамор²⁷¹. «Ну, ходить тебе в жемчугах и в золоте», – говорила няня. И Гиня прямо из воды бросалась целовать ее. Потом нас заворачивали, как кукол, и уносили в прохладную спальню, временно оставляя на одной кровати.

Когда мы лежали, завернутые и закутанные, как мумии, Таня со страшной стремительностью освободила руки и примкнула свои губы к моим губам. Поцелуй был более страшен, чем приятен, чем неожидан. Долгий, немой, влажно-нависший, он почти захватил мое дыхание. И почему-то мне вспомнилось нисхождение в Аид, к Персефоне, в окружении палящих огней. Об этом, в один из вечеров, читал нам Николай Викторович (из книги Толя «Мифы классической древности»). Едва отняла свои губы Таня, как вошла мама. Таня, не смутившись, сказала: «Я укрываю Геника»... – и, тихо склонившись ко мне, прошептала: «Спи, мальчик, спи, мой несчастенький!» – Это она у няни взяла. Так называла няня, когда я долго не оправлялся после болезни.

Глава 3

ПЕНТЕЛИКИЙСКИЙ МРАМОР

О, пламя солнечных очей,
О плоть, звенящая, как лира!

*В<алериан>н Б<ородаевс>кий*²⁷²

Он изваял женщину в виде амфоры, осуществив такую гармонию волнистых линий, которой одной достаточно, чтобы признать в нем короля геометров.

*«Харчевня королевы Педок»*²⁷³

Танец – это молитва.

*Анатоль Франс*²⁷⁴

Больше всего я любил смотреть Танины танцы. Летом, в полдень, когда душно и пряно пахнут нагретые акации, мы уходили на пышно заросшее больничное кладбище, – здесь же, в глубине двора²⁷⁵. Дорожку помню, что вела к калитке: вымощенная белыми плитами, она возбуждала желание сорвать одежды и приникнуть к горячим камням. Две урны над калиткой, повитые зеленью, с каменными плодами. А за ними – роща, с просвечивающими белыми телами: статуи, памятники, плеск крыльев и воздетые руки, руки, умоляющие с нежностью и застывшие в невозможном ожидании. В просвете статуй струился воздух синий. Фигуры амуров, распростертых на розах, и тела умоляющих женщин были очень искусны. Видимо, лежали здесь богатые люди, богатые дети.

Мы обычно отыскивали площадку, кем-то купленную, но не огороженную еще решеткой, только обложенную серым мрамором. В одном углу был похоронен кто-то, и над ним две крылатые фигуры, полусклонившие стройные тела, простерли крылья. Здесь Таня любила танцевать и танцевала голая. Мне нравилось видеть ее голой. Я привык к ней, как к статуе среди статуй.

Без смущения, бестревожно, в каком-то напряженном волшебстве я не отводил своих глаз. Она сбрасывала пену легчайших одежд, и в траву ложились ткани, как оперенье лебедей. И оживала статуя из слоновой кости с розоватыми коленями. От магического созерцания я не мог стоять, неожиданно для себя, сам опустился на колени. И я не понимал:

мнятся ли, снятся ль блаженные колени
пеннорожденной, явленной красоты.

Созерцание восхищало, жгло белым огнем плоти и истомляло... Трудно сказать мне о линиях милой статуи: они двигались в белом пламени, в гармоническом кружении. Но это не были угловатые линии девочки, в них завершался переход, подступ и перелив к расцвету. Линии переступали грань к божественно раскрывшемуся телу.

Это было явление телесного совершенства, от кот<оро>го шли бело-огненные и розовые иссушающие токи. Хотелось смотреть и отдавать дыхание, хотелось смотреть, и глаза не насыщались гармонической наполненностью форм. Ни черты, ни штриха больше. Какой-то адонический²⁷⁶ страж восхитительной и совершенной меры соблюдал тело Таниты. Нельзя сказать, что поражало и опаляло больше: мрамор ли колен, что «влекли коснуться огненной земли»²⁷⁷, или эта набухающая грудь Камены, тугая и приподнятая, призывающая благословенное небо, когда тело в танце глубоко отклонялось назад. Хотелось сгореть и упасть, раствориться в этой священной милости на милой земле.

И как всегда, когда кончался танец, повелительница всех дриад и Камен отдавала мне для поцелуев свои нежные колени, прохладные, как священный мрамор с мелким жемчугом благоухающего пота.

Глава 4 БЕССМЕРТНОЕ БЛАЖЕНСТВО ЛИНИЙ

Она была ваятельницей поз
и танцевала в храме Нике.

*П. Доленко*²⁷⁸

Мой сон, мой снег, моя Земфира.

*Вс. Р.*²⁷⁹

Сначала я не понимал значения танцев Таниты. И солнечное финикийское имя, казалось, незаслуженно осеняло золотом ее образ. Но Николай Викторович был прав в приглашении виднейших балетмейстеров. Меня убедил в этом танец, который Таня пожелала танцевать на церковных плитах. Перед тем как раз мы слышали, в передаче

Николая> Викт<орови>ча, рассказ о жонглере Парижской богоматери.

Только значительно позже, уже студентом, я осмыслил блистательные и, я бы сказал, иератические танцы Тани. Она научила меня гармонии линии, целомудрию линии, грации линии. Она показала грани грациозной линии, за которыми линия, ее восходящий возраст, потухает. Это, конечно, зависит от возраста линий тела. Достижение развития тела угашает линию, мелодию линии в теле. Только высоко поющая линия делает тело божественным.

Как часто голос линии груб в танцах официальных артистов и балерин, включая Дункан и Ек. Гельцер²⁸⁰. Увидев Дункан, Сологуб произнес слова старца Симеона: «Ныне отпускаеши»²⁸¹. Но он плакал восторженно не от высокого голоса линий, а от совершенного явления наготы тела, служащего велению музыки. Высокий строй линий дольше продержался в теле Гельцер, и строй чувствовался даже через академические одежды.

Вот к этому высокому мелодическому строю тела и звала Танита, являя божественную чистоту линий в бессознательном и единственном обнажении.

Понятно ее ужасание перед телами Рубенса, изменившими строю линий, роняющими, отяжеляющими гармонию связок и мускулов. Тело у Рубенса почти готово испадать тяжелыми ключьями, готово свисать и лечь на землю.

Раскрылось и желание Тани плясать в храме, перед лицом алтаря.

Она права, и право ее тело, это не поругание, это честь храму, как приношение жонглера в честь богоматери.

Но храм, при больнице, был достоин милой Таниты. Внутренность храма, между двумя приделами, соединяла черты зодчества эллинства и христианства. Овал внутренней части был окружен колоннами, расцветшими вверху. Купол над овалом приподнятого пола был весь из розовых стекол. Розоватый свет струился, оживлял и согревал мрамор колонн. О, этот «воздух розоватый»! В жаркие раскаленные дни безлюдье розоватого овала, через массивные двери, смотрело в побледневшую глубь голубых небес. Прохлада, мягкий свет и воздух розоватый привлек нас, обитателей сада и пилигримов колонн.

Вот сняты сандалии. Как струи, упали одежды, и я сел у подножья колонны, охраняя эту драгоценную пену. Розоватые колени прекрасной полноты казались розоватыми чашами, края которых неощутимо-

грациозно уводили к блаженству линий, к торжеству сияющего строя ног.

Тело Тани, казавшееся таким малым в овале, покрылось розами. В гармоническом сладостном сочетании на нем перемещались желтоватые и розовые блики: танец желто-белых роз. Это начинался танец взлета и призыва: приглашения к взлету. Руки простирались вперед в милом призывающем жесте и отводились назад в мягком разводе томления. Медлительный танец бликов в танце тела. Самые линии тела создавали световую льющуюся теплоту, какую-то радующую милость, воплощающую не только для глаз, – для всего состава тела блаженство созерцания.

Это было то, к чему стремились древние поэты и прорицатели, – телесное прикосновение к неведомым мирам: дарящая милость тела и ликование о совершенном воплощении. Высокое радование плоти о самой плоти. Стало ясно, что, принимая человеческое тело, божества принимали тем самым божественную форму, не созданную ими, как равную, не присущую им, а найденную для них человеком, предложенную им человеком, дарованную человеком богу, как святая милость земли. В этом смысле человек – создатель искусства – стал выше бога.

А танец Тани длился. Таинственная теплота линий, связок и поворотов струилась все сильнее и переходила в вихрь, когда, в быстроте и легкой гибкости, почти не касаясь пола, тело падало назад и несло, не сокращая темпа. Тело становилось легко летящим, отдающимся небу, призывающим небо на милость земли. В струящемся розоватом свете потоки жемчужин, казалось, покрыли тело Тани, сделали его текущим, озаренным золотом Зевса:

И роняла блеск жемчужин
светом налитая грудь.

Вдруг волосы вылились пепельной волной из головного обруча, и Таня бросилась ко мне. Я накинул на нее тунику, схватил обувь, и мы бежали из жаркого овала.

*Джудекка
Третий год*

ИСПОВЕДЬ²⁸²

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОГРЕБЕННЫМ РОМАНАМ (AMOURS DÉFUNTS).

К сердцу своему
он приложил поспешно руку,
как бы его смиряя муку.²⁸³

Он себе на шею четки
вместо шарфа повязал.

*А. П.*²⁸⁴

У сердца есть тайные были;
Прочти их, пойми, не кляня.

*С. Р.*²⁸⁵

И новых стрел душе не надо,
душа все стрелы приняла.

*В. Б<ородаевск>ий*²⁸⁶

Мне хочется назвать эти страницы исповедью, хотя знаю, что исповедь, даже перед собой, может быть только безмолвною. Иногда, раньше, хотелось этими страницами разбить людское непонимание, всегда присутствовавшее даже в отношениях близких и дружеских. Теперь знаю, что это поздно. Непонимание в дружбе и близости, особенно долгое и душное, самый возврат непонимания – накладывают неизгладимые тени. Если же я все-таки отдаю душу этим страницам, то только для того, чтобы сделать введение к моим «романам», которыми я решил – пусть для забавы! – обменяться с моим нежным и прекрасным другом²⁸⁷.

Глава I ЗАКЛЯТИЕ

О, эта боль! О, этих встреч
незабываемая рана!

О, как мне сердце уберечь
от новой боли и обмана!

*М. Ш.*²⁸⁸

Как нам уйти от терпких этих болей?

*А. Белый*²⁸⁹

Как сердцу высказать себя?

*Ф. Т.*²⁹⁰

Но ты-то зачем так глубоко
двоишься, о сердце мое!

*И. А.*²⁹¹

Первое заветие, которым рано отметила меня судьба, это заветие на слове «люблю». Я никогда не мог произнести его с верою, с необходимостью. Оно всегда жутко застывало, холодело и распалось на грани моих уст.

Чем отзовусь, когда придет она?

.....

Я промолчу. Я не скажу – нет, нет.

(А. Бел<ый>)²⁹²

Мгновенный поворот души, мгновенно слетевшая мысль – и слово разбивалось и блекло, как не соответствующее тому, что было внутри, как *все же ложь, неполнота, все же обман* самого себя, именно себя, потому что другие ведь только и ждут этого обмана и погружают душу в него, «без тоски, без думы роковой»²⁹³.

Это заветие и дало моему сердцу, во всех почти встречах, именованное «каменного», «окаменевшего», защищенного от любви «стеклянными латами», которых нельзя разбить, не разбив вместе с ними и сердца. Вот почему некоторые мирились со мной, не стараясь более снять мои латы, принимая сердце стеклянным, с «тонко поющей в нем раной»²⁹⁴.

Это же заветие положило печать и на мои губы, избегающие губ, мертвые для поцелуя. В женском облике меня всегда останавливали, всегда привлекали глаза и линии рук, орнаментация линий во всех частях, от сгиба в локте до конца пальцев. Лет восьми (я помню отчетливо), не отрывая глаз, я бросился в это чистое изучение линий, еще без всякой связи с эротикой. Губы не так интересно было видеть, – я быстро соглашался на каком-то минимуме и оставлял их, никогда не любил прославленных тонких губ, как и губ, похожих на губы флейтиста, пухлых и несколько раздутых.

Глава II

ЭРОТИКА ВЛЮБЛЕННОСТИ

Что счастье?..
Одна минута на пути,
где с поцелуем жадной встречи
слилось неслышное прости.

И. А.²⁹⁵

Ты знаешь счастье, ты одинокий,
в свободе счастье, – и в Нелюбви.

З. Г.²⁹⁶

И я – только стеблем раздумий
к пугающей сказке прирос.

И. А.²⁹⁷

Только в влюбленности может быть явлен
«лик безумно-прекрасного бога», а не в
любви, – тяготении чисто человеческом.

Е. А.²⁹⁸

От этого заклания, положенного на мои губы – для губ, – и мое вечное предпочтение влюбленности перед любовью. Последняя для меня всегда тяжела, душна, она оковывает, обязывает, отнимает меня у себя, *заставляет принадлежать*. Это – почти ужас.

Влюбленность – моя принадлежность глазам и рукам (им отдаюсь охотно!) – всегда для меня высшая и исключительная ступень. Она не омрачает моей духовности, *еще не создает плена тела*, она раскрывает крылья во всю их ширь и дает – пусть не полет! – но драгоценнейшую иллюзию полета. Возможностью полета дорожу всецело и, кажется, – с дрожью мечты! – я уже верю, – сделаю его реальным. Любовь всегда или ломает, или опалает крылья. И для меня она всегда *в разъединеньи, в невольном разложении*. Мне дано знание (еще заклание!) лишь о разрозненных фрагментах любви. Единство в ней для меня – трагически, неотвратимо и навсегда *утрачено*. Когда я вспоминаю, что может обнять и освятить любовь: эти ее элементы, эти грани, эти стороны – я готов бежать от любви со стуком, с замиранием сердца: как? и это любовь? это рабство, этот плен, эта *покорность ожидающего тела*?.. Все грани, все необмолотые в каменном сердце острия

любви обращаются против меня, все – в разрозненности и *все в отталкивании*. И я говорю себе: это, может быть, страсть; это – только влечение; это – тяжкая и принижающая власть тела; это – уже связь; а это (неужели? не верю, не верю!) – «лучезарное слиянье»²⁹⁹, ступень к духовному соединению. И в разноцветных, искажающих отблесках, *не призванная к жизни, но уже распятая* гаснет моя «любовь». Гаснет оттого, что я трагически и неизбежно ее «числю и мерю», что она – не «вся моя душа». Влюбленность – вот что безмерно для меня и вечно. И я никогда не понимал людей, для которых влюбленность – только миг, которые спешат в своем романе скорей слить губы и объятия.

Я любовью влекусь, *но не знаю, к тебе ли,*
или к тайне твоей, столь чужой для тебя.
Как Лампада пред Ликом в безмолвии келий,
я горю, созерцая, – сгораю, любя.

Н. М.³⁰⁰

Глава III

ЭРОТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОЛА

Иль истомы сердцу надо моему?
*И. А.*³⁰¹

Но бредет за дальним полюсом
Солнце сердца моего,
льдяным скованное поясом.
*А. Блок*³⁰²

Я не гоню и я не угашаю эротическое в себе. Больше: я хочу служить эротике. Только какой? – Я хочу, чтобы она длилась дольше в ее чистом восхождении, а не в быстром *низвержении в пол...* Пол всегда имеет для меня какой-то привкус необходимости, привкус естественного питания тела (а потому он и отвратителен!), пол омрачен для меня ассоциациями потребности, вроде потребности еды и утоления жажды. Все в любви должно быть больше естества, все – сверхъестественно. И мне кажется еще, что пол во влюбленности и в любви дан *для преодоления*. Можно (на это, конечно, нужен особый дар!) и миновать плен пола, перенесаясь из надземной сферы крылатой влюбленности на качественно более высокую ступень духовного сочетания. Меня всегда

преследовало *сознание тяготы своим полом*. И всегда восхищали яркие желания в любовных муках Ипполита и Федры *освободить свои души от уз пола*, перейти, минуя чистилище временной связи, к духовному сочетанию. Мне кажется, эту муку своим полом, эту тоску по духовному браку остро знала Каролина Павлова³⁰³, чья земная жизнь так щедро унижена жемчугом страдания.

А до преодоления, пол представляется мне необычайно легкою и краткой случайностью, легкою с обеих сторон, без чувствования власти тела и обладания.

Глава IV

Эротика Тоски и боли

От этих лунных осеребрений
куда ж уйти?

~

О, дали лунно-талые...

~

Или сам я лишь тень немая?

*И. А.*³⁰⁴

Минутна боль, *бессмертна жажда муки!*

*М. В.*³⁰⁵

Нет в мире радости светлее, чем Печаль!

*М. В.*³⁰⁶

*Моя жестокая, моя темноокая,
моя пламенная Царевна Тоска!*

~

О, моя темная Мадонна!

*Ineditus*³⁰⁷

Мне больно

с тобою гореть, еще большее – уйти.

*М. В.*³⁰⁸

В каждых сутках есть такой
смутный и тяжелый час.

Громко говорю с Тоской,
не раскрывши сонных глаз.

~

И Она стучит, как кровь,
как дыхание тепла,
как счастливая любовь,
рассудительна и зла.

*А. А.*³⁰⁹

Как хочу твоего поцелуя,
Как люблю тебя нынче, Горе!

*В. Б.<ородаевск>ий*³¹⁰

Если бы меня спросили, откуда такой наклон у меня, откуда мои предпочтения, – я, правда, предпочел бы не отвечать, потому что и ответом я не разбил бы своего одиночества и своей обреченности. Но мои ответы просты: я слишком надолго был отстранен судьбою от здоровья и всего здорового. Годы, до 16 лет, с небольшими перерывами, я провел в постели. Сменялись надо мною все виды болезни, отравляя, утончая и ломая мое тело. От этого так близка мне идея Смерти, слишком долго я стоял на ее грани.

Конец периода болезни связан для меня с острыми страданиями лунатизма. Луна имела безраздельную власть над моим телом. И для меня не так уж смешна эта строчка стихов:

Но певцы говорят, что любил он
Луну и от лунного умер удара.

*Б. Л.*³¹¹

Я не умер, но луна, опутывая крепким и лучистым шелком, бросала мое тело на грани окон, на карнизы дома, на перила балкона.

В зрелом возрасте все влияния болезней и Луны затмила собою Тоска, то отпускавшая мое сердце, то дружественно и интимно сжимавшая его медленное дыхание в мучительных объятиях.

Я знаю две Тоски: Тоску плененного ангела – Александра Блока – и белую, агоническую Тоску Иннокентия Анненского. Больше родства и содружества у меня с последней – тяжелой, горячеей, изломанной, пропитанной «ладаном разлуки»³¹². Рассказать Тоску так же нельзя, как рассказать музыку.

... Вот крыло ее близко спустилось надо мной. Стало темно и душно, гримаса исказила мой рот, мои глаза, лишённые благостного дара

слез. Знаю, что теперь не уйду. Буду сидеть с Нею, опаляющей *последним горением*, и слушать, как бьется мое пленное, мое *расколотое* сердце в ее *сухих и горячих* руках.

Иногда, да, – не противлюсь, – я с Ней интимно близок и говорю ей: «возьми, возьми, только сожми мое сердце больней и острее! Не вынимай своего жала, пей до конца, отдаюсь Тебе!..»

Иногда... хочу сорваться с кресла, бежать, *бросить дом*, оставить всех людей, уехать. О, магия, о неисповедимая магия слова: *уехать*. Как недавно, как болезненно остро я тебя узнал!.. Или броситься к чьим-то рукам, к дальним женским рукам, целовать их, чтобы стереть с губ эту смертельную, эту сжигающую горечь.

Как хочется тогда, в эти два «иногда» умолять людей, чтобы на меня не сердились, не горевали над собой и мной, чтобы оставили свободной мою уже очень недолгую жизнь, и оставили свободной *для произвола сердца*, для химеры Тоски.

Собственно, самый крепкий для меня и самый чистый, как огонь, брак – это брак с Тоскою. Она ведь и главный наставник в моих отношениях с другими женскими душами. Она сплетает, вяжет и разрешает мои романы. Меняются женские образы, но Тоска остается *нерастворимой в любви* и лишь *обманно* отдаваемой в период влюбленности.

Женское лицо прекрасно *только до тех пор*, пока поддерживает фантастику построения Красоты (причем само лицо может быть и некрасивым), пока фантазия бережно и неудержимо стремится воплотить в этом лице образ Афродиты Небесной. Женское лицо прекрасно, пока оно еще не слито с кумиром Афродиты Небесной, пока не омертвело, как кумир. В момент, когда слияние достигнуто, как только наложена маска Афродиты, лишь только онемели тайные построения Красоты, – лицо бледнеет и никнет, затемняемое душевной аурой пола. Любовь к *Красоте невоплощенной* – вот что возносит и окрыляет во влюбленности. А вмешательство пола в воплощение Красоты принижает и губит любовь.

Глава V ЭРОТИКА АПОЛЛОНА

Сияющие мраморы,
Лизипп и Пракситель!

А. М.³¹³

В один из периодов жизни я долго колебался перед выбором внешнего образа Красоты, мужской или женской.

Под влиянием эллинского гения Сократа и Платона, под влиянием нескольких фрагментов из бесед с кн. С.Н. Трубецким³¹⁴ я склонялся к обожествлению именно мужской красоты, как более очерченной, более сжатой, более сконцентрированной, чем постоянно расплывающаяся, часто очень однообразная в линиях, нестрогая в округлых контурах красота женская, дающая скорее дурман, духоту связанного поклонения, а не возвышенный полет к Истинной Красоте.

Конечно, я говорю о *совершенной* мужской красоте, в которой исключены: излишнее мужество, переходящее в грубость, тяжесть, *неритмичность фигуры* и гигантский рост, так пленяющие женщин, живущих только полем. И вовсе не обязательны: эта тугая, атлетическая шея и красные большие руки с налитыми жилами. *Совершенная мужская красота* может удерживать и оттенок женственности, но при условии чистой гармонии, прекрасной соотносительности, поющего ритма и бодрящей душу очерченности. – Вот почему один из моих романов был посвящен моему первому другу и надолго отвел мое внимание от воплощений женской красоты.

Глава VI

ЭРОТИКА МИРАЖНОЙ МЕЧТЫ

О бледный призрак, скажи скорее
мои вины.

~

Только раз мы холодные руки сплели
и, дрожа, поскорее из сада ушли.

~

*Безнадежно, полосками тонкими,
расплываясь, к друг другу все тянетесь.*

~

Для тебя оживил я мечту,
и минуты ее на счету.

~

О, молчи! Не зови!
Как минуты – часы
не таимой и нежной красы.

*И. А.*³¹⁵

*Несбыточной мечтой сильнее жги и
жаль!*

*М. В.*³¹⁶

И можно ли говорить о любви на нашем тяжком, земном языке с угнетающими ассоциациями, с нашим вечным стремлением все воплотить: порыв, мечту, полет, – всему дать плен. И какое это тяжкое слово: «воплотить», состоящее из плотных звеньев цепи и насилия! Раз только я видел тайный подход поэта к совершенной любви:

Будто сон – но *несбыточной сна*,
как мечта – но блаженной мечты.

.....

Вся из света она создана.
Вся из пламени вешних лучей.
Никогда не помедлит она,
не была и не будет ничьей.

*М. Л.*³¹⁷

Вот откуда это вечное желание, *чтобы Она помедлила*, чтобы, хоть призрачно, Она была твоей.

При нарастании сближений и касаний лучами глаз, при этом росте крыльев, ожидающих встречного взмаха, у меня всегда поднималось желание остановить сближение, длить дольше восхождение, выше заноситься в полете, – но уберечь свою душу от спуска, чрез поцелуи, в душную равнину пола. Это желание остановить – в неясности, в тумане – заохлодить свою мечту (потому что: вот-вот она сгорит, изменится и станет, *о, непременно станет не той...*) – это желание остро и горько знал Инн. Анненский:

Останься такой, как была,
останься неясной, тоскливой,
осеннего утра бледней...³¹⁸

Но почему? Почему остаться? – Потому что жестоко и цельно дана человеческому сердцу только минута:

Минута – и ветер, метнувшись,
в узорах развеет листья,

минута – и сердце, проснувшись,
увидит, что это не ты³¹⁹.

~

Увы, и та мечта, которая соткала
томление цветка с сверканием бокала,
погибнет вместе с ним, припав к его стеблю,
уж я забыл ее – другую я люблю.³²⁰

Так рождается Любовь-Призрак, Любовь-Мгновение, «миражная мечта», и душу томит мучительное желание (это и есть самая жестокая мука!) удержать призрак, пока он призрак, пока он не воплотился («Побудь точно призрак...»³²¹). Ведь воплощение *всегда грубо*, всегда меняет, всегда стирает нежнейшие ткани.

Теперь понятно и заклинание Инн. Анненского, произносимое с тяжким усилием, почти мученическим:

И все-таки лучше довольно...

Задуй, если можешь задуть!³²²

.....

Совсем, если можешь, не думай!³²³

.....

У него прямо чувствуется страх. *Страшно заменить лицо Мечты личиной женичины, личиной пола*. Поэт немеет в любви, его миражную мечту глаза могут делить *только немо* и притом *только глаза*, – не речь, не касания, не поцелуи, – они уже отвергнуты: на дне их горечь «неслышного прости»³²⁴.

Душа моя в узах своей темноты

звонит от безвольных усилий.

М. В.³²⁵

Желая удержать Мечту, душа в оцепененье застывает сама, она обречена, недвижима и тайно закована.

Тебя сорвать мне страшно, хризантема!³²⁶

Отсюда и желание поэта не давать воли любви, не давать приблизиться ей к грани спуска, удержать дым, облако, туман:

Есть любовь, похожая на дым:
если тесно ей – она дурманит,
дай ей волю – и ее не станет...³²⁷

Глава VII ЭРОТИКА ЛУЧЕЙ (ПОКЛОНЕНИЕ ФАМИРЕ³²⁸)

Уж не ты ль и колдуешь, жемчужный,
ты, кому остальные не нужны.

*И. А.*³²⁹

Я не скрываю, что плачу, когда поклоняюсь.

*А. Блок*³³⁰

Мне еще раз хочется вызвать тень моего желанного alter ego, безлюбого Фамиры, – лучшее литературное изображение моего духовного мира и моей эротике. Как беспредельно свободен, как царственно одинок Фамира. И для меня он особенно ценен, как создавший эротике лучей.

Вот он произносит свои отреченные слова:

Женам я не играю, я играю звездам.³³¹

И сразу вырастает расстояние, отделяющее его от людей, расстояние небесного светила от придорожной пыли. Это расстояние мудрости, покоя и молчания возлюбил Фамира. С высоты этого покоя и безлюбости все изменения жизни кажутся постылыми гримасами, *заученными судорогами страсти и умирания*.

Весь мир для Фамиры – люди и камни, и он без колебаний выбирает, конечно, камни. Царевич Фамира – прямой и близкий родич каменного царства и сам – носитель каменного сердца.

Сердца людей мятежны, но люблю
в горах седые камни.

.....

А зачем
ты к ним ходил, Фамира? Стосковался
по золотым браслетам? Влажных глаз

и суженных желаньем надо было
для этих струн?
Иль самок соловей
приманивать задумал...³³²

В людях его отталкивает это вечно метущееся многообразно-тоскливое, досадное и бессмысленно оскверняющее искажение единого божественного образа. Так много повторений одной и той же ограниченности, одних и тех же *заученных стремлений*, одной и той же червеобразной сцепленности с землей, с «земными благами», с земной любовью. Одна память об этом утомляет и опустошает душу. Если бы Фамира явился сейчас, он удивленно спросил бы: не слишком ли уж много людей, этой многоголовой скверны, неустанно поддерживающей царство Мировой Пошлости! Все в людях ему чуждо и особенно то, что окрашивает их лица *животным восторгом страсти и заревом злобы*.

И Фамира – один: и непонятен, и далек в своем драгоценном и звездном нимбе одиночества. Людям бесполезно приближаться. Они только пострадают от соприкосновения с ним. Прикосновение к его ауре несет с собой *безрадостность*. Фамира

рожден, чтоб быть безрадостно любимым,
пленять, как сон, и ускользать, как тень.

Судьба вложила в него высокий и мучительный дар безлюбоности:

Живу я
для черно-звездных высей...
.....
Я матери, я людям, я богам
прощаю все обиды – пусть и дальше
коль надо им, потешатся, – но мне
*дай утонуть глазами в блеске лиры
и сердцу ритмом слиться с трепетаньем
семи небесных струн, небесных струн!*³³³

Мать, полюбившая его единственной и последней женской любовью, говорит о Фамире:

Я не нужна ему. Пойми: никто
ему не нужен. Вот, Силен, что страшно.

*Живет в мечтах он, сердцем горд и сух,
и музыкой он болен.*³³⁴

О, музыка! *Это то, что больше любви*, что расковывает мечты, дает единое святое, творческое дыхание.

Тоска Фамиры – по «музыке мечты, еще не знавшей слова»³³⁵, – по призраку любви, не знавшей воплощения, – по святыне Красоты, линии которой не закованы в мраморе лица. Он потому и безлюбый, что *другая любовь* победила в нем: любовь к *истинной Красоте и абсолютной* Музыке. Такая любовь безраздельна и вытесняет ее земные воплощения, задерживает флером «неслышного прости»³³⁶ даже желанные прекрасные лица, даже «суженные желаньем глаза». – В этом смысле Фамира и *духом и телом* – служитель мистической и музыкальной грезы.

*Чуть слышный луч от музыки. В глаза
мои спустись, там приютишься в сердце,
безмолвный, безнадежный. И вослед
я не впускаю ни тени.*³³⁷

Интересны манеры и жесты Фамиры. – С каким трудом дает он руку нимфе Аргиопэ, своей матери, и уже *сразу* чувствует *преграду для любви*:

*Я сесть готов с тобой. И я люблю –
о, не тебя, – но сказки роз и перлов –
дыхание твое люблю я, речи странны*³³⁸.

А вот страх перед любовью, перед тяжелым и душным пологом любви:

Нимфа
(порывисто лаская Фамиру)
О, мой Фамира! Сын мой! Пробужденье
моей души! Мой день, мой бог, мой идол,
желание мое, моя тоска!
Фамира
(освобождаясь от ее объятий)
Довольно же. Оставь меня. Мне страшно.

Иль матери так любят? Я слышал,
что песни их, как полог тихи...³³⁹

Вот Нимфа предлагает Фамире женские одежды и скрытую жизнь вдвоем:

Пусть небеса расцветятся Иридой,
или дождем туманят их пары,
что небо нам? Мы будем под небридой³⁴⁰,
как две сестры.

Фамира:

Как две сестры... *Не слишком ли уж близко,*
и горячо, и *тесно*? Так не спят,
чтоб плесенью покрылось сердце – ночи,
и месяцы, и годы...³⁴¹

Вот прикосновение Фамиры к руке. Нимфа хочет прижаться к нему, хочет что-то сказать, но Фамира отстраняет ее:

Розы... Губы
не открывайтесь больше. Мне ни слов,
ни вас самих от вас не надо... Косы
пушистые... рука...

(Поднимает и оставляет упасть одну из бледных рук Нимфы)
ланиты... слез
недавние следы...

(Отстраняется, видя, что Нимфа снова делает движение к нему.)

Прикосновенья

не надо – нет. Лучей, одних лучей...

Там музыка...³⁴²

И для Фамиры (пока он не ослепил себя) остаются *только музыкальные касания глаз*, – т.е. возврат к прежней формуле Инн. Анненского:

Мечту моей тоскующей любви
твои *глаза* с моими делят *немо*.³⁴³

РЫЦАРЬ ЛОГОСА И ЛИЛИИ (Памяти Владимира Эрна)³⁴⁴

Смерть неожиданная, ненужная и не замеченная, кроме друзей, никем. И вместе – это типично русская смерть выдающегося человека. Высоко поднять над головой знамя русского философствования, самостоятельного мышления, много и неустанно работать, почти безысходно нуждаться, жестоко страдать физически и умереть в 35 лет, накануне защиты докторской диссертации, – разве это не по-русски, разве во всем этом не воля судьбы, тяготеющей над русской мыслью, над русской самобытностью в деле философии.

Далеко от Тебя, на столбцах газеты еле заметным шрифтом среди известий о выручке городского трамвая, я прочел весть о Твоей кончине. Спокойным безучастным тоном говорит заметка о том, как «окончив московский университет», Ты «жил в Италии и занимался изучением итальянской философии...». Но разве такова была Твоя жизнь, – вся приготовленная³⁴⁵ к великой борьбе, – «рыцарь со знаком креста на груди»³⁴⁶? Один из друзей Твоих нашел слова, определяющие Тебя, верные, дорогие слова: «Крест и латы, лилия и железо»³⁴⁷. Но как тверда судьба! Она устранила даже день Твоего публичного поминовения: 19 мая в Университете должно было быть собрание Религиозно-философического общества, посвященное Твоей памяти... и вот! аудитория взята под съезд промышленного комитета, а поминовение отложено³⁴⁸. Так проводила тебя наша родная русская жизнь. А как Ты вышел ей навстречу? С великими дарами, как евангельские волхвы, Ты вошел в жизнь, чтобы поклониться Истине: «с золотом своей верности, с смиренной своих созерцаний, с благоухающим ладаном своих вселенских надежд и чаяний»³⁴⁹. Жизнь не приняла Твоих даров, не успела, – в борьбе и тревогах за хлеб и землю – принять их из Твоих благословенных рук. И кто поднимет их, кто соединит вместе драгоценные эти дары, для кого сольются воедино «лилия и железо»?

Прости, дорогой мой друг – теперь благословенный заступник на небе! – прости и не вмени в похвалу мои слабые строки о Тебе, в которых хочу рассказать о встречах и беседах с Тобою.

Владимира Францевича я помню очень давно, с гимназических лет. Я был товарищем его по гимназии³⁵⁰, по историческому отделению филологического факультета и по Николаевскому общежитию студентов в Москве на Большой Грузинской, где года два Владимир Францевич заведовал историко-философским отделением библиотеки.

Гимназистом я помню Владимира Францевича в образе вечно сосредоточенного искателя существенных книг для своего духовного роста. Мы встречались на общих уроках Закона Божия и новых языков. Высокий, сосредоточенный и в то же время стремительный в походке и в движениях, со светлыми, всегда короткими волосами, он казался очень молодым для 8-го класса. Не знаю почему, но именно с ним я охотно здоровался и разговаривал. Поступив в 7-й класс, я не имел знакомых товарищей, а, кроме того, наше (второе) отделение, как «зараза гимназии», было совсем обособлено начальством от остальных классов: нас отделяла церковь и зал, обычно закрытые для прохода. И вот, когда отделения соединялись (на пятых уроках) и 8-2 поднимался на третий этаж к 8-1 – на лестницах неизменно происходили примерные сражения по правилам осады, изложенным в *De bello Gallico*³⁵¹. Вступавшие на лестницу снизу держали ранцы на голове, а сверху на них сыпались ранцы первого отделения, заранее мобилизованные в груды и начиненные книгами. В такой обстановке, в стороне от осады я обычно встречался с Владимиром Францевичем, державшимся в группе нейтралитетов: Флоренского, Семенникова, Фрея, Ельчанинова и др.³⁵²

Чаще всего с Владимиром Францевичем мы говорили о Г.Н. Гехтмане (новом преподавателе истории)³⁵³ и о древней Элладе; были влюблены буквально в каждый камень Троянских и Микенских раскопок. Г.Н. Гехтман знакомил нас с немецкими источниками о раскопках, принося в класс карты и картограммы раскопок. Среди обычного шума на лестнице я как-то уловил фразу Владимира Францевича: «Знаете, моя мечта – войти в греческий храм и молиться всем существом, распростершись на блестящем и святом камне Акрополя».

С тех пор мы менялись книгами, касающимися Эллады, запомнились почему-то не солидные томы, а «Сократ», драматическая хроника³⁵⁴, читанная на уроках Гехтмана, и роман Гамерлингга³⁵⁵ в 2-х томах о вехе Перикла, «Аспазия».

Впоследствии, в университете, Владимир Францевич еще раз отдал дань увлечению историей Греции. Из предложенных Павлом Гав-

риловичем Виноградовым тем писал «Быт греков по Гомеру». В реферате с особенной тщательностью изложены были страницы, посвященные религиозному быту.

Из гимназических лет запомнилась еще деятельность Владимира Францевича по организации «Литературно-философского кружка». Устроителями кружка были: П.А. Флоренский, Эрн, А.В. Ельчанинов, а со стороны второго отделения – Ир. Георг. Церетели (впоследствии член 2-й Думы и министр)³⁵⁶. Темы речей и рефератов касались решения самых основных конечных вопросов. С большим бесстрашием, упорством и серьезностью приступали молодые «философы» к обоснованию и защите своих тезисов. Как сейчас помню полукруглый актовый зал в новом здании, на местах слушателей – ученики 7 и 8 классов и члены Совета, на кафедре – П.А. Флоренский, с прирожденной серьезностью и основательностью излагающий методы в решении вопроса «о смысле жизни». Первая часть заседания, возвышенная и строгая, после закрытия собрания сменялась кружковыми спорами и беседами, группировавшимися, главным образом, около преподавателей Г.Н. Гехтмана и Я.И. Сватоша³⁵⁷. Здесь, в этом кружке, вероятно и сложилась решимость Владимира Францевича посвятить себя делу философии.

В университете, живя в Общежитии Николая II, Владимир Францевич поражал своих соседей необыкновенной усидчивостью и упорной работой над своим образованием. Не только стол, подоконник, но и доски от кроватей были приспособлены для книг. От этого в номере было как-то особенно уютно: ученая обстановка смягчала обычную студенческую неприютность. Владимир Францевич жил вместе с П.А. Флоренским на четвертом этаже, в последнем номере левого короткого крыла. Эта сторона в здании была менее всего людной. Обоих «сожителей» можно было видеть только во время чая и обеда. После обеда Владимир Францевич выдавал книги из историко-философского отдела библиотеки (библиотека имени П.А. Каленова³⁵⁸). Но желающих всегда было мало. И Владимир Францевич появлялся среди студентов все реже и реже. Он поддерживал знакомство, главным образом, с земляками-тифлисцами: со мной и с Н.А. Семенниковым, из посторонних – с М.И. Квасниковым³⁵⁹ и кн. А.В. Звенигородским. Мои личные беседы с Владимиром Францевичем обычно происходили после обеда, вечернего чая или поздней ночью, когда Владимир Францевич спускался вниз, чтобы взять черного хлеба и горячей воды для себя и П.А. Пока мы снизу доходили до отдаленного номера в четвертом эта-

же, мы успевали поделиться мыслями о Вл. Соловьеве, о курсе философии кн. С.Н. Трубецкого, о Мережковском и «Весах»³⁶⁰. Иногда мы останавливались у дверей его «келии» на более долгий срок, и тогда я являлся уже слушателем, а не собеседником. Владимир Францевич охотно говорил о Блаженном Августине, об Оригене, о «Трех разговорах»³⁶¹ и называл (по согласию с П. А-чем) ряд книг, которые я должен был приобрести в общелитературный отдел библиотеки. Бывая в номере Владимира Францевича, я всегда боялся беспокоить П. А-ча, занятого своими математическими науками. Помню на столе лаконическое увещание не отнимать времени у обитателей «келии». В общежитии над этим обращением потешались, желая сделать предметом шутки замкнутую уединенную жизнь друзей: с улыбкой говорили о том, что обитатели дальнего номера спят на голых досках, на ночь совсем устранив матрас с кровати. Не знаю, насколько продолжительна была эта аскеза у Владимир Францевича, но входя в номер, я не один раз видел кровать П. А-ча разобранной до досок. Охотно допускаю, что в процессе самовоспитания, некоторые начальные аскетические упражнения были действительно необходимы для поддержания общего ревностно-строгого отношения к науке. Это нисколько не мешало П. А-чу поздним вечером в опустевшей столовой играть на рояле, а Вл. Ф-чу, мне и Семенникову слушать его исполнения и импровизации.

Один месяц (май 1902 г.) мы с Владимиром Францевичем провели в особенно тесном единении, – это была подготовка к экзаменам по истории древней философии (у Сергея Николаевича³⁶²) и психологии (у Льва Михайловича Лопатина). По древней философии готовились около пруда в соседнем с общежитием владении (кажется, Странноприимный дом и больница³⁶³).

Конец мая. Тихая, совсем немосковская обстановка без грохота и пыли. Заросшие тропинки на отлогом берегу, редкие полусгнившие скамейки. А в уме системы Пифагора, Гераклита, Ксенофана, в руках литографированный курс с греческими (нелепо выведенными) фрагментами. Сквозь голос Владимира Францевича, сквозь ленивую, раскрывшуюся тишину пруда виднелся образ Сергея Николаевича. Перечитывая страницы курса, мы вновь представляли себя в аудитории, и память повторяла выражения, жесты, интонации и мимику дорогого лица. Прелесть наших занятий заключалась в том, что, удаляясь от текста лекций, мы предлагали друг другу собственные построения, прося угадать в них элементы изученных нами систем. От Сократа и Платона мысль невольно обращалась к христианству, и завязывался долгий раз-

говор, об историческом христианстве и истинном. Помню, как среди спора Владимир Францевич спросил, бываю ли я в церкви. Я ответил, что бываю в кремлевских соборах, где меня очень интересовала тогда стенная живопись. О себе Владимир Францевич заметил, что бывает в простых ближайших храмах: у Покрова в Кудрине или на М. Никитской (ц. св. Георгия)³⁶⁴. Вглядевшись тогда в глаза Владимира Францевича, светлые, строго-серьезные с кристально-чистым выражением, смотревшие несколько выше меня и вдруг улыбнувшиеся мне, – я понял, что христианская молитва в простом храме и возвышенном сердце – есть недоступная мне, но присущая Владимиру Францевичу потребность. Заметив некоторое (тогда) расхождение со мной в каком-либо вопросе, Владимир Францевич никогда не брался убеждать меня, а мягко, с высокой деликатностью обращал мое внимание к другой теме, предоставляя самому потом наедине перерешать вопрос. В такие паузы, для меня особенно деятельные – Владимир Францевич напевал песенку: «Ах, мой Август, Август милый, все прошло, прошло, прошло!».

Возвращаясь домой после таких перипатетических подготовок к экзаменам, я уносил в душе пробившийся, бунтующий запах весны и необыкновенную ясность озаряющего, готового к молитве взгляда. Тогда же, в этот период подготовки к экзаменам, Владимир Францевич рассказал мне о своем апокалипсически страшном видении, которое он видел в год окончания гимназии (летом). Копьем, которое держал правой рукой, он вот-вот был готов пронзить *свое сердце*, лежавшее в левой руке. Он не комментировал тогда своего видения, а я оценил в нем какую-то жутко-привлекательную поэтическую сторону. Из очень скромных рассказов Владимира Францевича о себе я понял, что в будущем его привлекает более всего писательская деятельность. Первым опытом своим он называл тогда «Диалог о Льве Толстом»³⁶⁵.

Весной 1904 года, оканчивая университет, Владимир Францевич в перерывах между экзаменами вновь и подолгу говорил со мной об Оригене, которого к тому времени знал очень хорошо, и советовал прочесть о нем монографию В.В. Болотова³⁶⁶. Меня особенно интересовали тогда не столько учение Оригена о св. Троице, сколько пункты расхождения Оригена с положительными догматами христианства: учение о духовных существах, способных достигать степени Божества, учение о воплощении Христа через одного из этих духов, учение о физическом мире как о процессе охлаждения и превращения духов в души, учение о сохранении характеристического образа после смерти и, наконец, учение о непременном воссоединении всех духовных существ

с Богом. Помню, с какой полнотой и исчерпывающей ясностью, свидетельствующей о солидной эрудиции, давал ответы на мои недоуменные вопросы Владимир Францевич. Это были последние дни его в общезжитии. Тогда же я принял от него ключ от историко-философской библиотеки, и, как личный подарок, книгу Гобсона («Общественные идеалы Джона Рескина») ³⁶⁷.

До 1906 года (лето), после расставания, я даже не знал, где находится Владимир Францевич. Случайно узнав, что он в Тифлисе, у родных, и не желая упустить его из виду, я послал ему маленький сборник стихов кн. А.В. Звенигородского ³⁶⁸. Это и послужило поводом к переписке, охватившей период большого подъема и радости у Владимира Францевича. В ответ на первое мое письмо он прислал свою книжечку, написанную вместе с В.П. Свенцицким, «Взыскующие Града» ³⁶⁹, а также (из Тифлиса и Царских колодцев) – знаменитые и исключительные по религиозно-политической содержательности газеты Ионы Брихничева: «Встань, спящий!», «Ходите в свете!» ³⁷⁰. Присылая по несколько номеров этой редкостной *народно-религиозной* газеты, Владимир Францевич поручал мне распространять их среди населения. ³⁷¹

С этого времени (приблизительно март–апрель 1906 года) религиозная общественность всецело, крепко и глубоко захватила Владимира Францевича. В письмах – он только изредка говорит о себе и о друзьях, – больше о планах и достижениях религиозно-общественной деятельности. Ценными в первых письмах Владимира Францевича являются также места, свидетельствующие о манере критического подхода к тому или иному произведению. О маленькой книжечке стихотворений («Delirium tremens» ³⁷² кн. Андрея Звенигородского) Владимир Францевич пишет: «Мне стало страшно за эту бездну мучения, в которую вверглась его душа. Страшно, не поддастся ли он искушениям, которых много на том пути, который он избрал... А талант у него крупный. Это несомненно. Стих превосходный, язык сильный. *Omniium initium rerum* ³⁷³ – шедевр пластичности. Это почти античная красота. А *Ignis sanat* ³⁷⁴ мне дорого по своему содержанию. Это ведь *вошь*... об избавлении. Только опять-таки страшно».

В том же письме Владимир Францевич пишет о своем друге П.А. Флоренском и о своих литературных предпочтениях. «Павлушу Фл. посадили в Бутырки за проповедь...» ³⁷⁵

Владимир Францевич отмечает этот факт не только по своему дружеству, но и потому, что тюрьма в России – обычное наказание за искреннюю и правдивую религиозную деятельность. Слово Флоренского,

сказанное в храме Московской Духовной Академии, – редчайший бичующий религиозный протест против смертной казни и военно-полевых судов.

О своих литературных симпатиях Владимир Францевич пишет кратко.

«Я очень высоко ставлю А. Белого и Вяч. Иванова. Случай свел меня с Ивановым в Женеве. Мы очень сошлись, и это дало мне возможность лучше проникнуть в самую душу его писаний. Его “Тантал”³⁷⁶ мне представляется произведением исключительной важности, красоты и несравненным по силе проникновением в самые глубины античного духа».

«Брюсова я тоже очень ценю. Бальмонта и Блока гораздо меньше».

«С Трубецким последний год я виделся несколько раз. Один раз имел с ним принципиально большой разговор».

Это и был разговор, где Владимир Францевич впервые и определенно решился формулировать свою проблему: за восточный Логос против западного Ratio.

Из следующих писем видно, как одна за другой сбываются давнишние студенческие надежды Владимира Францевича: открывается религиозно-философское общество им. Вл. Соловьева в Москве³⁷⁷, главные вопросы всей жизни приобретают широкий общественный интерес; Владимир Францевич получает возможность в публичных лекциях и статьях журнала исповедовать и защищать – с высокой душевной бодростью и четким литературным талантом – свое христианское миропонимание; в то же время выпуски «Религиозно-общественной библиотеки» все чаще и чаще носят имя Владимира Францевича. В 1906 году выходят, среди других, следующие брошюры Владимира Францевича Эрна: 1) «Семь свобод» (серия для народа), 2) «Христианское отношение к собственности» (работа, посвященная памяти Вл. Соловьева и арестованная), 3) «Пастырь нового типа» (свящ. Иона Брихничев).

Кроме того, в том же издательстве (Д. Ефимова) в сборнике «Вопросы религии» (вып. I) Владимир Францевич печатает свою работу «Церковное возрождение» (о приходе) и одновременно с этим переводит и издает Адольфа Гарнака «Сущность христианства»³⁷⁸.

«Наши дела идут замечательно хорошо (письмо от 22 ноября 1906 г.), открыли общество... Общество пользуется громадным успехом. Его посещают одновременно: сектанты, толстовцы, священники, курсистки, студенты, рабочие и представители крайних партий. Прения носят исключительно интересный и напряженный характер. Этим

детищем своим мы гордимся. Нечто необычайное происходит на заседаниях».

.....

«Скоро осуществится одна из заветных мыслей наших. С начала декабря (1906) получаем возможность издавать еженедельный журнал, посвященный вопросам христианской общественности, под названием “Социализм и христианство”. Журнал будет носить серьезный, не агитационный характер. Будут вести журнал Свенцицкий, Булгаков и я, а непостоянными сотрудниками будут почти все сотрудники “Вопросов жизни”. Скоро будет готов “циркуляр” – я Вам пришлю его в количестве 10–15, может быть, покажете кому-нибудь из интересующихся лиц».

Этому журналу не суждено было возникнуть. Но самая деятельность от такого препятствия становилась более напряженной и многообразной. Всецело, со всей чистотой и молодостью, Владимир Францевич отдался проповеди христианских общественных идей. Это был выдающийся момент в его личной жизни, но в то же время – *это была редкая полоса в истории русской общественности*. Впервые серьезно и впервые в большой массе русское интеллигентское общество остановило свое внимание на христианстве как общественном течении, почувствовало интерес к христианскому социализму, к проблеме *действенного и жизненного христианства*. В самом деле, нет более глубокой и более содержательной нравственно, и более сильной революции, чем построение общественной жизни по принципам христианства. Такое построение, отстаиваемое постепенно и неуклонно, придало бы начавшейся революции русской своеобразный, отличительный и более соответствующий духу русского народа характер. Нет слов для сожаления, что христианская общественность в России не окрепла в достаточной мере и не распространилась широко. Привейся она более прочно, мы не имели бы *безбожной, безрелигиозной, западнически обычной* революции 1917 года, а имели бы свою, коренную, русскую, восточную *крестовую и Христову* революцию.

Но и в этом эпизоде общественного интереса к христианству в России роль и заслуга Владимира Францевича громадны. Он наиболее видный, бесстрашный и стойкий рыцарь христианской общественности, «право правящий слово Христовой истины».

В письме от 24 февраля 1907 года, обещая «сфабриковать посылочку» из новых изданий Религиозно-общественной библиотеки, Владимир Францевич вновь возвращается к вопросу о журнале.

«Журнала *своего* у нас пока нет, и скоро, должно быть, не будет. Есть журнал, в котором мы, т.е. Булгаков, Свенцицкий, Ельчанинов и я, принимаем участие. Это петербургский еженедельник “Век”. Есть возможность, что журнал этот будет *почти* совсем нашим, а с будущего года и совсем. Но это выяснится на днях в Петербурге, куда мы специально за этим поедем с Свенцицким...»

«“Общество” продолжает свою деятельность и очень успешно. 31 января (1907) Бердяев читал реферат о Великом Инквизиторе, 6 февраля о. Михаил читал “о будущем типе христианства”; 16 февраля Свенцицкий – “о религиозном смысле Бранда”».

В смысле духовного роста и укрепления своих религиозных достижений «Бранд» – в постановке Художественного Театра – имел для Владимира Францевича самое решительное значение. Высокое напряжение религиозной воли для построения Царства Божия нашло во Владимире Францевиче соответствующие и отклик, и тяготение. С «Бранда» Владимир Францевич вышел на общественную борьбу в кованых железных латах, с чутким светящимся сердцем, но с поступью твердой, способной к *бесстрашному и дальнему восхождению*. – Вот что значат его слова:

«Я прямо чувствую, что в душе моей на Бранде что-то старое обрвалось и зазвучало победно что-то новое.

Качалов в роли Бранда истинно – *гениален*».

Говоря далее опять о делах «Общества», Владимир Францевич сообщает свои предположения о *Вольном богословском факультете*.

«5 марта буду читать я “жизненной правде”. Заседания становятся все многолюднее. На последнем было около 600 человек. С начала марта при Обществе организуется ряд систематических курсов – зачаток *Вольного богословского факультета*. Будут читаться следующие курсы: 1) Свенцицкий – “Лев Толстой и Владимир Соловьев”; П.А. Флоренский – “Философское введение в христианскую догматику”. Я – “Социализм, анархизм и христианство”. Проф. Тареев – “Христианская проблема и русская религиозная мысль”. Проф. Каптерев – “Церковь и раскол в XVII веке”».

.....

«Вокруг нашего дела завязалась и перепуталась масса сложнейших и ответственных отношений с отдельными людьми, и почти каждый день приносит нам новое и увлекает нас все дальше и дальше, в какую-то безгранную глубину».

О себе, о своей личной судьбе Владимир Францевич пишет необыкновенно и *целомудренно мало*. Поэтому немногие строчки и милые жалобы на недостаток времени для меня вдвойне ценны. Самые плодотворные, давно взлелеянные и неотступные мысли теснятся и ждут очереди осуществления. Отношения с людьми близкими, интересными, богатыми в своей личности переплетаются и стягиваются, очаровывая своими духовными дарами. И как трогательны посреди всех этих создающихся миров жалобы на исчезающий, неуловимый и скудный мир своего времени. Владимир Францевич как-то по-детски досадливо жалуется, что даже письма к невесте – в которых неумолчный и вневременный разговор душ – отнимают много времени.

Это наиболее подробное из писем Владимира Францевича оканчивается сообщением о его свадьбе. «Но теперь Ж<еню>ра³⁷⁹ уже со мной и я гораздо больше времени могу уделять переписке».

«Свадьба моя была в Петербурге 28 января (1907). А с 29-го мы уже были в Москве и ушли в бурливую, с внешней стороны, но в глубинах своих – тихую, радостную и трудовую жизнь».

Последнее письмо ко мне Владимира Францевича, которое хотелось бы привести целиком, помечено «17 декабря 1912. Рома». После этого Владимир Францевич не писал, присылал только оттиски своих статей в «Богословском вестнике»: три «письма о Христианском Риме». Надпись на оттисках помечена «25 марта 1913 года. Рим».

В письме Владимир Францевич вспоминает нашу жизнь в общежитии (в Грузинах) и сообщает сведения о своих старых друзьях. Собственно, все почти письмо посвящено рассказам о *П.А. Флоренском* и *А.В. Ельчанинове*.

«С удовольствием прочел Ваши статьи» (я посылал в Рим статьи о Франциске Ассизском и, кажется, о Фете). «Вы верны старым богам – это прекрасно и особенно хорошо в наше время универсальной неверности и утонченного забвения. Вспомнилось при чтении некоторых страниц наше житье-бытье в общежитии, когда Вы так бережно переплетали и собирали “поэтов” – и наши краткие беседы и взаимные симпатии».

«Я отсутствую из России [так! – *Т.Н.*] уже почти два года. Живу все это время в Италии как командированный “с научной целью” приват-доцент. Официально изучаю итальянскую натурфилософию, а неофициально интересуюсь решительно всем на свете и, если б не хронический нефрит, который меня дарит хроническим отсутствием физических сил, чувствовал бы себя очень хорошо с женой и маленькой че-

тырехлетней дочкой³⁸⁰ – окруженный беспредельными сокровищами итальянского прошлого».

Судьба не судила нам увидеться. Я так и не имею перед глазами образа Владимира Францевича в зрелом возрасте. А когда хочу представить себе, – неизменно вижу Владимира Францевича после прощальной улыбки, быстрыми шагами, через несколько ступеней, уходящим вверх на свой четвертый общежитейский этаж. Чаще всего вижу в светлой студенческой тужурке или в голубой, в полосочку, рубашке с высоким воротником. И лицо запомнил молодое, с немногими чертами шведского происхождения, с серо-голубыми, всегда серьезными глазами. Улыбка Владимира Францевича – меня, по крайней мере, – всегда побуждала рвануться к нему навстречу еще ближе, еще сильнее; но сбежала тень улыбки, – и вновь выступали многие-многие ступени, которые надо было еще пройти до созерцательных и духовных высот Владимира Францевича.

Среди записочек Владимира Францевича сохранилась одна с афоризмами, которые показательны для него и его будущей деятельности. На клочке серой бумаги, с одной стороны написано: *πόλεμος πατήρ πάλυω*³⁸¹, а с другой – изречение Гете: «Надо постоянно повторять истину, потому что беспрерывно проповедаются среди нас и заблуждения»³⁸². Первый афоризм превратился впоследствии (в 1911 г.) в эпиграф к его воинственной книге «Борьба за Логос». Под тремя перевившимися венками из разных растений стоят слова: «Надлежит сперва битися». Второй афоризм стал символом всего метода философствования Владимира Францевича. Бережной, уверенной, как бы прорицающей рукой снимал Владимир Францевич бессчетные покровы заблуждения с различных теорий и обыденных утверждений.

2

Я не берусь говорить о больших университетских трудах, диссертациях Владимира Францевича: о «Розмине и его теории знания» и о «Философии Джоберти»; для меня *неменьшего* значения и *неменьшей* философской вдохновенности полны первые книги: «Борьба за Логос», посвященная жене, и «Г.С. Скворода», посвященная Г.А. Рачинскому. В них, в этих книгах, Владимир Францевич Эрн виден во

весь рост: здесь и сила воинствующего рыцаря, служителя Логоса, и острота изощренного философического копья, и воодушевление верою и любовью.

Первая параллель, которая предносится при чтении обеих книг, – это Вл. Соловьев и Владимир Эрн. Владимир Францевич – не увлекающийся Вл. Соловьевым – как пишут о нем в некрологах (Э.Л. Радлов), – а строгий последователь Соловьева и продолжатель его дела. Вл. Соловьев вскрыл кризис западной философии, Владимир Францевич углубил раскрытие кризиса и уяснил его, показав с очевидностью и *кризис новоевропейской, современной философии*. Критике позитивизма Вл. Соловьев посвятил сочинение «Кризис западной философии»; критике рационализма (от которого не всегда свободен и Вл. Соловьев) В.Ф. Эрн посвятил две сжатые статьи: 1) «На пути к логизму» (послесловие к «Борьбе за Логос») и 2) «Основной характер русской философской мысли и метод ее изучения» (введение в монографию о Г.С. Сковороде).

Поставив вопрос о существовании разума, В.Ф. Эрн и поднял ту борьбу против <Ratio>, которой наполнена вся его философская деятельность до последних, предсмертных статей: «Верхнее постижение Платона» (В<опросы> Ф<илософии> и Пс<ихологии>, кн. 137–138) и разбор диссертации Г.Г. Шпета «История как проблема логики» (Ж<урнал> М<инистерства> Н<ародного> Пр<освещения> 1917, июнь). В высшей степени тонкое и остроумное определение ratio мы видим в монографии о Сковороде.

«Что такое ratio? Это среднее арифметическое между разумами всех людей... *Качество* разума берется не во всем объеме, а лишь в том, какой свойствен и реально дан большинству... Ratio отрекается как от темных природных *корней* разума, питающихся древним родимым и зиждательным *хаосом* космической жизни, так и от светлых, но скрытых от большинства, *вершин* разума, объемлемых благодатной и умирной лазурью неба»³⁸³.

С необыкновенной четкостью В.Ф. Эрн формулирует основные положения рационализма и философии Логоса. Противоборство мысли вскрывается перед читателем в виде враждебных, исключаящих друг друга рядов. Я позволю себе цитировать эти знаменитые ряды философского противоборства.

Ratio

1. Мертвая вещьность.
2. Механическая точка зрения + универсальный детерминизм
3. Иллюзионизм + меонизм³⁸⁴
4. Схематизм
5. Нормативизм
6. Непрерывность (эволюционизм)
7. Статичность

Логос

- «Живой и живящий персонализм»
 Органическая точка зрения и философия свободы
 Всесторонний онтологизм
 Символизм
 Тонизм³⁸⁵
 Прерывистость (катастрофизм)
 Динамичность

Как служитель Логоса, В.Ф. Эрн имеет достойное место в ряду христианских мыслителей: Дионисия Ареопагита, св. Максима Исповедника, Григория Нисского, их западного ученика И.С. Эригены³⁸⁶ и русского оригинального мыслителя кн. С.Н. Трубецкого. В соответствии с высоким служением два труднейших подвига взял на себя В.Ф. Эрн. Чтобы «осознать мир в Логосе и мысль в ее божественной сущности», он предпринял подвиг творческого и коренного прозрения в природу вещей, но, кроме того и одновременно, решился и на второй подвиг – творческого раскрытия основных прозрений в утонченных терминах современного мышления. Об этом втором подвиге В.Ф. говорит с большой и бесповоротной решимостью: «необходимо, чтобы основы логизма были “проведены сквозь строй” всего рационалистического воинства»³⁸⁷. Блестящие опыты этого «проведения» логизма мы видим в полемических работах Владимира Францевича: 1) «Нечто о Логосе, русской философии и научности» (По поводу нового журнала «Логос») и «Культурное непонимание».

Как истинный служитель Логоса Владимир Францевич существенно близок к природе как Сущему. Нужно «вернуться к Природе как Сущему. Нужно осознать мысль в Природе и Природу в мысли»³⁸⁸. Самое «целование в умилении земли» В.Ф. Эрн называет «первым условием душевного и духовного здоровья, первым условием правильного религиозного роста»³⁸⁹. Этой близостью к Природе как Сущему объясняется и то ценное внимание, какое уделяет В.Ф. Эрн «мысли поэтов» и та защита *прав поэтического постижения* действительности, какую он берет на себя. Обличая необычайную сухость и отвлеченность рационалистического философствования как следствия отречения от Земли и Неба, В.Ф. Эрн констатирует и другое важное следствие: разрыв

между мыслью философов и мыслью поэтов. «Разум поэтический стал в небывалое противоречие с разумом философским»³⁹⁰. Непризнание прав поэтического постижения действительности «ни в какой степени» – укрепилось в рационализме со времени Декарта. «Но если поэзия вымысел, – говорит В.Ф. Эрн, – то вымысел и все то в человеческих переживаниях, что воспевается поэтами, в чем человек, лишенный поэтического дара, становится поэтом в самом акте поэтического переживания»³⁹¹.

Одна из многих заслуг философствования В.Ф. Эрна в том, что он открыл противоборство двух потоков в великом течении европейской истории. Один – «основной и подземный», продолжающий «линию вселенской культуры» (искусство, мистика, католичество и «все гениальное в мысли, слове и деле»), – поток культуры и другой – (шум его, как «шум вод многих») – поток цивилизации. «Но нет ничего враждебнее культуре, чем цивилизация. Цивилизация есть *изнанка* культуры... Цивилизация есть *овеществленный рационализм*»³⁹². Возникает вопрос, почему же рационализм сочетается с цивилизацией, а не с культурой. Потому что культура, создаваемая «*двуедино*» Дионисом вдохновения и Аполлоном формы, есть «солидарная преемственность творчества»³⁹³. А отношение рационализма к творчеству в том, что он «не в силах его осмыслить и не может его понять»³⁹⁴. Рационализм, обесмысливая творчество, превращает культуру в *призрак*. *Приведение культуры к призраку* в Германии обусловило собой и возникновение мировой войны, и все детализованные и рационалистические жестокости германцев.

О мировой войне очень ценны пророческие слова В.Ф. Эрна в 3 главе статьи «На пути к логизму»: «Культура находится в самом трагическом положении» ... «Никогда не было столько культурфилософов», как в наше время, и культуре «никогда, кажется, не грозила столь явная опасность при 77 тысячах нянюшек *остаться совершенно без глаз*». Эти слова сказаны в 1911 году, за три года до войны.

В.Ф. Эрн интересен и как историк русской философской мысли, не историк каждого возникавшего и отражавшегося в России течения, – а историк главной магистрали русской мысли. Вводная и заключительная статьи монографии о Г.С. Сковороде в сжатой форме дают достаточный материал для того, чтобы говорить об Эрне как об историке.

В отношении к вопросу о самобытности России В.Ф. совершенно противоположен П.Я. Чаадаеву.

«Пренебрежение к своему прошлому и настоящему, *основанное на незнании и невежестве*, есть одна из самых печальных черт нашей общественной психологии».

«Русская философская мысль имеет не только *гениальных и глупо талантливых* представителей, она в корне, в основной традиции своей существенно оригинальна»³⁹⁵.

«Для многих самое соединение слов “русская философия” кажется странным, потому что они никогда не слышали, что в России более столетия существует оригинальная философская мысль»³⁹⁶.

Возникновение и развитие оригинальной философской мысли в России обусловлено логизмом восточнохристианского умозрения, который для России есть «внутренне данное». Проблема противоборства *ratio* и Логоса, конечно, живейшим образом касается России, потому что «*вселенская задача философии* сводится к всестороннему и свободному торжеству одного из этих начал над другим»³⁹⁷. Встреча («свободная») этих двух непримиримых врагов должна произойти именно в России, в русском сознании, потому что Россия, внутренне восприняв логизм «и нося его в своей крови, философски осознает его *непрерывным реактивом* западноевропейского рационализма». Это и есть основной факт русской мысли.

Прекрасно опознание и формулировка борющихся начал в словах В.Ф. Эрна: «Завершительная битва между началом божественного, человеческого и космического Логоса и началом человеческого, только человеческого *ratio* есть достояние и *удел России*»³⁹⁸. Вся русская философская мысль, по мнению В.Ф. Эрна, есть цельное и единое по замыслу философское дело. «Между всеми (повторяю: оригинальными) русскими мыслителями» – от великого «старца» и «теоманта» Сквороды, от П.Я. Чаадаева и славянофилов до кн. С.Н. Трубецкого и В.И. Иванова – «есть какой-то “*тайнообменный взгляд*”»³⁹⁹.

Теперь и сам В.Ф. Эрн стал в этот замечательный ряд «тайно обменявшихся взглядом», и не только сам обменялся и был свидетелем «тайно обменного взгляда», но и другим дал возможность видеть таинство созерцательного «обмена». В этом своеобразная черта В.Ф. Эрна как историка русской философии. За свою промелькнувшую жизнь он поднялся на значительную высоту постижения и успел оглядеть пути новоевропейской и нашей «природной» русской философии.

Самый поворот В.Ф. Эрна к итальянской философии и изучение таких философов, как Антонио Розмини-Сербати (1797–1855) и Винченцо Джоберти (1801–1852), искавших примирения между эмпириз-

мом и высоким платоновским идеализмом, – свидетельствуют о принятой им подготовке к встрече в русской философской мысли «двух истонных врагов».

Выдающееся значение имеет заключительная статья в исследовании о Сковороде: «Сковорода и последующая русская мысль». С удивительным прозрением В.Ф. Эрн сумел схватить незримые нити, протянувшиеся от родоначальника русской философии к В.С. Печерину, Александру Добролюбову, Л.Н. Толстому, Н.В. Гоголю, Вл.С. Соловьеву, Ф.М. Достоевскому, Ф.И. Тютчеву, Вяч. Ив. Иванову, И.В. Киреевскому, А.С. Хомякову, Пам. Дан. Юркевичу⁴⁰⁰ и к Л.М. Лопатину.

Поразителен доклад В.Ф. Эрн «Идея катастрофического прогресса», читанный в Рел.-Фил. Обществе памяти Вл. Соловьева в марте 1907 года и напечатанный в «Русской мысли» в 1909 году. Очень ценны: 1) Христианское учение В.Ф. Эрн о процессах прерывных как продукте н<о>уменьшающегося мира, переводящих жизнь на качественно новую ступень; 2) мысли о конце истории человеческой («прыжок мира и человечества в Абсолютное»). Знаменательны в пророческом отношении заключительные строки статьи «за семь лет до начала войны» (кроме предыдущего указания за 3 года). Владимир Францевич пророчески предугадал все те неисчислимы мучения и ту скорбь, которые вызовет мировая война и ее последствия. И в своих пророчествах, и в своих идеях, развитых в этой статье, – Владимир Францевич – истинный продолжатель Владимира Соловьева. «Идея катастрофического прогресса» – продолжение и развитие катастрофических «Трех разговоров».

Вот эти заключительные слова:

«Старый мир, вызрев и до конца пройдя весь страдальческий путь свой, с торжественной Осанной сорвется с своей эмпирической оси...

Остаток истории, то будущее, которое отделяет нас от Вечности, должен быть заполнен небывалыми страданиями. Муки должны ступить до темных грозowych туч, которые уже были на земле в день Распятия. Когда настанет время мировых родов, на земле будет такая печаль, такая скорбь, страх и уныние, каких не было от создания мира».

В заключении я хотел бы остановиться на некоторых своеобразных манерах В.Ф. Эрн как писателя, на особенностях его дарования.

Первое, что чувствуется сейчас же при обращении к произведениям Владимира Францевича, – это богатство автора органами восприятия, удивительная эстетическая проницательность, отсутствие обычной

у философов сухости и отвлеченности, способность к поднятию строго логической мысли до степени вдохновенного прозрения, необыкновенная, увлекательная четкость языка и, наконец, стиль самой мысли, «внутренний чекан рассуждения, высокий формально-технический уровень, на котором ведется исследование и который достигается сочетанием философской культуры с философской самостоятельностью». Эти слова о чеканке и формально-техническом уровне, сказанные Владимиром Францевичем по поводу работы Г.Г. Шпета⁴⁰¹, более всего характеризуют его собственные произведения. Но у В.Ф. Эрна не только отличный чекан рассуждения, но и столь же высокий чекан определений (напр., определения метода, культуры и цивилизации) и, в особенности, чекан формул. Необыкновенно сжатые, они соединяют поэтически изящную внешность с четко-строгим и глубоким философским содержанием. Они так привлекательны, что хотелось бы привести их здесь возможно больше, но я ограничусь только взятыми наудачу.

«Всякое творчество *двуедино*. Дионис вдохновения катаргически ищет исхода в аполлинической⁴⁰² форме. Где нет Диониса, там нет *основы* для творчества. Где нет Аполлона, там нет *исхода* для творческого порыва».

«Гений больше, чем “индивидуум”. В нем творит, *воздыхает и болеет душа мира*. Болезнь гения страшнее холеры, чумы, самой губительной эпидемии» (о Ф. Ницше).

«”Первопророчица Земля” перестает быть слышимой в трескучем дурмане “цивилизованной жизни”».

«В каждом человеке цивилизация мнет инстинктивную мудрость природы».

«Гений нашего времени стоит спиной к современности».

«Чем больше и несомненнее гений, тем дальше он от современности».⁴⁰³

«Философ не только *сам* философствует, но и в нем философствует нечто сверхличное»^{404 405}

«Логос есть принцип, имманентный вещам, и всякая *ges* таит в себе скрытое, сокровенное слово»⁴⁰⁶.

«Всякое усвоение истины не теоретично, а практично, не интеллектуалистично, а волюнтаристично»⁴⁰⁷.

«Степень познания соответствует степени напряженности воли, усваивающей Истину. И на вершинах познания находятся не ученые и философы, а *святые*».

«Святые – тайные кормчие русской истории».⁴⁰⁸

«И путь восхождения один: – это лестница христианского подвига»⁴⁰⁹.

«В логизме Бог – Личность, Вселенная – Личность, Церковь – Личность, человек – Личность»⁴¹⁰.

«В лице Сквороды происходит рождение *философского разума в России как отдельной способности*».

«Тревожность мысли Гоголя, Влад. Соловьева и особенно Достоевского, – непревзойденной вершины нашего самосознания, – совершенно нова для современной Европы».

«Эта специфически русская тревога в своих высших явлениях... начинает чувствовать *Апокалипсис как живую книгу Истории, которая перелистывается на наших глазах*»⁴¹¹.

«Скворода первый в Новое время вернул символу серьезное значение»⁴¹².

«Или за позитивизм против свободы – тогда Антихрист. Или за свободу против позитивизма, – тогда Христос»⁴¹³.

Кроме чекана рассуждения и, в частности, чекана формул поражает почти в каждой статье В.Ф. Эрна особенная деятельность в раскрытии и углублении мысли. Кажется, что ряд едва разглядываемых ступеней исчезает совсем, обрывается, но философ умеет четким взором открыть, за перерывом, новый ряд ступеней, умеет провести по уцелевшему стержню лестницы к новым крепким и широким возвышениям. Равным образом, нисходя в чужую глубину духа, – философ умеет не только открыть и найти, но и вынести на свет в трепещущих пригоршнях ослепительные богатства созерцания. В произведениях Сквороды он открывает бездну поразительных символов, целый, как бы забытый на дне морском, ковчег примитивной и вместе – прельстительной поэзии. Из глубины Сквородиной речи Эрн извлекает таинственные, редкие «непослушные» слова.

Может показаться странным, но мне серьезно и очень трудно оторвать свое внимание не только от этой ужасной и непостижимой кончины Владимира Францевича, но и от его первоначальных книг. Каждая статья дарит читателя содержимым, далеко выходящим за пределы тематического вопроса. Замечательно не только решение вопроса, но и все, что попутно захватывает и оставляет после себя тема. Замечательны мысли В.Ф. Эрна о способах видения, о внутренней данности метафизических фактов. Прекрасно его обличение имперсонализ-

ма, а чудесные полемические статьи, богатые примечаниями, написанные с исключительной остротой ума и прозрения, свидетельствуют об особенно редком благородстве спорить.

Вот все, что я решился сказать о Тебе, мой дорогой, отошедший и вместе близкий Друг. Не осуждай и, если это угодно Господу, – не забывай меня. Это не похвалы праздные, а восхищение мое Тебе за жемчужные, *священные*, всеми отвергаемые и *пока* сейчас равнодушно-гонимые мысли.

1917 Май

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ В.Ф. ЭРНА (1882–1917)⁴¹⁴

Болезнь настигла Вл. Фр-ча за неделю до публичной защиты им докторской диссертации (о философии В. Джоберти). Основная болезнь мучила В.Ф. очень давно: в письме от 17 дек. 1912 года (Roma. Е. Архиппову) он жалуется на хронический нефрит, начавшийся еще раньше, в России, до командировки за границу (в 1911 г.). Эта же болезнь заставляла его дожидаться кафедры в одном из южных университетов: Киевском или Новороссийском. За несколько дней до смерти Вл. Фр. получил приглашение занять одну из кафедр, но опять-таки в северном, Казанском университете.

Защита диссертации была назначена на 1 мая (в сообщении «Утра России» – на 2 мая), но в этот день уже хоронили Вл. Фр.

Приблизительно за неделю до смерти, находясь в редакции «Вопросов философии», в разговоре с Н.П. Корелиной⁴¹⁵ Вл. Фр. жаловался на большую слабость, мечтал скорее защитить диссертацию и во вторник 9 мая уехать на Кавказ.

Но ни Кавказ, ни кафедра в Казани, ни защита диссертации не были суждены.

В последние дни Вл. Фр. сильно волновался положением России, соединившей в своем устремлении путь войны и путь революции. Меньше беспокоился о себе и о семье, состоявшей из дочери и жены⁴¹⁶, – так как почти достиг уже определенного положения.

Тяжело проболел Вл. Фр. всего одну неделю; перед тем у него была инфлюэнца и тяжкий флюс с высокой температурой, и только потом вдруг обнаружилась уремия. Эту неделю он редко бывал в сознании, очень страдал, метался, кричал, изредка узнавая близких. Было несколько врачей около Вл. Фр., уход хороший⁴¹⁷, но спасти было нельзя.

Вл. Фр. умирал тяжело, без памяти.

Скончался около 1 ч. дня 29 апреля.

Отпевание происходило не в университетской церкви, а в ц. Знамения в Зубове, вероятно, по желанию семьи, – в том приходе, где жил Вл. Фр. В церкви присутствовало человек 80, это были, главным образом, те, кто горячо любил Вл. Фр. Отпевали – ближний друг покойного священник и профессор П.А. Флоренский в сослужении со свящ. и поэтом С.М. Соловьевым. С. М-ч все время отпевания плакал, не мог удержать слез и при произнесении речи. Плакали и все присутствовавшие, чувствующие, какой духовной опоры они лишились со смер-

тью Владимира Францевича. После отпевания гроб вынесли на руках кн. Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Г.А. Рачинский, Н.А. Бердяев, граф Толстой и брат Вл. Фр-ча. – Ярко озарило солнце этот ранний и дорогой гроб, и казалось, что люди уже плакали не о нем, ушедшем, а о самих себе, растерянных и оставленных.

В.Ф. похоронен на новом кладбище Девичьего Монастыря неподалеку от А.Н. Скрябина. Могила совсем простая: темно-желтый дубовый крест, на котором только имя и даты рождения и смерти. К кресту прикреплена икона Божией матери – Знамение с Младенцем в лоне. В первый год – как это всегда бывает – могила была еще чтима.

Посетивший ее Д.С. Усов застал у подножия креста белые аютины глазки, на кресте металлический венок с лентой: «Владимиру Ф. Эрну – от глубоко огорченных сестер».

Е.А.

II

Опускаю в копилку умерших замыслов все чаще и чаще мои мечты. Вот опустился «Молитвенник символистов», за ним: «Иератические формулы Тютчева», «Софийный цикл стихотворений у Вл. Соловьева», воспоминания о Ключевском (При ногу Его⁴¹⁹), о кн. С. Трубецком, «Путеводитель по Вяч. Иванову», «Эротика Вл. Соловьева», «Эпитетация Иннокентия Анненского»⁴²⁰, «Портрет Мейерхольда» и много других, которые жалко еще помещать в Пантеон окаменевших радостей, призывов и страданий⁴²¹.

Коллекция моих снов, очень однообразная, уже давно не пополнялась, и только недавно упал на мое изголовье непонятный и черный сон. Вечером, при свете огня, присутствовал в тщательно прибранной комнате, но почти без мебели, на какой-то жуткой панихиде. Чувствовал необходимую потребность, болезненно не осуществимую во мне, помолиться о каком-то отошедшем человеке. Со мной стояли несколько мужчин (трое-четверо) во фраках, очень хорошо одетые. Панихида почти кончилась. Я повернулся к окну, очень большому, в лунно-освещенную галерею и заметил приближение белой и массивной тени. Не мог, уже похолодевший, оторвать глаз. Через несколько мгновений почти вплотную к стеклу приблизилась полная и высокая женщина, вся в белом, с расширенными и помертвевшими зрачками, и стала медленно падать навзничь. Я испугался ее, за нее и того звука, который, чувствовал, произойдет от падения. Бросился к группе стоявших у двери незнакомых людей. С чудовищным ужасом ждал звука от падения. Но он медлил неестественно и, наконец, раздался. Боже мой! Какой гул! Не громкий, но потрясший все существо, жуткий, неизъяснимый... Бросились люди, и поднялась суматоха в галерее, около тела... Я остался на пороге... Проснулся.

Больше не мог заснуть и все порывался уйти в другую комнату, но боялся пошевелинуться, вызвать тот смертельный гул.

Мне опять вспомнился папа в день его смерти. Уже последняя тоска овладевала им: подойти к берегу Терека и броситься в шумную быстрину... Он сидел в кресле, положив голову на руки на край сто-

ла. В бессилии я спросил, не надо ли чего. — «Когда получишь жалованье, принеси десять рублей». Не зная, что в последний раз прощаюсь, простился, поцеловав отнятую от головы руку. Он не повернул головы и не разжал руки. ... Через три часа на извозчике приехала Клодя: «Папа упал и умер».

Идя за гробом и видя, как на подушке колыхалась почти живая, слегка поседевшая голова папы, — все время, как никогда, чувствовал себя грудным, чувствовал свой костяк и мясо, нелепо и ничтожно соединенные с духом.

Церковь или Музыка, одно из сокровищ должно быть дано человеку, чтобы иметь свой ритм, чтобы разбить липкую маску обыденности.

Счастливые, синтезируя, обладают обеими.

Чтобы читать Иннокентия Анненского, надо разбить душу на остриях невозможности, надо собрать горькую коллекцию этих «невозможно»⁴²² и потом все-таки решиться сжечь ее в невидном пламени уже сгоревшей жизни.

Взятая у меня книга, конечно, осквернена. Чиста, прекрасна и непорочна только та, которую я один знаю и читаю. И много надо пассов и приневоливаний себя, чтобы отогнать с листов книги облипшую и враждебную ауру грубых прикосновений. Без новых освящений книга может быть принята только от близкого человека и любимой женщины.

Как легко молодые люди переступают границу любознательности в сторону потери такта. Впрочем, это общая черта людей. Они относятся к Вашему столу, как к витрине. Перебирают книги, которые вы не успели закрыть, заглядывают в Ваши рукописи. И это суетливое вторжение грубо оскорбляет Вас. Не манеры ищущих посвящения, а бесцеремонность захватчиков, каких-то предпринимателей науки, все чаще чувствуется в восходящем поколении.

III

Я давно собирал в душе магические для меня эпитафии, рассыпал, забывал и снова нанизывал. Вот один из них:

Когда к ночи усталой рукой
Допашу я свою полосу,
Я хотел бы уйти на покой
В монастырь, но в далеком лесу.⁴²³

Именно, «в далеком лесу», – прочие монастыри осквернены заботами о наживе, поруганы рыхлыми, отъевшимися телами монахов... Не в Италии, о нет, у нас нужен был Савонарола.

Еще к коллекции магических эпитафий, владевших мною:

И восковой в гробу забудется рука.⁴²⁴

Как это грубо – жить... А в мире, на краю
Смертельной пропасти дана, как сон, чутью
невыразимая полночная баллада.⁴²⁵

Отступи, как отлив, все дневное, пустое волнение!
Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим!⁴²⁶

Как люди не понимают, что я могу заниматься только при наличии некоторого запустения в комнате: когда постель два дня уже не убиралась, когда на столе оставлено открытое вино и крепкий чай стоит чуть не вторые сутки. Когда можно никого не ждать, никуда не идти, встать среди ночи и лечь в постель поздно утром, чтобы застать побледневший и оскверненный пылью закат...

Как приятно, что умирает русский дэндиизм (выражение Блока⁴²⁷), дэндиизм в массовом, футуристически пошлом выражении: святые могилы Эдгара По, Бодлэра, Оскара Уайльда посвежеют, заполнятся глухой травой, такой необходимой, такой очистительной травой забвенья. И через десятки лет новые поклонники и продолжатели прикинут духом к священным гробовым покровам: поцелуют истомленными и жаркими устами золотое оперение Ваше, рассыпанное в благословенных, миром отверженных книгах...

И. Анненский – это тайна жизни, обаятельно расцветшей и желанной, мучительно изошренной, в интимных аспектах построившей самые четкие и самые острые соотношения Ужаса, Красоты и Скорби. – И в момент постижений, готовых сделаться безумными и праведными, это все же – тайна, мгновенно закованная в траур Смерти. От этого Смерть в созданиях Анненского так поразительно тонка, так утонченна и мудра, так высоко и жутко поднимает на остриях хрустальных построений.

Разве вы не знаете, что некоторые страницы любимой книги скрываются от вас, прямо намеренно срываются с другими листами, прячутся, как вещи, – чтобы в момент стального затишья ранить вас сверкающей и лучезарной болью.

Если б я имел возможность путешествовать, – я весь год провел бы «у великих могил», у тех святилищ, что сопрягают прах с величием имени, – у могил Тютчева, Вл. Соловьева, кн. С. Трубецкого. Я посетил бы и бедный склеп под бедной церковью села Клейменова, где покоится наш северный податель света⁴²⁹ и лазури – Гелиос – Фет... И еще одну могилу, конечно, Твою, мое Траурное Солнце, мое любимое сердце, сгоревшее под остриями содружества Красоты и Смерти.

(Об Инн. А.)

Как я мог отвергнуть то облачение для «Ночных часов»⁴³⁰, что подарила мне Кассандра! На белой парче Траурное Солнце в окружении стрел уходящих комет, разгорающихся из черного блеска в фиолетное зарство <так! – Т.Н.>. – Ведь это покров для Тебя, Единый из поэтов, осыпанный солнечным пеплом, осенивший нас восковым видением своей Безлюбой Тоски⁴³¹.

(Об Инн. А.)

Когда Андрею⁴³² не нравились те или иные отдельные издания О. Уайльда (напр., первая «Саломея» в inferнальной обложке М. Дурнова⁴³³), он дарил их мне с ценными волнующими надписями, которые с годами стали особенно дорогими. Так я принял в свое собрание Оск. Уайльда. Я знаю, что он – *отстаиватель* и распространитель редких

и красивейших ядов. Но я любил коллекционировать эти яды и не любил, чтобы они распространялись в моем близком кругу.

Идеи Уайльда именно неприятны в других. Я разумею последние, крайние идеи. Такая коллекция у меня уже слаба. Уцелели: «А rebours», «Синагога», М. Швоб (–пожалуй)...⁴³⁴

Сильнейшее отражение у нас Уайльда – конечно, А-р Мих. Добролюбов, по петербургской легенде, сатанист и русский Дориан Грей. И Уайльд едва не погубил его, а сам Добролюбов уже губил многих: «склонял и склонил», как говорит его друг Гиппиус (Бестужев Вл.)⁴³⁵.

Норд-осты становятся уже совсем нежелательными. Свирепы и злы. Несут огни и лед. Сейчас двинулись норд-осты-губители. Кажется, я писал, что итальянская «Майя» прямо вылетела на новороссийскую улицу... только корма осталась в воде... Мороз сейчас невелик, от 5 до 15° по фаланге ветров, он режет лицо десятками бритв... Норд-ост-губитель все может, он разовеет и сбросит шарф, его режущий лед коснется груди и невидной летящей сталью перережет горло... Я и сейчас сижу весь израненный им...

13-го. XII. 1927.

Опять насильственная, чудовищно быстрая, техническая (как спустившаяся декорация) весна. Чувствуешь, как принудительно и нагло разворачивает спустившийся зной листья деревьев, грубо обращаясь с ними, как будто при жесточайшей засухе, при духоте без запахов и без благоухания. Уже пелена пуховой пыли закрывает улицу перед спуском к морю... А море, синее и блаженное, как будто ничего не случилось зимою.

19. V. 1929.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Лектистернии» объединяют собою четыре цикла аспектов, написанных в разное время. Все они более или менее далеки по времени от образов, которыми вызваны. Это отдаление кажется теперь неизменным условием для написания аспектов. Многие черты могут отойти от виденного образа, многие жесты и слова забудутся, многие повороты лица исчезнут... Не надо удерживать их... Не надо сетовать на выпадение их из памяти. Останутся неминуемо удерживаемые временем всякий раз, когда внутренний взгляд обращается к избранному образу. Память сердца – и хранитель, и ключарь, знающий неотвратимые сроки воссоздания. Она же и вернет выпавшее из первоначальной рассудочной памяти. Но только то, что какими-то особыми нитями, «тайными, скорбными и милыми»⁴³⁸, связано с ресуррективным⁴³⁹ мастерством Сердца.

И когда соберутся эти неотвратимые черты и совместятся с приведенным⁴⁴⁰ рассудком – это и будет кратким воспоминательным празднеством в честь избранного лица. Это и будет лектистернией, – когда память «в дому своем» постелет ложа для восхищенных из мрака жизни, из пут обыденных и забываемых бытований.

В список аспектов не включены стихотворные аспекты, написанные в той же манере и обращенные – в некоторых случаях – к тем же лицам. Их предположено объединить отдельно, в книге: «Баллада камня и покрова». Часть посвяtitельных стихотворений восполняет образы «Лектистерний» [«Вл. Соловьеву» («Истонченные нежные руки...»); «Вере Меркурьевой» («Открыть твои парчовые страницы...»)], – часть образует новый цикл аспектов, состоящий из стихотворений-аспектов: Иннокентию Анненскому (два аспекта), А.А. Фету, А.А. Блоку, Д. Усову, А.К. Лозина-Лозинскому, Черубине де Габриак (два) и «Месса по И. Анненском».

Не включенные в «Балладу» посвяtitельные стихотворения П.Г. Доленко (три) помещаются в «Лектистерниях» как приложение к книге.

С.-Петербург. Евгений Архиппов.
7 Июля [1928].

ЛЕКТУС 1

*ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ. – С.Н. ТРУБЕЦКОЙ. –
ЕВГЕНИЙ ТРУБЕЦКОЙ. – Л.М. ЛОПАТИН. – Вл. ЭРН*

ВЛ. СОЛОВЬЕВ

1. Встреча

Большая Никитская при выходе ее на Моховую. С площади Рязанского вокзала⁴⁴¹. Мы едем с отцом на извозчике. Это после разлуки я снова возвращаюсь в Москву.

При повороте к Никитской извозчик останавливает лошадь. В сероватом, мгlistом, озабоченном московском дне медленно проходит процессия.

2-ое августа 1900 г.

Служитель бюро, белый катафалк, белый гроб, покрытый в ногах золотом парчою. Небольшая группа провожатых, следующих сейчас же за гробом, человек 25–30. Несколько плачущих мужчин и женщин. Одна отделилась и идет рядом с гробом.

Мне захотелось сейчас же слезть с извозчика и следовать за этой простой, ничем не выдающейся, но такой сосредоточенно слитой, внутренне скорбной процессией.

Но извозчик тронулся. Двери подъезда Университетской церкви остались открытыми. Видимо – оттуда отошла процессия, и я подумал, что хоронят какого-то профессора. – Но кого же? «Вы не знаете, кого хоронят? – спросил я у извозчика». «А Бог его знает», – и мы поехали по Никитской, на Пресню, к общежитию Николая II.

Утром в читальне общежития я прочел в «Русских ведомостях» о похоронах Владимира Сергеевича Соловьева и понял, с кем встретился накануне. С именем Вл. С. Соловьева я оканчивал гимназию: оно было произнесено впервые моим преподавателем Г.Н. Гехтманом и часто упоминалось в гимназическом кружке Вл. Эрн и Флоренского.

1910

II. Видение

Глубокая полночь в большом пустынном доме во Владикавказе. 1910 год, канун 2 августа. День перед этим (1 авг.) я провел с Верой⁴⁴² в ее беседах, в ее мыслях о Владимире Сергеевиче⁴⁴³. Мы были за Те-реком. Возвращаясь оттуда, встретили крестный ход. Я долго следил за ним, за тем, как плыли, накренясь, кресты хоругвей.

Я лежал на широком диване, поставленном наискось близ двери в соседнюю комнату, и читал назначенное мною самим на лето чтение: «Серебряный голубь» А. Белого.

Около 2 часов погасил свет, думая, что крепко просплю до утра. Но заснуть не смог и смотрел в темноту. Через 20–30 минут послышался треск в соседней комнате, дверь в которую, – рядом с диваном, – была открыта. Казалось – это треск от мягких шагов. Вслед за тем заскрипело кресло, стоявшее сейчас же за дверью около окна под картиной Якунчиковой «Деревенское кладбище»⁴⁴⁴. Через несколько мгновений у меня создалось полное убеждение, что в кресло опустился Владимир Сергеевич. Я наполнился неопровержимой уверенностью, что сейчас же за поворотом двери сидит Владимир Сергеевич: нога положена на ногу, правая рука на ручке кресла, ближайшей ко мне. Это было реальное ощущение близости тела Владимира Сергеевича, но я стал колебаться, идти ли к нему, подняться ли с дивана.

Я сделал произвольное движение подняться, и шум (слабый треск и скрипение) от моего тела наполнили меня ужасом. Я затаил дыхание и решил не двигаться. Но тогда раздалось мирное скрипение в том месте, где сидел Владимир Сергеевич, будто он переменял одну ногу на другую. Будто выражалось нетерпение, скоро ли я подойду. И опять я готов был сняться с дивана, но острый шум пружин распластал меня в ужасе. В комнате полная тьма, ни просвета за ставнями. И я уже стал ждать, будет ли шум со стороны сидящего. Он возник не скоро, но возник, как бы от ручки, на которую он сильнее оперся, подавшись в мою сторону телом.

Как же быть? Пролежать до рассвета, не двигаясь, – до первых лучей, и потом вскочить и распахнуть ставни. А если будет еще призыв? – Не отвечать, лежать.

Вдруг услышал я более длительный шорох от двух ног. Я понял, что он готовится встать с кресла и сейчас уйдет... Тогда, избегая производить шум, я сразу скинул обе ноги с дивана и вскочил в темноту. Решил идти к нему, упасть около него на колени, коснуться его руки,

выслушать его волю. И сейчас же острая мысль, – а вдруг его рука будет холодной, мертвенной... Я поборол дрожь, нащупал дверь, опустился перед креслом и вытянул руки... Жуткий холод, будто от мрамора, коснулся моих пальцев. Я упал ничком и почти потерял сознание. Малейшее движение мое погружало меня в безбрежный ужас. В напряженном положении – я решил не двигаться...

Не помню, сколько я пролежал без сна. Но пережитое истощило мои силы и погрузило в полупрозрачный сон. Я оказался в пещере с узким выходом к свету. Когда я подполз к отверстию, передо мной открылась розоватая утренняя пустыня с серым еще налетом неба по краям. Или я всмотрелся, или рассвело сильнее – только передо мной быстро, в ветре прошла тревожная фигура Владимира Сергеевича в сюртуке и цилиндре... Но куда он? Я взглянул на горизонт: серое небо прямо от песка лизали кровавые языки пламени, и в них опускался с нарастающим щемящим гулом огромный надломленный и черный старообрядческий крест.

Я поднял руки, чтобы защитить себя от гула падения, и проснулся.

Кресло было пусто. Полоса света из ставен падала на древний по качнувшийся крест на картине Якупчиковой.

1910

С.Н. ТРУБЕЦКОЙ

И. В Кудрине

Сергея Николаевича Трубецкого очень часто встречал на Кудринской улице, зимой, в серой барашковой шапке, идущим из дома наверх по асфальту около Вдовьего дома или возвращающегося из университета. Он жил тогда в несколько мрачном доме за церковью Покрова, вниз по направлению к Пресне. Помню, как из этого дома был вынос тела матери Сергея Николаевича, которой посвящена «Метафизика», помню обширный кортеж экипажей, расположившихся у церкви.

Когда открылся семинарий по Платону, мне случилось к вечеру единственный раз возвращаться вместе с Сергеем Николаевичем. Разговор держался около семинария, переводов Карпова, Вл. Соловьева и его собственных⁴⁴⁵. Спускаясь вниз, около церкви Покрова в Кудрине, и глядя на торжественно сияющую симфонию вечерней зари, разго-

ревшейся за Пресней, С.Н. сказал: «Меняются зори, прекрасны и тревожны, в них более верный призыв, чем в утреннем восходе. Вы заметили: в Москве заря, как видение, обстает и залегает вокруг и уже оттуда начинается ее сакральная музыка» – и он процитировал строчки Полонского о Царь-Девине, добавив: «А знаете, ведь эти взгляды Царь-Девинцы связаны со стихом Владимира Сергеевича: “Вечная Женственность ныне в теле нетленном идет”»⁴⁴⁶.

II. В Большой Словесной

Высокий, худой, в форменном фраке проходит к кафедре. На лице – чаще горькая антисфеновская⁴⁴⁷ полуулыбка. Не выговаривает «р». Но это только украшает, оживляет его строгое изложение.

Изложение отдельных систем греческих философов дается в таком законченном и углубленном виде, что хочется забыть, что это только звенья, только ступени восхождения греческой мысли. Хочется сосредоточить долгое внимание на каждом мыслителе, на каждой системе.

Подъем речи неровный, будто трудный переход по отдельным горным выступам. Иногда пауза, выбор наиболее рельефного уступа, – перевод духа перед открывшейся горной площадкой. В ней завершение системы, – аполлонизация добытого на срывах и кручах. И здесь, как развернутый стяг, укрепляются определительные (для данного философа) греческие тексты.

Чтение не было спокойным, скорее импровизационным и вдохновенным, с жестикуляцией, соответствовавшей разворачиванию системы или построению греческих формул. Если этого не было достаточно, С. Н., стоя на кафедре, переходил к воздушному сложному чертежу на белой стене. Так проходили в воздушных линиях системы Пифагора, Эмпедокла, Анаксагора, Платона.

Впечатление от каждой лекции – это сознание своей мысли, повитой, выпрямленной и укрепленной в пути к Божественному Логосу.

III. Прощание

А вот и у гроба встреча.

Пробую войти в церковь. Передняя с двойной лестницей занята народом, в ожидании, в оцепенении.

Душно. Напряженно. Мучительно тихо. Оцепенение нависшей страшной сказки. Застыл огромный швейцар с булавой. Стоят вдоль перил, вдоль стен. Сосредоточенность невиданных в Москве больших похорон.

Мимо делегации с пылающими розами вхожу в церковь.

Застывшая жуткая окаменелость групп. Впечатление, что эта немота и окаменевшая траурная баллада заколдованы и будут длиться века.

Только что погашены свечи. Восковой туман. Подсвечники отставлены, отошло к алтарю духовенство.

В чаду, в торжестве одиночества – Его гроб.

Подхожу к безмолвной веренице прощания: – принять через затвор ресниц Его потусторонний взгляд.

Очень помолодевшее лицо с проступающими прозрачными каплями на лбу. Покой. Завершенность. Достижение заповедного сна. И странно отсутствуют признаки: нет желтизны и восковой настороженности в чертах.

Кланяюсь и крещусь, стараюсь запомнить Его последний, покойный лик, а сам думаю, что же дурного в смерти, если Ты уже там.

Уют. Отрешенность.

Я побеждал Смерть у Твоего гроба: Ты принес в нее близость, и родство, и воскресный обет свидания.

IV. У раскрытой могилы

К могиле пройти не удалось. Темно. Не меньше 8 часов октябрьского вечера. Все возвышения заняты.

В застывшей, изваянной темноте текут речи. Не слышно слов. Слышно только надгробное журчание времени, в медленных переборах старающегося понять Вечность.

Но вот вспыхнула речь, как зигзаг в темноте: молодая, экстатическая, рассекающая царство смерти верою и любовью. Казалось неминуемо, тотчас и последовательно должен начаться рассвет, а не ночь после возгласа и призыва: До свиданья, дорогой. До свиданья, возлюбленный брат. И это говорил сквозь тьму, с такой силой, с пламенем исповедания – обычно тихий, слабый, с невнятным голосом – Л.М. Лопатин⁴⁴⁸.

1. Лекция

Лекция Евгения Николаевича Трубецкого о религиозном возрождении в России. Танезруфт⁴⁵⁰, конец 1919 года.

В переполненном зале Народного Дома я искал места, откуда освещение и поворот лектора напомнили и воскресили бы особенно дорогое мне лицо Сергея Николаевича. Под хорами, в правом углу зала лицо Евгения Николаевича казалось почти совершенно отождествившимся с лицом его брата. Несколько напоминали его и манеры, но голос был совершенно спокоен для Сергея Николаевича. Я пережил вновь одушевление, охватывающее Большую словесную аудиторию на лекциях Сергея Трубецкого.

Когда Евгений Николаевич, после лекции, вышел в вестибюль, к нему подошли со своими вопросами несколько лиц, видимо, ему хорошо известных, и я, в это время шедший за Е.Н., услышал следующий диалог:

– Но чем можете Вы объяснить те бедствия, которые пали на Россию после 1917-го года?

– Видите ли, религиозное чувство во мне сейчас особенно обострено рядом личных переживаний и личным религиозным опытом. Я могу говорить только за себя. Тяжесть бедствий я объясняю возмездием...

– Возмездием России? За что?

– За наше отношение к религиозному вопросу, к церкви и, в особенности, за отношение русского духовенства к своей религиозной и общественной миссии.

– Простите, а что Вы видите, дальше, за этим возмездием?

– Я, конечно, никогда не поверю в торжество безрелигиозности у нас, у русских. Русская религиозная мысль, пораженная сейчас в своей стихии и бьющаяся почти без выхода и упования, – или непосредственно, или через русское самобытное философствование, найдет путь к возрождению.

– Простите. – Последний вопрос: оставляете ли Вы Россию?

– Я останусь здесь или вернусь в Ростов. Но уехать сейчас – значит покинуть горячо любимого человека в смертном недуге.

II. Тяжелый путь

Февраль 1920 г. В окне книжного магазина, на листе, нацепленном на стекло, прочел: 23 февраля скончался от тифа профессор Е.Н. Трубецкой.

В двух газетах («Русск. время» и «Своб. речь») были помещены спешные некрологи (М. З. и А. Тырковой) об умершем «ученом, юристе и философе, продолжателе Вл. Соловьева». Горьки были последние слова некролога: «Только когда же научимся мы беречь живых, а не только чтить мертвых» (А. Т.).⁴⁵¹

Но у Евгения Николаевича не было и того почета, с каким обычно провожают по смерти.

На расщепленном, еле передвигавшем колеса автомобиле окольными улицами везли его гроб на кладбище. Тесовый гроб стоял прямо на полу и как-то особенно неприятно и криво, как поклажа.

Расщепленный бок бился и дребезжал унылым и раздражающим звуком. Ни венков, ни зелени. В городе с быстро сменявшимся и мятущимся населением никто не знал имени Евгения Трубецкого.

Впереди два священника, за гробом 8–10 человек родных и близких.

С трудом подъехал автомобиль к старому кладбищу, к запертым воротам. Позвонили в колокол: думали, что сторожа помогут донести гроб до могилы. Пришлось нести самим, в том числе и Г.Н. Трубецкому с сыном. С величайшим усилием, без полотенец, без ручек, по обледенелым пригоркам, восемь человек пронесли гроб к могиле.

Но гроб не вошел в могилу, пришлось удлинять ее и посылать за веревками.

Когда гроб скрылся в могиле, Григорий Николаевич поклонился в землю и перекрестил брата. Ни одного слова не было сказано. Молчание объединило всех поклонившихся усопшему, и оно же надолго сковало им уста. И кругом, над городом и заливом, стояла тишина, неприятность, виднелись оледеневшие дороги и космы седого норд-оста, тяжело и неотвратимо переваливавшего через Мархот.⁴⁵²

1921

Л.М. ЛОПАТИН

Аудитория под лестницей

Аудитория под лестницей в новом здании университета, со сводчатым низким потолком. Подходя, можно подумать, что она полна народу: так силен убежденный голос лектора. Но войдя в аудиторию, всегда найдешь в полусумрачном освещении не более 15–20 студентов. Чаше всего встретишь Вл. Эрн, Л. Кобылинского, позднее – Б. Бугаева⁴⁵³.

По взгляду, по манере держать себя на кафедре нельзя было понять: знает ли Лев Михайлович, что у него так мало слушателей. Взгляд никогда не обращен на лица, всегда устремлен вдаль, всегда в его безупречном кристальном изложении звучат сдержанные, но настойчивые призывы к познающей душе.

Л.М. всегда читал сидя, положив руки на пюпитр кафедры. И я запомнил только его глаза и руки.

Глаза серые, с безбрежным покоем, не покоем отдыха или усталости, а покоем сияющим, обретенным после упорных исканий. Глаза выражали найденное богатство знания. Нельзя было устать смотреть в такие глаза, как нельзя почувствовать усталости от гладкой поверхности озера, за которой таится погрузившийся в волны храм.

Руки останавливали внимание своей детской беспомощностью, беспомощно и горько одна рука сжимала пальцы другой, как будто обращалась с просьбой о памяти перед вечной разлукой. Такие руки больше всего видеть в гробу.

1922

ВЛАДИМИР ЭРН

1. Две тени

Прекрасное, строгое, просторное здание 2-ой гимназии в Тифлисе. По лесам и стропилам так недавно еще прошел ее патрон великий князь Михаил Николаевич. Наверху, справа от церкви, – 8-ой первый класс, где начальство гимназии сосредоточило лучших по поведению и успехам учеников.

Поднимаюсь по лестнице с ранцем. В углу коридора недалеко от класса, против лестницы две близкие тени... Да, скорее тени, потому

что другие фигуры бегают, торопятся, шалят, а эти две или стоят, или движутся по какому-то своему внутреннему закону: Эрн Владимир и Флоренский Павел. Иногда около них: Ельчанинов А.В. и Семенников Н.А.⁴⁵⁴

У Эрна вдохновенное, жаждущее лицо; начинающееся горение заставляет часто приоткрывать губы, как будто в желании что-то сказать. Но мысль идет потаенно, видимо, начинает рыть свои ходы, – и наверх, в словесные ряды, она еще не стремится. В руках книга, и если мысль поверяется, только ей.

Сосредоточенность, подвластность возрастающей мысли. В такой позе, с таким глубоким взором веры и упования подходили, вероятно, к Христу его любимые ученики. И этот юный Эрн кажется теперь самым подлинным аспектом близкого ученика Христа – так сильна в нем благостная настороженность к вере и знанию.

Флоренский сумрачен, почти темен в сравнении с Эрном, – будто сделан весь в манере врубелевских апостолов⁴⁵⁵. Не благодатная подвластность, а тяжелый подвиг мысли начинают рано сквозить в ученическом лице Флоренского. Взор чаще опущен, строг; и лицо все строгое, смуглое, худое, с выдающимся носом, заставляющем думать о темном лике Гоголя или какой-то странной птицы.

При встрече глаза открытые, чистые, как бы намеренно защищаются невидимой пеленой, и кажется тогда, что этот человек не то сердясь, не то в работе мысли отводит свои истинные глаза и оставляет для случайного собеседника только образ, только портрет своих прекрасных глаз. «Некогда, некогда, все равно пустяки скажете», – как бы говорит этот скрывающийся портрет.

II. В горячем тумане

Душный воздух июня в Тифлисе, тот, который так мучил Вл. Соловьева всюду в 1899 и 1900 гг.⁴⁵⁶

Я иду вместе с Эрном от его крыльца в переулке недалеко от Великокняжеской (улица гимназии). Духота, тишь, палящее солнце. В руках Платон, 1-й том в издании Солдатенкова⁴⁵⁷. Тихий разговор, археологический полубред античными раскопками Шлимана и Эванса⁴⁵⁸ и детали быта Греции времен Сократа сплетались в какой-то гипнотизирующий туман, всецело, всевластно уносящий нас в далекую эпоху.

И в этом горячем тумане, как стяг нашей первой веры, предносилась нашим взорам возлюбленная тень Сократа. Она вся была нежно повита, окутана нашими юношескими молитвенными грезами. И свята была каждая складка лица, каждая линия его плаща. Сквозь тишь, сквозь грезы, сквозь древний бред летели полуглухие слова Эрна о молитве, об Акрополе, о поклонении древним камням и о том, что... пора уже читать сначала о Канте, а затем переходить и к текстуальному чтению Канта.

– Что Вы робеете, Архиппов, вместе пойдем на историческое. Там Виноградов, Ключевский...⁴⁵⁹ Я выберу себе философию, и вероятно, западную... А Вы, при своей любви к переселениям в древние эпохи, в камни и в складки, – будьте тогда чистым историком...

III. Лилии сердца

Общежитие имени императора Николая II на Большой Грузинской. Из окон – Пресненские пруды и пруд соседнего парка при Странноприимном доме⁴⁶⁰. Высокий белый дом с мраморными досками, квадратами паркетов – благословенное жилище, где протекли мои встречи с Вл. Ф. Эрном, П.А. Флоренским и кн. А.В. Звенигородским...

Поздний час. По боковой лестнице спускаемся с Владимиром Францевичем вниз, чтобы взять в столовой молоко и хлеб. Это самые частые наши встречи и частые предлоги для разговоров.

Вглядываясь в скандинавско-светлые черты его лица, уже тогда можно было различить два определившие его облик начала: светлая суровость рыцаря-крестоносца и сила тонкого духовного благоухания, идущего от линий его чистого сердца. Линии сердца сочетались с твердостью верующей поступи, подвига и мысленного делания.

А внешний облик, доступный всем, был прост. Светлые тона преобладали в нем: лицо, всегда короткие волосы, светлая рубаша с голубыми строгими полосами и высоким воротником. Черты лица позволяли ассоциировать к раннему портрету гр. А.К. Толстого, писанному К. Брюлловым (овал, глаза, манера говорить)⁴⁶¹. Образ чистоты и сдержанности прикрывал неустанную, не вмещающуюся в ночи и дни подвижническую работу сознания.

Так в поздние часы я спускался и поднимался вместе с ним по ступеням. Если беседа заставляла нас остановиться, он обычно стоял вверху, а я двумя ступенями ниже около перил. Он – готовый поднять-

ся на высшие грани познания, и я, остающийся еще внизу с поглотившим меня в то время изучением новых поэтов.

IV. Рыцарь Дюрера

Дорогой мой,
прекрасный Друг.

Наша дружба создалась как-то на ходу и в гимназии, и в Москве. Почему я так ходил за тобою, так вглядывался в твое лицо? Почему нравился мне твой облик, движения головы, голос, эти верующие губы и та манера, с которой ты прикасался к книгам? Ведь я не знал тогда, что Твои знаки: Крест и Лилия.

И вот опять я вижу тебя, близкого, манящего...

Библиотечный трисветный зал в общежитии, с колоннами, вымощенный квадратами солнца, а вечером розовеющий от магической московской Зари, той Зари, от которой зажглось в те годы архангельское сердце Блока.

Четвертый час...

Ты еще стоишь около библиотечных шкафов «библиотеки П.А. Каленова»⁴⁶², выдаешь книги из философского отдела. Взор мирно и дружелюбно остановился на Твоей высокой, будто негнушейся фигуре. И казалось, что Дюрер написал бы Тебя в броне и латах западного рыцаря. Есть какая-то нужная угловатость, есть устремленность воина за веру.

А глаза... Серо-голубые глаза, казалось, созданы, чтобы упорно рассекать голубой эфир и реять за пределами божественных сфер. Верно говорил А. Белый, что таким глазам – «в эфир эфирная дорога» (стихотворение в «Пепле» – «Пустыня», посвященное В.Ф. Эрну)⁴⁶³.

Я знаю, что сегодня ты скажешь немного. Скоро экзамены. Беру из рук Твоих «Учение о Логосе» и думаю не об этой давножданной книге нашего Учителя, а почему-то о Твоих руках, об узких пальцах рук. Они могли бы взять меч св. Евстафия (у Дюрера)⁴⁶⁴, но перед глазами Твоими должен был бы предноситься католический крест. И как казалось странным тогда, что Ты был настоящим подлинным православным христианином.

Сейчас ты закроешь шкаф и уйдешь к себе, наверх, в келью Твою и Твоего сподвижника П.А. Флоренского.

Смотрю, прощаясь, как книги лежат на твоей руке, как бережен и нежен этот боковой обхват книг. И вспомнил Твои прикосновения к томам подлинного Платона, – так касались, вероятно, покрывал, оставшихся на земле, в каменном гробе, в день Воскресения.

И. Китежский голос

Большая Словесная аудитория в старом здании Университета. В окнах – Манеж, зелень сада и стены Кремля, от которых так больно, так радостно – до крика, до слез – сжимается сердце.

На кафедре – сменивший на 3-м часу Сергея Николаевича⁴⁶⁵ статный, сановный, с высокой грудью, Софокл, одетый в черный фрак, – Павел Гаврилович Виноградов.

Эрн читает реферат «Религиозный обряд по Гомеру» (часть его обширной работы «Быт греков по Гомеру»). Лицо спокойное, полуудивленно подняты светлые брови.

В склоненье головы отблеск какой-то средневековой старательности. В сочетании этого лица и раскрытой книги – какой-то особый дар гармонии, которая дается далеко не всем ученым. Пальцы сбоку едва прикасаясь, почти всей поверхностью, перелистывают рукопись.

И вот голос его, не голос разговора, а голос чтения и проповеди: несколько глухой, заглушенный, с плавными, глубокими нотами, – голос колокола, ушедшего в глубину, затонувшего, китежского, но идущего уже из глубины и глади вод.

Голос также отдаленно затихает, когда глаза переходят от рукописи к цитатам из греческого текста. А рукопись такая опрятная, что кажется усеянной параллельными нитями черного стекляруса почти без обозначения контуров букв. В письмах – это уже самые настоящие знаки телеграфной ленты.

И запомнились тогда контуры Твоей головы, мой любимый, мой нездешний Друг.

Она склонена в светлом прилежании к тексту на родном фоне зубчатой стены и кремлевских крестов, видимых через окно аудитории.

1922

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ⁴⁶⁶

I. Прохождение к кафедре

Когда В.О. Ключевский шел по коридору в аудиторию, а затем вдоль стены, почти боком, с наклоненной головой быстро подходил к кафедре, часто хотелось хоть на мгновение (знаю, что это нелепость) остановить его, броситься к нему, пожертвовать всем, самым дорогим, ощутить холод или теплоту Его руки, коснуться Его одежды, чем-либо облегчить, украсить Его священную, но уже согбенную принятым на себя подвигом жизнь, не отрываясь зарисовать в своем молитвенно-ученическом сознании это драгоценное русское историческое явление: повседневное прохождение Василия Осиповича к кафедре.

II. На кафедре

Разве можно найти слова, чтобы характеризовать манеру Василия Осиповича говорить, читать, произносить? Слово «красноречие» меньше всего здесь может помочь. Красноречивый оратор неизбежно олицетворяет собою дух пошлости. Отделанность голоса, щегольство, создание эффектов, показная сторона в построении фразы – это все то, что было чуждо речи Василия Осиповича. Вспоминая выдающихся ораторов-профессоров и сопоставляя их с Василием Осиповичем, – чувствуешь одно желание: отвернуться от них, забыть их европейский блеск, их гладкостилье, их внутренний холод при разгоряченности слов и, забыв, прикинуть душевно к старинной наставительной речи великого старца, где-нибудь в далеком монастыре, слушать биение национальной великорусской стихии в голосе, падающем до шепота и расширяющемся до предсказательного, четкого, немного жуткого впечатления текста.

Положение на кафедре (осанка, наклон головы, положение рук) зарисовано достаточно (Л. Пастернак, А. Герасимов, М. Добров)⁴⁶⁷. Всегда на ступеньках, всегда стоя, положив в локте правую руку на левое крыло кафедры, а левую всегда в одном и том же положении удерживая на бедре, Василий Осипович был мастером именно произносимо-

го слова. Негромкий голос, взгляд, падающий на первые четыре ряда аудитории через верхнюю часть очков.

При произнесении особенных мест курса: формул, магически кратких характеристик, определений о стиле эпохи – Василий Осипович еще боле наклонял голову, взгляд падал на аудиторию поверх очков, и в нем открывалась вся неразгаданная до сих пор сложность: ирония мудреца, казнящая улыбка и те лучи, что светили и уводили в погребенный лабиринт великорусской истории. Покров за покровом падал со столетий и лиц, но тайна только начинала светиться: все ниже, заповедней ступени, все глуше голос путеводящий, и все прозрачнее тайна и настороженность, ведущие к сослужению триединства: духа нации, духа церкви и государства. Вот почему всегда несоответственно звучал в конце лекции ошеломляющий треск аплодисментов, и полным диссонансом с шумом казался торопливо скрывающийся обаятельный силуэт Василия Осиповича.

1913

III. На Моховой

Когда я увидел на снимках этот неверный наклон гроба, окруженного толпой на Моховой, – болезненно и горько сжалось сердце: Боже мой! Разве можно такое сокровище, национальную святыню России отдать в руки бурливой, мятущейся, скоро забывающей молодежи. Разве можно так прикасаться к Его гробу. И я понял настойчивую и умоляющую просьбу П.В. Трубецкого, когда хоронили Сергея Николаевича, – не снимать гроба с открытой колесницы. И теперь сердце горько стучало и молилось на этот благословенный ковчег, уносимый волнами в неверном колыпании.

ЛЕКТУС 3

*К. БАЛЬМОНТ – В. БРЮСОВ – А. АЛЬВИНГ – Р. ИВНЕВ –
А. ЗВЕНИГОРОДСКИЙ – П. ДОЛЕНКО – В. МЕРКУРЬЕВА*

И. К. БАЛЬМОНТ

Впечатление от Бальмонта, как от видения, яркого, но мгновенно исчезнувшего, оставившего несколько огненных звеньев воспоминания. На двери квартиры – записка, охраняющая покой поэта. Описать видение, конечно, невозможно.

Все светящееся – в быстроте и полете нездешних крылатых глаз – лицо поэта было так слепительно (ведь это еще 1904 г.), что я не все мгновенья решался смотреть на него. Впечатление от голоса, от близости, от разговора – будто прикоснулся к жаркой шерсти извечно-свободного и крылатого барса. С трудом слежу за нитью разговора: душа все силится проникнуть в тайну разбежавшихся по разным уклонам светящихся и стрельчатых бровей.

В кабинете поэта я получил от него черный жемчуг надписи к подаренному мне «Освобожденному Прометею». Душа исполнилась высоким порывом и полным опьянением. В ней пела память прикосновения к широким и белоснежным взмахам побеждающих время крыльев.

1904⁴⁶⁸

II. В. БРЮСОВ

На лифте поднялся в редакцию «Весов» и «Скорпиона»⁴⁶⁹. Небольшая приемная и канцелярия с несколькими полками последних изданий. У телефона Валерий Брюсов. Жду, пока он кончит говорить: необходима его подпись. В раскрытую дверь редакционной комнаты виден над столом портрет Зинаиды Гиппиус. Литые, меткие, как отрубленные, четко и бесстрастно, вторгаются в телефон слова. Также бесстрастно обрывается разговор. Подходит. Стремительной и вместе сухой походкой администратора. Притягательная, магнетизирующая,

но вместе официальная внешность. И если это поэт, то из рода повелевающих. Казалось, императив – неумолимая форма лирики. Четкая чрезмерная суровость – его вдохновение.

– Вам подпись?

– Хорошо. Редакция согласна.

– Будете получать.

И как смягчение звучит последняя фраза:

– Тем более, что это единственная организация среди студентов, получающая «Весь». ⁴⁷⁰

1921

III. АРСЕНИЙ АЛЬВИНГ

Есть камни, растения, кристаллы, которые светятся особенным светом в своих изломах, в нанесенных им ранах.

Такой израненной, расколотой, утонченно и своевольно замученной представляется мне душа Арсения Альвинга. Больной, с меловой бледностью статуи, своими манерами напоминающий игрушку бледного изнеможенного и тонко сшитого Пьеро.

Но от его изломов зажигается свет, иногда туманный, иногда чадный, и видна, – сквозь свет и угар, – в раннем пепле опаленная, простертая на искусственных крыльях душа. И свет над пеплом восходит дробящийся, перебегающий; в аметистах и фиолетовых тонах прорывающийся сквозь пепел.

Нежные причуды, отравные пристрастия и замученные (самые любимые) мечты сплелись в один какой-то горький и красивый узел. Иногда кажется, что этой душе недостает лунных крыльев с их трепетом, обманною прозрачностью и бледным призрачным пересветом. Беспомощность, изнеможение в касаниях рук, в склонениях головы говорят об этом Икаре, сердце которого истаивает, как воск.

Мучительный, каким-то страстным обманом добытый подъем, потом гжучее чувство обреченности и сожжения и, наконец, непоправимое (каждый раз – в испуге – это чувствуется) свержение в горькую прострацию – вот три чередования, три окутанные угаром и усталостью роковые ступени, по которым движется душа Арсения Альвинга, на которых Икар обновляет «пытку свою добровольную» ⁴⁷¹.

Мученик, замучивший себя сам, поэт светящейся горечи и отстоянных ядов, давно ушедший из жизни тайными искусственными тропами и все же непонятно остающийся и бьющийся около ее ступеней.

1922

IV. РЮРИК ИВНЕВ

Весь больной, шаткий, даже больше: хлипкий, качающийся в основаниях, в простейшем летнем костюме... Но голос поет, а глаза излучают мысли и боль. Нежный, внимательный, настороженно деликатный. Более четко запечатлелась от его лица какая-то больная, чуткая боязнь: бояся за всех и, если можешь, болей за всех и за все: за Бога, за вещи, за облачность мысли, за неподвижность камня, за ломкость нерожденного слова. Казалось, благословение Достоевского, – искал он его или нет, – почило на его бледном, старающемся не ужасаться лице.

1919

V. АНДРЕЙ ЗВЕНИГОРОДСКИЙ⁴⁷²

1.

Все-таки никто в России не чувствовал острее Эдгара По, чем Андрей Звенигородский⁴⁷³.

Высокий, худой, с несомненной печатью на лице высокого аристократизма.

Измученность – во всей фигуре, в наклоне головы: когда стоит, – чувствуется тяжелая покорность недугу.

Тяжко изуродована одна нога с детства, с 12 лет.

Перенес несколько ужасающих операций. Во время последней – молился и пел молитвы. При передвижении несколько волочит ногу. Она – неподвижный, жестокий зигзаг, мешающий другой ноге. Хирурги в Москве удивлялись, кто мог так варварски срastить ногу почти в самом бедре⁴⁷⁴.

Лицо свежее, хранит печать румянца. Высокий, может быть, чрезмерно высокий и выпуклый лоб. Глаза спокойные, сильные, с серьез-

ным полновесным взглядом, но вдруг смущающиеся и гаснущие под ударом судьбы.

Сердце имеет на правой стороне. Нежен, истов, крепок и прекрасен в дружбе. Рыцарски чист и светел. Любит птицу киви. Слушает сов, как Шелли⁴⁷⁵.

Сторонится О. Уайльда. Не любит Кузмина.

У Валлотона есть рисунок «Le violon»⁴⁷⁶ – это до жуткости Андрей в кресле перед камином.

1920

2.

В его стихах все гуще и круче словесная вязь. Слов всегда немного, они выбраны (долго взвешивались и, может быть, горько обмалывались в душе) и, наконец, пригнаны, но – как пригнаны: будто и всегда стояли вместе. Им тесно, но они единое каменное изваяние с орнаментами Любви, Горечи и Смерти.

Из строчек и слов нельзя выбрать ничего отдельно: все едино, – все надо произносить сразу, как сжатый древний текст на камне.

Иногда его стихотворения кажутся священным прорицанием, изваянным в камне. – Так *повелевает* каждая строка, так говорит («гласит») каждое слово.

И Ангел его поэзии весь черно-золотой, с застывшим каменным лицом, с разбитыми крылами. В нем соединились и слились два начала его лирики: «золотые волны сна» и «черный холод ночи».

1922

3-ий аспект А. Звенигородского⁴⁷⁷

Римское опаленное лицо... Вот – обожженные подземным пламенем щеки. Вот – глаза, затененные и поднятые вверх, уже насыщенные страданием. Вглядываясь в облик поэта, невольно спросишь себя, не он ли был спутником Данте при нисхождении в Ад.

Кажется, – за этим лбом таятся отстоянные кристаллы мысли, выношенной, одинокой и горькой, безошибочно убивающей все упования. Видно, что поэт скуп на слова, его уста плотно закрыты, он пом-

нит, что слова затмевают кристалл, что ржавчиной слов покрывается стилет мысли.

И тень еще одна осеняет лицо. Будто прозрачный стяг, отрешающий от мира.

Миг... мгновение, и мысль поставит неотступно и неотвратно рядом с лицом поэта – сожженный на внутреннем огне, прозрачный и светящийся лик Чаадаева...

Глаза, как водоем страдания, открыты широко и смотрят вдаль... О если бы они видели не так зорко. Но они видят все – до прорастания семени из растворенных в земле кристаллов. Они видят поле, холмы, жуткие колеи, дрожание земли и целые блуждающие эпохи – за пережитым и сброшенным состоянием смерти.⁴⁷⁸

VI. П.Г. ДОЛЕНКО

У него были надломленные дрожащие движения, сообщавшие женственность его манерам; – и когда он жестикулировал, казалось – это жесты старика или женщины. Его жесты боролись с некоторой тяжестью его фигуры, а голос пел душевно и глубоко. Друг и сочувственник цветов, он умел врачевать эвритмией речи, целомудрием движений и голосом, в котором слышалась тишина, обретенная страданием.

Строитель самых чистых человеческих отношений, он серьезно работал над эвритмией поведения. Поклонник Инн. Анненского, он долго вынашивал, сплетал и вновь переплетал венок – портрет Анненского⁴⁷⁹, пока болезнь не вырвала из его рук эту работу.

Вспоминается уютный, глухой и далекий садик, где звучали его стихи, его реферат о Тагоре... Других он слушал всегда в отдалении, садясь всегда возможно дальше от основной группы кружка, но все знали, как исключительно и чутко он воспринимает чтение, как своеобразно, может быть, завтра преломится тема в его стихах. И вот, на фоне чтений кружка, очень мало связанных между собой: – о теософической системе⁴⁸⁰, о Фамире, о «Ночном Принце»⁴⁸¹, о Блоке – проходили его стихи о Розанове, о танце в храме Нике, о «Гитанджальях» Тагора⁴⁸², об остывшем шлаке картин Чурляниса.

В последние месяцы, перед отъездом, терминология медиков все больше содружествует в его стихах с поэтическими образами... (Сестре «Беатрисе»).

Его избранным цветком становится вельвичия.

Он принимает как бы двойное путешествие: по морю (в Каир) и по быстрому течению своей болезни, и мне думается, – он сам не надеялся достичь земного берега...

1920⁴⁸³

[VII.] М.А. КУЗМИН ⁴⁸⁴

Дверь рядом с мертвым лифтом. 5-й этаж.

М.А. встретил меня в жилете и проводил в большую комнату. Он показался мне все же моложе своих лет. Его малый рост, худоба и сухость приводили на ум Канта. Сейчас же вспомнились портреты Сомова и Воинова, но полного приближения к ним не было. На воиновском портрете М.А. значительно старше и изможденнее. Я просто радовался, что он не такой, как у Воинова⁴⁸⁵. Только глаза живого лица и соединяли его с лицами всех портретов. – Эти трудно приподнимаемые веки и в подъеме достигающие лишь середины. – Как медленно они должны раскрываться утром. Глаза большие, детские, становящиеся иногда, во время беседы, лукавыми.

Я сел сбоку письменного старенького стола, приставленного к стене, завешанной картинами и снимками. На столе с содранными местами и завернувшимся сукном, по обе стороны около книг – небольшие квадратные стопочки бумаги. Вероятно, для дневника или рецензий.

Комната с большим диваном, с грудями рисунков, снимков на двух столах напоминала заброшенную мастерскую художника. В стороне, около чайного стола и книжного шкафа, развешаны эскизы картин О.Н. Арбениной. Глаза останавливала резкая яркость и экзотическая пестрота. Работы казались сделанными под Сарьяна⁴⁸⁶.

Над столом М.А. меня поразили (левая сторона): необыкновенный портрет св. Себастиана с нежными очертаниями тела, особенно ног и картина Веронезе (снимок) «Товий», где в виде ангела в латах изображен Леонардо да Винчи. Очень близко к центру стола – профиль Ю. Юркуна, работы художника В. Милашевского и фотография молодого лица с красивыми и яркими глазами – Т.П. Карсавиной⁴⁸⁷. В правой стороне стены высоко над столом – немецкая картина (масло): Садовник поливает цветы. Сбоку около стула, фрагмент гравюры: портик. Через него видна арена. Состязание гладиаторов. Спорящие фигуры в портике (в вооружении).

С Михаилом Алексеевичем мы говорили о дуэли Н.С. Гумилева с М. Волошиным, о Черубине и ее судьбе, о смерти Рудольфа Штейнера (М.А. не знал еще о ней), о произведениях А. Белого («А. Белый растрывался»), о том, что ценит и любит М. А. из своих книг (Александровские песни. Нежный Иосиф. Калиостро⁴⁸⁸), о Вс. Рождественском («Я не люблю, когда плещется»), о его собственной судьбе («Теперь в Петербурге жизнь бьет ключом... по голове»).

О книгах своих М.А. сказал: «У меня нет теперь своих книг. Но они есть у Юрочки» и повел меня к шкафу Ю.И. Юркуна, где показал мне экземпляр «Парабол» в изд. Петрополис с пометками и изменениями для нового (конечно, не состоявшегося) издания.

На прощание М. А. подарил мне «Нездешние вечера».

Петербург. 20 Июля 1928.

ЛЕКЦИЯ 4

ВС. МЕЙЕРХОЛЬД

1. Первая встреча

Первая встреча с Мейерхольдом. Вечер. Я вышел во двор и не предполагал никак, что это Мейерхольд. Согбенный, с палкою, с такой необходимой для него худобой. Но лицо – тоже магическое. Оно кажется очень древним, и взгляд светится древней магией прорицания. Оно уже жило в далекие времена. Но два этапа сквозили в его лице в тот вечер. Древний Египет и Франция времен Революции. Он пришел вместе с Борисом А<лперсом>. ... Почти не говорил. Попросил показать свой «Журнал Доктора Дапертутто». Разложил рядом маленькие квадратики журнала, с цветowymi японскими бликами, – и нежно и медленно проводил по ним рукою. Ласка, соединенная с древностью его лица, с манерами и поворотом его головы, производила то очарование, которое хотелось сохранить надолго.

2. Новый аспект Самозванца

Приходил еще и еще. Много говорил о Дмитрие Самозванце. Брал комментированного «Бориса Годунова», Ключевского, Сергея Соло-

вьева. Долго и тщательно работал, пока не был заключен в тюрьму. В тюрьме опять потребовал «Доктора Дапертутто» и «Жезл Аарона»⁴⁸⁹. В смутном времени он все искал мистической ауры вокруг имени Дмитрия Угличского. Делился своим подробным планом построения трагедии. Очень рад был, когда я нашел ему те туманности в тексте Ключевского, которые пригодны были для зарождения новых миров его трагедии. Помню, ему особенно хотелось, чтобы хоть раз Дмитрий Царевич и Самозванец встретились в отроческих годах, чтобы между ними пронесся ток, сливающий в одно целое, чтобы будущий самозванец видел и мертвого Димитрия, хотя бы в сгущенной, пронизанной мистикой погребения атмосфере церкви.

3. Сверкающий клинок

Вспоминаю Вс. Эм. в первые дни после падения «белых». Пробирался к нему по деревенской, непроходимой от грязи улице на самом краю Станички. Здесь, в низких комнатах какой-то лачуги он выпрямился как сталь, как сверкающий быстрый клинок. Если до сих пор он мог казаться изможденным кардиналом, – теперь он был властительным и непреклонным папой.

При входе он встал, обнял и поцеловал меня. Усадил и много говорил о работе в театре. С этих дней началось воодушевление, превратившее его работы по искусству и театру в небывалую феерию.

4. Колодец древности

(Симфония хищности и хрупкости)

Как будто нарочно для своего подотдела Мейерхольд отыскал, на Мартыновской улице, сквозную стеклянную комнату, род галереи, – там проводил служебный день и там принимал посетителей. Невольно или вольно, но согласно принципу театральности, он заключил себя на сцене, отделенной от большой и проходной комнаты стеклом.

Я подолгу стоял в этой полусвещенной зале: – за обширным круглым столом, на фоне стекол Вс. Эм., конечно, невольно, давал ежедневные свои сеансы резкой, магической жестикуляции, сложным рядом движений редкостных и хрупких птиц, и целые коллекции профилей. В минуты покоя на стекле распластывалась и немела в египетском

профилю его блистательная, скорее жреческая голова. Минута проходила, и она уже опускалась в манере католического средневековья. Но вот оживление беседы или вспышки вдруг заставляло Вс. Эм. встать во весь рост, и тогда изогнутый в талии и утонченный аспект химеры, перелетевший к нам с Notre Dame, непобедимо сливался с привлекательным и другим образом. Не понимаю, как можно было входить к нему с делами, с докладами. Облик давал больше, чем деловой разговор. – Казалось необходимым совсем другое: расставить скамьи и кресла около стекол в этот сквозной колодезь древности, чтобы смотреть и учиться этим ценностям неповторимых движений, этим историческим изломам линий, этой крылатости рук, взлетающих и покоряющих одним обозначением черты, этому скрещению кривых, рождающему глубокий, ветхозаветный, почти мифический образ, этому слиянию в гармонической симфонии хищности и хрупкости.

5. Статуэтка Родэна

Еще один аспект – на открытии Отделения Всероссийского Союза Писателей. В тяжелых канделябрах на сцене пылают свечи, все быстрее и быстрее окутываясь мертвой и застывающей пеной. Долго не начинаются речи. Наконец в зигзагах оркестра вспыхивает <L'Internationale?>⁴⁹⁰. Все встают, встают и на сцене. И фигура Мейерхольда являет новый свой аспект. Выйдя из-за стола и опираясь рукой на боковую грань, Мейерхольд создает новый облик. Даже два образа теснятся один в другом: статуэтка Родэна: какой-то далекий гражданин Кале 14-го века в тяжелых бретонских башмаках и образ чистого революционера времен Конвента, острого, стройного, лаконичного и победно-упрямого. Его облакает костюм старой эпохи, не надетый специально, но каждой складкой подчеркивающий свою несовременную нелепость и вместе свою близкую гармонию с лицом.

Ни на что не смотришь, только бы сохранить в памяти эту драгоценную статуэтку, в складках грубого костюма, в тяжести бретонских башмаков. Только бы не упустить сверкание кинжала из театра Конвента, только бы запомнить этот древний блеск разводимых и сжимаемых крыльев. – Священные птицы Египта, каменные профили химер и волшебные, утонченно угловатые персонажи Гофмана, – вы сливались, скользили и расплывались в тот вечер в лице Великого Волшебника и Мастера феерий.

Приложение

Стихотворения, обращенные к П.Г. Доленко

1. Ланцет и лира
2. Перед панихидой
2. Поминовение

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К аспекту Арсения Альвинга

Арсений Альвинг (Арсений Алексеевич Смирнов), – поэт, беллетрист, критик и переводчик франц. поэтов. Род. 17. VI. 1885 г. Автор сожженного цензурой в 1908 г. перевода Бодлэра («Цветы зла», изд. Гелиос). Отзыв о переводе – Семен Рубанович: «Весы», 1908 г. № 6, стр. 69–71. С 1911 г. по 1916 г. Арсений Альвинг – редактор журнала и издательства «Жатва». А. Альвингу посвящена «Библиография Иннокентия Анненского, составленная Евгением Архипповым» (М. 1914). Ему же посвящена работа Валентина Кривича над вторым посмертным сборником стих-ий Иннокентия Анненского («Картонный домик». Петербург. 1923). В настоящее время А. Альвинг состоит в группе неоклассиков. В 1928 г. издана повесть А. Альвинга: «Наденька Артенева» (М. Моск. т-во писателей).

Аспект А. Альвинга написан на основании переписки с Евгением Архипповым, длившейся с 1913 по 1916 г. Статья об А. А. в Словаре ГАХН – Д. Усова (т. II. М. 1928 г.)

II. К аспектам П. Доленко

Доленко Петр Гаврилович, врач и поэт. Окончил Военно-медицинскую Академию. Среднее образование получил в Новороссийской мужской гимназии (1914 г.). К изучению литератур обратился под влиянием П.А. Вартминского. Литературные предпочтения: Рабиндранат Тагор. Федор Сологуб. В.В. Розанов. Иннокентий Анненский. Участвовал (в Новороссийске) в литературном объединении, проникнутом влиянием акмеистов и Вс. Эм. Мейерхольда (в то время заключенного в тюрьму). Участниками объединения были: Л. Иванов, Борис Алперс (поэт и театровед), Сергей Алперс (композитор) и Евгений Архиппов.

Тяжело больной (туберкулез горла) П.Г. выехал в начале 1920 г. на корабле, в надежде достигнуть Каира.

Одним из последних произведений П.Г. является пародия на античные трагедии Инн. Анненского – «Эльпида, трагедия. Перевод размером подлинника. 1919 г.».

III. К аспекту В. Меркурьевой

Меркурьева Вера Александровна, поэт. Род. 23.VIII. 1876 г. Коронована, как поэт, Вячеславом Великолепным⁴⁹¹ после написания Корона сонетов: «Облако» в 1920 г. (Москва).

Первые советы и указания имела от Я.П. Полонского в 1885 г. Путь исканий проходит через теософию, аскетизм, православие – без завершительного слияния с каким-либо течением. Решающая встреча с Вячеславом Ивановым – Москва 22. X. 1917. Не напечатанные сборники стих-ий: 1) «Тщета», 2) «Под знаком изъятия» (за 1917–1920 годы) и 3) «Дикий колос» (за 1920–1925 годы). – Отзывы поэтов о Вере Меркурьевой: 1) Вяч. Иванов. Стихотворение (1918 года), обращенное к В. М.: «Мирьядами зеркал мой образ отражая» (По поводу обширного цикла аспектов Вяч. Иванова, составляющего целую книгу). 2) И. Эренбург, отзывы в статьях: «Четыре» (Новости дня. М. 1918. № 16. «На тонущем корабле» (Киев. 1919). 3) Д. Усов. – Краткие отзывы о стихах В. М. в письмах к Евгению Архиппову (1916–1928). 4) Черубина де Габриак. Отзыв о В. М. в «Автобиографии», приложенной к «Избранным стихотворениям Ч. де Г.» (редакция Е. Архиппова, рукопись).

Краткая биографическая заметка Евгения Архиппова о Вере Меркурьевой помещена в «Библиографическом Словаре русских писателей XX века», издание Государственной Академии Художественных Наук, том I. М. 1928.

Петербург.

Суворовский проспект.

1928.

Евгений Архиппов.

КНИГА О ВЕРЕ МЕРКУРЬЕВОЙ 10 ПОРТРЕТОВ В.А. МЕРКУРЬЕВОЙ⁴⁹²

І. ЯНТАРЬ И ПЕПЕЛ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ⁴⁹³

Мирьядами зеркал мой образ отражая,
венчая и дробя, лелея, искажая,
кольша в отсветах и в омутах глуша,
ты хочешь знать, кто я, зыбучая душа!

Гадая⁴⁹⁴ по звездам, как пастырь древних былей,
я пажитей искал, и длинный ряд вефилей
оставил по степи. Близ каждого – родник,
и шелест пальмовый, и полый⁴⁹⁵ мой двойник.

Необозримые стада за мной влачилишь;
но обнищал⁴⁹⁶ шатер, богатства расточились,
и Вера – ясная, как утро бытия, –
вот всё, что я сберег, что⁴⁹⁷ приумножил я.

Она зажглась в любви, как почка, зорькой нежной,
Раскрылась Розою, и – спутник неизбежный
святой заложницы в унынье⁴⁹⁸ сирых лет⁴⁹⁹ –
окреп, ее неся, смиренья⁵⁰⁰ строгий Крест.

И безболезненно на друге крепкоствольном
цветет блаженная. С приветом безглагольным
Порою ветерок на Розу⁵⁰¹ набезит
и запахом садов кочевья⁵⁰² освежит.

5 III 1918 Вячеслав Иванов

1. СКВОЗЬ ЯНТАРНОЕ СОЛНЦЕ

Конец лета. Вечер. Несколько экипажей около Линейной церкви. Это привезли с воксала тело Нины Меркурьевой, умершей в Геленджике.

Утром вхожу в церковь на отпевание. Обедня кончилась. У гроба только семья, вся в белом. И всё вокруг этого раннего гроба белое. Я еще мало знаком с Верой, и, став в стороне, более всего смотрел на ее лицо. Ни тени печали, тревоги... Покорные торжествующей, отзывающей воле опущены руки, и свеча в них горит, как неживая, желтым и острым огнем на белизне платья.

Янтарные в лучах солнца глаза, как два звездные огня, уносились вслед отошедшей. Казалось, — они не светили тем светом, каким могли бы светить. Открытые широко, они были внутренне закрыты каким-то принятым на себя обетом, какой-то аскезой отречения. Призванные целить и сиять, они были отреченно притушены, царственно отделены от праздного житейского волнения. Будто легчайший пепел стал покрывать звездный огонь, будто взор был обращен в два мира.

С таким взглядом Вера казалась повелительницей и царицей этого терпкого и дымного обряда. И странно всё преобразилось от глаз ее...

В древнем храме Города Золотых Ворот — предстоит «в янтарном забытьи»⁵⁰³, в пении смол и парчи Пепельная Царица Атлантиды.

Мною овладело возвышенное отсутствие тревоги. Обряд стал другим. Чувствовалось: — это только чин отпевания, — смерти же нет. И потому так спокойно, так ритмично сослужение священников. Будто и жалкого гроба нет. Бестревожно горят свечи. (Господи! как бестревожно и как запредельно!) Сквозь солнце и ладан я никогда не слышал таких песнопений. Хотелось повторять эти поющие и застывающие в куполе, как облака, молитвы. Думалось: это поет древний янтарь в лицах древних богинь. А сердце стучало: так нужно! только это и нужно! Так высоко и нестрашно. Мне видна только боковая доска гроба. Но как просторно для моей души. Как прозрачно и как душевно чисто сквозь это янтарное солнце и этот опаловый ладан...

2. ПОСМЕРТНЫЙ ПОЕДИНОК

Лиза умерла. Я. А-ч просит
Вас сейчас же прийти к нему...

Вера
27. I. 1912

Так Вера известила меня о смерти Елизаветы Васильевны Цингер...

Панихид не было. Близкие приходили и прощались на квартире. И вот запомнилось прощание Веры с Елисаветой Васильевной.

Гроб стоял в кабинете доктора (мужа Е.В.) параллельно его письменному столу, без всяких соблюдения обряда. Допущены были только цветы.

Вера подошла с правой стороны гроба. И здесь снова ее глаза поразили меня. Ведь глаза, старинной формы овал лица, тяжесть волос, отклоняющая голову, — это и есть вся Вера, тела же совсем не чувствовалось за складками платья, оно странно отсутствовало. — И глаза властвовали, будто даже жили отдельно, отделялись, как на картинах Арапова⁵⁰⁴.

Она стояла спиной к окну, и взгляд был темен и напряженно лучист. В нем была радость и молитва об умершей, — и вместе ласка лучей. На эту ласку, будто идущую от звезды волхвов, нельзя было не ответить: она была выше смерти, ее лучи пронизывали смерть до грани новой жизни.

И мне показалось, что шел какой-то благовестительный, безмолвный разговор. Лучи стекали в направлении лица умершей. А поза последней мало говорила о смерти: голова была повернута к Вере, как и всё тело, и полусогнутые колени; руки прижаты к правой стороне груди. Так застыла она еще до положения в гроб. Только руки долго сохраняли теплоту и гибкость. И никто не распрямил ее, будто ждала она этой сцены Благовещения во гробе.

Я понял, что нельзя оставаться при таком прощании и при такой запредельной встрече... И вышел... И всё же старшей и руководящей в этом посмертном поединке душ была древняя, как пепел звезд, душа Веры...

3. В индийских садах

Я вхожу в твой дом, моя Пепельная Царица, пришедшая из страны волхвов! Твой дом против белой старинной церкви, которую написала королева Елисавета⁵⁰⁵ и дала ей такое тонкое имя: Свете Тихий.

Этот вечерний мотив, в котором ласка нежалящего солнца, начал петь в моей душе, как только я переступал порог дома.

Почти квадратная комната с убранством простым и тонким: вот старинные кресла, вот диван, на котором спит Дик, вот овальный портрет красавицы, твоей матушки, которая дала мне такое строгое, почти царственное благословение. Вот каменный стол чудесной старинной работы, другой стол, – заставленный цветами, а за ним Москва и «окно, открытое в душистые луга» на картине Переплетчикова⁵⁰⁶. И, наконец, твой почти незаметный маленький столик, на который, казалось, положена вся святыня, вся дарохранительница твоей вещей и древней души; вот – твой египетский бювар с идолом на тесемке. А за окном твой сад, полный священных белых роз...

И длится вечер, спускается ночь, тихо и бесстрастно розовеют розы в утренних лучах – а я всё в креслах перед тобою. Ненаслушное пение янтарных глаз твоих слушаю...

И совсем нет меня – я в индийских садах души Твоей...

4. Звезда волхвов

«Садитесь, Евгений!» – и сама сядет так, что локти покоятся на коленях. И так курит. А глаза темно-янтарные, затененные, спрашивающие и хотящие, чтоб не был услышан вопрос. Улыбка ласки и тонкой благословляющей насмешки. Тяжелые волосы, слегка отклоняющие голову назад. – И далекие отблески Индии, ее прохладных храмов, пронизанных святостью и ароматом ядов, – казалось, – струились, перебежали по ее смуглому, желтоватому лицу, вдоль небольших, вероятно, горьких и тайных морщинок.

Ее речь – несколько растянутая, поющая, как в сказке. Ее походка – скользкая, но шаги мелкие, и тревожная. В ее прикосновениях больше прохлады, чем тепла, будто прикосновение во сне, в детстве, над колыбелью. Желая обратить внимание, касается руки несколькими пальцами, слегка и быстро лаская ими. Желая передать касание в большей мере, касается обратной стороной ладони.

Связанная с великими и сильными и сама облеченная в нездешнее Солнце, она всегда искала преклониться перед малыми. Этим объясняю я ее несколько продолжительный интерес к Н. Бромлей⁵⁰⁷ и И. Северянину.

Ее обращение ко мне чаще начиналось с вопроса: «Знаете что, Евгений?» – И лицо открывалось, как открывается завеса за царскими врагами.

Ее рассказы причудливы:

- о белой парче и черном солнце,
- о рыцаре Блоке,
- о призывающих в Москве колоколах,
- о рыцаре Дориане,
- о складках платьев Мусатова⁵⁰⁸,
- о жемчугах и воздушных мостах Чурляниса,
- о Найте⁵⁰⁹ и магических животных,
- о Стефене Грэме⁵¹⁰,
- о далеких русских дебрях,
- о тайных и сказочных птицах,
- о Финисте,
- о Китеже, скрытом в лесах.

Образ Веры для меня навсегда связан с образом листка, осененного и золотого, горящего, как в песнопеньях Фета – (она всегда носила брошь – золотой листик), и с образом сказочного индийского волка с янтарным взглядом и нежалящей насмешкой.

5. ПЕПЕЛЬНОЙ ЦАРИЦЕ

*Пепельной Царице
по случаю написания ею венка
сонетов «Облако»*

Открыть твои парчовые страницы,
дышать святыми ядами венка,
виденье Пепельной Царицы
узнать сквозь плены и века.

Через пятнадцать звездных стран
твои проникли певческие стрелы...
Как снов твоих хрустален⁵¹¹ караван,
как розы всеедино белы.

Тебе бы царствовать в подземных тайниках,
из вод понять сиянье Атлантиды!
Чтобы распался мир в стеклянный прах,
и новый вышел из орбит Ириды.

Но ты сейчас в плену у бедственного мира.
Ты стелешь строф поющую парчу.
Не узнана Твоя тяжелая порфира,
и мир не отдан звездному бичу!

II. ИЗ КНИГИ О ВЕРЕ МЕРКУРЬЕВОЙ «ВИНЕТИЙСКИЕ РАЗДУМЬЯ»

5. Поющий клубок

Первый раз мне открылась Винета ночью, гонимый Роком от берегов Эвксинского Понта я постучался в дверь Винеты⁵¹². Судьба возвращала меня в город моего детства и первых исканий.

Вот полоса света, вот дверная цепь, – слабая защита от мрака и варваров, проложивших дорогу через дом.

Меня приняла Кассандра. Королевы Марии там не было⁵¹³. А может быть, она была в истинной Винете, – в Винете-Урании.

После тихого разговора, в котором голос был медлен, ласков и освобождал от тяжкого житейского волнения, – настала 1-ая винетийская ночь, пронизанная тенями и дымом.

Я лежал на полу в самом потаенном месте Винеты, и резная изгородь для книг казалась высокой стеною органа. – Впечатление древней, какой-то не русской храмины, в которой люди от непогоды решились провести ночь. Покрывало было теплым, но мне было холодно, точно подо мною плиты каменного пола.

Два света скрещивались и замирали на потолке. Светильник стоял в полукруглой нише над камином, а потолок пересекала черная тень от трубы и опускалась там, где горела лампада. – Трепетный свет тающей жизни и призывающий свет черных ликов скрестили ночные мечи.

Свет вспыхивающего огня и дым курений шел от ложа Кассандры, повернутого к середине комнаты. Трудное дыхание, сдерживаемый кашель сопровождали ее думы.

О чем печалилось, о чем сжималось твое верное светящееся сердце? Может быть, к нему подступали волны стихов в парчовых и шелковых ризах? А ты благословенным движением снимала с них одеяния, оставляя голос и неукрашенную строгость лица. Может быть, они соединялись в строфы, ектении, прокимосы и разговоры, а ты давала им время возникнуть и распастыся... Как знать, может быть, это и есть истинное создание стихов, в наплыве строф и облачном разъединении, питающее ресуррективное и жертвенное творчество сердца.

А ночь всё длится. Лампада уже погасла. Крылья ночи стали тяжелее и глуше, теснее опустились к полу. Близился предрассветный час.

Своей влачащейся трагической походкой подошла к моей подушке Триша, на ухо сказала свое горькое «оу» и стала свертываться клубком у плеча.

<1>932

Памяти Триши

6. ПЛЯЖ ЗВЕРЕЙ

Зима. Вечер около 8 часов. Просыпаюсь у себя в Ленэях. И сразу схватывает меня порыв. Ведь пройдет вечер. Может быть, сегодня все в сборе, – и будут стихи, и будут споры. Запахиваюсь в легкое пальто и бегу по хрустящему, ломкому и тугому снегу наверх к Винете, мимо ратуши, с которой не льется звон, мимо ратуши, перед которой когда-то вырос мой мирт.

Подхожу, а Винета в снегу. Будто спит в иглистом, колком одеянии. Сосна – великий страж Винеты – бережно хранит ее сон. Вот улица, выложенная снегом, как в игрушечной мягкой коробке, в детстве... Вот серебряная винетийская роща, окружившая Линейную церковь. Вот – тополя-звездочеты. Вот милые колпачки милой с детства каменной ограды. Холодно и светло. Прозрачно и звонко. Хочется еще

раз взглянуть вдоль улицы. Запомнить, затаить этот домик с колоннами, сосну, эту отныне Винетийскую рощу. В ней когда-то горели ночью лампы. Ее написала на полотне королева Елисавета⁵¹⁴.

Стучусь, и пар морозный застилает дверь. В Винете еще тихо. Короткие и колкие споры еще не вспыхнули. Еще неясно, какие ритмы прозвучат сегодня, какие стихи будут петь в янтарных глазах царицы.

Топится уютная печь. Вокруг нее в барственных эпикурейских позах кошки развернули полукругом пляж. И только рыжий зверь, исчадие Апокалипсиса, с голым и скользким хлыстом вместо хвоста, спит в своей корзинке.

7. ВИНЕТИЙСКИЕ СЕТИ

Пепельная Царица в эту зиму кажется особенно хрупкой и нежной. Не парча, обнимающая ее плечи, не корона над фетром, дарованная Вячеславом Великолепным, – нет, весь жалостный состав ее благословен! Высокой человеческой тонкостью пронизано ее невиданное и неузнанное существо. А янтарь в улыбке и насмешке всё так же горит своим королевским благословением.

Вошедшего всегда остановит медлительный ритм самой фигуры, ставшей драгоценной живой статуэткой. И мысль одна пронизит взглянувшего: какой напряженной (да, да!), нечеловеческой силой держится этот телесный поющий состав.

Если вспомнить все слова, все темы, возникавшие в воланах дыма, – невольно спросишь: что это? – как не бестревожные, медленно тающие королевские размышления...

Вокруг круглого стола разбросана нигде не виданная мной пестрейшая сеть пестрейших

разговоров,
тем–вспышек,
тем– папир,
монологов-воспоминаний,
неожиданных миниатюр-essai,
слов-находок,
слов, требующих вмешательства Даля...

И как странно, бестревожно текут темы, как медленно стелется дым, будто собрались в каюте скоротать долгий срок дальнего путеше-

ствия, долгий сон плененных ожиданий. Может быть, это и есть благодатный метод лечения в Винете от тяжких ран тяжелого волнения.

Но этот дым в котловине Винеты не бывает и без святающихся, свивающихся снопов. Этот круг под лампой, эта сетчатая скатерть, уловляющая в сети невообразимых разговоров, видели и другие мгновенья. —

— Здесь прошел необыкновенный цикл стихов Пепельной Царицы⁵¹⁵, стихов-разговоров в простейших одеяниях, в какие никогда никем не были одеты стихи.

Здесь открылась в новом призывном вибрирующем голосе новая «Восковая персона»⁵¹⁶.

Здесь в жгучей и жгутовой вязи дважды пронеслась тема «Тристана и Изольды»⁵¹⁷.

Здесь в своеобразных тревожащих интонациях, в кажущемся безразличии голоса прозвучали

«Провинциальные вечера»,

«Лермонтов»,

варианты «Лезгинок»⁵¹⁸.

Здесь в спорах прошумели «Деревья»⁵¹⁹ нежного поэта, наследника двух корон, обладателя восковых улыбок.

И здесь же не нашла единодушного поклонения его избранница — «Княжна Елисавета»⁵²⁰, «девушка простая».

Здесь прозвучала и глубокая, вычерченная, как залив, поэма о «Доме Поэта»⁵²¹, сейчас повитая суровым Киммерийским трауром.

За этим же столом в тройственном суровом ремесле возник «Напрасный труд»⁵²².

Сюда же невинетейцы несли свои стихи, свой гимн Винете на ласковый и беспощадный суд янтарных глаз и благостной улыбки.

Вот и вся та жатва, что попала в сети Винеты за эту безжалостную зиму 1932 года.

8. ВИНЕТИЙСКИЕ ПРОХЛАДЫ

Прошло лето (<1>932 года), небывшее, не случившееся, выпавшее из системы погоды. Подошел август, влажный, дождевой, в длительных прохладах. И вот — Винета сумрачная, в непрерывных струйках дождя.

Как-то довелось провести целый неизмельченный, нерасколотый день в Винете и видеть необычно-зеленоватое освещение, вливавшее-

ся в окна. Мы обедали вместе, все трое, пили кофе и говорили на темы, сами собой пересыпавшиеся, как пленительные камни в приборе Коктебеля. Вера была в белом платье. Лицо было очень помолодевшим и бестревожным, каким-то милующим, без отдачи дарящим всю остатную теплоту сердца. О чем не говорили мы, где только не были во время разговора. Это были переулки

Арбата,
Пречистенка,
бульвар, кафе,
Лосиноостровская,
отъезд из Москвы,
Кисловодск в тяжелые годы,
Вячеслав Великолепный,
Александр Кочетков,
появление персонажей Вертепа⁵²³ вокруг каменного стола...

А за окном шел дождь. Ближайшие и дальние деревья казались расставленными в причудливой, подводной декорации. За щедрым стеклярусом дождя, в вершинах тополей простерся опаловый туман, пролился влажный зеленый лепет. И всё это неслышно вступило, влилось в комнату в смягченном полумраке. А царственная зелень положила свои провидящие пятна на стены Винеты. Вещи стали легче, а воздух широк и ласков. Подводное китежное молчание коснулось наших уст.

В этот вечер Вера уже знала о завершении Киммерии, о конце Коктебеля, об уходе от нас архонта-базилевса Каллиэры⁵²⁴.

[9] ПОГРУЖЕНИЕ ВИНЕТЫ

45-летний юбилей.

ОТДАНИЕ ПОЧЕСТЕЙ

Еще один вечер, почти целая ночь, – какое-то своеобразное отдавание почестей Вере – поэту, писателю, переводчику.

Винета, ее стены, резная полка книг украшены ветвями и цветами. Стол поставлен наискосок к правому углу. Скромная трапеза и пурпур темного вина. В сборе вся Винета и остатные волхвы Вертепа. По левую руку Веры была Антонина⁵²⁵, по правую – я. Говорил только Леонид Семенов⁵²⁶, остальные читали. Очень жалели, что не было одно-

го из волхвов, его заменял красочный венецианский портрет с восковой улыбкой⁵²⁷. Вера была грустна, благостна, прозрачна и светла. Все знали, что через три дня она оставляет город и дом. Винета погружается на дно, в подводное царство сладчайших мечтаний.

Из чтений был интересен телесонет из Ставрополя от Александра Кочеткова, [прочитанный]⁵²⁸ М.И. Слободским; потом следовал Винетийский гимн (М. Р<удне>ва)⁵²⁹, и этот трогательный и горький разговор вещей между собою об отъезде Веры. Во всем, что говорилось, была разлита терпкая горечь прощания. Мне пришлось читать написанные к этому дню «Винетийские раздумья» о приезде с берегов Понта, о приюте, найденном у Веры... Я дал портреты Веры сквозь окружавшие ее вещи, сквозь зигзаги и вспышки разговоров. И Вера благостно отметила мое уменье и в особенности главу о сетчатой скатерти («Винетийские сети»).

10. ПАНТОМИМА ШЕПОТА И СНА

Был первый час, а мы еще не расходились, скитаясь около стен разрушенной Винеты. Обстановка была странная и немного жуткая. Это был какая-то иллюстрация к полупомешанному Гофману.

На первом месте в гротескном беспорядке – вещи, готовые к отправке: нелепый угольник Эмилии Васильевны, зашитый в дорожку. На нем только что пила чай Вера, уже готовая свалиться с ног. Рядом – квадратный тюк с книгами. На нем – лампа, мрачным светом озарявшая разгром.

Я вошел в эту минуту, когда чугунная печь с отвисшей трубой, в полумраке, двинулась вдруг на меня. Это действовал Михаил-ангел, переселяя печь к племяннице Веры⁵³⁰.

В глубине комнаты – кровать Веры, полузакрытая мелкими вещами, вокруг нее тазы и ванны с вещами, не распределенными к раздаче. В изголовье, на полу – цветы в вазах казались пышно расцветшей горечью. По тому, как стояла кровать, и по заставленной авансцене трудно было понять, сквозь всё разорение, что происходит в доме. Ощущение – горестно-непоправимое, ощущение тягостного разрыва.

Окончательно изнуренная, Вера прилегла на кровать. Больничная сестра пододвинула кресло, и они о чем-то говорили. И вдруг все увидели, что Вера спит: быстро и внезапно заснула. Стало еще темнее и тише, и сердце в этом притушенном шепоте сжалось до предела.

Все остались как есть, не изменяя позы, стараясь не производить шума. Возникло мгновенное оцепенение групп. Вдвоем на кресле у окна, склонившись близко, застыли два друга (К. и М.). Катя и Клодя остались около книжного тюка, на котором, как статуя, сидела Антонина. Все трое склонились вместе, чтобы не быть слышными. На черном диванчике, упершись в палку и сложив на нее голову, в дремоте или в раздумье сидел откуда-то взявшийся Василий Васильевич⁵³¹.

Я один не имел приют в этой внезапной пантомиме шепота и сна. Я с раздражением смотрел на восточных людей, стоявших на месте печки и бесцеремонно торговавшихся о жилплощади...

А за стеной, в узком чуланчике, ища выхода, описывал зигзаги мнимо-отравленный, оплаканный и мнимоумерший Нектай.

Конец

ЗАПИСИ О ГОДАХ ДРУЖБЫ 1908–1938

У Эмилии Васильевны, рожденной Архипповой, было четыре дочери: Ольга, Мария, Вера, Нина и сын Евгений. Я был знаком только с тремя сестрами, не знал Нины и Евгения Александровича. Эмилию Васильевну вспоминаю чаще всего в черном атласном чепце, отороченном белым шелком, и в строгом, почти игуменском одеянии. Прекрасный величественный образ русской женщины <середины>⁵³² XIX века Эмилия Васильевна сумела сохранить до своих старых лет. Запомнился необыкновенно важный, поющий голос, растягивающий слова; Эм<илия> Вас<ильевна> говорила прекрасным народным языком, соединяя его с высоким стилем 40-х годов. Отсюда, от народного языка, звучавшего в детстве и юности, у Веры возникла и укрепилась любовь к русской песне, былине, сказке.

С Верой, как и со всеми молодыми людьми, Эм<илия> Вас<ильевна> была наставнически строга и благостна. Конечно, только к ней я мог обратиться за напутствием, когда мне пришлось в <1>915 году оставлять родной Владикавказ.

Эмилия Васильевна скончалась в мое отсутствие, в <1>916 году, когда дом был уже продан. Она умерла в том же доме по Моздокской ул<ице>, где я долго жил: угловое окно наискосок от Лютеранской церкви, угол Гоголевской улицы.

Я познакомился с Верой, вскоре как вернулся, после студенческих лет, во Владикавказ из Москвы. По желанию отца, знакомого с попечителем Кавказского округа Кириллом Петровичем Яновским⁵³³, я получил место преподавателя истории в Ольгинской гимназии.

Мне было тем приятнее вернуться во Владикавказ, что отец мой, Яков Максимович, как раз в это время вышел в отставку и поселился в доме бабушки Марии Ивановны на углу Базарной и Ремесленной улицы. Там я и провел часть своих гимназических лет после переезда из Феодосии (с 3 по 7 класс).

Инициатором знакомства с Верой была Елисавета Васильевна, дочь проф<ессора> В. Цингера, человек высокого внутреннего строя и тонкого художественного чутья. С большими лохматыми собаками, на широком мостике, отделяющем аллеи Эреба от передней части Трека, – она сама подошла ко мне и попросила быть с нею знакомым. Отсюда, от аллей парка и начались мои владикавказские знакомства: –

Вера,

Давидочка,

Буся,

Антонина Беме,

Ив. Васильевич⁵³⁴.

В 1908–1909 году мне пришлось читать лекции об Александре Блоке. В числе слушателей, как я потом узнал, были Вера, Евгения Яковлевна, Лиза Семенова⁵³⁵. Они очень завидовали моей решимости и мужеству говорить с толпой о Блоке. – Так очертился круг близких людей во Владикавказе.

Определился и район города, где протекала моя жизнь. Центром этой части города для меня и был угловой дом с низким балконом, с деревянными колоннами на Красивой 1, дом Эмилии Васильевны.

В середине этой маленькой улицы жила и Геня Рабинович, с которой мы вместе служили в гимназии. Это был дом Якова Львовича, детского врача, поразительно, почти неотличимо похожего на Аф. Аф. Фета. Здесь же я познакомился и со старшей сестрой Евгении Яковлевны, с Ниной Яковлевной, отличавшейся способностью к глубокому философскому мышлению. Семьи Рабинович и Меркурьевых были теснейшим образом между собою связаны, в особенности: Яша, Вера, Геня и Нина Яковлевна.

В этом же районе, сейчас же за Красивой направо, по Мариинской улице находилась и моя Alma Mater: Ольгинская гимназия; а в начале Красивой, по Александровскому переулку (теперь Тимирязевско-

му), – стояло здание Николаевского училища, где я читал лекции. Против училища, во дворе дома, соседнего с Вериным, была и моя квартира <1>914–915 года. Во всю длину Красивой улицы, против линии жилых домов, было владение Линейной церкви, окруженной обширной рощей.

Этот район расширился в сторону Моздокской улицы (Льва Толстого), где я переменил несколько квартир и где снова стал жить, на Линейной, с <1>931 года. В самом доме Веры, вместе с нею мне довелось жить в августе и сентябре <1>931 г.

Более тесное дружеское общение с Верой началось уже после смерти Нины Александровны. Начались наши нескончаемые беседы и споры, в которых складывались наши взаимовлияния.

Круг людей, которых я встречал у Веры, был невелик. И здесь на первом месте надо назвать Антонину Павловну Беме. Это была очень красивая светская женщина, подруга Веры по Ольгинской гимназии, сердечно и внимательно относившаяся ко мне. Ее голос напоминал голос Эмилии Васильевны, лишь без ее торжественной медлительности.

Из других лиц помню Ивана Васильевича Рябкина, которому Верой посвящено стихотворение, являющееся в то же время и портретом Ивана Васильевича⁵³⁶; помню еще Елисавету Александровну Семенову, дочь моего учителя А.Ф. Семенова⁵³⁷, А.Г. Пономареву (Бусю), В.В. Горячкина⁵³⁸. Отсюда же мое знакомство и дружба с Д.А. Тарноградским, моим старинным и неизменным другом.

Вместе с Верой мы сотрудничали в газете Сергея Казарова («Терек»)⁵³⁹. Там Вера поместила свои статьи о голоде <1>912 года, рассуждение о всемирном братстве и законе воздаяния. Я помещал статьи о Бальмонте, о Майкове, о Фете, о смерти Елисаветы Васильевны и статью о голоде «Не давайте им умирать!», одобренную С.М. Кировым⁵⁴⁰.

Первый раз Вера оставила Владикавказ для Москвы весной <1>917 года. Как поэт Вера была признана Вячеславом Ивановым в том же <1>917 г. Началось дружеское общение с Вячеславом Великолепным, продолжавшееся до <1>921 года, – до возвращения во Владикавказ (из Кисловодска).

К <1>922 году относится возникновение Вертепа, – первой школы поэтов под руководством Веры. Вертеп просуществовал до <1>925 года. Сборник Вертепа («Золотая зурна») вышел в <1>926 году⁵⁴¹.

Конечно, за годы дружбы были у нас с Верой и разногласия, временно разъединявшие нас. Предметом разъединения служили, конеч-

но, книги, поэты и литературные репутации. Вера не приняла сразу «Кипарисовый ларец»⁵⁴², долго отвергая его и стыдя меня за приверженность к Инн. Анненскому. Вместо Анненского излишнее внимание Вера уделяла Над. Бромлей («Пафос»)⁵⁴³ и сборникам Игоря Северянина: она приняла не только «Громокипящий кубок», но и последующие бледные и жалкие книги Северянина: «Ананасы», «Victoria Regia» и др.⁵⁴⁴ Эти симпатии разделяла и А.П. Беме.

В последнее время (<1>937-ой год) Вера стала отвергать Кузмина, не считая его настоящим поэтом. Долго отвергала и А. Белого, не вынося присутствия в доме его книги «Серебряный голубь». Вера приняла только «Золото в лазури»⁵⁴⁵ и то частично. Суровое осуждение Андрея Белого было вызвано, как кажется, изменившимися отношениями А.Белого и Нины Меркурьевой. Об этом А. Белый упоминает в 3-ем томе своих мемуаров⁵⁴⁶.

Окончательно Вера оставила Владикавказ в <1>932 году. Это давалось ей очень тяжело и трудно. С ее отъездом распалась и Винета, – 2-ое объединение поэтов вокруг Веры.

В 1-ый свой приезд, весной <1>934 года Вера жила вместе с нами на Линеинной, 3 (в Ленэях). Во второй – предпочла устроиться на Ломоносовской, 6. Это было в <1>937 году.

Оба раза во время приездов Веры возобновлялись и винетейские общения, в которых принимали участие А.С. Кочетков, М.И. Слободской, М.В. Руднев.

За многие годы дружбы Вера посвятила мне несколько стихотворений:

«В тесной темнице заточнику не спится...»,

сонет-акростих с кодой: «Его глаза упряма и фантаста...»⁵⁴⁷.

Кроме того, ко мне обращена интермедия «Напрасный труд», написанная вместе с Александром Кочетковым и М. Слободским, – и «Послание в Кунгахеллу», написанное вместе с А.С. Кочетковым: «Шпили пронзают синий ледостав...» (<1>934 года)⁵⁴⁸.

ВСТРЕЧИ И РАСХОЖДЕНИЯ (Воспоминания)

I

Большинство встреч с Верой происходило в том квартале, где мы жили: в районе Моздокской и отходящей улиц. Моздокская улица, широкая и покатая к Тереку, в то время была очень тихой и несколько чопорной улицей, безукоризненно чистой, выложенной белыми плитами переходов. Тополей было особенно много в районе лютеранской церкви и дома д-ра Митрофанова. Перед церковью, в воскресные дни, обычно стояло много богатых экипажей, кроме постоянных извозчиков. В этом районе, против церкви расположилась московская булочная и аптекарский магазин Лукаша, а немного дальше, ближе к Червленной, – кахетинский погреб «Гемовнеба».

Наискосок от лютеранской церкви на углу Гоголевской находилась и моя квартира с закрытой верандой, выходившей в уютный сад. Здесь была обширная комната в три окна, обращенные к квартире М.В. Мохира⁵⁴⁹. Эта комната особенно привлекала художников и была удобна для собраний. Собирались для рисования и чтения:

Е.В. Цингер,
А.Г. Пономарева,
И.В. Рябкин⁵⁵⁰,
К.Г. Григорьянц⁵⁵¹,
Казьмин⁵⁵² и др.

В это же время – шел 1909 год – появлялась и Вера. Но обычно оставалась недолго, так как не любила принимать участия в общих разговорах. Разговоры держались около «Мира искусства», Врубеля, Сомова, Мусатова. Реже касались Судейкина, Сапунова, Богаевского⁵⁵³. Эта же группа художников, выставлявших свои картины, в другие дни собиралась в квартире Елисаветы Васильевны по Слепцовской улице, ближе к Мариинской.

К этому времени относятся мои расхождения с Верой по поводу Игоря Северянина. Манерность, приторность, какая-то слащавость и самый словарь Северянина меня резко оттолкнул от него. После чистой и благоуханной поэзии Фета меня охватывала дурнота.

Несколько посещений Веры помню на Червленной улице, 18. Это был <1>913–914 год. У нее продолжалось увлечение Северяниным,

даже его последними сборниками: «Ананасы в шампанском», «Victoria Regia» и др. Помню, что я никак не мог вынести Вериного воркующего чтения Северянина. И Вера скоро нашла себе слушательницу и сочувственницу в лице Антонины Павловны Беме. Даже поклонение Кузмину («Осенние озера». 1912), державшееся долго, отошло на второй план. Несколько раз Вера читала Северянина у А.П. Беме, в Павловском переулке. Помню посещение особняка Беме, обсаженного березами, чудесной отдельной комнаты Антонины в верхнем этаже. Здесь, как и у Веры, был культ Игоря Северянина.

Последние его книги, после «Златолиры», были переплетены в интересные ткани с маленькими розами. Там же я помню томик Александра Блока в богатом шитом чехле белого шелка, с черным сияющим солнцем, – что мне особенно тогда не понравилось, и я не принял его от Веры и Антонины, а потом очень и очень жалел.

II

Встречи с Верой в районе Моздокской возобновились после возвращения с берегов Черного моря, где я пробыл с 1916 года по <1>931. Судьба опять поселила меня в нижней части той же улицы, в «Ленэях», как мы говорили, около спуска к Тереку.

В Коктебельском Музее
жить куда бы мне милее,
но фортуна, ведьмы злее,
поселила на Ленэе.⁵⁵⁴

Это было очень близко от домика, смотрящего на мечеть вдоль высокого берега Терека. В нем, в 1908 году, скончался Яков Максимович.

Вера посещала Линейную, 3 и одна, и в сопровождении А.С. Кочеткова. Особенно остались в памяти несколько посещений. Вскоре после переезда на квартиру, в октябре <1>931 года, Вера вместе со мной развешивала овальные портреты поэтов, соединенные в три группы на трех стенах, указывала порядок расположения книг на полках и на столе.

Запомнилось еще посещение меня всей компанией в мой день, 3 февраля 1932 года⁵⁵⁵, когда Верой была прочитана обращенная ко мне интермедия «Напрасный труд», написанная тремя членами Винеты. В интермедии были интересные вставки, обращенные ко мне от Максимилиана Волошина, Медного Всадника (сонет), Всеволода Рождественского, Э.Ф. Голлербаха. В конце вечера, очень удачного и полно-

го легкой веселости, я читал цикл стихотворений из редчайшей коктейльской книги «Poetae Poetae»:

Тангейзер,
Ганс Сакс,
Ронсар,
Франсуа Вийон –

Максимилиану Волошину. Особенно понравились Вере:

Кириенко – Максимилиану Волошину и Некрасов – М. Волошину⁵⁵⁶.

Храню в памяти и грустное посещение Веры после смерти Триши (Хромоножки)⁵⁵⁷ и К.Г. Горячкиной⁵⁵⁸. На отпевании Вера была очень растрогана прекрасными исполненными песнопениями. Она сидела около стола в нашей полутемной комнате и всей хрупкой фигурой напоминала загнанную непогодой трепещущую птицу.

Встает в памяти и последний вечер (16.IX.932), который Вера провела у нас перед отъездом в Москву к Ев. Як. Рабинович. Она попросила меня принести что-либо из ее рукописных сборников, сказав: «Милые! Поймите же: я иду в изгнание». На расставание она прочла нам:

«Мертвую зыбь» (из цикла «Сорок два»),

«Неизвестные нам причины»,

«В.А. Рождественскому»,

«Как все»;⁵⁵⁹

из Вячеслава Иванова прочла:

«Ты с нами, Незримая, тут»,

«Здесь нет ни страха, ни надежд, ни цели»,

«На мировом стоим водоразделе».⁵⁶⁰

Этот день совпал с горчайшим известием о смерти и погребении Максимилиана Александровича.

На прощание Вера подарила Клоде свою миниатюрную книжечку с фронтисписом Бакста, с эпиграфом из Вс. Рождественского:

С плеч скатившееся платье

дай душе переступить...⁵⁶¹

Книжечка и называлась «Платья»⁵⁶² (Винета. <1>932).

Хождение ко мне, по Моздокской улице, Вера называла хождением по «драконовым зубам». Правда, в этот период улица стала совсем неузнаваемой: все тротуары были заброшены, размыты дождями; плоские камни, при переходах через улицу были выкорчеваны, остались только «драконовы зубы». Вечером мы с Верой передвигались медленно, боясь попасть в колдобины или налететь на торчащие камни...

III

Во второй приезд из Москвы (<1>937 г.) Вера пожелала выбрать себе отдельное помещение. (В первый приезд она останавливалась у нас в Ленях, в <1>934 г.). Она нашла маленькую низенькую комнату во дворе, с окнами в тенистый сад (на Ломоносовской, 6 против домов А.М. Кудрявцева⁵⁶³). В комнате поражало обширное собрание икон хозяйки и большой портрет Иоанна Кронштадтского над постелью Веры. Мы называли комнату Веры «кронштадтской кельей». В этом крохотном помещении перебивало много народу: читали стихи, пили традиционный кофе, спорили и неистово курили. Винета вновь ожила, выплыла на поверхность. Вторично сбылись строки Винетийского гимна.

Но верны сбывшемуся сну,
покорны сладкому обету,
встречать грядущую весну
придем, как странники, в Винету
.....
И вот, надеемся и ждем,
что повторятся встречи эти,
и мы за круглым сим столом
опять увидимся в Винете (24.IX.32)⁵⁶⁴

М.В. Руднев читал здесь свой поэтический отчет о поездке в Пятигорск на розыски исчезнувшего А.С. Кочеткова. Вера прочла свои новые циклы стихов, написанные после цикла: «Осталась»⁵⁶⁵. Споры больше касались поэзии М.А. Кузмина, которого Вера уже не считала поэтом, а лишь искусным «стихodelателем»⁵⁶⁶. Новое увлечение владело Верой: Александр Степанович Грин (Гриневский). В «кронштадтской келье» собирались:

А.С. Кочетков,
А.П.Беме,
Е.А. Юрченко,
Слободские,
Г.Г. Федоров,
М.В. Руднев.

По воскресеньям собирался наш «малый совет Винеты» из 5 человек, на Линейной, 3. Я не помню ничего лучше и дружественнее на-

ших тихих, бестревожных бесед за легким вином, под темной картиной Богаевского, при непрерывном участии Хирама и Зуши.

Это был последний приезд Веры в любимый Владикавказ. Мне она оставила Омара Хайяма, изданного к третьему Иранскому Конгрессу⁵⁶⁷.

IV

Мне остается сказать о библиотеке Веры, вернее, о тех книгах, которые она продолжала удерживать при себе до переезда в Москву (в 1932 г.). Все они вместились на резной стоячей полке, украшенной выпуклыми точеными орнаментами по бокам и увенчанной точеным же изображением раковины. Эта полка в Винете служила ширмой, за которой находилась кровать Веры; перед ней в <1>932 г. происходило чествование Веры.

Книгами были заняты четыре полки, кроме нижней. Почетное место на ней было отведено Вячеславу Великолепному, книги которого с личными надписями были собраны почти все. Затем следовали:

А. Блок. Седое утро.

А. Блок. Дневник в 2 кн.

А. Белый в издании Гржебина, 1923 Магдебург. – полное собрание стихотворений в одном томе.

М. Кузмин. Сети.

Осенние озера.

Ф. Сологуб. Фимиамы.

А. Ахматова. Белая стая.

М. Цветаева. Из двух книг.

Версты.

Н. Крандиевская в изд. Некрасова и в изд. Омфалос.

Н.А. Клюев. Отдельные сборники и Собрание стихотворений, книга 2-я. Петрогр. 1919.

И. Эренбург. Стихи о канунах.

Три тетради рукописей.⁵⁶⁸

Много книг на английском языке, учебных и для чтения.

Совершенно отсутствовали в библиотеке Веры в <1>927 году:

Бальмонт,

Брюсов,

М. Волошин,

Гумилев,
И. Северянин (!)

Не было на полках и Пришвина, которого Вера старательно собирала наряду с Островским и Клюевым. Одно время даже себя в шутку Вера назвала Вера Клюевна. Еще собирала Вера духовные песни, стихи и сказки.

Из франц. книг я запомнил только L'abbe Prévost «Histoire de Manon Lescaut et du chevalier des Grieux» Paris. 1873. Michel Lévy frères, éditeurs⁵⁶⁹.

Библиотека была значительно богаче и полнее в 1927 году. Тогда она стояла в большой комнате с балконом, где собирались пациенты Марии Александровны. Эти же пациенты и «добрые знакомые» и рассеяли значительную часть книг.

Другая часть – погибла уже после отъезда Веры, в <1>932 году; при ликвидации лавки букиниста, по прозвищу «француз».

Д<авиду> Т<арноградскому>

I

Произносимый огонь

II

Κιβωτὸς χρυσῆα⁵⁷¹

III

Turris Ciscaucasia

IV

Венецейские львы

I. ПРОИЗНОСИМЫЙ ОГОНЬ

1-АЯ ВСТРЕЧА

Она произошла в том домике, который в те годы, казалось, был средоточием всей умственной и лирической напряженности: Красивая, 1. Позднее он был описан в поэме об изгнании Кочеткова из Владикавказа⁵⁷².

Дом с колоннадой, с балконом, против церкви, против СХИ⁵⁷³. В тот год садик был заполнен индийским буйством роз и мягким сумраком кипящих сиреневых кистей.

Длился полдень какого-то праздника. У Веры в это время традиционный, сопровождаемый каким-то особым воскресным ритуалом – кофе. В домике Буся, Ив<ан> Васильевич, Антонина⁵⁷⁴. И вот в их окружении я и увидел впервые Давидочку. Он вошел последним вместе с Бусей. Тяжелей задышали цветы на каменном столе; аромат белых роз сделался густым, священным, соловьевским (как в 3-х свиданиях).

Дышали розами земля и неба круг.⁵⁷⁵

Давидочка был самым молодым из нас и вместе с тем стоял в уровне всех интересов будущих Вертепа и Винеты. Поражала особая молодость в Давидочке, живее и богаче молодость на земле не бывает.

Природа давала в его лице еще не обожженный, не кристаллизовавшийся сплав стихий, познаний и умения с высоким поэтическим пафосом жизни.

Поражала не подвижность, не быстрота движений, а еще не отшлифованный, весь в зернах, самородный блеск. Гераклитовский блеск течения – вот что поражало больше всего. Вот в ком открылось мне гераклитовское речение: человек есть текущее пламя, и речь его – произносимый огонь. Если оставаться в аналогиях эллинской древности, то еще одно сравнение невольно возникало от движений и текучести этого пленительного неопфита: вестник богов. Мою мысль тогда же разделила Буся: «Это еще неизвестно, может быть, Давид скрывает от нас свое гермесовское происхождение; так и кажется, что под одеждой его таятся признаки вестника богов: маленькие гермесовские крылья».

II. Κίβωτὸς χρυσῆα Золотой сундук

Так, от этого домика с высокой сосной, с индийскими купами роз, протянулись волокна наших встреч. Давидочка вошел в радостное и близкое общение с Бусей, Верой и Лизой. Интереснее и сердечнее, мне кажется, было все-таки общение с Бусей, оно было как-то особенно жизненно, легко и светло. Расцвет общения был как-то особенно пышным и ароматным.

Наши встречи сосредоточились в трех местах: Червленая, 18, Бусин загородный «коттедж» и квартира Якова Аароновича⁵⁷⁶. Коттедж Буси – это последний дом за городом, с удивительным видом в поле на низкие горы. Из окон мы любили смотреть на одну елочку («Ель моя, елинка»⁵⁷⁷), зимой так уютно, так трогательно заносимую снегом. Потом Елинка нашла себе место на картине Елизаветы Васильевны, она была изумительно выжжена и раскрашена.

На Червленной встрече ютились около моего сундука, сработанного Крейги с особым устройством полок и ящиков. Отбрасывалась крышка, и корешки книг, поставленных ребром в три ряда, удобно и просто предоставляли себя для обзора. Здесь, перебирая книги, мы вели свой беглый огонь по всем сборникам стихов, по всем поэтиче-

ским разветвлениям. Сундук был даже воспет в одном послании стихотворца из «Альционы»:

Твой золотой сундук – и ныне
твое сокровище одно
в холодной мерзостной пустыне,
где жизнь истратить суждено.⁵⁷⁸

Этот не совсем обычный сундук имел свой конец на Мещанской улице, 10, когда я был далеко от него, на берегу Эвксинского Понта.

Тогда, в период Червленного Сундука, наше внимание было отдано, главным образом, гранильщику, каменщику стиха⁵⁷⁹, «Зеркалу теней»⁵⁸⁰; мы еще не утратили тогда своей веры в Бальмонта, искателя погибших Атлантис и призрачных Лемурий. И здесь же, около золотого сундука, легла нам в руки сдружившая нас книга в траурной обложке⁵⁸¹ Арнштама⁵⁸². Отсюда – как ответвление наших беглых обменных суждений – выросли и библиография моя, и ряд статей об Ин. Анненском⁵⁸³. Тогда же мы приветствовали и восход новой звезды на Авзинийском небосклоне, звезды, взошедшей в Жемчугах, в серых, и розовых, и черных⁵⁸⁴. И еще одно очарование мы пережили: пленительного написанный «Огненный ангел»⁵⁸⁵.

В этот же период Золотого Сундука особенно праздничны и глубоки были встречи с Давидочкой после возвращения из города «седого хрустала и серо-лиловой розы», из города мансард⁵⁸⁶,

где юный Дант и отрок Бонапарт
своей мечты мира в себе качали.⁵⁸⁷

Он приезжал как бы на перекличку. Там, в Париже, у него началось соединение биологических наук – то параллельное, то проникновенное – с поэтическими увлечениями. И первое обогащение широкими потоками влилось в извилины горящего ума, в ритмы пытливого и даращего сердца. Здесь – биология, через дыхание Парижа, скликалась с лирикой. И новый облик проступил в образе сочувственника слова и соискателя поэтов: пристальное внимание к малым (они же и великие) явлениям науки. Образ огня отразился в каменной, подстерегающей усидчивости открывателя новых миров, глазу не заметных.

В эти приезды после Парижа содержимое сундука обычно погружалось на извозчика и триумфально, через весь проспект, доставля-

лось на квартиру Абрама Яковлевича⁵⁸⁸. Но сквозь все беседы и суждения у Деви⁵⁸⁹ чувствовалось обретение новой родины, родины вдохновительницы и воспитательницы:

Но никогда сквозь жизни перемены
такой пронзенной не любил тоской
я каждый камень вещей мостовой
и каждый дом на набережной Сены.⁵⁹⁰

III TURRIS CISCAUCASIA⁵⁹¹

Ну кто из жителей этого доброго города владеет загородной башней? Конечно, никто. А Деви владеет давно. И не он один завладел ею. Ему помогли полчища тех рыцарей с золотыми трубами, которые изображены на его гербе, по обе стороны щита открытий и приобретений, по обе стороны кипящего первыми клубами кофейника.

Впервые я увидел эту Turris Ciscaucasia в 1927. Мы совершили паломничество к башне вместе с Верой и Клодей. Внешне со стороны дороги – глухие стены и ворота. Можно подумать, это сторожевой пост в начале Военно-Грузинской дороги. Но вот – внутренний двор, мирно заросший благоухающей травой (с понижением почвы влево от входа). Вот и башня Аладдина, будто перенесенная сюда из сада магрибинца в Ифрикии.

При виде башни мне вспомнились мои родные генуэзские башни, среди которых в Кафе протекало мое детство⁵⁹².

И как девушка, башня Климента VI
в хороводе подруг над холмами идет.⁵⁹³

Белым камнем обложенный вход. Три окна обращены к течению реки: нижние – из малых стекол, маленькая амбразура второго яруса, и верхнее – под самой крышей. Интересны окна, обращенные прямо против ущелья. Между башней и Теремом пролегла узенькая полоса земли. Кладка стен старая. Верхняя надстройка позднейшего происхождения. Здесь три этажа с люками и лестницей в верхний этаж. Я быстро поднялся, быстро оглядел 2-й этаж, – по-видимому, спальную комнату, – остановился на пороге люка в 3-й. Почти квадратная ком-

ната – открытое окно, около него, не закрывая его всецело – стол со стеклянной надстройкой (я описываю все так, как я видел в 1927 году), внутри – поэты и девушка, сидящая на камне. Под узким окном вверху, как в нише, – мягкая тафта, несколько сборников стихов, среди которых

Анатолий Грант⁵⁹⁴,

Фамира и

Кузмин.

Я долго ничего не мог сказать. Я поражен был шумом Терека. Мне странен был этот шум быстро катящейся реки. Он дарил задумчивый и необычный какой-то плодотворный покой. Эта комната, созданная Деви, дала мне новое приобретение: уют и покой, они здесь составляют на высоте одно, ощущение одного живого плодоносящего покоя. Вот где отстаиваются его мысли, вложенные в биологические работы, в его экскурсии башенного журнала. Вот где ликование ветра, горного воздуха, говора реки и тончайших нитей наблюдений. Это сплетение всех влияний овекает образ Деви. Оно положило свой световой отпечаток на глубины озаренности и пронизательности. Здесь вступили в гармоническое единство порыв устремленности и пронизание в видимые покровы вещества, в незримые кодексы жизни малых миров.

Кто знал, что здесь, при входе в этот древний проход, приютится, возвысится такая станция? Она поместилась как раз при входе в неприступное святилище Кавказских гор, на границе Европы и Азии. Европа докатывает свои равнины и предгорья как раз до этого рубежа.

Башня первая принимает дыхание Юга, первая чувствует вековые внушения Азии. И в лунные ночи, когда луна светит как бы со стороны ущелья, это уже чары Азиатского Юга. Юг Персии и древних царств начинает сквозить через лунный пейзаж. Но это не только *Turtis Ciscaucasia*, внутренне она вмещает в себя *Turtis Eburnea*⁵⁹⁵, с определенным кодексом неустанного внутреннего совершенствования, где материалом служит и лирическое содружество с Природой, и обширные волюмы здесь же, на высоте, расположившейся научной библиотеки, и эти маленькие томики поэтов, таящие в себе конденсированный аромат высокого человеческого чувства.

Хвала владетелю башни, призвавшему ее к новой жизни, высоко поднявшему башенные огни, искусно изнутри украсившему Башню слоновой костью познания и вдохновенья.

IV. ВЕНЕЦЕЙСКИЕ ЛЬВЫ

Я прохожу там, где когда-то было торжище. Теперь взгромоздился здесь обширный дом. Вот окна 1-го этажа. Вечер. Освещена твоя комната. И, прежде всего, виднеются два венецейских льва тонкой работы с приподнятыми лапами:

с поднятой лапой, как живые,
стоят два льва сторожевые.⁵⁹⁶

Это твои старинные хранители (я их помню еще на Бородиновской 9), оберегатели твоих собраний, картин, книг и статуй. В венецейском шкафу собрание сказаний, сказок, былины, а впереди них цветное воинство оленей с ветвистыми рогами.

Вот – я в твоём кресле около металлических львов, около золотого Будды, подолгу смотрю на это обиталище книг, которые живут здесь в девственном покое, в гармоническом содружестве деревянных и глиняных игрушек. И, кажется, их сдружили цветные пятна переплетов и блики сказочной окраски.

Вот шкаф с западной литературой, где два пленительных автора, Франс и Ренье, соседствуют с Диккенсом, с изданиями погибшей «Academia»⁵⁹⁷, с миниатюрным Омар Хаййомом⁵⁹⁸. Дальше полки научных фолиантов и снова шкаф, где дверцы украшены снимками с картин. Цветные иллюстрации преобразили поместительный шкаф: он стал внутренне оживленным. А дверцы стали казаться царскими старинными вратами. По левую руку от стола – библиотека странствий-путешествий. А направо от входа – стол с новыми книгами и журналами. Томный Боттичелли и китайская статуя охраняют здесь книги, лежащие ребром.

На письменном столе, под лампой, на особой подушечке свертывалась черным блестящим клубком маленькая наследница пантер и граций.⁵⁹⁹

Я обвел глазами всю комнату, твой единственный по подбору и украшению книжный приют. Что отражает он? Какие искания, занятия, причуды и предпочтения воплощены здесь? И я бы сказал – это убежище александрийца, философа, поэта, рыцаря строгой мечты и тончайших исканий. Это тоже башня, александрийская *Turris Eburnea*, возрожденная в городище старых веков, в укор годам пылающего мира.

ИСПЫТАНИЕ САДОМ⁶⁰⁰

Часть I ГЛАЗА МАЛЭН⁶⁰¹

Разлился пепел в золоте волос...

P.

.....

С мелодией нездешней приподнялись
поющие ресницы...

P.

Спутались в узел аллеи.

*A. З.*⁶⁰²

Я вошел в парк. Так стали называть систему прудов и аллеи, – немелкое подражание Царскосельскому парку, как он – в свою очередь – гримаса Versailles⁶⁰³.

Вошел и изумился: он заброшен, затоптан и нищ. Другие водоемы ждут в помелевших берегах разлуки с влагой. Но потоки журчат, и сохранились два шума: мирный – около мельницы под наклоном ив – и гулкий, рокошущий в неумолчной глухой тревоге.

Этот второй, шум Терека, слушал и Пушкин-путник, в путанице и тревоге жизни осветивший землю Кап-Коя⁶⁰⁴.

Его глаза полны стремительного огня, летящие взгляды озаряли эти горы и эти дали... А в душе, может быть, кипели строфы «Обвала», раздумья об Арзруме и о той, которая влекла к себе поэта, как бездыханные розы Азраила. Да, эта земля приняла его поступь, пленительную и легкую, поступь вестников и богов...

В раздумье о Пушкине я переступил широкий мост. Я взглянул на деревья – березы, ивы, тополя – на их золотеющие кроны, на парчовый ковер, положивший свой первый настил. Тихо прошел к скамье у горбатого мостика. Тихо опустился. Ковер был мягок, листья не шуршали, в тишине не было голоса металлических скрипов. Это будет через неделю, скоро, когда начнется падение в золоте, в круженьях, в перепевах ветра. Капли золотого дождя еще редки. Их надо ловить. Их надо ждать. Сейчас легко следить полет: одни кружатся, будто в танце: легко, бездумно и безгорестно; другие летят с безнадежною прями-

ной, в непоправимом паденье, в безразличии – в воду пруда, на тонкий гравий аллей.

И вот проходит она, проходит она, моя возлюбленная Тишина, с глазами Малэн.

Всё так же выгнуты и радушно свисают ветви над потоком. Стремление застыло здесь в омертвевшей умоляющей форме. И не только ивы, вот и орехи протянули молящие руки к бегущим волнам, целующим (почему же не ветви!) грузные влажные камни...

Шафран и золото склоняются к реке,
как горечь губ к угаснувшей руке...⁶⁰⁵

И еще одна горечь коснулась меня – осенняя вода. Вода стала светлей и легче, а зеленые пятна на ней – прозрачней... Вода заговорила светом и мягким голосом невольных отражений. Здесь – отливает сталью, там – глубиной персидской зелени. А пятна едва движутся, дрожат, и отдают свой свет без мысли, без раздумья... Ну, право, кажется, – это глаза Малэн. Они мне видятся сейчас повсюду. Эта ожившая вода так тихо, так музыкально сливается с высокой мечтью, с минаретами, с покачнувшимся полумесяцем, с чертежом золотого зигзага, что ощущение покоя становится совсем правдоподобным.

Здесь тихо к сердцу крадется покой...
Деревья шелестят в неведомом обете.
О, эта дымка над стальной водой!
О, золотой зигзаг на куполе мечети!

Атьян Зорэ⁶⁰⁶

Часть II ВЕДУЩИЕ АЛЛЕИ

Я вижу образ музы шестикрылой...

Ат. Зорэ

А я иду владеть чудесным садом,
где шелест трав и восклицанья Муз.

*А. Ахматова*⁶⁰⁷

Не я иду владеть чудесным садом, а он, мой сад, сквозь жизнь, владеет мной.

Опять я написал письмо о парке, о треке... И что меня влечет к нему? Глава биографии, линия жизни или круг Судьбы? Да, вероятно, так. В этом парке, в моем парке, в том, что я называю Versailles, наверно, притаились мои Парки, сплетавшие нити моей жизни, возвращавшие меня на круги аллей.

Вот и второе древнее название сплелось с ветвями трека. Первое – это имя глухой, бессолнечной аллеи – вдоль старой мельницы – Эреб, как называли мы ее, мы – мальчишки.

А зимой, через кладки, мы переправлялись сюда, чтобы кататься на льду. Мы жили сейчас же за новой мечетью. Коньков у нас не было, и мы подстерегали кресла, в которых катались девочки... Лишь миг один — и капор, кудри и розовенький нос – летели в снег...

Но, помню, – все же я был плохой помощник шалунам. Защита одной белокурой девочки, которая улыбнулась зелеными глазами, обернулась мне дорого: вкатили меня в прорубь вместе с креслом. Это было сейчас же за островом.

Потом, через много лет, когда пришлось читать о Беатриче, она представлялась мне в образе той маленькой девочки с кудрями, отливавшими пеплом. И в одной церкви московской, у Спаса в Спасском, в царских вратах я увидел ее же, мою Беатриче⁶⁰⁸.

Но это уж линия видений и встреч, но начиналась она здесь, на сером гравии аллей...

На фоне олова безличий
глаза тоски и тлена взглядом
всё ищут тени Беатриче
за гулким и пустынным адом...⁶⁰⁹

Здесь встретила меня серьезная девушка с строгими глазами и розовым лицом. Но я не привык тогда, чтоб на меня так серьезно, так вдумчиво смотрели, и мне хотелось, чтобы она была проще, бледнее и легче... Все же дружба эта прошла через много лет. Еще в 22-м году она присылала мне редкие книги в далекий Танезруфт, сама уже не встававшая с постели.

На тех же аллеях, около тех же лебединых прудов, мы обошли не один круг с девушкой, совсем не похожей на мой образ, предносимый для меня Судьбой. Стояли лунные ночи, и месяцы с минаретов светили нам. Зигзаги золота и луна дробились в воде. На прудах шли какие-то празднества лебедей, жемчужный плеск и взлет с призывающим кри-

ком. В той девушке не было ничего от Беаты: утонченно-восточное, смуглое и огненное лицо. Сандухт – так звали девушку, – больше всего говорила она о моем учителе. И нас сроднило общее поклонение автору «Белой стаи»⁶¹⁰.

От этой дружбы протянулось волокно к Арсению, в Москву, и еще далее, в среду «Жатвы», и к тому другу, моему Овидию⁶¹¹, который написал мне однажды, в Александровский переулок, письмо, – завязал тем дружбу на всю жизнь. С ним вместе мы пришли к имени Черубины, с ним вместе писали о ней «трактаты». Отсюда линия привела (по завещанию Черубины) к знакомству и дружбе с Максимилианом – архонтом, другом Сивиллы. И встала мне горестная доля услышать исповедь Черубины.

Вот так далеко и блестяще протянулись встречи от лунных блистательных прудов, от игры лебедей.

Самое кружение наше и видение лебедей отразилось и в настроениях «Миртового венца», и в работах о Черубине, и в «Мессе по Анненском», названной Верой автобиографичной.

Вот почему тени Анненского и милого Максимилиана стоят на дорогах парка. Ход линии остановился на них. И последняя нить, как узелком, закреплена словами в Коктебеле. Там, подведя меня к портрету Черубины, Максимилиан Александрович произнес: «Это Лиля, мой и ваш Друг».

Немного раньше этого кружения с Сандухт по граням пруда, произошло другая встреча при переходе через широкий мост, ведущий к линии Эреба. С большими черными собаками, дама лет 35, с овальным лицом и черными длинными глазами просто подошла ко мне и попросила разрешения иногда говорить со мной. Это была Лиза Цингер, как называла ее Вера в письме, извещавшем о ее смерти.

От Елизаветы Васильевны (вторая Елизавета, первая – Елизавета Васильева) как-то быстро и сразу волокно строгой и увлекательной дружбы перебросилось к Бусе и Вере Меркурьевой, на Красивую, 1. Сложная дружба любви и вражды, еще при жизни Елизаветы Васильевны, завязалась с Верой.

О линии дружбы теперь говорят все мои десять портретов Веры Меркурьевой.

Часть III ЗОЛОТОЙ КОСТЕР

Когда ж сойдешь сквозь эту мглу,
неверная лазурная подруга?
Из сердца вырвешь ли иглу
с раскатом смертного недуга?

В полете многого множества лет
твой взгляд – золотое мгновенье.

Атьян Зорэ

Я вернулся в парк через неделю. Да, золотой дождь начался. Он виден в левитановской дали сквозь густоту притихших елей, столпившихся в притворе сказочной пагоды... Еще издали выстукивало сердце напряженные строчки нового свидания. «Иду к тебе, мой золотой костер!» И холодное дыхание в ответ веяло от пронесившихся листьев.

Я шел и останавливался. Меня поражал мягкий свет, идущий от прозрачной желтизны ковра, мелодический шелест, застилавший аллеи...

Я закрывал и открывал глаза: так необычен, сказочен золотисто-желтый свет. Он казался подводным. Перед одной скамьей остановился: как-то особенно жалостно и щедро она была окутана, облечена, осыпана... Жалость желтизны и щедрость золота. Хотелось сказать: что празднуешь ты здесь, златая осень?

А сердце сжималось и спрашивало: поминовенье чье?

Я подошел к линии, где золотой дождь был особенно частым. Нет, теперь уже нельзя сказать, что это падение листьев во вкусе Мильвуа*, – это шествие листьев, их нисхождение, уход Адониса и Диониса, что праздновали эллины.

Шел шелест,
приглушенный шепот
и шорох шествия теней.

Менялись:
золото, шафран и багрянец.

Шелестела
потемневшая парча, и

* Мильвуа Шарль Юбер (1782–1816) – французский поэт. Его элегия «Падение листьев» была очень популярна и не раз переводилась на русский язык.

пела
желтая эмаль
сквозь голубые небеса,
сквозь опустевшие стволы,
сквозь холод проступившей белизны...

И была отрешенность, какой-то отход «в похолодевших небесах».
Яснее виделась воздушная дорога.

Нет, имя Левитана не выражало того, что
славословило,
и пело,
и горело
в нисхожденье.

Это печальнее,
звучнее,
прозрачнее,
чем Левитан.

Это то, что называлось когда-то «испытание садом», слияние жизни и сада. Слепительный, сверкающий дождь проникал в сожженное сердце. И было в этом дожде нисхождение к истокам, было

милое касание
милой земли,
участие в блистательной горести...

Какой-то терпкий воздух
горечи,
гари и
дали,
и новый рост, и новая ступень золотом
пылающего сердца.

*Пушкинский
год*

Я начну год с третьего дня второго месяца. Это был перелом зимы. Мне нравились дни, когда снег падал хлопьями, гонимый и относимый ветром. Снег шел с какой-то пышностью и торжеством и, вместе, без всякой надежды укрыть землю. Это сообщало ему неотразимое, какое-то мелодическое очарование. Хотелось долго стоять у окна и слушать торжественный и нисходящий снег. Снег – одна из больших радостей моей жизни. Я вставал поздно, читал Ренье в постели: так лучше впитывались конструкции образов в его милых и близких романах. От Ренье и новая химера – увлечение Венецией, отраженным светом влаги и солнечных бликов. Мне кажется, вместе с Ренье я очень хорошо и как-то внутренне питательно⁶¹³ пожил в Венеции. Ведь есть же питательные книги!

И с Венецией, наверно, долго не расстанусь. Что еще занимало прошлой зимой? Вот, может, подбор рассказов для разлетевшейся Расе⁶¹⁴. Собственно, по правилу надо было подбирать «легкие, как ласточки, рассказы»⁶¹⁵, но это далеко не всегда можно было выдержать. И в вереницу рассказов вплетались и поэмы: Брюсов «Исполненное обещание»⁶¹⁶. Трилогия: «Три свидания» – «Коринфская невеста» – «Аврора» (Г. Маслова)⁶¹⁷. 3) Тетралогия: Именины Татьяны – «Московская поэма» (С. Соловьева) – «Маскарад» (А. Белого) – «Неизвестные нам причины» (В. Меркурьевой)⁶¹⁸. 4) «Буддийская месса» и «Месса по Анненском» (Е.А.)⁶¹⁹. 5) Вариант трилогии: «Ленора» (пер. Кочеткова) – «Светлана» – «Аврора»⁶²⁰. [6] Два цикла стихов: цикл о слове, цикл о счастье. 7) Коктебельск. вечер Брюсова. 8) «Последний придворный поэт» (Н. Гумилев)⁶²¹. 9) Рассказы-портреты: Полежаев – Д. Давыдов (Б. Садовской)⁶²². 10) Избр. стих<творения>ия Д. Усова. 11) Избр. места из писем Всев. Рожд<ественского> к Е. Архиппову. 12) «Портреты» Эриха Голлербаха⁶²³. 13) Послания В. Меркурьевой к Е. Архиппову. 14). «10 портретов В. Меркурьевой», писанных Е. Арх-вым. 15. «Сон», рассказ Тургенева. 16. «Кушетка тети Сони» (Кузм<ин>). 17. «Корабельщики», повесть Ауслендера. 18. Избранные стихотворения из сб. «Кáтоптра»⁶²⁴, составленного Е. Арх-вым. 19. Пролог к «Серафиму» Максимила Волошина. 20. «Камеристка», водевиль Б. Садовского.⁶²⁵]

Весной я как-то перевесил картину голубого Коктебеля; это вызвало новый прилив чувства и обращение к Максимилиану («Бессонница»). Мария Степ<ановна>, вероятно, читала его Вам. В начале лета пе-

ределал экскурс «Испытание садом»: автобиографич. экскурс вставил в раму двух осенних пейзажей. Натолкнулся как-то на раннее «Свидание с Беатриче», пришлось и его изменить. Только «Mon Versailles» и «Veneri Verticordiae» так и остались: с ними ничего не сделать. Потом я пробовал писать маленькие стихотворения гекзаметрическим стихом. Что я хотел бы – это собрать любовные стихи разных поэтов, но близких к одной эпохе, и расположить их так, чтобы получилась одна повесть и назвать ее «Amorі amara sacrum»⁶²⁶. Хотел бы собрать все черты, относящиеся к Амалии Ризнич⁶²⁷, и все посвящения ей. Статья Вересаева – простое плетение цитат (Спутники Пушкина, т. 1). Вот и все мои химеры. Я очень мало гулял прошлое лето, боялся, из-за болезни, далеко отходить от дома. Редко был и около своей, с детства романтической скамьи, и около шаткого мостика через поток. А приходя туда, любил слушать шумы: певучий и журчащий шум потока и грохочущий, перетряхивающий камень шум Терека. Ведь было же время, когда в этих местах великий путник Пушкин, в противоборстве дум об Арзруме, о Москве, о равнодушной девочке Наташе, слушал тот же неумолчный, снежный и суровый шум Терека. От шумов рождались раздумья, небыстрые и тихие, они шли через строй березок к острову, знакомому с детства⁶²⁸, к голубому разверстому небу и к новой гряде облаков, готовой в путь. И хорошо было следить это легчайшее шествие облаков... И право же, совсем не дерзкой казалась мне мечта – увидеть мою Расе, пришедшую с других прудов, богиню Расе, «равнодушную к обидам и годам»⁶²⁹. О, конечно, я сдержал бы себя, не шелохнулся на скамье, уловив пересыпанье гравия под поступью древних богинь.

Прошли года с минуты свиданья у круглого газона и Ты – одна, и дождь сечет твоё тело... Как часто ты одна, как жестоко одна! Куда смотришь ты через пустыню дней, через руины парка? Куда полет твоих зовущих, твоих хладных глаз, «обманутым стихом прославленная Расе» (гр. В. К.)⁶³⁰?

А вечером, пока раскрыты окна, чтоб зачерпнуть остаток свежести, чаще всего сижу под громадных орехом, во дворике на Линейной, отделенном от улицы запертой калиткой. Весь двор зарос травой, победно скрывшей камни, цепкий виноград украсил стены, а за оградой сада – ветвистая осиротевшая сосна.

Как тихо здесь: лег виноград,
Забытая открыта дверца в сад.

И бедная сосна, лишившись друга,
Стоит среди листвой засыпанного круга.
«Дворик в Ленэе»⁶³¹.

Сижу и жду благодетельной темноты, когда зажжется Млечный Путь, где и моя душа бредет к своей звезде по окоемам бездны.

Приезд Марии Степановны (спасибо ей!)⁶³² вновь обострил мои чувства к Максимилиану Александровичу. Пришлось читать ей мой «Киммерийский дневник» в тех частях, где зарисованы портреты М<аксимилиана> А<лександровича> и дана оценка акварелям.

Сиденье во дворе сменялось чтением (а слушавших всегда 1 или 2). Это были циклы стихов о слове, о счастье. Это были рассказы-портреты (Б. Садовской: Полежаев. – Д. Давыдов), портреты-стихи Эриха Голлербаха. Сюда же пошли и мои 10 портретов, писанных с В. Мерк<урьево>й (включая «Год в Винете»⁶³³). Для себя перечитал письма Всеволода⁶³⁴. В них необыкновенные раздумья о судьбе Поэта, краткие и блестящие. Из писем же встает и мой портрет, зарисованный в попутных замечаниях и обращениях.

Прошное лето Клодя снова уезжала в Ленинград и в город Пушкин. А перед тем спешно и с завидным одушевлением работала над составлением книги для 4-го класса⁶³⁵. Чуть-чуть составители не захватили и меня, но я отделался «Песней о П<ушки>не и помещицах», которая никуда не пошла. А начиналась она так: «Как на страшном далеком Севере громоздились льды, бури реяли...»⁶³⁶ Пробовал еще писать «Серены»: «Призывание Роз», «Призывание Звезд», «Призывание Муз» (и сам не знаю, для какой всё это цели)...

Так прошел год.

Ренье, раздумья, традиционные прогулки, чтения, стихи, открытия в эпистолярном своем архиве, маленькие радости от звезд, от голубого неба и от строчки стиха, от встречи с забытой книгой. Так в неспешной жизни и в медленном моем сердце
прошел год...⁶³⁷

6-е июня 1931 г.

Отплытие

Выехали из дому вечером в сумерках. Пароход стоял уже в огнях. После 1-го гудка заняли свои палубные места, совсем не думая о том, что на море в начале июня будет очень холодно.

Перед отъездом пришло письмо от Максимилиана А<лександрови>ча: «Жду Вас с нетерпением и радостью, но... в Крыму голод. В кооперативе не дают приезжим хлеба. Общественных столовых нет в Коктебеле...».

И вот защитой против крымского голода явилась наша гомеровская корзина с хлебом и вином.

Ночь на палубе была очень холодна. Ночь была очень темная. Пароход шел с одним фонарем, и, если бы не глухой стук машины и не унылое верещание радио, трудно было бы сказать, по какому звездному пространству совершился наш путь. Море так же черно, как небо. Из бархатных холодных пространств низко спустились к предполагаемому морю острые кристаллики звезд и окутали пароход.

7-ое июня 1931 г.

Волны и розы столетий

Днем другое необычайное явление порадовало нас. Совсем близко мы проплывали около Петрокеравии⁶³⁹. Скалы имели причудливую изрезанную морем форму и казалось, будто передвигались, как внезапно возникшие видения. Вдали от берега их жутко было видеть. На далеком берегу ближайшее место тоже было примечательно. Это одиноко высившаяся гора Опук, возникшая «в ужасающей пустынности, среди мертвых степей, горьких озер», снежных выпотов соли и низких кольцеобразных сопок. Еще при свидании в Н<овороссий>ске М<аксимилиан> А<лександрови>ч рассказывал об Опуре как об одном из центров древнейшей Киммерии, как о сказочной горе, несущей на плече своем циклопические развалины древнего Киммерикона. Невольно глаза обращались в сторону берега, за которым скрывалась Опук. В рассказах М<аксимилиана> А<лександрови>ча она соединяла черты гомеровские и апокалиптические: «гора из мягкого, как мел камня;

ее плоскогорья изъедены узкими щелями; в них пахнет зверем, морские заливы к востоку от Кенегеза кишат змеями. Шаги отдаются глухо и гулко, как в пещере. Широкие каменные лестницы посреди скалистых ущелий, ограниченные пропастями, кажется, попираются невидимыми ступнями Эвридики. Долины, подобные Иосафатовой в день суда. Циклопические стены призрачных городов и ступени, ведущие в Аид, – все это тесно жмется друг к другу»⁶⁴⁰. Макс<имилиан> Ал<ександрович> утверждал, что взошедшие на Опук реально переживают панический ужас полудня. Меня охватила страшная грусть, что мне суждено только проплыть мимо Опук, а не побывать в ее окрестностях.

К Феодосии подходили в 4-м часу дня. С сжавшимся сердцем мы смотрели на очертания, вырисовывающиеся к западу от Феодосии, такие пленительно знакомые по миниатюрам Максимилиана Александровича.

Судьба привела меня вновь ступить на землю родной Феодосии. Вот сторожевые гонуэзские башни, около которых я бродил мальчиком. Вот Карантинный холм, где подолгу я рылся в земле, отыскивая турецкие пули. А вот и старое здание гимназии, где я учился вместе с Максимилианом А<лександрови>чем... Я жил здесь и не знал почти ничего об этой священной для меня теперь Киммерийской земле. И теперь, сходя с парохода, я не совсем обычно и не совсем просто касался каффской земли. Внутренняя настороженность поставила передо мной те знания, которые я уже имел о Киммерии, и прежде всего, те картины и детали, которые развернуты в «Киммерийских сумерках»⁶⁴¹. Я соприкасался с воздухом и землей древнейшей магической страны, и геологическое, и историческое лицо которой так необычно и так неотступно привлекало к себе.

Город 37-ми столетий, город семи богов, великий город Ардавды, Милетская Феодосия, гонуэзская Каффа, турецкая Каффа и снова Феодосия, отдаленнейшее становье греко-римских расширяющихся кругов, отважно поставленный на варварском Востоке форпост, необыкновенный по своей судьбе. И все это – в одном лице, в одной земле, в одном лике.

Самый воздух, легкий, иссушенный и горьковатый, заставлял вглядываться в очертания холмов с каким-то набожным почтением⁶⁴². А в ушах звучали стихи и строфы уже дошедшего до меня прославления Феодосии новым Северным Орфеем. Поразительные строки сами собой возникали в памяти и растворялись в горьком ветре, пропитанном разгоряченной полынью.

И казалось, что здесь, на обрыве земли,
осыпаются волны и розы столетий.

.....
И не мог надышаться я этим осенним
винным воздухом славы с тоской пополам.

.....
Внучка синей Эллады, соперница Рима,
смуглоскулая Кафа, турчанка моя!⁶⁴³

Пароход подошел к пристани тихо, бестревожно, никем не ожидаемый, как подходит лодка в заброшенном пруде к деревянным мосткам. Порт пуст. Один-два извозчика с натянутым палантином. И улицы пусты и глухи. Никогда не видел Итальянскую улицу в таком болезненном полусне. Что это? Безлюдье? Новое умирание Феодосии, так много и так трудно умиравшей в прошлые столетия? И гостиница полупустая. Все, как в детстве, сжато на небольшом уютном пространстве. Вот колоннада игрушечного детского вокзала, выбежавшая на игрушечную площадь к началу бульварных аллей, к разветвлению улиц в оправе белых, по-домашнему милых туркестанских тополей.

Мы посидели около источника, где было когда-то кафе, шумное, нарядное и пестрое, и где Яков Максимович⁶⁴⁴ всегда покупал мне, тогда еще мальчику, коробки фиников и отборный зеленоватый изюм.

Вечером – наш скромный ужин в «Астории»: прекрасный желтоватый хлеб и красное вино.

Билеты куплены. Завтра – Коктебель, обетованная страна, заочно ставшая любимой.

8-е июня <1>931.

1-ый день.

Кок-Тепэ-Эли.

Три встречи: мудреци, Таиах, Карадаг

Автомобиль оказался открытым и грузовым. Но с высоких сидений так хорошо видна была извилистая дорога, идущая сначала в ровных местностях. Дорога меняется только после Султановки, когда начинается спуск около отрогов хребта, взбегающего на Киик-Атламу⁶⁴⁵. Коктебель открывается сразу перед въездом, будто поднят занавес с плоской нарисованной дорогой и открывается картина, которую ни с

чем не спутаешь. Направо расставлены горы, невысокие, но особенные, окруженные аттическими холмами. Чувствуется чей-то декоративный замысел. Горы кажутся возникшими по человеческому замыслу, доступными, вернее, дающимися руке человека. Линия гор, идущая полукругом справа налево, заканчивается массивом Карадага, обрывающегося в море... И весь миниатюрный Коктебель как на ладони. Без ограды, несколько разъединенных каменных домиков. А сердце уже старается угадать «дачу Волошина», Дом Поэта. Жадными глазами смотришь и на амфитеатр гор, и на эти домики, обращенные к морю, на весь композиционный замысел... А световая и архитектурная композиция Коктебеля какими-то потаенными чарами начинает овладевать сознанием. И снова, будто для проверки, возникает запомнившаяся фраза⁶⁴⁶ А.А. Сидорова: «Киммерию можно назвать театральной затеей необычайной музыкальности, о которой дают понятие разве только декорации Головина к “Орфею”»⁶⁴⁷.

Автомобиль неожиданно остановился около одного домика, оказавшегося почтовой станцией. И вот – наш путь от станции до дома Максимилиана Александровича. Утром в легчайшем воздухе, вблизи громады Карадага, навстречу светящемуся голубому заливу идти со спокойной радостью увидеть и приветствовать Поэта и Судию, «остатнего меж волхвами»⁶⁴⁸...

Мы почти дошли до берега моря, до ограды айлантов и тамарисков, как услышали голос Максимилиана Александровича: «Это Вы, Евгений Яковлевич?» Вещи были брошены на земле, я моментально очутился на втором этаже, чтобы через мгновение прикоснуться к нежным губам, окруженным буйной Зевсовой растительностью.

Пока Мария Степановна была занята приготовлением нам комнаты в левом пристроенном крыле здания, мы с Максимилианом Александровичем сидели в столовой, за столом, прекрасно запечатленным в стихотворении Вс. Рождественского «Фаянсовых небес неуловимый скат...»⁶⁴⁹. Разговор коснулся нашей предшествующей встречи в Танезруфте⁶⁵⁰, в грохоте, свисте и урагане норд-оста, продовольственного положения в Коктебеле и той тяжелой зимы, которую пришлось пережить в связи с угрозами «раскулачивания» со стороны деревенских властей.

Максимилиан Александрович выглядел хорошо, бодро. Никаких следов пронесшегося удара⁶⁵¹ нельзя было углядеть в его изваянном «апостольском» лице. Лучшее стихотворное изображение Максимилиана Александровича дано тем же Вс<еволодом> Ал<ександрови>чем

Рождественским⁶⁵². Да, действительно, есть в его лице это поразительное взаимопроникновение образов Зевса, Геракла, Океана, апостола и... мятежного протопопа⁶⁵³.

Из столовой через веранду и маленькую переднюю мы прошли в Мастерскую. Это и есть Castellum Maximilianum⁶⁵⁴, обитель, мастерская, два образа который даны в «Доме Поэта» и в сонете Матвея Розанова.

Всей грудью <к морю> прямо на восток
Обращена, как церковь, «Мастерская».⁶⁵⁵

*

Где море Черное шумит не умолкая,
И Карадаг возносит к небу груды скал,
Где входа в Ад Гомер божественный искал,
В подземный мрачный мир Улисса направляя,
Где генуэзец, вихрь набегов отражая,
Вершины башнями суровыми венчал,
Там мирная стоит обитель – «Мастерская»,
Твердыня мысли, вход в поэзии Эдем.⁶⁵⁶

При входе бросаются в глаза четыре, с полукруглым верхом, разгерметизированных окон, в которые в соперничестве блеска и бликов парчовой сине-зеленой и изнемогающей глубины вливаются море и небо.

Только выйдя на середину и обернувшись назад к большой нише (будто алтарной части), встретишься с «огромным ликом царицы Таиах», которая путника и пилигрима «со дна веков приветит строго»⁶⁵⁷. Максимилиан Александрович подвел меня к ней... Та царевна Таиах, которая еще в 1905 году украшала парижскую мастерскую М<аксимилиана> А<лександровича>. «На стенах японские эстампы, барельефы, ветви эвкалипта, полки книг, бумаги на столах и над ними тайну тайн Египта – бледный лик царевны Таиах»⁶⁵⁸.

Но мы не задержались в Мастерской. По лестнице, идущей вдоль библиотечной стены, мы поднялись на внутренний балкон в Мастерской и прошли в летний кабинет Максимилиана Александровича.

Окно слева, сейчас же около двери, полузанавешено для работы над акварелями. Около окна, левым боком к окну, – акварельный рабочий стол. Максимилиан Александрович приблизил меня к столу и показал прикрепленные к подставке, в рамках, два портрета Черубины: «Это – Лиля, Ваш и мой друг!» Более ранний портрет – в круглой

маленькой рамочке – и второй, сделанный в 28-м году, незадолго до кончины⁶⁵⁹.

Максимилиан Александрович усадил меня в черное курульное кресло Юнге⁶⁶⁰ и предоставил в прохладе, в чуть слышном шуме прибора осматривать убранство верхней обители Мастерской. Все это был только вводный, прологический осмотр. Знакомство с «прохладными кельями», как называл свои комнаты М<аксимилиан> А<лександрови>ч, предстояло, как дивное таинство, еще впереди. Пока Максимилиан Александрович остановил внимание на стене масок, на библиотеке французских поэтов и на полке габриаков на правой стене (над широким диваном) под копией картины «Воспоминание об Италии»⁶⁶¹.

Маски расположены под скульптурой (слепком) Лаурана⁶⁶², в первом ряду на полке – Суриков и Л. Толстой. Маска Толстого снята Меркуровым уже после первого снятия маски неизвестным скульптором⁶⁶³. Чтобы изменить лицо, первый скульптор измял безжизненное лицо Толстого. Поэтому маска Толстого скорее напоминает Эхила, чем Толстого.

Под полкой три маски в ряд: 1) Достоевский в посмертном ликование, 2) одутловатая маска Петра I и 3) маска Пушкина, окруженная венком. Шестая маска страшного, как бы казненного Гоголя висит на внутреннем балконе Мастерской, налево от выхода из кабинета.

Из летнего кабинета мы вернулись в зимний, где Максимилиан Александрович показал большого формата коктейбельский альбом с наклеенными на царскую бумагу стихотворными посвящениями Максимилиану Александровичу. Из юбилейного сборника «Poetae – Poetae»⁶⁶⁴ Максимилиан Александрович прочел: «Долг Тангейзера»⁶⁶⁵, Франсуа Вийон – «Баллада бродячей жизни»⁶⁶⁶, Ронсар Максиму Волошину⁶⁶⁷, Жозе Мария де Эредиа – «Коктебель»⁶⁶⁸, сонет Сидорова Максимилиану Волошину⁶⁶⁹ и Языков – Максимилиану Волошину⁶⁷⁰.

За обедом рассказчицей явилась Мария Степановна, говорила о трудно пережитой зиме, о неиссякающей чудесной сахарнице (благодаря посылкам друзей Максимилиана Александровича), о болезни и похоронах Елены Оттобальдовны⁶⁷¹, об операции Марии Степановны в Харькове⁶⁷² и о веселом, радостном настроении Максимилиана Александровича в больнице и среди знакомых.

В 5 часов вечера 8 июня вчетвером мы вышли на место раскопок Каллиэры.

Ближайший холм по береговой линии от Мастерской к Карадагу – это и есть сторожевой крепостной холм, охранявший Каллиэ-

ру. Предполагаемое изображение Каллиэры сделано Максимилианом Александровичем на небольшой акварели, висящей в феодосийском музее.

По картам здесь и город был, и порт.
Остатки мола видны под волнами.
Соседний холм насыщен черепками
Амфор и пифосов...⁶⁷³

Остатки Каллиэры лежат на плоскогорье, ведущем к лакколиту... А в соседней бухточке, за старым кордоном, по дороге к мысу Мальчин, находятся и остатки античного порта с фундаментами волнореза под водой. На французских картах начала XIX века порт обозначен как «Порт тавро-скифов». Гибель Каллиэры надо отнести к тому же времени, когда погибла античная Феодосия, в IV веке опустошенная полчищами гуннов.

Максимилиан Александрович показал два центра раскопок 1929 года (остановленных вследствие недостатка собранных средств): 1) раскопки базилики древневизантийского поселения и 2) отрытый прекрасно спланированный фундамент византийской церкви с двумя приделами.

С раскопок возвращались по берегу моря от мыса Мальчин (которым оканчивается Хоба-Тепе⁶⁷⁴), мимо пристани для грузовых пароходов, перевозящих камень со Святой горы в Новороссийск.

Перед чаем в этот день было второе чтение: Максимилиан Александрович прочел из книжечки С.Я. Парнок «Вполголоса», изданной на правах рукописи⁶⁷⁵, два стихотворения: «Притон»⁶⁷⁶ (с. 34) и «Сон» (Духан в горах), стр. 44, посвященный Тараховской⁶⁷⁷.

Из своих вещей голосом, напоминавшим чтение в Танезруфте, во время неистовых воплей норд-оста, Максимилиан Александрович прочел «Владимирскую», с посылкой, обращенной к восстановителю иконы А.И. Анисимову⁶⁷⁸. Чтение было уже при лампе, около постельного столика Максимилиана Александровича. Здесь, на полочке, стоял и снимок с Владимирской иконы. По просьбе Максимилиана Александровича Мария Степановна исполнила пение «Зари-заряницы»⁶⁷⁹. Она исполняла ее и перед Ф. Сологубом в Петербурге. Он был поражен и найденным, соответствующим теме мотивом, и самим исполнением. Это было прекрасное, высокого тона, растянутое пение, напоминающее исполнение раскольничьих песен и духовных стихов.

9 июня 1931 г.

2-й день.

Коктебель

Часть I

*Castellum Maximilianum*⁶⁸⁰

Утренний чай в столовой.

Разговоры: о митрополите Введенском (знакомство Максимилиана Александровича с ним в Кисловодске)⁶⁸¹, о Валентине Кривиче⁶⁸², об Э.Ф. Голлербахе, в связи с устройством выставки акварелей в Петербурге. Отношение Максимилиана Александровича к исчезновению акварелей с выставки.

С 10-ти часов мы снова продолжали осмотр Мастерской и летнего кабинета.

Левая стена от входа в Мастерскую вся занята вверху 5-ю большими этюдами. Четвертый изображает Каньоны. Под этими этюдами ближе к нише Таиах, над полкой с Пушкиным, Шекспиром и Байроном (из Брокгауза) укреплен бронзовый окрашенный бюст Максимилиана А<лександрови>ча, работы Элеоноры Блох, ученицы Родэна⁶⁸³. Ниже, над столиком-бюро скульптура, изображающая одну из дев с погасшим светильником, и рядом портрет Макс<имилиана> Ал<ександрович>a работы Хрустачева (1920 г.)⁶⁸⁴. Стол-бюро с двумя шкатулками, соединенными полочкой, приобретен еще Еленой Оттобальдовой и принадлежал, по преданию, Загоскину. На этом столе был написан когда-то «Юрий Милославский»⁶⁸⁵.

Противоположная стена, правая от входа, занята лестницей в летний кабинет.

Над лестницей, вдоль ступенек, библиотека. Над библиотекой – стена портретов Максимилиана Александровича. В библиотеке, на верхних полках, видны Чехов, Достоевский, Константин Леонтьев. Ближе к ступенькам – поэты. Среди портретов выделяются работы мексиканца Диего Риверы: колоссальная голова Максимилиана Александровича и малый портрет – во весь рост, обе работы 1916 года⁶⁸⁶. В верхнем ряду Манэ Кац⁶⁸⁷, поясной портрет, масло, 1918 года; Бобрицкий, сангина, того же года⁶⁸⁸. Ниже, ближе к балкону: Шаронов, тоже <19>18-го года⁶⁸⁹. Внизу, рядом с малым портретом Диего Ривера, – работа Петрова-Водкина. На той же стене очень интересны два маленьких рисунка балета Елгаштиной⁶⁹⁰ (аппликация). На внутреннем балконе около стеклянной двери, обращенной к Карадагу, рисунки Бога-

евского, украшающие 1-ую книгу стих<отворе>ий Макс<имилиана> Ал<ександрови>ча. Около той же двери, против входа с лестницы, над полкой с журналами («Весы») – бюст Пушкина. С балкона две половинки двери ведут в летний кабинет. От балкона он отделяется решетчатой стеклянной перегородкой, завешанной ярко-желтой тканью. Против перегородки на балконе широкий диван с подушками.

В Летнем кабинете на этот раз мы остановились на портретах М<аксимилиа>на Ал<ександрови>ча. Один под другим они висят с левой стороны рабочего стола, вдоль оконной стены. На самом верху «Коктебель» начала <1>900-х годов работы Харт⁶⁹¹, под ним – Елена Отгобальдовна, темпера, работа М<аксимилиа>на Ал<ександрови>ча, и затем три головных портрета работы Баруздиной⁶⁹², Головина⁶⁹³ и Виолет<ты> Харт (1916, 1909 и 1907).

На стене, уставленной фр<анцуз>ской библиотекой, против вход<ной> двери, обращает внимание скульптура Эдуарда Виттига 1911 года: бюст М.А. Волошина⁶⁹⁴. Он установлен на полке, идущей во всю стену, ближе к узкой двери, ведущей на вышку. На правой стене портрет (масло) работы 1902 г. польского художника Слевинского, друга Гогэна⁶⁹⁵. Такой же бюст М<аксимилиа>на А<лександрови>ча работы Виттига установлен в одном из парижских скверов. Из малых портретов М<аксимилиа>на А<лександрови>ча надо отметить – на правой стене – шарж Кругликовой: Волошин с трубкой, на левой – карикатуру Бориса Матвеева.⁶⁹⁶

В 11 часов в летнем кабинете – чтение Максимилианом Александровичем воспоминаний «История Черубины». После чтения Максимилиан Александрович говорил со мной об обеих моих работах: «Корона и ветвь» и «Темный ангел Черубины»⁶⁹⁷, говорил о смерти Брюсова (со слов Шенгели): о возвращении билета перед смертью, о вскрытии, произведенном в Лит. институте, о наполнении черепа старыми газетами: «Правдой» и «Известиями». За обедом рассказ М<арии> Ст<епанов>ны о Вл. Державине и о Науме⁶⁹⁸.

После обеда, в 3 часа, Мария Ст<епанов>на делала вводное сообщение перед осмотром акварелей студентами Энергетического института. М<аксимилиа>н Ал<ександрови>ч прочел стихотворение «Карандаг».

После обеда – первая короткая прогулка в сторону Тапрак-Кая⁶⁹⁹. Вечером – поздний чай до 11 часов. Рассказы Марии Степановны. 1-ый рассказ: о постановке 1924 года. Сочиненная пьеса «С ружьем по Африке»⁷⁰⁰. Режиссер С.В. Шервинский. Сцены и картины: Африка. – По-

лет на аэроплане. Андрей Белый бросает бомбу в Брюсова. Первое сближение Белого и Брюсова после размолвки⁷⁰¹. Клавдия Николаевна Васильева (сестра мужа Елизаветы Ивановны), сопровождающая и охраняющая Бориса Николаевича⁷⁰². 2-й рассказ: об инциденте Шенгели – А. Белый. Чтение на вышке стихотворения Шенгели, посвященного Гумилеву. Вспышка А. Белого. Ненависть Белого к Шенгели. Решение немедленно уехать из Коктебеля. Уговоры.⁷⁰³

Только поздно вечером, на второй день, я мог наконец подумать о Коктебеле.

Ч. II. Лик торжественного и скорбного Коктебеля. Страны силы в образе Коктебеля

Здравствуй, ты, в весне распятый,
Мой торжественный Коктебель.⁷⁰⁴

.....
В гранитах скал – надломленные крылья.⁷⁰⁵

М. Волошин

Киммерия, Ханаан и Ассирия, Афинские или Иудейские холмы, Гомеровская страна, сохранившая память об Атлантиде, или мрачная Сиена? Или же все это взятое вместе?.. Да, Коктебель – это все взятое вместе, соединение несоединимого. Коктебель – соединение разнородных элементов пейзажа, пейзажных противоречий, образования которых покоятся только на стыке хребтов Кавказа и Балкан. Море, степь и вулканич. силы работали над изваянием лика Коктебеля. Коктебель – соединение акварельной мягкости, голубой глади и каменного пламени. Восток и Запад в Коктебеле во всем антитетичны. Восток – это линия холмов, чуть розовеющих над зеленью валов, и рядом Запад: буря складок, свист крыл, водовороты сна и бреда, рухнувший кратер вулкана. Золото пустыни. Знойный песок. Полынный кругозор. Скифские пажити и рядом: Коктебеля каменная грива, напряженный пафос Карадага. Залив, натянутый, как крепкий лук Геракла, и рядом стена размытого вулкана, вход в Аид и разметавшееся пламя окаменелого костра. Царственный кряж, подобие дракона и мирная элегическая линия Гомеровской страны. Главное – нет южнобережной сладкости и крымской слащавости, как нет и красоты, а есть трагическая красота. Земля могил, молитв и медитаций. Страна, в самых разрывах линий, в гибельном стыке противоречий, в смене красок донесшая до

нас память об Атлантиде. Страна, сохранившая мучительную маску, застывшая в мучениях.

И скорбный лик оцепенелой маски
идет к холмам Гомеровской страны.

Страна с патетически выступившим обнажением

хребтов, и мускулов, и связок⁷⁰⁶

«Строгая, почти гениальная в своей формальной выявленности земля»... Да, Коктебель суровое место, в его скалах патетика Фиваиды, а море угрюмо и нелюдимо. Коктебель не только стык хребтов, но стык культур, времен, народов. И вместе с тем – Коктебель – это встреча дыханий: вольного, степного ветра Скифии и дыхания Эллинского моря. Коктебель – соперничество цветов: лиловых, оранжевых и розоватых холмов, лазурного и голубого залива, зеленеющих волн, оттенков кражей, складок и морской глади.

Фиалки волн и гиацинты пены
цветут на взморье около камней.
Цветами пахнет соль...⁷⁰⁷

И, наконец, Коктебель – соперничество форм: библейских разливов холмов и рухнувшего готического собора...

10 июня 31 года

3-й день

Ч. I. Голос набата и голос прибой

Твой голос, как всегда, в ночи светлорумящей,
Гомеровой строфы широкий катит шум.

Вс. Р.

А голос продолжал спокойно и упрямо
Катить прибой строфы и горького огня.

*Вс. Р.*⁷⁰⁸

После чая до первого часу – чтение в летнем кабинете «Серафима Саровского»⁷⁰⁹. Максимилиан Александрович читал тихо, но охотно и с большим воодушевлением, несмотря на обширность поэмы в 11 глав. В перерывах между чтением Максимилиан Александрович рас-

сказывал о положении в Крыму (Симферополь – Феодосия – Севастополь) в 1920 и 21 годах, в особенности остановился на положении интеллигенции. Говорил также о Борисе Викторовиче Савинкове⁷¹⁰ (и о его сыне Викторе Борисовиче Успенском⁷¹¹ (жена Б. В-ча – Успенская Вера Глебовна⁷¹²).

Для второй части чтения Максимилиан Александрович выбрал отдел «Усобица», а именно, прочел: «Потомкам», «Личины», «Феодосия (Голод)» («Хлеб от земли, а голод от людей...»), «Феодосия, декабрь 1920 года» («Отчего, встречаясь, бледнеют люди...») и «Террор» («Собирались на работу ночью...»)⁷¹³.

Манера чтения несколько изменилась сравнительно с тем, как в марте 1928 года, во время дикого норд-оста, Максимилиан Александрович читал «Бунтовщика», «Государство»⁷¹⁴ и отдельные стихотворения из «Демонов [глухонемых]»: «Предвестия», «Ангел мщенья», «Ангел времен», «Видение Иезекииля». В голосе, действительно, было гудение набата, на высоких нотах несущее предрекаемую беду. Это было пение набата о земной беде, о возмущении земли, пропитанной кровью. Но гудение густое, ровное, не кличащее, а торжественное, сопровождающее беду, развертываемое, как текст библейского пророческого повеления. Само чтение напоминало «Откровение в грозе и буре»⁷¹⁵. И тогда оно было как бы естественно вправлено в апокалиптическую звуковую раму норд-оста.

В коктебельском чтении эти ноты были смягчены, голос не делал предрекающего упора, голос был несколько приглушен, но сохранил, особенно в чтении «Усобицы», шепотную предсказательную зловещность. Соответственно голосу Максимилиан Александрович чаще выбирал мирные чтения: свои переводы из Анри де Ренья, «Серафима Саровского», «Владимирскую». Очень интересны в интонационном отношении были чтения «Долга Тангейзера», «Ганс Сакс – Волошину», «Вийон – Волошину»⁷¹⁶.

Ч. II. Каменная островерхая роза

На базальтовых стенах, нависших над морем, можно видеть окаменевшее сложное шестикрылье Херубу, сохранившее формы своих лучистых перьев.

*М. Волошин*⁷¹⁷

На Карадаг собрались к 5-ти часам. Мария Ст<епанов>на в просторных шароварах, с бамбуковым посохом, вела с собой и студентов

Энергетич<еского> института. Восхождение делали по более отлогим подъемам, через лощины, заросшие чабрецом, полукругом подбираясь к вершине кратера⁷¹⁸.

Почва была разогретая, воздух пропитан запахом полыни и чабреца. По дороге остановил внимание лакколит⁷¹⁹, обнажившийся за одним из подъемов, как каменная корона. По мере обхода и приближения к кратеру менялся и вид гигантского лакколита: корона превратилась в цилиндрическую крепость, затем огромный фалл, которым восхитился бы Розанов, и, наконец, уже со стены края Карадага, превращение завершилось сфинксом.

С края кратера в направлении к морю открывался дикий, странный и величественный вид. Внутренность рассеявшегося кратера, половиной своей обрушившегося в море, представляла собою застывший гигантский каменный всплеск. Под ногами, в страшной воронке, до самого моря, притаившегося внизу и как бы переставшего дышать, разверзлась каменная роза с разорванными остриями вытянутых лепестков. Готическая островерхая роза, целый готический храм, сотнями башен, стрелок, переплетов поднимающийся из моря. Напряженный пафос Карадага, вздыбившийся хребет дракона – здесь разрешались хищными зубами каменного пламени, сказочным базальтовым костром.

Отсюда сверху, когда иглы каменного пламени видны в провале, можно уже судить, каков Карадаг с моря во время надвигающихся сумерек. Так называемого входа в Аид нам не удалось видеть с лодки. Но это наиболее мифологическое и мифообразующее место. Тема входа в подземное царство настойчиво интонируется в «Доме поэта».

Доселе грезят берега,
Мои смоленные ахейские ладьи,
и мертвых кличет голос Одиссея.

Уже в «Киммерийских сумерках» («Одиссей в Киммерии») зарисован этот спуск к Стиксу.

Наш путь ведет к божницам Персефоны (1907).

Та же тема и у Матвея Розанова:

Где входа в Аид Гомер божественный искал,
в подземный мрачный мир Улисса направляя⁷²⁰.

Об этом же помнит и Сергей Соловьев:

Громадная скала вздымается из вод.
Под ней в страну теней змеится черный вход.⁷²¹

А Эренбург, сравнивая Коктебель с Сиеной, говорит, что весь край напоминает окрестности Сиены, места, в которых Данте предчувствовал Аид! Брюсов, незадолго до смерти, среди литературного ристалища в Коктебеле, вспоминает о том же входе.

Ряд входов с моря ты открыл в Аид,
чтоб доступ к Стиксу прост был⁷²².

11 июня 1931 года.

4-ый день

Коктебель.

«Ассирии дно»

До часу – чтение в кабинете «Путями Каина». Максимилиан Александрович выбрал: «Меч», «Пар», «Мятеж», «Пророк (Бунтовщик)», «Машина», «Война».

За обедом Максимилиан Александрович вспоминал о феоdosийской гимназии, о директоре Василии Ксенофоновиче [Виноградове]⁷²³, которого мы оба любили, о друге и учителе Максимилиана Александровича, о моем классном наставнике – Галабутском Юрии Андреевиче, о сборнике памяти В.К. Виноградова, где в 1895 году было помещено стихотворение Максимилиана Александровича «Да, он умер. Полны изумленья, мы стоим над могилой немой...»⁷²⁴

За обеденным столом Максимилиан Александрович всегда с книгой, чаще – с французским романом. Чаще направляет беседу, чем сам ведет ее. Дозы пищи, которые предоставляются Максимилиану Александровичу по указанию врача, всегда изумительно малые сравнительно с его комплекцией. И не легкое дело все же для Максимилиана Александровича быть участником общей трапезы: жидкости ограничены, мучное ограничено. Надо вступать в спор за каждую маленькую чашку кофе или чая (а у него специальная маленькая чашка), за каждый, малых размеров, кусочек хлеба и пирога.

Но иногда возникают моменты непреодолимой агрессии на резервуары пирога и хлеба: не предусмотренный по числу кусочек переходит на тарелку М<аксимили>ана А<лександрови>ча. Это обыкновен-

но совпадает с отвлечением М<арии> Ст<епанов>ны, с оживлением беседы или с усиленным участием М<арии> Ст<епанов>ны в споре. Но резкий военный рейс М<аксимилия>н Ал<ександрови>ч совершает тогда, когда, не удовлетворившись двумя чашками чая, сомнамбулически направляется к ведру и пьет (о, ужас!) прямо из кружки.

А как сердится Максимилиан Александрович! Это игра слепительного солнца с мгновенно накатившимися волокнами туч. В ответ на запрещение Марии Степановны пить третью чашку или взять пирога Максимилиан Александрович быстро, «скоропалительно» произносит несколько запальчивых фраз по адресу Марии Степановны, вроде следующих: «Ты сидишь и считаешь, сколько я выпил, а того не считаешь, сколько я за все это время не выпил и не съел...» И не успеет окончиться последнее слово страстной реплики, как слепительная ясновзорная улыбка заливает лицо Максимилиана Александровича.

После обеда Максимилиан Александрович предложил отправиться в Каньоны. Вышли втроем, без Марии Степановны. Мы обошли невысокую цепь гор на востоке, прилегающую к Еким-Чек, и вышли в укрытую Тихую долину. Прошли по левой стороне Каньонов и спустились в середине по отысканным уступам. Максимилиан Александрович оставался наверху, около источника с устроенным маленьким бассейном. По дну Каньона протекал ручей, медленно и бесшумно. Высота была невелика: 5–6 сажен над головой. Стены коридора из коричневатых пород напоминали обветшавшие выступы древних зданий и пагод. Ветер и вода очень умело в архитектурном отношении обточили высокие берега. Но местами «ассирийские» здания дали вертикальные трещины и готовы были обрушиться. Мы прошли несколько десятков сажен по «дну Ассирии» и вернулись к Максимилиану Александровичу, который напоил нас водою из своей всегда сопровождавшей его манерки.

Манера Максимилиана Александровича ходить на прогулках или за каким-либо делом всегда медлительная. Но шаг крупный, точный и уверенный. В походе на Топрак-Кая я и Клодя⁷²⁵ явно отставали от него. И посох его все же переставлялся не просто. Так переставляет посох рука епископа, одетого в парчовые одежды, во время его краткого пути от престола, через царские врата, на амвон для благословения молящихся. Поэтому редкие кочевники домов отдыха и санаториев, встречавшиеся нам во время прогулок, так столбенели; иные сторонились с дороги, смотря вслед и долго и трудно осмысливая воочию увиденную прошедшую перед ними мифическую великолепную фи-

гуру. Но это не была медлительность вынужденная или болезненная, это – привычная манера, создавшаяся в долгих странствиях по Европе и пустыням Азии. Ноги в сандалиях переступали с литургической неторопливостью.

Вечером за чаем Максимилиан Александрович рассердился предположению Марии Степановны и моему, что табличка над именной комнатой Н.С. Гумилева может быть снята после перехода Дома поэта в ведение Союза писателей.

12 июня 1931 года.

5-ый день.

Трехгранные жилища.

В комнате Гумилева

Утро, как всегда, мы провели в летнем кабинете. Максимилиан Александрович читал свои переводы из Ренье: «Антоний и Клеопатра», «Кровь Марсия», «Ваза», «Эрот». Показывал нам подобранные и подготовленные статьи четвертого⁷²⁶ тома «Ликов творчества», подарил Клоде экземпляр «Иверни» с надписью, а мне – маленькую книжечку о Богаевском, казанское издание с его статьей 1926 года⁷²⁷ и со статьями Лобанова, Дульского и П. Корнилова⁷²⁸, и книжку стихов Шенгели «Норд»⁷²⁹. Из последней книги Максимилиан Александрович перечитал нам и особенно выделил «Музу», «Льстеца», «Бетховена», «Старое кладбище» и один отрывок из «Пушек в Кремле».

После сытного и настоящего обеда (была подана камбала) мы втроем, с Марией Степановной и одной крестьянкой, заняты были перенесением кроватей и расстановкой их в именных комнатах большого флигеля.

Мне уже давно хотелось проникнуть в большой каменный флигель, только что подаренный Максимилианом Александровичем Союзу писателей. Главное, хотелось побывать в комнате Н.С. Гумилева, уже описанной Всеволодом Рождественским в «Коктебельской элегии»⁷³⁰. Это – третий этаж, первая дверь налево от лестницы, совсем маленькая комната, обращенная в сторону Сюрю-Кая и Святой горы, с покатым деревянным потолком на шести балках. В ней жил Николай Степанович летом 1909 года, тогда же, когда в Коктебеле гостила и Черубина. В келейке написаны Гумилевым «Капитаны». Длина комнаты вдоль окна – 6 1/2 шагов, ширина – от двери к окну – 3 1/2 шага. Окно вверху, 2 1/2 аршина от полу. Не то светелка, не то келья, прооб-

раз будущей тюрьмы. В келье – деревянная кровать и маленький белый столик под окном. Над входной дверью – надпись на картонной дощечке: «Комната Н.С. Гумилева».

Из других комнат, почти всегда треугольных, помню комнату Брюсова (первый этаж, налево от входа, вид на Святую гору); комнату А.П. Остроумовой-Лебедевой⁷³¹ (второй этаж, напротив лестницы, с дверью на большой угловой балкон с рисунками Габричевского⁷³²); комнату Ал. Н. Толстого (тоже 2-й этаж, налево от двери, два окна на Сюрю-Кая). Рядом с комнатой Гумилева комната В.К. Звягинцевой⁷³³ (без окна, стеклянная дверь на северный балкон). На этот же балкон выходит дверь из комнаты М. Тарловского. Во втором этаже против окна передней, расположен гинекей...

13 июня 1931 года – 17 июня 1931 года.

6–10 дни.

Ч. I «Камни горят, как алмазы»

13-го я неожиданно заболел: температура сразу, среди дня, поднялась до 39,5. По настоянию Максимилиана Александровича я лег в постель. Как раз в это время Мария Степановна перевела нас из угловой комнаты в среднюю, ту, в которой в 1927⁷³⁴ году жил А. Белый. Болезнь оказалась неприятная и досадно продержала меня в постели пять дней. Лечил очень милый и внимательный врач, но вылечили меня по-настоящему Мария Степановна и Максимилиан Александрович.

Последний заставил меня глотать гомеопатические лекарства, а Мария Степановна присылала лечебный питательный обед: кислое молоко, особо приготовленное яйцо и прекрасный кофе.

Максимилиан Александрович приходил в комнату и сидел около постели не менее трех раз в день. И всякий раз он был новый. И всякий раз я знал, что минуты этого мифологического видения на счету. Я не мог отвести взгляда от его лица, от его глаз, от его легких и тихих манер, почти уничтожавших его весомость.

Максимилиан Александрович ни разу не пришел с пустыми руками: рукописи, коробки с новыми акварелями, коробки с фотографиями, оттиски стихотворений менялись каждый день на стульях около постели. За время болезни я прочел монографию Максимилиана Александровича о Сурикове с интересными чертежами и схемами, с главами, посвященными воспоминаниям о Сурикове; затем перечитал лекцию Максимилиана Александровича «Страшное в действительности

и ужасы в искусстве»⁷³⁵. Работа о Сурикове нигде не была напечатана, но многие цитировали ее (С. Дурылин, Евдокимов⁷³⁶ и др.). За время болезни Максимилиан Александрович много говорил о своих акварелях, об особом таинстве изнеможения красок у акварелистов и в японском искусстве.

Клодя приносила в это время множество необыкновенных камешков, которыми были заняты два стула, а я выбирал из них то, что намерен был увезти из Коктебеля. Но выбранного оказывалось все же очень много. Прав А. Белый: отбор красочных, светящихся камней на заповедном берегу залива – не есть занятие праздное. После признаний Белого вполне серьезно отдаешь себе отчет в оттенках красок на этих камушках, в складывании орнамента оттенков. Но, конечно, коллекция А. Белого была не проста, она вызвала одобрение Богаевского. Она и образовала фон фабулы, которая в тумане предносилась Белому в Коктебеле в 1924 году, пред написанием романа «Москва»⁷³⁷. Путь возникновения своего романа Белый изображает при обязательном красочном участии коктебельских камушков.

Время болезни было временем особенного сосредоточения на образе Максимилиана Александровича. Он был так безраздельно близок, так нежен, так легок и бережен со мною, что заставлял неотступно думать о себе и благословлять минуты бестревожных бесед о своих работах, о картинах, о небесных, земных и водных красках Коктебеля.

Ч.II. Поэт, мудрец, дитя. (Ризы и маски)

Поэт, мудрец, дитя.

*Вс. Р.*⁷³⁸

Самое трудное говорить об образе Максимилиана Волошина. Более всего поражает при первой встрече это совмещение ликов в одном образе: львиная усталая голова, осанка апостола, отблески скифской хитрости и лицо – изваянье седого огня. Издали может, на мгновение, удивить массивность, грузность, тяжесть. Но вблизи – вот эта улыбка, сдержанная, но вместе ясновзорная, вот этот голос, идущий изнутри, поставленный в каком-то святилище. – И всё вместе: и голос, и улыбка, и взор так просвечивают, такими снопами потаенных лучей озаряют плоть, что плоти не видишь. Перед тобой – не полный человек, а легкий миф, укрытый золотыми, тяжелыми ризами.

Остатный меж волхвами,
торжественное облако, парящее...

А риз, драгоценных риз, на нем действительно много... И этих риз не может закрыть никакой максимально упрощенный коктебельский костюм, соединяющий в себе элементы эллинизма и славянства. Ни широкая голубая блуза, ни легкая рубашка, подпоясанная шнуром, не могут закрыть строгих апокалиптических одежд, шелестящей парчи Маллармэ⁷³⁹, тугого шелка Барбе д'Оревильи⁷⁴⁰ и хитона апостола.

Простейшая маска, открываясь, таит за собой ряд священных масок. Масок много – глаза одни... Но и они, – о, конечно, конечно! – не открывают перед Вами тайное тайных. Опять – первое влекущее впечатление: счастливые, сияющие, чистые глаза ребенка. Редкий цвет, редкие хрусталики – вправленные драгоценности. Серо-голубые, зеленовато-голубые тона необычайной прозрачности. Нельзя оторваться от них сразу и в то же время стыдно, что так долго, без раздумья погружаешься в бездонно-морские глубины. Но вот еще поворот, вот вспышка, вот пробежавший свет, – и в этих очень вежливых, не недоверчивых, а именно опасно-приветливых глазах – все делается сложным и загадочным. Опасно возникновение оценки, видимое в глазах этого мага и полубога, опасна постановка собеседника на отдаляющее расстояние.

Ваятель Коктебеля, Киммерийский маг, остатный меж волхвами, владыка Коктебеля, – и вместе с тем, все же, до сих пор – парижанин, всю жизнь почти проведенный в Париже, – переводчик Ренье и Верхарна, отдавший глубокую дань Штейнеру.⁷⁴¹

Два аспекта сменяются третьим: нежная лазурь глаз превращается в железо... Внезапно вслед за мгновенным поворотом возникает суровый облик апостола, мятежного протопopa, поднявшегося до Судии и Пророка. Наконец, величественный лик Максимилиана, вознесенный над горьким Коктебелем, сменяется образом скитальца, замкнувшегося в младенчески простом и пророческом одиночестве.

Вот почему трудно первое время вести разговор, следить за его нитью, невиданный, большой значимости образ заграждает уста, уводит затмевающие одни другого блистательные облики, от которых нельзя отвести глаз. И прав Эренбург в своем гротескном портрете. Он говорит о слушателях, нетерпеливо стремящихся к разгадке Волошина:

О, читающие в сердцах, напрасно
вы заглядываете под пенсне,

ибо глаза его не дневник, но
только многотомный словарь...⁷⁴²

Его глаза детские, ясные... но пройдет мгновение и – страшно становится от излучаемого знания этих глаз. Глаза светящиеся, ласкающие и вместе отдаляющие глаза. И вот перед этими глазами (не гротескно-эренбургскими, а живыми), уводимый за их широчайшие пределы, – чувствуешь и убеждаешься, что этой внешней, обременяющей и тяжелой плоти нет.

Внутренние лики, просвечивая стремительными светами, идущими с различных высот, уничтожают видимую плоть, делают носителя ее легким, легко поднимающимся на стремнины пророческой мысли.

И среди нас, среди жутких низин современности, разве Максимилиан Волошин не миф? Разве сам творец Коктебеля, реальный образ которого изваян ветрами на скалах Карадага, – не превратился в редкостный, неповторимый на земле миф?

18 июня <1>931.

11-ый день.

Ч. I.

Прохладная келья

Войди, мой гость, стряхни житейский прах,
и плесень дум у моего порога.⁷⁴³

Я стал выходить из бугаевской комнаты только 18 июня, и сначала недалеко: выход ограничивался зимним кабинетом. Там первые дни я и проводил время. Эта комната более всех нравилась мне: квадратная, с необыкновенным окном на море и Карадаг, с наибольшим сосредоточением в ней ценнейших акварелей. Вход – из маленького коридорчика с веранды. Дверь – против двери в Мастерскую. Слево от двери стена занята картинами и рисунками, подаренными Максимилиану Александровичу художниками Бенуа, Кругликовой, Лансере. Здесь же на маленьком столе мраморный бюст Максимилиана Александровича работы Б. Матвеева⁷⁴⁴. Окон два: одно в этой же стене на веранду и с веранды в море. Другое, продолговатое, – в левой стене, ближе к левому углу, то, которое особенно ценно для этой комнаты. В углу, между окнами, на угольном столике – собрание старин-

ных икон и статуй. Перед вторым окном с видом на Карадаг – рабочий стол и придвинутый к окну небольшой столик с большим кокетельским альбомом. За столом, вдоль той же левой стены постель до конца стены, перед постелью ночной столик с книгами и лампой. За столиком в стене (той, что против входа) ниша с принадлежностями для акварелей, с красочными банками. На нижней полке, ближайшей к столику, – снимок с Владимирской Богоматери. За столиком, вдоль стены, кресло и диван, приходящийся против двери. Над диваном – собрание акварелей. Затем – поворот к правой стене комнаты. Первое в ней – дверь в комнату М<арии> Ст<епанов>ны. Вся правая стена до потолка занята рисунками и картинами, среди них, в середине стены большой портрет Макс<имилиана> Ал<ександрови>ча с наклоненной головой и рядом портрет М<арии> Ст<епанов>ны в чалме, работы Шаронова⁷⁴⁵. От угла этой стены ко входной двери – полка с книгами и старинной посудой, над полкой – вешалка.

В этой комнате было два чтения в день приезда: днем – из кокетельских альбомов, вечером, при лампе, у постельного столика, Макс<симилиан> А<лександрович> читал Парнок и «Владимирскую Богоматерь». Здесь же я долго просиживал перед собранием акварелей, бывших на выставке в Москве и Л<енин>граде.

Ч. II. Опыт сердца и опыт ступеней (Перед акварелями)

Киммерия трижды увиденная. Акварели⁷⁴⁶

Художник должен перестрадать ту землю, которую он пишет. Опыт сердца, исходившего тоской в ее сумерках, и опыт ступеней, касавшихся всех ее тропинок, ему дают не меньше, чем впечатления глаза.

Максимилиан Волошин

О, эти сны о небе золотистом!
О пристани крылатых кораблей!..

Максимилиан Волошин

Я вижу грустные, торжественные сны.

*М. В.*⁷⁴⁷

Наиболее подобранные, хорошо сконцентрированные я различаю три группы акварелей-картин (не миниатюр, конечно).

1-ая группа занимает всю стену над диваном в зимнем кабинете. Вторая – правую стену в столовой от внутреннего входа. Третья – обширный альбом, с надписью, подаренный Марии Степановне. Сюда я не включаю: 1) акварели в комнате Марии Степановны; 2) акварели на отдельных листках, не соединенных еще (в 1931 году) в альбом, обычно лежавших в Мастерской на столе и 3) отобранные, ценные миниатюры, хранившиеся в летнем верхнем кабинете в пяти коробках, – тоже – собственность Марии Степановны.

Сейчас я хочу записать впечатления только от трех главных групп. В основе всех картин лежит коктейбельский пейзаж и пейзаж Киммерийский – в более широком смысле. Основные черты коктейбельского пейзажа зарисованы Максимилианом Александровичем и в его цикле стихотворений «Киммерийские сумерки», они те же, что и на его картинах. Некоторые стихотворения дополняют картины строчками о запахе и дыхании моря, о запахе моря и земли, о звуковом ансамбле: о падении волн, о звуках и шуме ветра, о злобном крике цикад и клекоте хищных птиц.

Я хочу припомнить сейчас из его поэтической записи пейзажей 1907–1909 года только краски и те таинственные неизъяснимые явления, которые неотвратимо уводят к божницам Персефоны.

Из красок взяты: бронза, желчь, старинное золото, жемчуг, серебро, буро-красный оттенок. Здесь же мы встречаем определяющую для Коктебеля и акварелей М. Волошина окраску моря, волн, туч, хребтов, вершин, зарниц, неба. Здесь россыпи огней и красок, перенесенные потом на акварели: солнце как паук, дрожащий в сетях алмазной паутины (так названа и серия картин III. 10–13); жемчужница (VI. 22–28); и были дни, как муть опала, – серия XI. 49–52; янтарный зной, – серия XXII. 99–101; заливы черные сияют, как оникс; синие зарницы; синеющие тучи и вершины; голубой стеклярус зыби; аметистовое сияние волн; фиалки волн и гиацинты пены; шафран, разлитый в волнах; колышущиеся топазы; струистые смарагды огней; гневный пурпур; шуршанье шелестов струимого стекла и камней отблеск ртутный. Вот сложность коктейбельских киммерийских красок и их живое непрерывное чередование. Преобладают, как и следует в стране Кок-Тепэ-Эли, – голубые, лиловые, аметистовые тона, на втором месте: золотые и шафранные тона, медные и красные тона, окраски гневного пурпура.

Зарницы синие трепещут беглой дрожью.

Лиловые вершины
подъемлет Карадаг зубчатою стеной.

Излом волны сияет аметистом.

Сочилась желчь шафранного тумана.

И распускается, как папоротник красный,
зловещая луна.

Равнины медно-буры.⁷⁴⁸

Там же, в «Киммерийских сумерках», подмечены Максимилианом Александровичем и ряд намеков, еле ощутимых указаний, идущих от коктельского пейзажа к Гомерово́й эпохе, и, может быть, еще дальше и глубже – к эпохе Атлантиды, Посейдона, Руты и Дайтии⁷⁴⁹.

И лики темные отвергнутых богов
глядят и требуют, зовут неотвратимо.

В крылатых сумерках намеки и фигуры.

Во впадинах зияющих глазниц
огромный взгляд растоптанного Лика.

Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин.

Обида вещая раскинула крыло.

Слышу в голых прутьях
вопли Деметры.

Наш путь ведет к божницам Персефоны .
(«Одиссей в Киммерии»).

Напрасный ветер свивает и несет
Осенний рой теней Персефонеи.
(«Corona Asrtalis»).

И мертвых кличет голос Одиссея.
(«Дом поэта»)⁷⁵⁰

Я намеренно остановился на киммерийском пейзаже в поэзии М. Волошина, чтобы точнее отдать себе отчет, что дают красочные пейзажи – акварели М. Волошина. Мифологической, торжественно тяжелой, как парча, стихотворной речи в акварелях его противостоит изумительно легкое зрительное касание красок и изумительная легкость воплощения. Я выделил бы из тех групп, что названы выше, два ряда акварелей: акварели-воспоминания и акварели-отражения. Воспоминания древней земли и отражения небесных и облачных движений в гармонии с земными красками. Первый ряд акварелей я назвал бы уводящими в прошлое, в древнюю Киммерию и Атлантиду, уводящими по складкам, прогалинам, отлогостям, по переходам и переливам красок. Второй ряд, с необыкновенно сложными красками неба, с воланами и кругами поднятых и спустившихся облаков, я назвал бы звенящими акварелями. Внутреннее горение вещества цветом в торжественной гармонии – вот что поражает в этих акварелях.

В первых – необыкновенные морщины, прогалины, расцветка ближних и дальних склонов, неизбежно вызывающие историко-геологическое раздумье. Складки в холмах и на склонах гор таковы, будто недавно только застыли после огненной катастрофы, а море влило в новые образования заливов и бухт. На всех акварелях поразительно, *как* лежит море, покоится и покрывает скаты. Скаты и холмы, написанные жизненно, зовут ступать по ним ногой. Чувствуется, *как* изучена, исхожена стопами художника эта изображенная им страна. И чувствуется пройденная, пережитая вместе, страдальческая жизнь самой земли. Сначала сострадание с горестной землей,

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель;

сначала взаимно-творческая жизнь с землей и только потом – этот поразительный портрет земли. Земные морщины, впадины и скаты киммерийской земли выписаны так, как тени и морщины на портретах старых людей Рембрандта.

Особенная черта обоих рядов акварелей – это черта глубоких пейзажей, лежащих в отдалении, образующих ту или иную уходящую перспективу с магической линией горизонта, манящей переступить ее. Такие акварели-пейзажи зовут совершать в них долгие уединенные прогулки. В картинах Максимилиана Волошина нет людей, таким участником, персонажем картины должен явиться сам зритель, неотступно вовлекаемый в пейзаж-картину. Магия картины такова, что зрителю как бы даруется умение и смелость войти в картину.

Некоторые картины кажутся живописью воздушных течений, противоборства течений, получающих свое видимое закрепление в необыкновенных взаимоотражающихся красках неба, воды, берегов и холмов.

Конечно, это не копии Коктебеля, не копии Киммерии, а Коктебель небесный, земной и водный, прошедший через внутреннее видение, это желанные преображения киммерийской земли, желанные для самой земли. В этом смысле картины Максимилиана Волошина могут быть названы живописью ритмических миражей, где соотношение грез и отсветов земных покровов и небесных течений приковывает магически.

Вообще поразителен этот сухой древний воздух Киммерии, сближающий холмы с купами облаков, легкое небо здесь поразительно сближается с распластанной в давних терзаниях изнеможенной землей. В наступившей ночной темноте и созвездия, с гроздьями громадных светов, и отдельные звезды, с расходящимися остриями, поражают своей нависшей и прикрывающей близостью.

Нимбы света, венцы и сияний тяжелых гирлянды
мерно плывут над землей.

Вот эту близость небесного и земного на берегах древнейшего лазурного залива, близость, которую я назвал бы в дневном аспекте – атлантической, в ночном – апокалипсической, – эту близость, сближенность, родство, проникновение и передают акварели Максимилиана Волошина. Поразительны в этом сближении сложные тона акварелей, синеватые, стеклянносиние и желтоватые дали, клубящиеся и приспущенные оранжевые облака.

Я остановился бы на мастерстве передачи тумана в акварелях М. Волошина. В противоборстве ветров двух морей, в пронизанности красок предстают горы, повитые туманом. Туман повивает и пустынные, торжественные заливы, и далекие входы среди мирно лежащих тяготеющих друг к другу мысов. Манера передачи Киммерийского тумана такова, что дает почувствовать и угадать Киммерийский пейзаж, описанный Гомером. Это первое чувствование, которое дается акварелями М<аксимилия>на Волошина.

Туманный день раскрыл золотое око.
.....

Мутится мыс, зубчатую стеной
ступив на зыбь расплавленного тока.⁷⁵¹

Второй, еще более необыкновенный дар акварелей, это чувствование, предчувствие – сквозь «пределы скорбные незнаемой страны», сквозь не встречаемые нигде на земле киммерийские пейзажи – острое и щемящее предчувствие очертаний, атмосферы и пейзажей исчезнувшей Атлантиды.

Очень много дает невольное сопоставление живых, развернутых за окном коктебельских пейзажей с их отражением в акварелях. Это особенно ясно предстоит в зимнем кабинете Максимилиана Александровича с продолговатым большим окном, в которое входит весь Карадаг и часть сверкающего залива. Здесь чувствуется, что акварели есть излучения самих пейзажей, прошедшие через сердце художника, и его ответ, пережитый вместе с землей. Краски и тона акварелей как бы вскипают из глубины залива, холмов и расцвеченных далей неба.

Вот мои раздумья перед акварелями Максимилиана Волошина и размышление о Киммерии, трижды виденной: воочию, сквозь «Киммерийские сумерки» и в акварелях.

19 июня <1>931.

12-й день.

Статуэтка Ахматовой.

Музыкальная комната

Утром до обеда вместе с Максимил<ианом> Ал<ександрови>чем рассматривал в Мастерской обширные папки с рисунками, подаренными М<аксимли>ану А<лександрови>чу и не вставленными под стек-

ло. Среди них останавливают внимание силуэты коктейльных гостей, сделанные Кругликовой, один интересный рисунок на библейскую тему поэта Вл. Державина и снимки с портрета М<аксимилиана> А<лександрови>ча (линогравюра) К. Костенко.⁷⁵²

После обеда осматривали комнату Марии Степановны, смежную с зимним кабинетом. Она освещается стеклянной дверью, выходящей на узкий балкон и лестницу, обращенные в сторону моря. Окон нет. Левую сторону стены от стеклянной двери занимает полочка и портреты, развешенные над полкой. На полке – необыкновенная и прелестная драгоценность – фарфоровая статуэтка Анны Ахматовой работы Данько⁷⁵³, привезенная ею в дар Максимилиану Александровичу.

Правая стена, где между стеной и гардеробом, поставленным ребротом, находится постель М<арии> С<тепанов>ны, – вся занята фамильными портретами Максимилиана Александровича. Стена против двери в зимний кабинет занята акварелями, у стены диван и стол. Против стеклянной двери – дверь в переднюю перед столовой.

В этот же день мы побывали и внизу, в музыкальной комнате, где на стенах находятся два коллективных комических портрета в красках, изображающие Максимилиана Александровича, Марию Степановну и коктейльных гостей⁷⁵⁴. Одна из картин изображает насыщение Максимилиана Александровича. Картина снабжена пояснительными надписями на латинском языке. Из отдельных окантованных рисунков – интересен тонкий комический рисунок, изображающий дежурство у «гробов» коктейльных гостей, ожидающих очереди; среди ожидающих изображен и А. Белый.

20 июня <1>931.

13 день.

Страна трех корон

(«Алмазных рун чертеж»)

И в небе теплятся алмазы Семизвездья.⁷⁵⁵

—

Алмазных рун чертеж.

*Максимилиан Волошин*⁷⁵⁶

Ночь – Фиал из уст твоей лилеи,
пью алмазы влажной синевы.

*М. В.*⁷⁵⁷

День прошел в рассматривании книг трех обширных собраний Максимилиана Александровича: на стене вдоль лестницы, на внутреннем балконе в Мастерской и в летнем кабинете. В 4 часа в честь Марии Степановны, в день ее именин, был устроен чай на балконе против зимнего кабинета. Большое внимание за столом Максимилиан Александрович оказывал изготовленному именинному пирогу, который ему полагалось вкусить в самом ограниченном количестве. Умело отводя взгляд Марии Степановны на гуляющих по пляжу, Максимилиан Александрович совершил подряд несколько непредвиденных нападений на лакомый пирог.

Уже в сумерках, в четвертом часу, мы вышли на прогулку по берегу до могилы Эдуарда Андреевича Юнге⁷⁵⁸... Вернулись уже ночью, когда киммерийские звезды в венцах и сияниях начали свое торжественное кружение над землей.

Ночью, возвращаясь из кабинета или столовой, через берег моря, к другой стороне здания, где мы жили, нельзя не задержаться перед новым, ночным видом Карадага, перед этими особенными киммерийскими звездами. Карадаг кажется еще ближе к дому, еще мрачнее и скученнее. Громадное чудовище со складчатой щетинистой спиной грузно принимает к волнам. В безлунной ночи звезды именно таковы, какими их изображает Богаевский в черных рисунках к первой книге М. Волошина и в своих литографиях, особенно в семнадцатой литографии «Звезды»⁷⁵⁹.

Это – мохнатые звезды, застывшие взрывы звезд, дающие иглы лучей на черном покрове бархата. Звезды идут в хороводе с подчеркнутой торжественностью. Они кажутся гораздо ближе к земле и вдумчивее. Сама Corona Astralis кажется близкой, какой-то зловещей, увенчивающей Коктебель.

Собственно Коктебель – страна трех корон: морской, горной и звездной. Открытая лазурная корона залива, розовеющая по его краям.

Спит залив в размывчатой короне⁷⁶⁰

Другая – древнейшая Иссыпанная корона, вознесенная над эллинской отроковицей Каллиэрой. И эта, горящая во славе звездой Corona Astralis, низведенная когда-то Киммерийским магом на червонные косы Черубины.⁷⁶¹

21 июня <1>931.

14-ый день

Двуединый миф

День был сумрачный и не интересный. Я ничего не осматривал. Максимилиан Александрович с утра очень усидчиво работал над акварелями. Почти весь день, до обеда и после, я посвятил рассматриванию большого альбома и юбилейного сборника посвящений Максимилиану Волошину «Poetae – Poetae»⁷⁶². Последний очень интересен, он открывается Пентауром, Хайямом, Гомером, Сафо, Катуллом... включает в себя Пушкина, Тютчева, Некрасова, Языкова, Вяч. Иванова, Кузмина вплоть до Кириенко⁷⁶³. Значительную часть дня я делал выписки из обоих альбомов.

Вечером – прогулка втроем (без Марии Степановны) в том же направлении, почему-то излюбленном Максимилианом Александровичем для утренних и вечерних странствий.

Когда видишь Максимилиана Александровича среди дорог, тропинок и ландшафтов Коктебеля, невольно дивишься гармонии и слитности всего образа, всей фигуры Поэта с полумифической страной. И мысль о взаимотворении страны и Поэта, о взаимопронизанности становится особенно близкой и верной. Мысль Брюсова о создании Коктебеля⁷⁶⁴ и мысль о зависимости строф М. Волошина от песков, от лазури залива, от мрака Карадага и от самых звезд глубоко верны. Страна и Поэт, образуя, творя и восполняя друг друга, составляют двуединое зерно одного неповторимого мифа.

И тщетна баснь, что древний Карадаг
изверженец давно былого мира:
тобой творен он ... –

обращается Брюсов в своей оде к Мак. Ал-чу.⁷⁶⁵

И оттого стихи, рожденные тобой,
нетленны, как пески, насыщены, как влага,
угрюмы и тверды, как камни Карадага,
ясны и ласковы, как звезды над волной.

Л. О.⁷⁶⁶

22 июня <1>931 г.

*Поход на Кучук-Иени-Шары*⁷⁶⁷

С утра Максимилиан Александрович предоставил мне для чтения целую кипу стихотворений, присланных ему поэтами, и я занялся перечитыванием стихов С. Дурьлина, Сергея Соловьева (стихи и большая поэма), Брюсова, Адалис, Веры Звягинцевой, Марка Тарловского, Веры Инбер, Юлии Оболенской⁷⁶⁸ (венок сонетов), Вл. Галанова⁷⁶⁹, С. Шервинского. В этой же обширной папке, хранившейся в конторке, нашлись и коллективные стихотворения на случай, и шуточные представления: «Сонеты о Коктебеле», написанные с участием Марины Цветаевой, и еще «Коктебель» (Дом поэта) – «спектакль-лекция о погоде, природе и человеческой породе, с участием сил минеральных, музыкальных, вокальных, одного дерева и мосье-конферансье», дальше следовала «Коктебелиана» – «музыкально-терпсихическая кантата в честь Максимилиана и Марии Волошиных для оркестра, хора, solo, рук и ног».

В 4 часа в третий раз повторилась прогулка в сторону Тапрак-Кая. Мы прошли мимо могилы Юнге, через русло реки Еланчик, мимо разоренной усадьбы Юнге, через ряд спусков и подъемов подошли к горе Кучук-Иени-Шары. Максимилиан Александрович и я остались около склона горы, Клodia поднялась, кажется, до половины горы. Максимилиан Александрович говорил, что с вершины Кучук-Иени-Шары видна и сама Иени-Шары – Мертвая бухта, соседняя с Коктебельской в сторону Феодосии, виден мыс Киик-Атлама, а в другой стороне видны и вся Коктебельская долина, и расщепленные зубцы Карадага, и профиль Максимилиана. С нашей же высоты хорошо видна была классическая линия изогнутости бухты, а Карадаг будто раздвинулся, и выступила вторая града зловещих зубцов.

Вечером в зимнем кабинете, как бы в награду за наш поход, Мария Степановна еще раз исполнила нам «Зарю-заряницу», когда-то петую перед Федором Сологубом. Это был последний полный день нашей блаженной жизни около Максимилиана Александровича. На 23 июня назначен был наш отъезд.

23 июня <1>931.

16-й день.

Фамира и камни⁷⁷⁰

(Прощание)

Движешь камни, движешь сферы строем лиры золотой.

*Максимилиан Волошин*⁷⁷¹

Вчера я не записал наблюдения, касающиеся дружества Максимилиана Александровича с камнями. В последние дни поразило меня строгое, видимо, давно установившееся фамирическое отношение к камням. Я видел перед собой поразительное явление: живого Фамиру, источающего свою ласку камням. Именно тот аспект Фамиры, который был не понят читателями Иннокентия Анненского и более всего ими осуждался, вдруг получил воплощение перед моими глазами. На прогулках, особенно на утренней своей прогулке, не стесняясь меня, Максимилиан Александрович останавливался на своем пути, наклонялся над гнездами камней, чаще небольшой величины, иногда касался посохом, перемещая их. Это были по виду обыкновенные камешки, но чем-то связанные в мыслях Максимилиана Александровича. Что его останавливало? Соотношение цветов, складывание орнамента оттенков? Что говорили ему эти наблюдения над соединениями камней? Тот наклон головы, та внимательность, почти полузабота о камнях, говорили о большем, чем перебирание и рассматривание окраски. Гнезда камней что-то символизировали поэту. Эти кучечки камней казались подорожными четками. Язык их ему был понятен. «Темный ваш язык учу»⁷⁷² будто хотел сказать им Поэт. Несомненно, он прибавлял новых читателей к созданным гнездам и передвигал их в разные сочетания. Так возникли два гнезда особой формы уже на самой лестнице, почти незаметные, лежавшие в уголках ступеней. И в доме относились с уважением к этим избранникам, не трогая их, не перемещая, не сбрасывая с лестницы.

Перед обедом медленно мы обошли вместе с Максимилианом Александровичем все его просторные кельи. Задержались в летнем кабинете перед портретами Черубины. На мой вопрос, хотела ли она «уйти», Максимилиан Александрович ответил: «Здесь в судьбе Лили было совпадение воли и призыва».

Простились два раза. В столовой при прощании я знал, что жизнь моя будет озарена и во многом облегчена этими блаженными днями.

Поразительно, что никто не сказал слова о свидании, будто невозможность его была уже решена.

Второй раз простились у автомобиля. Объятия и поцелуи. Я не могу забыть этого священного для меня лица, этой благостной головы пророка. В раме автомобиля, неотступно со мной, этот лик мудреца, с повязкой Гесиода, с улыбкой, полной незаслуженной ласки...

[ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ГИМНАЗИИ]¹

Я помню владикавказскую гимназию девяностых годов: учился в ней с 1894 года по 1898 год. Как раз я поступил в нее, по приезде из Феодосии, в период директорства Ивана Ильича Виноградова². Это было суровое время. И тон суровости создавал сам Иван Ильич. Это был не только требовательный администратор и преподаватель, но, вместе с тем, какой-то чуждый для всей гимназии человек. Видимо, он очень ценил свое положение и свое генеральство. Он держался очень далеко не только от ученической массы, но и от учительской среды. Всюду он вносил свою холодность, и, я бы сказал, свое бездушие.

Не было в нем того, что называется, отеческой близости и отеческой заботливости. Точно учитывались проступки учеников, малейшие нарушения порядка, и за каждый проступок можно было ждать серьезного наказания вплоть до карцера. Карцером обязательно наказывалось гулянье в неположенное позднее время и куренье.

Правда, здание гимназии и все помещения содержались в большом порядке и чистоте. Гимназия изобиловала учебными пособиями, картинами и картами. Весь нижний коридор был увешан прекрасными картинами по истории Египта, Греции и Рима. Верхний коридор был собранием исторических и географ. карт. В коридорах поддерживался полный порядок: не разрешалось ни громких выкриков, ни беготни, ни борьбы. Но и надзор был вполне достаточный: в нижнем коридоре два помощника классных наставников, в верхнем (он занимал только первую половину здания) – один, и постоянно находившийся среди учеников – инспектор гимназии. Инспектор был гораздо мягче и внимательнее к ученикам. Это был Иван Васильевич Кондратович³, преподаватель математики. Я очень любил его уроки. Он давал их с таким подъемом и воодушевлением, что каждый его час превращался в любимое и желанное занятие, и каждая теорема в четкую и

¹ Автограф – в собрании Э.Г. Флешинной.

² *Виноградов Иван Ильич* (1839–1910) – действительный статский советник. В гимназии его называли «барин». О нем вспоминает и учившийся в той же гимназии Е.Б. Вахтангов: Евгений Вахтангов : Документы и свидетельства. В 2 т. / Ред.-сост. В.В. Иванов. М., 2011. Т. 1. 39–40.

³ См. о нем: Там же. С. 42.

вдохновенную поэму. Наставником в нашем классе до Виноградова был Николай Николаевич Попов⁴. Вот еще преподаватель, имя которого вспоминаю с благодарностью. Его комментарии к греческим и латинским авторам были всегда насыщены богатым историческим и культурно-бытовым материалом. И на его уроках мы получали больше, чем у специалиста-историка. Историю и географию преподавал сам директор по трудному профессорскому учебнику П.Г. Виноградова, профессора Московского университета⁵. Преподавание было сухим, неярким и неживленным, как и его администрирование. И если впоследствии стал филологом, то, конечно, под влиянием Попова, а не Виноградова.

Всегда были несколько сумбурны уроки преподавателя физики Кахидзе Тита Венедиктовича. Попыты чаще всего не удавались, но и ученики, пользуясь затемнением во время уроков, жестоко издевались над Кахидзе. Прекрасные сведения по истории искусства давал нам преподаватель черчения и рисования Семенов Александр Федотович⁶.

Из своих товарищей по классу вспоминаю Ермакова Всеволода Васильевича⁷, с которым сидел на одной парте. Впоследствии он выдвинулся как выдающийся географ и картограф. Карты, подписанные его именем⁸, сохраняют свое значение и теперь, при массовом издании карт Управлением геодезии и картографии. Ермаков – один из лучших воспитанников Владикавказской классической гимназии, много путешествовавший и совершенствовавший <фраза не дописана – Т. Н.>. Особенно внимательно он изучал в своих путешествиях восточные страны: Японию и Индию. Чрезвычайно интересны и теперь уже ред-

⁴ Сведений о нем уточнить не удалось.

⁵ Учебник всеобщей истории. Сост. Павел Виноградов, проф. Моск. ун-та. Ч. 1–3. М., 1893–1896.

⁶ Преподавал с 1889 до 1898. «В 1887 г. он был избран городской думой наблюдателем за постройкой здания для Владикавказской гимназии, т.к. гимназия располагалась в наемном помещении. В 1905 г. его назначили агентом по особым поручениям при Управлении Владикавказской железной дороги по учебной части (г. Владикавказ). В последующие годы Семенов – гласный городского приюта “Ясли” для подкидышей, член попечительного совета Владикавказской Ольгинской женской гимназии, Владикавказской женской прогимназии. В 1912 г. – почетный мировой судья Владикавказского судебно-мирового округа. В 1911–1916 гг. – заведующий учебной частью в Управлении Владикавказской железной дороги (Ростов н/Д)» (<http://nslib.tnweb.ru/knpamat/17.html>).

⁷ Впоследствии преподавал географию во Владикавказском кадетском корпусе.

⁸ Карта Кавказа. Сост. В.В. Ермаков. Л.: Гос. картогр. Ин-т НТУ ВСНХ СССР, [1928]. Политическая карта Европы /Сост. В.В. Ермаков. 2-е изд. М.: Госиздат, 1930 и др.

ки зоогеографические карты Ермакова⁹ по животному и растительному миру с расположением рисунков животных по местам их нахождения. Ермаков погиб во время своего перехода по горам из Северной Осетии в Юго-Осетию в октябре 1942 года.

⁹ Зоогеографическая наглядная учебная карта С.С.С.Р. / сост. В.В. Ермаков; худож. Н.М. Бучумов. М.: Геокартпром, 1928.

СТАТЬИ

МИРТОВЫЙ ВЕНЕЦ

СУРОВОЙ ТЕНИ ТЮТЧЕВА

Que de fraîcheur et de mystère,
En remontant ces bords heureux!⁷⁷³

F. T.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Собранные здесь статьи представляют собою часть моих работ по русской философской лирике. Это наброски моих раздумий над поэтами, относящиеся к различным годам. Разные по объему и обстоятельствам, вызвавшим эти опыты, – статьи объединены одним и тем же методом.

По способу душевного приближения к поэтам, по манере передавать духовный облик – это, скорее, запись интуитивных образов. – «Волшебный хрусталь» интуиции позволял иногда яснее различить миропонимание поэта, его основной мучительный ропот, его благодатные достижения. Так выступали сокровенные таимые черты. – Раскрылась связь душ в молитвах и благословении: Св. Франциска Ассизского, Иоанна Дамаскина и Алексея Толстого. Яснее выступили из мрака: мученик досадной срединности – Апухтин и Баратынский – распятый Иксион⁷⁷⁴. Прошло перед духовным взором и дивное восхождение Бальмонта на холмы мира, «чтоб видеть Солнце», чтоб петь «псалом вселенской звучности»⁷⁷⁵. – И засияло солнце Фета, высокое, в лазури необъятной, «чтоб чистые сердца в нем пили благодать»⁷⁷⁶.

Эти видения прошли не только через единый хрусталь, но и были встречены мною в пути единого религиозного устремления. Отсюда и моя задача – в «окаменевших муках»⁷⁷⁷ поэта распознать его религиозно-философские борения.

Кроме священного имени Тютчева, две сияющие тени были со мной, вели меня своим властительным влиянием: И.Ф. Анненский, В.О. Ключевский. – Вам моя радость, мое поклонение – живые, близ-

кие, любимые – в венцах саронских лилий⁷⁷⁸, – чей серебряный звон
давно пленил, давно зовет меня...

Евгений Архиппов.

Necropolis.
13 мая 1915.

МОЛИТВЫ ВИТЯЗЯ (Опыт религиозного портрета гр. А.К. Толстого)⁷⁷⁹

*Князю
Андрею Владимировичу Звенигородскому*

Вокруг имени Алексея Толстого, поэта-витязя, до сих пор не умолкли ненужные праздные споры. Поэта, поразившего нас ярким многообразием своего дарования, силой и величием поэтическим, все еще стремятся поставить под свое знамя, поэту стараются навязать однообразность той или другой поэтической теории. Но ни гражданственность, ни служение чистой поэзии как особому самостоятельному искусству не исчерпывают всей сущности поэзии А. Толстого. Все чище и непосредственнее звучат у поэта его мелодии небесных сфер. Душа поэта полна мистических настроений, она обращена в сторону вечных вопросов религии.

С двух, собственно, сторон освещается наиболее ярко личность Алексея Толстого. Из всех баллад, былин и песен, художественно выполненных в подлинном древнерусском стиле, выступает неизгладимый образ поэта-витязя. Именно сам Алексей Толстой и есть прекрасный витязь, истый князь-киевлянин с широким древнерусским миро-созерцанием, со строгой приверженностью новгородским и киевским порядкам.

Манера держаться, осанка, жесты, речь, тон ее, выражения – все изобличает в поэте древнего витязя, борца за нравственный строй, за права Истины и Красоты. Толстой сам открывает свое лицо. «Поэт, державший стяг во имя Красоты»⁷⁸⁰ – говорит он о себе. Витязь-стягодержец встает перед нами в тумане далекой музыки баллад и былин. Как киевский витязь-поэт А. Толстой дал нам редкое эстетическое ощущение, дал пережить своеобразный ренессанс, возрождение киевского периода русской культуры, пережить в удивительных, стильных, яркоцветных образах.

Это одна сторона, вернее, приукрашенная оболочка внешняя, скрывающая от нас тайну души поэта.

В тайниках души раскрываются мистические чаяния, религиозные настроения А. Толстого. Они с одной новой, неожиданно-глубокой стороны очерчивают образ Толстого. У него – *своя* углубленная рели-

гиозность, *свои* молитвы, *свое* внутреннее соотношение с небесными сферами, с «Господней благодатью».

По своему поэтическому облику А. Толстой принадлежит к поэтам-приверженцам аполлинического начала поэзии, к поэтам, воспевающим светлые начала, космическое просветленное строительство. Такие, как А. Толстой, далеки от власти хаоса, от власти стихийных сил, восстающих против всего должного. Темные стихийные силы в природе и душе, неукротимые движения сердца, мятежные слепые страсти – все это предмет песнопений другой категории поэтов, во главе которой стоит служитель дионисического, стихийного начала поэзии – Ф. Тютчев.

А. Толстой весь проникнут стремлением слиться с гармонией небесных сфер, быть близким к всегда пребывающему торжеству Господней благодати. Он отошел от земных стихийных страстей, от всего, что нарушает просветленное, тихое устремление к Божеству. Стихийные силы и страсти поэт причисляет к злему началу и противопоставляет их Господней благодати.

Мирозданием раздвинут,
Хаос мстительный не спит:
Искажен и опрокинут,
Божий образ в нем дрожит;
И всегда, обманов полный,
На господню благодать
Мутно плещущие волны
Он старается поднять!⁷⁸¹

Итак, мистическая религия А. Толстого стремится к ясному представлению Светлого Бога, к уловлению тонких, законченных очертаний его лица.

Отношение А. Толстого к природе также проникнуто религиозностью. У него нет тютчевского желания в восторге исступления слиться с природою, раствориться в ней. *Тон благословения* христианского приятия природы слышится в поэзии Толстого.

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!

И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!⁷⁸²

Этот светлый тон благословения говорит нам о душе, отрешившейся от мира волнений, стихий и страстей. Благословение святого Франциска слышится нам в этом мистическом гимне природы, вложенном в уста Иоанна Дамаскина. Это тоже умиротворение, трогательно-духовное прикосновение к природе. Два инока-поэта через грань веков каким-то изумительным образом сочетались с русским молящимся витязем. Инок-поэт (Иоанн Дамаскин), «искатель миров небывалых»⁷⁸³ – это возлюбленный образ Алексея Толстого, Иоанн Дамаскин, при всей разнице эпох, имеет душевную тонкость и чуткость, родственную Франциску Ассизскому. Вслушаемся в гимн солнцу, который пел Франциск от избытка великого святого сердца: он родственник мистическому благословию А. Толстого. Духовно-братское отношение к природе соединяет трех поэтов.

Хвала Тебе, Господь, в Твоих твореньях.
Ты создал брата Солнце, что сверкает
И образ Твой напоминает видом.
Хвала за кроткую сестрицу нашу, воду,
Веселую, прозрачную, как слезы.
Хвала Тебе за то, что брат-огонь
Твоим веленьем освещает ночи,
Такой красивый, яркий и могучий.
Хвала Тебе за землю, нашу мать,
Которая нас на себе покоит,
Заботится о нас, плоды приносит,
И травы разные, и пестрые цветочки.⁷⁸⁴

Что усмотрел А. Толстой в своем молитвенно-братском единении с природой? Он усмотрел, он мистически воспринял единую, одушевляющую, все проникающую силу – Любовь. Гармония небесных сфер,

земная многообразная жизнь, ритм человеческих сердец – все проникнуто, все дышит согласно Единой Любовью. Она в тончайших ароматах цветов, она в дыхании трав луговых, она в молитвенном покое распростертой перед Творцом природы.

И слышу я, как разговор
Везде немолчный раздается,
Как сердце каменное гор
С любовью в темных недрах бьется,
С любовью в тверди голубой
Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой,
Весною свежей и пахучей,
С любовью в листья сок живой
Струей подьмелется певучей.⁷⁸⁵

Вера поэта в это единящее начало так велика, мистическое касание так близко, так ощутимо, так дорого, что ничто не поработает, не закрепляет поэта на земле. Он – в «в поля отошел без возврата»⁷⁸⁶, в поля строгих мистических лилий, к мировому единству, к «центру вечных сил»⁷⁸⁷. Страсти минуют, проходят, не возмущая духовного мира, глубокого сосредоточения на Единой Любви.

Любовное земное чувство – лишь частица всеобъемлющей, вселенской Любви, только ступень, временно задерживающая наше стремление к совершенной Великой Любви.

Само любовное чувство А. Толстого тихо, просветленно, *молитвенно*. В любви А. Толстого больше молитвенности, чем страстного преклонения. Так, как Толстой, молились некогда за своих возлюбленных первые истинные христиане. За каждым нежным любовным обращением чувствуется далекая, но верная убежденность в любви иной, чувствуется устремление через данный возлюбленный образ к «источнику светов» и любви. В тихой любви поэта так и слышится уверение:

...земное минет горе,
Пожди еще – неволя недолга, –
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега!⁷⁸⁸

В любви Толстого слышится убежденная молитва, в любви его «мерцают» мистические лилии и «розы белые»⁷⁸⁹. Душа его, окрыленная любовью к возлюбленной, пребывает все там же, в небесной отчизне, «в стране лучей, незримой нашим взорам»⁷⁹⁰. А. Толстой весь пронизан светом страны лучей, весь просветленный, радостный, молящийся.

А. Толстой – предвестник новых поэтов – нежных служителей Вечной Женственности, предвестник Владимира Соловьева и Александра Блока. Он не ждет стихийного чувства, он дышит очарованием любимого существа, мистическою душевною связью, он живет духовною ласкою, просветляющим влиянием Женственности.

Лишь иногда, очень редко, сильное личное чувство пересиливает, переполняет душу поэта, особенно, когда поэт мыслит о грядущей смертной разлуке.

Он обращается тогда к возлюбленной с молитвенным призывом:

...о друг, лишь только звуки рая,
Как дальний зов, в твою проникнут грудь,
Ты обо мне подумай, умирая,
И хоть на миг блаженство позабудь!

Прощальный взор бросая нашей жизни,
Душою, друг, взглядишь в мои черты,
Чтобы узнать в заоблачной отчизне,
Кого звала, кого любила ты,

Чтобы не мог моей молящей речи
Небесный хор навеки заглушить,
Чтобы тебе, до нашей новой встречи,
В стране лучей и помнить и грустить!⁷⁹¹

Таковы лирические молитвы А. Толстого, молитвы поэта-витазя. Благословение природе, моление возлюбленной, мистически-восторженное устремление к «началу всех миров», к единящей совершенной Любви – вот содержание нежной, как белые розы, лирики Толстого.

Его завет исполнен: он в царстве лучей и небесной гармонии. Он мог бы сказать о себе словами близкой ему по мирозерцанию поэтессы:

Успокоилось сердце мятежное,
Тосковать перестало оно,
В лоно жизни вступая безбрежное,
Где сияньем все вечным полно.

Близко, близко обитель желанная,
Град небесный, чертог неземной!⁷⁹²

1912

НЕВОЛЯ БЕЗВОЛИЯ (ЧЕРТЫ ДУХОВНОГО ОБЛИКА А.Н. АПУХТИНА)⁷⁹³

Как странно, однако, имя А.Н. Апухтина среди русских великих и малых поэтических имен!

С ранних лет поэт стал в определенное, неизменное отношение к природе, людям и Божеству. На этих отношениях сложилась и его душевная жизнь, производящая редкое неповторимое впечатление своим особенным складом. В чем эта особенность?

Поэт так безрадостно смотрит на мир, так мало связан с своей эпохой и общественной жизнью, что кажется: все главные факты, все решающее, важное для него протекало не в этой, а в другой жизни. Где-то за гранью данной жизни поэт высокой волей был отрешен от мира и людей. Но в этот короткий срок, до земной своей жизни, душа поэта не успела или не сумела приобщиться к Божеству. Такой она и явилась в мир. Отрешенная от мира и несвязанная с Божеством, душа поэта как будто предопределена была страдать, обречена была на вечное раздвоение, на вечное срединное колебание между миром вещей и сущностью мира – Богом, между безверием и верой. Какая странная судьба, какое тягостное мученичество жизни! Нет очарования миром, но и нет соединения с божественной силой. В этой роковой средине – вся душевная боль Апухтина, в ней ужас его одиночества. Апухтин – по-настоящему, истинно и роковым образом одинок. Ни мира – ни Бога. – Один. И это одиночество, и эту срединность поэт пронес через всю жизнь, совершив подвиг без цели, принеся жертву без храма, без жертвенника, без божества. От этой роковой срединности и слабость воли, и беспомощность, и несчастье Апухтина. Исповедь свою поэт заключил в два стиха. Вот его слова о себе:

И нет в тебе теплого места для веры,
И нет для безверия силы в тебе.⁷⁹⁴

– *Не атеист и не поклонник Бога, немирской и вместе не «богоискательный» человек.* Отсюда борьба в душе поэта: борьба неизречимого скептицизма с бессильной жаждой возрождения. Оба эти мотива и составляют содержание его поэзии.

Вот какой редкий случай духовного состояния являет собою поэзия Апухтина. В этой драме душевной он и неповторим, и своеобраз-

зен. Двойной гнет несла душа Апухтина; его угнетало и отсутствие веры – несвязанность с Божеством – и отсутствие безверия, – т.е. невозможность остаться в мире без Божества. Под этим двойным гнетом пройти жизнь! – да, это своеобразно и тяжело в своей своеобразности!

Если таков душевный мир поэта, то почему женские души так ценят поэта, так стремятся ему вослед? Разве может он с раздвоенным миром, с тяжелой драмой в душе вести за собой? Сам он не нашел себе ни в мире, ни во вселенной – пристанища. Но он и не ведет за собой, – за ним идут, ему сопутствуют, несчастьем его сочувствуют женские души. И не только сочувствуют, может быть, несчастье свое сливают с несчастьем его. И от слиянности несчастий возникает в душе облегчение – лучший дар поэзии Апухтина.

Апухтин – поэт не гармонии любви, а диссонансов в любви, поэт несчастья любовного. Любовь отражает его общее миропонимание. Отражает на редкость точно и верно. Та же срединность, то же трагическое бессилие. Интимная исповедь этого «мученика любви» заключена им в формулу:

Благословить ее не смею
И не могу ее проклясть...⁷⁹⁵

Это – странная, безрадостная, бескрылая любовь. «Любовь есть веры ключ живой», – говорит Ал. Толстой⁷⁹⁶. Наоборот, – любовь без веры в любовь – и есть странная любовь Апухтина. «Без веры» в любовь стоит он перед любимым существом. Элемент веры как-то странно – тоже роковым образом – отделен у Апухтина от чувства любви. Отсюда диссонансы в любви, безысходность любящего сердца, отсюда мучения, горе любви. Вся любовная лирика Апухтина есть разработка частного мотива Тютчева, мотива «любви без веры».

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я –
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.
И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою –
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.
(Тютчев)⁷⁹⁷

Вот схематический рисунок любовной драмы Апухтина. Только в разлуке крепнет и делается стойким чувство любви поэта. Мотив любви у Апухтина своеобразен, силен и интересен. Сильнейшие мотивы разлуки мы находим в поэзии Пушкина, Огарева и Полонского. Только у этих поэтов вполне передана потрясающая горечь и сила чувства. Апухтин же своеобразен здесь своей поэтической строкой

Я в разлуке люблю горячей.⁷⁹⁸

О мужестве любви говорит эта строка. Разлука возносит и очищает любовь поэта. Здесь речь не о временной краткой разлуке, – о разлуке, быть может, навсегда. В разлуке истинное любовное чувство отрешается от преходящей, меняющейся видимости и возвышается до *любви духа*, до любви глубочайшей, несмотря на видимость, *помимо всякой внешности*. В разлуке любовное чувство достигает таких высот, такой истинности, что, как говорит Фет, «дух (любовью окрыленный) покидает ненужное тело»⁷⁹⁹. Это и есть *любовь помимо формы*, без шаткой поддержки со стороны формы.

В разлуке Апухтин, отрешившись от видимой реальности, творит истинную реальность, истинное вечное духовное богатство из своей несчастной любви. Эта способность созидать реальности в отрешении от преходящей видимости и ставит Апухтина на особое место в любовной лирике. Ему «не жаль» видимости, не жаль безответности в любви, потому что он творец и обладатель высшей неотъемлемой реальности – духовных богатств любви.

Мне не жаль, что тобою я не был любим, –
Я любви не достоин твоей!
Мне не жаль, что теперь я разлукой томим, –
Я в разлуке люблю горячей;

Мне не жаль, что огонь, закипевший в крови,
Мое сердце сжигал и томил, –
Но мне жаль, что когда-то я жил без любви,
Но мне жаль, что я мало любил!⁸⁰⁰

Таково мученичество жизни, мужество и сила любви Апухтина.

ГРААЛЬ ПЕЧАЛИ (Лирика Е.А. Баратынского)

*Благоговейно любимому имени
Иннокентия Феодоровича Анненского*

Грааль скорбей несем по миру мы, –
изгнанники, скитальцы и поэты!

М. Волошин

Твои глаза – святой Грааль,
в себя принявший скорби мира.

*Черубина де Габриак*⁸⁰¹

Из сохранившихся портретов Евгения Абрамовича Баратынского меня останавливал барельефный портрет-медальон; своеобразно-высокий лоб серьезного и редкого мыслителя, навеки опечаленные глаза, подъятые к горнему миру, как древний священный мрамор; только в очерке губ смягчается холод чела и опечаленность глаз, только здесь затаилась способность чувствовать и жить чувством. Взор поэта и «необщее выраженье» всего облика обращают взглянувшего к его собственному внутреннему миру, к проверке мучительных вопросов: о счастье и печали, о содержательности жизни душевной, о любви, о смерти и о бессмертии.

В полном согласии с внешним выражением, – читателя стихов поражают в лирике Баратынского как бы органически вкрапленные черты горечи и муки: травленные печалью строки и благоухающие полынью слова. С первых же страниц его книги начинает казаться, что родину поэта была именно «Звезда Полынь» – так часто и неотступно у Баратынского упоминание о скорби, об унынии, о слепой и холодной тоске, о власти печали, о безнадежности и покое. И невольно приковывает к себе это постоянство в таинстве печали, эта поэтическая литургия разуверения.

В чем же тайна этой печали, откуда внежизненная ее сила и убедительность? Почему жизнь, в конечном счете, все-таки принимается поэтом как таинственное и неизбежное мученичество, как процесс неотвратимо болезненный, «постылый ребус бытия» (*Иннокентий Анненский*)⁸⁰².

Тяжелое и гнетущее потрясение, пережитое поэтом в школе, правда, дорого ему стоившее, не дает ответа на эти вопросы. Равно не объясняет нам его печали подневольное пребывание в Финляндии, тяжести службы и другие земные тяготы. Поэт давно сказал о себе, что тоска сопутствует ему с младенчества, – такова особенность его духовной организации. Его «несхожая» духовная организация, приобщаясь печали, вместила ее в себя как основной мотив, не здесь, а еще за пределами жизни. Еще за пределами душа поэта приняла высокое посвящение; не в этот юдольный мир готовилась она вступить: далеко за кругом земного раскрылась перед ней высшая духовная сфера; в этом смысле началось духовное восхождение, внежизненное отрешение от «всего страстного земного». Как проходила душа этот путь посвящения, до каких степеней поднялась, – до нас не дошло отголоска. Но земные дни поэта и тот облик, в который вместились душа, позволяют угадывать, что какой-то трагический пролог отделил ее восхождение от нисхождения в мир земной. В мир юдольный она снизошла с какой-то внежизненной, затаенно тлеющей обидой.

Какой отпечаток придал этот трагический пролог земной жизни – можно видеть по основным устремлениям и вопросам лирики Баратынского.

I

Никто и ничей,
Утомлен самым призраком жизни,
Я люблюсь на дымы лучей
Там, в моей обманувшей отчизне.
*И. Анненский*⁸⁰³

Основная мучительная мечта Баратынского: счастье. Она непосредственно связана с внежизненным отрешением души поэта, с памятью о небе родном. Настолько велика и памятна связь души с духовным одиночеством, что кажутся насильственно навязанными и земная жизнь, и ощущения земные.

Земным ощущениям насильственно нас
Случайная жизнь покоряет.

Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное,

В желании счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желаньем!

Вотще! Мы надолго отвержены им!
Сияет красою над нами,
На брENNую землю беспечно оно
Торжественный свод опирает.⁸⁰⁴

Открывшиеся перед взором поэта «врата обители духовной»⁸⁰⁵ и воспоминание о начавшемся для него восхождении сделали его в земной жизни «изгнанником и скитальцем». Высшее духовное состояние, пережитое им, постижение «блаженнейшего мира»⁸⁰⁶ сделало его искомомым такого же состояния в условиях земного бытия.

Словом «счастье» теперь именуется многое, не относящееся «к составу истинного счастья»⁸⁰⁷. Так много различных противоречивых желаний и материальных стяжаний было внесено в это понятие, что расширенное в объеме и ставшее неясным по содержанию – оно утратило почти всякое действенное значение. Слово «счастье» превратилось в механическую приставку благожелательного восклицания. И если когда-либо еще не отворачиваются от «пожелания счастья» – так это среди людей примитивных, грубо материализующих счастье. Для остальных слово «счастье» стало пусто, малоупотребительно, «стало непопулярно».

Чтобы хотя немного расслышать мучительный ропот Баратынского о счастье – надо вспомнить, что такое для него «земля», «земное». – На земле он как бы «вдали родного края»⁸⁰⁸, душа его чужда краю земному – «пустыне бытия». Известную строку Баратынского «на изменчивой земле» можно вполне передать «на горестной земле» – раз душа поэта до конца дней питала в себе затаенное страданье, прикрытое холодящим покоем разума. «Земной поселенец»⁸⁰⁹, «чуждый навеситель»⁸¹⁰ земли, он с именем счастья соединил такой высокий подъем сердечной радости, который неслышно, незримо, чрез пламенеющее сердце, вознес бы его к Сердцу Сокровенному, к Пламени Мира. В этом смысле он охраняет огонь своего сердца против «строгой науки» разума. Сердце для него – «путь, истина и жизнь»⁸¹¹; через сердце восходит он к счастью. Без снов сердца, без прозрения сердца он «не узнает свет». Необоримая тоска о счастье у него давнего, внежизненного происхождения:

О счастии с младенчества тоскуя,
все счастьем беден я.

И вот Истина, явившаяся перед поэтом, предлагает отрешить его от тоски сердца:

"Светильник мой укажет путь ко счастью!
Вещала. – Захочу –
И, страстного, отрадному бесстрастью
Тебя я научу.

Я оболую суровым хладом душу,
Но дам душе покой".

Очень значителен ответ поэта. – Путь сердца остается для него мучительным, но все же единственным путем.

«Нет, я не твой! в твоей науке строгой
Я счастья не найду».⁸¹²

И это *мученичество мечты* длится всю жизнь. Мы можем сказать: всю жизнь, исключив моменты кажущегося обретения счастья. Весть о таком обретении слышится в пьесе «Она».

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами – с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.

Как⁸¹³ сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей.

Сквозь земную прелесть и земную любовь поэт уловляет истинные лучи Света Немеркнувшего, становится причастником счастья. Но это – мгновение, а за ним новые мучительные искания. И «сердце темное» чувствует уже отраву бытия и отраву же видит в любви. «Мы пьем в любви отраву сладкую, но все отраву пьем мы в ней»⁸¹⁴. Самый выбор избранницы и глубокую связь свою с ней поэт именует «тихим сном тихого счастья»⁸¹⁵, превратившим его из действующе-

го лица в зрителя. Такое статическое, разъединенное с миром счастье вряд ли заполняло взыскующую душу поэта. Магнитный взгляд, рассеявший тысячелетний холод юдольного мира, породивший сердце с Солнцем Мира, – и этот магнитный взгляд не был долог. – Живейший трепет при имени одном, обожествующее волнение заменяются тихим сном счастья, отдыхом, похожим на счастье; любовь, слепительно сиявшая, становится «бесчарной Цирцеей»⁸¹⁶; и снова просыпается слепая нездешняя тоска, тоска долженствующего счастья:

Все счастьем беден я!⁸¹⁷

Эти слова многозначительны для Баратынского. В них очень близко слышится голос утраченной горней отчизны. В них жалоба к «небу родному»⁸¹⁸. Искание счастья у Баратынского отравляется еще горечью «внежизненной обиды». А эта обида, печаль неотвратимая – свидетельство того, что поэт знал большее, чем полное земное счастье. Счастье является как близкий призрак, моментами сопутствует поэту, но он не знает настоящего «вкуса» в этом счастье, не может им заполнить души своей, у него просто *нет дара сознания такого счастья*. Он сам признает у себя эту особенную слепоту к земному счастью. Счастливым, он счастья не чувствует, «все ропщет, все тоскует», что «счастлив он ошибкой», что счастьем беден он. – Обретенное счастье становится «прозрачным как недуг» (*Иннокентий Анненский*)⁸¹⁹. И все это оттого, что духовный расцвет поэта не совпал с его земной жизнью. В смысле счастья душа его уже совершила некий подвиг до своего земного существования. А на земле осталась тоска припоминания, которая и есть искание счастья.

Милее мука, если в ней
Есть тонкий яд воспоминанья.
(Иннокентий Анненский)⁸²⁰

Главное решающее событие для поэта не в этой жизни; отсюда «безнадежность» как результат исканий.

Желанье счастья в меня вдохнули боги:
Я требовал его от неба и земли
И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешёл до полдороги;

Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливый отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу
И скромно кланяюсь прохожим.⁸²¹

Так в зависимости от особенностей духовных и от решения проблемы счастья внежизненная печаль вызывает к жизни свою безрадостную спутницу – тоску разуверенья и вместе с нею уводит поэта в свой горестный элизиум.

II

На медленном огне горишь ты и сгораешь,
Душа моя!
На медленном огне горишь ты и сгораешь,
Свой стон тая!
*В. Брюсов*⁸²²

Эти прекрасные строки Валерия Брюсова так верно, так слитно подходят к душе Баратынского. И медленный огонь predetermined печали, и затаенность стога, и вся смена мук, испытанная поэтом, – все это внесено в печальные скрижали сердца. В эти скрижали вписаны те горькие вопросы бытия и те «проблемы-отравы»⁸²³, что составили мучительный круг его мысли, сплели ему венок мученический. В ряду таких вопросов вопрос самоопределения, об отношении к вечности, к миру земной радости и земной тоски, о том, что могло бы связать поэта с миром, что могло бы преобразить мир, о смерти и о бессмертии.

В самоопределении поэта вскрывается та особенность, что он явился на земле не в гармоническом соотношении духа и плоти, а в постоянном, почти обостренном их противодействии и борении. Два начала, совмещенные в его существе, не пришли в отношении друг к другу к внутреннему умирению, а продолжают свое довременное, первозданное противоборство. До того чисты и почти не смешаны эти стихии, что поэт в мучительном борении ощущает к Небу и Земле равно приверженность и отвержение. Определяя себя как одно<го> из племени духов, он с ропотом обращается к Вечности, отказывается от Нее, готов произнести проклятия.

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея,
И, едва до облаков
Возлетев, паду, слабея.
Как мне быть? я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

.....

Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных,
Надо мной и подо мной
Беспредельных – скорби тесных!
В тучу кроюсь я, и в ней
Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

Мир я вижу, как во мгле;
Арф небесных отголосок
Слабо слышу... На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!⁸²⁴

Это и есть мучительная исповедь о роковом, заключенном в душе «хаосе полусуществований»⁸²⁵. Это совмещение стихий и влечений, без синтетического их переживания и претворения в себе, сопровождающееся горечью обреченности, совершенно противоположно свободному, жертвенно-радостному дионисическому восклицанию Тютчева: «Всё во мне, и я во всем!»⁸²⁶ – Здесь взаимное проникновение – через стихии мира – души поэта и Вечности. У Фета даже прямое смотрение в Вечность; в современной лирике – встреча и узнавание «образа возлюбленной Вечности»⁸²⁷.

У Баратынского – *двойное отвержение души и временем, и вечностью и равно взаимное отвержение Вечности и времени, создающее*

поэту исключительно тягостное, безысходно-статическое срединное состояние духа.

В таком состоянии духа поэт останавливается временно на сознании своей малости

Как мне быть? я мал и плох.⁸²⁸

Но не то сознание своей малости, которое возрастает и определяется внутренне, превращаясь в особенную самостоятельную величину, в раскрытие величины в самой малости. Таким сознанием проникнута лирическая философия Юргиса Балтрушайтиса, но это не сознание Баратынского, возникающее среди ропота и не покрывающее всей духовной горечи и возмущенности. «Малость» Баратынского возникает не согласованная с общим строем его души и не есть господствующее состояние, на котором он остановился. В его жалости нет умирности и приверженности к верховному началу.

Двоякая отверженность духа определяет и другие вопросы философской печали Баратынского.

Баратынский двойственно смотрит на основу всякой жизни, природной и человеческой. Тот «древний, родимый Хаос», мировое начало, что у Тютчева животворно питает видимую природу и сердце человека и дает прозрения в мир нездешний («Буря на море»⁸²⁹), – у Баратынского имеет то родственно-связующие, положительные признаки, то живые знаки злого начала. «Стихийное смятенье» («Хаос») определяется то как «злобный дух, геенны властелин», что «на творенье ополчил все силы, данные творенью», – то как «отчизна давняя», посылающая видения, дающая дар прозрения, предугадывания явлений мировых (стихотворения «Буря», «Последняя смерть»). – Срединная удаленность от «центра вечных сил»⁸³⁰ и от земных преходящих явлений – питает такое воззрение. Приближающийся к Вечности, он в основе мира узнает свою «отчизну давнюю», низвергнутый к земле, – отголоски этой основы он приписывает «геенны властелину»⁸³¹. По своему воззрению на миродержавные начала Баратынский занимает среднее место между Ф. Тютчевым и гр. А.К. Толстым, определявшим Хаос как мстительное, обманов полное начало, восстающее против «Господней благодати»⁸³².

III

Мне сладко усыпление.

*Е. Баратынский*⁸³³

Мучительной трагедией духа, многократно возрождавшейся и длительной, объясняется выстраданное равнодушие поэта и безбоязненность смерти. Это равнодушие скрывает за собой всю «смену мук»⁸³⁴, и может показаться, что ничтожного мученичества и нет у поэта. Так некоторые и смотрят, забывая *высокий такт поэта* «прикрывать улыбкою холодной»⁸³⁵ огонь сердца, его горестные мечты, тяжесть Вечности и тягость бытия без оправдания. Но равнодушие поэта – это не форма, а внутреннее состояние души, перегоревшей в «смене мук», внутренняя отрешенность, – «равнодушие высокое»⁸³⁶. Кроме главного своего мотива, оно покоится также и на признании бессилия слов к выражению желаний (признание общее у поэта с Тютчевым и Фетом).

Знай, внутренней своей вовеки ты
не передашь земному звуку.⁸³⁷

«Равнодушие высокое», корни которого идут из дожизненного существования, ставит поэта в равно далекие отношения к земным радостям и к тоске земной. – Обращаясь внутрь себя, «чуждый навеситель» земли, он часто не знает своего состояния, не может передать его ни тоскою, ни радостью. Ослабленная связь поэта с земным миром объясняет, почему так убежденно и так настойчиво он готов повторять свое «не знаю». Его «печаль, тоска слепая» – это и есть незнание, невозможность окончательного совмещения себя с одним из борющихся начал, – *мука обреченной срединности*, мука незнания.

Когда взойдет денница золотая,
Горит эфир,
И ото сна встает, благоухая,
Цветущий мир,
И славит всё существованья сладость, -
С душой твоей
Что в пору ту? скажи, живая радость,
Тоска ли в ней?

Когда на дев цветущих и приветных,
 Перед тобой
Мелькающих в одеждах разноцветных,
 Глядишь порой,
Глядишь и пьешь их томных взоров сладость. –
 С душой твоей
Что в пору ту? скажи, живая радость,
 Тоска ли в ней?⁸³⁸

Это равнодушие у Баратынского иногда принимает поэтическую форму удаления от земного мира, усыпления сладостного. Тогда душа поэта, «как лебедь сонный»⁸³⁹ на поверхности вод, колеблется во сне между бездной верхней и бездной нижней. Это усыпление – единое убежище, что врачует душу, и, вместе с тем, одно из тонких по музыкальности настроений Баратынского. Усыпление – это не мертвый, глухой – это скорее звуковой сон, в котором сохраняются отзвуки небес и земли и лишь вступают между собою в гармоническую музыкальную связь. Вместе с тем, это сон ровный, покойный, как белые проходящие облака. И хочется лишь одного: чтоб в звуковом тумане длилась белая вереница облаков, уходящих в Вечность. Тогда бережно и надежно облекает душу безразличие великое, туманное безразличие сна. – Проснется ли душа, унесет ли ее в Вечность, как гряду облаков, – все равно – она видит сон единственный, становится причастной Красоте внемирной. Самое погружение в сон, в «усыпление», сладкое для поэта⁸⁴⁰, – вступление в гряду облаков, на «воздушную дорогу» к «отчизне давней»⁸⁴¹. И кажется близким тогда и «чудный град, слившийся из летучих облаков», и незаходящее Солнце Мира. – Вообще, это не тоскливый сон, не усыпление всего существа, а редкое освобождение страждущего духа, столь ценное для Баратынского, – прозрение грядущего полного освобождения. Только в нем – в усыплении – затихает страдание, а с пробуждением к жизни новая боль все тех же старых ран «обвивается вокруг сердца, как запястье»⁸⁴².

То же «равнодушие высокое» и отречение от Вечности обратило поэта к мгновению, заставило так энергетически оценить мгновенье, так истово-неотделимо слиться с ним: с мгновенной силой, с мгновенным озарением, с мгновеньем полноты.

Мгновенье мне принадлежит,
как я принадлежу мгновенью.⁸⁴³

Только долгое колебание на грани Вечности и временного, только тяжкая неопределимость бытия могли породить эту остроту мгновенья, эту *пронизанность человеческого «я» мгновеньем*. В лирике – это исключительное утверждение человеческой личности. Это – мгновенный союз «я» и «не-я» и его торжество над Вечностью. Это – единственный сильный противовес в мучительной жизни поэта.

VI

Откинув докучную маску,
не чувствуя уз бытия,
в какую волшебную сказку
вольется свободное «я»?

*И. Анненский*⁸⁴⁴

От внежизненной отрешенности к «равнодушию высокому», к внутренней отрешенности – к «усыплению сладкому» и, наконец, к новой отрешенности – к Смерти, – вот наиболее глубокие борозды душевного состояния Баратынского.

Понятно, почему смерть на таком высоком, значительном плане в лирике Баратынского. Для него это берег надежды и берег желания – надежды на снятие отрешенности и желания вернуться в лоно Отца светов, «наследовать несрочную весну»⁸⁴⁵. С переходом в «Закоцитную сторону»⁸⁴⁶ ничего не теряет он, – все приобретает вновь: кончается срок изгнания, наложенного высокой волей, исчезает тягость срединного состояния, прекращается двоякая двусторонняя борьба. Смерть – это тихий ключарь, знающий сроки, открывающий врата в «небесное царство», к «племени духов». Смерть – «всех загадок разрешенье», разрешение всех «проблем-отрав», *отмена жизненного мученичества*.

Смерть дочью тьмы не назову я
И, раболепную мечтой
Гробовый остов ей даруя,
Не ополчу её косой.

О дочь верховного Эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.⁸⁴⁷

В другом стихотворении («Напрасно мы, Дельвиг...») поэт называет смерть «отрадной» и, в противовес ей, говорит о жизни, как о «тягостном болезненном жребии», как о «недуге бытия», как о пути «отверженном». Это стихотворение близко напоминает «Сонет» Иннокентия Анненского⁸⁴⁸, где жизнь – недужное томленье, «мучительный круг», а смерть – только последнее, концы сводящее, звено.

Смерть близка творчеству многих наших поэтов, в особенности великим пантеистам, при жизни победившим смерть: Тютчеву, Фету, Бальмонту («Благовестие»). Изумительное проникновение в смертное состояние и воссоздание его находим у Иннокентия Анненского и Валерия Брюсова. Но никто так близко и так доверчиво не изведаль умиряющего, ласкающего веяния Смерти, никто так отрадно не принял «Сестру могучую», как упоенные отравой бытия души Баратынского и Ф. Сологуба.

Прикасаясь холодной рукой
Осторожно к плечу моему,
Ты стоишь у меня за спиной
И зовешь меня кротко во тьму, –
Прикасаясь к плечу моему
Повелительно-нежной рукой.

Но не смею я встать и сказать,
Что с тобою готов я идти
Безмятежное счастье искать
На последнем, на тайном пути, –
Я хочу за тобою идти,
Но не смею об этом сказать.⁸⁴⁹

И «повелительно-нежный» образ, и «кроткий» зов «искать счастье на последнем, на тайном пути», и бесстрашие поэта, – как все это близко к теме Баратынского. «Зов во тьму» у Ф. Сологуба, воспевшего «Ойле, далекую и прекрасную»⁸⁵⁰, можно понять только в смысле тайны и неизвестности. – И тот и другой поэты далеки от смерти как небытия. Кроме совпадения психологического приведенный отрывок прямо вызывает в уме надпись Баратынского: «В смиренность сердца надо верить и терпеливо ждать Конца»⁸⁵¹. – Такое исключительное отношение к смерти и память о духовной родине, пронесенная через всю жизнь, исключает вопрос о неверии поэта в грядущую жизнь.

К проблеме смерти имеет отношение и описательная пьеса «Последняя смерть», заключающая прозрения в будущие времена земли. Написанная в общей старинной манере поэта, в раме металлических стихов, она напоминает нам по теме «Землю» Валерия Брюсова (сцены из будущих времен). – Та же сила и степень прозрения:

Предо мной тогда
Раскрылись грядущие года;
События вставали, развивались,
Волнуясь подобно облакам,
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам.⁸⁵²

Тот же «разума великолепный пир»⁸⁵³ в жизни последних людей и тот же, в конце пьесы, восход солнца, несущего гибель людям (у Брюсова) и озаряющего «дикую порфиру древних лет», в которую «державная природа облачилась» (у Баратынского)⁸⁵⁴. Обе смерти интересны антитезой смерти и Солнца, разработанной с торжественным глубоким мастерством. Очень гармонирует с эпитетами смерти у Баратынского (Дочь Верховного Эфира; светозарная краса) самый гимн Смерти Ордена Освободителей (у Брюсова).

Смерть, внемли славословью!
Ты – нетленно чиста!
Сожигают любовью
Твои уста.
.....
С лаской строгой и нежной
Наложу поцелуй.
Уязви безнадежно
И уврачуй.⁸⁵⁵

Что же любил, что же особенно ценил на земле Баратынский – этот панегирист смерти, «навеститель чуждый», этот «тоскующий пленный»^{856?}

Больше всего он любил «свое святое ремесло»⁸⁵⁷ и «дикую порфиру державной природы». – В природе Баратынский признает единую одушевляющую силу, всюду разлитую, многообразно существующую. Для него дыхание, жизнь, язык природы существуют на самом деле, а

не есть только общепринятые поэтические прикрасы (стихотворения «Звезда», «Буря»). Особенной любовью он любит море, «обитель влажного бога»⁸⁵⁸, любит его как подлинный мир стихии, не измененный, не обезличенный, не оскверненный людьми. Он любит в море безусловную свободу, полную открытость для небес и отражение стихии запредельной. Он любит в море его неукротимую борьбу за беспредельность, его вечное желание «сделаться воздухом, и высотой, и стежью света, и самим светом»⁸⁵⁹. Тоска призывная уходящих в беспредельность волн более всего роднит его душу с морем. Среди будущей «зимы дряхлеющего мира»⁸⁶⁰ одна стихия морская остается родственницей душе поэта. Именно с морем у Баратынского связаны его поэтические устремления. Поэзия и море – единое чистое и вечно живое, что уцелеет до конца веков.

Поэзия Баратынского отличается особой высотой мыслительной. С лирикой у него соединены все чаяния грядущего мирового совершенства. Великая власть лирики, пройдя через сердца людей, своим мистическим могуществом ритма и призывом к горнему миру должна изменить самый смысл, течение и содержание жизни.

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.⁸⁶¹

Лирика как оправдание мира – вот главная тема его эстетических размышлений. Лирика просветляет душу и мир внешний и дает уверения в бытии высшего духовного мира, к которому мир лирически-просветленный только ступень. Но законы обоих миров однородны («в эфир – эфирная дорога»⁸⁶²), – только светлее и чище в верховном мире, без диссонансов мучительных, звучит святая и вечная музыка сердца.

Эта эстетика и определяет Баратынского как поэта символического. В сфере символизма Баратынский имеет несколько соприкасающихся линий с отдельными поэтами нашей современности, преимущественно же с Валерием Брюсовым. Главные линии соприкосновения

с В. Брюсовым – это самый характер символизма («Я правды красоту даю стихам моим»⁸⁶³); способ и метод символизации (символическое созерцание, раскрытие в явлениях «инобытия»); мучительное раздвоение и преобладающее обращение к разуму. Но поэзия Баратынского, сверх того, еще полна и постоянной тоской по совершенству, по разрешающему единству с миродержавным началом. И нам кажется, что поэт оставил этот мир в момент возможного перелома в творчестве, в тот момент, когда от созерцания и муки раздумья нужно и должно было перейти к *подлинному ведению и религиозному служению*, к примирению с Вечностью. Не хочется думать, что Баратынский оста<но>вил себя в пути восхождения и с таким состоянием духа решил ожидать смерти. Каким-то обещанием переворота звучал его стих: «Я возвращаюсь к вам, домашние иконы!»

В далеком краю, «под Авзонийским небосклоном»⁸⁶⁴, замолк Грааль печали. Смерть пришла к поэту ранней, «несрочной» вестницей, – и остановилось сердце, в котором «тонко пела рана»⁸⁶⁵.

Теперь душа поэта за всех, обольщенных печалью, за всех, измученных недугом бытия, твердит в Чертогах Вечности молитвенный напев:

«Помилуй, Боже, ночные души!»⁸⁶⁶

И светлеет «мрак жизни вседневной»⁸⁶⁷ от имени поэта...

В строгой лирической печали, в мученичестве духа, в огненном мужестве ума очищаются души, светлеют и возрождаются – как в трагическом «чистилище» Еврипида.

1914

Одним из общих свойств лирики Бальмонта является ясно ощущаемая внутренняя освобождающая сила. Поэт возлюбил реальнейшие чистые стихии мира. Он так ярко их чувствует, так беззаветно слит с ними, что душа почти непосредственно соприкасается с природой через душу поэта. При чтении Бальмонта душа освобождается от обыденности, очищается от ненужно мелочной суеты, и от тоскливого «бывания» устремляется к «бытию» истинному, к бытию вечному, к божественному миродержавному началу. Вопросы о Боге, о душе, о бытии, о бессмертии, о совершенной природе человека ставит нам поэзия Бальмонта. Нужной и вечной становятся не житейская сутолока, не тоска обыденных повторений, а радость устремлений к источнику светов.

«Горе имеем сердца!» – вот смысл поэзии.

От нашей индивидуальной ограниченности – через чистые стихии мира к Божеству, к «центру вечных сил»⁸⁶⁹ – вот путь, указуемый Бальмонтом. От этого так часто говорит Бальмонт о стихиях, от этого так ярки его гимны Солнцу и Огню. Философию стихийности раскрывает он в статье «Поэзия стихий».

Люди забыли о Солнце; в мелочной суете, в кропотливой и тягостной жизни они отошли, отвернулись от Солнца; сами уменьшили свою радость бытия, радость стремления к Солнцу. И вот вторая особенность поэзии Бальмонта – призыв к Солнцу, призыв к совершенствованию в *красоте и свете*. Будем светлы и радостны для других, пронесем свет солнечный через жизнь нашу! – «Будем как Солнце!»⁸⁷⁰ «Будем молиться всегда неземному в нашем хотении земном!»⁸⁷¹ Отсюда понятны частые обращения поэта к Солнцу. Он – проповедник Солнца, он пророк жизни солнечной, жизни совершенной. Призыв к Солнцу есть призыв к жизни радостной.

«Сквозь мир случайностей – к живому роднику»⁸⁷² (т. II) – зовет Бальмонт.

Идите в жизнь, мир людям доброй воли,
Идите в жизнь, мир людям воли злой! (т. V)⁸⁷³

Таковы общие свойства поэзии Бальмонта. Но особенно ценны для нас вопросы вечности в лирике Бальмонта – вопросы религиоз-

ные. Религия Бальмонта не есть сразу сложившееся неизменное мировоззрение, это ряд религиозных исканий, *ряд ступеней религиозного сознания* и ступеней неровных: то правильных и повышающихся, то мучительно-запутанных, обрывающихся и снова возносящих. Этот восход религиозного сознания запечатлен поэтом во 2-м сборнике:

Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.⁸⁷⁴

Может быть, под влиянием сильного образа Ивана Карамазова религиозные искания Бальмонта начались с мотива мучительных сомнений, с мотивов богоборческих. Они встречаются уже в 1-м сборнике. Там горькие сетования на Бога, там вопросы скорбного, утомленного искания.

Создал Ты рай – чтоб изгнать нас из рая.

.....

Не искушай нас бесцельным страданьем,
Не утомляй непосильной борьбой!⁸⁷⁵

.....
Зачем ты даровал мне душу неземную
И приковал меня к земле?

.....
Велик ты, Господи, но мир твой неприветен.
Как все великое, он нем,
И тысячи веков напрасен, безответен
Мой скорбный крик: «Зачем? Зачем?»⁸⁷⁶

Но вот религиозное стремление крепнет, вера хочет хоть немного найти опоры в разуме, в знании. Отсюда раздумье перед гранью уходящих ступеней (сб. II).

О, только бы знать, что могу я молиться,
Что можно молиться, кому я молюсь!
О, только бы в мыслях, в желаниях слиться
С тем чистым, к чему я так жадно стремлюсь!⁸⁷⁷

Это раздумье, это противоборство разума и веры длится долго; долго нет подъема по ступеням; противоборство обостряется, достигает тяжелого момента безысходности («Звезда пустыни», сб. III-й).

Мне разум говорит, что нет Тебя,
Но слепо и безумно сердцем верю.⁸⁷⁸

И наоборот, моменты веры затемняются слепотой разума.

Хочется в пропасть взглянуть и упасть,
Хочется Бога проклясть.⁸⁷⁹

Этот тяжкий надлом завершается у Бальмонта молитвой об откровении, молитвой облегчающей.

И слышится поэту обетование:

Я откроюсь тебе в неожиданный час.
Я в тебе, ты во Мне, безраздельно.
Все – в одном. Все глубоко и цельно.⁸⁸⁰

Далее религиозное восхождение идет по верным ступеням. Молитва об откровении сменяется «Молитвой о жертве» (4-й сб.), и на-

чинает светать «Путь правды». Наконец, рационализм преодолевается сверхчувственным познанием: «Пять чувств – дорога лжи». «Нам правда – каждый раз сверхчувственно дана»⁸⁸¹. «Путь правды» не в рационализме. И рационализм может помочь в пути исканий, но свет его недолгий, но свет его неверный. Это – тот неверный свет, которым зажглись духи, отпавшие от Великого Источника. Свет их, разъединенный с Великим Источником, обречен на угасание.

Следующая ступень – это «Молитва вечерняя» (сб. 4-й); она имеет темой веру в бессмертие. Бессмертие личного индивидуального «я» – только в слиянии с Незримым, Неслышимым, только в возвращении к Источнику вечных сил. Настоящее же рождение к истинной религиозной жизни мы видим в стихотворении «Смертью – смерть» (сб. 4-й). Темой служит распадение узости нашего индивидуального «я», приобщение к «божеско-всемирной»⁸⁸² жизни. С этой ступени жизнь безрелигиозная представляется поэту как «сонный мрак пред властью рассвета»⁸⁸³.

Так пройдена значительная часть ступеней. С половины пути нет уже возвращения к «сонному мраку». И если в этой стадии религиозного сознания искать общую философскую формулу для поэтически-религиозных чаяний поэта, – то таковой будет формула идеалистического пантеизма.

Признание всеобщности духовного начала, признание всеобщей одушевляющей силы в природе, восприятие единства мировой жизни характеризуют Бальмонта как великого пантеиста, верного преемника и последователя философского мировоззрения Тютчева. Для Бальмонта нет мертвой или умершей природы. Для него, как и для Алексея Толстого,

жизни каждая струя,
любви покорная закону,
стремится силой бытия
неудержимо к Божью лону.⁸⁸⁴

Редкое по необычайной силе обнаружение идеалистического пантеизма мы имеем в V томе, в стихотворении «Мудрецы говорят». Здесь как истинный пантеист Бальмонт утешает наши души, оторванные от Источника сил:

Не теряйся, душа, если речь рассказать неспособна
то, что, будучи Словом, бежит от несчетности слов⁸⁸⁵.

Не мудрость есть путь к Божеству, а непосредственное открытие души своей перед Богом, отказ от ложного «бытования» во имя истинного «пребывания в Боге», истинного желания Жизни Вечной.

Мудрецы говорят: описать нам Его невозможно,
Трижды темная Тайна, хоть Он – ослепительный Свет.
Лишь скажи утвержденье, – оно уж наверное ложно,
Все реченья о Нем начинаются с возгласа: «Нет».

Нет в Нем скорби, ни жизни, ни смерти, ни снов, ни движенья,
Но, скорбя со скорбящим, с живущим живет Он как брат.
И повсюду, во всем, ты увидишь Его отраженья,
Он в зрачках у тебя, Он твой первый, последний твой взгляд.

Лишь вступи в этот мир, или пенью внимай Океана, –
Ты вздохнешь и поймешь, что беседует Кто-то с тобой,
И закроется в сердце глубокая алая рана,
И утонет душа в Белизне, в глубине голубой.⁸⁸⁶

Приняв пантеистическое мировоззрение Тютчева, Бальмонт одинаково с ним решает проблему смерти. Смерти – нет. Смерть – есть разрыв внешней оболочки нашего индивидуального «я», смерть есть исход из тесной ограниченной сферы личного «я» и возвращение «неудержимое» в Божье лоно, к миродержавному божественному началу. Отношение Бальмонта к смерти важно еще тем, что в нем поэт переступает грани пантеистического мировоззрения. Восходит еще далее, ступенью выше. От призвания родового бессмертия он возвышается до признания бессмертия личного индивидуального «я». Никакое убийство не уничтожает бессмертное «я». Убийство бессмысленно, оно приводит не к уничтожению «я», а только к переменам в мире материальном: одна одежда спадает, божественная сущность остается. Убийство сводится к «игре оружия». Мысли эти находим в переложении Бальмонтом отрывка из «Бхагават-Гиты».

Кто думает, что в мире слитном
есть пропасть Смерти, тот – слепец.
Кто думает, что быть убитым
конец есть жизни, тот – слепец.

Что я, то – я, и измененья
суть только зрелище одежд.⁸⁸⁷

Таким отношением к смерти уже просветляется, оправдывается весь мир. Мир не есть замкнутая ограниченность, – это непрерывный путь к совершенствованию, к достижениям духовным в «Свете Немеркнушем»⁸⁸⁸. Думы и вопросы об оправдании мира мы находим еще в раннем, 4-ом сб. поэта.

Мир должен быть оправдан весь,
Чтобы можно было жить!
Душою там, я сердцем – здесь.
А сердце как смирить?
Я узел должен видеть весь.
Но как распутать нить?⁸⁸⁹

Эти вопросы разрешаются Бальмонтом в согласии с общим его миропониманием в V томе сочинений, в пьесе «Не обвиняй». Мир, каждый момент в жизни оправдывается присутствием в нем Красоты. Красота есть путь к Правде, Красота есть залог лучшей, грядущей, совершенной Жизни; Красота обязывает к совершенному строю души. Причастный к истинной Красоте обязывается тем сам к совершенствованию в делах добра и истины.

В Бальмонте поражает нас многообразие путей и устремлений, по которым поднимается его душа. Мы указали только на один из них. Но душа поэта, дальноркая и быстрокрылая, по многим из них пронеслась, невиданные посетила царства; ветхие, как мир, разглядела храмы; исчезнувшие возродила города. – И дошел отголосок до нас от пробужденной Мексики, от бесконечных сокровищ Египта, от самых дальних, сокрытых и прекрасных островов, – от нежных и чистых колыбелей, что бережно обходит лазурный океан.

Нас никогда не перестанет удивлять соединение в поэте «вселенской звучности», – певучей силы с могуществом культурных течений, которые совместил в себе, заключил в своей душе Бальмонт. Поэт истинный и глубочайший, он кажется нам пытливым духом зеленой звезды, мерцающей пламенем мятежа и обетования.

Нет такого хранилища мысли, преданий и красоты, до глубины которого не достиг бы поэт. Он был на грани самых причудливых и сокровенных переходов мечты и мысли, видел края самых темных, са-

мых влекущих водоемов, прочел неизреченную тайнопись не одного народа, не одной иступленной и лирической души. – В могучем белом крыльении, широты которого не знали старые лебеди наших берегов, поэт возносился к святому Солнцу, к «Синей Возлюбленной Вечности». И это была великая литургия вознесения, подлинный союз «человеческого я» и вселенского Света. Это – Белый Покров над взыскующей, преображенной землею, восходящее облако, «полное огня».

Поэт навеки прав, сказав о себе, как дух Анаксагора:

Я заключил миры в едином взоре.

Я властелин.

.....

Я каждый миг исполнен откровенья,

Всегда пою.⁸⁹⁰

1912

ЛИРИКА ФЕТА КАК РЕЛИГИЯ СЕРДЦА⁸⁹¹

*Восьмому – первому Ольгинского выпуска
1914 года*⁸⁹²

I

Тот вечный мир манил его,
Где вечность заслонила время.

*А. Ж.*⁸⁹³

Мечте молитвенной ни в чем преграды нет!

*К. Б.*⁸⁹⁴

Поэзия Фета – это редчайшая жемчужина в венце русской лирики, это цветок, обаяние которого преображает душу, уводит ее в религиозные, очищающие, глубокие сферы искусства. Фет – это путь к вечности, это погружение в мировые сферы, в вечные стихийные тревоги сердца и души. Фет – это лирическая красота, которую рассказать нельзя, к которой приближаться нельзя с обыденным житейским пониманием. Фет – это красота звуков в аккорде с молитвой страдающего сердца, красота тонких настроений, возведенная на обожествляющую высоту.

Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастьем не будет конца.⁸⁹⁵

В этих словах запечатлена, действительно, захватывающая преображающая высота: сила духа; радость, предела не знающая; счастье, конца не имеющее. Поэт, достигший таких «высот творения», постигает и разрешает в религиозном восторге всю сложность философских вопросов, всю дробность многоликой повседневной жизни. «В этом волнении, в этом сиянии»⁸⁹⁶ поэт провидит абсолютную правду всего существующего. Нам даже трудно поверить в достижение такой духовной высоты. Она кажется нам только сном, разверзающим «небо небес», подьемлющим нас к миродержавному Неподвижному «Солнцу Мира»⁸⁹⁷.

Интересен у Фета прежде всего этот *подъем высокий*, необычайный. Так он сроднился с этим подъемом, так отошел от земной суеты, что голубое небо, лазурное царство стало его царством и сам он в нем – небожителем, «первым жителем рая»⁸⁹⁸. Подъем Фета такого рода, что дает силы превозмочь поэтический восторг, перейти за его грань, к восторгу религиозному. А религиозный восторг питает всю тонкую возвышенную философию Фета.

Для передачи религии и философии Фета странно неподходящими оказываются человеческие слова: «слово немеет»; «людские так грубы слова»⁸⁹⁹. Путь к религии Фета могут указать, скорее – наметить, его «жизни мгновения», его настроения, едва слышные мелодии души, его религиозная музыка сердца.

Только приобщившись к ним: к строю и мелодии души, и, главное, к музыке сердца, – поймешь Фета, его молитвы, его преклонения, весь религиозный фетовский ритуал. Поймешь – через музыку сердца – Само Сердце Мира «в огненных розах». Вот почему поэзия Фета есть магический путь к духовному пробуждению. Сквозь фетовский «сон голубой» – к пробуждению религиозному. Фет и значителен, как путеводная голубая звезда для идущих от сердца к Великому Сердцу, – как провидец и учитель провидения абсолютной правды с «высей творения». Где-то Фет говорит об огне, «сильней и ярче вселенной». Это – огонь сердца, и Фет прямо определяет его как путь к Великому Демиургу:

Нет, ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной⁹⁰⁰.

II

Взойди, дух мой, на горы, где правда живет святая.
Г. С.⁹⁰¹

Серафический огонь сердца дает поэту силы провидеть правду. Собственно, таких поэтов-провидцев два, – есть два старейших тайнодействующих служителя лирической литургии. Это Фет и Тютчев.

Фет и Тютчев – это два истока, два сильнейших родоначальника новой русской поэзии. Фет и Тютчев не могут быть упоминаемы от-

дельно: они составляют единый гармонический космос мировой, вселенской поэзии. Они восполняют друг друга: это соединение силы и нежности. От них идут два течения, зарождаются два вида поэтических дарований: поэты тютчевской силы и поэты фетовской нежности. Тютчев и Фет стоят на грани перехода от лирики как свободного искусства к чистейшим высоким сферам музыки. В глубине мира духовного с одинаковой силой звучат лирический тонкий стих и музыкально-нежный звук. И тот, и другой уводят дальше и достигают глубже, чем грубые «людские слова». «Людские слова» бессильны. *Это бессилие слов к выражению постигаемой правды*, к выражению молитвы и восторга извещали и тот, и другой поэт.

Слово умирает, отпадает, как ненужная форма, на высоте устремления философского и религиозного. Высоты лирические дают так много, что узкое и грубое слово не выдерживает «водомета» мыслей и чувств. Слово не покрывает верно и правдиво даже ничтожного порыва души. Слово – при всей его изощренности – остается до сих пор земными оковами духа, праздной и звенящей цепь, пригибающей открытую духовно парящую мысль.

Вот что значат известные строки поэтов:

Мысль изреченная есть ложь.

Ф. Тютчев.

Людские так грубы слова,

Их даже нашептывать стыдно.

А. Фет.⁹⁰²

Что же привело поэтов к такому выводу? – многообразию и тонкости их душевного опыта, попытки передать эту тонкость и многообразие в слове. Безусловно, прав кн. Звенигородский в своем прекрасном афоризме «Волшебные сны так же трудно передать, как удержать в руке снежную звездочку». А сон – только отпечаток слабый целой сети, целой системы душевных движений.

Так в жизни есть мгновения,

Их трудно передать.⁹⁰³

Но опыты лирической передачи уже начаты. И, несмотря на трудности, великим мастером в передаче несказанных душевных движений, в толковании приоткрывшейся правды является А. Фет.

III

Сердце, могучий, он пел, –
То сердце, что любит безумно!
А. Ф.⁹⁰⁴

В чем же «святая правда» Фета? – Она почти в каждом его стихе. Почти каждый стих его говорит о жизни сердца, о боли сердца, о том лучезарном пути, что, исходя из сердца, уводит нас к Вечности. В этом особенность Фета, в этом венец его вечный. Как Тютчев углубился в Душу Мира, так Фет растворился в мире души. Он знает так много и так стесняет его слово, что на каждом шагу чувствуешь уповающий и вместе досадливый оборот его фразы: «О, если б без слова сказаться душой было можно!»⁹⁰⁵.

Голос души, его тон, колебания, повышения – все улавливает, угадывает Фет своей строгой провидящей душой. «Друг неизменный и нежный»⁹⁰⁶, он знает малейшие уклонения к горю и радости, «язык страстей»⁹⁰⁷ и «волю сердца»⁹⁰⁸, он знает радость страдания и «цветения сердца»⁹⁰⁹, «он знает край, где все, что может сниться, трепещет въявь»⁹¹⁰, он знает «час явлений и чудес»⁹¹¹, «час, когда сбываются несбыточные сны»⁹¹², «и темный бред души и трав неясный запах»⁹¹³.

Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.⁹¹⁴

– И песня, что истерзала сердце, слезы, что возродили каменное сердце – все схвачено, закреплено поэтом. Фет знает и «сиротливое, томительно-сладкое, безумно-счастливое»⁹¹⁵ опьянение горем, упоение горем.

В отношении к сердцу Фет знает несчастье жертвы и несчастье палача. «Некий Рок, к живущим»⁹¹⁶ обращенный, меняет среди сердец участи палача и жертвы. Время проходит, – и участи меняются в обратном неизбежном круге. Как подлинно верно по смыслу сочетание слов: «несчастный палач». Несчастье палача, может быть, и в том, что, поставленный палачом, он несчастен, как «жертва» Высокой Воли и малой человеческой воли. Слияние этих *роковых состояний сердца* и постиг А. Фет.

Долго, долго мне снился тот радостный миг,
Как тебя умолил я, – несчастный палач!⁹¹⁷

Здесь Некий Рок проступает явственно. Была радость торжествующая, склонившая другое сердце. Но под действием «царящего времени» и Рока добровольная жертвенная радость померкла и заменилась несчастьем и горем палача. Один раз совершается несчастье жертвы, дважды творится несчастье палача. Прежний паладин – настоящий палач сердца – несчастен и как «палач», и как «жертва в свою очередь». Он потому и палач, невольный и несчастный, что стал жертвой, что и его сердце истекает жертвенно. Это удвоение несчастья в сердце и угадал Фет.

Вообще несчастье и боль душевную Фет измерил до стихийной конечной глубины, до соприкосновения боли с радостью иной, более высокой, чем прежняя утраченная радость, – до соприкосновения горя с тем, к чему *горе – только путь*. Для Фета боль не бичующий «титан глухой», которому божество вверило ход мирового представления, а обновляющий и очищающий путь к непреходящим радостям, к творчеству радостному.

Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.⁹¹⁸

Скорбь души не есть уныние бессмысленное, конечное, – а только темное звено единого восхождения, только путь к звену светлому. И по тому, и по другому неудержимо поднимается душа. Оттого так больно устранять, вырывать душевные раны. И они – путь, и они – звено к Свету Немеркнушему.

Но больно,
Что жребии жизни святым побуждениям враждебны;
В груди человека до них бы добраться довольно...
Нет! вырвать и бросить; те язвы, быть может, целебны, –
Но больно.⁹¹⁹

IV

«О, сердце, полное тревоги!»

*Ф. Тютчев*⁹²⁰

«О, Солнце Мира!»

*А. Фет*⁹²¹

Целое учение сердца, науку сердца, целую религию сердца можно усмотреть в лирике Фета. Обширные отделы II-го тома так и озаглавлены: «Сердце». По ним гадают и мучится сердце. В них кодекс целительный для каждого сердца. И верно Фет остановился на сердце. О, как верно! В нем все главные нити завязаны, все корни вечных вопросов питаются, сплетаются вместе. Нить вьется и развивается: от любви к утверждению любви, к желанию бессмертия, к вере в воскресение, – к смыслу и началу бессмертия, – к Божеству Верховному, то есть опять тот же путь: от сердца к Сердцу Мира, к Сердцу Сокровенному, «в сиянье Правды Вечной»⁹²².

Фет знает и лелеет жизнь сердца, прозревая в нем корни религиозные. Даже простые движения сердца – как верны, как видны ему насквозь! Тоска и взыскания сердца, горение сердца в пламени чистом («Сердце вновь горит». Пушкин⁹²³), боль от пламени и боль от угасания, упорные надежды, самообманы сердца, разуверения горькие! И как отраднo вслушаться в фетовский кодекс сердца! Облегчение, разделение муки сердечной – вот что дает Фет, сердцеводитель верный, целитель незаменимый, мудрый сердцем великим.

Религия сердца – лучшее сокровище лирики Фета.

И в большую усталую грудь

Веет влагой ночной.⁹²⁴

Это душа, исцеленная песнью Фета, погружается в «голубой сон»⁹²⁵, в область вечных вопросов, идущих от сердца в «Вечность Синюю». И как любит Фет эту «Вечность Синюю», как метко угадал путь к ней! – Мир истончился, громоздкий и тяжкий мир просветлел в «голубом сне» под взглядом вечности:

И так прозрачна огней бесконечность,

И так доступна вся бездна эфира,

Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, Солнце Мира!⁹²⁶

Великий дар и великое право «прямого смотрения в вечность» получил Фет – этот пророк сердца, этот учитель сердца верный! И путь его верен. К Солнцу Мира в «сне голубом» – вот путь, указуемый Фетом.

И ничего больше не надо. Говорить не надо. Сердце учит молча, оно молча влияет и создает миры радости, «молча твердит»⁹²⁷ свои молитвы, свои заклинания. «Не словами учит оно», а любовью и радостью. Учение сердца – учение радости, учение высокое и ответственное. Оно сжигает сердце на молчаливом огне, оно предполагает затраты сердца для других, жертву сердечную, ран<ы> венчающую венцом серебряным. Учение сердца дает венец мудрости:

Коль хочешь в Вечность Синюю, как иней серебрись!
(К. Б.)⁹²⁸

V

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет вятен отовсюду.
А. Ф.⁹²⁹

Под взглядом вечности и вся природа у Фета наполняется особенным смыслом, дышит согласным дыханием с великим Солнцем Мира.

Если бы можно было запечатлеть красками поэтические настроения Фета, то голубой цвет был бы доминирующим, преобладающим цветом. Голубое северное небо, глубина уводящая, голубые северные цветы: незабудки, колокольчики, васильки сияющие – вот радости Фета в природе; обаяние их чистоты, их свежести, их литургии тайной покоряет душу. Не южное, назойливо-блещущее, темно-голубое небо любит Фет, а именно северную, далекую небесную глубину, открывающую взорам преддверие вечности. В северном небе, в глубине его чистой – просветы вечности открывает душа. Эти просветы уводят, обещают, зовут зовом Вечности, а южное небо, раскрытое и ровное, довлеет самому себе.

Вся поэзия Фета есть познание Бога в природе, в цветах полевых, в ароматах тончайших. Фет своей лирикой дает нам редкую возможность переноситься в природный храм, дышать и молиться в нем, быть участниками тайнодействия природы, литургии цветов, религии поля благоуханной. В этом голубом храме взор поэта чаще всего с особенным любованием останавливается на девственной, скрытно-страдающей березе, с ее тонкими развевающимися ветвями, и на цветах, недолгих гостях севера, трогательных своей недолговечностью и потому особенно дорогих сердцу. – Эта девичья грусть берез и молитвенная радость цветов у Фета очень близко напоминает живописное изображение их у М.В. Нестерова⁹³⁰, редкого знатока русской страдающей и молящейся природы.

И в природе Фет усмотрел не разрозненность, «не слепок», а служение строгое, соотношение религиозное души природы и Сердца Мира.

Любовная лирика Фета, гармонически созвучная с мировой душой, есть редкое *сокровище чистоты и совершенства*. Сам поэт «любил любовь и женскую нежность с такой силой, что в его поэзии слова смешиваются с поцелуями, и все его творчество озарено чисто-женственным изяществом, полным ласки, намеков и недомолвок»⁹³¹. Вот пример его песни:

От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
Третья с нами – лазурная ночь.

Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать и хранить;
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть.

И безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видит только, что вечно и чисто,
Что навеяно ею самой.

В этой вечности и чистоте – вся душа Фета, как его сила, «его признак и венец». Принципы вечности и чистоты, высокой духовной просветленности и верного прозрения «Правды Вечной» сочетаются в творчестве Фета с строгим служением Вечной Женственности.

«Есть улыбки: они еще не возникли, но вы их уже видите, вот-вот сейчас они блеснут. Но нет, они исчезли, не возникнув, – и все же вы могли их почувствовать»⁹³². – Такая исцеляющая, лазурная улыбка, полная неземной благодати, мерцает и светится в лирике Фета. Она дает исцеление сердцу и, погружая в «сон голубой», к вечности устремляет душу.

1912

НИКТО И НИЧЕЙ

Надежде Сергеевне Архиповой

Роса и та для них недуг.

Жребий, о сердце, твой поднят.

*И. А.*⁹³³

В проспекте одной из выходящих историй литератур И.Ф. Анненский оказался причисленным ко «второму поколению символистов»⁹³⁴. – А между тем поэт издал свои «Тихие песни»⁹³⁵ в год появления «Весов», когда символическое течение только открывало свой путь, приступая к его обоснованию.

Тот довод, что Инн. Анненский печатал свои произведения в «Перевале» и «Аполлоне», младших органах символизма, – значения не имеет, так как первая книга лирики уже издана.

Такое незнание и замалчивание имени Инн. Анненского, вероятно, будут длиться еще долго. Имя поэта еще охраняет богиня Апата, заменяя образ поэта образом его брата, публициста, искажая имя, оставляя в нем правильной только одну букву, превращая поэта в «Ивана Анненского».⁹³⁶

Как можно было счесть Инн. Анненского за начинающего поэта, когда вся школа символистов моложе его по внутреннему опыту и культуре ума, богатейшей и неисчерпаемой. Быть может, только один В.И. Иванов приближается к исключительной высоте, достигнутой Инн. Анненским.

Замалчивание Инн. Анненского до года его кончины объясняется и неожиданным его появлением во всеоружии античных знаний и лирической силы – и его как бы потаенным подземным ростом. – Казалось невозможным, немислимым появление такого свидетеля символических исканий, такого архагета⁹³⁷ без царства, такого «учителя поэзии для поэтов» без школы. А между тем, среди вождей, предпринявших поход против Трои – против русской реалистической литературы и тенденциозной критики, – это был прекрасный Иолай, настоящий наш Протезилай, ставший великим и славным после кончины⁹³⁸.

Я отнюдь не хочу сетовать на малую известность Иннокентия Федоровича как лирика. «Недаром он так ревниво таил свой пламень»⁹³⁹. Книги его никогда не распространятся. Никогда он не станет любим-

цем толпы, как не стал им суровый и великий Тютчев. Инн. Анненский не станет желанным для многих и вследствие сложных и необыкновенных богатств своих стихотворений, и вследствие того особенного озарения, которое превращает поэта в далекую, – «среди алых и синих планет»⁹⁴⁰ – страдающую черную звезду. – Таковую, при всей ее «славе звездной»⁹⁴¹ – не скоро встретят, а найдя, не будут иметь силы и зоркости, чтобы понять и приветить. Путь к Инн. Анненскому всегда будет вести или через жизнь «прозрачную, как недуг»⁹⁴², или через иную жизнь, давно отошедшую, – через античность и истоки символизма западного.

И не звезда это – Инн. Анненский – скорее – «солнце, которому больно!»⁹⁴³ Поэт зовет властительно и умудренно, поэт погружает душу «в обаяние святое», – но какая это болезненная, томительная тень! Какое отсутствие жизни и какой неисповедимый свет! Без преград буйствующей жизни (– она далеко; чрез времена и расстояния она неслышно отошла –) льется один свет. Так радуется и так мучителен! – Сияющая тень становится черной звездой, солнцем больным и далеким.

«Солнце, которому больно!
Что за нелепая ложь!
Где ты на небе найдёшь
Солнце, которому больно?» –
«Солнце, смеяться довольно!
Если во мне ты поёшь,
Разве ж поешь ты безбольно?
Разве же боль эта – ложь?»

(Ф. С.)

Болью поет солнце в лирике Инн. Анненского. В солнечном блеске, в единственные мгновения жизни, в тихих песнях «бледнолицего ангела ночи»⁹⁴⁴ – все томится, все ропщет полоненный поэт: «И тебе не грустно, и тебе не больно?»⁹⁴⁵ – А боль его в том, что он – Никто и Ничей.

Утомлен самым призраком жизни
я люблюсь на дымы лучей
Там, в моей обманувшей отчизне.⁹⁴⁶

(И. А.)

Бескрылый дух, землю полоненный,
себя забывший и забытый Бог.

(В. С.)⁹⁴⁷

Не только этой болью, льющей свет, но и психологической сложностью, отбором слов, по-новому озаряющих словесные сочетания, – необычайны стихотворения Инн. Анненского. Но это сложность – не эклектика-мудреца, многие системы умеющего отразить в своих стихах, обширные знания умеющего облечь многообразными ритмами. Это сложность единого отрешенного «безлюбого» к земному сердца, восходящего по звеньям страдания и обреченности, становящегося каменным (– «я думал, что сердце из камня»), обугленным, но оживающим вновь, лелеющим в себе «атомы второго бытия». И во всех «сменах мук» поэт не оставляет земли и дорожит своей «безлюбовью», зная, что это залог, обетование в его обманувшей (до бытия земного) отчизне.

Многое скрыл от нас Иннокентий Федорович, не дал литературно прорасти драгоценным «атомам второго бытия».

Часто он замыкал свои уста, оставаясь перед людьми только «утомленным призраком жизни». Шире всего он раскрыл страницы своей «испеленной» исповеди в лирической трагедии «Фамира-кифарэд». По ней ближе всего можно подойти к «ширококрылой» душе Иннокентия Федоровича, увидеть, как поет и молится его великая древне-трагическая душа.

Необыкновенен и глубок самый отбор его слов и речений, производимый поэтом в его стихотворениях. – Это новый принц Цинтии на своем корабле из слоновой кости, ищущий среди слов те, которые входят на его душу.

И в далеком плавании – из античной страны слышны возгласы принца, производящего свой особенный отбор слов, пригодных для лирического служения.

«Прогнать глаголы движения!»

И душевные силы нашего поэта не выражаются ни одним из грубых слов движения.

«Высадите конкретных – в моей душе нет ничего конкретного. Даже утренняя звезда или утренний ветерок нисколько не подходят на нее».

Что же конкретного в этой черной звезде, в этом «солнце, которому больно!»

И длится дальше отбор. Уходят с корабля абстрактные, которых принц-поэт предоставляет ученым. «С переливчатым и нежным шумом» свержаются в море прилагательные, блестящие, как драгоценности необыкновенной красоты и звучности. – И вот остались у поэта

«будничные» слова, страшные, надломленные, странно-звучащие. Их полюбил наш поэт, и так, как любит «мать и лишь больных детей». А среди них, в конце отбора (уже расходясь с Лербергом), возвеличил поэт лишь одно «невозможно».

Если слово за словом, что цвет,
Упадает, белея тревожно,
Не печальных меж павшими нет,
Но люблю я одно – *невозможно*.

II

И восковой в гробу забудется рука.

*И. А.*⁹⁴⁸

Метод боли как мировосприятия поставил поэта в особенное, безбоязненное, я бы сказал интимное отношение к смерти. Поэт зорко, прозревающее-пристально вглядывался в состояние смертное, невиданно понял все признаки, намеки и черты неожиданной и «несрочной» вестницы. Говоря о смерти при жизни, самые жуткие и самые верные он брал слова, чтобы сказать о ее присутствии, о ее приближении. Меня всегда удивлял такой близкий подход к ней: слишком велика была внутренняя практика перехода за предел, чтобы при жизни так выполнить «образ смертный».

И вот теперь, вглядываясь в траурные «Трилистники», оставленные поэтом, я вижу всю борьбу, всю смертную тяжбу с Неумолимой Дамой.

«Левкоем и фенолом равнодушно дышащая Дама»⁹⁴⁹ – это внешний образ смерти. В интимно-реальнейших описаниях ее непостижимо соединены ощущения неразгаданности и ужаса перед совершившимся, ужаса таяния видимого, привычного земного образа. Он – тот же, родной и привычный – и в то же время – не тот, холоднотуждый и таинственный. К нему – еще больший прилив уважения, но в то же время и прилив нежелания, отстранения и ужаса.

Лишь Ужас в белых зеркалах
Здесь молит и поет,
И с поясным поклоном Страх
Нам свечи раздает.⁹⁵⁰

Все написанное поэтом о смерти теперь четко распадается на две категории: на впечатления, окружающие смерть, – на все то, что около смерти («что мучит и ужасает»), и на то, что прорезывается сквозь смерть. Было бы ошибкой допустить, что во всех танатических⁹⁵¹ описаниях умирает и разрушается весь состав человеческого «я», истинное «я» человека. Поэт превратился бы в узкого имитатора смерти, в специального танатиста. В «Трилистниках» есть обе стороны: 1) Есть полное воссоздание видимой смерти в том подлинно-киническом [значении], есть раскрытие того, что хотелось бы не видеть и что ужасно раскрыть. Даже есть полное намерение, – в лирике, – предать поруганию земное «я», – тому же поруганию, что предается видимый образ, становясь из близкого угнетающе-чужим. Разлука с видимым образом несомненно кончается облегчением, радостью освобождения от ужасного лика, от «прямого и немного гостя»⁹⁵². 2) Но есть другая сторона в лирике «Трилистников». – Сквозь душливый дым, застилающий лик и «космы хризантем»⁹⁵³, пробиваются думы о смерти как переходе, о том, что обещает смерть, – «о стихии чуждой, запредельной». И в бесстрашном подходе к смерти более всего интересна попытка «хоть каплю зачерпнуть стихии чуждой, запредельной»⁹⁵⁴. Это – стремление через смертное состояние воспроизвести мир несмертный, мир вечный. И много усилий положено, чтобы разгадать весь интимный мистический ритуал смерти. Уклон душевный в этом внимании проступил очень ясно. От жизни – к смерти. Но только ли к смерти? – К расположению и торжеству *божественного «я»*, к «Слиянию лучезарному» (И. А.)⁹⁵⁵

Какие эпитеты лирика Инн. Анненского дает жизни? – Болезненная, мучительная, мучительный недуг; и если не недуг, то «Тень недуга», вечно настороженно стоящая у двери; в лучшие мгновения – это «синий плен» «раскованной мечты», докучный мучительный танец мечты и изнеможения, «синий плен», в котором вянут туберозы, бьется и умирает воля⁹⁵⁶.

И в зависимости от восприятия жизни, восприятия, где проводящим методом является боль и только боль, – смерть приобрела у поэта исключительное, суровое – аналитическое внимание и все признаки грядущей отрады. Инн. Анненский давно подошел к тем, кто благословил смерть: к Евгению Баратынскому, к Федору Сологубу, к Валерию Брюсову, к Бальмонту («Благовестие»). Но благословив, они победили смерть при жизни, они знают, что смерти как конца, как небытия – нет. Оттого так нежны они с нею: о прикосновениях ее говорят, как о касании «повелительно-нежной» руки, обещающем «счастье

на последнем, на тайном пути» (Ф. Сологуб)⁹⁵⁷; они называют ее отрад-ной, светозарной (Баратынский)⁹⁵⁸, нетленно-чистой (Брюсов)⁹⁵⁹. К ней нет боязни и отвращения; она – только перерыв в празднике зренья.

Что – я, то – я, и измененья
Суть только зрелища одежд.
Я прерываю праздник зренья,
Привет мой сну сомкнутых вежд.

(К. Б.)⁹⁶⁰

Но мучительная трагедия Инн. Анненского именно в том, что эта вестница застала его в смертельном раздумье, а не в преодолении смерти, – в затянувшейся, мучительной борьбе за «лучезарное Слиянье», а не в победном торжестве. – Поэт колебался, переходя от чаадаевского определения смерти (как «того момента посреди всего продолжения человека, когда человек перестает понимать себя в теле»⁹⁶¹) к определению своему, данному в мучительные минуты (смерть – «одуряющая ночь»).

И уйти бы одуренным,
В одуряющую ночь!
Только б тот, над головой,
Темно-алый, чуть живой,
Подождал пока над ложем
Быть таким со мною схожим...⁹⁶²

И смерть победила поэта в великодушии. – (Он знает теперь, что она кратка, великодушна и временна!). – Как мужественному и дерзновенному противнику, она дала ему свой дар эвтаназии, дар благооб-разной смерти, быстрого безболезненного разлучения «я» земного от «я» божественного.

III

Там бесконечность – только миг,
дробимый молнией мученья.

*Ник. Т-о.*⁹⁶³

Самое особенное, самое ценное в Инн. Анненском – это метод миро-восприятия и мироощущения. Не сквозь слезы – что слезы! – (сле-

зы – это даже благодатное мировосприятие) – сквозь боль воспринимается мир. И особенность Инн. Анненского в том, что только сквозь боль. Боль для него – это единственный путь от мира к сердцу. Боль для него – «путь и жизнь»⁹⁶⁴, а в отношении к миру земному, юдольному, – и истина. – Всякое явление (светозарное и темное), соприкасаясь с сердцем (как воспринимающим и познавательным органом), – несет при самом моменте соприкосновения (сразу, сейчас же) ту или иную боль. При светозарных образах – это вечная боль от невозможности слияния; при темных – обычная неизбываемая боль огорчения от темноты, от переоценки себя чужою темнотой. Только боль меняется в степени и в том преображении, что от боли начинается в сердце. Разница в том: от чего больно, как больно и в какие достижения преобразится боль.

Подвиг жизни и лирики Иннокентия Федоровича в том, что всю боль, идущую от мира, он силою великого творческого преобразования вознес в Мир Красоты и тем укрепил путь к Непреходящему Совершенству. –

Но только *мука в красоту*
Непостижимо *воплотилась*.

(А. А.)⁹⁶⁵

Это и есть сочетание великой себастиановской муки и серафической красоты. – Стрелы устремлены к Себастиану, «враги кругом с веселым смехом смотрят на смены мук»⁹⁶⁶, стрелы пронизывают Его сердце, – а взор, восприяв мучение мира, отражает для Неба и людей свет красоты серафической.

Особенность Иннокентия Федоровича еще и в том, что он преобразил в красоту не один какой-либо тяжкий драматический акт своей жизни, он преобразает *боль повседневную*, боль от многого, от всего – боль, идущую неудержимою тучею стрел через всю жизнь, боль – в немоте и молчании – от характеров, лиц и личин, от направлений умов, от жестов, от речи, от слова людского. – Но эта боль производящая, причиняющая. Само творчество – один из процессов, порожденных болью.

Самые творческие достижения (произведения Иннокентия Федоровича) – это такие тонкие (зябкие, как цветы), бьющиеся порождения Цветения и Боли, что ищут укрепиться и разветвиться в нашей личной душевной боли. – От этого стихотворения Инн. Анненского будет *ис-*

тинно поняты не одинаково мыслящими, не людьми одного эстетического строя, и не сочувствующими, а *соболезнующими с ним в единой равнозначительной боли* (как метод пути и жизни). И непонимание от людей (именно в этом соболеющем смысле) несло ему новую боль и отторженность его творениям. – Эта – другая боль, – не производящая, а угашающая, – проводила все глубже, все острее меч мира через сердце поэта.

Серафический огонь сердца и великая себастиановская сила преображения – вот два венца на челе Иннокентия Федоровича.

Мученичество боли послал ему мир, но – в болении миром – красоту восхождения в совершенства он вернул оставленному миру.

1915

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

А.Н. МАЙКОВ
(8 МАРТА 1897 г. – 1907 г. 8 МАРТА)⁹⁶⁷

Его фантазия превращает все, к чему ни прикасается, в мрамор и высекает из него дивные изваяния.

*Мережковский*⁹⁶⁸

8 марта 1897 г. умер Аполлон Николаевич Майков. Наследство, оставленное им русской поэтической литературе, столь велико и значительно, что, конечно, не в этой беглой памятке исчислять и комментировать его. Моя задача – почтить поэта цельного, самобытного, в своих произведениях явившего законченный круг идей и образов. Моя задача – еще раз вспомнить тот путь, то направление, в котором слышалась его песня, спокойная, с гармоническим ритмом, с ровным, кристаллически чистым оттенком. Вспоминать родных поэтов, в частности, А.Н. Майкова, следует и теперь, хотя бы имена их и плоские разборы были включены в гимназические учебники. От последних не светлеет ни один лик поэта и божественная речь заволакивается скукою классных пересказов и шаблонных комментариев.

Конечно, у многих это напоминание об ушедшем от нас поэте вызовет тупую усмешку недоумения. «Чего это ради “в такое время” он вспомнил о Майкове? Вот скука-то!» И такой вопрос промелькнет не только в голове отрекшихся от «юности и красоты» «обывателей», но и в умах молодежи, всюду ищущей гражданских мотивов, пусть даже шаблонных, часто бездарных, лишь бы гражданственных. В этом можно видеть и симптом возраста, не развившего в меру всепонимающего умственного взора, и, конечно, симптом переживаемого времени. Я говорю это не в укор и даже не с сожалением, потому что юность все равно разовьется, все захватит далеким кругозором, на все откликнется, а говорю об этом отделении чистого родника поэзии как о явлении временном и только сетую, что во время школьной жизни не с кем даже

поделиться, побеседовать искренно на темы чистой поэзии, не служебной и не прикладной. Поэтому и естественно, что Майков – классик чистого искусства, беспримесной, не служебной поэзии и остается вне ведения молодых умов. Его охотно дают в награду, приносят домой, показывают всем, иногда перелистывают его четыре тома, но читают редко и всегда не полностью. Так, недочитанный в течение жизни, он служит памятью успехов и украшением полок.

В чем же значение Майкова? Что говорит нам его поэзия, чему учит?

Майков, прежде всего, поэт античности, античных настроений; он полнее и ярче других (Батюшков, Щербина) познал древний мир, гармонию его чувствований, гармонию его переживаний. И не только внешние блестящие места посвящены древнеэллинскому и римскому миру, Майковым передан, перенесен на русскую почву самый дух, сама сущность древнего мирозерцания, свидетельство тому: «Три смерти» и «Два мира»⁹⁶⁹. Что из того, что идеалы Майкова находятся позади, как любят говорить близорукие критики? Но каковы эти идеалы? Ведь это величайшие и могущественные двигатели всего человечества, вдохновители поэтов и художников всех стран, это идеалы, которые вечно будут впереди:

О царство вечной юности
и вечной красоты!
В твореньях светлых гениев
нам чувствуешься ты!

Идеал вечной красоты, вечно прекрасного – это и есть тот стяг, под сенью которого проходил свой жизненный путь А.Н. Майков. Первой поборницей за этот идеал, его родиной была Эллада, а первой поэтической посредницей между миром древних и русской поэтической литературой была и есть поэзия Майкова в смысле полноты передачи и полноты самого мировоззрения.

В области конструкции стиха и композиции своих образов Майков был истинным и достойным пушкинианцем. Аналогичен и самый завет Пушкина: «Лишь юности и красоты поклонником должен быть гений»⁹⁷⁰.

Но Майков не только пророк великой античности, Майков значителен и как поэт, заинтересовавшийся проблемой славянского возрождения античности, как поэт, пытавшийся разрешить эту проблематику в своей поэтической деятельности⁹⁷¹.

Пусть эта задача не доведена до конца, но важно то, что при чтении Майкова начинаешь верить в возможность осуществления на славянской почве великих и светлых идеалов античности, вечно живущей, вечно питающей всю мировую литературу, философскую мысль и учреждения человечества.

При чтении Майкова рождается ожидание грядущего, полного и глубокого возрождения античности, полного и глубокого воплощения эллинской идеи Красоты и римской идеи Разума. Как, в каком сочетании отольются эти идеи в соприкосновении с славянским миром? Кто будет выразителем этого возрождения, его певцом? И что он даст, что может дать миру такой поэт, в сравнении с тем, чем обогатили мир великие поэты первых возрождений античности: романского – Шекспир и германского – Гете?

Вот думы, рождающиеся из произведений Майкова. Кого занимают судьбы русской литературы и кто знает современное ее состояние, того привлекут и мысли А.Н. Майкова, может быть, и не всегда ясные, но настоятельно подтверждающие, но говорящие о возможности поэтической миссии Майкова как предтечи славянского возрождения идеалов античности.

Часто среди людей, не просветленных поэтической восприимчивостью и не знающих, что им потребовать от поэта, раздаются возгласы, что Майков скучноват, что Майков слишком холоден. Первое замечание по своей некультурности должно, очевидно, принадлежать любителям послеобеденных, пошло увеселяющих юмористических сборников стихов, так как только такая литература придется им по вкусу. Замечание второе может быть отчасти правильным, если только не бросать его как упрек, совершенно не стараясь уяснить себе причины этой холодности. Холодность произведений Майкова, т.е. отсутствие ярких чувств, есть тоже своего рода условие античного ваяния стиха; это медленное постепенное оттачивание форм из глыбы мрамора, форм тоже холодных, но живущих и навсегда прекрасных. Холодность Майкова – это холодность прекрасных отточенных ступеней Парфенона, ведущих в великий эллинский храм Мудрости и Красоты. Пройдя эту долгую, медлительную холодность ступеней, читатель Майкова проникнется горним и чистым настроением античности, станет участником культа Красоты.

Но у Майкова, как у истого славянина, иногда звучат мотивы и несколько противоположные общему тону, совсем не заставляющие упрекать в холодности. Они слышатся и в его любовной лирике:

Ах, люби меня без размышлений,
Без тоски, без думы роковой...⁹⁷²

Точно таким же отступлением является и его «Импровизация», где поэт оставляет свое античное спокойствие, свое холодное медлительное ваяние и переходит к современной нервности. Здесь сюжет тонко разработан в стиле истинно художественного символизма.

Итак, самое большое значение Майкова следует видеть в передаче античных настроений, в поэтическом проповедничестве идеи и идеалов античности, а затем уже в его характерных особенностях творчества: в «спокойной живописности», в пронизательной, воссоздающей созерцательности и в стойкой приверженности к формам, запечатлешшим в себе идею Вечной Красоты.

По своей талантливости и оригинальной яркости поэтических замыслов А.Н. Майков может быть смело причислен к тем поэтам, о которых сказано у Фета:

Сердце трепещет отрадно и больно.
Подняты очи и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова неволью,
Как и бывало, пред вами, поэты!..

Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами!..⁹⁷³

Два образа встают в моей памяти при мысли о смерти, о молодых нераскрывшихся жизнях, заглушенных смертью. Один – общий образ, другой – иллюстрация частного случая. В обоих смерть, коснувшаяся молодой жизни, затмившая собой молодость и любовь, – создает впечатление жестокой страшной грани.

Есть возраст, когда человек подходит к этой преображенной грани – последовательно, неудержимо и тихо. Так день склоняется к вечеру. Так мысль о смерти сплетается со старостью⁹⁷⁵. Тогда смерть не создает в душе близких такой режущей, такой досадной раны. Я не говорю, что смерть тогда нужна. Конечно, каждый в старости решит вопрос по-своему: одни перейдут грань, мужественно держась своего отрицания, другие покинут мир в круговороте мыслей, в неукротимой борьбе веры и сомнения, и эту борьбу, пререкаясь с собою, доведут они до момента исхода; для третьих – смерти нет, переступать им нечего: при жизни попорана смерть, при жизни разрешен для них вопрос. Для них – еще в земном существовании побеждена смерть, – эта формальная, кажущаяся грань, «черта мысленная».

Но даже и тогда, когда на склоне лет любимый человек переступает грань – как больно от его лица, от выражения глаз! Вглядитесь в них, в глаза умирающего. Быть может, смерть необходима, но глаза опровергают смерть, стихия жизни бьет в них неудержимо. Тело, видимая оболочка, исчезает, рушится – но глаза живут страшной жизнью в этот момент. В них, как в пороге телесности, в обнаружении ясном, трепещет уходящая душа. И жутко от трепета этого. Поклонитесь больному перед неизбежной кончиной! Сознание ваше говорит – вот смерть, а душа, встретив взгляд расширенных миров, молящихся в своей надежде робкой, пугается и отступает перед последним пламенем жизни. Все в этом взгляде: надежды, боязнь и молитвы, и вся мудрость прожитая, тщетная. Нет силы для ответа на такой взгляд: два мира рушатся, два мира борются, два солнца угасают! Если так тягостен «час кончины неизбежной», то как горек, как невозможно горек смертный исход в молодости, в красоте жизненной.

Я возвращаюсь к двум поэтическим образам.

Трагедия смерти в молодости с редкой чуткостью угадана К.Д. Бальмонтом в его известном стихотворении «Придорожные травы». Вся пьеса исполнена в тихом примирительном тоне. Но за этим

тихим похоронным гимном умирающим цветам так много боли пережитой, так много скорби безысходной, так много понимания. Умирают цветы, – не цветы, а силы молодые угасают под роковым недугом. Молодые жизни, сердца, раскрывшиеся в цвете своем, гаснут придавленные «невидевшим тяжелым колесом» смерти. Призванные к жизненному празднику, имея все светлые возможности, они смертью не допущены к «расцвету красоты».

Как сильно назван поэтом праздник жизни! – это час, когда сбываются несбыточные сны». И в этот час явлений и чудес» закаятая стезя уводит с порога яркой жизни. Глаза, призванные «светло глядеть», светить и зажигать миры радости – насильно смежается смертью. Вот общий образ смерти молодых сил, грубо, неоправданно «обделенных на празднике» жизни.

Спите, полумертвые увядшие цветы,
Так и не узнавшие расцвета красоты,
Близ путей заезженных возвращенные Творцом,
Смятые невидевшим тяжелым колесом.

В час, когда все празднуют рождение весны,
В час, когда сбываются несбыточные сны,
Всем дано безумствовать, лишь вам одним нельзя,
Возле вас раскинулась закаятая стезя.

Вот, полуизломаны, лежите вы с пыли,
Вы, что в небо дальнее светло глядеть могли,
Вы, что встретить счастье могли бы, как и все,
В женственной, в нетронутой, в девичьей красе!

Спите же, взглянувшие в страшный пыльный путь,
Вашим равным – царствовать, а вам навек уснуть,
Богом обделенные в празднике мечты,
Спите, не ведавшие расцвета красоты.⁹⁷⁶

Чистый образ рокового угасания, трогающий душу болью острой и нестерпимой, мы имеем в лирике Якова Петровича Полонского. Я разумею его мотив разлуки с любимым, угасающим в недуге существом. Здесь и острая досада, и вопль душевной муки, и близость к утрате рассудка. Рассудок немеет, остающийся в жизни – становится

мертвецом. Так потрясающая разлука! «Я в лицо твое, как мертвец, глядел» – говорит поэт своей любви. Пьеса начинается просьбой умирающей; в этой просьбе – вся трагедия гибнущего сердца.

«Поцелуй меня...
Моя грудь в огне.
Я еще люблю.
Наклонись ко мне!»
Так в прощальный час
Лепетал и гас
Тихий голос твой,
Словно тающий.
В глубине души
Догорающий.
Я дышать не смел –
Я в лицо твое
Как мертвец глядел,
Я склонил мой слух...
Но, увы! мой друг.
Твой последний вздох
Мне любви твоей
Доказать не мог.
И не знаю я,
Чем развяжется
Эта жизнь моя!
Где доскажется
Мне любовь твоя!⁹⁷⁷

Вот образы, какие возникают при мысли о Белом Цветке в кайме трагической и траурной.

Белый, чистый цветок, – символ солнца ликующего! Да принесет он свет в жизнь, да озарит радостью солнечной всех стоящих у «заключительной стези»!

«ПРЕСВЕТЛАЯ ДУША». Жизнь и учение святого Франциска Ассизского⁹⁷⁸

I

«Я пою Твои славы, живое солнце!»

*В. И.*⁹⁷⁹

Святой Франциск, великий апостол нищеты и любви, родился в 1182 г. в гор. Ассизи в Умбрии (Италия). Это была душа, полная божественных даров, радостная, яркая, открытая. Его взгляд со всей полнотой воспринимал и отражал солнечный мир, его взгляд говорил, что все хорошо на земле: и море, и поле, и люди. В его душе было так много нежности, так много слов благословения, что он изливал их на самых маленьких тварей. Он удостаивал своего нежного мелодического разговора и червяка ползущего, и кролика, в силос попавшего, и лютого волка. Поклонник солнца и солнечного блеска, с душою, переполненной нежным чувством и благими дарами, Франциск подходил ко всем как любящий, как брат, как «друг неизменный и нежный»⁹⁸⁰.

Из портретов Франциска вернее всех тот, что сохранился в словесном изображении первых его учеников. Тонкое, пронизанное светом и отдающее свет лицо; религиозная музыка улыбки, разлитая в его молчании; яркие губы, черные блестящие глаза, стройная фигура, быстрая походка.

Молодые годы Франциска прошли в каком-то волшебном блестящем озарении. Тонкий ценитель прекрасного, одетый в редкие красивые одежды, он каждый день превращал в праздник. Каждый выход его на улицы Ассизи был уже праздником. С жезлом предводителя, при свете факелов, прекрасный и вдохновенный, он шествовал в упоении внешним миром и красотой всюду разлитой. Без конца венчанный «царем праздника», «королем юности», Франциск с редкой полнотою отражал в себе природу улыбающейся умбрийской долины, той долины, в которой казалось, что «свобода, веселье и жизнь прямо и непосредственно струятся с неба».

В такой жизни Франциск скоро дошел до предела земной красоты. Он скоро понял, что земная жизнь прекрасная не сама по себе, а как отражение красоты иной, нездешней, запредельной. Быстро пройдя путь земной красоты, он подошел к красоте духовного, божествен-

ного мира. Образ страдающего Христа, проникновение в его жизнь, увели Франциска из этой жизни. Недаром в умбрийской долине небо и земля были так близки: здесь Франциску легко было от земного пути подняться «воздушной дорогой»⁹⁸¹ религиозного устремления к небесному царству. А с высоты небесного царства земная жизнь и красота представились уже в ином значении.

С тех пор для Франциска
в каждом шорохе растенья,
в каждом трепете листа
иное слышится значенье,
видна иная красота! (Гр. А. Т.)⁹⁸²

Он не переставал смотреть на землю и ценить земную красоту. Но земная красота не покоряет уже и не держит Франциска. Его отношение к земному определяются стихом поэта:

Гляжу с любовью на землю,
но выше просится душа.⁹⁸³

Евангелические мечты овладели душою Франциска. Искание Евангельского совершенства стало его задачей. Путь к совершенству – это обогащение себя *внутренне*, это переоценка своих знаний о вещах и людях под взглядом вечности и, наконец, отказ от всего, что затрудняло бы стремление к вечности.

И вот Франциск отрекается от мира; но самое отречение его имеет *особый смысл*. Часто люди отрекаются от мира с презрением к нему, думая только о себе, «себя спасая исключительно»⁹⁸⁴. Франциск отрекается от мира ради самого мира, из любви к миру, *чтобы быть свободным* в земном мире, не связанным, и свободно учить мир учению научному.

II

Все, рожденное от Слова,
лучи любви кругом лия,
к Нему вернуться жаждой снова.
Гр. А. Т.⁹⁸⁵

Учение вечное – это вечная евангельская проповедь, и Франциск выступает на путь проповеди евангельских заветов, не осуществ-

вленных, еще не вошедших в жизнь даже малейшей, ничтожной своей частью. Он – проповедник истинного Евангелия, не искаженного государственностью и историей. Франциск тем и интересен, что он единственный чистый исследователь Христов, не искажавший учение Христа какими-либо компромиссами, ничего не добавлявший к слову Христа, ничего не перетолковывающий. Преданный вечным идеалам Евангелия, Франциск, этот «король юности», прекращается в «герольда»⁹⁸⁶ великого царя». Он посланник Христов – и ничто не должно его опутывать, затемнять, сковывать на земле. Для стремящегося к совершенству все ценности земные должны отпасть, как мелочи, как мелочные праздные забавы. – Вот почему Франциск отказывается от собственности и провозглашает идеал нищеты.

Нищета для Франциска есть самый высокий нравственный идеал, особое начало, освобождающее от мира ничтожной суеты, от мира ничтожных достижений. Ко времени этого глубокого душевного перелома как раз относится обручение Франциска с «Государыней-Бедностью», которая, будучи лишена своего верного супруга – Христа, в продолжение более 1000 лет находилась в полном уничтожении. Бедность – это главная добродетель францисканского христианства. Франциск прославляет ее как ближайший путь к совершенной жизни во Христе, как прирожденную сферу истинного христианства, познавшего «мир иной». Познавший «мир иной» никаким богатством богат не будет. Тому же служит и другая черта францисканского христианства: *смирение*. Смирение Франциска тоже *особенное*: оно не было плодом подвига, как не было вымученным результатом целого ряда упражнений. Это – его природный такт смирения⁹⁸⁷, глубокая прирожденная деликатность и чистота сердца, побуждавшие считать себя во всех случаях худшим.

Смысл смирения в том, что, последовательно проводимое, оно должно привести к *совершенному самозабвению*. А самозабвение тем и ценно, что, заглушая наше мелкое, личное «я», подводит нас к большому «Я», – к познанию Бога, к слышанию его голоса. Самозабвение ценно и в отношении к людям: забывая свое «я» – мы ближе к людям, мы развиваем в себе жалость и сострадательность.

Кроме обязательной святой бедности и святого смирения, другими чертами францисканской религии были: свобода мысли, любовь, светлое радостное отношение.

III

Господу – всерадостный угоден.

С. Р.⁹⁸⁸

Особенно широко развито Франциском учение о радости, учение о *душевном веселии*. Кроме самоценного значения, радость нужна Франциску как средство, бодрящее и поддерживающее в достигнутой степени духовного совершенства. Радость, по Франциску, это крылья духовные, поддерживающие на высоте возносящей. Печаль, тоска и отчаяние – это падение духа. Франциск настойчиво требует от своих учеников укрепления себя в радости. Он говорит опечаленному брату: «Зачем ты обнаруживаешь горе и печаль в своих грехах? Эта печаль должна оставаться между тобой и Господом; моли Его, чтобы по своему милосердию Он даровал и возвратил душе твоей *спасительную радость*, которой она лишилась по вине грехов. Передо мною же и другими всегда старайся быть радостным, ибо слуге Божиему не годится перед братом или перед кем-либо другим обнаруживать печаль или иметь смущенное лицо».

Франциск замечательно точно определяет, что такое «*совершенная радость*». Совершенная радость не в обладании хрупкими земными благами, не в обладании случайным счастьем, а в том, чтобы через радости и горе изощрить свою душу, сделать ее причастницей «новых тайн и новых откровений». Для совершенной радости душа должна «переболеть». Через временные радости, через жестокую боль – вот путь к радости вечной, необъемлемой, совершенной. *Все пережить, всем заплатить*, – тогда откроется совершенная радость. А в чем же эта радость? В обладании вечными богатствами души, в признании верховного начала любви, в приближении к Божеству, в живейшем слиянии с Единой Любовью, все проникающей от сердца человека «до сердца каменного гор». В совершенной радости неустранимым является пройденный элемент боли. Совершенная радость есть радость страдания. Эта радость всегда дает новое, умудряет сердце, уводя от земного, приближает к совершенству божественному. Я приведу образное определение совершенной радости самим Франциском.

Однажды зимним холодным вечером св. Франциск и брат Леоне шли вдвоем из Перуджи в Ассизи и св. Франциск объяснял своему товарищу, что именно нужно понимать как «совершенную радость».

– Агнец божий, фра Леоне, знаешь ли ты, что такое совершенная радость?

Она не заключается ни в поучении мира примером собственной святости, ни в возможности вернуть слепым зрение или изгнать бесов, или воскресить мертвого; ни в знании всех языков, наук и писаний; ни в способности пророчествовать; ни в понимании звезд, свойств растений и вод; ни даже в умении так проповедовать, чтобы обращать на путь истины неверующих.

– В чем же тогда заключается эта совершенная радость, отец? – переспросил Леоне.

– А вот, когда мы придем в Santa Maria degli Angeli⁹⁸⁹, насквозь промокшие, иззябшие, покрытые грязью, полумертвые с голоду и постучим в дверь, а раздраженный привратник с гневом спросит нас, кто вы такие? и на ответ наш: двое из ваших братьев, закричит: «это ложь, вы два мошенника-бродяги, вы крадете милостыню бедных!» – и хлопнет дверь, и оставит нас на дожде и холоде, а мы будем со смирением думать, что привратник нас хорошо узнал.

И если мы будем продолжать стучать, а он нас выгонять сучковатой палкой, крича: «Убирайтесь, мошенники! идите в больницу! здесь же для Вас нет ни ужина, ни постели», – и схватит нас за наши капюшоны, толкнет нас в снег, и мы претерпим все это, думая при этом о страданиях наших возлюбленного нашего Иисуса Христа, вот тогда наступит для нас, фра Леоне, «совершеннейшая радость».

Это и есть высшая религиозная радость, очаровавшая учеников Франциска, а затем и восхитившая всю Испанию. Для Франциска нет печали, тоски и горя, нет даже смерти. И жизнь, и смерть – все для него радость, – потому что он нашел бессмертное начало, стоящее выше жизни и смерти, он постиг единящее верховное начало Любви. Радость – имя его души, Радость – смысл его жизни, Радость – путь к Божеству. – Вот почему Франциск мог утверждать, что в умбрийской святой земле никогда не было долины слез.

Любви долина – не долина смерти.

Вся его родная земля была залита этим радостным, этим любовным горением его перед Господом. Он был так светел, так верил в Свет Немеркнущий, что мог постоянно твердить:

Не верю солнцу, что идет к закату,
не верю лету, что идет на убыль,

не верю туче, что темнит долину.

.....

Любви долина – не долина смерти. ⁹⁹⁰

IV

Во Христа душой преобразившись.

Д. М. ⁹⁹¹

Любовь Франциска к Христу является единственной, исключительной во всех веках. Франциск через 1100 лет не мог без потрясающей, сжигающей все существо любви, произнести имя Христово. Он так любил, так сострадал Христу, что сердце свое превратил в пылающий пламенник у ног Иисусовых. Слезы и иступленная радость чередовались на лице Франциска, когда он вспоминал о Христе.

«Опьяненный любовью и состраданием ко Христу, блаженный Франциск иногда поднимал кусок дерева с земли и, взяв его в левую руку, правую водил по нему на манер смычка по скрипке, припевая французскую песнь о Господе Иисусе Христе». ⁹⁹²

Этот порыв любви, это песнопение оканчивались забвением, в котором Франциск не мог отвести глаз от неба. В эти часы душа его была с Христом, в эти часы душа его полнейше повторяла душу Христову. С «таинственной болью и ликованием» созерцал Франциск самый крест господень. Он возвышался до исключительного «поения крестом». С крестом у него связаны были особенные религиозные озарения, *прозрения в жизнь Христову, в Его боль и в любовь Его*. Крест у Франциска окружен ореолом необыкновенной серафической ⁹⁹³ красоты. Самая идея красоты и радости страдания связана у Франциска с крестом и отразилась в его видениях религиозных.

Так, в день Воздвижения Креста, на вершине Альверно ⁹⁹⁴, когда Франциск распростер свои руки к небу – он узрел редкое видение, он увидел над собою шестикрылого серафима, пригвожденного кресту распростертыми руками и с сложенными ногами. Два крыла серафима поднимались над головою, два распростерты для полета, а последние два облекали все тело. Красота серафима была непередаваема, она была тем поразительней, что светилась сквозь образ страдания. Идея «совершенной радости» воплотилась для Франциска в таком знаменательном религиозном образе. Франциск так возлюбил Христа и страда-

ния его, так безраздельно растворился во Христе, почти отождествился с Ним, что даже внешним образом получил печать Христа – особые знаки, оказавшиеся по смерти Франциска на руках и ногах – отпечаток ран Спасителя.

V

О, тихий рыцарь благостной державы!
перед тобою волк губийский тих,
пасет хранительно овец твоих,
тебе шумят умбрийские дубравы!

*С. Р.*⁹⁹⁵

Этот строгий необыкновенный друг Христа жил необыкновенной и тонкой жизнью. «Герольд великого царя», он до восхищения был близок к чистой и прекрасной природе. Прирожденный поэт, он воспел «господина брата солнце» и «сестрицу луну». Брат солнечный и лунный, он проходил в своей жизни, как гость нездешних стран, как небожитель, как ангел из «страны лучей». Великий и прекрасный гость, ангелоподобный сострадалец Христов, он держался совсем необычайно. Необычайны, легки и благостны были прикосновения Франциска к вещам, животным и людям.

Вот он идет по дороге и старательно снимает с тропинки, относит в сторону простого дождевого червяка. Тронутый видом ягненка, не понимавший убийства, Франциск выкупает его у мясника за плащ и капюшон. С животными он серьезен, как с людьми, отнюдь не меньше, чем с людьми. Он говорит с ними, как с младшими братьями, и знает, и видит, что они отвечают ему, как могут. Он беседует с соседом – соколом, который чувствует здоровье и нездоровье святого; он проповедует специально для маленьких птиц, для животных, уча их хвалению Господа; он устраивает и украшает жизнь диких горлиц. Больной, перенося тяжкие страдания, он выходит в зимнюю стужу, чтобы расставить пчелам вино и мед.

Какой пример изумительной почтительности и неземной деликатности дает нам св. Франциск! – Сестра-стрекоза, привыкшая к руке Франциска, сливает свое славословие с его молитвой. Он нежно гладит и освобождает зайчика, пойманного в сети. И делает это не в силу своих только правил, а участвуя в действии всем своим сердцем. «Бедный брат зайчик, как это ты дал себя обмануть!» – приговаривает Франциск.

Лютый волк и мелодически-почтительная душа Франциска, – что общего? Но даже лютый волк – брат. Это – волк из Агуббио, пожиривший людей и животных и наведший панический страх. С раскрытой пастью бросился волк на святого. Но Франциск сделал знамение креста и затем, подзвав к себе волка, сказал (характерна самая речь Франциска):

«Братец ты мой волк, ты делаешь много зла в этой стране и совершил много великих злодейств, уничтожая и губя творения Божии без всякого права; ты не только умерщвлял и пожирал животных, но имел дерзость убивать людей, созданных на подобие Божие; за это ты достоин виселицы, как разбойник и душегубец, и весь народ кричит и ропщет против тебя, и вся страна тебе враждебна. Но я хочу, братец волк, учинить мир между тобою и ими, чтобы ты не обижал их больше, а они простили бы тебе всякую прежнюю обиду, и чтобы ни люди, ни собаки не преследовали тебя».

И так как волк, склонив голову, движениями хвоста и глазами выражал свое согласие, то Франциск продолжал:

«Так как ты согласен, братец волк, заключить и соблюдать этот мир, то я обещаю тебе, что люди этой области будут удовлетворять все твои нужды, пока ты будешь жив, – так что ты никогда не будешь страдать от голода, ибо я знаю, что ты с голода делал все это зло!»

«Таким образом Франциск установил мир между волком и людьми, потребовавши ручательства от волка, который вложил в его руку свою лапу»

Кто мог так говорить с диким зверем, кто мог так братски предложить союз? Чья «музыка сердца» покорила себе дикое сердце животного? – Только пресветлая душа Франциска, только его «серафическое» сердце, только ритм духа, перенесенный из «страны лучей».

Весь радостный, светоносный, как ангел, Франциск, естественно не мог принять средневекового аскетизма, жестокого и грубого, расходящегося с чистым учением Христа. Средневековый аскетизм отвращал свое лицо от красоты мира, от красоты творений Божиих; он был слеп к лучам солнца, был глух к молитвенным вздохам земли. Друг цветов и солнца, тонкий провидец красоты, – Франциск не мог требовать изнурения тела, как не мог принять вид угнетенного, изможденно-печального лица. – Вот отношение его к посту и к «брату-ослу» – телу: «истинно говорю вам: всякий должен соразмеряться со своими силами и есть то, что ему нужно, для того чтобы тело верно и хорошо служило духу».

Почтительный гость из голубой страны, деликатнейший, собеседник цветов, Франциск с необыкновенным почтением, с тонкой исключительностью относился даже к видимо-неодушевленным вещам. Вслушайтесь, как он говорит, как обращается он к стихиям и явлениям: «сестрица-луна», «тихая сестрица вода», могучая смерть-сестра, красивый брат огонь и т.д. Его «Гимн Солнцу» – это величайший гимн красоты и тонкости. Франциск благословляет всю стихию, все «воздаяния» Господа, и этот тон благословения отражается на каждом движении Франциска, на каждом прикосновении, на каждом слове его. «Благословеннейший среди благословенных», в своем «Гимне» он создал *музыку сердечного благословения*.

При чтении «Гимна» Франциска невольно вспоминаются эстетически ценные, музыкально тонкие песнопения церкви. Они родственны «Гимну» Франциска, псалмопевца Ассизского. Их надо знать, их надо всегда упоминать вместе с «Гимном». Сколько в них душевного возношения, сколько молитвенной очищающей благодати!

Благословите господа вси ангели Его,
сильные крепостью, творящи слово
Его, услышати глас словес Его.

Благословите господа все силы Его,
слуги Его, творящи волю Его.

Благословите Господа все дела Его,
на всяком месте владычества Его.

Благослови, душе моя, Господа!¹⁹⁹⁶

Вот такая же точно молитвенная, очищающая благодать проникает и «Гимн» Франциска, эту «песнь песней францисканского христианства».

Это – религиозная музыка сердца, благословляющего всю природу, прославляющего Господа вместе со всей природой. С этой молитвой надо провожать последние лучи небесного огня. В пении этого «Гимна» вознеслась к небесному отечеству и дивная душа св. Франциска. Он умер 3 октября 1226 г. В хоре любимых птиц, в восторженном крике целой тучи жаворонков «христоробивейший бедняк» отошел в вечность. И все долины и все холмы Умбрии в наступившую ночь огласи-

лись радостными гимнами, согласно древнему обычаю церкви, торжествовавшей смерть мучеников и исповедников.

С необыкновенным триумфом, в звуках труб, в колыхании оливковых ветвей, с зажженными свечами в руках, граждане и клир⁹⁹⁷ перенесли тело Франциска в собор св. Георгия (Ассизи). А два года спустя папа Григорий IX провозгласил святым серафическое сердце Франциска.

В память этого сердца, сияющего нам из глубины веков «неоскудным слепительным светом», приведем

Гимн Солнцу

О, добрый Господи, великий, всемогущий,
хвала Тебе, благодаренье, слава!
Один достоин славы Ты и чести,
а из людей достойных нет, кто смел бы
произнести Твое святое имя!

Хвала тебе, Господь, в твоих твореньях.
Ты создал брата-солнце, что сверкает
могучим блеском с неба, день дает нам
и образ твой напоминает видом.
Хвала Тебе, Ты создал месяц, звезды;
как ясно с неба льют они сиянье!
Хвала тебе за ветер, воздух, небо,
за облака, за всякую погоду,
которую даешь Ты в помощь твари.
Хвала тебе за кроткую сестрицу нашу воду,
веселую, прозрачную, как слезы.
Хвала Тебе за то, что брат-огонь
Твоим веленьем освещает ночи,
такой красивый, яркий и могучий.
Хвала тебе за землю, нашу мать,
которая нас на себе покоит,
заботится о нас, плоды приносит
и травы разные и пестрые цветочки.
Хвала Тебе за тех, чье сердце склонно
прощать людей, любви Христовой ради,

кто утешает нас в болезнях, горе.
Блаженны те – они починут в мире,
и ангелы украсят их венцами...
Хвалите же, благодарите Бога,
служите Господу со страхом и смиреньем!

За смерть телесную хвалю Тебя, Господь,
сестру могучую, которой не избегнет
никто живущий. Горе тем, кого застанет
она в грехах, но как блаженен будет,
кто свято дни своей проводит жизни!
Сестра их смерть не причинит им боли...

(Перевод А. Ельчанинова).

КНИГИ О СВ. ФРАНЦИСКЕ

Герье В.И. «Франциск, апостол нищеты и любви» (исследование). Москва, 1908; раньше в «Вестнике Евр.», 1892, май-июнь.

Жебар Эмиль. «Мистическая Италия [Очерк из истории возрождения религии в средних веках]». СПб., [1900].

Ельчанинов А.В. «Житие святого Франциска Ассизского» (для народа); изд. «Религ.-обществ. библиотеки». М. 1906. Ц. 8 коп.

Мережковский Д.С. «Франциск Ассизский». Поэма в двух частях. Там же перевод «Гимна».

Раевский Сергей. Стихотворение «Хвала святому Франциску», «Хвалы святого Франциска» (переложение «Гимна») в «Антологии» Мусагета. М. 1911 года.

Пименова Э. «Франциск Ассизский, его жизнь и общественная деятельность», биографический очерк (с портретом), издание Павленкова. СПб. 1896, ц. 25 коп.

Котляревский С.А. «Францисканский орден и римская курия». М. 1901, (диссертация).

Герье В.И. «Св. Франциск Ассизский», статья в Энциклоп. словаре Брокгауза и Ефрона; полумом 72-й.

Составил Е.А.

ПИСЬМО К УМЕРШЕМУ (И. Ф. А.) ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ СМЕРТИ⁹⁹⁸

И восковой в гробу забудется рука⁹⁹⁹.

Почему я никогда Тебя не видел и узнал только за несколько мгновений до кончины. Ведь лучше всего я запомнил именно Твою смерть, – краткую, дивно-мгновенную, как шаг от ступени к ступени. – Я думаю, Ты не успел взглянуть в лицо Ее, как она накрыла Тебя своим «выцветшим покровом»¹⁰⁰⁰. Кто знал, что между одной и другой ступенькой вокзала проведена была грань Твоей жизни¹⁰⁰¹! – И Ты переступил. Переступая грани лестницы, – перешел в иной мир, о котором Твоя тоска, Твой мучительный недуг воспоминаний.

О чем были Твои думы, заключенные между оконченной лекцией по античной словесности и вечернем докладом об Ифигении¹⁰⁰²? Или в новые лирические формы заключалась в то время неотступная идея смерти. – И смерть взяла Тебя в минуты Твоего прозрения...

Быть может, потому так безболезнен и легок переход Твой за грань, что Ты знал, прозревающе-пристально глядявался Ты в состояние смертное, как невиданно принял все признаки, намеки и черты неожиданной и «несрочной»¹⁰⁰³ вестницы.

Ты говоришь о Смерти при жизни: – и самые жуткие, и самые верные Ты брал слова, чтобы сказать о Ее присутствии, о Ее приближении. Меня всегда удивлял такой близкий, интимный подход к Ней: слишком велика была внутренняя практика перехода за предел, чтобы при жизни так выполнить «образ смертный»¹⁰⁰⁴.

И вот теперь, глядяваясь в траурные «Трилистники», Тобой оставленные, я вижу Твою борьбу, Твою смертную тяжбу с Неумолимой Дамой.

«Левкоем и фенолом равнодушно дышащая Дама»¹⁰⁰⁵ – это внешний образ смерти. В интимно-реальнейших описаниях ее непостижимо соединены ощущения неразгаданности и ужаса перед совершившимся, ужаса таяния видимого, привычного земного образа. Он – тот же, родной и привычный – и в то же время – не тот, чуждый и таинственный. К нему – еще больший прилив уважения, но в то же время и прилив нежелания, отстранения и ужаса.

... Ужас в бледных зеркалах
здесь молит и поет,
и с поясным поклоном страх
нам свечи раздает.¹⁰⁰⁶

Все написанное Тобой о смерти теперь четко распадается на две категории: на впечатления, окружающие смерть, – на все то, что *около смерти* (что мучит и ужасает), и на то, что прозревается через смерть. Было бы ошибкой допустить, что во всех танатических описаниях умирает и разрушается весь состав человеческого «я», истинного «я» человека. Поэт превратился бы в узкого имитатора смерти, в специального танатиста. В «Трилистниках» есть обе стороны. 1) Есть полное воссоздание видимой смерти в тоне подлинно-киническом, есть раскрытие того, что хотелось бы не видеть и что ужасно раскрыть. Даже есть полное намерение – в лирике – предать поруганию *земное «я»*, – тому же поруганию, что предается видимый образ, становясь из близкого угнетающе-чужим. Разлука с видимым образом несомненно кончается облегчением, радостью освобождения от ужасного лика, от «прямого и немого гостя»¹⁰⁰⁷. 2) Но есть другая сторона в лирике «Трилистников». – Сквозь удушливый дым, застилающий лик и «космы хризантем»¹⁰⁰⁸, пробиваются думы о смерти, как переход, о том, что обещает смерть, – о «стихии чуждой, запредельной»¹⁰⁰⁹. Это – стремление через смертное состояние воспроизвести мир несмертный, мир вечный. И много усилий положено, чтобы разгадать весь интимный, мистический ритуал смерти. Уклон душевный в этом внимании проступил очень ясно. От жизни – к смерти. Но только ли к смерти? – К распознаванию и тождеству *божественного «я»*; к «Слиянию лучезарному» (И.А.)¹⁰¹⁰.

Какие эпитеты лирика Твоя дает жизни? – Болезненная, мучительная, мучительный недуг; и если не недуг, то «Тень недуга», вечно, настороженно стоящая у двери; в лучшие мгновения – это «синий плен» «раскованной мечты», докучный мучительный танец мечты и изнеможенья, «синий плен»¹⁰¹¹, в котором вянут туберозы, бьется и умирает воля.

И в зависимости от восприятия жизни, восприятия, где проводящим методом является боль и только боль, – смерть приобрела Твое исключительное, сурово-аналитическое внимание и все признаки грядущей отрады. – Ты давно подошел к тем, кто благословил смерть: к Евгению Баратынскому, к Федору Сологубу, к Валерию Брюсову,

к Бальмонту («Благовестие»). Но благословив, они победили смерть при жизни, они знают, что смерти, как конца, как небытия – нет. Оттого так нежны они с нею: о прикосновениях ее говорят, как о касании «повелительно-нежной» руки, обещающем «счастье на последнем, на тайном пути» (Ф. Сологуб)¹⁰¹²; они называют ее отрадной, светозарной (Баратынский)¹⁰¹³, нетленно-чистой (Брюсов)¹⁰¹⁴. К ней нет боязни и отращения, она – только перерыв в празднике зрения.

Что – я, – то – я, и измененья
суть только зрелище одежд.
Я прерываю праздник зренья,
привет мой сну сомкнутых вежд!

(К. Б.)¹⁰¹⁵

Твоя же мучительная трагедия том, что эта Вестница застала Тебя в смертном раздумье, а не в преодолении смерти, – в затянувшейся, мучительной борьбе за «лучезарное Слиянье», а не в победном торжестве. – Ты еще колебался, переходя от чаадаевского определения смерти (как «того момента посреди всего продолжения человека, когда человек перестает понимать себя в теле»¹⁰¹⁶) к определению своему, данному в мучительные минуты (смерть – «одуряющая ночь»).

И уйти бы одуренным
в одуряющую ночь!

Только б тот, над головой,
темно-алый, чуть живой,
подождал пока над ложем
быть таким со мною схожим...¹⁰¹⁷

И смерть победила Тебя в великодушии. – (Ты знаешь теперь, что она кротка, великодушна и временна!) – Как мужественному и дерзновенному противнику Тебе дала она свой дар экстаза, дар благообразной смерти, быстрого, безболезненного разлучения «я» земного от «я» божественного.

Твои друзья, склонившиеся к тебе в Обуховской больнице, были удивлены, как сохранилась прекрасная радость Твоего лица, как спокойно «сияющая недвижность»¹⁰¹⁸ чела и сомкнутых вежд прикрывала большую внутреннюю работу, унесенную за предел.

И вспомнились твои слова из «Трилистника лунного»:

Никто и ничей,
утомлен самым призраком жизни,
я люблюсь на дымы лучей
там, в моей обманувшей отчизне.

В словах об «обманувшей отчизне» – самая страшная Твоя тайна. К ней еще не в силах и не в мужестве я был приблизиться. Я не раскрыл ее ни в обстановке Твоего Еврипидова храма¹⁰¹⁹, ни в Твоей мгновенно угасающей жизни, ни в застывшей работе сияющего Твоего чела. – Неужели – это тайна изгнанника «блаженнейшего мира» и скитальца земли Баратынского?

Из заочного с Тобой свидания я запомнил только Твои глаза, призывающие, уводящие за собой глаза, мучительно зовущие и в то же время ставящие перед собою холодный мучительный барьер. Я отчетливо представляю тебя в гимназической церкви Царского Села с помолодевшим от смерти лицом в хризантемах и туберозах, тех туберозах, что не сходили с Твоего алтаря Еврипида.

Ты лежал в углублении гроба,
в колыханье вуалей и свеч;
странной нитью связались мы оба.
Замирала отходная речь.

Ты лежал с ликом светлым и нежным,
Ты от смерти своей молодец.
В этом «море житейском», мятежном
я погиб без Тебя, омертвел.

Наплывала толпа провожатых,
разрывая свиданье с Тобой;
с поцелуем из рук твоих сжатых
уносил я привет гробовой.

Все тушили безмолвные свечи.
Я простился в чаду восковом.
Вот венки – колесницы предтечи...
Застонала душа...¹⁰²⁰

Прости меня, мой любимый Учитель, что здесь, в чужой стране, чуждый всем, я говорю о Тебе, неизвестном здесь никому. Я решился говорить о Тебе именно в этот день страдания и возрождения, потому что нет явления для Тебя в мире, которое бы Ты не назвал мучительным. Ты не только знал «праздник страдания», но страдание и боль превознес в своей лирике, как метод мировосприятия и мироощущения, как «путь и жизнь»¹⁰²¹. Для Тебя это был единственный путь от мира к сердцу. Всякое явление (светозарное или темное), соприкасаясь с сердцем (как воспринимающим и познавательным органом), несет при самом моменте соприкосновения (сразу, сейчас же) ту или иную боль. И людей Ты различал лишь тем, отчего им больно, как больно и в какие достижения преобразится у них боль.

В день Солнца Незаходящего, торжествующего в символе лучистого цветка, прими мою радость о Тебе, мое восхищение, мою крепкую надежду на свидание.

Д. Щербинский.
Necropolis

БЕЗВЕСТНАЯ ЛАОДАМИЯ¹⁰²²

(Ирине Архиповой)

Она
счастья прикоснулась гранью сна.

Шарль Ван Лерберг¹⁰²³

I

Я разумею поэта редкой силы и духа – Каролину Карловну Яниш¹⁰²⁴. По своему непреклонному устремлению в любви, по своим неповторимым дерзаниям и вере – это редкий образ все той же Лаодамии, меняющейся в неверном свете эпох, среди застилающего холодного мрака людского непонимания. Вечный образ Лаодамии, сгоревшей в любви единой и верной, достигает в нашем поэте редкой духовности, мужества и отрешенности от тесной и душной половинчатости женской души. Встреча в Москве с Адамом Мицкевичем, в 1825–1829 годах, его обещания вечного союза решили судьбу Каролины Яниш. Загорелось верное и строгое сердце, вознеслось в пламени, которое не могли заглушить ни холод разлуки, ни горечь одиночества, ни бегство от любимого образа, ни все тяжелые гекатомбы пережитых многих лет (до † в 1894 году).

«Афродита любит чистые жертвы»¹⁰²⁵. Это древнее поверие отразилось в недуге любви и разлуки новой Лаодамии. Одинаково чистым пламенем горят благоуханные строки писем Каролины Карловны (письмо 5 апреля 1829 г., в Москве, к А. М. и 1890 года к В.А. Мицкевичу). «Привет тебе, мой милый! Еще раз благодарю за все, за твою дружбу, за твою любовь. Я дала клятву, что постараюсь быть достойной этой любви, никогда не подумаю, чтобы я могла нарушить эту клятву – такова единственная моя к тебе просьба...». «Я счастлива и теперь, расставаясь с тобой, быть может, навеки; и, хотя бы нам никогда уже не суждено было свидеться, я всегда буду убеждена, что все к лучшему для нас обоих, ибо такова воля Божия. Что бы не случилось в будущем, жизнь для меня будет приятной...». – Сколько спокойствия, великого достоинства в этой решимости перенести недуг жизни. Дивишься невольно, как далось молодой душе это благословение грядущей мучи-

тельной жизни, это решение создать из тягостной разлуки непроходящую реальность, – принять подвиг и верить в «лучезарное слиянье»¹⁰²⁶.

Это в начале жизни, – а на краю дороги – все тот же стесняющий пламень, все та же победная песнь. «Время – вместо того, чтобы ослабить, – лишь укрепило мою любовь... Он всегда стоит передо мной, как бы живой. *Для меня он не переставал жить*». «Я люблю его теперь, не переставала любить его все время. *Он мой*, как был моим когда-то.»

Темный «угрюмый огонь»¹⁰²⁷ античной Лаодамии превратился здесь в путеводный благословенный светоч; это не огонь бесплодно-иссушающий, а пламя, «сильней и ярче всей вселенной»¹⁰²⁸, влекущее ко «второму рождению» (К. П.)¹⁰²⁹. – Новая Лаодамия, приняв муку жизни и муку любви – так глубоко – до преодоления связи в слияние, до соиздания истинного духовного брака, – совершает подвиг жизни, – как античная Лаодамия подвигом смерти соединяется с Иолоем.

Есть, правда, момент краткого расхождения с Лаодамией, где К. Яниш несколько подходит к другой героине Еврипида – Федре. – Это момент чисто женской пробы (у К. Я.) – заглушить неисповедимую связь (может быть, еще до конца не осознанную) – другой связью, наудачу – на пробу. Это момент бегства, отдаления от любимого образа, момент *своеобразной мести*...¹⁰³⁰ Таков именно неудачный и признанный ненужным, а потому и распавшийся, союз, давший одинокой Каролине видимость раздвоения в фамилии Павловой.

II

Главная лирическая, жизненная и метафизическая тема Каролины Яниш – неотступающая сила живой любви. Любовь совпадает у ней с уверенным шествием через всю жизнь, с приятием мира. Раз только остановилась она на пути, раз только пошатнулась она, объятая «хаосом женскости» (М. Ш.)¹⁰³¹. Но силы ее действительно велики: любовь не только вместила мир, не только поборол хаос однообразных связей, но освятила мир в «световом кольце». Это кольцо – духовный ореол победной любви – всюду с поэтом, – и открывает высокий путь к «мостам золотым»¹⁰³². Так сила любви, вознося душу, раскрывает в ней, – в душе, – заповедные храмины ведения и прозрения. Единая тема нашего поэта, укрепляясь в разрешении, излучает из себя все ценности провидения и внутренних знаний. О такой любви спасительной умело говорит «Победа» З. Гиппиус:

О, не пред образом мрака и тления,
Не пред угрозою всеразрушения,
Может живая любовь отступить! (З. Г.)¹⁰³³

Все разрушено с разлукой у Каролины Яниш, но в центре «светового кольца» зарождаются первые лучи золотой воздушной арки, уводящей душу в брачные чертоги «лучезарного слияния».

Небо от крови закатной червоннее...
Мне ль по мостам золотым не идти?
С каждым мгновеньем люблю неуклоннее.
С каждым мгновеньем люблю озареннее.
Ближе воскресная смерть на пути. (З. Г.)¹⁰³⁴

Только у К. Яниш воскресная смерть названа «временем второго рожденья», «часом урочным чудес»¹⁰³⁵.

Основная тема поэта, как световой круг, исчезающий, рождаемый вновь и вновь, – всюду, из года в год, сопровождает лирические движения ее души. Конечно, эти движения не прямолинейны. Часто мечта поэта перед флером страдания мерцает, как далекая «помпейская лампада»¹⁰³⁶, часто пламя мечты едва находит силы пробиться сквозь «пепельный покров»¹⁰³⁷. Этот покров страдания велик и властен. Он закрыл всю жизнь. Борьба с ним – приятие и просветление его – образуют главный путь в развитии основной темы.

Сама жизнь начинается «благословеньем горьких мук» (Какое верное устремление сердца, какое мужество жертвы!).

Осуждает провиденье
Сердце жаркое узнать –
Горьких мук благословенье,
Жертв высоких благодать.

1842.¹⁰³⁸

Высокая сознательность своей задачи (иго страдания превратить в бремя легкое, радостное и благодатное) – чувствуется за каждым вздохом, за каждой мыслью «о былом, о погибшем, о старом». Редко страдание так открыто, с такой жаждой, так сразу принималось как путь, обетование «расцвета в стране другой». Редко минута встречи излучала такую непобедимую, цельную (через муку колебаний) дорогу в Вечность.

Страданье – наша благодать.¹⁰³⁹

1846. «И.С. Ак-ву»

Сойди к избраннице ты снова,
О роковая благодать!

(О поэтич. даре)

Уйми безумное роптанье
И обреки *все сердце* вновь
На безграничное страданье,
На бесконечную любовь!

1858.¹⁰⁴⁰

Да не отдам *даяния святого!*¹⁰⁴¹

1855.

Пускай солжет мне завтра снова,
Как лгало нынче и вчера:
Страдать и завтра я готова,
Жить бестревожно не пора!

1858.¹⁰⁴²

И как оплотом было море (О переходе евреев)
Им в оный день, стеной спрямясь, –
Так роковое *будет горе*
Святой опорой для нас.¹⁰⁴³

И страшно не горе, – эта святая опора, «святое даянье», – страшны колебания, пока идешь по скользкому дну среди обставшего горя. Страшно равнодушие, не «высокое», как у Баратынского, а низкое, – как падение духа ищущего.

Мне грустно было по себе,

.....

Что все мы, с жаром Иксиона,
Обнимем облако и дым.

.....

И горестней молодого горя
Мне равнодушие мое.

1844.¹⁰⁴⁴

Но равнодушие – состояние временное. Оно пронеслось как воздушное облако. И стало ясно вечное решение: «жить бестревожно не пора!» («Жизнь и волнение – одно». Е.А. Баратынский¹⁰⁴⁵).

Устремление через страдание у К. Яниш, во всех движениях ее души, всегда одно – к неподвижному солнцу любви.

...В людной той пустыне
.....
Я верую в тебя!

1840.¹⁰⁴⁶

Судьба осуществила
Всё в образе одном...
Одно горит светило.

1851.¹⁰⁴⁷

Есть в степи ключ мне свежий и ныне,
Луч мне ясный есть в темной судьбе.
Есть волшебная птица в пустыне.
И поет мне она о тебе.

1855.¹⁰⁴⁸

Хотя, усталая, дошла я
До полпути
.....
К той предугаданной, полярной,
Святой звезде.

Притихла б там *сердца химера!*¹⁰⁵⁰

1858.¹⁰⁴⁹

Та повесть *без развязки!* –
Ужель и ныне мне
Всей этой старой сказки
Забыть нельзя вполне?

1858.¹⁰⁵¹

Во всем этом устремлении к горячему светилу сердца поразительна настойчивая требовательность, истинно «святая треба»¹⁰⁵². Этой требой измеряется сила духа Каролины Яниш. Сколько ожиданий, сколько настойчивых уверений для себя, сколько опытов вдохновить себя образами веры, сколько напряженных взоров, устремленных с горечью слез, – сколько жгучих вызовов сердца, брошенных в пространство, гаснущих и обновляющих вновь «пытку свою добровольную» (А. Ф.)¹⁰⁵³.

III

Мотивы томительного ожидания и беспощадную муку одиночества и обреченности воплотил поэт в поэме «Salas y Gomez» (1855). Пролог раскрывает отношение поэмы к личной судьбе поэта.

Под тихим сумрака покровом
Теперь, когда мой гаснет день,
Стоит тот лик в венце терновом,
Как будто мне родная тень.¹⁰⁵⁴

Эта родная тень – образ безвестного испанца, бурей выброшенного на скалы, томившегося много лет и умирающего на глазах путешественников, – без слова, без жалобы, с одним впечатлением муки.

Одна из плит («Вторая плита»), исписанных умершим, раскрывает потрясающую глубину восторга и муки, испытанных при виде приближения и безжалостного удаления корабля, не взявшего к себе пустытника. Это был единственный корабль, решившийся приблизиться к острову. Как пламенно молился этот забытый пустытник, как благодарил Бога, как набожно готовился обнять людей, упиться звуками речи... И корабль подходил все ближе... С простертой рукой, весь просветленный, весь – молитва, весь, как жемчуг страдания, как сияющий центр мировой жалости, залитый потоком слез, – стоял обреченный. И сердце замерло, остановилось на мучительной грани. Но корабль по-

вернул обратно, повернул уже после свистка... и исчез, оставив измученную душу «обманутой, осмеянной судьбой».

И забытый обречен теперь только на одно, – на ожидание конца. Он даже перестает отмечать крестами протекшие годы, – омертвевшие свои муки, смены надежд и «безумства свирепого».

Года идут чредою,
Но каждому рыть крест я перестал,
Их пятьдесят отметив над скалою.

В этой поэме – все жала, всё жгучее лезвие личной тоски Каролины Яниш. Никогда более так горько и так потрясающе не выражала она своего страдания.

IV

Что же принесло это томление, эта мука смертная «на камне одиноком», «в затворе скал», эта жизнь, начавшаяся с разлуки, наполненная неустанным ожиданием?

Затвор стал расширяться изнутри. Изнутри стала жить душа особым цветением, особым поворотом сил. Раскрылась память о «тайных силах своих», был понят жребий свой, – стали петь ключи прозрения, питая и животворя.

И полужизнию жила я,
Не помня тайных сил своих.¹⁰⁵⁵

Так представился оставшийся позади путь. Нисхождение «на пути земли», «в земной предел» теперь понимается (в согласии с учением Е.А. Баратынского) как шествие «на испытанье», как присуждение к «изгнанию» («Три души». 1845¹⁰⁵⁶).

Живу с другими наравне:
Но жизнью чудною, иною,
Нельзя не бредить мне...

1852.¹⁰⁵⁷

Нельзя, – потому что открылись и зовут ключи прозрения и тайнодействия. Поэт говорит о рудокопе, но его стих вещает о погружении в глубины духа, в сферы, соединяющие «я» и вселенную.

Увидишь ты очами духа
То, что незримо для очей;
Непостижимое для слуха
Услышит слух души твоей.
Войдешь ты в тайную обитель
В хранилище даров...

1841.¹⁰⁵⁸

И поэт выносит из тайной обители духа свои знания о действенной силе желаний, выносит на свет трепещущие, тайные, «ненаслухные слова»¹⁰⁵⁹.

Минуты есть, в которых слово
Не пропадет, как звук, вдали:
Желанья своего слепого
Да убоится сын земли!

1842.¹⁰⁶⁰

Исполняется мечта о «власти сквозь отдаленье проронить взор»¹⁰⁶¹, прикинуть к родной душе. И эта власть, уже обретенная, меняет взгляд на связь «души с душой родной» (Ф. Т.)¹⁰⁶². Прозревается вдалеке, как обетование, – отречение от ограниченности пола, – «лучезарное слиянье» (И. А.), – брак духовный. Где-то очень глубоко и давно заложены были в душе поэта семена этих мыслей-взысканий. Благоволение (при тяжести разлуки), ровно и кротко мерцающий обет, ширококрылая и неосязаемая вера в духовное сочетание (без потери и смерти) – слышатся нам в таких мужественных, в таких зовущих в обетованную землю письмах-благословениях Каролины Карловны.

Я верую в тебя!
Что этот луч, ниспосланный из рая, –
Какой судьба дорогой ни веди, –
Как в камне искра спит живая,
В остылой будет спать груди;
Что не погубит горя бремя
В ней *этой тайны неземной*;
Что *не истлеет это семя*
И расцветет в стране другой.

1840.¹⁰⁶³

Эти мысли-прозрения о расцвете духовного семени вызывают образ вешего великого Еврипида, передавшего в муках Ипполита и Фредры первое (поэтически и трагически выраженное) сознание тяготы своим полом, первые яркие желания освободить свои души от уз пола, перейти, минуя чистилище временной связи, к духовному сочетанию. В словах письма Каролины Яниш 1890 года – то же провещание о слиянии духовном. «Он мой, как был моим когда-то», говорит она об умершем в 1855 году А. Мицкевиче¹⁰⁶⁴.

Свой поэтический дар, «негромкий» (за исключением «Разговора в Трианоне», произведения потрясающей силы) – поэт принимает точно так же, как залог духовной связи и родства с великим поэтом, как единую память, оставшуюся в «сердце нищем».

Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло:
Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло!

1854.¹⁰⁶⁵

Это «святое ремесло» – то единое утешение, каким для античной Лаодамии, – тоскующей еще темной, но тоже действенной тоскою, – служил «дар мудрых пчел»¹⁰⁶⁶. Наш поэт, освобождая свои тайные силы, – скорее оставляет это утешение единой памятью, чем прикованная и бьющаяся на грани безумия Лаодамия.

Таков образ забытого поэта, униженный жемчугом страдания, сияющий подвигом вещей любви.

НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ РАБОТЫ

ТРИ АСПЕКТА АНТИЧНОЙ ЛАОДАМИИ¹⁰⁶⁷

Три современных трагедии отражают мучительный и нежный образ древней Лаодамии: «Лаодамия» Инн. Анненского, «Дар мудрых пчел» Ф. Сологуба¹⁰⁶⁸ и «Протезилай умерший» В. Брюсова.

I

Фон трагедии – пепельно-серое царство Аида в изломах фиолетовой, неживой заколдованной любви.

«Все туманно и мглисто, все кажется плоским и неподвижным»¹⁰⁶⁹, движения нет, есть только ряд рассчитанных и неподвижных поз.

Как верный знаток Аида, Ф. Сологуб представил подземное царство со всем ритмом существ и вещей, поющих подземную славу: забытьё, забытьё, вечное забытьё.

«В мертвом свете мертвых смол»¹⁰⁷⁰, в предстоянии умерших деяний, умерших движений и звуков, во главе с Аидом и Персефоной, совершается в пепельно-сером и фиолетовой ритме литургия умерших. Но не страшно и не томительно в этом царстве забвения. Сама слава звучит на заглушенный звон в затерянном, затуманенном, задавленном пространствами городе.

На земле начался поход на Трою, и вот Протезилай предстает уже перед царской трапезой и называет имя Лаодамии.

В зависимости от творчества Ф. Сологуба его Лаодамия вся проникнута тоном обреченности. Гера и Афродита устраивают судьбу Лаодамии. Эта обреченность звучит в рассказе Лаодамии о сновидении («Увы! ясен его страшный смысл!»¹⁰⁷¹), во всех беседах с подругами. Нет ни одного жеста и слова индивидуальности. Чужая воля звучит в тусклых померкших нехарактерных движениях Лаодамии. Даже выбор утешения (восковая статуя, сделанная Лисиппом) предreshен Афродитой. Жена Июлая *раньше брака*, Лаодамия возбуждает гонения Геры,

как Иолай вызывает гнев Афродиты за свое влечение к Лисиппу и за оставление Лаодамии после 1-ой брачной ночи. Нет простора для индивидуальной воли в таком предопределении богов, в таком жестоком распоряжении человеческим «я» ... Оттого так спокоен тон Лаодамии, а голос – не поднимается выше голоса травы на берегах Леты. И образы не имеют яркости даже среди бутафорского мертвенного хора с ненужными и пустыми словами. Даже в расспросах вестника почти не слышно вопросов о судьбе Иолая.

Лаодамия оживает *лишь после принятия высокой статуи* и встречи с Афродитой-Мойрой, обрекающей ее на сгорание «в блаженном пламени страдания и любви». – И дальнейшие сцены трагедии раскрывают в большой постепенности приговор к сгоранию и талости («Яко тает воск от лица огня...»¹⁰⁷²). Этот приговор – вместе и высокий дар: Афродита-Мойра, дав Лаодамии любовные переживания, затмевающие факт Смерти и – вместе с тем – ведет ее к смерти: т.е. к соединению души ее с душою (не тенью только) Протезилая.

Восковой кумир и тайные чары над ним дают Лаодамии более острую очерченность и ту силу, которая, наконец достигая Аида и Персефоны, вызывает появление умершего Иолая. Это не чары посторонней волшебницы в трагедии В. Брюсова, а действенная теургическая сила желаний, в ее единственной обнаженности, обостренная таинством над восковым кумиром.

Минуты есть, в которых слово
не пропадет, как звук, вдали;
желанья своего слепого
да убоится ж сын земли! (К. П.)¹⁰⁷³

Этот час в трагедии наступает не только по воле Афродиты-Мойры (и, следственно, не только по обезумевшей, творящей и действенной воле Лаодамии), но и как следствие особого коллективного ритуала для вызова Диониса-Загрея, перевоплощающегося в Протезилая (радения в III действии).

И чары овладевают Лаодамией. Сила их так велика, что пришедший с Гелиосом Иолай не может оторвать ее от чары воска.

Тяжела по длительности и бутафорской неловкости сцена отнятия статуи у Лаодамии. Но естественна, красива и полна гармонии сцена смерти. Под влиянием чар и исступления два раза повторяется порыв к удержанию воскового портрета, отнятого Акастом – для сожжения.

И порыв уносит силы и жизнь Лаодамии, она умирает у ступеней дворца, повторяя предопределившие ее конец слова Афродиты-Мойры как тает воск...

Две идеи еще выделяют трагедию Ф. Сологуба: 1) о женственном миродержавном начале Божества

«И все, что было в творчестве божеском и человеческом, – все из Моего изникло святого лона, все Мною рождено, все во мне только дышит, все устремляется Мною и ко Мне» (слова Афродиты-Мойры), и вторая идея об истинном бессмертии души Протезилая и Лаодамии.

«И непорочная Психея придет в объятия Небесного Жениха.

...В царстве Аида только тень Протезилая,
а он, светлокудрый, правит путь в небесах,
и светлые навстречу ему, и Ты...».

II

В суровых тонах, как бы нарочито произнесенных, изображена Лаодамия в «Протезилае умершем». Архаически-грубые черты предчувствуются сквозь разговор с Тимандром и гонцом. Настоящей любви к Июлаю даже угадать нельзя за тяжелыми (как бы угловатыми) репликами Лаодамии. Впечатление: так нужно говорить, и вот она говорит. Душа Лаодамии в словах ее нисколько не раскрывается. Более индивидуальной, биографически-новой является Лаодамия в первом разговоре с хором. – Лаодамия после ночи перед отплытием Июлая осталась не знающей «ласк мужских». «Страх девичий»¹⁰⁷⁴ стал между ней и Июлаем. Лаодамия вспоминает его как брата (не как мужа). И вот основание для разгорающейся страсти Лаодамии.

Сожаление о недостигнутом со смертью Июлая превращается в острую тоску о невозможности. Сожаление, невозможность острого воспоминания и бесприютная в мире тоска (в связи с оставлением престола) – питают горькую страсть Лаодамии. Но сквозь все признания и все желанья «предать всей волей тело робкое»¹⁰⁷⁵ – звучит какой-то модный интерес к страсти, какое-то современное поветрие страсти («Ах только б час единый вместе с ним побыть»¹⁰⁷⁶). Не дух, не душевная связь, а страсть, заключенная в один миг, час, вечер. Вот о чем скорбь новой Лаодамии.

От нее веет современным, модным ношением со своей «неудовлетворительностью», рано и нарочно в себе разжигаемой. Невозможность возвращения умершего часа – ставит Лаодамию на путь «тайн

и чар»¹⁰⁷⁷ и сообщает ей упорство созидательного и заклинательного желания. Этот путь у Лаодамии (как и всегда) – тонок и интересен. Но это путь не только ее, – личный и естественно идущий из потемневшей стихии ее желаний, но искусственно соединяющийся с другой силой, с точным и специальным ритуалом призванной пророчицы.

У Ф. Сологуба всеобщее радение крепит и усиливает таинственно вызывающий к бытию исток желаний. У Брюсова единоличный ритуал пророчицы в связи с ее незримыми магическими токами, идущими от желаний Лаодамии, рождает появление Протезилая.

Сцена диалога Лаодамии и Протезилая самая значительная и богатая магическим содержанием, это какой-то акафист взаимного сослужения в литургии воскресения и погребения. С удивительным мастерством здесь показано, как тает сила жизни у Лаодамии и как воскресает та же воля у Протезилая.

Окутанный мраком Эреба, ночью явившийся в земной мир, безжизненной тенью стоит Протезилай. Но слово за словом снимает тяжкие покровы Аида. Горящие слова, как огненные кольца, окружают Протезилая, и падают пелены одна за другой: пелена страха, неверия в возможность воскресения, пелена привычной угнетенности под сводами Аида, привычных мертвенных ощущений и пелена мертвой усталости – и начинаются предчувствия жизни:

*Дай мне остаться в жизни! Охрани меня!*¹⁰⁷⁸

(Протезилай на средней грани между жизнью и смертью) – Лаодамия в эти же мгновения переступает грань в сторону смерти, ради соединения с Протезилаем: *«Хочешь, с тобой не расстанусь я? Путь себе смертью открою я!»* На колебания Протезилая отвечает уже другая Лаодамия. Страсть преобразовалась в любовь, открылся высокий дар единения. – *«Ведаю все и приемлю я!»*¹⁰⁷⁹

- Л. Хочу я быть с тобою, даже смерть приять!
Пр. Там только тени, призраки и видимость!
Л. Но там твой облик, милый и возлюбленный!
Пр. Из Ада к жизни нет вовеки выхода!
Л. Мне выхода не надо, если мы вдвоем!

Лаодамия близка к смерти, но любовью побеждает смерть, и свет жизни вечной окружает ее, сочетавшую в любви жизнь и смерть.

Протезилай передает меч...

Знаменательно соприкосновение двух новых противоположных полюсов: полюса огня и снега переместились.

Пр. Мне кажется, я в этот миг, как прежде, жив!

Л. Мне кажется, я в этот миг уже мертва!

Но это не разъединение, но взаимопроникновение в состояния души. Полюсы переместились, но затем и слились: в обоих возлюбленных снег и огонь, только в разной последовательности:

Протезилай: снег и огонь.

Лаодамия: огонь и снег.

Но сила, связующая обоих, едина:

Если ты не любишь снег,
Если в снеге нет огня,
Ты не любишь и меня,
Если ты не любишь снега.

(З. Г.)¹⁰⁸⁰

И так понятно, что в сцене после перемещения полюсов возлюбленные припадают друг к другу.

Гермес разрушает этот земной этап необыкновенной испытанной любви. Но только на мгновение – Лаодамия оставленным ей мечом возлюбленного и мужа («благословенным ударом») открывает себе путь к нему и к вечности.

III

Третий аспект – Лаодамия Инн. Анненского – самый ценный, близкий, обаятельный, весь окутанный нежными гармоническими песнями женского хора. Пленительна в этой Лаодамии ее близость к нам, современность: ее душевная *полнота*, чуткость, как острыми лучами родного Солнца, пронизанность снами, предчувствиями и та мягкая подкошенная беспомощность, которая *знает и зовет грядущее несчастье*. Несчастье далеко, за дальним лазурным морем, – а все действия, голос, движения рук, самый бег иглы по ткацкому станку – уже отражают его, отравлены им, прекрасно задрапированы и затемнены смертью.

Как парусов далекой синевы
не разогнать желанья полным словом,
мне не дано утешить вас, увы!
Вы, бледные, и в сером, и в лиловом!
А как узнать – за ясной синевой,
быть может, плач уж носится по стану,
а я войду тогда и тихо стану.
Но золотом еще горит игла,
за ней узор бежит гирляндой пестрой,
И даль небес передо мной светла!
.....
Простите мне мою надежду, сестры!¹⁰⁸¹

Инн. Анненский впервые и смело дал в ремарках описательный портрет Лаодамии: «она высокая и тонкая, с пышными белыми косами и в белом. В линиях и движениях – что-то стыдливо-девическое. Розовые локти и тонкие белые пальцы без колец. Глаза карие и с розоватым отблеском».

Как подходит к ней традиционное обращение кормилицы-няни:

Пресветлая царица и дитя
любимое, Лаодамия, здравствуй!

Не успела ступить, подойти к станку, как ремарка – «мягко отстраня рабынь» – покоряет сердце и дает силы следить за жестами и за молитвами пророчески-тоскующей Лаодамии.

Вся первая сцена проходит в рассказе сна и в молитвах Лаодамии. Она рассказывает солнцу свой сон о душном и тяжелом шлеме и обращается с молитвами к Солнцу, к небу и к осенним летящим птицам. Поразительно тонкое соотношение между неотступными душами, сновидением и рисунком на полотне, где грядущая гибель Июлая и своя предчувствуются Лаодамией в образе птицы, упавшей при перелете и бьющейся на волнах. Нити соответствий протягиваются от рисунка на ткацком станке к пролетающим осенним птицам и от них опять к Июлаю. Бег иглы по станку, выводящей гибель птицы, неудержимо безрадостные думы сердца и шумный перелет осенних птиц создают ту тревогу, которую не видно в спокойном образе Лаодамии. Эта же тревога разрешается в двух молитвах Лаодамии.

Молитва к Солнцу

Ты, Бог, ты, пламя утра,
коль этот сон недоброе сулит,
укрой его в немое лоно поля,
им голову утесу опали,
или волну ударь в злаченный гребень,
но сбереги мне Июля.

(Несколько минут молится молча, поднимая руки к солнцу, потом поворачивается, чтобы стать на работу).

Молитва к птицам (подняв глаза и руки)

Вы же, белые и быстрые, эфир
рассекшие крылами... вас молю...
желания мои и этих горьких
несите в даль эфирную, туда,
на берега Троянские... от меди
безжалостной путь оградят сердца
суровые... и нежные... и наши...

Небольшая подробность всей фигуры Лаодамии: ее руки. Кажется, что они первые чувствуют надвигающиеся события, от них распространяется влияние горя и радости, на них и сама Лаодамия обращает главное внимание («И мягкие мои негнулись руки»). (Сон и борьба со шлемом). Руками мягко отстраняет рабынь. (Во время работы). «Я арфой в нем желанье разбужу на нежные полюбоваться руки». «Но трепетной руки мне ласково не тронул царь»).

Из нескольких рассеянных указаний первой сцены видно, что Иолай оставил Лаодамию невестой. Сравнивая с упавшей в море птицей, Лаодамия говорит:

и птенцов
не выводить уж никогда голубке...
Не выводить птенцов... А мне зачем
Ты сладкого залога не оставил,
мой Иолай?

.....
Но трепетной руки
мне ласково не тронул царь. Вуаля
он с розовых ланит моих не поднял
и яркий шлем надел... Мои цветы
на мягкие ковры упали грустно...

Сцена с вестником изображает Лаодамию в момент соприкосновения ее с несчастьем. Лаодамия полна высокого достоинства, мужества и стойкости в перенесении боли. Из диалога с вестником, слова которого Лаодамия принимает по очереди за ложь, за шутку и за бред, можно заметить, какого труда и мужества стоит Лаодамии удержать себя на грани разума.

Лаодамия отвергает свои предположения о словах вестника

О, я молю тебя. О чем? сама
не знаю я... Скажи, что сон, который
я видела недавно, длится... Нет...
Что это правда... Нет... Что брежу я...
Что бредишь ты... Постой...
Я все стерплю!
Не перебью тебя, всему поверю...
Скажи мне: там, когда кончался он,
он что-нибудь сказать велел домашним,
жене... и как! Как умер он?

После рассказа, подробного и мучительного по своим деталям («шлем тяжелый и косматый»), и после передачи печати Лаодамия внешне как будто смиряется, полностью принимает в себя тяжесть горя.

Да, да его печать –
благодарю... ну отдохни, оправься,
будь гостем здесь...

Но внутренне принимает решение: тайными чарами и силой открытого иступленного желания вызвать Июлая, ощутить его и вступить с ним в брак.

Два сердца... две любви перед судьбой
склоняются теперь и тихо молят...

Не будем им мешать... *Я не найду
разумных слов. Но я желать умею...*

.....

Не знаю... Пусть для Вас
Безумною останусь я и грешной,
Я брака жду сегодня... в эту ночь,
Иль смерти... я не знаю. Ум мой темен,
Но Иолай придет, он обещал...
О, жены, о, невесты... *все желайте!*

Чего невозможно для разума, то кажется Лаодамии возможным для обезумевшего желания. Подготовлением к вызову желанием (своим, всех жен и невест) Иолая служит любовное умилоствление духа Иолая, любовная литургия ему с приношением цветов, ароматов восковому портрету – статуе Иолая.

И мне казалось даже, словно с губ
царицыных, цикады осторожней,
мелодия слетела.

И вот желание осуществилось. Среди ночи Гермес приводит умершего царя, который в тексте носит названия то «тени» (до входа в опочивальню), то «Протесилая» (в минуты прощания). Ожил ли царь? Воскрес ли под нежными прикосновениями, под полным животворящей силы излиянием души Лаодамии, под пламенем растворенного в желаниях тела Лаодамии? Нет. Это был «божественный обман», ниспосланный богами на три часа. Протесилай только шептал слова любви: «Моя Лаодамия!» – «Мне душно» – «Мне мои одежды тяжки... Воздух тяжек...» И даже не ответил на последний, заповедный призыв Лаодамии: «Меня узнал, любимый, ты иль нет? Придти к тебе?»

И Лаодамия кажется разуверенной в минуты прощания. Ведь сила и чары желаний не создали земного брака с его теплом и радостью. Протесилай полупризрачный, полунездешный, не стал ее мужем. И второй брак кончился так же, как первый. Брак, созданный «божественным обманом», – «брак холодно-лунный». Лаодамия просит даже у Гермеса разрешения похоронить мужа: «Похоронить не дашь его, о бог?».

После ухода Гермеса и Протесилая зарождается у Лаодамии безумная мечта о третьем браке: воскресить восковой портрет-статую,

силою безмерной любви способствовать воплощению в ней духа Иолая. Так Лаодамия переступает последнюю границу, надеясь на брак с ожившей статуей. Но и эта надежда, рожденная свиданием с Протесилаем, погибнет: Акаст отнимает у нее восковой идол. Тогда только умирает Лаодамия.

Три грани брака она перенесла, не зная простого, истинного, всем людям доступного брака: брак с Иолаем, прерванный им самим, мучительно-лунный невозможный брак с Протесилаем, прерванный Гермесом, и столь же мучительный и безумный союз со статуей, прерванный Акастом. Брак любви, брак желанья и брак безумия – без возможности живого осуществления – извела трагическая дева и жена. Так, с клеймом «невозможно»¹⁰⁸² и растаяла в костре Лаодамия.

В диалоге с Акастом, требуя оставления у нее статуи, Лаодамия сама насчитывает трех мужей:

Молю: оставь со мною
последнего из трех мужей вдове,
нетронутой ничьим прикосновеньем,
оставь мечту...

И отец оставляет ей статую с тем, чтобы она убрала ее для похорон и сожжения. С видимой покорностью она идет за носилками своего кумира, держа в руках медную чашу, в которой неустойчивые слезы смешиваются с молоком. Но это один миг – и Лаодамия сжигает себя в глубоком костре вместе с последней статуей. Горючие слезы растворяются в молоке, и пламенное сердце расплавляется в любимом воске.

1916–1917

*Мечта божественной причуды
Звезде Кассандры,
струящей
пепельный и древний свет
волхвов.*

«Чур. – Фам. – Фет»¹⁰⁸⁴
1916

Мечту божественной причуды,
мечту поэтов и мою
я целованием Иуды
неверующим предаю.

*Б. О.*¹⁰⁸⁵

Осенью 1916 года (8 ноября) в Москве в первый раз поставили «Фамиру» в Камерном театре. Казалось – только радоваться этому чудесному редкостному событию. Но чувство боли и неуловимого огорчения примешивалось к этому посмертному торжеству И.Ф. Анненского и сопровождало каждое объявление о представлении, каждую рецензию на постановку. Я думаю – этой боли не испытали только те, кто шел на «Фамиру», как на зрелище, мало зная поэта и совсем не зная в чтении этой заповедной и драгоценной драмы. Острое чувство боли от воплощения мечты в действительность (такой недоступной и – мне кажется – непонятной мечты) осложнилось и некоторой досадой, что драма явилась ареной для соревнования и демонстрирования футуристического декоративного искусства, новых технических приемов освещения и нового угождения зрителям подчеркиванием в драме всего – в худшем смысле – вакхического. Большинство рецензентов признаются, что во время представления «о Инн. Анненском некогда было вспомнить»¹⁰⁸⁶. Дрожащая, как затаенный отсвет, почти неживая, мечта о небывалом была заслонена, замучена, оглушена кубистическими массами, опытами «декоративной динамики» и богатейшей световой оправой. Она терялась и блекла в своем эффектном воплощении: слишком тонок и невоплотим замысел, слишком недоступен, невозможен для массы зрителей круг идей-мечтаний и «проблем-отрав». Да и вряд ли думали тогда над проблемами Инн.

Анненского в его «Фамире». «Фамиру» смотрели, как смотрят всё, а, в лучшем смысле, смотрели как сказку. Кому нужна «Фамира»? Много ли было тех, кто переступил порог театра с высоким душевным трепетом, благоговевшим перед поэтом и с странной боязнью, с какой-то особенной дрожью ожидал муки увидеть излом, неверность, тревожащие торжественный и траурный образ служителя-Кифарэда? Уместно спросить, для кого была поставлена «Фамира», когда последователи Инн. Анненского исчисляются единицами? Для кого этот бесплоднейший и чудесный подвиг, предпринятый А.Я. Таировым и А.А. Экстер¹⁰⁸⁷? И как странен факт постановки «Фамиры» в *России*, среди войны, всеобщей скудости и всяких затруднений. Еще более странно, что Фамиру ставили и во время революции, среди поколебленной и, казалось, гибнувшей России¹⁰⁸⁸. Произведение, долженствовавшее ознаменовать эпоху расцвета и утонченности, украсило напрасным и непонятым украшением тягостные и трагические дни России.

ГЛАВА I

Лишь один однажды в век
в свой черед из усыпленья
встанет камень-человек.

Вл. С.

И речь его дика,
и камешков полна его рука.

*И. А.*¹⁰⁸⁹

Какие же замыслы и какие невозможные мечтания оставил нам Инн. Ф. Анненский в своей «Фамире»?

Первое, что удивляет – это «безлюбовь» Фамиры. С момента появления его на сцене, с первых слов его («Женам я не играю, я играю звездам») все время чувствуется, какой это далекий от обыденного, от житейского вообще, от земли и земного, мудрец и ревностно охраняющий свое одиночество поэт. Людей он не ищет, с людьми уклончив, замкнут, быстро оставляет их, корит себя, что шел навстречу им. Видит в них вечно-мятущееся, многообразно-тоскливое и бессмысленно оскверняющее искажение единого божественного образа. Так много повторений одной и той же ограниченности, одних и тех же заученных стремлений, одной и той же червеобразной сцепленности с зем-

лей! – Это утомляет и опустошает душу. – Таким утомленным беглецом с пыльной людской дороги и является перед нами впервые Фамира.

Сердца людей мятежны. Но люблю в горах
седые камни.

Вот и пристань –
конец дороги пыльной.

А зачем

ты к ним ходил, Фамира? Стосковался
по золотым браслетам? Влажных глаз
и суженных желаньем надо было
для этих струн?

Иль самок соловей

приманивать задумал, сотрясая

в щите у черепахи запертой

и плачущий по звездам горный воздух?

Фамира выслушивает горячий, полный самых трогательных признаний бред безумной, гонимой Осоею нимфы. И душа его остается верной себе и непоколебленной. Ни нежные обращения матери, ни печальная повесть о любовных преследованиях Зевса и о тяжком скитании не трогают сердца, дружественного скалам, знающего «тоску белого камня». Образ Фамиры и странен, и загадочен сочетанием необыкновенных черт. Самый лик Фамиры, как он очерчен в ремарках, поражает и привлекает своей светящейся *отшельнической* чистотой. «Молодой, безбородый, белые руки, тонкий и худой... Одет бедно и не сознает своей одежды... За спиной лира, у пояса ветка, в руках посох...». Удивляет сочетание молодости и мудрости, самой глубокой и, видимо, не приобретенной, а *дарованной* и *благодатной*; молодость уживается с избранным, излюбленным одиночеством, долгим и сознательным. Все «житейское», за что цепко хватаются люди, что окрашивает их лица животным восторгом страсти и заревом злобы, – Фамире глубоко, невозвратно чуждо. Нет вкуса не к жизни – не к жизни, нет, а к тривиальному, к житейски-едкому пониманию жизни.

Разошелся

царевич наш с отцом... Ни воевать,

ни торговать не хочет... Крови, нимфа,

не только что людской, оленьей крови
он вида не выносит.

Но кроме особенных человеческих черт Судьба, господствующая над людьми и богами, украсила Фамиру редкостным трагическим венцом. Высокий опаловый трагический нимб окутывает образ Фамиры. Он и отделяет его от людей и привлекает к нему внимание тех, чей взор не поглощен исканием житейского. Ведь люди и не могут близко подойти к Фамире: слишком далек он и не свойствен им. *Прикосновение к его ауре несет с собой безрадостность.*

Вот знак Фамиры. Фамира

рожден, чтоб быть безрадостно любимым,
пленять, как сон, и ускользать, как тень!

Невольно спрашиваешь себя, что же это: неодаренность любовью или высокий и мучительный дар безлюбости? Думается, что – да, что трагический венец безлюбости сияет исключительным светом на челе Фамиры и равным образом на челе Иннокентия Анненского. Мечта Фамиры, как и мечта его поэта, в каждом новом своем достижении всегда отравлена («Ей – пир отравленный, мошеннический пир!»). При каждом осуществлении – всегда колебания и *никогда* конечной уверенности. Прежде, чем мечта даст свой потаенный, «в душевной тишине» взлелеянный цветок, найдутся – в том-то и горе! – всегда найдутся для данного лица и для данной мечты – люди, обстоятельства и совсем неприметные черты обыденной жизни, которые не дадут раскрыться цветочку... А если и явится он – будет искажен и искалечен неотвратимо.

Не смолк и первый стих,
как маленьких детей у ней перевязали,
сломали руки им и ослепили их.

За этими словами, как и за образом Фамиры – острое и страшное – как Орел на печени Прометея – *чувствование несовершенства*. Это же чувствование приводит к вызову – желанию – пусть поражение – услышать совершенную божественную игру.

Одиночество Фамиры придает ему высокую прелесть. Он знает все и все покидает, кроме дружественной и сочувственной ему приро-

ды камней. Он отошел от семьи, от людей, от близких, даже пол в Фа-
мире спит глубоким каменным сном. – И люди начинают говорить о
Фамире тоже, что о камнях, не подозревая потаенной и напряженной
жизни: «сердце спрятал он», «он сердцем горд и сух».

Поразительно точно и четко определяет Фамира свою укреплен-
ную отшельническим камнем, одинокую и высокую устремленность.

В моей судьбе
ни матери, ни сестрам, ни отцу
нет места, сладкозвучная:
живу я
для черно-звездных высей, лишь они
на языке замедленном и нежном,
как вечера струисто-светлый воздух,
мне иногда поют.

.....

Я матери, я людям, я богам
прощаю все обиды – пусть и дальше,
коль надо им, потешатся, – но мне
дай утонуть глазами в блеске лиры
и сердцу ритмом слиться с трепетаньем
семи небесных струн, небесных струн.

Мать, нашедшая в Фамире свою последнюю любовь, долженствую-
щую очистить ее (– по вере ее) от всех безумств, – дает возвышен-
ное описание Фамиры, смешанное с жалобой на безответное, для всех
закрытое сердце сына.

Я бога чту другого;
его спокойно кудри разлиты,
глубокие глаза глядят сурово.

.....

Как лебедь, прям он в радости и гнев,
и тонок абрис губ: он кифарэд.

.....

И сердце спрятал он, я сердца не найду.

.....

Фамире надо мира:
он сердцем чужд и играм, и толпе...
.....

Я не нужна ему. Пойми: *никто*
ему не нужен. Вот, Силен, что страшно.
Живет в мечтах он, сердцем горд и сух.
И музыкой он болен.

Что означает эта каменная замкнутость? – Ведь это измена земле и земному и конечная устремленность к Небу (к «семи небесным струнам»). Но мы знаем, что и небо не принимает Фамиру, с невиданной жестокостью карает его небесную устремленность.

Первоначально кажется, что это – общая судьба истинных поэтов, отрехшихся от земли и не имеющих силы и особого дара – приобщаться к Афродите Небесной. Но «безлюбовь» Фамиры, как резкий и трагический знак, выделяет его среди «изгнанников, скитальцев и поэтов»¹⁰⁹⁰.

Отчего он безлюбовый?

Другая любовь победила в нем: любовь к *истинной* красоте и *абсолютной* музыке.

«Чуть слышный луч от музыки. *В глаза мои спустишь*, там притаишься в сердце, безмолвный, безнадежный. *И вослед я не впускаю ни тени*».

«Мистическая и музыкальная греза»¹⁰⁹¹ для Фамиры – путь к религиозному таинству. Музыка настолько превозмогает все, настолько покоряет и дух, и тело (– Фамира уже аскет, *видящий* строение и пресечение музыкальных лучей), – что красота воплощения его не трогает, не восхищает его сердце. Он не может ей поклоняться.

Оттолкнув соблазны красоты,
Я влюблен в *ее миражи в дыме*.

Руководимый предчувствием Афродиты Небесной, он должен отвергать ее мирские *омертвевшие* воплощения, чтобы не остановить своего *восхождения к таинству воплощения*, к красоте пребывающей, рождающей, а не порожденной. Нимфа Аргиопэ, мать Фамиры, спрашивает его:

И меня
красивее ли муза?

Фамира: *Не заметил.*

Я на закат смотрел, как розы там
небесный путь засыпали, а ноты
со струн ее кифары на стезю
вздymались и дымились.

.....

Прикосновенья

не надо – нет. Лучей, одних лучей.

Там музыка...

Фамира увлекается Роком к источнику всякой красоты, к глубоким сферам божественного, вечного, нетленного рождения и творения в красоте. Его интересует сама музыкальная магия творения, неиссякаемый источник *всякой* жизни. От этого ему близка таинственная, одному ему зримая, внутренняя жизнь камней («Каменное сердце гор, с любовью бьющееся в темных недрах» – гр. А. Т.). *Его желание:* быть близким к живому и светоносному лону Вечной Женственности, быть наученным участником рождения Мира в Красоте, знать *подлинные, конечные* силы божественного творчества, а не результаты приложения сил к несовершенному земному материалу. *Его тоска* – по «музыке мечты, еще не знавшей слова».

Его лицо закрыто для красоты воплощенной, для «мертвого кумира Афродиты Небесной», на нем та же стальная решетка, что у безумного рыцаря. И *здесь* не для кого и не зачем ее поднимать. И безумный рыцарь, и Фамира – оба аскеты истинной Красоты. Кара богов не нужна и нелепа: она надевает (в виде слепоты) вторую – реальную – решетку на лицо поэта, после того как он услышал и *увидел* божественную песнь Эвтерпы. *Видение* песни и было приобщением Фамиры к великой магии рождения в красоте. До этого решающего видения длится терзание Фамиры между Аргиопэ и Эвтерпой, между притязаниями души земной и мановением небесной девы (– вестницы Афродиты Небесной). Длится борьба двух Афродит. Фамира полуотвергает первую (земную), внутренне совершенно не может ее принять – и сам затем отвержен второй: принимает поражение, не сопротивляется «сладости неуспеха».

ГЛАВА II

Я ритмами дышал, как волнами кадил.

И. А.

Камни, о камни! о вас сожаленье...

А. Добролюбов

Я поклоняюсь Вам, кристаллы,
морские звезды и цветы,
растенья, раковины, скалы.

М. Волошин

Снова веду ее к камню святому я.

Вл. С.

Он чувствовал симфониями света.
Он слиться звал в один плавучий храм –
Прикосновенья, звуки, фимиам,
И шествия, где танцы как примета.

*К. Б.*¹⁰⁹²

Религия Фамиры – религия аполлинического устройства мира путем гармонии и ритма. Мир должен быть преобразен высоким строем гармонии. Божественная гармония, созвучный гармонический трепет явлений и душ с Душою мира никогда не исчезает всецело: он затаенно дышит в камнях (но ритм ее тот же) и свободно правит свой полет в песне Эвтерпы. И Фамира, безумец «музыкальной грезы», изощренным слухом и родством сердца уловляет *неподвижное «счастье минералов»* и *полет песни*, «рождающей в небе формы» преобразенного мира. Два невидимых мира гармонии заключила в себе душа Фамиры. И это – два исключительных дара его религиозного устремления.

Фамира знает и исчисляет искры вечной гармонии, затаившиеся в камне. Он прозревает незримые сюжеты, которые должны расцвести в ином бытии. И покойная жизнь камней, сейчас в молчании распростертых, измененных *под маскою небытия* – ему всего дороже. Здесь, на земле, иной жизни ему не нужно. Он поспешно отбрасывает мысль о *человеческом оживлении* камней.

Силен. Ты оживлять хотел бы камни также?
Фамира. О нет, Силен. Когда б имел я дар
Великого Орфея, я своих
товарищей седых не стал бы мучить.
(Ласково гладит камни).
Движенье белым камням? А зачем
движенье им? Иная, лучше нашей
у камней жизнь. Они живут, Силен,
глубоким созерцаньем. Только месяц
скользящими тенями иногда
до вековых морщин их прикоснется,
и прочь бегут лучи его. Молчат
и никого смущать не ходят камни,
и никого не любят, и любви
у них никто не просит.

Что же это? Призыв к небытию, к окаменению? Фамира говорит: нет, – это исключительное и сосредоточенное бытие в себе, не выступающее за пределы себя. (Да и надо ли выступать?). Это бытие, побеждающее время, та особенная сосредоточенность, в которой подавлено все личное и все мирское и мировое находит строгое и холодное отражение. Мудрость покоя и молчания возлюбил Фамира. Все изменения жизни с высоты этого покоя кажутся постылыми гримасами, заученными судорогами страсти и умирания. Они чужды камням. Тяжелая вековая каменная броня закрывает лицо камней, затмевая собою обет молчания и безлюбости.

И Фамира – прямой и близкий родня каменного царства. Безлюбовость Фамиры соприкасается с каменной защитой от любви людей, и сердца камней как-то особенно интимно и сочувственно зовут к себе каменное сердце кифарэда. *И встречаются прикосновение, которого ждали века:* «Фамира ласково гладит камень», «Фамира, склонившись, молча обнимает камень».

Силен говорит об оживлении камней. – Но зачем им оживать? Чтобы повторить в *призрачном* блаженстве ряд содроганий радости и гнева? Утратить мудрость созерцания и покоя безмолвия? И для чего? Чтобы наполнять жилы нагретой кровью? Смущать других и самому смутиться? Нет, Орфей был бессердечен, что призывал из каменного плена к «житейскому волнению».

Оживлять
мои седые камни? и кому же?
мешку с нагретой кровью; – миг один
прорежь его, где хочешь, – и несите
подальше ваш мешок, чтоб не смердел...
Был полубог Орфей, но бессердечен...

Другой дар Фамиры – постижение ритма божественной жизни. Своим особенным дарованием он не только слышит сонату Эвтерпы, но и видит ее. Соединение гармонии заката с гармонией звуков еще более утончает чувствования Фамиры. Сама душа Фамиры, аскета кифарэда, воспитанная в музыкальных ритмах, настолько легкокрыла, так светло и безболезненно оставляет землю, что достижения ее, – вслед за песнею Эвтерпы, на небесном и розовом пути, – изумительно велики.

Я на закат смотрел, как розы там
небесный путь засыпали, а *ноты*
со струн ее кифары *на стезю*
вздымались и дымилась... Это были
не вы и вы – не знаю, но грубей
была б и тень. Иль это *души* были,
не жившие еще? Иль *формы их*
слепив, разбил ваятель, чтоб потом
в отчаяньи зарезаться? Оне,
там розовый заняв и горний путь,
созвездия сперва образовали,
потом Змеей и Рыбой хоры их
и Обручем и Лирой тихо-тихо
задвигались.

Фамира чувствует свое вознесение в ритмах. Мир преобразается в невиданных неизъяснимых формах. Ноты преобразуются в тончайшие формы, неуловимые, о которых можно судить лишь потому, что, вздымаясь и дымясь, они занимают горний путь. Возникают души «не жившие еще», они напоминают формы и образы, постигнутые творцами и мгновенно исчезнувшие, без найденного воплощения. Невиданные формы тайно образуют восходящие, движущиеся и звучащие созвездия, которые покрывают небо. И шествие созвездий, сложившихся из звуков и не рожденных душ, поднимается ввысь, в глубину не-

бес, «не изменяя ритму». Только звезды отмечают образы и души, излюбленные мечтами и желанием.

И нежная звезда
за нежною звездю загоралась
над каждым из мечтаний и кружилась,
и таяла в эфире вместе с ним,
не изменяя ритму.

Фамира передает музыкальное видение в манере и образах (может быть, это странно!) Чурляниса. Только Чурлянис делает опыты раскрытия в красках и чертеже потусторонней природы вещей и сущности самой природы, а Фамира, желая определить свое безраздельное музыкальное счастье, пытается на непримиримый и бледный язык перевести гармонию небесных сфер. Огни Фамиры – те же огни Чурляниса (огненные шары и окружения в сонате «Змей» (Finale); круглые огни в сонате «Пирамиды»¹⁰⁹³). «Нежная звезда над каждым из мечтаний» у Фамиры. Манера передачи своих видений у Фамиры и Чурляниса одна и та же, как одна и та же *основа миропонимания*. Весь космос – музыкальное целое. Ритм – основа, великий зачинатель всего, ритм – сущность мира. Ритм – наиболее жизненное и глубокое выражение истинной красоты. Ритм – молитва небесной девы. Ритм – скрытый и точный закон рождения в красоте. Ритм – чередование ступеней, ведущих к «высокому дворцу о семи столбах золотых». («У Царицы моей есть высокий дворец»¹⁰⁹⁴).

...дай...
сердцу *ритмом* слиться с трепетаньем
семи небесных струн.

У Фамиры поразительно его *музыкальное зрение*, раскрывающее «незримое очами». Все, что видит и слышит Фамиры, он невольно *pretворяет* (скорее: разлагает) *в ритм*, в ритмическое кружение огней. Именно так он оценивает речь и душевную муку Аргиопэ. Он отвечает только на ритм:

Я сесть готов с тобой. И я люблю
– о не тебя, – но сказки роз и перлов –
дыхание твое люблю я...

Я звуки
из струн твоих люблю Их на зарю
похоже *нарастанье*, но зарю
туманного рассвета.

А эта повесть
твоя – *ее я буду слышать ритмы*
и, может быть, любить – не ближе мне,
чем в заводи *на лунной зыби всплески*
от рыбок разыгравшихся. Душа
моя открыта миру, а не нимфе,
пускай она страдала.
И прости!

Я уж люблю
тебя за это слово – в нем *дрожит*
мелодия, моля освобожденья,
и из пелён ее я разовью, –
поди сюда, дай руку.

Фамира принимает мир в чистоте и светлости ритма. Отвергает все, что утрачивает ритм. И когда обещана ему небесная музыка Эвтерпы, он готов любить все и всех, но без темных дисгармоничных порывов.

Не надо туч – я так тебя люблю,
и всех люблю, и все люблю, что сердцу
и грудь тесна, а звезды жили там,
эфирные горели выси.

Но если Фамира (Инн. Анненский) уловил ритм божественных сфер, то другой провидец «с высей творенья» рассекающим острием взора, минуя ступени, затканые многоочитыми образами, минуя «огненный стеклярус»¹⁰⁹⁵ звезд, усмотрел *и самое основание мира*. Совсем иными, чем у Фамиры, путями найдено у Фета это прозрение. – Мучения жизни, коварство надежды и ряд уступок и жизни, и безнадежности открывают прозревающий взор.

И днем и ночью смежаю я вежды
и как-то странно порой прозреваю.¹⁰⁹⁶

В начале прозрения, до открытия внутреннего взора – вся жизнь прошедшая и вседневная отпадает во мрак, застилается пеленой беспмятства («еще темнее мрак жизни вседневной») – потому что где-то, в неизмеримой высоте, небесные врата уже открылись, и сквозь полог ночи «ринулись лучи». Настала мгновенная близость миров.

Вся бесконечность огней – сверкающие ресницами звезды – в это мгновение образует только наши земные врата, *напряженно открытые* в вечность – в другие, Солнечные Златые Врата. «В эфир эфирная дорога» (А. Б.). «Доступность бездны эфира» (А. Ф.).¹⁰⁹⁷

Малый и великий мир соприкасаются.

Душа в Душу.

*Сердце мира доступно «сердцу, полному тревоги»*¹⁰⁹⁸. Огонь сердца и Солнце Мира проникают друг к другу в эфирном пламени. – Солнечное Едино-Пламенное постижение Мира. Вот что значит иератическая фраза Фета: «и прямо смотрю я из времени в вечность».

И так прозрачна огней беспечность,
и так доступна вся бездна эфира,
что прямо смотрю я из времени в вечность
и пламя твое узнаю, Солнце Мира!

Не только узнает поэт пламя Мира, но и мгновенно уловляет мистические *очертания Мировой Души, ее престол, ее «живой алтарь»*, весь окутанный круженьем дымов, весь в дрожаниях от преизбытка силы, весь в напряжениях огненных зачатий, рождений, явления в красоте. Огненные розы – подножие алтаря, огненное крещение, – магически страстно и трепетно – принимают здесь малые миры, явления и души. *Магия солнечного рождения* открылась Фету¹⁰⁹⁹.

И неподвижно на огненных розах
живой алтарь мирозданья курится;
в его дыму, как в творческих грезах,
вся сила дрожит и вся вечность снится.

И все, что мчится по безднам эфира,
и каждый луч, плотской и бесплотный, –

твой только отблеск, о Солнце Мира,
и только сон, – только сон мимолетный!

И этих грез в мировом дуновеньи,
как дым, несусь я и таю невольно,
и в этом прозреньи и в этом забвеньи
легко мне жить и дышать мне небольно.¹¹⁰⁰

Виденье Фета вызывает те же состояния, что и соната Евтерпы: потеряность («в мировом дуновеньи»), ощущение малости своего земного дара, легкое забвение земных ощущений и безболезненное дыханье, – принятие земных страданий.

Но мы отошли от Фамиры.

Чем же кончилась соната Эвтерпы? Видения рожденных ритмов стали удаляться. Шествие созвездий скрылось в глубине небес. И уже воображение стало восстанавливать небесный план видения, а слезы закрыли последние, далекие огни.

Только точки
Воздушные остались под конец
да жадные глаза, чтоб золотыми
соединять их нитями сквозь слезы.

И Фамира готов передать на своей кифаре дарованные ему ритмы, но сдерживает себя, хочет, чтобы в сердце и в крови затаенные ритмы достигли полноты.

Я чувствую, как к пальцам приливает
из сердца кровь – там золотые пчелы
соскучились по струнам... Сердце мне
они давно щекочут бесполезно,
но я не дам им воли:
в улей их,
пусть ладят дом, – искусный, золотой
и сладостный!

Боги все равно не дали бы Фамире воспроизвести гармонию небесных сфер. Уже близка кара богов. – За «сладость неуспеха», за «безраздельное счастье», за мнимый вызов с целью услышать божествен-

ную музыку. Кара богов так тяжела, так жестоко нарушает все служение Фамиры («чтоб музыки не помнил и не слышал»), что вызывает новую кару, налагаемую им самим на себя. Чтоб *удержать следы видения*, «чуть слышный луч от музыки» и больше не видеть ничего («не видеть – не слышать – не любить») – Фамира выжигает себе глаза.

ГЛАВА III

Плачет старый камень,
в пруд роняя слезы.

А. Фет

И на медном плече кифарэда
Красногрудая птичка сидит.

А. Ахматова

В горенье жертвы был он неослабен.

*К. Бальмонт.*¹¹⁰¹

Конец пьесы полон самой истинной и чистой трагедии. Нельзя перечитывать без волнения сцены потрясающих встреч, жалкого беспомощного соединения и вражды около Фамиры, его отца и матери. Краткие ремарки уже создают трагедию, полную высокой жалости, любви и невозможной боли. Жуткая боль овладевает сердцем, когда «сатиры гонят и травят призрак Филаммона, а он приседает, скользит и приподнимается над землей точно отяжелевшая курица». Эта сцена сменяется трагическим танцем тени и птицы. «В течение нескольких минут тень гоняется за птицей и при этом странно машет руками». А тем временем «изменившейся походкой слепого» Фамира спускается к дому.

И первая встреча с любимым белым камнем, который «уже не белый».

Как тебя
мне узнавать, когда ты уж не белый?

Новая встреча – с «верной любовью», лежащей у ног Фамиры, – с кифарой. И, наконец, родные – отец и мать – окружают Фамиру: тепло птенчика, ледяная струя и хлопающий слабый стон: «сам – сам – сам».

«Фамира осторожно снимает с плеча птицу, которая не противится, а Филаммон припадает к ногам Фамеры и целует их».

Трагедию завершают горькие напутствия Гермеса, сцена омовения глаз и плач рабыни-кормилицы, сквозь сон слышащей слова Гермеса. И Фамера, уже готовый в путь, с посохом, с умолкшей кифарой и птицей на плече, – ждет приближения целебного забвения.

Благословенны боги, что хранят
сознание нам и в муках, но паук
забвения на прошлом... он – добрее...

Поразительна и рама, в которой вставлен образ Фамеры. Она двойная. Аполлинический лик Фамеры оттеняют противоположные ему дионисические терзания нимфы Аргипэ и обширные, самой тонкой работы сцены дионисического иступления менад.

Эвий, о бог, разними наш круг,
о, Дионис!
Видишь, как томно сомлев, повис
Обруч из жарких, из белых рук,
о, Дионис!

Вряд ли когда-либо томление выражалось так прекрасно по форме и так реально по ощущению. Никакие сцены балета (на представлении Фамеры) не могут передать этих четырех строк: здесь и высокий божественный экстаз, пронизанный синим пламенем («Синее пламя твое стерплю»), и вся тяжесть созревшего в нежных тонах полновесного плода, падающего в истоме и в роковом притяжении на землю.

Белые руки все тянут вниз,
белые плечи хотят на луг,
белые груди из жарких риз...
О, Дионис!

Весь хоровод легок и воздушен: налетает, как сон, и утихает с той нежностью, с какой губы задерживают рвущееся из груди драгоценно-любимое имя. Из отдельных фигур прекрасен образ мэнады, опускающей тимпан за тунику:

Ты, медный, застынь...
Мне грудь освежая, застынь недвижим.

Вся пьеса «Фамира-кифарэд» – верное и тонкое отражение духовного совершенства и внутренней трагедии самого Инн. Ф. Анненского. Так умело, бережно и так любовно соединить всю сущность, всю мудрость и религию древних с тончайшими лирическими и музыкальными сокровищами современности мог только он. И это не только соединение, но и взаимное проникновение, скрытая связь: ничто не досаждает, не охлаждает в благоухающих стихах, текст плавится в душе, как ниспосланная благодать великого таинства. Каждую строку принимаешь с благодарностью, с замедленным восхищением, – так все полно таинственной мысли и самых пленительных и драгоценных созвучий. Удивляешься только, как массы были допущены к слышанию этого священного текста. Что взяли они? Что унесли с собою? – Так далеко еще раскрытие истинного значения трагедии. Не одно десятилетие она будет ждать своего тайновидца и толкователя, подобно тому как Тютчев ждал своего дальнего прорицателя Владимира Соловьева.¹¹⁰²

1917; [1919?]

МЕЛОДИЯ МУЧЕНИЯ¹¹⁰³ (СТИХОТВОРЕНИЯ АРСЕНИЯ АЛЬВИНГА)

Дмитрию Сергеевичу Усову

I

Завесою прозрачности сквозящей
его скрывает ауры яйцо.

В. Меркурьева¹¹⁰⁴

Имя Арсения Альвинга встречалось мне в самых различных сочетаниях: А. Альвинг – автор сожженной по постановлению цензуры книги переводов Бодлэра (изд. Гелиос, СПб., 1908 г.)¹¹⁰⁵, редактор московского журнала «Жатва» (1911–1916), сотрудник газеты «Новь» (Москва, 1914–1915), автор лекций о К.Д. Бальмонте (Москва, Киев – 1914), сотрудник альманаха «Аргонавты» (Киев, 1914) и проч.¹¹⁰⁶

Но не его работы я хотел бы сделать предметом моего экскурса, а его лирику, поскольку она выразилась в тех стихотворениях, которые относятся к периоду до 1916 года. О лирике Арсения Альвинга тем более хочется говорить, что он принадлежит к тому малому числу поэтов, для которых современные похвалы: – «изысканность», «утонченность» – не звучат никак, не манят никакими соблазнами. Названные качества для этих поэтов есть заранее данная ступень, с которой они или могут подняться выше или сойти совсем.

Обычно поэты только в процессе долгого восхождения поднимаются, наконец, до вершин полного поэтического преображения. Для А. Альвинга этот процесс до странности короток: претворение муки в красоту для него первое, изначально данное. Сочетание острой душевной тоски с тоскою осени дало ему это преображение. Испытания сердца длились беспощадною цепью, пока тяжкий покой безразличия не сковал «печальную и уставшую душу». «Все оковывал неодолимо – тяжкий сон». И выход из него возможен был равно в упадок и в возрождение. На этой грани, просветленно страдающий сад, «благоухающий в листе опавшей», дал новый подъем, новое непостижимое очарование и новую, уже желанную муку.

И ум таил в себе мечту,
иль в нем она сама таилась,
но только мука в красоту
непостижимо воплотилась.¹¹⁰⁷

Но добытое так быстро и так рано претворение муки в красоту не остается постоянной особенностью поэта. Он ее утрачивает и обретает вновь: в душе его чередования неодолимого сна («и все страшной и непробудней души неодолимый сон»¹¹⁰⁸) и просветления муки. Об этом говорят признания поэта в «Зное полдня» и «Тоске сирени». В последнем стихотворении вновь сочетаются и отпадение в чистую муку, и восторг целомудренного и высокого целования земли и сирени. В этом целовании поэт приобщается обоим видам животворящего естества: дионисической земле и аполлиническому цветению.

Нельзя же тоску обреченья
тоскою сирени залить
и вить из волокон мученья
хотя бы мечтания нить.

И вновь я красы не приемлю,
но, *скрывши дрожания уст,*
я жадно целую и землю,
и этот сиреневый куст.¹¹⁰⁹

Некоторые стихотворения дают понять, что душа поэта всегда окутана густой и чувствительной аурой, воплощающейся в экстазе и волнениях. От этого восторг перед возлюбленной и зажженная им сеть цветовой ауры закрывают образ любимой. И поэт – в незнании, за цветным туманом:

И был ли я твоим, иль это сон мне снился,
Живою ты была, иль только ожила?
*Но темный мой восторг перед тобой клубился,
И с ним мешалась жадно розовая мгла!*
(«Vin de souvenir»)¹¹¹⁰

Непостижима и светла,
Ты не вернешься, ты ушла.
(«Quand les lilas refleurront»)¹¹¹¹

Поэт, кроме того, обладает даром издалека различать ауры вещей, он очень чувствителен к особым силам (воздействиям), исходящим из вещей, к гармонии и диссонансам этих сил с настроением человека. Результатом гармонии и сопротивления вещей является общая атмосфера, в которую вступает и в которой раскрывается или сжимается аура человека.

*Ведь вещи мстят и, как и души, лгут,
Но те в большем, а эти – только в малом.
(«Не оживут. I»).*¹¹¹²

Они или тоскуют, или нежно обступают поэта:

*Как всё это странно тоскует,
Как всё это нежно слилось...
(«Nocturne»).*¹¹¹³

От «дуновения слов», от сочетания вещей, от растворения аур возникает каждый раз различное сочетание множества волей («чад своевольный») и получает начало та мгла, которая облекает ауру поэта, влечется за ней. Чаще всего он называет ее сиреновой, полусумраком синим, иногда – более точно: распльвом («и красный распльв полутьмы»), иногда, опять, только обозначает создающуюся вокруг него сферу сил и волнений, называя ее дымом, угаром, темно-лиловым парением.

*Ах, сердце тонуло в дыму,
В дыму голубом и жемчужном!
(«Ирис»).*

*Холодные, скучные дни
Без темно-лиловых парений.
(«Ирис»).*¹¹¹⁴

И полусумрак где томительный и синий?

.....

*И сладко было нам в чаду той полутьмы*¹¹¹⁵,
Что нас спасла, укрыла нас от боли...
(«Не оживут. I»)

А может быть, в тебе я полюбил и фею,
И плывший вокруг тебя *серебряный угар*.
(«Vin de souvenir»)

Поэт все время чувствует или слияние, или отторжение окружающей стихии.

... Качание голых осин
там с душой где-то тягостно слито...¹¹¹⁶

II

Зачем мне рай, которым грезят все?
*И. А.*¹¹¹⁷

По дереву вода огнем резца,
я вырезал страданье без конца!
*Кроммелинк*¹¹¹⁸

Поэтико-психологическое *credo* лучше всего, как мне кажется, выражено в стихотворении «Зачем?»¹¹¹⁹. Оно интересно, прежде всего, теми радостными очертаниями, которые открываются у этого поэта за нимбом слов; сквозь нимбы слов душа прорывается в желанные, еще не пройденные дали; эти светлые окружения – верный знак «рождающего» слова. И только такое, только «рождающее» слово нужно.

Зачем отдавать вдохновеньям
все чувства, все разные пять,
Коль можно отдать только тень им –
холодные муки отдать?

Это основной вопрос лирики А. Альвинга. – Зачем? – если можно отдать лишь «холодные муки». И в самом деле, «неисчерпаемые томления»¹¹²⁰, «фатум дня с горящею рукой»¹¹²¹, «огонь тоски и обреченья»¹¹²², «порывы бесплодных томлений»¹¹²³, «фата рокового раздумья»¹¹²⁴, «волненья раненой души»¹¹²⁵, «мелодии мученья»¹¹²⁶, внутренняя «агония»¹¹²⁷ – это и есть преимущественно содержание лирики А. Альвинга. Участвуют ли в этих муках «все чувства, все разные пять»? Конечно, да, – ведь именно они здесь роковым образом сдв-

лены, отравлены, заглушены. И, вместе с тем, это уже не они, не те цельные, обыденные чувства. Это только в конце трагедии могло казаться, что можно было отдать «только холодные муки», стоило отдать только их – но отдано неудержимо и трагически отдано «все», все чувства. Предпочтение муки в этом «отдании» совершенно ясно. Пусть звучит и торжествует «мелодия мучения» – только подальше от изжитых чувств, от обыденной жизни.

Правда, можно отдать вдохновенью и «раздумье, экстазы, досуг», но отдать особым, роковым образом, с особым изломом,

так, чтоб по маленьким строчкам
почувствовать горькое «Вдруг!..»,

почувствовать близость и горечь потери того обретения, которое дано вдохновением. И все творчество пусть будет проведено (все равно ему не миновать этой дороги!) над вечно нависающим ужасом, под угрозой смеха «в упор», смеха «над мукой, что нам дорога».

Вдруг нить сочетаний порвется,
и ринутся вниз жемчуга.
Вдруг кто-то в упор рассмеется
Над мукой¹¹²⁸, что нам дорога.

Душа поэта вечно в мученьях (от мира, от лиц, от жажды эвритмии), вечно в каких-то тяжких ожогах от прикосновения к миру, в мучительной агонии от «колющей» боли.

Вдруг кто-то – смешная отрада, –
скосивши презрительный¹¹²⁹ взор,
напомнит, что снова нам надо
чинить обветшалый забор,

чтоб вновь по остывшим точкам
пролился живительный ток,
*чтоб колющим кровь молоточком
по ставням постукивал Рок.*

И как страшно *главное* в этой пьесе, – это отсутствие сопротивления боли, мучениям, всему мучительному «наваждению». Мелодия му-

чения принимается, как избранная и желанная. Поэт говорит ей «да», принимает неизбежность того состояния, в котором бы

колющим кровь молоточком
по ставням постукивал Рок.¹¹³⁰

Выбор душевного состояния, наиболее определяющего поэтическое «я» А. Альвинга, предопределен и духовным наследством (единственно любимым и мучительным), и постановкой решения вопросов о мире, о Боге, о вере. Поэт останавливается на грани томления и муки, лелея, оживляя дар мучения и принимая муку как обетованную сферу, определенную ему Роком для поэтического плодоношения.

И не банальный Рай меня теперь влечет,
не тот, что мертвецам пророки обещали,
а рай, – что, может быть, во мне самом живет,
и даже не во мне, а *лишь в моей печали*.
(«Мой рай»)¹¹³¹

Желанный дар, которым поэт хочет обладать в совершенстве, – дар поэтической и музыкальной передачи мучения.

Как нежно длилась эта нить
неисчерпаемых томлений!
.....
Как он сумел зажечь сердца
огнем тоски и вдохновенья,
*как не хотели мы конца,
конца мелодии мученья!*
(«Мука струн»).

Но в истинный ужас должно повергать поэта превращение муки: вырождение мелодии мучения в стон мучения, в обыденные состояния: в «угар, да тоску, да усталость»¹¹³². Тогда ищет поэт забвения в немоте и чистоте снега. Можно, и это очень легко, сказать: поэт любит зиму, но это ничего не объяснит у данного поэта. После чего, после каких изломов и в каком состоянии он готов искать покровов зимы? – Только зная выбор душевного состояния, зная этот странный подвиг мучения, принятый на себя, можно разделить надежды, с какими поэт готов заключить свою онемевшую душу в тишину занесенного поля.

Там весна, но ведь в сердце пустынно,
и фальшив голубой холодок...

.....

И теперь вот, под стоны сверчка ты
помечтай о таком уголке,
где побольше меж рамами ваты,
хоть и тронулся лед на реке.
(«Не спится»)¹¹³³

Пусть ветви чернеющих ив,
так жаждущих белого снега,
не будут и знать, как красив
захват рокового набега.

*Я жажду зимы, как они,
и верен я ей, как они ей.
Мы с ивами будем одни
следить за своей агонией.*

Следить, но и верить звезде:
вдруг¹¹³⁴ вырвет у смерти она нас!
(«Проводы»)

Кажется, этой верой и исчерпываются все вопросы о Боге, о вере, о снятии «полутьмы»¹¹³⁵, окружающей поэта, об установлении гармонии «меж Истиной и Миром»¹¹³⁶. Почему не устанавливает поэт в своих прозрениях той единственной и необходимой связи между своим малым «я» и «Я» божественным? Это разрешило бы его от неисчерпаемых мучений. – Но поэт не ищет этого разрешения. Два течения, видимо, борются в его душе: приверженность к мучительной агонии, которая дарит редкий, особенный, поэтический подъем и – другое течение (может быть, странное): боязнь нового, особого вида мучения, новых «истязаний» сердца.

Как сладок неведенья плен,
как всякое знание ложно!

И стоит ли нам познавать,
что там, за незримым покровом?
И стоит ли нам приучать
сердца к истязаниям новым?
(«Романтический жасмин»)¹¹³⁷

Поэт в раздумье остается под знаком Рока, страха и ужаса, спутником избранного метода и пути мучения.

И над всем еле веющий страх,
еле дышащий ужас над тем ли,
что куда б нам теперь ни идти,
что какие б ни выдумать земли,
но конец наш на том же пути...
(«Зимой»)¹¹³⁸

Но святое он чтит, он знает и чувствует великую границу святого. Ему принадлежит стих: «Нельзя входить в святое мимоходом...»¹¹³⁹

III

Но люблю ослабелый
от заоблачных нег
то сверкающе белый,
то сиреневый снег...
И. А.

И снегов не помню я мертвей.
*И. А.*¹¹⁴⁰

Наиболее явственно метод мировосприятия А. Альвинга подчеркнут в стихотворении «Снег» («Давно уж не ведали мы»)¹¹⁴¹. По своему методу поэт благоговейно близок к Иннокентию Анненскому – постижение и просветление через боль, все через боль. Прохождение же боли через душу (путь боли) и закрепление в образах процесса тоски, – конечно, у А. Альвинга субъективно, по-новому тонко (по-новому больно!). Вероятно, и мы можем очнуться, возвыситься (и воскреснуть) только тогда, когда нам сделают больно по-новому. Тогда, вероятно, оживут и старые (сейчас загрубелые), но желанные раны.

Интересны узлы боли в «Снеге», сосредоточения боли. Их три, и закреплены они тремя символами: снег (образ, неразлучно сопутствующий боли), вата (здесь будто гаснет, слабеет боль, но становится долгой и докучной) и не пришедшая (не рожденная сердцем) тень.

Сильнейшим образом развитие боли идет (иногда захватывая сферы галлюцинации) до 4-й строфы. Переходы от снега (внешнее сопричастие боли) к вате (к существу затаенной боли) через «налеты зимы» и через «пелену снега». Последний признак имеет встречный, отраженный свет от главного, следующего «этапа тоски»: «как ватой». В двух признаках, которыми обозначается переход, собрано слишком много специальной боли: физическая боль нарастает до медицинского термина (налеты), а внутренняя – временно глохнет (почти, в бреду, забывается). Сочетание же двух узлов, снега и ваты, – ассоциацией успокоения и боли создает галлюцинацию полного замолкания боли.

И вот (2-я строфа) наступает удивление тому, что могла заглохнуть такая боль, что не будет видна «и жизни нелепая нить», не будет давить «и колер ее грубоватый». Удивление длится и на мгновение (в 3-й строфе) переходит в безотчетное (вероятно, – результат искания смысла боли) любованье болью (приглушенной). Я приведу все три строфы:

Давно уж не ведали мы
раскаяний бурных и грозных...
Зачем же налеты зимы
на ставнях не в меру морозных?

Ужели он сможет закрыть
своей пеленою, как ватой,
и жизни нелепую нить,
и колер ее грубоватый.

Пушисто-волнистый, он бел,
холодный и в сизых волокнах,
он так хорошо занемел
на суженных стужею окнах.

В последней строке («суженных стужею») начинается вьявь напоминание боли, и оно (нечаянно и досадно-нежеланно) переходит в возвращение к ней, к явной боли. Это и есть переход к третьему «эта-

пу тоски», к тоске ожидания, к тоске по участию, по исцелению от соприкосновения с тенью. В словах: «хотя бы и чуждою тенью» начинается борьба желаемого (яви) и неосуществимого (не яви), борьба, готовая воплотиться в тяжелый сон, в галлюцинацию трепета на роковой грани.

В 5-й строфе можно видеть желание прервать тяжелый кошмар, удержать себя на грани видения (вот-вот явится невозможная тень), – это уже некоторое отрезвление (объяснение), это как бы отчет, переходящий в верное проникновение всего испытанного и познанного в боли...

*Сцепленья без видимых грез,
как снег¹¹⁴² без уютных снежинок.*

В последних двух строфах – вполне (в сознании сказанные) трезвые строки, но окончание («смешной, как твоя колокольня») обещает и новую боль, и резкое головокружение на невозможной высоте (в яви – не яви), и, быть может, новый жестокий кошмар...

*Когда бы на сердце не лед,
когда бы и жар, и смятенье,
да вера, что кто-то придет,
хотя бы и чуждою тенью!..*

*Сцепленья без видимых грез,
как сон без уютных снежинок,
к которым¹¹⁴³ и взглядом прирос,
и горькою думою инок. –*

*– Без веры бродящий монах! –
холодной зимою храним бы,
ты мог бы и в гордых словах¹¹⁴⁴
воспеть эти светлые нимбы!*

*А что же теперь? – только снег,
мелькающий часто и больно,
да ты, из обычных калек,
смешной, как твоя колокольня...*

IV

Потому что цветы – это ты.

*И. А.*¹¹⁴⁵

Не меньше, чем снег, и так же очень непросто любит Арсений Альвинг цветы. В его любви много личных, особенных и потаенных мотивов. Он выбрал себе сирень, завещанную ему Учителем, ее цвет ему интимно и навечно близок («мгла сиреневых долин», «сиреневый храм», «сирень, сирень меж темных кос»). Кроме нее, – он читатель и поэт бесстрастного жасмина и странных каприфолей.

Я подсказал, и повторяли мы,
И странно так звучало: каприфоли.
(«Не оживут. I»)

Зачем же ты, цветок желанный,
мой бледно-палевый жасмин,
опутал ум мечтою странной,
а душу – сетью паутин?
(«Утренний жасмин»)¹¹⁴⁶

Но в одном из стихотворений – «Цветы на проволоке»¹¹⁴⁷ – поэт является подлинным рыцарем цветка, *рыцарем его страдания*. И это – еще одна особенность поэта. Его внимание сильнее всего приковано к той боли, какую несет цветок своей смертью в красоте, и к самой агонии цветка. Поэт чувствует интимную жизнь цветка, как свою, *становится ее двойником*: их боль – его подлинная и близкая боль. Железо, ввитое в цветы, близко и остро задевает его сердце. Читая стихотворение А. Альвинга, помнишь, что нигде так беспощадно не поругана божественная красота, как в цветах.

Изогнуты волей другого,
всех колеров, видов и форм –
вы жертвы обычая злого
приличий, привычек, проформ. –

Сначала в вас ввили железо,
отнявши всю гибкость у вас.

Потом вас садовник подрезал
в букете, ранжиром, en masse...

Поэт умеет передать смерть цветов, – смерть в блестящей и горькой красоте, – с необыкновенной жуткостью. Его строка: «И вот, покачнувшись упруго» создает глубокое впечатление, дарит страшными ассоциациями. Железо, ввитое в цветы, дает им упругость мертвого тела, не отнимая совсем жизни, сообщает им ложное бессмертие («хоть мертвый – живет»), предавая поруганию предсмертную тоску. И один вопрос, сквозь наступающую тьму, еще мучит онемевшие цветы: ответить ли на поругание? Безысходность и немота («Вы долго, касаясь друг друга, решали тяжелый вопрос») разрешаются единственно возможным для истинной красоты смирением. – Обычная тема (составление парадного букета) передана у А. Альвинга почти в религиозных тонах.

И вот, покачнувшись¹¹⁴⁸ упруго,
и плача тихонько¹¹⁴⁹, без слез –
вы долго, касаясь друг друга,
решали тяжелый¹¹⁵⁰ вопрос:

Сложить ли скорей лепестки вам,
Весь ужас тоски затая,¹¹⁵¹
Иль молча, в порыве красивом,
Смириться, от боли дрожа?

И, видно, вам было милее
смириться... Смирились, и вот –
Букет, лиловея, алея,
Желтея, хоть мертвый – живет,¹¹⁵²

затем, чтобы нынче в концерте, –
куда неизбежно идти,
певице за Песню о Смерти
с поклоном его поднести.¹¹⁵³

Стихотворение готово рассказать многое о самом поэте, его понимании жизни. Но кто услышит этот рассказ? – Жизнь несет длительное страдание благоухающей, как цветок, душе, имеющей благостный и горький дар цвести здесь цветением нездешним и неоцененным.

С именем Иннокентия Федоровича Анненского Арсений Альвинг связал и свою лирику, и (как мне кажется) свою жизнь и судьбу. Это не ученичество только (в смысле поэтической школы), а, скорее, редкое последование, ведущее к углублению тем, манер и предпочтений Учителя. Поэт открыто, как герольд и как один из малого числа его посланцев, возвещал торжественное и тонкое имя Иннокентия Анненского. С полным преемством и доброю честью он сумел ответить ушедшему Учителю на его тайное и мучительно-нежное Невозможно. Я позволю себе заключить свои строки лучшим их украшением, – этим «лунно-голубым» «Непоправимо».

Меж слов банальной суеты,
что, не задев, несутся мимо,
одно полно и красоты,
и тайных мук – непоправимо.

О, как трагически страшны
его томительные звенья
и что за тягостные сны
над ним плывут без разделенья!

Как в звуковой его тоске,
в преобладании согласных,
как будто тают вдалеке
экстазы радостей напрасных.

.....

И кто-то, нас не пожалев,
на лунных крыльях серафима
всё шлет мучительный напев
с его одним – непоправимо.¹¹⁵⁴

Май 1918

**[СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЦИЙ
ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ТРАГЕДИИ,
ЧИТАННЫХ ЕВГЕНИЕМ АРХИПОВЫМ В 1920 ГОДУ
В ТЕАТРАЛЬНОЙ СТУДИИ В.С. ЭМ. МЕЙЕРХОЛЬДА
(г. Новороссийск)]** ¹¹⁵⁵

I

Происхождение трагедии. Жертвоприношения Дионису. Архилох. Арион. Ленеи и Великие Дионисии. Происхождение трагедии из дифирамба. Сатирическая драма. Феспис (536 <г. до Р. Х.>). Пратин Флиунтский. Взаимодействие дифирамба и сатирической драмы. Трагедия под покровительством государства. Национализация трагедии.

II

Основа греческой религии. Два отношения к тайне. Культ и миф. Свойства мифов. Два способа закрепления мифов. Элементы мифов. Свойства культа. Статуя Алкамена¹¹⁵⁶ и крашенный идол. Вопрос о происхождении культа Диониса.

III

Связь культа Диониса с оргиями. Драматический характер оргий. Оргия как драматическое воспроизведение безумия. Экстаз. Обстановка экстаза. Костюмировка экстаза. Цель экстаза. Состав оргийной группы. Оргийные местности. Оргия в историческом освещении. Тиადы¹¹⁵⁷. Теория тиад. Ритуал и личный энтузиазм. Ритуал в одежде. Триетериды¹¹⁵⁸. Агрионии¹¹⁵⁹. Миниады¹¹⁶⁰.

IV

Родина оргийных празднеств. Религия фракийцев. Орфические таинства. Оргия Вакха. Народные черты в оргиях Вакха. Происхождение типа менады. Вещая жрица и менада-амазонка. Вакханки Еврипида¹¹⁶¹. Победа экстатического образа. Главные черты экстатического образа. (Менада Скопада, IV < век до н.э.>¹¹⁶²).

V

Вино, кровь и музыка. Флейта, бубен и литавры, их родина. Дионис Сабазий¹¹⁶³. Смысл Дионисийского экстаза. Вещание. Угадывание-

видение. Одержимость. Вещая свита Диониса. Дионис и Аполлон в Дельфах.

VI

Генеалогия и морфология образа Диониса. Диссоток¹¹⁶⁴. Дифирамб. Фракия и Аттика. Дионис Загрей (Великий Ловец). Крит. Орфики. Фракийский характер легенды. Горный бог. Миф о Дионисе-юноше. Фракийское вино и вино разбавленное. Тиас Диониса¹¹⁶⁵. Опьянение, прелесть и мир. – Дионис Лисий¹¹⁶⁶, Элевтерий¹¹⁶⁷. [Аттика].

Аттические Дионисии. Дионис Бассаревс¹¹⁶⁸.

VII

Дионис и Агни-Сома¹¹⁶⁹. Диссоток – Двиджанман¹¹⁷⁰. Вино. Агни-Сома, «стоящий на горе». Перебродивший сок асклеиады¹¹⁷¹. Единение огня и влаги. Идея бога Агни Сома. – Загадочные звуки имени Диониса. Женское влияние на тип Диониса (Котито, Кибела¹¹⁷²). – Иконография Диониса. Идол Дендрита. Три типа: Дионис Погонит¹¹⁷³ – Дионис Лидийский¹¹⁷⁴ – Дионис Праксителя. Дионис Погонит: чернофигурная живопись, статуя Алкамена¹¹⁷⁵ для Ленейского храма. (Дионис Эврихайт¹¹⁷⁶).

VIII

Дионис и официальная религия. Сельское божество. Божество винограда, виноградника и производящей лозу земли. Хтоническое Божество. Дух земли. Скрытые подземные силы как основа мира. Хаос Тютчева. Непокоренные космосом силы. Религия страдающего бога. Умирание и воскресение Диониса. Дионис в природе и душе. Сферы Аполлона и Диониса. «День и ночь» Тютчева. Видение Дионисических Сил. «Море» Тютчева. Дионис и Мировая душа. Дионис и вселенское чувство.

IX

Религия Аполлона. Аполлон Пречистый (Феб). Бог блага и порядка – Основатель городов и колоний. Аполлон – спаситель. Покровитель стад. Лебедь и волк¹¹⁷⁷. Пальма и лавр¹¹⁷⁸. Аполлон – блюститель исполнения воли Зевса. Аполлон – Губитель.

Х

Религия света, просветления, озаренности, вдохновения и прорицания. Аполлон Локсий¹¹⁷⁹. Аполлон всеведущий. Покровитель искусства. Мусагет. Apollo Medicus¹¹⁸⁰. Иконография Аполлона: Аполлон Тенейский, Аполлон Бельведерский, Аполлон Мусагет (в одеянии аэдов).

XI

Бог солнечного блеска. Определенность и ясность очертаний. Покой. Умиротворенность. Сияющая в торжестве, радующая красота. – Борьба Аполлона и Диониса в изображении Алексея Константиновича Толстого. Аполлиническое и Дионисическое начало в Русской лирике. Ницше. Вячеслав Иванов. Дионис вдохновения и Аполлон формы. Дионис как основатель творчества. Аполлон, как исход для творческого порыва.

XII

Театр. Театральные представления. Состязания между поэтами. Хорегия¹¹⁸¹. Проагон¹¹⁸². Состав представления. Время для драматического состязания. Порядок открытия. (Статуя Диониса). Суды. Награды.

XIII

Хор. Хор при исполнении Дифирамба. Трагический хор. Шеренги и колонны. Положение корифея. Время появления хора. Авлет¹¹⁸³. Движение хора. Деления хора. Исполнение партий. Состав хора. Костюмировка хора.

XIV

Артисты. Поэт и артисты. Число актеров в пьесе. Дополнительный актер. Деления актеров. Роли. Аккомпанемент. Костюмировка. (Головные украшения. Котурны). Маска. Происхождение маски. Изготовленные маски. Что выражала маска?¹¹⁸⁴

ИЕРОФАНТ УЖАСА И СТРАСТИ (Лирика кн. А.В. Звенигородского)¹¹⁸⁵

Лишь ужас в белых зеркалах
здесь молит и поет.

И. А.

Князь Андрей Владимирович Звенигородский почти неизвестен в критической литературе, больше известен в литературных кругах Москвы (В.И. Иванов, К.Д. Бальмонт, М.О. Гершензон) и Нижнего Новгорода (А.С. Волжский, Чехихин-Ветринский, Борис Садовской)¹¹⁸⁶. Издание сборников его стихотворений прошло почти незамеченным. 1-й сборник (юношеский, «На память») издан в 1898 г. (Нижний Новгород). Второй – «Delirium tremens»¹¹⁸⁷ – издан в Москве в 1906 г.

Третий – «Sub Jove frigido» – там же, в 1909 г.¹¹⁸⁸ Четвертый сборник несколько раз подвергался переработке при подготовке его к печати, но так и не был издан. Предполагавшееся название его: «Albo corvo rariores»¹¹⁸⁹.

В настоящем экскурсе я цитирую стихотворения как вошедшие в названные сборники, так и не вошедшие: 1) появившиеся в периодических печатных изданиях и 2) не напечатанные, любезно предоставленные мне поэтом для ознакомления.

ГЛАВА I

Когда говоришь о поэте, всегда хочется отыскать его «необщее выражение»¹¹⁹⁰, его особенности, те темы, в которых свободно и звонко крепнет его голос. Поэт может быть силен во многих темах, иногда совершенно противоположных, но только в одних определенных мотивах он исключительно ярок и неповторим. Тогда стих его внезапно углубляется, приобретает высшую упругость и в своем течении («как прыгающий водопад»¹¹⁹¹) выносит на поверхность новые сочетания слов и заповедные затаившиеся в душе образы.

Таких тем у кн. А. Звенигородского две: самая любимая – ужас, и вторая – поклонение «огненному цветку» – страсти. По тем немногим ремаркам, которые сопровождали иногда путешествие его стихотворений ко мне, видно, какая близкая, внутренне неотвратимо трагиче-

ская и вместе с тем родная и любимая тема для поэта – Ужас. Не слава оригинальности, не мода эксцентричности, а внутренний опыт, неоднократно погружавший душу в безысходные сферы Ужаса, сделал эту тему исключительно близкой («Ужас! – Мое любимое, горячо любимое всегда – слово!»¹¹⁹²).

Трилогией «Кошмар»¹¹⁹³ впервые открывается перед нами лик ужаса, так часто предносившийся умственному взору поэта. И особенность ощущения ужаса у кн. А. Звенигородского та, что ужас сплетается с видениями страха и смерти.

Смерть цехового, «весь этот ужас тела»¹¹⁹⁴, вызывает безумие и безответную страсть жены. И ужас здесь в соединении зрелища мертвого тела с обнаженной и «плещущей страстью»¹¹⁹⁵. Но центр «трилогии» – это второй кошмар: «О, час мучительно великий!». В шестнадцати лаконических строчках поэт раскрывает тему, впервые поставленную Н.С. Лесковым в «Соборьянах» и усиленную Л.Н. Андреевым в «Василии Фивейском». Чтением Евангелия от Иоанна в полночь, наедине с усопшим, пытается дьякон Ахилла воскресить своего друга и наставника о. Савелия. Сильнейшим напряжением воли, доведенным до грани безумия, в сгущенной атмосфере иступленного ожидания и дикого дерзкого вызова о. Василий хочет поднять из гроба умершего работника. И здесь, во втором кошмаре, – вдова умершего при прощании с возлюбленным своим иступленно хочет вернуть его к жизни. Средства воскресения у всех авторов разные. И самый выбор их характерен. Кн. А. Звенигородский выбирает «пытание огнем всесильным», страстью, «диким безумием губ».

О, час мучительно великий!
Я, синий труп, лежу в гробу.
Ты к моему припала лбу.
В губах твоих безудерж дикий.

Вокруг толпа. В дыму кадильном
тревожно смотрим: *ты и я* –
два разлученных бытия –
пытаем смерть огнем всесильным.

Безумье плещет. *Но избыток
кричащих смертоносных сил,*

как злой палач, *тебя добил*
на дыбе беспощадных пыток.

Ты замерла. Я *снова дальний*,
ушедший за черту земли.
Вот гроб мой в церковь понесли.
Хорал рыдает погребальный.

Особенность в разработке темы здесь та, что и умерший вместе с возлюбленной принимает участие в «творении смерти огнем все-сильным». И дан ответ, почему не произошло «восстание из мертвых»: «избыток смертоносных сил» нашел для себя слабую сторону в «ней» – после чего «два бытия» были разлучены навеки, а усопший стал «дальним, ушедшим за черту земли».

Такой дар изображения в лирике смертного состояния и состояния после смерти имеет лишь одного достойного соперника – Андрея Белого (см. «Пепел»: «У гроба», «Вынос», «Отпевание»).

3-й кошмар («В слова не верь. Не надо слов. Пусть все слова замрут навеки») интересен горячим иступленным отказом от слова и от того, что движет словами – от рассудка. Необыкновенной силы строки посвящены предпочтению чувства и сердца как пути, освобождающего от тяготы и ужаса земного существования. Здесь впервые мысль поэта останавливается на искании выхода из ужаса, освобождения «от всех мучений». Этот выход – родство и слияние с земными стихиями.

Пусть задрожит земля и вновь
раскроет огненные пасти,
и нашу бедную любовь
стихийные поглотят страсти.

И будем мы с тобой в огне
безумно-пламенных видений
лежать на раскаленном дне,
свободные от всех мучений.

Лик ужаса в лирике кн. А. Звенигородского меняет свои личины: борьба любви и смерти сменяется «неподвижною злой городьбою», поворотом рокового зловещего колеса и снова тяжбой любви и смерти. Я разумею стихотворения «Городьба», «Спутались в узел аллеи»

и «Бэла». В первых двух – мучительная и напрасная попытка вернуть утраченное и любимое прошлое. Все нежные тона, все просветы лазури затемнены, вся пленительная подвластность очарованию исчезла. Неумолимая судьба, уныло и докучно переставляя ночи и дни, несет в своих снеговых заледенелых крылах ужаснувшуюся и уже ничем не согретую душу.

Нет ни к чему возврата. О, жестоко
поставленная в жизни городьба!
Что было свято, дорого – далеко...
Кровавыми крылами бьет судьба.

Все дальше то, все ближе роковое.
Так человек у смертного столба
трепещет, жаждет возвратить былое,
но неподвижна злая городьба.

Прошлое невозвратимо, но отошло оно, видимо, с такой остротой и мучительной болью, с таким ужасом разъединения, что душа не в силах мысленно и сердечно не возвращать его сквозь всю тягостную тоску, сквозь вечную боль «в роковом колесе».

В стихотворении «Спутались в узел аллеи» чувствуется жизненно, автобиографически пережитая трагедия сердца, фрагменты которой поэт слил в едином лирическом ритме.

Спутались в узел аллеи...
Кто вы, откуда, зачем,
черные, скользкие, всем
гибель несущие змеи?

О! Кто безумствует, пусть!
Чей это вопль над подвалом
страсти, разбившейся валом
невозвратимых минут.

Пусть в роковом колесе
нас изуродуют муки,
тянется к прошлому все –
мысли, и губы, и руки.¹¹⁹⁶

Стихотворение «Бэла» («В грудь ударила пуля»)¹¹⁹⁷ удивительно по необычайно редкой в русской лирике силе стиха. Ритмические удары падают с таким высоким напряжением, что, читая стихотворение, невольно боишься, как бы не оборвался и не исчез самый звук удара. Из приведенных стихотворений уже легко было усмотреть, что поэт принадлежит к школе тютчевской силы и тютчевской ковки стиха. Из данного стихотворения мы узнаем еще одну черту миропонимания кн. А. Звенигородского. Она зафиксирована строчками:

О, весь мир мне – пустыня.
Рад смертельной я ране.

Тягостное мирозерцание поэта совмещает в себе, в процессе вечной встревоженной борьбы, – и ужас от приближающейся смерти, и открытую радость смертельной (наконец-то!) раны. На поле сражения властительной рукой прикасается смерть к сердцу, – и поэт передает краткую последнюю тяжбу смерти и сердца. В несколько мгновений герой успевает «оглянуться на жизнь», поклониться своей святыне и с милым именем закрыть глаза.

В грудь ударила пуля...
Смерть – вот тут, недалеко!
Я не вижу патруля,
пусть! – но ты, ты далеко.

Чу! Вновь залпы над нами.
Я попал под расстрелы,
но уста шепчут сами
имя маленькой Бэлы.

Стыну в красном тумане...
О! Весь мир мне пустыня!
Рад смертельной я ране.
Только ты, ты – святыня.

Вряд ли какое-либо из стихотворений так точно, во всей тщательности выражает мироощущение поэта, как стихотворение «Душа ушиблена. Мозг ноет...»¹¹⁹⁸. Для выражения основного своего настроения кн. А. Звенигородский подобрал такие короткие и полновесные («как

обреченная пчела на лепестках цветов», К. Б.¹¹⁹⁹) слова, такие выражения, гулко отрешенно звучащей меди, что получилось полное выражение затаенного и скорбного «я» поэта. Мне кажется, на точность воспроизведения трагического «я» поэта претендуют два фрагмента: упомянутое выше стихотворение и отрывок прозы («И я снова в статически мертвом положении»). Я приведу и то, и другое, – в них поэтическая и жизненная правда, сложившаяся в один страшный и дикий крик ужаса.

Душа ушиблена. Мозг ноет.
Озябла озимь. В теле дрожь.
Костлявая волчица воеет,
Под мокрый корень жметяся еж.

Ночь быстро опускает трапы.
Дождь властвует. Злой ветер лих.
А сердце давят чьи-то лапы,
И вырваться нет сил от них.

«И я снова в статически мертвом положении. Тебе бы давно следовало заметить, что друг твой умер, умер для всех... Вечно передо мною стоит одна идея смерти. Неотступная, страшная. Ни бога, ни молитвы к Нему; ни прекрасной, ни любви к ней. Ни красоты, ни поэзии. Черная отвратительная яма. К ней иду. Не остановить! Последний вопль. И людей нет, и не надо... Не сердись, но все мне прости как человеку умирающему» (Котовка, 5 июля 1907 г.)¹²⁰⁰.

К циклу стихотворений ужаса и смерти относятся и три мотива разлуки такой четкости и силы, что кажутся выгравированными на металле (сам поэт, вероятно, создавал свой новый и интересный чекан стиха: в одном стихотворении он говорит о «чеканке *слогом*» черт любимой девушки¹²⁰¹). Чувствование рокового и, в частности, чувствование развязки в высшей степени присущи поэту. И его особенность в том мастерстве и в той жизненности, с которой он остроту горя, разлуки, разрыва передает в своих отточенных стихах. Мотивы разлуки кн. Андрея Звенигородского должны быть поставлены рядом с мотивом исключительной точности у Н.П. Огарева («Забыто» («Я ему сказала: “Возвратился, милый!”»)). И только после него могут быть упомянуты стихотворения Я.П. Полонского (1). «Безумие горя» («Когда, держась за руч-

ку гроба»), 2.) «Последний поцелуй» («Поцелуй меня... Моя грудь в огне») и А.М. Жемчужникова («Смерть» («Кончено. Нет ее. Время тревожное»)).

Первое стихотворение на мотив разлуки – «Гляжу в последний раз на твердь»¹²⁰² – интересно открылось ощущением приближения смерти:

*вот, вот теперь
уже распахивает смерть
свою мне дверь.*

Второе – «От страшной отскочил доски»¹²⁰³ – передает ужас прощания с умершим, какое-то inferнальное притяжение лежащего в гробу. Видно, что-то дикое, нечеловеческое связало этих двух лиц (умершего и живого). Со страшным трудом отклонил простившийся зов из гроба, – «от страшной отскочил доски». Потрясение передано в коротких и сильных, как торопливое забивание крышки, фразах: «Забивали гроб. Заколотили. На колокольнях зазвонили». А для пробуждения от ужаса поэт отыскал жуткий, обыденно-спокойный образ («Тес пилили»), – и контраст получился действительно «надрывный», приводящий к безумию:

*И кровь рвала мои виски.
.....
Играли дети. Тес пилили.*

Последний образ в стихотворении («И пар клубился от земли») вновь возвращает нас к мысли, что в этом погребении какой-то недобрый, дьявольский клад был опущен в землю. Вот вся пьеса:

*От страшной отскочил доски.
Закрыли гроб. Заколотили.
На колокольне зазвонили.
И кровь рвала мои виски.*

*Когда очнулся я... Вдали
играли дети. Тес пилили.
Из церкви люди выходили,
и пар клубился от земли.*

В третьем стихотворении («Ясна вся невозможность поворота»¹²⁰⁴) торжествует строка

И мертвый я... твой мертвый вижу взгляд.

А все остальное – острый и тоскливый фон, говорящий, как мучительно много раз возвращалась надломленная, в себя не верящая мысль – побороть разрыв, вернуться к старой жизни и крепкой любви. Наконец, все стало мертвенно-ясным.

Ясна вся невозможность поворота.
Зловеще петли ржавые скрипят, –
и распахнули пасть столетние ворота.
Ямщик ударил. Бубенцы звенят.

Твоей любви играет в сердце нота.
И мертвый я... твой мертвый вижу взгляд.
Ясна вся невозможность поворота.
И старый дом, и старый плачет сад.

Так одна личина тревоги и ужаса сменяет другую. И это не только в редкие потрясающие моменты: среди обычных тоскливых будней тот же ужас подстерегает поэта. Нет ничего особенного. Медленно тянется время. Заунывно поет шарманка. Бестревожно и жалко подскакивая, птички вынимают билеты. А встречные шаги ужаса остро отдаются в сердце: в нем отдается острая «и злая боль».

Гляжу на лик Франчески, –
и страшен жизни рок.

А на дворе шарманка,
и прыгают клесты, –
и вскрыта вся изнанка
несбывшейся мечты.¹²⁰⁵

Неотвратимость какой-то «кровавой тризны» не оставляет поэта. Видимо, счастье светит для него мучительным, жестким и отравным светом. «Мухоморы»¹²⁰⁶, опьяняющие мушиный рой, – вот образ, отысканный поэтом для мгновенного ослепляющего счастья.

Чаруя взоры красотой –
пурпуровым нарядом,
они влекут мушиный рой
упиться сладким ядом.

И рой летит и краткий миг
блаженствует, как боги.
Но миг прошел, и смерти крик
несется с красной тоги.

Острое, никогда не покидающее поэта чувство смерти видно и в стихотворении «Солнце в могилу глядит...»¹²⁰⁷. Ритуал смерти, прощания и погребения как-то особенно интимно близок кн. А. Звенигородскому. В этом у него некоторое сродство с Инн.Ф. Анненским («Трилистник траурный» – «Черная весна» – «У гроба»). Поэт потаенно и жутко запомнил и колебания гроба, спускаемого на полотно, и глуховатый стук о стены могилы, и заглушенные осыпающейся землей звуки падающих сырых комьев. Над всем стихотворением торжествует жесткий дуэт двух строк:

Дни мои смертью раздавлены.
.....
Вечные ночи поставлены.

Но есть (в другом стихотворении) и попытка разбить ужас смерти упованием на страсть, на исступление, на прикосновение к бессмертной стихийной основе мира, на воскрешение в «ликующем циклоне». Я говорю о стихотворении «Ignis sanat»¹²⁰⁸. Сюжет его – восторг вечного возрождения, воскрешение плоти и духа в вихре всеобщего дионисического исступления. Это вера в мировое воскресение, «от жгучих исступлений», в возрождающее соединение с таинственной дионисической силой, сокрытой в мировых недрах.

Во мне проснулись красные пожары.
Люблю я гул и взрыв подземных сил;
в них все постигну бешеные чары.
Пришел я опрокинуть власть могил.

Всего коснусь, могучий и безумный,
с сердец людских низвергну тяжкий сон;

проснутся все, и оргиями, шумный,
ликующий охватит нас циклон.

С горящими, как Африка, губами
менады обнажат святое дно,
и пьяное пурпурными волнами
заплещет в нас стихийное вино.

Воскреснем все от жгучих иступлений, –
низвергнув старый, в новый вступим мир.
Уж близок час всемирных воскресений.
Зову я всех на предстоящий пир.

Ту же своеобразную идею воскресения через причастность к вечному огню стихийности мы видим уже в поразительном 2-м кошмаре.

ГЛАВА II

Но жар мятежный
с высот бездонных
он мечет снежный
в сердца влюбленных.
«Крин». Кн. А. З.¹²⁰⁹

Второй обширный цикл произведений посвящен сердцу. Здесь с необыкновенной тонкостью и нежностью очерчены кн. А. Звенигородским зарождение любви, преображение сердца и самый образ девушки. Редко кто из поэтов брал такие прозрачные, полувоздушные краски для воссоздания любимого образа:

О, Эпомея,
волшебный цвет!

Твой образ сказочнее феи!¹²¹⁰

Из далеких неизреченных сфер, где зарождается счастье, своим сердечным предчувствием вызывает поэт образы поразительной чистоты и лазурного света. Через многие годы и века устанавливается луче-

зарное отражение одной души в душе другой. Эманация зародившейся любви у девушки, взаимодействуя, вызывает предчувствие любви у юноши. В стихотворении передано платоновское стремление к любовному единству двух половин истинного индивидуального существа.

Знаю девушку где-то,
но не знаю, где.
Плачет. Смотрит все лето
на тени в воде.

Тени любит все лето,
тени в черной воде.
«Знаю, близко он где-то,
Но не знаю, где».

Лето, красное лето,
я – как тень на воде!
Вижу девушку где-то,
но не знаю, где.¹²¹¹

Постепенно образ принимает конкретные черты, но какие зыбкие! – «небес поющая эмаль», пронизанная солнечным пэаном¹²¹². Душа любимой не совсем сошла на землю, еще чувствуется ее приподнятость над землею: «чуть на крылах». Для этой окрыленности поэт находит поразительные сравнения: снежная звездочка (в эпиграфе); душа, как птенчики, чуть на крылах; звон бубенчиков; пушинки одуванчиков; весенний ключ и трепетный, уже неземной образ Снегурочки.

Твоя душа, как птенчики,
чуть на крылах.
Бубенчики, бубенчики
в твоих ушах.

В пушинках одуванчики
нежней любви.
Тушканчики, тушканчики
в твоей крови.

Ты трепетная дурочка,
весенний ключ.
Снегурочка, Снегурочка!
Мой светлый луч!

(Моей будущей невесте)¹²¹³

Характерно у поэта это обращение к снегу, чтобы передать чистоту только что сошедшей на землю души. В другом стихотворении он говорит:

В душу спускаюсь и вижу снега
в нежно-стыдливом огне.¹²¹⁴

Приведенные выше пьесы образуют как бы пролог к любовной лирике кн. А. Звенигородского. В дальнейших стихотворениях поэт показывает себя не меньшим мастером в передаче нарастания и высокого пафоса любви. Уже в обычных своих сильных тонах он передает

любви мятежной огонь и горе.

В стихотворении «Моя любовь к тебе отныне» «о прекрасной девушке мечта» вырастает в огненный цветок.

Моя любовь к тебе отныне, –
к тебе одной!
К твоей врачующей святыне
я, как араб, стремлюсь к Медине,
мне дорогой!

Рвался я долго в жизнь иную
от моря бед,
разбить хотел я пытку злую,
но ты спасла... Я торжествую,
я дал обет:

Создать алтарь, где светлым богом
предстанешь ты.

Под древнегреческим чертогом
чеканить буду там я слогом
твои черты!¹²¹⁵

Это очень редкий образец русской любовной лирики, – подлинное превознесение любви. Это и есть чекан любимого образа пламенеющим, «как лавы огненный поток»¹²¹⁶, слогом. Здесь нежная мечта претворилась в «багряно-пышный арум».

«Огненный цветок» влечет за собой и целование «огненной земли» («Ты не забудешь, как девятый вал»¹²¹⁷). Любовь для кн. А. Звенигородского так же, как и для Тютчева, – «роковой поединок» двух сердец. Сжигающая страсть опалает большое нежное сердце («И чем одно из них нежнее»)¹²¹⁸. – Здесь нам уместно сказать, что в кн. А. Звенигородском мы видим глубокого последователя Тютчева по мирозерцанию, одного из немногочисленных учеников его, возрастивших зерно стихийного творчества. Стихийные темы кн. А. Звенигородского и Тютчева в прямом преемстве и родстве. Там, где кн. А. Звенигородский касается темы «рокового поединка» и стихийности сердца, – он верный продолжатель Тютчева. В стихотворении «Филин»¹²¹⁹ в образе ночной птицы является темная стихийная основа души, – источник клокочущей бьющейся страсти и яркая противоположность дневному покрову нежной влюбленности. Сопоставление со стремительной угрюмой птицей, лишь ночью приобщающейся к живой стихийности, сделано поразительно метко, с передачей в размере стремительного и прерывистого полета филина.

От гнилых болот могилен
воздух рощи.
Встрепенулся старый филин,
полон мощи.

Погнался вслед за летучей
бойкой мышью,
и, схватив ее над кручей,
мчится тишью.

Он упиться в роще темной
жаждет кровью.

Так к тебе горю нескромной
я любовью.

Полноту стихийного счастья, пронизанного бессмертной страстью, поэт передает в стихотворениях: «Сны развернулись», «Ломаю в парке белую сирень»¹²²⁰. Видно, – поэт крепко верит в бессмертную силу страсти. Эта вера – для него сильный противовес ужасу существования и дикому ужасу смерти. Подобно Гете в «Коринфской невесте», он готов с торжеством повторять слова девушки, обессмертившей себя стихийным чувством.

Но меня из тесноты могильной
некий рок к живущим шлет назад;
ваших клиров пение бессильно,
и попы напрасно мне кадят:
молодую страсть
никакая власть,
ни земля, ни гроб не остудят!¹²²¹

Это тоже – «пытание смерти огнем любви всеильным». В названных выше пьесах поэт передает именно жуткую полноту счастья, подчеркивая выражения: «счастье, как дикий бурьян», «вся ко мне просишься, жду тебя *весь*»; «*все* отошло»; «*вся* ты раскрыла»; «и *весь* боюсь»; «ты билась *вся*» («Ты не забудешь»).

В каждом фрагменте своего литого, Гефестовой чеканки стиха, поэт являет невиданный еще, непредугаданный ослепляющий просвет в стихийное счастье. Очень давно, со времен Тютчева, не говорили таким всепобедным языком. (Этим, впрочем, я несколько не умаляю отдельные достижения Бальмонта и Брюсова). Вот этот редкий образец запечатления момента счастья.

Сны развернулись. Ты, нежная, здесь.
Вся ко мне просишься. Жду тебя весь.
Все отошло, что держало нас врозь.
Счастье, как дикий бурьян, разрослось.

В музыке пьяной двух пьяных сердец
вся ты раскрыла свой белый дворец.

Я среди тайн зачарованных роц
чую твою безначальную мощь.

Читая стихотворение, непосредственно чувствуешь, как близко, совсем близко тайнодействует и плещет стихия человеческого счастья. Вся сущность и «жуткая бездна любви»¹²²² приоткрыты, и опаляюще дышат в лирике князя А. Звенигородского.

Ломаю в парке белую сирень,
И, пьяный ароматом несказанным,
Спешу к тебе по комнатам туманным,
И весь боюсь, что нас застанет день.

Ах, наша страсть – безумная ступень,
зовущая к восторгам неустанным,
Спешу к тебе по комнатам туманным,
и весь боюсь, что нас застанет день.

ГЛАВА III

И старый дом, и старый плачет сад.
*Кн. А. З.*¹²²³

Вероятно, в минуты успокоения и отдыха от ужаса дней и ночей, от ужаса пустынного сердца («О, страшный бич – пустыня сердца!»¹²²⁴) поэт отдает свое «я» русской деревенской природе, «золотым волнам хлеба», «сонному лесу вдали»¹²²⁵ и благодатной обреченной красоте старинной усадьбы. Тут у него тоже свое credo («Я люблю бурьяны»¹²²⁶), вместившее дорогие привязанности и изысканные причуды. Это эстетическое credo даже более цельно и сильно, чем подобное же credo К.Д. Бальмонта («Я люблю лесные травы ароматные, поцелуй и забавы невозвратные»¹²²⁷). Все стихотворения кн. А. Звенигородского, – как липовая цветущая ветка, унизанная отягощенными пчелами.

Я люблю бурьяны,
жгучую крапиву,
светлые поляны,
золотую ниву.

Я люблю хоромы,
сказочные гроты,
золотой соломы
свежие ометы.

Я люблю побеги
дикой повилики,
тихие ночлеги,
девственные крики.

Я люблю просторы,
красные пожары,
женственные взоры,
женственные чары.

Кн. А. Звенигородский – большой поклонник и ревнитель русских заповедных эстетических святынь – старинных русских усадеб, молчаливо и мученически встречающих теперь, в грозе революции, свою гибель.

Не знаю, что привести здесь из признаний, сделанных кн. А. Звенигородским: прозу его или стихотворение, лучшее в русской лирике на тему старого дома. Приведу и то, и другое: пусть говорят о его любви и преклонении.

«Звуки успокаивающихся птиц на вершинах столетних лип тише, вот совсем смолкли. Только вода с плотины надвигается и шумит. Вхожу в дом. Тишина, как старая няня, начинает мне рассказывать. Вот в этой комнате, в долгие осенние вечера мы с тобой глядели, как потухали угли... Вот другая комната. Здесь стоял красный шкаф с книгами. Первые уроки, первая попытка разрушить сказку детства, раскрыть глаза бедному ребенку на ужасные тиски жизни. Картины начинают быстрее и быстрее мчаться перед моими глазами. Каждый угол, каждая половица, каждый карниз кричит мне, чтобы я его не позабыл, припомнил. Ведь и он участвовал в моей жизни. Может быть, его невидимые нити предохранили меня от смерти. – И я совсем запутываюсь в паутине воспоминаний дорогого прошлого... Где-то хрипло бьют часы: один, два, три... десять. Пора спать.

...А ночью кричали совы. Хорошие птицы: празднуют ночь. Милые! Голубоглазый нежный Шелли любил их¹²²⁸, люблю и я...»¹²²⁹.

«Моя душа так проникнута вечно-женственным: Лизою Тургенева, Ламмермурской невестой Скотта¹²³⁰, усадьбами, старыми садами с гротами, саксонским фарфором, залами с хорами, кружевами старыми, библиотеками с древними рукописями, тайными дверями, ведущими к склепам и подвалам, – что мне становится трудно, *очень трудно жить “среди людей и в днях”*».

Вчера я посетил наш старый дом;
он зелению густой зарос кругом.

Большие окна сумрачно глядели;
порой врвался ветер с шумом в щели

и паутину мерно колыхал.
Я в зал вошел. По-прежнему рояль

стоял с разбитою клавиатурой;
над ним в углу, с физиономьей хмурой,

скосившись, прадеда висел портрет,
в японской вазе розанов букет

сплошным накрылся слоем черной пыли.
В чехлах линиялых люстры, кресла были.

Раскинули тенета пауки;
скреблася мышь. Нависли потолки.

Я обежал весь дом. Волной безбрежной
неслись воспоминанья в безмятежной

и монотонно-мертвой тишине
о промелькнувшей в вечность старине.

И этот дом казался мне отныне
заброшенной, покинутой святыней.¹²³¹

Не могу не остановиться перед «Часовней» кн. А. Звенигородского. Простая придорожная часовня со смытыми градом и дождем икона-

ми. Что тут необычайного? Можно ли обнаружить здесь властительную поэтическую силу? Есть ли здесь ток, могущий слить в единую созвонность металлические удары рифмы? Поэт отвечает: да. Волшебным прикосновением он возвращает к жизни маленькую затерянную святыню. Он зажигает перед ней свою неугасимую лампаду «восторга и иступления», – и золотой нимб покрывает бедную часовню.

Вот часовня у дороги,
где когда-то лики были:
Николая Чудотворца,
Богородицы... Их смыли
град, дожди и время стерло,
но те доски и донныне
вызывают у прохожих
чувство светлое к святыне.
И бредет ли мимо странник
иль старушка, всяк поклоны
сотворит, крестясь с верой,
на безликие иконы.¹²³²

Еще один фрагмент поэтического воссоздания деревенской природы – «В ризе снежной»¹²³³. Бег тройки в дремлющем зимнем лесу – вот его тема. Но обычная тема разработана с новой силой и высоким подъемом.

В ризе снежной старый лес
дремлет.
Сердце музыке небес
внемлет.

Тройка в лунной тишине
скачет.
Где-то филин на сосне
плачет.

Зяц спрятался под ель,
слышит,
как вокруг него метель
дышит.

Колокольчики вдали
тают.
Чу! Кого-то псы нашли –
лают.

Темп стихотворения передает мягкий и прерывистый бег.

В ризе снежной / старый лес / дремлет.

Быстрота летящей тройки прерывается глухим ударом копыт о педерок саней – это падают глагольные рифмы. Их однообразный стук создает и ритм, и настроение жуткости в снежном озаренном луноо лесу; жутко проскакивают сани, а в лесу своя жизнь: озарение елей, метельное убранство, насторожившийся заяц, поглощенный дыханием бури. Все это передано в лаконичных чертах. Ни тени лишнего, полная бодрящая сжатость. Здесь нет ни рассказа, ни описания – кто не знает бури, кто не видел леса, – но полный одухотворяющий импрессионизм в краткости и верности черт.

Вот образы лирики князя А. Звенигородского, к которым мне открыт был доступ. Все они свидетельствуют об *истинном* поэте, сильном своим стихийным стихом, оправленным в могучий чекан. Недаром, Тютчев, определяя истинного поэта, уронил божественную строку:

Поэт всесилен, как стихия¹²³⁴.

В настоящем экскурсе я почти всюду цитировал стихотворения князя А. Звенигородского полностью¹²³⁵ – с целью еще раз огласить произведения поэта, замкнувшегося в строгом уединении, далекого от известности.

Предпочтения его в поэтическом творчестве теперь ясны. Только сильное, близкое к стихийному в природе и душе, только родственное миродержавному тютчевскому Хаосу, оплодотворяющему все в мире, только дионисическое в смерти и воскресении – находит себе место в кодексе нового поэта.

Люблю я дико пляшущий огонь.

Что не жгуче – ненавижу.

Я люблю *все дикое*, всех люблю зверей.

А в сердце *лучезарно-диком*,
свободная от всех преград,
как прыгающий водопад,
любовь...¹²³⁶

Так же жгуч, страстен, гибко-металлический и гефестовски упруг стих поэта. Каждая пьеса, каждая строка есть литой барельеф, вдохновенный излюбленными идеями ужаса, смерти и страсти. В них оправданно высокое умение поэта ввести «дико пляшущий огонь» в границы прекрасных форм, слить в одно целое «Хаос и денницу»¹²³⁷.

Поэт, много перенесший от ужаса и смерти, может быть спокоен. Он победил смерть и время огнем стиха всемогущим.

КОРОНА И ВЕТВЬ¹²³⁸

Дмитрию Сергеевичу Усову

Она течет в ряду иных светил.

А. Блок

Ты помнишь лик светила, но иного.

И. Анненский

Мучительно дробя

Лучи от призрачных планет.

И. Анненский

Я боюсь этой инфанты.

И. Анненский¹²³⁹

При имени Черубины де Габриак вспоминаются иные поэтические имена: и те, что через смерть взошли на небосклоне инобытия, и те, что светятся сейчас на нашем мертвом небосклоне.

Это Каролина и Мирра¹²⁴⁰, лирические солнца на траурной завесе мира.

Это – истончившийся серп философической планеты, сияющей узким и холодным, пронизывающим и отвлеченным светом, – Зин. Гиппиус.

Это – близкая, в облике доступности (хочется сказать – милая!), светящаяся из недалекой «провинции» неба блеском уюта, тревоги и трепета – звезда Анны Ахматовой.

Это – (могу ли я именовать Тебя?) младшая сестра, но в пепле лет, протекших на земле, коронованная в зареве пожара, струящая пепельный и древний свет волхвов, – звезда Кассандры¹²⁴¹.

Лучи двух из этих светил касаются «гордого чела» нового поэта: мудрый и верный свет Каролины и неверный палящий нимб Мирры.

Цветение огнем папоротника «весенней пьяной ночью»¹²⁴² сплетает имена Черубины и Мирры.

Сохранение в памяти сапфирного «брета усталых веков», их страшной святости, связывающей иератической вязью имена Каролины и Черубины.

«Кинжал и веер»¹²⁴³ и траур камеи – знаки земного пути Черубины. «Все лепестки небесного венка» и «мрак агата»¹²⁴⁴ («Черный Ангел»¹²⁴⁵ Черубины), – знаки ее астральных скитаний. Остается добавить, что звезда Черубины, с горьким нимбом вещуньи, уже восходила на небосклоне пенно-золотой Атлантиды.

Земной аспект ее, возникший в древности, почти без перемены черт дошел до нас:

Безумья и огня венец
на ней горел. И пламень муки,
и ясновидящие руки,
и глаз невидящих свинец,
лицо готической сивиллы,
и строгость щек, и тяжесть век,
шагов ее неровный бег –
всё было полно вещей силы.

(М. В. 1918).¹²⁴⁶

I. Сивилла

Только избранным доступно
хоть не самую богиню,
а священное жилище
чародейки созерцать...

В ясном зеркале ты можешь,
взор в глаза свои вперяя,
ту богиню увидеть.

А. Фет

Алая в алом, от алых волос.

Черубина де Габриак

Мои безумья – мои херувимы.

*А. Блок*¹²⁴⁷

Память о погибших мирах, об уснувших и погребенных странах, о «далеких стооких планетах», об убаюканной и плененной в волнах Атлантиде, сквозь пепел Испании и Католической Тайны, горит и светит в душе Черубины де Габриак.

Если говорить о сошествии духа поэта в мир, о той «стране лучей»¹²⁴⁸, где он был равный среди царственно равных, где он владел не призрачным тронном, то это, несомненно, пенно поглощенная Атлантида. Печать угаснувших веков, где зародилась и не произросла тонкая и омраченная гибелью жизнь, лежит на всем, что говорит поэт и что провидит сквозь «горечь красоты», «сквозь тьму тысячелетий»¹²⁴⁹.

С моею царственной мечтой
одна брожу по всей вселенной.¹²⁵⁰

Новый неожиданный вестник, явившейся из Атлантиды в мир, сквозь рождения и изменения душ, – предносится взору через густую вуаль поклонницы св. Игнатия, «заступника грез, безумного вождя священных ратей»¹²⁵¹.

Но спят в угаснувших веках
все те, кто были бы любимы,
как я, печалию томимы,
как я, одни в своих мечтах.¹²⁵²

Анфилады угаснувших веков дарят поэта колдовскими знаниями и облакают душу пламенем печали. Поэтому и теперь – не увлечение фантастикой тайны, а сознание своей обреченности и приготовления к собственному (быть может – дерзновенному) религиозному пути влечет поэта («последнюю» из «рода дерзких волей»¹²⁵³). Обладая даром внутреннего созерцания, силой и пламенем пронизывающего глубину и вечность своего духа, поэт получает возможность видеть ранние свои (близкие к Богу, а не к человеку) духовные аспекты.

На последней таинственной грани
повторяется сон между снов.¹²⁵⁴

Поэт верно владеет даром самоуглубления для распознавания путей своего Я, своего «крылатого сердца», его «снов, теней и сновидений». И в минуты прохождения через анфилады «геральдических снов»¹²⁵⁵, из глубины души, вселенской странницы, – встает далекий образ атлантической колдуньи, «богоравной, вечно-юной сивиллы» (Фет)¹²⁵⁶ в червонной короне, с «походкой крылатых вешуний, с вкрадчивым звуком речей»¹²⁵⁷. И начинается – «обнимающий сердце испуг»¹²⁵⁸, ис-

пуг встречи и слияния. Поднимающийся образ сивиллы, из глубины идущей навстречу, рождает новую (пронизывающую всю жизнь) мучительную жажду: встретить этот образ воплощенным в жизни, погасить эти два жаждущих и два далеких мучительных Я в одном слиянии, слить горечь уст и сладость поцелуев.

Ясновидение поэта так точно, что позволяет ему различить у древней Сивиллы знакомых «божественных линий на ладони священный узор»¹²⁵⁹.

II. Круги

Ты ль смыкаешь, пламеня,
бесконечные круги.

А. Блок

Я умчусь с огневыми кругами.

А. Блок

... Там,

Где по двенадцати невидимым кругам
Свершая день и ночь, скользя, сияют луны,
Вблизи тех областей, где Ангелы видны –
Там с ветвью золотой и с зеркалом луны,
Видна из мертвых вновь воскреснувшая Уна.
*Д. Усов*¹²⁶⁰

В произведениях Черубины де Габриак проступает особая замкнутость исканий в одно магическое кольцо образов, теней и снов, сквозь которое проходила в веках и теперь движется венчанная в горечи и торжестве душа поэта («Моя любовь в магическом кольце»¹²⁶¹). Линия кольца, отягченная в веках и заостренная в горечи исканий, касается краями снов и облачных раздумий великих царств Христа и Люцифера. Вот отчего в этих касаниях странствующей и возвращающейся по кругу душе открыты

все возможности соблазна и порока
и все сияния мистических свечей.¹²⁶²

Нет для других путей в твоём примере,
нет для других ключа к твоей тоске.¹²⁶³

Открыт

путь безумья всех надежд,
неотвратимый путь гордыни.¹²⁶⁴

И круг, касающийся двух Царств, остается не замкнутым (нет путей от тоски к тоске) – конец и начало не уничтожены в единстве, линии, образы не понижывают друг друга. («Но есть провал в чертах моей судьбы»¹²⁶⁵). Нет непосредственного переселения от конца к началу, есть только возвращение в странствовании по кругу. Это вторая мучительная тайна Черубины де Габриак.

Кольцо разбито. В камне нет девиза,
и линии ладони не верны.

На неподвижном круге циферблата
пронзили стрелки вечный, мертвый час.
И радость снов, не сбывшихся для нас,
хранит печать тяжелого агата.

Д. Усов¹²⁶⁶

Пропасти неслиянны. Но упорство и дерзость духа достигнуть слияния, спаянности кольца миров были велики и, в прежние существования (быть может) вырастали до богоборчества. Вырастала эта страсть у «последней – в роде дерзких волей»: подняться или глубоко проникнуть до созерцания – через прежние аспекты – единого божественного прообраза. И в соответствии с этим устремлением – видеть себя идеально рожденною и отречься от искаженного во времени и смерти своего образа – возникает у поэта мучительно раздробленная двойственная аскеза: восходить и нисходить (уже в ином) – в каком-то благословленном и зачатом астральном круге – до сочетания или сгорания с Единым Абсолютным Всесочетающим и Всеблагословившим Началом – через Христа и Люцифера. – Вот откуда понятие о «немислимой церкви»¹²⁶⁷ Черубины. Вот почему поэта приходится видеть в аспекте тревожной и мучительной двойственности, «двойного соблазна небесных искушений»¹²⁶⁸. И этот соблазн разглядеть «в опаловом тумане»¹²⁶⁹, в агатовой бездне разбитого кольца тайно возносимый пре-

чистый мировой чертеж (Corona Astralis¹²⁷⁰) магически велик. Отсюда начинается скользкая поступь подъема и спуска по незримым ступеням.

Не мешайте
мне спускаться
к переходу сокровенному

(Фет)¹²⁷¹.

III. СТУПЕНИ

[1]

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
одетый странной святостью веков.

А. Блок

Покраснели и гаснут ступени.

А. Блок

Ты с лампадой агатовой
в нежной руке.

Эдгар По

Рук незримых пряжа
Размеряет путь.

*Черубина де Габриа*¹²⁷²

Вот некоторые следы неровной поступи, оставленные на срывах, кручах и ступенях *в пути к «Немыслимой Церкви»*.

Необычайна первая ступень: поэт знает «любовь и смерть в тринадцать лет»¹²⁷³, тоску сжигающую, «как капли алой крови»¹²⁷⁴, поэт рано узнал магическое заключение образов, сличение лиц в одном «неверном зеркале»¹²⁷⁵, рано почувствовал заключенные в себе и томящиеся силы.

В этот мертвый час
моя тоска твоих коснется глаз
и вздрогнешь ты под острой лаской мести¹²⁷⁶.

Поэт, как женская исступленная душа, взыскующая непризрачно-го трона, переживает внутренне и *трагически*

безумный возглас Гавриила
«Благословлена Ты в женах!»¹²⁷⁷

Рано открылся и сверкающий острями страсти католический путь слияния греха и святости, насильственного совлечения в плоть бесплотных духов.

Пусть монахи бормочут проклятия,
пусть костер соблазвившихся ждет, –
я пред Пасхой, весной, в новолунье
у знакомой купила колдуньи
горький камень любви – астарот.
И сегодня сойдешь Ты с распятия
в час, горящий земными закатами.¹²⁷⁸

Знание тайного «*стройного чертежа*»¹²⁷⁹ *богоборчества-богослуженности*, достигаемых силой магических чар и исступленных заклятий, подвигает поэта к высшей ступени. Вместе с св. Игнатием, простершим руку через одну из ступеней, поэт «смирненно склоняет перья шлема»

перед сияньем тонких свеч
в дверях пещеры Вифлеема.

«Пречистой Девы паладин»¹²⁸⁰ открывает поэту христианский путь восхождения. Следует ряд ступеней отречения от мира и нимб Молитвы об освящении, исцелении и укреплении, исполненной в тонах католического расцвета Испании. Прекрасен и глубок поклон Пречистой Деве, в котором звук тугого шелка и четкость траурной камеи:

Но я слагаю Тебе, к подножью
Кинжал и веер, цветы, камеи –
Во славу Божью...
O Mater Dei, memento mei!¹²⁸¹

Но молитва кончается полымем эротических заклятий: «Кровь Христова, опьяни меня!»¹²⁸² – и ощущением «сладко-преступной» отра-

ды «обвивает гирляндами эти тонкие кисти» и «загар этих рук». («Эти руки, как гибкие грозди») ¹²⁸³.

Длительная и бескрайняя ступень тоски сменяет этот подход к пропасти («И безумьем сдавил мне виски») ¹²⁸⁴). Борьбу начал, рассекающей Мудрости, обретающей Веры и сожигающей Любви сменяет мрак скитания в зачатом круге.

Но я сама избрала *мрак агата*. ¹²⁸⁵

Но блеск венца и пурпур трона
не увидеть моей *тоске*,
и на девической руке
ненужный перстень Соломона.

Не осветят *мой темный мрак*
великой гордости рубины. ¹²⁸⁶

На ступенях Тоски, при отсветах второго воскресения, вспыхивает «цветения огнем» подвиг совлечения одежд, перенесение в богоборческом экстазе своего «Я» мимо всех ступеней к спящей грани единства и множественности. Так можно понять падение единой из одежд.

О, уступи моей любовной порче,
я, как миндаль, смертельна и горька,
нежней, чем смерть, обманчивей и горче. ¹²⁸⁷

Поэт знает падение одежд в иных существованиях, помнит свое тайное восстание из мертвых и новое приятие мертвенных одежд.

[2]

Я как снег бледна,
я как лед хладна.

Гете

Среди живых я неживая,
и, мертвой, Мира мне не жаль.

Черубина де Габриак

Нежней, чем смерть,
обманчивей и горче.
Черубина де Габриа

Там с ветвью золотой и зеркалом луны
видна из мертвых вновь воскреснувшая Уна.
*Д. Усов*¹²⁸⁸

«Дело великой страсти» – вот новая синтетическая ступень, на которую еще хрупкой ногою ребенка, после тяжкого борения, при помощи «Воли Ведущих», опирается поэт. Это уже не «случайная царевна» («Прялка»), а «царица», не перестающая оставаться ребенком, хранящим «ключ золотой Востока»¹²⁸⁹. И в удивительном «Пророке» (трилогический цикл)¹²⁹⁰ проступает вновь, в страшном и страстном земном ритуале касание широковеиных и пламеннокрылых сил Христа и Люцифера (слияние крови падших богов и светлых героев).

Волей Ведущих призвана в мир
к делу великой страсти.

Ты ли нарушишь стройный чертеж
миру сокрытых братий?
Ты ли, царица, вновь не сольешь
силой своих заклятий, –
с мрачною кровью падших богов
светлую кровь героев?¹²⁹¹

IV. ЧЕРТЕЖ. КОРОНА И ВЕТВЬ. Corona Astralis et Ramus Aureus¹²⁹²

Latet arbore opaca
Aureus et foliis et lento uimine ramus
Iunoni infernae dictus sacer.¹²⁹³

Слова Сивиллы

Нынче ты...
Снилась мне в Короне звездной.

А. Фет

Тебя венчала корона.

А. Блок

Я перешла через огненные грани.

Черубина де Габриак

На звездные пути себя перенесла.

А. Блок

О, пыль миров! О, рой священных пчел!

М. Волошин

В них путь к Мистической Короне.

Черубина де Габриак

Молча свяжем вместе руки,
отлетим в лазурь.

А. Блок

Кто знает, где это было?

Куда упала звезда?

*А. Блок*¹²⁹⁴

Три необыкновенной яркости снопа света, заметные в плоскости Лирики и Искусства, поднялись от земли к негаснущим мирам. Им виден был и «труп Луны, и мертвый лик Сатурна», «миров погибших урна» и Солнца гроб¹²⁹⁵... В земных именованьях это – Corona Astralis – подъятая на страшных руках при пении: Ныне силы небесные с нами невидимо служат; это при колдовском и жутком перезвоне, услышанный канон сивиллы-Черубины; и это – звездное схождение, «по синим лунным льнам»¹²⁹⁶ во ад безумия геоманта¹²⁹⁷ Чурляниса. Последнее явление – схождение Чурляниса, этого Ницше Искусства к гробнице Хаоса – ни с чем не сравнимое религиозно-эстетическое событие; и мы упоминаем его здесь в силу равной значительности и близкой одновременности. Искания Чурляниса были производимы им более через оболочку хтонической сущности, чем через периферию «траурной ризы» небесного свода. Но два первые явления, имеющие одно течение «пролитой в вечность лавы»¹²⁹⁸, возникают параллельно и, в феерическом полете («через огненные грани», Черубина де Габри-

ак) скрываются из глаз в какой-то взаимной астральной зависимости и связанности:

Есть горняя сладость полета,
в нем плещуще лёгки шаги.
(Черубина де Габриак)¹²⁹⁹

И «Золотая ветвь» (*Ramus Aureus*) нам кажется ответным гимном, сорвавшимся с земли в момент, когда магически поднялась к высоте *Corona Australis*. А ответ *Coronae*¹³⁰⁰ из далеких небес спустился на червонные косы Черубины как знак астральной встречи и сопутствия.

Земные отношения обоих поэтов к вещам, понятиям и людям как бы готовят их к звездным скитаниям.

Но каждый миг, но каждый шаг таит
иных миров в себе напоминая.¹³⁰¹

Это – умение или дар постоянно видеть вещи (а равно и осознавать понятия) не с одной только определенной стороны и не в прикреплении к земле и земному. Вещи, как бы поднятые в воздух, приближаются вне времени и удаляются вне разлуки. Они подняты и движутся, как колесницы в земле Рмоагалей¹³⁰², а понятия всегда имеют траурную усложненность. «Горький дух»¹³⁰³, «с моей горькой красотой»¹³⁰⁴ (Черубина де Габриак); «слепые бродят светлы», «кто зряч, но светом дня ослеп», «время спит» (М. Волошин)¹³⁰⁵. «Мертвый час» (Черубина де Габриак), «под острой лаской мести» (Черубина де Габриак)¹³⁰⁶, «встанет та, кого так сладко ненавижу» (Ч. де Габриак)¹³⁰⁷, «мое сердце – словно чаша горького вина» (Черубина де Габриак)¹³⁰⁸, «смерти радостному чуду цветы сладчайшие отдать» (Черубина де Габриак)¹³⁰⁹.

Этот дар видеть ночную сторону вещей и снов дает окрыление и отталкивание от земли. Слабеет связь с «жизнью тленной» (Черубина де Габриак)¹³¹⁰. Душа учится различать незримое, привыкает к внежизненному синтезу. Известная надземность чувствуется и в формуле более точной, чем у Баратынского:

Земным богам земные храмы строя,
Нас жрец земли земле не причастит.¹³¹¹

Некоторые слова и понятия у обоих поэтов приобретают новую природу и магические свойства; слова не только раздваиваются, но от

двух как бы раскрывшихся в слове (или понятии) зеркал образуется просвет в вечность, сквозь который поэтам удастся уследить частицу вневременной сущности:

В колодцах труб пытливый тонет взгляд.¹³¹²

Это похоже на сон во сне («повторяется сон между снов», Ч. д. Г.¹³¹³), когда хочется упасть на дно заповедного вечного Сна, с граней которого жизнь представляется как «тень недуга» (И. Анненский), как бледный истонченный призрак.

Меня ведет по пламеням заката
в созвездье Сна вечерняя рука.
(«Золотая Ветвь»).

В зеркалах снов походкой больного или безумного движется наша жизнь. Но в зеркалах снов крепнет новая «явь», которую не в силах истребить земля.

Интересен чертеж космического пути, набросанный поэтом Согопае («Я исследил, измерил, взвесил, счел»¹³¹⁴). В нем больше параболических линий, проведенных стремительными крыльями, больше приближений к солнцам и отталкиваний от их блеска. Из двух поэтов поэт Согопае более точно обозначал свои астральные видения. Ему же, как нам кажется, принадлежит и инициатива ширококрылого полета. Линии парабол Черубины де Габриак проходят все же ближе к земным сферам. Но ощущения поэтов близки: это ощущение в себе противоположной, несолнечной стихии, это ощущение зречести и вместе слепоты от солнца дня («Кто зряч, но светом дня ослеп»¹³¹⁵).

Но тех ночей, – разверстых на Фаворе, –
блеск близких солнц в душе не победит.

Мы шелком лун, как ризами, одеты,
нам ведом день немеркнувших ночей.¹³¹⁶

Это ощущение странной стихийной силы знания, заключенной в рациональную раму стеклянного космоса, нагретого солнцем.

Дар второго зрения и зрения одновременного (дар, дающийся особой аскезой в прежнем существовании) не оставляет поэтов среди «алмазного бега вселенной»¹³¹⁷.

Двойной соблазн небесных искушений.

(Ч. д. Г.)¹³¹⁸.

Вторые глаза не смыкают вежд. От этого не меркнет «ужас звезд», и «звездный дух» поэта не облегчен забвением ночей.

Наш древний темный дух

ах, не крещен в глубоких водах *Леты*.¹³¹⁹

Наш горький дух пророс из тьмы, как травы.¹³²⁰

И то же раздвоение несет поэт сквозь бег планет («И память нас томит»¹³²¹). Собственно, две крайние системы, предугадываемые в чертеже, влекут поэта Согопае. Путь подъема – это спиралевидная линия «парабол безвозвратных»¹³²², линия касаний систем, туманностей, планет, в сопряжении томящей и темной памяти. Этот путь заканчивается достижением некоего божественного равновесия, особого покоя «складок плащаницы», из которых «видны края расписанной гробницы»¹³²³. Это и есть достижение дна заповедного Сна (Ч. д. Г.). – И эта гробница – весь мир: астральный, подземный и земной. Зрение пронизывает миры уже в обратном порядке нисходящих светящихся спиралей (как «синий сон кадил» И.А.¹³²⁴). Сквозь синий сон вечности видны:

И солнца челн, богов подземных лица,

и строй земли: в полях маис и хлеб...¹³²⁵

В состоянии «себя забывшего бога»¹³²⁶ поэт весь поглощен покоем и созерцанием.

Без радости, без слез, без сожаленья.

Вне бытия, вне воли, вне желанья¹³²⁷.

Достигнута крайняя точка буддийского покоя, религиозного императива безмолвия, после которой начинается шумный полет к другой системе, не помеченной в чертеже. Но она предчувствуется: проснется томящая и темная память.

Он тот, кому погибель не дана.¹³²⁸

В себе несем свое *изгнание* мы.¹³²⁹

(Corona Astralis)

И – путь безумья всех надежд,
неотвратимый *путь гордыни*;
в нем – пламя огненных одежд
и скорбь отвергнутой пустыни.

(Ч. д. Г.)¹³³⁰

Люциферическим шумом шумит «всех скорбей развернутое знамя»¹³³¹.

И диада Будды и Люцифера в полете и срывах, но и в соответствиях и касаниях диаде Христа и Люцифера (Ч. д. Г.). Взыскуемый синтез поэта Согонае уже нельзя различить за истончившейся чертой «парабол безвозвратных»¹³³². Он дальше синтетической орбиты Черубины, «плывущей в жемчужнице на черных лебедях» (В. Б.¹³³³). Он за пределами «Coronae Astralis». Вот почему, нам кажется, – поэт и астролог, прерывая «мученье двух сомнений»¹³³⁴ (Ч. д. Г.), возлагает Корону на «богоровную Сивиллу»-спутницу.

И с тех времен отсвет Короны Мира, Coronae Astralis, коронауя, почил на «червонных косах»¹³³⁵ Черубины¹³³⁶.

1921

**DE POETAE DEMETRII USSOWI
CARMINIBUS ATQUE FRAGMENTIS
1915–1922¹³³⁷**

I

Июль 1915

Стихотворения Ваши ценны для меня более всего своим серьезным мистическим уклоном, «тайно образующим»¹³³⁸ Ваше сердце. Как хорошо (и как теперь редко), что восприемником музыки Вашей был Владимир Соловьев. Мне всегда горько было слышать Его Имя у православных популяризаторов и Его многочисленных, всеинтеллигентных невежд-хулителей... – В Ваших пьесах есть сочетание сфер Новалиса и Владимира Соловьева – это лучшие дары в Ваших стихотворениях. Внешняя сфера таинственности у Вас очень густа и плодотворна. Такой наклон к таинственному, чуткую настороженность к тишине я встретил еще у одного из лунных наших поэтов, Б. Дикса¹³³⁹. Ваш взгляд (мне кажется) проникает дальше (и может быть – теургически – не смею сказать сейчас определенно...) этой общей таинственности преддверий и лунного света, переводящего в мир иной.

...Благодарю Вас за «кукол с белым взглядом»¹³⁴⁰ среди шестивия ночи, – это напомнило мне «проснувшийся чудный еженощный гул» Тютчева¹³⁴¹.

II

25 июня н. ст. 1921

Я не могу отличить, где кончается Ваше поэтическое «я» и возникает тень Его «я». Но ведь это редкостно и прекрасно – говорить языком Иннокентия Анненского. Близость, дух и, мне думается, голос Его Музы стал Вам *дейтельно* близким.

III

Преображение 1921

Хотя большинство Ваших стихотворений помечено 1914-ым годом, но слитность их с общим Вашим устремлением уже чувствуется...

Чувство разобщенности с миром пронизывает их, но какой разобщенности... Не сожаление об уходе от мира, а желание углубить еще более эту тонко воспитанную разобщенность. И форма ухода от мира – интересна: это форма облачения в туманные, блестяще-холодные покровы – ризы отречения – форма закутывания, завертывания в ткани:

1. Пока в холодный мрак не *завернулся* день.
2. Сорвет листву и дни *закутает* в туман¹³⁴².
3. В целом доме не узнают ни о чем¹³⁴³.

Вещественно образы разобщения могут крепнуть и тогда определяются:

1. как «железного флюгера скрежет»,
2. как набухшая, запоздалая, но такая нужная, как *защита* – «меж рамами вата».

Но вызванные для разъединения с миром – иногда – образы обращаются против своего чарователя:

1. жуткий «разговор невидимых лип»,
2. свеча, оплывшая в «уродливый гриб» (один из очень тяжелых образов!),
3. замирание перед «трепетом тени на обоях знакомой стены»¹³⁴⁴.

Отсюда – самостоятельный подъем в сферу Иннокентия Анненского.

Иногда чарователь сам теряет власть к вызыванию образов и готов поспешно и со всею истомленной нежностью подпасть под чужое чарование. Такая готовность слышится в строках: «серебряную нить выпрядывает пенье...». Надо «все принять: кошмар повторений... и белую любовь и алую печаль».

И образы, рожденные в соответствии с внешним (чужим) чарованием, ломки, *хрупки, нежны*: «Сердце, перевитое тенями белыми 2-х скорбных тонких рук»¹³⁴⁵. Другие образы больные, исхищенные (более всего их хочется!), острые, ниспадающие в родственные поэтические сферы – они ведь глубоко и внутренне данными являются для поэта.

Они все идут не от мира и даже не от власти чужого чарования.

А родственные сферы, к которым внутренне близок поэт – 2: Иннокентий Анненский и Черубина де Габриак. За ними, за двумя, более незримая, иная пара: рядом с Дмитрием Солунским¹³⁴⁶ здесь поместилась сквозная благословляющая тень Т. Гофмана. Соединились 2 мира: святыни и фантастики.

И ясно чувствуешь через все фрагменты, как 2 привлекательнейших мира вселились в душу поэта: 1) мир мира, 2) мир желанного, как лестница Иакова¹³⁴⁷, бреда («О, бред!»).

И тот, и другой на моем языке нелегко уяснимы и сложны по своим образам. *Мир мира* – лучше всего отражен строкой: «так мирен тяжкий шум его парчовой ризы»¹³⁴⁸.

Мир высокого бреда страшен многократно, и увядающий символ для него – страдание сирени («в сердце цветет и страдает сирень»¹³⁴⁹). Отдельно нравятся: 1) Глубокий взор неумолимо... (особенно строки: «и платье черное и чуткий шаг тревог»)¹³⁵⁰.

2) Перед грозой (особенно третья строфа).

3) «Моя кровь» как прекрасный созвучный ответ Черубине, исполненный в ее тонах.

IV От 5 янв. (ст. ст. 1922) – начинается словами: «Предчувствие переходов, приближений...» – длинный детальный разбор.

V От 24 янв. (ст. ст. 1922) – письмо о венке сонетов «Любимые поэты»¹³⁵¹.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ РАБОТЫ «ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ. ОБЛИК И ТЕНИ»¹³⁵²

Изумительное цветение французского эстетизма, едкая утонченность Еврипида, древнего модерниста, и мученическое призвание русской души – дали нам Иннокентия Анненского, женственно уступающего, внутренне-замкнутого, облеченного в маску защищающей иронии, таящего в себе несказанный космос противоречий.

Эллинская культура ума, закаленная в горниле Еврипидовой отторженности, отстоянная в красочных и острых ядах Его речи, в соединении с тем мученичеством, которое принимает на себя поэт среди явлений и людей, – начинают определять редкое и таинственное имя поэта, пока вдруг перед нами – с консультацией Смерти – не раскрывается заветная шкатулка – кипарисовый ларец.

У Иннокентия Федоровича всю жизнь были свои особенные счета со Смертью, и оттого, что он сделал эти счета, размолвки и тайное содружество открытыми для всех, его стали называть чуть не исключительным панегиристом Смерти, а некоторые (даже поэты) называли его лирику «мертвенной»¹³⁵³.

Иногда есть желание людей подойти к поэту, но секрет подхода неизвестен, данных для подлинного восприятия нет. А данные могут быть или в предпочтениях и пристрастиях филологических, или, еще вернее, в мучительной надломленности души, в особом культе неотвратимого мучения.

Иннокентий Анненский – это *тайна* жизни, обаятельно расцветшей и желанной, построившей – в интимных аспектах – самые четкие и самые острые соотношения Ужаса, Красоты и Радости, облеченной в Боль. – И в момент постижений, готовых сделаться безумными и праведными, это все же – тайна, мгновенно закованная в траур Смерти. От этого Смерть в созданиях Анненского так поразительно тонка, так утонченна и мудра, так высоко и жутко поднимает на остриях хрустальных построений.

Беззащитная открытость к боли – вот что ведет к Иннокентию Анненскому. Надо разбить душу на остриях невозможности, надо собрать (получить от судьбы) горькую коллекцию этих «невозможно»¹³⁵⁴ и потом, быть может, сжечь в невидном пламени истлевающей жизни. Это – ступени к Анненскому.

Кажется, Н.К. Чурлянис, утонченный провидец природы, видел окружения вокруг гор, пирамид, вокруг зданий, деревьев, даже вокруг капель воды. Он так и писал свои сонаты на полотне с венцами и сияниями. Вот таким, как Чурлянис, только в области филологии, тайновидящим произрастания слова, был Иннокентий Анненский. Ему ведомы были и темные лучи, идущие от слова, и тайные обозначения в спектрах слов.

Поэтому первое, что несколько определяет критическую манеру И. Анненского – это личный, чисто субъективный, психологический метод с вольной игрой ассоциаций; даже больше: закон Анненского – это вихрь ассоциаций. И надо вновь стать *alter ego* поэта по культуре ума и вкусов, чтобы переноситься вместе с ним по вихревым линиям, не отставая и не погружаясь в рассудительность.

Его занимает восхождение по «льдыстым»¹³⁵⁵ остриям творчества к свежеющему сумраку зарождения всякого творения, туда, где слово немеет. На жутких вершинах духа, – где слова еще нет, а неясные образы только веют издали в душу, – властью потайных интуитивных лучей разглядывает критик слагающиеся и сцепляющиеся, еще полупрозрачные формы и образы.

Действительно, И.Ф. знал весь золотой в огнях порог, за которым кипение рождающихся творений, образов и душ.

ТЕМНЫЙ АНГЕЛ ЧЕРУБИНЫ¹³⁵⁶

Клавдии Яковлевне Архиповой

ВСТУПЛЕНИЕ

Горят под прахом, пеплом, морем, льдом
былого отрешенные страницы.

Вяч. Иванов. 2-й венок сонетов¹³⁵⁷.

И вот – в сердце боль.

Ч. д. Г.¹³⁵⁸

В бестелесной хрустальной дали
стану я различать
горечь Грааля печали
и Черубины печать.

Е. А.¹³⁵⁹

Глава I

И ангелы запели: «Аллилуйя».

Ч. д. Г.

Как много душ и жизней прожитых
в твоих страницах, страшных и святых.
Мне верится, что ты и херувима,
сведя с небес, могла склонить на грех...

Д. У.

Но встречный ты остановила бег
через пространства, души и обители.

Е. А.¹³⁶⁰

Прошли какие-то определенные, предназначенные сроки. Из астральных сфер, прочеркивая тенью католический Запад времен Лой-олы и Савонаролы, нежданном зигзагом опустилась звезда Черубины.

Во всем мире только А. Блок спросил: «Куда упала Звезда?»¹³⁶¹ – не зная, может быть, самого имени звезды...

Начались первые шаги по земле и первые признанья о земле – в стихотворении «В невыразимую пустыню»¹³⁶². Раскрылись «незрячие

глаза на мир, где зло с любовью схоже». И так понятно, почему песок обжигает ступни, почему «буря вихрем ранит плечи»¹³⁶³, не приученные к земным скитаниям.

В условиях нашего земного существования поэт создает цикл стихотворений, в котором центральными, предрекающими являются три следующих:

«Душа разве может быть грубой»¹³⁶⁴,
«Где б нашей встречи ни было начало»¹³⁶⁵,
«В глубоком озере под влагой голубую»¹³⁶⁶.

И вот – первое восклицание, которое слетает с губ: «Разве была у нас так сложна, так истонченна любовь, чтоб чувствовать шаги любимой, ее дыхание, поворот ее головы (и не всякий поворот, а именно тот, которого ждешь, который любишь), ее близкий, почти спокойный взгляд, видящий счастье на дне зрачка?»

Может быть, у Инн. Анненского? – но как она замучена, глуха, задушена...

У Мирры¹³⁶⁷, может быть? – Но ведь ее читать нельзя после Черубины. – И я не преувеличиваю... Попробуйте, прочтите. Вы разобьетесь о какую-то прямолинейность, заливающую Ваше сердце тяжким оловом...

Вспоминается магическая всеозаряющая строка: «Но с духом слита плоть в безмерности – не хочет поцелуя» («Любовь»)¹³⁶⁸.

Где эта глубина у Мирры? У ней тяжкая, поработавшая телу страсть. Одно сжигающее сухое пламя, охватывающее сразу. Треск возносящихся искр. Голоса сердца не слышно, не видно тоски *неравно горящих*, нет тайного и рокового завлечения в горение того, что выражается стихом:

Ты от души моей берешь так мало.
Горишь еще не весь.¹³⁶⁹

Прочтите заклинательный, весь тайный и напряженный текст «В глубоком озере». Какая в нем уверенность, какая пленительная сила мечты, убеждающая реальнее реального мира: «Туда придем с тобой и вместе будем там». Ведь это прикосновение к руке, которого мы ждали века¹³⁷⁰. Стих стал касанием ощутимым. Ток пробегает от руки и уходит... О, куда хочет – в смерть или в жизнь! Уже покорено тело, оно

подвластно. Глаза отданы глазам. В душе страшная заповедная тишина раскрывает крылья ... для крыльев. И возникает этот жест духовного общения в любви (последняя строфа). Вот медленный поворот головы, которого так ждали глаза у Царских Врат. Глаза теряются между ее глазами и губами, – говорят и те, и другие – только губы в звуках произносят *начальную главу новой религии*, а глаза обручают Вечности. Какой тон, слепительный поворот души!

О, сколько я тебе еще не говорила,
о, сколько я скажу!¹³⁷¹

Это так тихо, так близко и так глухо, что слух уже не слышит, звук прерывается: губы приникли к самому сердцу.
«Любовь!» – сказал Господь.¹³⁷²

ГЛАВА II

От глаз твоих лиловых
остался в сердце след.¹³⁷³

И поверженный наземь дракон
Был шелками на ладанке вышит.¹³⁷⁴
Ч. д. Г.

Медный крест, творя святое слово,
ты как меч, надела на меня.
* * *¹³⁷⁵

Здесь, на земле, в горьком отдалении от прежних сфер, поэту снова снятся перья и мечи, раскрытые уста гвоздик и лиловатый вереск. Но не перья и мечи любимого Средневековья – перья сраженных крыльев и поднятые мечи архангелов.

И вот Архангел на иконе
поднимет меч¹³⁷⁶.
.....

Как на мост взошел с мечом поднятым
Михаил Архистратиг¹³⁷⁷.

Блеск, горение, преломление встреч, крылья Психеи, полет пламени и благословенные вериги плоти – вот избранные и возвращающиеся в каком-то круге темы Черубины де Габриаак.

Окружающие поэта предметы и явления ведут одинаково и в храм, и к страшным заревам сожжения души и плоти: позолота, свечи, латы и вериги; закаты, зарева и сердце в крови, на краю бездны. Перед Архангельским мечом трепещет Психея в тяжком борении с плотью. И плоть, разъятая в борьбе, и трепет крыльев без подъема – создают красный туман, душный и дымный. В целом ряде стихотворений плоть взята не в преодолении, а в тяжелой и душной борьбе.

Бьется и плачет, кричит у порога
наша душа.¹³⁷⁸

.....

Страстью зажженная вера,
сладость целующих губ.
Все только – скудная мера,
каждый и жалок и скуп¹³⁷⁹.

Это разъединение духа и плоти дарит поэту наиболее обостренное соединение «я» с отдельными сферами то духа, то плоти. И возникают в страшных чередованиях особенное чувствование нездешних сил и почти одновременно – опаляющий шелест цыганской крови¹³⁸⁰. Перья, крылья – наибольшее замолкание крови, подъем, уже полет – и рядом: жжение алого рта (цвета гвоздик)¹³⁸¹ – наивысшая весомость крови, хмель ее, наисильнейшее притяжение к земле плода, уже падающего плода.

Крест и гвоздика – эмблема многих стихотворений поэта, но не крест и лилия. И соединение креста и цветка мучит поэта:

И будет уже не крестик
на сердце моем, а цветок.¹³⁸²

Но это не будет василек, сельский пилигрим во ржи, это – гвоздика, дышащая угаром крови. А в соединении с крестом гвоздика – эмблема средневековой, мучительный и сладостной пронизанности веры плотью, замолкание крыльев молитвы перед жадным шепотом крови. В эмблеме нет единства. Есть распятие. Сердце изменяет крыльям. Не

сердце на крыльях, а крылья вослед сердцу пылающему, в помощь падения.

Каждое сердце – Иуда,
каждое сердце в крови.¹³⁸³

И антитеза ширится и длится, малиновый и скитский звон, четки и бусы, василек и дикая рябина, акафист и горение крови цыганской.

Не потому ли, когда монахиня поднимает взгляд («класть поклоны с опущенным взглядом»¹³⁸⁴) – она неизменно видит на алтарных дверях поднятый меч херувима?

ГЛАВА III

С твоих вершин
до наших глубин
опусти ангельские мечи...¹³⁸⁵

Но превыше всего моя жалость¹³⁸⁶

Встретил там Ангел Белый,
благословляя двух:
бледное, жалкое тело
и ослабевший дух.
*Ч. д. Г.*¹³⁸⁷

Но где же выход из этих томлений? Содержится в стихах Черубины де Габриак какое-либо разрешающее учение о плоти, о принятии плоти?

Мне кажется, – да. Это учение складывается из всех обращений к томящейся плоти, из эпитетов плоти, из тех моментов борьбы с духом, когда поэт берет под свою защиту изнемогающую и жадную, горящую и стонущую плоть.

Томление плоти – один из тончайших и глубоких знаков творчества Черубины де Габриак. Останавливает необычайный подход к теме. Новое узнание плоти. Новый дар услышания своей плоти. Не «брат осел», как учил нас святой Франциск¹³⁸⁸, а темный ангел плоти, связанный и незрячий. Оттого тело и умирает, что ангел его связан и не-

зряч. И не унижает он своего светлого брата, не влечет его непременно к падению. Падение – есть срыв и гибель светлого ангела, от него исходящие. Они влекут за собой падение и темного брата. – И все вопросы Черубины де Габриак, часто заканчивающие ее стихи, – такие жуткие и нежные, – все возникают вокруг окрыления плоти, освобождения и прозрения плоти.

Прислушайтесь, как говорит Черубина с темным ангелом плоти, как склоняется она к его голосу, как она умеет его слушать. Так может относиться только существо, уже переступившее грани тела и грани жизни, уже бывшее «в бестелесной хрустальной дали» (Е. А.)¹³⁸⁹ и возвращенное земле. Она знает, пусть глухо, пусть невыразимо на нашем языке – последние тайны и смысл дарованной нам плоти, сопряжения нашего с плотью. Отсюда та вдохновенная, знающая, высокая жалость, с какой Черубина де Габриак говорит с темным ангелом плоти. Как чувствуется это внутреннее, снисходящее и поднимающее плоть волнение! От милующего Светлого Сердца плоть получает милость. Плоть становится милой. Оттого на одном уровне – страдания плоти и духа. Оттого от милующей любви и плоть становится менее тяжелой, подымается вослед, дает способность светлому ангелу шире и свободнее развернуть крылья. И умиряется плоть, «покрытая кровом крылу»¹³⁹⁰. Оттого и

в сердце воздух – *розовый*
невидимой зари.¹³⁹¹

Из всех диалогов двух ангелов мне особенно запомнились некоторые, в которых ясно различимы милующие тона:

I
Пускай горит минутной жаждой тело,
горит от радости и стонет от стыда¹³⁹².

II
Мечом двусторонним
пронзает Господь,
и все воспаленней
изнемогает плоть.¹³⁹³

.....

На алчущих изгибах неутоленной дрожью
еще горит порыв....
Но, стоны заглуша,
не бойся и смиришь, к небесному подножью,
во тьме себя раскрыв,
омытая подьемлется душа.¹³⁹⁴

III

И плоти душная темница
полна нетленной красоты¹³⁹⁵.

Плоть названа темницей¹³⁹⁶; темнота – ее всегда сопровождающий знак. Но она не менее причастна нетленной красоте. Наравне с духом принимает благословение Господа. Жажда, изнеможение, духота плоти – и они имеют благословение. Союз близнецов – плоти и духа – «союз кровный, неслучайный», закрепленный «неразрешимой тайной»¹³⁹⁷. Оба они изошли из той сферы, «где дух и плоть всегда огонь»¹³⁹⁸. От этого так страшно угасание огня, так страшно разятие духа и плоти в смерти.

Черубина де Габриак хорошо помнит своей звездной памятью это благословение плоти, видит в связи, в союзе, в содружестве и помощи плоти и духа – «небесную тишь». И через путь духа, и через веление плоти проходит эта чистейшая «небесная нить», выводящая к «небесному подножью»¹³⁹⁹.

Все, в чем душа, вырастая,
хочет себя обнажить –
та же все нить золотая,
та же небесная нить.¹⁴⁰⁰

В Его руках, в Его предвечной ласке
нетленный дух и жаждущая плоть.¹⁴⁰¹

И наше тело – «стихия трепетная» – низшая степень огня и духа, но родственная им, чистая и благословленная:

1. Стихии трепетной не тронь,
пусть сам Господь раздует уголь
в преображающий огонь.¹⁴⁰²

2. Хотел Господь! Испуганные дети,
мы мучились. Он Сам за нас в ответе.
Он – судия!¹⁴⁰³

3. И хочется сказать: она – благословенна,
измученная плоть.¹⁴⁰⁴

4. Встретит там Ангел Белый,
благословляя двух:
беглое жадное тело
и ослабевший дух.

Они приходят раздельно. Но когда-то (и на земле повторяется это чудо!) дух и плоть были единым огнем. Помнит об этом на земле одна любовь. Необыкновенна, точна и сжата формула Черубины:

В огне душа. Но с духом слита плоть –
в безмерности – не хочет поцелуя.

Сквозь эту религию принятия плоти, сквозь неумолчные диалоги ангелов, – в лирике Черубины де Габриак мы слышим редкую повесть, не рассказанную нам другими поэтами, – повесть о жизни плоти в сфере милующего духа, о нашем неотступном, ощутимо и слитно сопровождающем нас Темном Ангеле.

8.IV. 1928.
Каллиэра

ГЛАВА ИЗ ТРАКТАТА РЕГИНЫ ДЕ КРУА О РОЖДЕНИИ СТИХА¹⁴⁰⁵

Люблю я гул и взрыв подземных сил...
*Андрей*¹⁴⁰⁶

...От наплыва стихов, тех, что не родились, тех, что слышны только в стуче сердца, поднимается беспокойный колкий туман... Кружащий, застилающий голову. В нем, как заглушенные, гулкие, смутные удары, падают зигзаги вопросов: должны ли они родиться, или надо им дать умирать... в стуче сердца, в качании крови, в широком раскрытии глаз, во взгляде горящей звезды...

И стих – есть изваянное пламя. Всякая другая формула стиха должна быть отвергнута. Отсюда: и то, что называют вдохновением, – не может быть легким даром. Оно всегда носит черты мучительного процесса, в котором и строгое раздумье, и натиск подступающей стихии, вынашивание, выпестовывание ритмов и борьба с ними... Чаше всего, в тяжком раздумьи.

Дай волю стихии стиха, току стихов: и они двинутся в жизнь... И тогда: – нужно ли класть их в пелены жалкого холодного слова, на ложе строфических окостенений? Сжатие ритма – сжатие сердца. Погребение Огня, изваянного пламени. Волнение охватывает меня. Я сажусь переписывать чужие тексты, чтобы заглушить борьбу с подступающим ритмом. Но это не одолевает приступа. Некая слепота овладевает мной. Ничего не вижу. О, священная слепота, целящий туман!.. Так близки стены, и уже далеки... Бледные, ослепленные, разъединенные мои глаза! Рукопись не ясна. А в тумане нарастает ритм, далекий, подземный, поднимающий немое жалкое тело и открывающий сухие губы...

И вот, вихрекрутящий ток относит меня...

Внешнее зрение все хуже и хуже: соседняя комната уже как черный провал. А рядом растет плавление: пламенеющий лед, ледящийся пламень... Кажется, что вещи сближаются. Идут в круге и в тесноте нового рождения, отражая новое лицо. От новых лиц – новые найденные слова. Слова для ритма. Наступает момент, когда ритм исторгается в слове, готов исторгнуться. Я жажду пытки исторганья...

И тогда... Да, знаю я: надо припасть к дымящейся расщелине тяжкого земного плавления. Нужен глоток пламени и дыма. И тогда – будут пылать слова.

Я закрываю лицо... Я умоляю Вас, благие древние Камены! Положите персты на уста мои!

Да обретут уста мои
первоначальную немоту...

Останься пеной, Афродита!¹⁴⁰⁷

Стихи нужны не те, и не таково должно быть их рождение: потому что разум еще правит мною... Только те нужны стихи, какие я не могу не произнести, не могу не крикнуть на грани *должного* сошествия с ума. Они чудовищно редки. Их нет почти. Остальным... не нужно родиться.

Только пифийские стихи из чада должны пройти в жизнь. И собственно сейчас я описал пифийское состояние, рождающее стих. Да, поэт должен неустанно отравлять себя адским пламенем плавящейся земли.

Стихи надо писать так, как слагались безумные выкрики прорицателей, оковывая их потом строфической строгостью.

Вот вспыхнули две строки, в блеске зажглись, как созвездие. Как взмах клинка перед помутневшим, отданным взором, обозначился след строфы. Огненные, расплавленные знаки изнутри Земли. Это еще не стихи – это след пламени, подошедшего к твоим губам. Умей принять это пламя!

Произнеси это пламя горящими губами. Пронеси через себя и вслушайся, взглядишь: будет ли горение в строках... Если склубится, сложится в знаках – исторгнутый от тебя, повитый ритмом звучащий мир, только тогда запиши текст, это и будет тот видимый путь, по которому мчался и клубился подземный огонь.

1. Стих есть произносимое пламя.

2. Хаос в нем и денница
жаждут слиться в одно.

Стих – кровавое дно,
где безумствует жрица.¹⁴⁰⁸

Второе определение дано в подлинных пифийских пророческих выкриках поэта-прорицателя и переносит нас к одной из глубочайших линий творчества Андрея Звенигородского¹⁴⁰⁹.

Состояние, предшествующее исторжению стиха, записано в другом пифийском тексте.

С горящими, как Африка, губами
мэнады обнажат святое дно,
и пьяное пурпурными волнами
заплещет в нас стихийное вино.¹⁴¹⁰

Огонь, огненные видения, Огненная земля – вот мир поэта. Поэт не может не быть огнепоклонником... Он славит «огнь безумно-пламенных видений»¹⁴¹¹. «Коснуться огненной земли»¹⁴¹² – прекрасные слова, определяющие печаль исторжения стиха. Огонь губящий и огонь целительный – *Ignis sanans*¹⁴¹³ – неизменный огневодящий спутник поэта.

Люблю я дико пляшущий Огонь,
в нем все постигну бешеные чары,
по ним промчусь, как аравийский конь.¹⁴¹⁴

Но есть провалы, пропасти и в самом полете пламени, – это моменты, когда душа более усыпляется смертью, чем склонна восставать к жизни. И нужно новое умопомрачение. Новое вмешательство Ἄτη¹⁴¹⁵. Новое сошествие во Ад. Или... если душа еще слаба, – то хотя бы возможность дышать ритмами и пламенем из разверстой пасти плавления. Если прегражден путь к пифийскому сошествию с ума, тогда: тогда стихи сочатся, как яд, выделяемый по жалким каплям за целые года...

Но и собирание яда, окостеневших и звенящих кристалликов яда – уже оправдание жизни поэта.

Крик в прозрении и умоисступлении, со звоном ложащийся в текст и светящиеся кристаллы яда – это и есть два пути в жизни поэтических творений...

Примером второго пути служат... отстоянные отравы и раздумья В.Ф. Ходасевича и О.Э. Мандельштама, отточенный стилет, затаенный в их стихе, от прозрения и умоисступления подводит к темной завесе святилища θάνατος¹⁴¹⁶.

АНКЕТА О ЛЮБВИ К ПОЭТАМ ОТВЕТЫ, ДАННЫЕ ЕВГЕНИЕМ АРХИПОВЫМ¹⁴¹⁷

1. Какие Ваши любимые книги в детстве?

Все произведения, прочитанные для меня в детстве, помню четко с сохранением в памяти внешнего вида книги и рисунков.

1. «Генерал Топтыгин».

2. «Кому на Руси жить хорошо».

3. «Принц и нищий».

4. «Сказки Кота Мурлыки».

5. «Людмила».

6. «Ивиковы журавли».

7. «Замок Смальгольм», наводивший на меня ужас среди ночи.

8. Эдгар По. «Падение дома Эшеров», после чтения которого был засыпан строившимся домом.¹⁴¹⁸

2. Какие из этих книг Вы хотели бы перечитать теперь?

«Сказки Кота Мурлыки». «Замок Смальгольм».

3. Какими романами Вы увлекались в молодые годы?

Романами Жюль-Верна до полного переселения в персонажи, до обожания книг и иллюстраций.

Фламарион.¹⁴¹⁹

Достоевский. «Подросток».

4. Какие поэтические произведения были прочитаны для Вас в раннем детстве и кем именно?

«Кому на Руси...»; «Генерал Топтыгин»; «Ивиковы журавли»; «Замок Смальгольм» – все – моим отцом, ночью и утром в 4–5 часов, зимой. Чтение длилось часто до появления румяной московской зари и сопровождалось истреблением крутой молочной каши. (Москва. Дом Журавлева около Сухаревой башни). Из других чтений помню необыкновенное, приглушенное, падающее до зловещих свистящих нот чтение сумасшедшего над больной матерью после соборования. Читал пророков из Библии (1-я Мещанская, дом Юшина).

5. Какая картина или иллюстрация в журнале (в книге) впервые поразили Ваше воображение?

«Дон Хуан встречает собственные похороны» (иллюстр. в «Ниве»)¹⁴²⁰.

Позднее – пристрастие к иллюстрациям по истории архитектуры (колоннады Парфенона, собора Св. Петра, Казанского, Исаакия).

6. Кого из поэтов вы считаете обладавшим атлантической памятью?

Максимилиан Волошин – Черубина – Гумилев – Ф. Сологуб.

7. Назовите вечную, неизменяемую цепь поэтов, о которых Вы можете сказать, что любите их исключительно и неотступно.

Пушкин. Баратынский. Дельвиг. Тютчев¹⁴²¹. Фет. Вл. Соловьев. Ин. Анненский. Ахматова. М. Волошин. Черубина де Габриак. Гумилев. Гр. Комаровский. Ходасевич. Парнок.¹⁴²²

8. На кого из поэтов современности (после 1920–1921 гг.) – печатающихся и не выходящих в печати – обращено Ваше внимание?

М. Волошин. Черубина де Габриак. Рождественский. М. Цветаева. Д. Усов. В. Меркурьева. Ходасевич.

9. Кого из западных и восточных поэтов любите больше всего?

Эдгар По. Барбе д'Оревилли, В. де Лиль Адан¹⁴²³. Уайльд. Леконт де Лиль. Гафиз. Саади. Омар Хайям.

10. Что любите больше всего из Вальтер-Скотта и Диккенса?

Из первого – ничего, кроме баллады «Замок Смальгольм» («Иванов вечер»). Из 2-го: «Холодный дом», «Большие ожидания».

11. В какой ряд поэтических имен Вы поставили бы имя 1) Комаровского В.А. 2) Парнок С.Я. 3) Лозину-Лозинского А.К.?

Комаровского связываю с именем Гумилева и Ин. Анненского (Парнасы¹⁴²⁴). Парнок с именем Тютчева и Баратынского. Лозину-Лозинского с Гейне. Комаровского и Парнок люблю и перечитываю; от Лозины-Лозинского отошел за исключением мотивов черной тоски и жестокого любовного чувства.

12. Взаимоотношения с какими поэтами и писателями (непосредственные и заочные) Вы считаете для себя ценными (на протяжении всей жизни)?

Вл. Эрн. Черубина де Габриак. Д. Усов. В. Меркурьева. А. Звенигородский. М.О. Гершензон. Вал. Анненский. Вс. Рождественский.

13. Считаете ли возможным сейчас перечитывание Данте и в чьем русском переводе?¹⁴²⁵

Данте необходим сейчас, как высокая параллель к испытаниям, крушениям современности.

14. Какие 7-мь книг стихов и 7-мь книг прозы Вы оставили бы навсегда с собой?

Пушкин. Баратынский. Тютчев. Фет. Вл. Соловьев. Инн. Анненский. Ахматова. М. Волошин. Черубина де Габриак. Гумилев. «Одиссея». Овидий. Данте. Эдгар По. Бодлэр. Эредиа. Леконт де Лиль.

1. Пушкин. 2. Гоголь. 3. Достоевский: «Преступление и наказание». «Бесы». «Идиот». «Униженные и оскорбленные». 4. Брюсов: «Огненный Ангел». 5. Белый: «Серебряный Голубь». «Петербург». 6. В. Розанов как коренной, почвенный, земляной сострадатель русской прозы, давший невиданные, неизвестные ростки слова вместе с питавшей его землей. Из В. Розанова: «Темный лик», «Люди Лунного Света». 7. П. Флоренский. «Столп и утверждение»¹⁴²⁶.

«Дон Кихот». Ронсар. Эдгар По. Уайльд (Д. Грей¹⁴²⁷). Абб. Прево «Манон <Леско>»¹⁴²⁸. Барбэ д'Оревилли. В. де Лиль Адан.

15. *Возвращаетесь ли Вы к чтению Державина? Хотите ли его перечитывать и что больше всего?*

Ценю в Державине неомраченное благоухание XVIII века, изображение беспечной, устроенной и полной до краев наивной деревенской жизни.

16. *От каких поэтов, ценимых Вами ранее, Вы отошли теперь?*

В памяти и восприятии поэты движутся по растянутым и удлинённым орбитам. Можно отрешиться от них, но они, по воле Рока, могут вернуться и стать близкими. На дальних от меня точках эллипсиса сейчас от меня стоят: Бальмонт – Брюсов – Белый (поэт) – Блок (кроме 2-х книг).

17. *Возможно ли для Вас перечитывание стихов Ф. Сологуба? Что Вы цените в нем сейчас?*

Надо перечитывать Сологуба, если хочешь увидеть прозрачную поверхность загаженных и глубоких озер и далекий, зовущий в невыносимые страны горизонт.

18. *Цените ли Вы Случевского и что именно цените в нем?*¹⁴²⁹

Очень ценю и перечитываю. Ценю в нем спуск с Аполлоновых высот и обращение к проблеме зла, четкое прислушивание к будущей тревоге и неблагополучию.

19. *В какой ряд поэтических имен Вы поставили бы имя Случевского?*

Баратынский. Случевский. Инн. Анненский. Ходасевич.

20. *Любите ли Вы стихотворения Пастернака или он просто для Вас интересен и ценен?*

Любить не могу. Крайне неприятен. В нем нет живой цельности и центра. Отталкивает бесцельное, виртуозно-механическое кружение.

21. *Любите ли Вы Мандельштама? Какую книгу более?*

Ценю больше, чем Пастернака. Всего Мандельштама. За холод, за мастерскую скульптурную колку мраморного стиха.

22. *Можно ли любить поэта Волошина или ему можно будет только удивляться? Если Вы любите, то за что именно?*

Исключительно люблю. Поклоняюсь. Ценю за выстраданное высочайшее право давать оценку векам и народам. Чту в нем судию и пророка.

23. *Какую из книг Гумилева любите Вы больше всего?*

«Костер». «Огненный столп». «Шатер». «Тень от пальмы». «Гондла».

24. *Что больше любите из Блока: «Скифы» ~ «12-ть» ~ «Возмездие»?*

«Возмездие». – Ближе всего мне Блок отчаяния и последней решимости, Блок, одетый мраком, Блок, близкий к Ап. Григорьеву, Блок цыганского мира, а потом Блок страшный, жуткий, задыхающийся. Отца – Александра Львовича – люблю наравне с Блоком¹⁴³⁰.

25. *Может ли быть то время, когда Вы отойдете от Блока, или – оно уже наступило?*

Да, может. Было время и опять вернется. Борюсь с жаждой отрицать Блока.

26. *Что Вы оставляете для себя из прозы М. Кузмина?*

Всего Кузмина со включением «Бабушкиной шкатулки»¹⁴³¹ и других малых книг.

27. *Что больше всего любите из Лескова?*

«Воительницу»; «Леди Макбет...»; «Запечатленного ангела»; «Очарованного странника».

28. *Что вы могли бы еще перечитать из Достоевского?*

«Преступление и наказание» (3-ий раз читал в 1930 году, с топографическим фоном). «Идиот». «Бесы». «Униженные и оскорбленные». Есть искушение снова перечитать «Подросток».

29. *Кто ближе всего к Вам: Сомов – Судейкин – Сапунов – Мусатов – Кругликова – Остроумова-Лебедева – Богаевский?*

Сомов. Богаевский – М. Волошин.

30. *Любимое Вами прозаическое сочинение Пушкина?*

Письма. «Пиковая дама». «Метель». «Путешествие в Арзрум».

31. *Любимая поэма Пушкина?*

На 1-м месте: «Медный всадник». На 2-ом: «Цыгане».

32. *Цените и дорожите ли сейчас «Земною осью» и «Огненным ангелом»? ¹⁴³²*

Ценю «Земную ось». «Огненного ангела» считаю одним из значительнейших произведений литературы. «Земную ось» ценю за холод, четкость и бесстрашие рассказа.

33. *Кто Вам ближе: Анна Ахматова или Марина?*

Близка и будет всегда близка Анна Ахматова.

34. *Что Вы хотели бы пристально и любовно перечитывать из Вячеслава Иванова?*

«Сог Ardens». Книгу о религии страдающего бога. Статьи из книг: «По звездам». «Борозды и межи». «Родное и вселенское»¹⁴³³.

35. *Цените ли Вы Черубину де Габриак и за что именно?*

Люблю как высокого поэта и Друга. Поклоняюсь как учителю. Утрата ее как руководительницы и Ведущей никем заменена быть не может.

36. *Цените ли «Петербург» и «Серебряного голубя» А. Белого?*

Очень ценю. Первое произведение («Серебряного голубя») за напевную, усложненную гоголевскую прозу. 2-ое произведение («Петербург») за открытие новой системы изобразительных пластов русской речи.

37. *Нравится ли Вам книга А. Белого «На рубеже 2 столетий», что Вы цените в ней?*

Ценю «На рубеже». За мастерски сделанные портреты известных мне лиц. Но тенденцию всей книги отвергаю.

38. *Что в судьбе и творчестве П.Я. Чаадаева Вас поражает больше всего?*

Одиночество, замкнутость, отверженность. Чаадаев имел право быть судьей своего времени. Ценю в Чаадаеве отточенную, спокойно пронизывающую мысль, провидящую и путеводящую.

39. *Врубель, Васнецов или Нестеров?*

Врубель.

40. *Цените ли, любите ли Вл. Соловьева-поэта?*

Люблю. Поражаюсь его единственному возникшему на земле «роману» с Софией.

41. *Кого из русских поэтов считаете обладающим даром высокого прозрения?*

Вячеслав Иванов. Максимилиан Волошин.

42. *Какие стихотворения Полонского Вы полюбили навсегда?*

Полонский не из моих любимых поэтов. Но ценю «Царь-девицу» и следующие стихотворения: «В глуши» – «Последний разговор» – «Заплетя свои темные косы венцом...».

43. *Кого из русских поэтов цените больше всего?*

Черубина де Габриак. М. Цветаева. А. Ахматова. В. Меркурьева.

О ЕВГЕНИИ ЯКОВЛЕВИЧЕ АРХИППОВЕ

Тени мало что надо:
памятник встречи.

Ольга Седакова

Заслуги Евгения Яковлевича Архиппова¹ (1880–1950) в истории литературы таковы: он составил первую «Библиографию Иннокентия Анненского» (М., 1914), фактически положив начало изучению его творчества; издал книжку эссе о русских поэтах «Миртовый венец» (М., 1915); собрал и сохранил стихи Елизаветы Ивановны Васильевой, более известной как Черубина де Габриак³ (собственный ее архив при неоднократных арестах был конфискован и утрачен)⁴, составил из ее рассказов в письмах «Автобиографию»⁵ Черубины и стал человеком,

¹ Далее: ЕА.

² Он родился 22 декабря 1880 по ст. ст., что по новому стилю стало 3 января 1881. В статье о нем *А.В. Лаврова* в словаре «Русские писатели. 1800–1917» (Т. 1. М., 1989. С. 112) и др. публикациях, восходящих к рукописям жены, К.Л. Архипповой, и к его собственной автобиографии для словаря псевдонимов И.Ф. Масанова, указана неверная дата 1882. Точная дата, восходящая к университетскому делу ЕА и написанной самим ЕА справке 1941 г., указана в двух независимых публикациях: 1) *Е. Литвин* («...Все это очень замечательно, сложно и мрачно» (письма А.Г. Усовой к Е.Я. Архиппову) // Вопросы литературы. Май–июнь 2010. С. 367–390); 2) *Н.Н. Перцовой* (в кн.: Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Т. 5. М., 2010. С. 9).

³ *Васильева (урожд. Дмитриева) Елизавета Ивановна* (1887–1928) известна прежде всего стихами, опубликованными под псевдонимом Черубина де Габриак в журнале «Аполлон» (1909) – мистификация была задумана ею вместе с М.А. Волошиным. Далее: Черубина. См. о ней: *Глоцер В.* Васильева Е.И. // Русские писатели. 1800–1917. Т. 1. М., 1989. С. 394–395; *Агеева Л.* Неразгаданная Черубина. М., 2006.

⁴ Первая, совсем небольшая книжка Черубины: *Черубина де Габриак*. Автобиография. Избранные стихотворения. М., 1989 (указано, что издание составлено Е.Я. Архипповым в 1927). Затем, тоже на основе архипповского собрания, смогли появиться более полные издания: *Черубина де Габриак*. Исповедь. Сост. В.П. Купченко, М.С. Ланда, И.А. Репина. М., 1998 (далее: *Исповедь* с указ. стр.); *Sub rosa. Аделаида Герцык. София Парнок. Поликсена Соловьева. Черубина де Габриак*. М., 1999. Вступ. ст. Е.А. Калло. Сост., подг. текстов и комм. Т.Н. Жуковской и Е.А. Калло. С. 461–554, 666–689; *Черубина де Габриак*. Из мира уйти неразгаданной. Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана М.А. Волошину. Сост., подг. текстов, прим. В. Купченко и Р. Хрулевой. Феодосия–М., 2009 (далее: *Черубина–2009* с указ. стр.).

⁵ *Исповедь*. С. 273–276.

которому она доверила свою «Исповедь» – рассказ о мистификации в журнале «Аполлон» в 1909 году и о романе с Н.С. Гумилевым⁶. ЕА оставил воспоминания о своем пребывании в гостях у М.А. Волошина в Коктебеле летом 1931⁷, сохранил письма и стихи своих друзей, мало кому известных при жизни (да и сейчас) поэтов: Д.С. Усова⁸, А.В. Звенигородского⁹, В.А. Меркурьевой¹⁰.

В настоящем издании собраны все авторские тексты ЕА (за исключением устаревших уже его библиографических трудов, как опубликованных, так и не опубликованных) и его эпистолярный. Сохранивший для русской поэзии произведения своих друзей – Черубины де Габриак, Меркурьевой и Усова – достоин возвращения и сам.

1

Как живописный портрет не может вполне передать обаяние, теплоту и характерность реального человека, так и эта печатная книга, предьявляемая миру, утаит от читателя прекрасную странность архипповских рукописных волюмов, любовно переплетенных в те лучшие материалы, которые возможно было достать при его бедности в постреволюционное время (редко кожа, чаще – ситец или фланель). Бумага – то чудом уцелевшая в бесконечных переездах и распродажах имущества плотная верже, то клетчатая школьная тетрадь, то незаполненные в свое время листы из гимназических классных журналов или почтовых гроссбухов отца, то оставшиеся от корректуры большие пожелтелые листы «Миртового венца» (точнее: их четвертушки), с вклеенными по строгому замыслу хозяина заставками и иллюстрациями, добытыми из дореволюционных художественных изданий. И

⁶ Там же. С. 267–273.

⁷ Опубликовано с сокращениями в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. Сост. В.П. Купченко и З.Д. Давыдов. М., 1990. С. 595–608. В нашем изд. – без купюр.

⁸ См.: Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...». В 2-х тт. Сост., вступ. ст., подг. текста и коммент. Т.Ф. Нешумовой. М., 2011. Далее: Усов с указ. тома и стр.

⁹ См.: Богомолов Н.А. Звенигородский // Русские писатели. 1800–1917. Т. 2, М., 1992. С. 333; Князь Звенигородский Андрей Владимирович. Генеалогия и биография. Стихи разных лет. Воспоминания современников. Сост. и вступ. ст. Е.А. Сорокоумовой. М., 2008. Далее: Звенигородский с указ. стр.

¹⁰ См.: Гаспаров М.Л. Вера Меркурьева: стихи и жизнь // Лица. Вып. 5. М. – СПб., 1994. С. 5–97.; Гаспаров М.Л., при участии С.Ю. Мазура. Меркурьева // Русские писатели. 1800–1917. Т. 4. М., 1999. С. 31–32.

этот удивительный почерк, то совершенно прямой, то с легким наклоном вправо – синие, фиолетовые, зеленые, красные чернила. Сочиненная графика буквенного устава – непосвященный и не разберет этих почти греческих хвостов и заломов, не узнает неповторимую его «л», сестру греческой лямбды, с нижней петлей, опущенной на полстроки, его загадочную «т», возвышающуюся над прочим буквенным народцем, как Паганель, его саквоаяжную «у» («оук»), его «ц» и «щ» со струящимися мантиями хвостов, которые другие слова вынуждены скромно обтекать, расступаясь... Написанные таким почерком открытки (раньше говорили: «открытые письма») можно было, не стесняясь чужого глаза, посылать по почте – кому охота разбирать заморскую вязь? А иные тексты – совсем просты, по-школьному отчетливы. От времени красные чернила приобрели неопределенный коричнево-бурый оттенок, некоторые вклейки вылетели со своих мест, книги разбрелись по разным собраниям. Часть писем из архива М.А. Торбин, московской энтузиастки-собирательницы документов Серебряного века (и не только их), пережившего пожар, в буквальном смысле прошли сквозь огонь и воду, и зеленые чернила в них размыты до такой степени, что слова приходилось угадывать по едва уловимой бороздке вспахавшего бумагу пера.

Породнившись с этим почерком¹¹, начинаешь изумляться названиям: «Крест и стрелы (Сны о св. Себастиане Нарбонском)», «Дальняя Морена», «Statuae lunari», «Стигийский завтрак», «Veneri verticordiae», «Баллада камня и покрова», «Иерофант ужаса и страсти», «Лектистернии», «Корона и ветвь», «Рыцарь Логоса и Лилии», предваряющим почти каждый сборник рощам эпитафий, которые под пристальным взглядом складываются в особенные центоны, псевдонимам – «Дмитрий Щербинский», «Атьян Зоре», «Регина де Круа», «местам изданий» этих рукописных (а иногда и машинописных) книг: Джудекка, Кайэнна, Тимиссао, Рединг, Роченсальм (продуманный ряд – известные в истории названия мест ссылок, изгнаний и даже тюрем) – при том, что автор ни разу не был за границей, работал, не покладая рук, то в Новороссийске, то во Владикавказе (Орджоникидзе)...

Это заколдованное царство букв, редких имен... – так жил не приличный и утонченный, легко осуществляющий любую свою эстетику

¹¹ «Каллиграфическими шедеврами» называл архипповские рукописные книги его друг (Усов. Т. 2. С. 112), сам обладавший изумительным почерком, напоминающим округлые завитки мышиноного горошка.

ческую прихоть состоятельный декадент дез Эсент (герой романа Гюисманса «Наоборот») – но пожилой провинциальный учитель советской школы, не имеющий зимнего пальто...

Чтобы расслышать интонацию этого голоса, нужен особый настрой. Е.И. Васильева (Черубина де Габриак) в 1924 году написала об одном из рукописных сборников стихотворений ЕА: он «похож на венок, лежащий на могиле нашей эпохи поэзии. Сейчас его услышат люди лишь с утонченным от одиночества слухом». В 1932 году эту же мысль повторял Д.С. Усов: «И она была права: чтобы расслышать ваши стихи – в наши дни нужен исключительно тонкий слух»¹². Может быть, точнее других смогла сказать о нем В.А. Меркурьева: «Не писатель и не спутник литературы, но сам литератор истинный, нашедший свой стиль»¹³.

Рассказывать о жизни нашего героя – задача не из простых: он ведь написал о ней сам, в этой книге читатель найдет три его автобиографии: одну – незаглавленную и две «Маски» – «гипсовую» и «золотую». Прочитав «Гипсовую маску», Черубина признавалась ЕА: «Я не знаю, как рассказать свою жизнь в последовательной смене моментов, она у меня не отпечатлелась так графично, как у Вас»¹⁴. Задача нашего повествования – расцветить авторскую черно-белую графическую канву, по возможности, заполнив характерные фигуры намеренных умолчаний, хоть негромко озвучить годы почти бессильной человеческой немоты.

2

Родившийся в Москве в 1880-м, ЕА видел Фета в последний год его жизни (отец показал мальчику из пролетки толстого господина, велел запомнить – и тот запомнил). С мольбой о выздоровлении тяжело больной матери (сердце, летаргический сон, паралич), долго бежал за каретой Иоанна Кронштадтского – и не догнал. Сам трижды чудом остался жив: на Сухаревке в детстве был засыпан кирпичами с известкой, лишился слуха, долго болел; гимназистом 7 класса «в поезде, ночью (между Владикавказом и Петровском) упал между вагонов; полуповисши на цепях и полупакаясь без сознания, ехал долгое время, пока

¹² Усов. Т. 2. С. 586.

¹³ Этими словами она характеризовала его Ахматовой (см. письмо Меркурьевой к ЕА от 4–5 апреля 1942 в наст. изд.).

¹⁴ Письмо от 11 января 1922; *Черубина–2009*. С. 100.

обход не услышал мои стоны»; студентом «во время баррикад 1905 года, – бежал из Пресненского участка к Кудрину, мимо церкви Покрова. А сотня пьяных казаков, громивших Пресню, стреляла по мне»¹⁵.

В 11 лет с родителями уезжает из Москвы в Феодосию. Здесь происходят два разномасштабных события его жизни. Первое: смерть матери (он остается с бабушкой и отцом, отец через некоторое время женится вновь, рождаются младшие братья и сестры, одна из которых – Клодя – станет предметом нежной заботы и младшим другом ЕА)¹⁶. Второе: недолгая учеба в той же гимназии, где – в другом классе – учился Максимилиан Кириенко-Волошин. Строго говоря, это не «событие», но некоторое «обстоятельство», единая память о котором станет через много лет одним из оснований для их знакомства и сближения.

Серьезность и длительность детских болезней, ранняя смерть матери, особая внутренняя хрупкость обострили восприятие мира: «Ото всего ему больно: от человеческих жестов, от взглядов, от искажения речи, от того, что нет лиц, на которые можно взглянуть и порадоваться. Всё в мире не то и не так, как хотел бы он»¹⁷.

Не прожив и года в Феодосии, едет с отцом в Тифлис. Прекрасные учителя Второй тифлисской гимназии и разговоры с соучениками, имена которых меньше чем через десятилетие прогремят в кругах интеллигенции обеих столиц – Эрн, Флоренский, Ельчанинов – определяют сферу умственных интересов Архиппова-гимназиста: русская история, Древняя Греция, Платон. Об атмосфере школьной своей жизни он напишет летом 1917 года, между двух революций, работу «Рыцарь Логоса и Лилии» – воспоминания о рано ушедшем В.Ф. Эрне.

По окончании гимназии¹⁸ – возвращение в Москву, учеба на историко-филологическом факультете Московского университета

¹⁵ Обе цитаты из автобиографии «Гипсовая маска».

¹⁶ В послужном списке отца, начальника Тифлисского железнодорожного почтового отделения I разряда VIII отдела перевозки почт по железным дорогам коллежского советника Якова Максимовича Архиппова от 22 июня 1900 г. значится: «Женат вторым браком на дочери Владикавказского купца Параскеве Стефановне Харченко. Имеет от первого брака сына Евгения (22 декабря 1880 г.), от второго брака дочерей – Клавдию (11 марта 1897 г.) и Людмилу (12 сентября 1898 г.)» (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Д. 37. Цит. по кн.: Поэзия Московского университета... С. 358–359. Публ. А.В. Улановой). Людмила умерла в Москве в 1968.

¹⁷ Письмо Н.С. Архипповой к А.В. Звенигородскому от 24 июня 1948. Т. 2. С. 679 наст. изд..

¹⁸ В аттестате значится, что он обучался «4 года во Владикавказской и 2 года в Тифлисской 2-й гимназии» (Поэзия Московского университета...).

(1900–1906), жизнь в студенческом общежитии, рядом с теми же Эрном, Флоренским. Из двух кандидатских работ, упоминаемых в автобиографии, сохранилась одна, по историческому отделению: «Протопоп Аввакум»¹⁹, но была и вторая, по славяно-русскому отделению: «Лирика Тютчева» (в 1916 году «любимая работа о Тютчеве» все еще лежит «в ящиках»²⁰).

Не принадлежа к обеспеченному классу (отец надрывался на развозной почтовой службе), ЕА принужден сам искать подработки. Природа наделила его изящной фигурой и красивым, с тонкими чертами, лицом, и ему удается устроиться статистом в Московском художественном театре (1902–1904), а это значит, что он оказывается в самом сердце культурной жизни столицы: видит Чехова на репетициях «Вишневого сада», Горького во время читки «На дне»²¹, хранит фотографии артистов с дарственными надписями²².

Московское студенчество в первые годы XX века переживало период революционных брожений. В первый же год учебы в письме к отцу ЕА выделяет из симпатичных ему обитателей студенческого общежития «незначительную группу в 12–15 человек», которая «живет своей жизнью, жизнью тесных товарищей среди чуждых им людей. Эта группа имеет в своем прошлом Бутырскую тюрьму» (и ему, как Самойловскому Пушкину, было почти «некуда податься, кроме них»²³). Не будучи сам захвачен пафосом революционного преобразования мира, наш герой волей-неволей становится свидетелем некоторых событий: «случайно» приходит на неразрешенную студенческую сходку, оказывается в центре революционных событий на Пресне (университетское общежитие находилось неподалеку, рядом с территорией современного зоопарка). Но это – скорее – внешние обстоятельства жизни, не ее существо.

Гораздо важнее оказывается встреча с русской идеалистической философией в стенах Московского университета. О любимейших университетских профессорах он расскажет в своих мемуарах, названных ред-

¹⁹ См. прим. 108 на с. 560.

²⁰ Слова из письма Н.С. Архипповой к В.В. Розанову от 2 мая 1916. См. Приложение III наст. изд.

²¹ Записи об этом в страничках его записной книжки, вклеенной в альбом, посвященный жизни ЕА – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 37, 40.

²² «Евгению Яковлевичу Архиппову на память от “Марка Антония” (25-е представление) Москва 15 ноября <1>902 г.» (от А.Л. Вишневого) и другая, от В.И. Качалова, с дарственной от 14 марта 1904. – Там же. Л. 34, 35.

²³ См. стихотворение Д. Самойлова «Пестель, поэт и Анна».

ким латинским словом – «Лектистернии»²⁴. Склонный к восторженному почитанию тех, кто служит Литературе, Философии – именно так, с больших букв – ЕА смотрит на них не просто как на учителей, но почти обожествляет, составляя из их имен пантеон, почитаемый всю жизнь.

Завороженный книгами и новейшей русской поэзией, наш герой становится библиотекарем студенческого общежития. Оформляя подписку на журнал «Весы», лично знакомится с Брюсовым, Бальмонтом. Единственные, мимолетные встречи с ними – воспринимаются как важнейшие события внутренней жизни, память о которых хранится в том же мыслительном реликварии. В автобиографии «Гипсовая маска» ЕА подчеркивает свое совершенно особое отношение к чтению («Книги <...> стоят для меня в ряду существ»²⁵): «Намеренно в полном одиночестве целый месяц читал “Серебряного голубя”. Лелею мысль вторично и без перерыва читать “Петербург”». Та же сосредоточенность на литературном чтении в позднейшей автобиографии ЕА «Золотая маска»: «1929. Лето. Размеренное (3-е) чтение “Преступления и наказания” с топографией С<анкт->П<етер>б<ур>га».

Природу душевных привязанностей нашего героя, может быть, лучше всего передают слова В.В. Розанова: «Вот эта “ненужность”, отшвырнутость от мира ужасно соединяет, и страшно все сразу становится понятно; и люди не на словах становятся братья»²⁶. Отсюда любовь ЕА к людям исключительно тонкой душевной организации: к Андрею Владимировичу Звенигородскому, Вере Александровне Меркурьевой, Арсению Альвингу, Дмитрию Сергеевичу Усову, Черубине де Габриак. Всех их легко можно было бы поместить в антологию русских «проклятых», т.е. не пришедших в срок к читателю, оставшихся маргиналами, теньями на полях истории русской поэзии.

Завязавшаяся в годы юности дружба с нескладным, хромящим (детская травма) студентом Московского университета, странным и обаятельнейшим человеком – поэтом, князем Андреем Владимировичем Звенигородским (1878–1961) – пронесена через всю жизнь. В

²⁴ Lectisternia – множ. число от Lectisternium (от *лат.* lectus – «ложе» и sternere – «стлать») – лектистерний, «божья трапеза», римский обычай умиловать богов при всенародных бедствиях своеобразными «пирами», когда изваяния богов расставлялись перед накрытым столом; в христианскую эпоху – поминальная трапеза, поминки.

²⁵ Из письма к Э.Ф. Голлербаху 5 марта 1927. Т. 2. С. 265 наст. изд.

²⁶ Розанов В.В. Опавшие листья. <Короб первый> // Розанов В.В. Собр. соч. Листва. М., 2010. С. 82.

воспоминаниях Н.Я. Мандельштам (и Э.Г. Герштейн), в стихотворной эпиграмме Осипа Мандельштама²⁷ он выведен чудачком, пришедшимся не ко времени в первые энергичные советские десятилетия. Гершензон, которому Звенигородский в начале века принес разысканные им письма П.Я. Чаадаева к брату, писал о нем: «юноша чистый, как горная вода»²⁸. Эту же характеристику, думается, легко отнести и к нашему герою. Тонко чувствующая хрупкую экзотику душевного мира обоих друзей Надежда Сергеевна, первая жена нашего героя, писала В.В. Розанову: «Андрей – редкий, очень нежный и грустный человек. Такого как он – легко сделать страдающим, и трудно – счастливым. Мы бережем и любим его как родного. Мы не видались с Андреем 10 лет, но связь не ослабла с годами, наоборот – получила новые глубокие тона. Андрей и Евгений – они во многом похожи. Жизнь общечеловеческая для них – пустыня, но зато своя, “из слоновой кости башня” – дает им полноту духовного содержания», а в письме к Звенигородскому как-то обмолвилась: «два киви (ты и Женя)»²⁹. Д.С. Усов писал ЕА после первых встреч со Звенигородским в сентябре 1923 года: «Я не могу сказать Вам, как дорог стал мне образ несчастного, разрушенного и все еще живого и страдающего кн. Андрея, сколько я прочитал в нем и сколько я увидел *сквозь него*. Его шамкающий, приглушенный, проникновенный голос будет слышен мне всегда, и всегда я буду видеть его худошавую высокую фигуру с палкой, в изломанных, фантастических движениях хромоты»³⁰. Особое лицо Звенигородского поэта, «часто срывающегося до минуса, часто безгранично богатого»³¹, и смысл мандельштамовских слов о том, что Звенигородский в стихах «хоть как-то приблизился к поэзии»³², еще только предстоит осознать³³.

²⁷ Мандельштам Н.Я. Собр. соч. В 2 тт. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 234–235; Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб., 1998. С. 36; Мандельштам О.Э. «Звенигородский князь в четырнадцатом веке...» // Мандельштам О.Э. Собр. соч. В 4-х тт. Т. 3. М., 1994. С. 152.

²⁸ Гершензон М.О. Письма к брату. Избранные места. Вступ. статья и прим. М. Цявловского. [М.], 1927. С. 162.

²⁹ Ср. словесный портрет Звенигородского, созданный ЕА: «Сердце имеет на правой стороне. Нежен, истов, крепок и прекрасен в дружбе. Рыцарски чист и светел. Любит птицу киви. Слушает сов, как Шелли».

³⁰ Усов. Т. 2. С. 192.

³¹ Слова из письма Д.С. Усова к М.А. Зенкевичу от 10 февраля 1922. Там же. С. 71.

³² Мандельштам Н.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 344.

³³ Такой попыткой был наш доклад «Мандельштам и князь Звенигородский» на VI Мандельштамовских чтениях в Варшаве (21 сентября 2011 г.).

В 1903 ЕА встречает Надежду Сергеевну Платонову³⁴, она становится его женой. В Москву она приехала учиться, неплохо лепила из глины и вышла замуж очень молодой: вспоминая о брате Звенигородского Николае, она пишет: «Помню, на балу в Н<ижнем> Нов<городе>, он танцевал со мною кадрили, и я, глупая девочка, была ослеплена золотом шитья на его мундире»³⁵. Родители Надежды Сергеевны жили в Полтаве, в письмах она упоминает фамилию бабушки, графини Обидовской-де-Мариево³⁶.

Летом 1906-го, после окончания ЕА университета, они уезжают из Москвы, уже похоронив здесь своего первого ребенка.

В 1920-е Надежда Сергеевна дает для молодых людей домашние уроки, знакомя их с русской поэзией: «Веду свои чудесные занятия о символизме и символистах и нахожу в этом большую отраду. Очень притягивает Андрей Белый с его антропософией. Пушкин и Тютчев не сходят со стола и “Сказку о Мертвой царевне” могу перечитывать постоянно»³⁷). Надежда Сергеевна писала Блоку³⁸, Розано-

³⁴ В каталогтеке ИРЛИ: Гурвич (1888–1949; урожд. Платонова; в первом браке Архипова) Надежда Сергеевна, художница, поэтесса. Обе дефиниции слишком громкие: Н.С. немного лепила и писала стихи редко (в том числе в конце жизни – для внука). По всей вероятности, служивший в 1888 в Полтаве врач земской управы Сергей Иванович Платонов приходился ей отцом. Благодарим за последнее уточнение В.В. Нехотина.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 618. № 29. Л. 32 (письмо к А.В. Звенигородскому от 22 декабря 1948). В другом письме, 9 апреля 1924, говоря о 19-ти годах разлуки: «или ты думаешь, что я все та же шестнадцатилетняя девушка, которую ты видел первый раз в Москве?» (Там же. № 9. Л. 19).

³⁶ Это указание Надежды Сергеевны не подтверждается имеющимися генеалогическими сведениями. Обидовские – угасший еще в 18 в. род (см.: *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 3. Киев, 1912. С. 695–696), графами не были; под фамилией «Обидовский» путешествовал по Европе граф Кирилл Разумовский; «де Мириево» (Янкович-де-Мириево) – служившие в России сербы с австрийским дворянством, тоже не графы. Пересечений с Обидовскими не зафиксировано (хотя исключить их тоже нельзя). Благодарим за справку В.В. Нехотина.

³⁷ Письмо к А.В. Звенигородскому от 28 декабря 1925. Там же. № 10. Л. 3.

³⁸ Его ответное письмо от 11 января 1911: «Благодарю Вас за Ваши письма. Хочу ответить Вам то, что Вы, вероятно, слышите от своих близких: Вы молоды и мало пережили. “Хаос в душе”, беспредметная тоска и “любовь к безликому” должны пройти. Все это – только цветы, цветение юности, и рядом с ее радостями, которых Вы, может быть, не замечаете и не цените, – неизбежно. Если с этой тоской Вы справитесь, – то вспомните ее с благодарностью. Тогда – слава богу, что Вы тоскуете. Все

ву³⁹, Мейерхольду⁴⁰, Станиславскому⁴¹. О себе говорила так: «у меня душа антикварная, и я этим горжусь»⁴², «от Уайльда все же далека, потому что отвращаюсь от всякого внешнего блеска и красоту души своей разрешаю только угадывать. Мой путь – путь внутреннего страдания, ни одно действие никогда у меня не рождается без боли»⁴³. Есть тяготение к Достоевскому, но стройности во мне больше, хаотичности мало. Есть любовь к Метерлинку, но тайны мои глубже спрятаны и озаряют жизнь *только мгновениями*. Матерьялизм принимаю весь, как принимаем таблицу умножения (пусть она будет!), но только как таблицу умножения. Гармонически созданный человек – хорошо! Но знаю, о как знаю! что наитончайшее открывается только калекам, как мы с Тобой. Калекам и безумцам... Розанов близок очень. Пленяет особенно – свободностью своего ума, бесстрашием, вещим проникновением. А еще люблю его за близость к полу, к чистым производительным силам природы»⁴⁴.

Звенигородский, с которым она никогда после 1906 года не встречалась, но всю жизнь переписывалась, писал ей в 1937-м: «Подобрал (хронологически) все твои письма. Какое несметное богатство в них рассыпано! Я читал их и снова перечитывал. Есть письма, от которых приходишь в неопикуемый восторг. Какая у тебя, милая Наденька, *бессмертная* душа! Я перед твоим душевным богатством беден и убог. Ты – царственная душа! Я радуюсь, что владею такими изумитель-

это очень просто для тех, кто пережил что-нибудь в жизни (простое и трудное). Вы, может быть, пока этого не поймете, пишу Вам это только потому, что почувствовал в Вашем письме возможность это понять, хотя бы позже. – Вспоминайте Толстого. Возвращайтесь иногда к его книгам, даже если это будет Вам иногда скучно и трудно. Толстой всем нам теперь помогает и светит. “Декадентство” любите поменьше. Если любите мои стихи, хочу Вам сказать, что я прошел через декадентство давно, прошел только потому, что человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Это я Вам пишу потому, что Вы адресуете письма в “Аполлон” и, вероятно, читаете его; там рядом с хорошим – слишком много мертвого, вырожденного декадентства. – Берегите себя, Вы самой себе будете нужны» (*Блок А.А. Собр. соч. Т. 8. С. 325; впервые опубликовано: Русская литература. 1962. № 2*).

³⁹ См. Приложение III.

⁴⁰ См. Приложение V.

⁴¹ Узнавала адрес своей знакомой «Зины Соколовой» (младшей сестры К.С. Станиславского), его ответ 28 февраля 1916. РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 124.

⁴² Из письма к А.В. Звенигородскому (1911). ИРЛИ. Ф. 618. № 8. Л. 3об.

⁴³ В этом признании слышится влияние ЕА, услышавшего эту ноту у любимого им И.Ф. Анненского и создавшего особую «философию боли».

⁴⁴ Письмо к А.В. Звенигородскому от 2 июля 1924. ИРЛИ. Ф. 618. № 9. Л. 22об.–23.

ными письмами. Они все достойны бессмертия. Вас. Вас. Роз<анов> прав, когда спешил отвечать на каждое твое письмо. Ты единственная в мире с таким неугасшим пламенем в душе»⁴⁵. За несколько месяцев до ее смерти Звенигородский успел написать ей: «Ты единственная, за руку которой можно держаться на безмерных расстояниях. (On peut donc se tenir par la main à des distances immenses – говорит П.Я. Чаадаев)»⁴⁶. Она отвечала так: «В каждом письме Ты зовешь меня мудрой... Ты целую жизнь поддерживал мою веру в себя. Ты меня прекрасно обязывал быть хорошей. <...> Жизнь почти прожита. А через всю жизнь один единственный *несомненный друг*. Не было секунды, когда бы я усомнилась в Тебе»⁴⁷.

В 1907 году у Архипповых родилась дочь – Ирина⁴⁸. И, видимо, вскоре после этого обнаружились большие проблемы со здоровьем Надежды Сергеевны. В 1911 году она писала Звенигородскому: «Ежедневно приходится убеждаться, что туберкулез существует, каждый вечер лихорадка и каждую ночь боли в спине. Грудь болит всегда и чувствуется в горле вкус крови»⁴⁹. В 1916 году она стала жаловаться в письмах на частичную потерю слуха. Заботы о «глухой Наде» из Нальчика заставили В.В. Розанова хлопотать (напрасно) о переводе ЕА на службу в Москву⁵⁰.

Мужу она была другом, важным помощником в осуществлении его дел. ЕА посвятил ей свою статью об Иннокентии Анненском «Никто и ничей», без нее вообще бы не вышла его книга статей «Миртовый венец»: это она приехала в Москву, растормошила вечно недомогающего Альвинга, держала вместе с ним корректуру книги. Однако склад личности ее был совершенно иным, чем у ЕА: «Тоскующим и

⁴⁵ Письмо Звенигородского к Н.С. Архипповой от 27 марта. ИРЛИ. Там же. № 32. Л. 9–9об.

⁴⁶ Письмо от 16 мая 1949. Там же. № 36. Л. 22.

⁴⁷ Там же. № 13. Л. 20. Лето 1932.

⁴⁸ *Архиппова Ирина Евгеньевна* (1907–1979). Сохранилось ее письмо, подписанное «Ирина Евгеньевна Трофимова (в девич. Архиппова)» в журнал «Знамя» от 16 марта 1964 по поводу публикации в первом номере этого журнала за 1964 письма А.А. Блока к ЕА: «Александр Блок писал не только моему отцу, но и моей матери, Надежде Сергеевне Архипповой, прожившей с отцом с 1903 по 1922 год, получившей от Блока не только письмо, но и стихи» (цит. по кн.: *Усов*. Т. 2. С. 70). В.П. Купченко и А.В. Лавров в комментарии к 7 т. (кн. 2) собр. соч. М.А. Волошина приводят другую ее фамилию по мужу – Дьякова.

⁴⁹ Из письма к А.В. Звенигородскому (1911). ИРЛИ. Ф. 618. № 8. Л. 3об.

⁵⁰ Подробнее о взаимоотношениях с Розановым см. Приложение III к наст. изд.

мрачным с молодых лет был Евгений. То молодое, жизнерадостное, простое, что было во мне, очень чувствительно было подавлено его презрением и вообще к людям, и ко всему ”обыденному”... Его вкусы, страсти и понимания привились ко мне легко, а потом всю жизнь развивались неуклонно и актуально. Но во мне было еще моё – простое, здоровое, жизнерадостное». Эта разница темпераментов сыграла свою роль в непростой истории их брака.

Мы считали необходимым дать хотя бы беглый портрет Надежды Сергеевны, с которой ЕА прожил 17 лет (1905–1922), потому что ее имя ни разу не будет названо им в его автобиографиях и мемуарах. Эта намеренная фигура умолчания, может быть, станет понятнее, если мы вспомним строчки Веры Меркурьевой:

Словами землю, небо, море мерьте,
Но не коснитесь риз Любви и Смерти.⁵¹

ЕА любил эти стихи.

С Надеждой Сергеевной были связаны для ЕА «ризы любви» и сильных страданий (и испытываемых, и доставляемых). И он не захотел говорить о них.

Очень откровенно о «физиологии» этого брака рассказали письма Надежды Сергеевны к В.В. Розанову, вместе с «Исповедью» ЕА они образуют редкое сочетание психологических свидетельств «обеих сторон». Не считая нужным пересказывать и трактовать их, мы просто отсылаем к ним читателя.

«Почему Вы в людях видите преимущественно желание “поработить” Вас? Неужели не было таких, которые умели бы создать тишину и покой вокруг Вас, не требуя ничего взамен и оставляя Вас с самим собою, “не вытаскивая Вас на берег”, как Вы того хотите? Или, видно, так уж безысменно правило, что острейшую боль причиняет тот, кто любит...» – писал ЕА Усов⁵².

4

После окончания университета ЕА отправился с женой во Владикавказ, получив в результате хлопот отца должность учителя в клас-

⁵¹ Слова из стихотворения В.А. Меркурьевой «Аспект лирический» (*Меркурьева В.А.* Тщета. Сост., прим. В. Резвого, статьи М.Л. Гаспарова; М.: Водолей, 2007. С. 210; далее: *Тщета* с указ. стр.), включенного ЕА в антологию своих любимых стихотворений (на титуле: «Моя антология. 1922. <Т.> 1». РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 10).

⁵² Письмо от 21 декабря. *Усов*. Т. 2. С. 116.

сической Ольгинской женской гимназии. О своей работе ЕА рассказал в письме к В.В. Розанову: «Я девять лет (до 1915 г.) беззаветно и без подсчета сил отдавался преподаванию (главным образом, на специальном историческом отделении VIII класса) в Ольгинской женской гимназии (Владикавказ), правда, не стеснявшей меня ни формами, ни программами преподавания. – И единой формой моей жизни было жить в одну думу с классом, соединяясь с ним в единый организм, живущий своим четким вдохновенным, эвритмическим порядком. Я преподавал необязательный курс (так называемые «литературные» беседы») по истории русской лирики и литературы и специальные курсы истории русской, Греции и Рима»⁵³.

ЕА, конечно, был украшением гимназии, кумиром учениц⁵⁴. «Когда после звонка Вы уходили из класса, мы сидели как зачарованные и потом только приходили в себя; казалось, что поздние слова еще звучат в углях класса. Долгое время еще мелькают в голове обрывки сказанных Вами мыслей, подчеркнутое слово, строчка из приведенного стихотворения. Не я одна так воспринимала Ваши слова. Вы научили меня

⁵³ Полностью письмо см. в разделе Приложение III во втором томе наст. изд. Ср.: «Анализируя архивные документы ЦГА РСО–А, нельзя не отметить с какой ответственностью, энтузиазмом и энергией Архиппов трудился на педагогическом поприще: принимал экзамены по окончании учебного года и при приеме вновь поступающих в школу, являлся членом экзаменационных комиссий устных экзаменов по истории, русскому языку, педагогике, географии и естественной истории, принимал активное участие в делах гимназической библиотеки, в которой по состоянию на 1 января 1913 г. имелось 5970 названий книг и 11 385 томов книг, составлял картотеку для библиотечного каталога, проводил дополнительные занятия для гимназистов, введенные по его предложению директором гимназии А.Н. Залдкиным. Евгений Яковлевич участвовал в проведении праздничных мероприятий гимназии. К 200-летию Полтавской победы 21 мая 1909 г. в гимназии было совершено молебствие, после которого преподаватель Е.Я. Архиппов произнес речь “Петр I как идеал государя–руководителя” [*Терский календарь на 1913 г.* – Владикавказ, 1912. – С. 43, 123]. Нагрузки, возложенные на него, во много раз превосходили предусмотренные таблицей распределения уроков гимназии» (*Мадзаева Е.К., Бигаева О.О.* Книжная коллекция Е.Я. Архиппова – исследователя русской поэзии Серебряного века // Вторые Репинские чтения – 2014. Сб. материалов. / М-во культуры и туризма Астрахан. обл; Астрахан. обл. науч. б-ка им. Н.К. Крупской. – Астрахань, 2014. С. 120–121. Приношу благодарность авторам работы и З.А. Малометовой за возможность ознакомиться с ней).

⁵⁴ Летом 1912 произошла трагедия: влюбившаяся в ЕА гимназистка, не встретив взаимности, покончила с собой (единственная информация об этом – в письме Звенигородского – см. прим. 3 к письму 3). ЕА готовился к отставке или переводу в другой город, но каким-то чудом на его карьере эта история не отразилась.

понимать красоту, дали толчок моим мыслям, указали на синеющие дали. И не только расширили мой умственный кругозор, но повлияли на поступки, на отношение к людям», – писала ему одна из учениц⁵⁵.

Как это часто бывает, первый класс, которому молодой учитель дарит все свои внутренние силы, становится особого рода «первой любовью». Этому выпуску (1914–1915) Ольгинской гимназии, где учились его сводная сестра Клодя⁵⁶, и будущая его вторая жена, и любимая ученица Катя Юрченко, которую он потом будет считать названной сестрой (им посвящены стихи ЕА, а двум последним – и стихи В.А. Меркурьевой)⁵⁷, – ЕА посвятит свою статью об А.А. Фете.

Блестяще образованный человек, пристально следящий за последними течениями столичной литературной жизни, ЕА быстро стал заметной фигурой во Владикавказе. В 1908 в городе было организовано «Общество по устройству народных чтений». ЕА вступил в него и со временем стал товарищем председателя правления. Сохранился отпечатанный «Список лекций, читанных Евгением Архипповым во Владикавказе, в Обществе народных чтений»⁵⁸ (отдел общеобразовательный):

«1908 г.

1 лекция. Мистицизм, символизм и импрессионизм в новых школах поэзии.

2 и 3 лекции. Морис Метерлинк.

4 лекция. Краткий очерк символической школы в России.

5 и 6 лекции. Основания философской лирики Ф.И. Тютчева.

7 лекция. К.Д. Бальмонт. Жизнь и книги Бальмонта.

1909 г.

1 лекция. Генезис идеи Вечной Женственности. Ея поэты и пророки (Шелли. Гете. Лермонтов. Фет. Полонский. Гр. А. Толстой. Вл. Соловьев. А. Блок).

⁵⁵ Зеттлер О. Письмо к ЕА от 4 октября 1912 из Хасав-Юрта. РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 1.

⁵⁶ *Клавдия Яковлевна Сушилина* (1897– не ранее 1971). Уехала из Владикавказе в Красноярск в 1928. Ее фотография в альбоме ЕА (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 8).

⁵⁷ Фотография выпуска: ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 24.

⁵⁸ ЕА писал и заметку об этом обществе в форме письма в газету «Терек» (1912; сохранилась в виде фотоконии. Там же. Л. 73–74).

2 лекция. Поэзия Александра Блока.

3 лекция. Философские начала лирики К.Д. Бальмонта»⁵⁹.

И газетное объявление: «Сегодня, 24 февраля в зале Николаевско-го училища имеет место быть третья публичная лекция Е.Я. Архипова по новой поэзии. Программа лекции: Поэзия князя Андрея Звенигородского. I) Мотивы первого сборника стихотворений. Поэтическое credo А. Звенигородского. Лирика воспоминаний и забытых святынь. Властительная поэтическая сила, бодрящая сжатость стиха (импрессионизм). II) О лирике и самобытной ценности поэзии. III) Лирика сборника «Delirium tremens». Трилогический кошмар. Мотив последнего прощания. Кн. А. Звенигородский и Леонид Андреев. IV) Поэт восторженной стихийности. А. Звенигородский и школа Тютчева. Разбор “Филина”. Дионисическое настроение в поэзии А. Звенигородского. V) Сборник «Sub J<о>ve frigido”, любовная лирика. VI) Символизм метерлинковской школы в поэзии А. Звенигородского»⁶⁰. Эта лекция ЕА была своеобразным ответом А.А. Блоку и В.Я. Брюсову: когда в 1906 Брюсов нелестно отозвался о маленькой книге стихов Звенигородского, ЕА, надеясь заручиться более утешительным отзывом, послал книжечку Блоку, сопроводив посылку письмом с просьбой дать ей приватную критическую оценку. Блок ответил, однако его мнение не могло бы утешить и поддержать Звенигородского: оно было негативным. По всей вероятности, ЕА не рассказывал товарищу ни о своей посылке, ни о реакции Блока⁶¹.

Постепенно вокруг ЕА собирается кружок увлеченных литературой людей, происходит обретение новых друзей. Примечательное лицо в этом кружке – поэт Вера Александровна Меркурьева (1876–1943). В 1910-е она проходит причудливыми дорогами русского символизма, находит свои полюсы притяжения и отталкивания, спорит со своим «учителем», «дорастает» в этих спорах до самой себя. (Едкой иронии по отношению и к себе, и к любому другому ей было не занимать; позже она рассказывала об ЕА Ахматовой: «Серебряные волосы, юное розовое лицо, черные глаза – грустные и спрашивающие. Насмешлив,

⁵⁹ Там же. Л. 82. В другом варианте печатного листка 3-я и 4-я лекции 1909 другие: «3 лекция. Лирика кн. А. Звенигородского. 4 лекция. Философские начала лирики К.Д. Бальмонта» (Там же. Л. 140). С. 13–17.

⁶⁰ Газетная вырезка (из «Терека» <1909 г.>, без указания номера) вклеена в составленную ЕА в 1924 рукописную библиографию Звенигородского (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 21).

⁶¹ См. обмен письмами с Блоком во втором томе наст. изд. С. 13–17.

зол и нежен. Остроумен, редкий чтец»⁶²). В 1917-м Меркурьева уехала в Москву, и в революционные осенние дни была «коронована» Вячеславом Ивановым. Теперь, когда опубликован основной корпус ее лирики⁶³, очевиден масштаб ее дарования, в версификационном отношении не уступающего, может быть, Цветаевскому, и понятна его особенность, о которой писал Вяч. Иванов: имея «дарование необыкновенное, самобытность, силу и смелость чрезвычайные», Меркурьева «принадлежит к лирикам труднейшим, по психологической сложности ее поэзии, с одной стороны, по новизне ее формы – с другой. Она <...> намечает совсем непредвиденные возможности <...> Вникнуть в суть ее таланта – нелегкое дело»⁶⁴. Тогда же ее стихи очень полюбил Илья Эренбург. Цветаева писала ей в 1940-м: «Я Вас помню – это было в 1918 г., весной, мы с вами ранним рассветом возвращались из поздних гостей. И стихи Ваши помню – не строками, а интонацией – мне кажется, вроде заклинаний? Эренбург>г мне говорил, что Вы – ведьма, и что он, конечно, мог бы Вас любить. ...Мы все старые – потому что мы раньше родились! – и все-таки мы, в беседе с молодыми, моложе их – какой-то неистребимой молодостью! – потому что на нашей молодости кончился старый мир, на ней – оборвался»⁶⁵.

Одновременно с подготовкой к урокам и лекциям ЕА писал свои первые статьи для владикавказской газеты «Терек»⁶⁶, а в 1912 – для «Нижегородской земской газеты», где его опубликовал сотрудничавший в этом издании А.В. Звенигородский⁶⁷.

30 ноября 1909 на ступенях Царскосельского вокзала в Петербурге умирает Иннокентий Анненский, в апреле 1910 выходит посмертный сборник его стихотворений «Кипарисовый ларец», и ЕА открывает

⁶² Пересказывала эту характеристику в письме к ЕА 4–5 апреля 1942.

⁶³ *Тцета*; Меркурьева В.А. «Умейте жить минуткой». Подг. текста и коммент. Т.Ф. Нешумовой // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 24 (<http://www.utoronto.ca/tsq/24/merkurjeva24.shtml>). Далее: «*Умейте жить минуткой*».

⁶⁴ Из отзыва Вяч. Иванова о стихах Меркурьевой от 21 февраля 1918 (список рукою ЕА в его рукописной книге «*Еклекта*. Вячеслав Великолепный – М.О. Гершензон – Вс. Рождественский»). РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 23).

⁶⁵ *Цветаева М.И.* Собр. соч. Т. 7. Письма. М., 1995. С. 685.

⁶⁶ Статьи ЕА в «Тереке»: о Майкове – 16 мая 1907; «Не давайте им умирать!» – статья о голоде крестьян восточных поволжских губерний (1 апреля 1912); о Бальмонте – 25 марта 1912; об Е.В. Рискиной (Цингер) – 20 апр. 1911 и № 6 1912; об Анненском – 27 мая 1914. Фактическим редактором газеты с 1912 был С.М. Киров (*Кафанова Л.* Киров в «Тереке» // *Огонек*. 1962. № 49).

⁶⁷ Об А.Н. Апухтине (№ 17), А.К. Толстом (№ 33, 23 августа), Франциске Ассизском (25 октября).

для себя главного поэта своей жизни, задавшего формулу восприятия мира – через пронзительную боль человеческого одиночества. «Годы 1909–1915 отданы всецело Инн. Анненскому»⁶⁸.

ЕА с увлечением составляет библиографию Анненского и посылает ее в Москву, Арсению Альвингу, горячему поклоннику творчества этого поэта, издававшему альманах «Жатва»⁶⁹. Альвинг публикует ее в пятом выпуске альманаха (1914), и в том же году – в исправленном и расширенном виде – отдельной книгой⁷⁰. Составленная ЕА в 1914 г.

⁶⁸ Цитата из «Золотой маски» ЕА.

⁶⁹ *Альвинг (наст. фамилия Смирнов) Арсений Алексеевич* (1885–1942) – поэт. См. о нем комм. 139 на с. 562. Вот как об Альвинге рассказывает в своих воспоминаниях Л.В. Горнунг: «Арсений Алексеевич Смирнов, избравший себе псевдоним Альвинг, родился во Владимирской губернии, где у его матери Надежды Александровны Смирновой, урожденной Бартеновой, было родовое поместье <...> Отец его Алексей Смирнов рано умер, молодым оставил Надежду Александровну вдовой. Человеком он был большим, страдал черной меланхолией, дичился людей, избегал дневного света и пользовался только искусственным. В угоду ему жена заколотила окна в его комнате, стены обила черным бархатом и требовала, чтобы никто не нарушал его покоя и одиночества.

Рос Арсений среди женщин, баловавших своего отпрыска мужского пола. Они вырастили его эгоистом и мало приспособленным к жизни <...> Арсений Смирнов рано увлекся литературой, особенно полюбил поэзию символистов. Он стал бывать в литературных кругах Москвы и писать стихи <...> Бальмонт говорил ему “ты” и был очень доволен лекцией Арсения Альвинга о творчестве любимого им поэта, прочитанной в большой аудитории Политехнического музея, кажется, в 1912 или 1913 году <...> В 1911 году Арсений Алексеевич познакомился с богатым человеком, любителем литературы, иногда дилетантски писавшим прозу, но мечтающим стать писателем, [Евгением] Евграфовичем Курловым, дальним родственником министра внутренних дел Курлова. Альвинг уговорил московского Курлова начать издание литературных сборников “Жатва”. Курлов горячо взялся за это издание и пригласил Альвинга стать главным редактором» (*Горнунг Л.В.* Альвинг Арсений Алексеевич. – Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 2. КП 1531/567). В письме к А.В. Федорову от 5 февраля 1979 ослепший Л.В. Горнунг рассказывал о трагических обстоятельствах создания этого мемуарного очерка: «Давно хочу Вам написать по поводу биографии Альвинга, которую я когда-то по Вашей просьбе Вам послал. Я тогда почти уже не видел и писал ночью, проснувшись после первого сна, т.е. в это время в темноте мой зрачок немножко расширился, и я мог видеть хотя лист бумаги. Перечитать написанное я уже не мог. Поэтому считайте эту мою рукопись черновиком, который я не правил. Вот почему я хочу дать Вам разрешение отредактировать эту библиографию Альвинга, как свою собственную рукопись и выбросить оттуда лишние слова, ненужные повторы и даже ненужные подробности, по Вашему усмотрению» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 158. Оп. 2. Д. 210. Л. 9–9об.).

⁷⁰ Библиография Иннокентия Анненского, составленная Евгением Архипповым. М., 1914.

библиография И.Ф. Анненского была не заказной работой, а плодом страстного энтузиазма, однако положила начало науки об Анненском. В той же пятой «Жатве» появляется посвященная памяти И.Ф. Анненского статья ЕА «Грааль печали» о лирике Е.А. Баратынского.

Отношения никогда не встречавшихся в жизни Альвинга и ЕА почти сразу преодолели барьер чинной официальности, и в переписке установился доверительный дружеский тон⁷¹. Во многом это было следствием особого архипповского дара. «Есть дар слушания голосов и дар виденья лиц. Ими проникаем в душу человека», – как-то заметил Розанов⁷², и у ЕА был такой дар.

Его отзывы (а он присылал в письмах мини-рецензии на опубликованные стихи Альвинга, «имитирующие», по словам М.Л. Гаспарова, стиль кумира обоих – И.Ф. Анненского⁷³) – это те «незаслуженные» слова, о которых мечтает любой пишущий. Интуитивная критика, с ее задачей – угадать чужую «душу» за сказанными словами, – сродни тютчевскому сочувствию, которое дается, как «благодать». Благодать сочувствия и была разлита в архипповской критике⁷⁴. Это улавливали его корреспонденты: «Мы все для Вас – глина, из которой Вы лепите то, что видно Вам в самом тайном. Вы – художник!»⁷⁵, «Ваша надстройка над поэтическим текстом – хрупкая и сложная – столь же драгоценна, как сама поэзия»⁷⁶. «Вы ищете бóльшей глубины и напряжения, нежели поэты могут дать Вам. Всякое Ваше критическое построение – это кристаллическая надстройка над зерном самого стихотворения. Вы – Чурлянис критики. Вы напоминаете мне одну чудную средневековую легенду: женщина принесла частицу Св. Даров в улей. Пчелы из воска возвели над ней капеллу так, что причастие оказалось на алтаре, где ему и подобало быть. Ваше сердце – это

улей, полный сотами
золотыми, несравненными...

⁷¹ «С тихой и давней нежностью» – слова из дарственной надписи ЕА на экземпляре «Библиографии», подаренном Альвингу.

⁷² *Розанов В.В.* Опавшие листья. <Короб первый> // *Розанов В.В.* Собр. соч. Листва. М., 2010. С. 96.

⁷³ Имитации были порою настолько убедительными, что однажды ЕА принял стихотворение Анненского за стихотворение Альвинга. См. письмо № 67.

⁷⁴ Альвинг пишет ЕА: «Я позволил себе прочесть Коле Бернеру Ваши строки о его книжечке – и он тепло благодарит». Отзыв ЕА не сохранился. О Бернере см. прим. 12 и 13 к письму 26.

⁷⁵ Письмо Черубины к ЕА от 12 марта 1922. – *Черубина–2009*. С. 102.

⁷⁶ *Усов*. Т. 2. С. 113 (Письмо декабря 1922).

Благо тому, кого Вы пожелаете принять в свою галерею, чей портрет Вы сочтете достойным рамы. Он от этого станет еще живее и ярче»⁷⁷.

5

Весной 1915 во владикавказской газете появляется злая карикатура с подзаголовком «Впечатления. Портреты: Е.Я. Архиппов» (вырезка сохранилась в архиве ЕА): «Красиво в золотой оправе носит очки. Отнюдь не вульгарное пенсне, а благородные очки.

Красиво ходит. Красиво сидит. Красиво кланяется.

Красиво о красивых вещах говорит и думает.

Красиво красивым почерком на красивые темы пишет.

Любит красивые стихи. Красиво мечтает. И грустит красиво.

Красивое в нем уважают и любят красивые душою люди.

И, когда спит, вероятно, спит красиво и видит красивые сны.

Но при этом напоминает того царя из сказки, которому надоело есть на золотой тарелке золотую ложкой и видеть перед собою все золотое.

Надоело до того, что он мечтал о деревянной тарелке и деревянной ложке.

И, когда смотришь на Евгения Яковлевича Архиппова (и имя-то какое красивое!), хочется, чтобы что-нибудь вдруг оказалось некрасивым, обыкновенно, шаблонно некрасивым.

Ибо нельзя же питаться одними шоколадными конфетами.

Ибо и конфеты покажутся горькими, а перец сладким и желанным.

Одна девица, всходя на мост, имела привычку восклицать:

– Как красиво!

И тогда другой девице делалось отменно скучно.

Но когда другой хмурый субъект однажды на том же месте про бурчал:

– А славно...

Все небо тогда вспыхнуло красками радости.

Так прекрасна красота мгновенная и неожиданная. Так чарует прелесть из сердца вылившихся слов.

У Е.Я. Архиппова слишком много красивого. И потому он не дает радости. И потому в нем нет очарования.

⁷⁷ Усов. Т. 2. С. 75 (Письмо от 24 февраля 1922).

И так хотелось бы: ну черточку некрасивого. Чтобы был фон, чтобы вырисовывался на фоне контур»⁷⁸. Никакими сведениями о том, кто мог бы быть автором этой заметки и чем она была вызвана, мы не располагаем.

Тогда же, в мае, Надежда Сергеевна отправилась в Москву, держала корректуру «Миртового венца» вместе с Альвингом, и книга, во многом благодаря ее энергии, вышла в свет (Альвинг извещал об этом ЕА 21 мая).

На выход книги в газете «Речь» откликнулся Юлий Айхенвальд:

Этот сборник, посвященный «Суровой тени Тютчева», состоит из нескольких статей – о гр. А.К. Толстом, Апухтине, Баратынском, Бальмонте, Фете, Иннокентии Анненском. Он, по характеристике самого автора, является «записью интуитивных образов», «наброском раздумий» над русской философской лирикой. В пути интуитивного постижения сопровождали г. Архиппова (все это мы узнаем из его предисловия, датированного: Nesgorolis, 13 мая 1915), вели его «своим властительным влиянием, кроме священного имени Тютчева, две следующие тени: И.Ф. Анненский, В.О. Ключевский»: «вам моя радость, мое поклонение – живые, близкие, любимые – в венцах саронских лилий, – чей серебряный звон давно пленил, давно зовет меня». Но если в «Миртовом венце» действительно чувствуется Иннокентий Анненский и даже заслоняет своею тенью, «венцом саронских лилий», и заглушает своим «серебряным звоном» (или кимвалом звенящим) других поэтов, к которым приближается наш критик-интуист⁷⁹, то имя Ключевского произнесено, кажется, всуе: нет его духа в книге г. Архиппова, нет его научной строгости, нет его скептицизма; правда, знаменитый историк дал образцы стилистической изысканности, но у него она не дешевая, а дорогая, и органически сплетена с внутренними достоинствами содержания, – между тем как автор венца растекается по миртовому древу своих славословий очень ответственными, но и очень общими словами и нередко впадает в неприятную риторику. То, что есть ценного в религиозной лирике поэтов, не становится яснее и легче от манерной передачи г. Архиппова, и его пересказ поэзии во всяком случае хуже самой поэзии. Кроме того, наш писатель ко всякому данно-

⁷⁸ Подпись: «Шип». «Терские ведомости». 1915. № 101. 14 мая. С. 3.

⁷⁹ Ср. название статьи Дмитрия Крючкова «*Критик-интуит*» (И.Ф. Анненский) (см. прим. 8 к письму 14 во втором томе наст. изд.). «Интуитивность» метода ЕА отмечал и А. Уманьский-Дробышевский («Нижегородский листок», 1916, 7 янв.).

му поэту держится не имманентно, объясняет его не из него самого, а прилетает к нему чужое, например: к Фету – Брюсова, к Баратынскому – Сологуба, и ко всем, как уже было отмечено, Иннокентия Анненского: получается разнородность и пестрота, сложное усложняется, и не возникает той эстетической сдержанности, той художественной скупости, которая в строгих и спокойных линиях восстанавливала бы и выясняла сокровенную индивидуальность именно этого, разбираемого лирика.

В силу особенностей своего изложения г. Архиппов как бы конкурирует с поэтами, и ясно, что это не нужно и что он от них отстает – даже там, где касается такого посредственного художника, как Апухтин (говоря о «роковой середине», которую последний занимает между безверием и верой, наш критик, почти лишенный критицизма, не замечает роковой срединности в самом таланте Апухтина). Большая целомудренность стиля помогла бы автору и в том отношении, что ярче выступали бы теперь затерявшиеся в словесных излишествах верные и меткие слова его. Так, назвать Алексея Толстого «поэт-витязь», это – хорошо (но считать его баллады и былины «выполненными в подлинном древнерусском стиле» – значит не видеть их искусственности и не знать древнерусского подлинника). Лирика Баратынского – «Грималь печали», его слова «благоухают полынью», он чувствует «тягость бытия без оправдания», «смерть у него – тихий ключарь, знающий сроки, открывающий врата в небесное царство»; Бальмонт «прочел неизреченную тайнопись не одного народа», его душа, «дальнозоркая и быстрокрылая...», невиданные посетила царства, ветхие, как мир, разглядела храмы, исчезнувшие возродила города; и дошел отголосок до нас от пробужденной Мексики, от беспорочных сокровищ Египта, от самых дальних, сокрытых и прекрасных островов, – от печальных и чистых колыбелей, что бережно обходит лазурный океан»; у Фета – «религиозная музыка сердца, лирическая литургия»; «как Тютчев углубился в душу Мира, так Фет растворился в мире души», и есть особый фетовский «кодекс сердца», и пейзаж его стихов напоминает Нестерова, «редкого знатока русской страдающей и молящейся природы»: вот примеры того, что мы приветствовали бы в книге г. Архиппова, не как оазисы среди пустыни, а как слова среди словесности, освещающей его мысли, которыми он вовсе не беден, и отнимающей критическую точность, которая могла бы и должна бы у него быть⁸⁰.

⁸⁰ Речь. 1915. 24 августа. № 232.

Негативно отнесся к сборнику С.П. Бобров⁸¹. ЕА упрекали за «безответственность и непоследовательность суждений» (Э. Радлов)⁸², «неопределенно-мечтательный мистицизм» (В.Е. Чешихин-Ветринский)⁸³. Почти все высказанные упреки ЕА заслужил. «Его книжечка есть слабое отражение его самого», – писала Надежда Сергеевна Розанову.

Однако особый ее звук почувствовал студент Московского университета, знакомый Альвинга, участник «Жатвы», новообращенный поклонник И.Ф. Анненского, поэт и переводчик Дмитрий Сергеевич Усов (1896–1943). Он написал ЕА письмо (не сохранившееся) с вопросом о «будничных словах» у Анненского и положил начало «линии незримых встреч и свиданий», – так воспринимал их переписку ЕА. Несмотря на разницу в возрасте (15 лет!) и на то, что встретились в реальной жизни они лишь однажды (в 1928-м), Усов стал для ЕА самым близким другом, «переписка, заочное общение было выше родственных, кровных уз»⁸⁴.

6

С 29 мая 1915 ЕА исполнял обязанности директора гимназии⁸⁵. В августе 1915 ЕА назначают инспектором кабардинского Императора Александра III реального училища в Нальчике, и Архипповы покидают Владикавказ. «Мое инспекторство сейчас – в уч<или>ще с пансионом – это тяжкая душевная мука, – ужас противоречий и чудовищных противоположностей: с вечной мечтой заниматься поэтами – я сейчас считаю изодранные сапоги и портянки, мучусь над поддержанием меню при невозможности достать продукты, слежу за чисткой здания, за натиранием полов, понукаю и рассчитываю прислугу – и все это при мертвенном холоде человеческих отношений и ответственности за других» – пишет он Розанову. «Только в *одиночестве*, только в изучении Прекрасного, только в возможности *служить Прекрасному* – он видит жизнь. Его книжечка есть слабое отражение его самого, прочтите ее как-нибудь и сопоставьте со званием – “инспектор реального училища”... Много лет подряд он отказывался от этой должности, но, в конце концов, взял Нальчик, думая, что здесь будет хорошо для *моего*

⁸¹ Пета. Сб. 1. М., 1916. (Под псевдонимом С. Сагин).

⁸² Журнал министерства народного просвещения. 1915. Октябрь. Отд. II. С. 425.

⁸³ Вестрик Европы. 1916. № 5. С. 416.

⁸⁴ Слова К.Л. Архипповой из ее письма к М.А.Торбин 12 февраля 1966 (Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/1001).

⁸⁵ Письмо с просьбой об этом: ГЛМ. Ф. 490. Оп.1. Ед. хр. 37. Л. 53.

здоровья. Но здоровье – плохо. Подходящих людей нет. Здесь живут исключительно сплетнями и картами, в которых просто захлебываются. Читают исключительно Вербицкую и Арцыбашева. Интересуются исключительно наживой. Училище отнимает все силы, от учебной части до починки сапог пансионеров – все лежит на Евгении, и к вечеру он только в силах дотянуться до кровати и повалиться на нее, не раздеваясь. А в ящиках лежит любимая работа о Тютчеве, задумана – об Ин. Анненском, и нет надежды на их появление в свет»⁸⁶ – писала Надежда Сергеевна В.В. Розанову. Сочувствуя, Розанов хлопотал о переводе ЕА в Москву. Этот план не удался. Мечты о прекращении преподавания не осуществились, за каждый час кабинетной литературной работы приходилось платить огромную цену каторжным трудом «на ниве народного просвещения».

Для людей архипповского психологического склада учительство очень часто оборачивается внутренней пыткой. Необходимость публичных выступлений, рутинной проверки тетрадей, подготовки отчетов трудно сочетается с одинокими, углубленными кабинетными трудами, составлением библиографических списков, к которым так лежала душа нашего героя. Тем не менее, ЕА пришлось выучиться этому сочетанию несочетаемого и всю жизнь сопрягать педагогическую, изматывающую службу с занятиями «для себя». В этом душевном раздвоении ЕА наверняка усматривал еще одну черту, роднящую его с «Учителем», И.Ф. Анненским. Со стороны итог жизни ЕА мог показаться вполне успешным: в 1948 за труд во время Великой Отечественной войны его даже наградили орденом Ленина. Характерно, однако, что Звенигородскому он написать об этом не захотел⁸⁷.

⁸⁶ Письмо от 2 мая 1916. См. Приложение III.

⁸⁷ Многолетний архипповский эпистолярный диалог со Звенигородским был отмечен еще одной фигурой умолчания, обнаруживающей в ЕА совершенно особенное литературное смирение. Зная резкость критических оценок и вкусов товарища, ЕА долгие годы не посылал ему своих собственных стихов, как бы молчаливо признавая за Звенигородским сугубое право называться поэтом и оставляя за собой скромное звание критика и библиографа. Основные стихи ЕА так и остались не известными Звенигородскому. За все время переписки ЕА осмелился признаться в авторстве едва ли не единственного стихотворения (об их общем любимце Фете). Посылая стихи другу, ЕА заранее определял свое место в поэтической иерархии: «я знаю, что я – не поэт, а только стихотворец, т.е. занимаю только 3-ю ступень в поэтическом посвящении: стихослагатель – стиходелатель – стихотворец!» (11 мая 1944). «Я знаю очень хорошо, что я не поэт, а только стихотворец. И от стихотворцев, от стихослагателей, от стиходелателей до поэта – много ступеней» (25 июля 1950).

В сентябре 1916 ЕА был переведен на службу в Новороссийск. Волошину он позже рассказывал: «Я в Новороссийске остался и застрял случайно. Я был преподавателем словесности во Владикавказе. Меня не выпускали из учебного округа. Как раз перед революцией у меня было предложение в Москву – преподавательское место в Старообрядческом училище. Но попечитель меня удержал и уговорил остаться еще на год в Новороссийске. Здесь меня и застала революция, и я здесь застрял»⁸⁸.

7

В апреле 1917 внезапно умер В.Ф. Эрн, в мае ЕА запрашивает подробности о последних днях и похоронах у М.О. Гершензона и приступает к работе над статьей, которую заканчивает в июле 1917.

«Я был товарищем его по гимназии, по историческому отделению филологического факультета и по Николаевскому общежитию студентов в Москве на Большой Грузинской, где года два Владимир Францевич заведовал историко-философским отделением библиотеки.

Один месяц (май 1902 г.) мы провели в особенно тесном единении, – это была подготовка к экзаменам по истории древней философии (у Сергея Николаевича [Трубецкого]) и психологии (у Льва Михайловича Лопатина). <...> Тихая, совсем немосковская обстановка без грохота и пыли. Заросшие тропинки на отлогом берегу, редкие полусгнившие скамейки. А в уме системы Пифагора, Гераклита, в руках литографированный курс с греческими (нелепо выведенными) фрагментами. ...Прелесть наших занятий заключалась в том, что, удаляясь от текста лекций, мы предлагали друг другу собственные построения, прося угадать в них элементы изученных нами систем. От Сократа и Платона мысль невольно обращалась к христианству, и завязывался долгий разговор, об историческом христианстве и истинном. Помню, как среди спора Владимир Францевич спросил, бываю ли я в церкви. Я ответил, что бываю в кремлевских соборах, где меня очень интересовала тогда стенная живопись. О себе Владимир Францевич заметил,

⁸⁸ Запись в дневнике Волошина от 27 июня 1931. *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. М., 2008. С. 190–191. ЕА был инспектором Новороссийской гимназии с 1916 по 1920. Его учениками по гимназии и литературному кружку были Ю.С. Перцович (критик, первый директор музея С.М. Кирова в г. Киров) и писатель Геннадий Фиш (об этом К.Л. Архиппова пишет М.А. Торбин 15 мая 1965. Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/ 974).

что бывает в простых ближайших храмах: у Покрова в Кудрине или на М<алой>Никитской... Вглядевшись тогда в глаза Владимира Францевича, светлые, строго-серьезные с кристально-чистым выражением, смотревшие несколько выше меня и вдруг улыбнувшиеся мне, – я понял, что христианская молитва в простом храме и возвышенном сердце – есть недоступная мне, но присущая Владимиру Францевичу потребность. Заметив некоторое расхождение со мной в каком-либо вопросе, Владимир Францевич никогда не брался убеждать меня, а мягко, с высокой деликатностью обращал мое внимание к другой теме, предоставляя самому потом наедине перерешать вопрос. В такие паузы, для меня особенно деятельные – Владимир Францевич напевал песенку: “Ах, мой Август, Август милый, все прошло, прошло, прошло!”... Тогда же, в этот период подготовки к экзаменам, Владимир Францевич рассказал мне о своем апокалипсически страшном видении, которое он видел в год окончания гимназии (летом). Копьем, которое держал правой рукой, он вот-вот был готов пронзить *свое сердце*, лежавшее в левой руке. Он не комментировал тогда своего видения». Свою статью ЕА называет «Рыцарь Логоса и Лилии», эпиграфом к ней выбирает слова о. С. Булгакова: «И если уходит из редющих рядов наших воин Христов от трудного часа, значит, отозван» и предназначает в собранный, но из-за революционных событий так и не изданный сборник памяти Эрна⁸⁹.

Строгое фактографическое письмо в сочетании с интенсивным лирически окрашенным почитанием ушедшего друга, при соблюдении отрефлексированной дистанции между героем и рассказчиком, приближает архипповское повествование к житийному жанру. Вместе с тем, в некоторых комментариях обнажается и собственная позиция мемуариста. Цитируя фразу из письма Эрна: «Павлушу Фл<оренского> посадили в Бутырки за проповедь...», ЕА пишет: «Владимир Францевич отмечает этот факт не только по своему дружеству, но и потому, что тюрьма в России – обычное наказание за искреннюю и правдивую религиозную деятельность. Слово Флоренского, сказанное в храме Московской духовной академии, – редчайший бичующий религиозный протест против смертной казни и военно-полевых судов». Или: «Нет слов для сожаления, что христианская общественность в России не окрепла в достаточной мере и не распространилась широко. Привейся она бо-

⁸⁹ Сейчас материалы из него частично опубликованы в кн.: «Взыскующие града». М., 1997.

лее прочно, мы не имели бы безбожной, безрелигиозной, западнически обычной революции 1917 года, а имели бы свою, коренную, русскую, восточную крестовую и Христову революцию». Списки своего мемуарного очерка ЕА послал Гершензону, Усову и Звенигородскому.

8

Большевики захватили власть в Новороссийске в декабре 1917 и смогли удержать ее до августа 1918. В городе происходили страшные события: казнь 43 офицеров на глазах у солдат Варнавинского полка (при коммунистах) – расстрелы революционных матросов и бывших советских служащих (после победы Добровольческой армии Вооруженных сил Юга России в августе 1918). Когда Черноморским губернатором был назначен полковник Генерального штаба А.П. Кутепов, в Новороссийске ввели «Временное положение об управлении областями, занятыми Добровольческой армией» (сентябрь 1918). В город хлынули потоки беженцев со всех концов России, Новороссийск был переполнен людьми, в помещениях школ квартировали воинские подразделения, были устроены лазареты: в 1919 началась эпидемия сыпного тифа.

Я разделил в лачуге мой приют
с дровами, книгами, Себастиана ликом...
И ночью в холоде великом
считал, как тягостно часы идут.⁹⁰

О новороссийской «холодной комнате» ЕА и о «чуланообразной кухне, где все вы уютесь» – сочувственно, не зная, как помочь другу, писал Усов⁹¹.

Новороссийский адрес ЕА – Цемеская, 58. Здесь, в Цемесской бухте, в марте 1920 происходила эвакуация участников Белого движения. ЕА был очевидцем «Новороссийской катастрофы». Горели склады, цистерны с нефтью. На корабли грузили раненых и больных (в числе их друг ЕА, еще один поклонник творчества Анненского, П.Г. Доленко, умерший по дороге в Каир). Калмыцкий донской полк, прикрывавший отплытие Добровольческого корпуса, был оставлен на берегу и вместе

⁹⁰ Цитата из стихотворения ЕА «Мейерхольду».

⁹¹ Усов. Т. 2. С. 116.

со следовавшими в обозе полка членами семей попал в плен. Каждый второй из пленных калмыков был зарублен шашками. Нередки были случаи самоубийств – среди тех офицеров, кто не смог уплыть из Новороссийска. Многие из тех, кто попал в плен, были казнены.

В сохранившихся бумагах ЕА память об этих событиях проступает лишь в нескольких стихотворных строчках.

В какой зигзаг тогда стянулись нервы!
Какая тяжкая сошла вода!
Казалось, кровь застыла навсегда...⁹²

Летом 1919 ЕА познакомился – видимо через семью Алперсов⁹³ – с приехавшим в Новороссийск⁹⁴ для воссоединения с семьей Вс.Э. Мейерхольдом. ЕА, Алперсы, Доленко образовали небольшой литературный кружок, ЕА читал в нем свою работу «Религия Фамиры». А осенью 1919 Мейерхольд был арестован за свою открыто проявившуюся в Петрограде 1918 пробольшевистскую позицию и два месяца провел в тюрьме (ЕА приносил ему туда книги). С марта 1920, после установления в Новороссийске советской власти, ЕА сотрудничал с Мейерхольдом в подотделе искусства Отдела народного образования Новороссийского ревкома: читал лекции по античной трагедии и работал библиотекарем в руководимой Мейерхольдом театральной студии⁹⁵.

В годы революции и гражданской войны прервалась связь со всеми старыми друзьями. ЕА потерял из виду Веру Меркурьеву, беспокоился, расспрашивал о ее судьбе. Был перерыв в переписке и с Усовым, и со Звенигородским. Звенигородский писал Архипповым: «Казалось, судьба навсегда приговорила нас к вечной разлуке. Тщетно было надеяться узнать что-либо относительно вас <...> Какой перерыв: август 1917 г. – июнь 1921 г. Целая вечность!»⁹⁶ Надежда Сергеевна рассказывала ему о муже: «Женя – очень грустный, Андрюшенька. “Седой и грустный”. На $\frac{3}{4}$ седой. Почти без зубов. Очень болезненный, очень

⁹² Цитата из стихотворения ЕА «Мейерхольду».

⁹³ См. о них прим. 10 к письму 99 во втором томе наст. изд.

⁹⁴ Подробнее см.: <http://www.vestarchive.ru/arhivnye-dokumenty/1222-dokumenty-rgva-o-tragicheskoi-sydbе-ve-meierholda-k-90-letiu-rossiiskogo-gosydarstvennogo-voennog.html>.

⁹⁵ В сентябре 1920 Мейерхольд уехал из Новороссийска в Москву, был назначен заведующим ТЕО Наркомпроса. Звал, как видно из писем, ЕА в Москву, но тому пришлось вернуться к школьной службе.

⁹⁶ 28 июня 1921 (по ст. ст.). Из собрания М.Ю. Гоголина.

слабый и беспомощный. На все бедствия и затруднения он отвечает только: “Господи, Господи”, и ничего не в силах больше. Та приспособляемость, которая явилась необходимостью момента, для него чудовищно трудна и тяжка. Он совершенно разбит и подавлен; людей в больш<инстве> случаев сторонится брезгливо, отдыхает и становится собой только тогда – когда выдается день, свободный от забот и людей. Тогда он уходит в свои книги, свои работы, в своих поэтов, долгими часами тихонько сидит в своем уголку, на своей кровати около большого стола, закрытого плахтой. *Тогда я знаю*: его душевное величие *все то же* и ценность его – необъятна. Вот он сейчас ушел в свою школу с истомленным лицом, в простой рубашке и в каких-то бумазеевых брюках. Согнулся, седой, печальный. . .»⁹⁷ «Наша жизнь стала совсем тяжелая. Истощены все трое до последней степени, не живем, а надрываемся, разбиваем последние силы в поисках куска хлеба»⁹⁸. Не надо об этом. Бывает и радость. Когда приходит почтальон и приносит что-нибудь от Тебя или от Дмитрия Сергеевича У<сова>. Д. С. – такой чудесный, радуется меня он очень»⁹⁹.

В декабре 1922 Усов писал ЕА: «за последний год я все больше и чаще вижу Вас как большого и больного ребенка с необъяснимыми причудами, уходящими вовнутрь. Я знаю, что Вы часто один. Но мне кажется: если б Вы были окружены всем теплом человеческой простой ласки, на которую способно сердце – тогда утихла бы та надтреснуто-звенящая боль, которая слышится в каждом Вашем слове и строке. Дай Бог, чтобы к Вам пришел *покой*»¹⁰⁰.

9

Весной 1921 ЕА, живя в Новороссийске, узнает о том, что в соседнем Екатеринодаре оказалась Е.И. Васильева, через общего знакомого передает ей письмо, задумывает и пишет работу о ее стихотворениях: «Корона и ветвь»¹⁰¹.

⁹⁷ 5 июля 1921. ИРЛИ. Ф. 618. № 8. Л. 6об.–7.

⁹⁸ Ср. в стихах ЕА: «Каким казались милым сновиденьем / частица хлеба с горстью винограда» («Мейерхольду»).

⁹⁹ 10 декабря 1921. ИРЛИ. Ф. 618. № 8. Л. 12.

¹⁰⁰ Усов. Т. 2. С. 113.

¹⁰¹ ЕА договорился с Усовым о параллельном написании работ о Черубине. 22 июня 1963 К.Л. Архиппова писала М.А. Торбин: «Рукопись Д.С. Усова о Черубине сохранилась у меня» (Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/914), однако с тех пор следы работы Усова о Черубине потерялись.

Черубина обожгла его манящей чувственностью своей лирики: «И вот – первое восклицание, которое слетает с губ: “Разве была у нас так сложна, так истонченна любовь, чтоб чувствовать шаги любимой, ее дыхание, поворот ее головы (и не всякий поворот, а именно тот, которого ждешь, который любишь), ее близкий, почти спокойный взгляд, видящий счастье на дне зрачка”»¹⁰².

Возникшая переписка очень быстро достигает исключительного эмоционального накала¹⁰³. Черубина посвящает ЕА стихи:

Где б нашей встречи ни было начало,
Ее конец не здесь!
Ты от души моей берешь так мало,
Горишь еще не весь!¹⁰⁴

Он отвечал: «Я хотел бы видеть Вас в салоне и в близком круге – и не быть Вам представленным и известным даже по имени». Приближаться к ней в жизни ЕА не захотел. В письме 1938 года признался Звенигородскому: «По-прежнему люблю Черубину, но как-то боюсь прикасаться к ее произведениям... Все-таки она ведь очень похожа на героиню “Огненного ангела”, – на Ренату¹⁰⁵». Но в 1922-м ему казалось, что не он, а она «отклонила» их встречу:

¹⁰² Цитата из статьи «Корона и ветвь».

¹⁰³ См. об этом: *Нешулова–2005*. К.Л. Архиппова писала М.А. Торбин: «Черубина де Габриак в своем завещании распорядилась, чтобы ее письма Евг<ению> Як<овлевичу> после его смерти *были сожжены*. Но я до сих пор не решилась на уничтожение писем Черубины к Евг<ению> Як<овлевичу>... Это было бы преступлением по отношению к культуре вообще» (22 июня 1963; Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/914); «Писем Черубины у меня нет совсем. Украли умелые» (3 октября 1968. ГЛМ. Ф. 490. Оп. 2. Д. 16). Тем не менее часть писем Черубины к ЕА оказалась в архиве М.А. Торбин (сейчас в Доме-музее Марины Цветаевой), а другая – в Коктебельском музее Волошина. Так, раздельно, они и были сначала опубликованы: Письма Черубины де Габриак (Е.И. Дмитриевой) к Е.Я. Архиппову (1921–1926 гг.) из фондов Дома-музея Марины Цветаевой в Москве. Подг. текста, прим. и предисл. Е.А. Калло; Письма Черубины де Габриак (Е.И. Дмитриевой) к Е.Я. Архиппову (1925–1928 гг.) из фондов Дома-музея М. Волошина в Коктебеле. Публ., подг. текста и прим. И.В. Левичева // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. М. – Симферополь – Судак. 2005. С. 207–233. Позже эти материалы были объединены вместе с другими письмами Черубины в кн.: *Черубина–2009*. Из писем ЕА сохранилась лишь небольшая часть – только в черновых набросках. См. в наст. изд.

¹⁰⁴ *Исповедь*. С. 116.

¹⁰⁵ Героиня романа В.Я. Брюсова «Огненный ангел».

Я издали следил тяжелый гребень крылий,
свиданий ждал в костре сожженья,
люциферического пенья
душа ждала, как звездной были.

Но встречный ты остановила бег
через пространства, души и обители,
и, призрачных корон хранители,
земной мы не сожгли свой век.

Тень маски помню на твоём лице,
склоненную над рыцарской решеткой.
Ты сердца стук сковала в траур четкий,
себя укрыв «в магическом кольце».

Усов советовал: «Милый мой! Я не хотел бы сделать Вам больно, но знаете что? Это всё – наваждение. Не поддавайтесь Вы этому мараеву. *Бойтесь Черубины*. Она, ведь, и у меня взяла много живых соков, а что она дала, в конце концов? “Усталость снов”¹⁰⁶. И Вас она, я знаю, долго томила. Реже пишите ей, если можете! У меня сейчас после трудной полосы болезни такой хрустально-трезвенный взор, как у проснувшегося, и я говорю вам: не отдавайте Вы призраку последнюю кровь Вашего устающего сердца! Сберегите ее, и дышите, и радуйтесь жизни, как всякий человек. Жизнь так трудна, что дай Бог нам свою-то долю пронести, как следует, не возроптать и вернуться...

Милый, простите за эти, м. б., жесткие слова. Верьте: они написаны только от нежности к Вам и еще *обиды за Вас*, такого большого и такого маленького, томящегося по “картонной Мадонне”¹⁰⁷... Будьте спокойны!»¹⁰⁸

Черубине же в 1921-м ЕА писал так: «Сознание, что не оправдал и не оправдаю открывшегося пути к Вам – всегда со мною. <...> Таково мое восприятие: лучшее, что я встречаю в жизни – является всегда в сопровождении боли и боязни. <...> Я хотел бы рассказать Вам о себе – в ряде моментов моей ушедшей жизни. Уже по одному чередованию и по тому, что память выделяет эти поблекшие отражения – Вы,

¹⁰⁶ Цитата из стихотворения Н.С. Гумилева «Пятистопные ямбы».

¹⁰⁷ Цитата из стихотворения И.Г. Эренбурга «P. S.».

¹⁰⁸ Письмо от 4 декабря 1922. Усов. Т. 2. С. 109.

вероятно, разглядите во мне то, что я бессилён рассказать в простом и открытом рассказе»¹⁰⁹.

Для Черубины ЕА написал свой литературный автопортрет – отражающую вехи его духовной биографии «Гипсовую маску» (1921). Вторым человеком, которому ЕА доверил чтение «Гипсовой маски», был так же «заочный» тогда его друг Усов. А Вере Меркурьевой, непосредственной наблюдательнице его прежней, владикавказской жизни, он просил Усова ни «Гипсовую маску», ни созданную позже «Золотую маску» не показывать. Кроме того, Усов был «главным» (а может быть, и единственным) читателем созданного в мае 1922 «теоретического» сочинения ЕА – раскрывающей его эротический кодекс «Исповеди» (предисловие к погребенным романам). Этот уникальный литературный и человеческий документ (очарование «безлюбим» Фамирой – героем пьесы Анненского, осознание его как своего alter ego) – яркая иллюстрация символистского мировосприятия нашего героя, на какое-то время словно потерявшего четкую границу между миром литературы и живой жизнью.

Усов оценил архипповскую автобиографическую прозу: «Ваша “Гипсовая маска” прекрасна и потрясающа. Ее надо читать после Вашей скелетированной автобиографии и до «Исповеди». В тройственном сопоставлении они дают больше, чем стереоскопический снимок (помните Клару Милич¹¹⁰?), больше, чем “Гипсовая маска”. Все в ней прекрасно, *неоцененно*, все идет к самому сердцу и слагается в нем. Если можно было *говорить* об “Исповеди”, то о “Гипсовой маске” говорить нельзя – ее можно благоговейно лобызать, как Петрарка некогда лобызал древний свиток Гомера»¹¹¹.

«Гипсовая маска» подчеркнута нематериальна, житейская событийная канва намеренно редуцирована, авторский отбор сосредоточен на том, что может быть расценено как «литературный факт» и прочитано с помощью «семантического букваря символизма» (выражение

¹⁰⁹ Письмо от 18 декабря 1921.

¹¹⁰ В повести И.С. Тургенева «Клара Милич» изображение главной героини на фотокарточке, приложенное к стереоскопу, становится объемным.

¹¹¹ Письмо от 23 февраля 1924. Усов. Т. 2. С. 219. Франческо Петрарка так и не смог выучить греческий язык, поэтому, когда греческий претор Николай Сигерос подарил ему Гомера, тот мог только благоговейно брать его в руки. Об этом Петрарка пишет Сигеросу: «Твой Гомер у меня немой, или, вернее, я возле него глухой. Но один только вид его для меня радость, часто я беру его в руки, повторяя со вздохом: “О великий поэт, как жадно я бы тебя слушал!”» При пересказе этого пассажа часто говорили, что Петрарка целовал книгу (свиток, рукопись) Гомера.

А.Л. Соболева): «Три течения скрестились надо мной. Это был 1900-й год и другие до 1904-го. 1) Страстная, обворожившая меня, украсившая каждое мгновение моей жизни любовь к Василию Осиповичу Ключевскому. Я готов был охранить <так! – Т.Н.> каждый его шаг, целовать складки его одежды. – И я никогда не говорил с Ним. Только молился, любил и следил глазами. 2) Властное, неотразимое влияние триады: Вл. Соловьев – кн. С. Трубецкой – Л. М. Лопатин. Почти сразу, как венец, они сковали мое миропонимание, – и навсегда. 3) И в то же время, как к где-то слышанным волнам, я прислушивался к вступительной кантате Символизма, следил полет первых феерических ракет “Скорпиона” – в нежном и нездешнем пении “Стихов о Прекрасной Даме”», «1905 год. – Безраздельное благоухание 1-ой книги Александра Блока». «Владеет мною, как всегда и навеки, – Он один: Иннокентий Федорович <Анненский>».

«Наиболее важными моментами жизни считаю три прощания: у гроба С.Н. Трубецкого в университетской церкви; прощание с отцом, оказавшееся последним, за несколько часов до его смерти; известие о кончине Иннокентия Федоровича <Анненского>».

«Нельзя забыть моих увлечений: О. Уайльдом и Гюисмансом. Скит Гюисманса, несколько душный, до сих пор еще казался мне привлекательным. Мне казалось, именно через этот скит я прошел бы, если б мог создавать свою жизнь».

Вот характерная цитата из романа Гюисманса «Наоборот»: «Самая прекрасная на свете мелодия становится ужасной, отвратительной и невыносимой, как только толпа бросается насвистывать ее, а оркестры берутся за ее исполнение на концертах! <...> Общность вкуса с кем-либо крайне расстраивала дез Эссента»¹¹². Высказанное здесь умонастроение безразлично ЕА. Характеристика, данная Гюисмансу Бердяевым: «Все кажется ему в окружающей жизни чужим, далеким, уродливым до боли. Он прежде всего человек, глубоко оскорбленный, изъязвленный, раненный тем “миром”, в котором призван жить и которого не принимает <...> В нем есть что-то бескровное, призрачное, чувственность его почти уже бесплотна»¹¹³ – в значительной степени может быть отнесена и к ЕА.

¹¹² Цит. в совр. переводе Е.Л. Кассировой под ред. В.М. Толмачева по изд.: Наоборот: Три символистских романа. М., 1995. С. 71.

¹¹³ Бердяев Н.А. Утонченная Фиваида (религиозная драма Дюрталь-Гюисманса) // Русская мысль, 1910, № 7.

Реальные события в «Гипсовой маске» соседствуют с фиксациями мистических состояний: «Второе видение лебедей: Владикавказ, Трек¹¹⁴. Тревожный разрез облаков. Лазурь. Стекло пруда и призывный крик лебедей.

Видение Вл. Соловьева. Лето. Ночь. Моздокская ул<ища>, против Лютеранской церкви).

Черубина оценила тонкость и необычность своего корреспондента: «Вы знаете, Вы мне давно обещаны судьбой, потому что Вы – Евгений! Уже с 15 лет я спрашивала <...> имена под Новый год. Не каждый год я спрашивала, но всегда, когда это бывало, только одно имя выпадало мне “Евгений”. – И даже здесь, в 1920 году. Но Вы – первый Евгений, которого я встретила, больше даже мимолетных знакомств не было... Вы хотите быть таким предназначенным Евгением моей переписки?»¹¹⁵

ЕА разбудил в Черубине откровенность: она последовательно, в письме за письмом, рассказала ему свою жизнь, с детских лет – до разоблачения ее знаменитой мистификации. Того, что современный читатель знает как «Автобиографию» Черубины, – никогда не существовало как отдельного произведения¹¹⁶. ЕА составил этот документ, искусно соединив разновременные (1921–1927) признания, не добавив от себя ни единого слова. Для него одного была написана осенью 1926 ее «Исповедь» – рассказ о романе с Н.С. Гумилевым¹¹⁷.

Надежда Сергеевна понимала, что такая переписка – больше, чем просто литературный контакт. В апреле 1922 она писала Звенигородскому: «Я много ему причинила боли за 17 лет общей жизни, но он до... до последнего времени остался верным рыцарем. Теперь Черубина де Габриак хочет, чтобы он был *ее* рыцарем. Она его любит. Как ты думаешь, он уйдет?»¹¹⁸. «Я это знала: она хищница, она с невозмутимой душой требует от людей лучшее, последнее, она постоянно, лицемерно говорит о страданиях, а вокруг себя сеет обиду и раздор. <...> Вот

¹¹⁴ Парк во Владикавказе.

¹¹⁵ Из письма Черубины к ЕА от 12 марта 1922. – *Черубина–2009*. С. 102. К.Л. вспоминает, что «Черубина дала Евг. Яков. фамилию – Нагорный. Евгений Нагорный. Евгению Яковл. очень понравилась данная ему фамилия – *Нагорный*» (в письме к М.А. Торбин от 27 сентября 1968. Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/1050).

¹¹⁶ См.: *Исповедь*. С. 267–348.

¹¹⁷ См.: *Исповедь*. С. 273.

¹¹⁸ Письмо от 1 июня 1922. ИРЛИ. Ф. 618. № 8. Л. 19.

где измена, Андриюша, когда он мою душу забыл ради Черубины, а не эта барышня Клавдия Лукинична»¹¹⁹.

В январе 1923 ЕА оставил Надежду Сергеевну и 17-летнюю дочь. Его второй женой стала Клавдия Лукьяновна Иовина (1900–1977), его бывшая ученица, дочь «капитана каботажного плаванья»¹²⁰, «девушка на другом берегу фьорда», о которой ЕА «многократно писал» Усову осенью 1922¹²¹.

Но чтобы жить, нам надо,
Нам надо вечно лгать и нянчить ложь свою...

Что ж, кличь иллюзию...

... В скворешнике любви наивную девицу

– стихотворение А. Лозина-Лозинского с этими строками ЕА включает в свою антологию 1922.¹²²

¹¹⁹ Письмо от 27 декабря 1922 (Там же. Л. 25об.). В другом письме Надежда Сергеевна объясняет, что отчество – Лукинична – ЕА считал неблагозвучным и представлял ее друзьям Клавдией Лукьяновной.

¹²⁰ Из письма К.Л. Архипповой к М.А. Торбин от 18 июля 1968. Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/1045.

¹²¹ Усов. Т. 2. С. 117. Усов просил ЕА: «Напишите мне снова о Вашей причуде! Говорите о ней совсем просто: знайте, что во мне все это замкнется... *Имя?*» (Там же. С. 113). А это была не «причуда» – а новая встреча, коренным образом менявшая жизнь. Среди бумаг его второй жены Клавдии Лукьяновны есть глухое и туманное упоминание о том, что не она стала причиной этого ухода, а обнаружение Надеждой Сергеевной писем Черубины (для ЕА этот вопрос был болезненно значим: «Прочитанные другими, помимо меня, книги, письмо ли, стихи – для меня поруганье, и несоро стирается с них пыльная копоть прикосновений» – слова из июньского письма ЕА к Черубине).

¹²² См. прим. 51. Состав этой антологии отразил архипповские настроения и переживания этого переломного в его жизни года: открывалась она уже упомянутыми строками Меркурьевой, затем следовали «Начало зимы», «Непоправимо», «Сумерки» Альвинга; «Дай мне горькие годы недуга...», «Широк и желт вечерний свет...», «Приходи на меня посмотреть...», «Есть в близости людей заветная черта...», «Из памяти твоей я выну этот день...», «Ты мог бы мне сниться и реже...», «Ты всегда таинственный и новый...», «Кое-как удалось разлучиться...» Ахматовой; «Как это грубо – жить...», «Я в шахматы играл с одним евреем...», из цикла «Романсы» («Дней моих впечатленья так бедны...», «Он ей лгал. Он смеялся, играл...») А.К. Лозина-Лозинского; «С моею царственной мечтой...», «В невыразимую пустыню...», «Любовь», «Не говори, и не думай...», «И не уйдешь. И не пойдешь навстречу...», «Мое сердце – словно чаша...», «Душа разве может быть грубой...», «Где б нашей встречи ни было начало...», «В глубоком озере, под влагой голубою...», «Там ветер сквозной и колючий...», «Все то, что я так много лет любила...», «Это все оттого, что в России...» Черубины; несколько стихотворений М.А. Волошина, «Январская сказка» И.Ф. Анненского.

Это был совершенно другой женский тип. «В Новороссийске она показалась похожей на его дочь. Но это сходство оказалось только поверхностным. Она такая же робкая, неуверенная, деликатная. Так же любит лирические стихи и разделяет страстно его литературные интересы и пристрастия <...> У нее большая нежность к зверям»¹²³. «Она совсем растворилась в его, Жениной личности», «Клавдия Лукинична *не* плохая, она его любит и заботится о нем. И очень грустит о своем внутреннем неравенстве с ним»¹²⁴ (о литературной компетенции Клоди, с годами не выправившейся, красноречиво говорит оговорка в ее письме к М.А. Торбин: «Вечером мы собирались у Шервинских, читали стихи и новый перевод "Фауста" – Шекспира в переводе Шервинского»¹²⁵).

Вера Меркурьева очень полюбила ее, переписывалась с ней отдельно, прося рассказывать о Евгении, от которого никогда не могла добиться конкретного рассказа об их житье-бытье, в 1936-м уговорила ее погостить в Старках под Коломной, «имении» Шервинских, где сама провела несколько летних сезонов. Посвятила Клавдии Лукьяновне – «быстрой и нежной Клоде»¹²⁶ – не одно стихотворение:

Когда-нибудь расскажете Вы сами,
Как в Солнца Восходящего стране
Смотрели лани кроткими глазами
На женщину, нежнее, чем оне...¹²⁷

...А если бы цветы имели ножки
Резвей котят, чтоб бегать по дорожке,
Хотела бы цветком я Вас назвать...¹²⁸

Поселились в подвальной комнате («окна наполовину ниже земли») при бывшей мужской гимназии («угол ул. Энгельса и Навагинской, здание 3-й школы»¹²⁹) и прожили здесь до февраля 1928. ЕА пы-

¹²³ Волошин М.А. Указ. соч. С. 190–191.

¹²⁴ Из писем Н.С. Архипповой к Звенигородскому 9 апреля 1924 и 22 апреля 1923.

¹²⁵ Комментарий К.Л. Архипповой к «Телесонету» В.А. Меркурьевой и А.С. Кочеткова. ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 31. Л. 3об.

¹²⁶ *Тицета*. С. 473. Домашнее имя К.Л. Архипповой (Клодя) было таким же, как и у сестры ЕА, К.Я. Архипповой.

¹²⁷ Там же. С. 463.

¹²⁸ Там же. С. 473.

¹²⁹ Обе цитаты из письма ЕА к Волошину от 1 декабря 1927.

тался помогать прежней семье, но вряд ли ему много удавалось сделать («Евгений очень много работает, опять заведует двумя школами и вид у него больной»¹³⁰, «Евгений смещен с должности и назначен помощником коммунистки»¹³¹). Ирине, окончившей школу в 1924, пришлось сразу идти работать.

10

Литературная деятельность ЕА после 1917 года с печатным станком связана не была, однако, несмотря на ее камерный характер, она предстает реализацией глубоко продуманной программы: он становится настоящим летописцем для узкого круга своих поэтических друзей и шире – целой эпохи русского символизма – и в этом качестве действует как составитель библиографий поэтов, рукописных антологий, критик, мемуарист. «Е. Я. Архиппов в своих кабинетных занятиях воспроизводил весь механизм существования этой культуры – в реальности давно способов воспроизводства лишенной»¹³².

Он «издает» книги своих стихотворений: «Дымы лучей» (1923), «Крест и стрелы» (1924), «Дальняя Морена» (1925); посылает их Черубине, Меркурьевой и Усову. Отклики друзей он собирает в отдельную книгу.

Пишет статьи, не рассчитывая на публикацию. Усов спрашивает его: «Думаете ли Вы о накоплении материала для построения второй после “Миртового венца” книги? И как Вы ее окрестите? Скажите мне об этом! Туда войдет, по моему расчету: а) *Cougonne Mystique*, б) Религия Фамиры, с) Мелодия мученья, d) Иерофант ужаса и страсти, е) Работа о В.Ф. Эрне (= остался ли у Вас список?). А еще?»¹³³

Он собирает автографы поэтов и планы их домов или квартир. Просит В.И. Анненского-Кривича сделать чертеж последней квартиры И.Ф. Анненского. Пишет Волошину: «Пришлите, дорогой Максимиан Александрович, если возможно, внутренний вид какой-либо

¹³⁰ Из письма Н.С. Архипповой А.В. Звенигородскому от 28 декабря 1925. ИРЛИ. Ф. 618. № 10. Л. 3.

¹³¹ Из письма Н.С. Архипповой А.В. Звенигородскому от 28 октября 1926. Там же. Л. 11.

¹³² *Котрелев Н.В.* Он создал себя хранителем... // Советская библиография. 1989. № 3. С. 46.

¹³³ Письмо от 3 июня 1922. *Усов*. Т. 2. С. 92. Перечисленные статьи, посвященные творчеству Черубины, Анненского, Альвинга и Звенигородского, см. в наст. изд.

из Ваших комнат. Я очень люблю рассматривать и угадывать вещи на снимках»¹³⁴. В одной из записных книжек сохранился план и его собственного жилья. Вещи, которыми окружает себя дорогой ему человек в домашнем обиходе, для него важны и могут многое рассказать его уму и воображению. Внимание к деталям сказалось в его описании комнаты М.А. Кузмина.

Он составляет антологии и небольшие поэтические сборники. Вот небольшой составленный ЕА перечень домашних (чаще всего рукописных, реже – машинописных) книг, изготовленных им:

«**Каравелла проклятых.** *Антология.* Черубина – В. Рождественский – Ходасевич – Лозина-Лозинский – Альвинг – Н. Гумилев. Танзруфт. 1927. Тетрадь альбомного формата в сатиновом переплете. Собственность К.Л. Архипповой (Вл<адикавка>з).

М. Волошин. Россия. Северо-восток. Неопалимая купина. На дне преисподней. Святая Русь. Т<анезру>фт. 1927. (Такая же тетрадь). Собственность С.И. Кудрявцева (Вл<адикавка>з).

Вс. Рожд<ественски>й. Стихотворения, выбранные из Китежа. Т<анезру>фт. <19>27. Шрифт Д. Щербинского. Собственность В.А. Меркурьевой (Вл<адикавка>з).

Вс. Рожд<ественски>й. Судьба поэта и 1 стих-ие. Т<анезру>фт. <19>27. Шрифт Д. Щербинского. Собственность К.Я. Архипповой¹³⁵.

Вс. Рожд<ественски>й. Расставание. Батум. Т<анезру>фт. <19>27. Шрифт тот же. Собственность М.И. Слободского¹³⁶.

Е. Архиппов. Аспекты Вл. Эрн. Т<анезру>фт. <19>27. В зеленом переплете из материи. Собственность К.Я. Архипповой.

Е. Архиппов. Месса по Анненском – Стих<отворен>ия: 1) Над головою сиянье. 2) Сожженные цветы падут перед портретом. – С примечаниями. В синем переплете. Т<анезру>фт. <19>27. В ноябре 1927 отосл<ано> Эриху Голлербаху. Там же сведения о последующих библиографических работах Е. Архиппова.

Н. Гумилев. Б(ибл)иографические данные, собранные П.Н. Лукиным. Т<анезру>фт. <19>27. В книге приложены: 1) Анкета Н. Гу-

¹³⁴ Письмо 29 мая 1929.

¹³⁵ Сводная сестра ЕА.

¹³⁶ *Слободской Михаил Иванович* (1895 – не ранее 1936) – поэт, журналист, переводчик с языков народов Северного Кавказа. Входил вместе с В.А. Меркурьевой в кружок поэтов «Вертеп» (1922–1925). Некоторые его стихотворения опубликованы в коллективном сборнике «Золотая зурна» (Владикавказ, 1926). См. о нем подробнее в комментариях к стихотворению «На бегство Катеньки».

милева с примечаниями Д. Усова. 2) Стих-ие М. Волошина: На дне преисподней. С примечаниями Евгения Архиппова. В коричневом переплете. Альбомный формат. Собственность Д.А. Тарноградского»¹³⁷.

Самenarum elysium. Антология. 1932¹³⁸.

Κάτοπτρα. Сб<орник> Ст<ихотворени>й. В. Меркурьева – Черубина – Вс. Рождественский. Καλλιόπη. 1928. Изд<ание> Е<вгения> А<рхиппова>. Собственность Д.С. Усова».¹³⁹

Он вступает в московское общество поклонников И.Ф. Анненского «Кифара» (1924), в которое присылает свои статьи о поэте (их представляет Д.С. Усов)¹⁴⁰.

¹³⁷ Список этих изданий в записной книжке ЕА. РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 44–46.

¹³⁸ РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 14. Содержание этой антологии: В. Бородаевский «Ко мне в жемчужнице на черных лебедях...», «Огнем пожара сожигая...»; В. Брюсов «Себастьян»; А. Альвинг «Проходят тени длинной чередой», «Сумерки» (Как ты была со мной еще вчера...), «Цветы на проволоке», «Есть в мире сумасшедшие слова...», «Последний вояж» (Мы под небридой...), «Бессонница» (Охмельть без вина бы...); Марина Цветаева «Минута: минущая: минешь!», «Расстояния, версты, мили...»; В. Звягинцева «Максимилиану Волошину» (Вот область мудрая в полвека...), «Максимилиану Волошину» (Высоко стеклами в прибор...), «Вижу тень свою на холме напротив...»; Вс. Рождественский «Коктебельская элегия», «Фаянсовых небес неуловимый скат...», «Феодосия» (Путник, кто бы ты ни был...), «Черное море» (Но скользя в тени отвеса...), «Карадаг»; М. Волошин «Киммерия»; «Коктебель» (обращение к Волошину от имени Эредиа, написанное А.А. Сидоровым); М. Волошин «Дом поэта»; Э. Голлербах «Коктебель»; В. Звягинцева «М. Волошину» (Опять библейские разливы...), «Есть вечера, утра и дни...»; С. Парнок «За стеною бормотанье...», «На смерть Аделаиды Герцык»; М. Лохвицкая «Любовь совершенная»; Черубина «Нет реки такой глубокой...»; Н. Гумилев «Священные плывут и тают ночи...»; Ахматова «На смерть Гумилева», «Не с теми я, кто бросил землю...», «О, не вздыхайте обо мне...»; В. Меркурьева «Автопортрет»; А.А. Сидоров «Максимилиану Волошину»; В. Меркурьева «Портрет Евгения Архиппова» (Его глаза упряма и фантаста...); М. Розанов «Castellum Maximilian»; Л. Остроумов «Максимилиану Волошину»; Инн. Анненский «Лири часов»; Вал. Анненский «Рассвет»; А. Герцык «Рука»; А. Лозина-Лозинский «Романс» (1); Черубина «Евгению»; Д. Усов «Дни темны, скудны и мелки...», «Три одиноких».

¹³⁹ «Зеркала» (*зреч.*). Состав сборника: Вс. Рождественский «М. Волошину», «Е. Архиппову», «К.Л. Архипповой»; В. Меркурьева «Е. Архиппову», «Сонет»; Черубина де Габриа «Е. Архиппову». Сборник, составленный ЕА в 1933 с таким же названием, сохранился в архиве В.А. Меркурьевой – РГАЛИ. Ф. 2209. Оп. 1. Ед. хр. 16. Его состав по сравнению с книгой 1928 расширен, см. комментарий В. Резвого в кн.: *Тщета*. С. 581.

¹⁴⁰ Об обществе см.: *Тименчик Р.Д.* Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов // *Reading in russian modernism. To Honor Vladimir Feodorovich Markov.* Edited by Ronald Vroon, John E. Malmstad. M., 1993; *Усов*. Т. 2. С. 207–216.

Черубина пишет ЕА: «Вы все же живете полной жизнью даже в Вашем затворничестве, потому что Вы – цельный. Может быть, это самое главное в жизни. Больше всего я поняла это, смотря на Ваше лицо. Оно совсем не такое, как я его ждала... Оно гораздо призрачнее всех выдуманных мной призраков, особенно на фоне живых и банальных лиц. Оно подернуто пеплом. Может быть, и ласково оно, но в нем есть высокомерие грусти. Ваши глаза видели слишком много...»¹⁴¹

Начиная с 1926 к ЕА стал ненадолго заезжать во время своих летних путешествий Всеволод Александрович Рождественский (заочно их познакомил Д.С. Усов). Ученик высоко ценимого ЕА Н.С. Гумилева, добрый знакомый М.А. Волошина, Рождественский был исключительно интересен ЕА и как поэт акмеистической выучки, и как живой свидетель литературной жизни послереволюционного Петрограда. Рождественский писал о ЕА Усову: «Он весь в книгах своего кабинета, в золотых очках и педагогической бородке. Он очень мягок, пожалуй, даже излишне ласков в голосе и весь вообще как-то мирен и благодетен. С ним хорошо в тихой, неторопливой беседе. Он далек от всякой стихии спора и, наверное, не любит моря в бурную погоду. Но я успел его полюбить за этот месяц наших ежедневных встреч и вечеров. Он трогательно бережлив (вот! это главное в нем) ко всему, что несет на себе печать давней русской культуры... Если бы где-нибудь возник большой музей или храм Русского Символизма, я назначил бы Евгения Яковлевича его хранителем. И ключи свои – я уверен в этом, – он носил бы всегда благостно и благоговейно»¹⁴². Однако в их отношениях не могло быть симметрии: для Рождественского ЕА был и умным и знающим, всегда готовым слушать его стихи и жадно ждущим от него писем с литературными новостями провинциальным знакомым, в переписке с которым он позволял себе паузы в несколько месяцев, оправдывая которые, он пускал в ход ловкие риторические средства («Вы для меня все тот же – дорогой энтузиаст мечты, вступивший в вежливый договор с действительностью, садовник вечных роз, хранитель ключей, вечный друг слова»¹⁴³). Пись-

¹⁴¹ Черубина–2009. С. 149. Письмо от 23 августа 1926.

¹⁴² Письмо от 10 сентября 1926 (цит. по машинописной копии из архива М.А. Торбин, Музей Цветаевой).

¹⁴³ Письмо Рождественского к ЕА от 17 мая 1929. РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ех. хр. 74. Л. 67–69. Слова о «вежливом договоре с действительностью» в значительно большей степени относятся к написавшему их, нежели к тому, о ком они сказаны. «Когда ему позвонили в Ленинград и сказали, что Евг. Як. ушел от нас навсегда, он ни-

ма Рождественского к ЕА (1926–1934)¹⁴⁴ вполне заслуживают издания отдельной книгой¹⁴⁵.

Другим молодым ленинградцем, навестившим ЕА в августе 1926, был биограф Гумилева П.Н. Лукницкий¹⁴⁶.

11

В 1928 году, видимо, материальные обстоятельства ЕА, видимо, относительно улучшились. Он смог не только перебраться из полу-подвального «трюма» в светлую комнату, но и осуществить свою мечту – встретиться с Д.С. Усовым (это была их единственная в жизни встреча) и совершить паломничество к могиле И.Ф. Анненского. Вместе с женами Усов и ЕА провели в Царском Селе (тогда переименованном в Детское Село) две июльские недели. Здесь ЕА увидел сына поэта,

как не отозвался на это, а как-то даже испугался» (об этом К.Л. Архиппова пишет М.А. Торбин 15 мая 1965. Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/ 974).

¹⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 74.

¹⁴⁵ Вместе с письмами Рождественского к Д.С. Усову, хранящимися в архиве семьи Рождественских (копии – в Доме-Музее Марины Цветаевой, в архиве М.А. Торбин), они составили бы важный источник литературной жизни Ленинграда второй половины 1920-х – начала 1930-х годов. В наст. изд. мы включили немногие черновики писем ЕА к Рождественскому, оригиналы же их не сохранились.

¹⁴⁶ О том, что он остановился у Архипповых, Лукницкий упоминает в письме к Ахматовой от 12 августа 1926. Однако неубедительно, с нашей точки зрения, выглядит предположение, высказанное В.К. Лукницкой: «Можно предположить, что он специально ехал к Е. Архиппову, потому что в 1925 году, встречаясь с Е.И. Дмитриевой, не смог полностью раскрыть тайну Черубины. А Архиппов, библиофил и собиратель рукописей, – Лукницкий это хорошо знал – владел материалами. И Архиппов показал ему рукописную книгу, на титульном листе которой Лукницкий прочел:

ЧЕРУБИНА де ГАБРИАК ИСПОВЕДЬ»

(*Лукницкая В.К. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 92–93*). Посылая осенью 1926 ЕА свой рассказ о Гумилеве («Исповедь»), Черубина писала: «При жизни моей обещайте “Исповедь” никому не показывать, а после моей смерти – мне будет все равно» (*Черубина–2009. С. 153*). Так что, во-первых, ко времени посещения Лукницкого ЕА еще не получал «Исповеди», а во-вторых, у нас нет никаких оснований предполагать, что ЕА и впоследствии при жизни Черубины нарушил взятое с него слово. Другое дело – разговоры о библиографии Гумилева и других акмеистов. Письма Лукницкого к ЕА: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 63 и Оп. 2. Ед. хр. 25.

В.И. Анненского-Кривича, познакомился с Э.Ф. Голлербахом. В Ленинграде посетил М.А. Кузмина¹⁴⁷, мать Черубины¹⁴⁸. В маршрутах прогулок по Ленинграду ЕА руководствовался не только справочниками Н.П. Анциферова¹⁴⁹, но и рекомендациями Рождественского, Усова и Черубины, высланной из города в 1927 в Ташкент. Напуганная ЕА, она писала:

Прислушайся к ночному сновиденью,
не пропусти упавшую звезду...
по улицам моим Невидимую Тенью
я за тобой пройду...

Ты посмотри (я так томлюсь в пустыне
вдали от милых мест...):
вода в Неве еще осталась синей?
У Ангела из рук еще не отнят крест?¹⁵⁰

Перед отъездом в Царское село ЕА завершил составление книги Черубины де Габриаки. Он собрал все присланные ему стихотворения, предварил их двумя своими статьями «Корона и ветвь» и «Темный ангел Черубины» и отправил автору (оставив экземпляр и себе). «Книга, – вернее то, что сделали, правда чудесно – я как умершими глазами смотрю на нее», – отвечала она¹⁵¹.

Декабрь 1928 принес из Ташкента внезапную весть о смерти Черубины от рака печени.

12

1929 год для ЕА начался с крупных неприятностей. Он рассказывал Волошину: «Меня обвиняет клеветническая статья в газете, а за ней и Комиссии по чистке. 1) В близости к царскому двору, 2) в противодействии школьным реформам (а я ведь выполнял работу именно по организации школ и был заведующим с 1920 по 1926 г.); 3) в со-

¹⁴⁷ Страницы, в которых ЕА подробнейшим образом описал встречу с ним, включены в «Лектистернии».

¹⁴⁸ Об этом пишет К.Л. Архипова в письме к М.А. Торбин 12 февраля 1966 (Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/1001).

¹⁴⁹ «Окрестности Петербурга» (Л., 1927) и «Детское село» (В соавторстве с О. Рындиной. Л., 1927).

¹⁵⁰ *Sub rosa*. С. 554.

¹⁵¹ 5 июля 1928. *Черубина–2009*. С. 163.

хранении для себя старой орфографии (для чего представлен черновой листок из записной книжки), 4) в написании грубого и антиобщественного стихотворения: «Пушкину». Вы не только знаете, но можете поручиться, что, ученик Инн. Анненского, *я не могу писать грубых и пошлых стихов*»¹⁵². «Сейчас я уже не имею заработка (с 1 февр.)»¹⁵³. «Мое увольнение еще резче, еще безвозвратнее провело черту между моими б<ывшими> товарищами по мужск<ой> и женск<ой> гимназиям. Это было последним познанием людей».¹⁵⁴

«Узнав о случившемся, Волошин пишет “несколько слов” наркому просвещения А.В. Луначарскому (которого знал по Парижу). 20 апреля ЕА сообщает, что переслал эту записку “вместе с автобиографией, изложением хода дела и документами” Д.С. Усову, который обещал передать все это лично в Наркомпрос. С резолюцией Луначарского “прекратить безобразие относительно Е.Я. Архиппова” бумаги пошли во ВЦИК, но там, по-видимому, затерялись. Однако помогло вмешательство писателя Ф.В. Гладкова, знавшего Архиппова в ту пору, когда Гладков был заведующим отделом народного образования в Новороссийске»¹⁵⁵.

13

Весь 1930 и зима-весна 1931 прошли в болезнях и хлопотах. «Хотел бы Вам рассказать о своей жизни за последние 2 месяца... Но ведь жизни не было, – и рассказать нельзя... Нет никакой фактической стороны. Это – просто утомительное кружение, даже без просветов чтения или интересной беседы<...> В промежутке между школьной работой и вечерними занятиями грузил доски и балки, складывал их в штабели. Это мне дается очень трудно... Дома, во время болезни, составлял маленький альбом из рисунков Кустодиева и Головина», – писал ЕА Усову в апреле 1931. К Новороссийску подступал голод. Видимо, он и стал главной причиной переезда Архипповых во Владикавказ (август 1931). Ехали в неизвестность: «Каковы будут “условия питания” во Владикавказе, еще не знаем, но думаем, что по сравнению с

¹⁵² Письмо к Волошину от 25 марта 1929.

¹⁵³ Письмо к Волошину от 28 февраля 1929.

¹⁵⁴ Письмо к Волошину от 15 июня 1929.

¹⁵⁵ *Купченко В.П.* «Лучший друг слова» // Новый журнал (Нью-Йорк). 1988. Кн. 170. С. 165. Публикация сопровождалась характерным примечанием: «Статья получена из СССР. Печатается без ведома и разрешения автора»; спустя год статья была напечатана в СССР: *Купченко В.П.* «Лучший друг слова» // Советская библиография. 1989. № 2.

Роченсальмом¹⁵⁶, – все же лучше»¹⁵⁷, «худею я ужасно. От меня осталась только половина за последние 2 года»¹⁵⁸.

В июне Архипповы смогли наконец навестить в Коктебеле давно звавшего к себе Волошина. Пробыли там чуть больше двух недель. «Было наслаждением показывать ему свои архивные и книжные сокровища и редкости», – писал Волошин¹⁵⁹. Несмотря на болезнь, заставившую ЕА больше половины срока пролежать в постели, он вел дневник. Эти отшлифованные после смерти Волошина поденные записи составили его «Εφμερίς Κιττιερία»¹⁶⁰, текст, исключительно насыщенный фактами, показывающий свойственную ЕА почти апостольскую ответственность свидетельствования.

14

5 сентября 1931 ЕА писал Усову: «Служу опять-таки в школе <...> не попал ни в техникум, ни на рабфак; Клодя тоже служит – библиотекарем Индустриального политехникума. Живем еще у Верочки <Меркурьевой – Т.Н.>». К Меркурьевой часто заглядывали друзья: любимая ученица ЕА Катя Юрченко, поэты (Михаил Иванович Слободской, Аргашев¹⁶¹), кавказовед Л. Семенов, биолог и библиофил Д.А. Тарноградский.

«Самое ценное за сентябрь месяц – это, конечно, разговоры с Верой. Только теперь Верочка видит, что я совсем другой, чем был в 1909–13 годах. Письма не могли меня показать с неизвестных сторон. Мы много спорим с Верой. Но веду себя я в этих спорах – непозволительно. Отлично знаю, так не спорят, а так только лают собаки, норовящие непременно укусить даже расположенного к ним человека. Да и собак-то таких, наверное, мало. О чем споры? Все о том же: отношение к людям, к миру, к современности, оценка отдельных людей, оценка поэтов: Пастернак, Маяковский, Корнилов, Аргашев, Кочетков

¹⁵⁶ Так ЕА называл Новороссийск. См. прим. к стих. «Моя география».

¹⁵⁷ Из письма к Усову от 3 июня 1931.

¹⁵⁸ Из письма к Усову от 5 сентября 1931.

¹⁵⁹ *Волошин М.А.* Указ. соч. С. 189.

¹⁶⁰ «Киммерийский дневник» (*греч.*).

¹⁶¹ Сергей Аргашев (наст. имя: *Сергей Петрович Семенов*, 1902–1985); см. о нем: *Тахо-Годи Е.А.* «Поэт под инженерным кэпи...» (О Сергее Аргашеве, Валерии Брюсове, Вере Меркурьевой и некоторых других, а также о пользе семейных преданий и архивов). – В ее кн.: *Великие и безвестные. Очерки по русской литературе и культуре XIX–XX вв.* СПб., 2008. С. 625–652.

и другие. Кочеткова, впрочем, я всегда слушаю терпеливо и внимательно и многие вещи его хочу иметь¹⁶²» (то же письмо).

Эти споры продолжались и в письмах (осенью 1932 Меркурьева уехала из Владикавказа в Москву) и запечатлены в шутовом поэтическом портрете ЕА:

Мечась меж нефтелавкой и базаром,
он писем ждал, как ждут в ночи зарю,
а получив – плевался в гнев яром
и изрекал: «Я толку в том не зрю –
корреспонденция усугубляет прю»¹⁶³.

Архипповы поселились в комнате на Линейной улице, которой дали шутовое поэтическое имя «Ленэи» (от греческого названия виноградных тисков). «Наша территория в доме на Линейной очень мала: одна комната, в которой втиснута вся новороссийская обстановка 3-х комнат: здесь и столовая, и спальня, и ”библиотека”», – писал ЕА Усову 5 апреля 1932.

«Странное у меня бывает хождение по улицам. Оживают те дома, в которых я когда-то жил. И я прохожу мимо них в разном сочетании моих обликов, прохожу не один. Часто рядом идет молодой человек в черной шляпе и крылатке, волосы его спускаются почти до плеч, а иногда рядом появляется мальчик – в светлом гимназическом пальто: он очень любил смотреть на небо и всё ждал от него каких-то обещаний¹⁶⁴. Итак, иногда втроем, иногда вдвоем, мы идем по улице. Вот место, где стоял бабушкин дом, вот – дом против Лютеранской церкви; вот дом, где я писал о Баратынском, вот дом, в который стали прихо-

¹⁶² Корнилов Борис Петрович (1907–1938) – поэт. В другом письме к Усову (25 марта 1932) ЕА написал о поэте и переводчике Александре Сергеевиче Кочеткове (1900–1953): «юноша <эпохи> Возрождения».

¹⁶³ Стихотворное послание Меркурьевой и А.С. Кочеткова к ЕА – см. Приложение II.

¹⁶⁴ Ср. стихотворение Усова 1924 г.:

Под ногами – крепкий отзвук шага,
Плитяной московский тротуар.
Полдень бел, как писчая бумага,
И фарфор небес не так уж стар.

Что же ты бледнеешь, мой румяный?
Присмотришь в знакомые черты:
Гимназист в тужурке полотняной,
Проходящий мимо – это ты.
(Усов. Т. 1. С. 138–139).

дить письма от далекого и дорогого друга – Дмитрия Сергеевича <...> В Ольгинскую гимназию так и не пошел, чтобы не совершать путешествия по комнатам, книгам и годам»¹⁶⁵.

Возвращение в родной Владикавказ не сделало жизнь беззаботной: «Служба очень тяжела, отнимает все время и очень сильно разрушает здоровье»¹⁶⁶.

25 апреля 1932 ЕА пишет Волошину: «Радостных событий за всю зиму здесь было только два: 1) Приезд Кочеткова А.С., когда возобновились беседы и воспоминания о Вас, возобновилось чтение стихов, и 2) Обращение ко мне от кружка Веры Александровны Меркурьевой (в составе ее, Кочеткова и Слободского) с шуточной интермедией: “Напрасный труд”¹⁶⁷, где действующими лицами явились Вы, Голлербах, Рождественский и др.».

15

Начало 1930-х годов – время почти тотального огосударствления всех культурных институций. Исчезают кооперативные издательства, после показательных «чисток» закрываются гуманитарные институты (ГАХН – там служил Усов – в Москве, ГИИИ в Ленинграде). Над каждым частным существованием все сильнее чувствуется пресс всей государственной машины. 7 мая 1932 М.С. Волошина записывает слова М.А. Волошина: «Маруся, поверь, что моя болезнь проистекает из ее сущности. Но в чем же ее сущность? В том, что задыхаюсь за целую группу людей, у которых нет воздуха»¹⁶⁸.

В одном из писем к Волошину ЕА выразительно описывает механизм культурной памяти, непрерывность которого в тоталитарном государстве поддерживается усилиями отдельных лиц: «Если умолкну я: – имя Ваше с тревогой и болью поднимется из сердца Клоди... Если замолчим мы оба: – Имя Ваше с благоговением поднимет на своих слабых руках Вера (Меркурьева), наконец, – Кочетков, Слободской, который высоко чтит Ваш ”Дом Поэта”».

Создание мемуарного текста в первые годы советской власти для ЕА стало не простой борьбой «с бесследным протеканием» времени,

¹⁶⁵ Из письма к Усову от 3 января 1932.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ См. Приложение I.

¹⁶⁸ Цит. по кн.: *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб. – Симферополь. 2007. С. 516.

но и отстаиванием собственных ценностей, утверждением приоритета духовного над материальным, противостоянием активно проникающей во все сферы жизни советской субординации. В 1928 ЕА заканчивает составлять мемуарную книгу «Лектистернии», вошедшие в нее тексты создавались в основном в 1920–1922. Наряду с главами, рассказывающими об университетских профессорах (В.О. Ключевском, С.Н. Трубецком, Л.М. Лопатине и др.) и поэтах (К.Д. Бальмонте, В.Я. Брюсове, М.А. Кузmine, А.В.Звенигородском, А. Альвинге, В.А. Меркурьевой), ЕА включает главку, в которой рассказывает о мистическом событии – явлении ему В.С. Соловьева, случившемся в десятую годовщину смерти философа), странную для мемуарной книги, но органичную для мира ЕА.

В начале 1930-х он продолжает работу над автобиографией «Золотая маска».

В мемуарах ЕА не стремится изобразить себя деятельным участником Серебряного века, но допускает в мемуары он только литературно значимые события. Как-то Усов написал ЕА, что будущему биографу нужно будет искать личность ЕА в тех его статьях, которые посвящены другим. В самом деле, характеризуя стихи Усова, ЕА отмечает в них именно те черты, которые свойственны ему самому: «Чувство разобщенности с миром пронизывает их, но какой разобщенности... Не сожаление об уходе от мира, а желание углубить еще более эту тонко воспитанную разобщенность».

Советская действительность, вторгшаяся в жизнь ЕА (он ездит на сельскохозяйственные работы, разгружает по разрядке баржи), полностью вытеснена из мемуарного поля. И здесь приходится убеждаться в том, что мемуарный текст этой эпохи формируется под влиянием механизмов психологической защиты, которые особенно активно работают у людей, испытывающих длительный стресс: отрицание, вытеснение, подавление.

Мемуары были не единственной для ЕА формой отгораживания от советской действительности. Настоящим утешением для него продолжает оставаться то, что мы теперь называем бук-артом и самиздатом: «картонажных дел мастер», он переписывает стихи любимых поэтов, переплетает их в неповторимой красоты и изящества волюмы, которые дарит друзьям. Самиздат становится для него не «способом распространения», но «способом существования»¹⁶⁹.

¹⁶⁹ Слова М. Айзенберга (о ситуации 1970-х).

Игра в другую реальность как форма защиты от настоящего времени проявляется и в обдуманной системе псевдонимов (сборник стихов 1935 написан «от имени» Регины де Круа – псевдоним выбран в подражание Черубине), и в собственной мифологической географии¹⁷⁰. ЕА придумывает тайное летосчисление: его мемуарная проза «10 портретов Веры Меркурьевой» датирована так: «Citta Dolente, 103»¹⁷¹. Прихотлив по сочетанию громких и редких имен (Г. Маслов, Н. Гумилев, Вс. Рождественский, А. Белый, В. Брюсов, Д. Усов, Б. Садовской, В. Меркурьева, С. Ауслендер, М. Кузмин, М. Волошин, А. Пушкин и И. Тургенев) составленный им план литературных чтений для тесного кружка единомышленников, названного по имени любимой ЕА статуи мира в Царском Селе: *Pace*¹⁷².

На глазах у ЕА затонула Атлантида русского символизма, и он ощущал себя хранителем теней этого мира. В литературной анкете, которую он рассылает друзьям весной-летом 1932, есть странный вопрос: «Кого из писателей вы считаете причастными к атлантической памяти?». Меркурьева, Усов, Волошин, Звенигородский и Кочетков по-разному отвечают на этот вопрос. Недоумевающий прочерк ставит Вс. Рождественский.

Характерно, что та форма эскапизма, которую избрал ЕА («кладан и смирна кумирни “Там – внутри”») – как писала о его склонности к преклонению перед литературными кумирами Меркурьева¹⁷³), приводила его иногда к моментам разительного несовпадения даже с близкими друзьями. В этом смысле характерен ответ Веры Меркурьевой в письме 1937 года на вопрос ЕА, как они с А.С. Кочетковым готовятся отметить юбилей Пушкина: «Наше с А.С. отношение к юбилею Пушкина? неужели Вы серьезно спрашиваете, как мы думаем почтить его имя? Мы? его? чем?.. отношение к П<ушкину> не должно зависеть от юбилейного года, им можно жить всю жизнь, а можно и не читать годами, как мы»¹⁷⁴.

Редкая литературоцентричность сознания ЕА проявилась на всех уровнях его прозы, прежде всего, на отборе допущенных в мемуары и автобиографии фактов. «Золотая маска» доведена до 1935 года и остав-

¹⁷⁰ См. стихотворение «Моя география» и комментарии к нему.

¹⁷¹ *Citta Dolente* – город горя (*um.*) – цитата из «Ада» Данте. «103» – т.е. 103-й год после смерти Пушкина: 1940.

¹⁷² См. опус «Сто второй год» в настоящем томе. С. 241–243.

¹⁷³ В стихотворении «Евгению Архиппову» (1916) – *Тщета*. С. 106.

¹⁷⁴ Письмо Меркурьевой к ЕА от 3 октября 1936 (см. во 2-м томе наст. изд.).

лена, вероятно, после ареста Усова¹⁷⁵, знаменующего для ЕА окончание важного этапа в его жизни (особый смысл этого названия: «Золотая маска» как погребальный символ). В выборе парных заглавий («Гипсовая маска», «Золотая маска») есть отголосок гимназического увлечения археологией. Эрн, ЕА, Флоренский следили вместе с учителем по картам и публикациям за раскопками Шлимана. Гипсовый слепок снимают часто с еще живого лица, а по нему уже делают золотой, посмертный. Но принципиально важно, что это «маски». Маска – это не обнажение, а укрывание, сложносочиненная дистанционная интимность, защита подлинного лица, и она оставляет возможность не быть узанным до конца (в этом смысле – противоположная тактика – беззастенчивое обнажение биографических черт – «в халате»¹⁷⁶, т.е. в домашнем виде, на распашку).

Работа мемуариста всегда предполагает отбор допускаемых в биографический текст фактов. Для историка литературы значением наполняются и фигуры умолчаний, которые делает мемуарист. ЕА, всю жизнь прослуживший учителем и посвятивший одну из статей книги «Миртовый венец» первому выпуску Ольгинской гимназии, ни слова не пишет о своем педагогическом опыте, учениках. Педагогический опыт не вписывается в символистический канон.

¹⁷⁵ В 1935 Усов был арестован по делу «немецкой фашистской организации» (т. н. «делу словарников» – вместе с Г.Г. Шпетом, А.Г. Габричевским, М.А. Петровским, Б.И. Ярхо и др.) и получил срок – 5 лет. В 1937 из Москвы в Киргизию была выслана жена Усова Алиса Гуговна (1895–1951) – «как член семьи осужденного за антисоветскую деятельность». Освободившись в феврале 1940, Усов поехал к жене. В 1941 ему удалось устроиться в Ташкентский педагогический Институт, где он последние годы жизни заведовал кафедрой немецкого языка. Приехавшая в Ташкент в эвакуацию вместе с семьей А.С. Кочеткова, В.А. Меркурьева писала в 1942 об Усове, чье здоровье было подорвано 5-ю годами лагеря: «Он совсем не выходит иначе как на лекции». Н.Я. Мандельштам, общавшаяся с Усовым незадолго до его смерти, вспоминала, что одной своей чертой он напоминал ей Мандельштама: «тоже ничего не боящийся и всем напуганный». В 1943 Усов умер от сердечного приступа в возрасте 46 лет. Переписка ЕА и Усова военного времени не сохранилась.

¹⁷⁶ Нашумевшая книга Ж.-Ж. Бруссона «Анатоль Франс в халате» (Л.: Время, 1925 – перевод И.Б. Мандельштама; другой перевод, А.А. Поляк и П.К. Губера: «Анатоль Франс в туфлях и халате» (М.–Л.: Петроград, 1925)) влияла на некоторых мемуаристов этого времени: так, о своей работе над мемуарным портретом отца В.И. Анненский-Кривич говорил: «Я хочу дать Анненского в халате» (Усов. Т. 2. С. 307), Вадим Шершеневич в предисловии к «Великолепному очевидцу» писал о желании изобразить «поэтов в “халате”, а не в “вицмундире”» (Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 419).

В письмах последнего десятилетия жизни – к Звенигородскому – ЕА упорно не желает писать о быте и боли (когда становилось совершенно непереносимо, он просто на месяцы замолкал, чем вызывал страшное беспокойство своего друга). Письма военных лет не содержат ни одного упоминания о войне, главные герои переписки – Тютчев и Фет, – любовь к которым – это то, чего нельзя отнять, и слезы над ними – главное доказательство бытия. Литературный иконостас дореволюционных лет, которому ЕА был верен до конца дней, стал для него той единственной идеальной средой, к которой он желал бы быть причислен.

16

Последние литературные работы ЕА – его статья «Глава из трактата Регины де Круа о рождении стиха» (1938) и мемуарная книга о Вере Меркурьевой (1940).

С началом войны для ЕА настал период самых тяжелых испытаний.

20 января 1942 Звенигородский сообщил Н.С. Архипповой: «Евгений месяц тому назад прислал мне открытку. У него было кровоизлияние в мозг. С августа по декабрь он был в опасности, но теперь ему лучше»¹⁷⁷. Условия для сопротивления болезни были самыми сложными – приходилось продолжать службу, не имея никаких сил. В августе-декабре 1942 под Владикавказом состоялось одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны. Немцы заняли Майкоп, Краснодар, Пятигорск и подошли к Моздоку. Советские войска оставили Моздок, затем Нальчик. Немецкая армия неуклонно приближалась к Владикавказу.

28 сентября 1942 Звенигородский жаловался Надежде Сергеевне: «Евгений перестал писать. Что теперь с ним, не знаю»¹⁷⁸. 1 ноября немецкая авиация подвергла массированной бомбардировке Владикавказ. Многие здания были превращены в руины, пострадало немало местных жителей и военных. На следующий день танковые дивизии устремились на штурм города. Введенные советским командованием в бой резервы остановили врага на подступах к городу. Владикавказ стал крайней, самой южной точкой всего советско-германского фронта. Вечером 6 ноября Совинформбюро сообщало: «Многодневные бои

¹⁷⁷ ИРЛИ. Ф. 618. № 34. Л. 11.

¹⁷⁸ Там же. Л. 15.

на подступах к Владикавказу закончились поражением немцев <...> На поле боя немцы оставили свыше 5 тысяч трупов солдат и офицеров»¹⁷⁹.

2 сентября 1943 Звенигородский сообщал Надежде Сергеевне: «Сейчас пришло письмо от Евгения. Он пишет, что “случайно жив”, что пережил страшные потери: “умерла Верочка, умер Дмитрий Сергеевич У<сов>”».¹⁸⁰

13 октября 1943 ЕА пишет Звенигородскому: «Я с большим трудом передвигаюсь по улице: ноги не идут, очень плохо чувствую себя в школе – особенно на 4 и 5-ом уроках». «Я теперь совсем не такой: старый, до крайности исхудавший, каким-то чудом уцелевший в жизни»¹⁸¹. Настойчиво расспрашивает друга об обстоятельствах смерти Мандельштама, Клюева, Альвинга, Мейерхольда...

23 февраля – 4 марта 1944 была осуществлена насильственная депортация чеченцев, ингушей, балкарцев с территории Северного Кавказа, ликвидирована Чечено-Ингушская АССР. Списки людей по национальностям составлялись, в частности, в каждом учебном заведении. Это не могло пройти мимо ЕА, но писать об этом он, разумеется, не мог. Он лишь сообщал Звенигородскому: «На конвертах теперь пиши так: *Дзауджикау (Владикавказ)* Северная Осетия – город переименован»¹⁸².

Переписка со Звенигородским в эти годы становится для ЕА настоящей отдушиной. Друг присылает ему для разгадывания список (по первым строкам) русских стихотворений, которые приходили ему на ум по утрам в течение 7 лет (1941–1947). ЕА пытается вспомнить авторов, гордится угаданными, страшно переживает, когда что-то он уже не может вспомнить.

В стихах 1945 он еще пытается шутить, сочиняя свои вариации «Из Марциала»:

¹⁷⁹ Подробнее см. : <http://www.vladikavkaz-osetia.ru/slava/history.php>.

¹⁸⁰ ИРЛИ. Ф. 618. № 34. Л. 18. 3 июня 1943 вдова Усова сообщала Горнунгам: «Писала Архиппову, но, видимо, его жена скрыла от него мое письмо: говорят, от него скрывают все смерти. Это в наше-то время!» («Гуговна» / Из писем А.Г. Усовой Л.В. и А.В. Горнунгам / Подг. текста, вступ. заметка и прим. Т. Нешумовой // «Сохрани мою речь...». Вып. 4/1. М., 2008. С. 232). Во время войны часть писем Усова, «боясь их хранить, чтобы они не пропали», ЕА сдал на хранение в Центральную библиотеку Орджоникидзе, откуда бумаги Усова были переданы в Ленинскую библиотеку (сведения из письма К.Л. Архипповой к М.А. Торбин от 3 октября 1968. ГЛМ. Ф. 490. Оп. 2. Д. 16. Л. 1об.).

¹⁸¹ 11 мая 1944.

¹⁸² 20 марта 1944.

Дрова, самовар, кипятик –
вот и жизни итог!

Кастрюли, тарелки и щепки, –
вот чем дни мои лепки!

Кувшин, и ведро, и горшки, –
вот оставшейся жизни вершки!

В 1948 он признается другу: «Я ужасающим образом распродал свою библиотеку, вынужден был к этому своей стесненностью и нуждой»¹⁸³. «Глухота давит, как тяжким шлемом. Как будто чугунный обруч вокруг головы. Остается зрение. А оно очень слабое. Почти не говорю ни с кем». «Конечно, никуда не еду, и даже не выхожу, и ко мне никто не ходит». «Я, увы, все продал из-за корки хлеба <...>. В последнее время продавал рукописи: Макс<имилиана> Волошина, Д.С. Усова, Ильи Эренбурга, Всева<олода> Рождественского»¹⁸⁴.

26 мая 1950 Д.А. Тарноградский писал А.В. Звенигородскому: «Сегодня у меня был Евгений Яковлевич, и я ему показал Вашу открытку. Он клятвенно обещал мне немедленно ответить Вам. Он здоров, но годы сильно сказались на нем. *Только Надежда Сергеевна могла бы, при всех условиях, создать ему в годы поздней зрелости сносную жизнь. Сейчас он предельно одинок*»¹⁸⁵.

Летом 1950 Звенигородский получил письмо от К.Л. Архипповой, в котором она извещала его о смерти мужа: «Ушел Женя неожиданно. Утром 15 авг<уста> встал, кипятил молоко, завтракал, пил чай и собирался пойти в город к парикмахеру. Приготовил все,

¹⁸³ Наиболее ценные тома архипповского собрания доставались, по всей вероятности, Д.А. Тарноградскому (чья библиотека после смерти разошлась по чужим рукам), другие – шли к букинистам. Сотрудники Национальной научной библиотеки Осетии в письме от 31 января 2015 к З.А. Малометовой, любезно поделившейся с нами этими сведениями, поясняли, что книги ЕА поступили в библиотеку через букинистический магазин: «Большая часть была приобретена в 1934 г. (10 книг), в 1935 г. – 7 книг <...> В последующие годы были приобретены в 1945 г. – 2 книги, в 1946 г. – 5 книг, в 1947 – 1 книга. Еще 2 книги были приобретены уже после смерти Архиппова в 1961 и 1967 гг. Исключение составляют две книги, на которых нет штампа букинистического магазина».

¹⁸⁴ Из писем ЕА к Звенигородскому 1 декабря 1947, 20 июня, 25 августа и 23 сентября 1948.

¹⁸⁵ Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 2. КП 1531/ 205.

чтоб одеваться, потом начал наклоняться, присел и умер. Умер тихо. Как бы заснул – от кровоизлияния в мозг. Сегодня уже 15 дней, как Женя ушел от нас. Последние дни он был какой-то слабый и все спал. Кушал хорошо. Все вспоминал Павла Александровича¹⁸⁶, Москву. Накануне 14 августа еще долго вечером читал Диккенса “Лавка древностей”, рассказы Ал. Толстого, стихи Кузмина. Рассказывал все мне. Какие работы он наметил о русских путешественниках для меня. Собрал в тетрадь 200 путешественников из разных книг, находящихся у нас в доме. Почерк изумительный, прекрасный, твердый и красивый»¹⁸⁷.

17

Если окинуть мысленным взором образ мира ЕА – таким, каким он предстал во всех его стихотворениях, статьях, мемуарах и автобиографиях, письмах – и соотнести его с теми обстоятельствами, на фоне которых он возник, вспомнить те события, и личной, и общественной жизни, о которых ЕА промолчал, не смог или не захотел говорить, то нельзя не задуматься о причине этих умолчаний, лакун, о специфике этой редуцированности. Здесь неожиданную помощь в понимании архипповской картины мира, ее силы и беспомощности одновременно, нам дают слова искусствоведа Ханса Зедльмайра, сказанные совершенно по другому поводу: «Изображение посредством архитектуры преисподней кажется совершенно немислимой и сущностно невозможной [задачей]: ибо архитектура согласно своей природе представляет собой “порядок”, преисподняя же являет собой хаос. В аду могут быть только руины»¹⁸⁸.

Говорить о «земном», описывать круги ада советских обстоятельств своей жизни – «при царствующих гениях беды»¹⁸⁹ – ЕА не мог, но и не думать о них – не мог. Но думал он об этом не своими словами, а ища «высокие параллели» среди любимых книг: «*Считаете ли возможным сейчас перечитывание Данте?* – Данте не-

¹⁸⁶ Вартминского, новороссийского коллегу и друга. См. о нем прим. 6 к письму 99.

¹⁸⁷ Список рукой Л.С. Крыжановской фрагмента письма К.Л. Архипповой к А.В. Звенигородскому. Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 2. КП 1531/213.

¹⁸⁸ *Зедльмайр Х.* Возникновение собора (главы из книги). Пер. С.С. Ванеяна // Архитектура: язык, теория, история. Сборник переводов. Кн. 2. М., 2011. С. 134.

¹⁸⁹ Цитата из его стихотворения «Память о Царском Селе».

обходим сейчас, как высокая параллель к испытаниям, крушениям современности»¹⁹⁰.

ЕА представлял собой особый ««генотип» русского читателя»¹⁹¹. Итог его деятельности: сохранение поэтических корпусов и бесценных биографических деталей жизни Черубины де Габриак, Веры Меркурьевой, Дмитрия Усова, Андрея Звенигородского, – может быть оценен только теперь, когда сохраненные им тексты приходят к читателю.

В сущности, феномен ЕА – это еще один пример того, как в этом мире выживает слабое и гибкое. То, что сделал ЕА, можно описать как возведение его собственного небесного града, где он готов был жить, отказываясь быть летописцем преисподней, в которой он оказался, родившись в России.

В. Розанов как-то написал: «нужно хорошо “вязать чулок своей жизни”».

Архиппов хорошо связал свой чулок.

18

Мне остается еще рассказать о непростой судьбе литературного архива ЕА.

В 1959¹⁹² К.Л. Архиппова привезла в Москву и передала часть бумаг ЕА в ЦГАЛИ (во многом это заслуга С.В. Шервинского, который «много лет торопил» ее и «сам приезжал... для оценки архива»¹⁹³). Но многое еще оставалось у нее в Орджоникидзе.

В 1963 ее стал навещать увлеченный книголюб Юрий Николаевич Володин, он и увез в Москву значительную часть остававшегося на руках у Клавдии Лукьяновны архива. «Жил Володин на окраине Москвы, одно время работал оператором студии документального кино, потом был заведующим пункта сбора утильсырья. В Орджоникидзе у него была комната в самом центре города, доставшаяся ему от его родной

¹⁹⁰ Ср. архипповское описание фотографии Звенигородского начала 1930-х в письме к Усову от 26 января 1936: «Лицо глубоко страдающее; композиция: глаза, *поднятые вверх со дна преисподней*, устремлены на единственный лучик, мелькнувший в окне у потолка» (курсив наш).

¹⁹¹ *Котрелев Н.В.* Указ. соч. С. 46.

¹⁹² Так значится в описи фонда, а сама Клавдия Лукьяновна в письмах к Торбин 1960-х годов называет другую дату: 1958.

¹⁹³ Об этом К.Л. Архиппова пишет М.А. Торбин 23 февраля 1964. Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/ 940.

тети. Тетя эта когда-то училась во Владикавказской гимназии, а потом и сама долгое время преподавала во Владикавказе, а под конец жизни переехала к племяннику в Москву», – рассказала мне Элла Георгиевна Флешина, вдова поэта А.Е. Флешина, с конца 1960-х дружившая с Володиным. Флешины жили в старом двухэтажном доме в центре Москвы (Гороховский пер., д. 12). На чердаке этого дома Володин оставлял найденные им на помойках интересные книги и другие предметы. Там же он хранил и часть архипповского архива. Несколько печатных и рукописных книг ЕА Володин положил в портфель, который просил Флешины хранить у себя. В начале 80-х Володин бесследно исчез. Кое-что из увезенного им из Орджоникидзе попало в другие частные собрания, а остальное летом 1982 было выброшено из чердака дома в Гороховском переулке на землю, но судьба захотела, чтобы эти бумаги не размокли от дождей и грязи, не разлетелись по ветру, бесследно исчезнув, а легли под ноги неслучайного человека – филолога Н.Г. Охотина, передавшего их в ЦГАЛИ¹⁹⁴.

Часть писем ЕА к Усову и Звенигородскому, подготовленный К.Л. Архипповой альбом о жизни ЕА и некоторые другие бумаги попали к московской собирательнице М.А. Торбин. Ее архив тоже имел непростую судьбу и был разделен между тремя московскими музеями.

В 1964 часть материалов о жизни ЕА в Новороссийске К.Л. Архиппова передала в Новороссийский краеведческий музей¹⁹⁵.

Составителю этой книги, семь лет работавшему над двухтомником Д.С. Усова, выпало счастье провести еще несколько лет за подготовкой и этого издания. В 2014 году, оказавшись в Ассизи, городе любимого ЕА св. Франциска, я пообещала завершить этот труд. Выполнить это обещание мне помогли мои прекрасные друзья, родные и коллеги. Практически всю рукопись книги внимательно прочитали И.А. Ахметьев и В.В. Нехотин. Материалами личных собраний со мной щедро поделились М.В. Бокариус, М.Ю. Гоголин, Е.А. Калло, А.Л. Соболев, Э.Г. Флешина. Значительные советы в работе над отдельными ее

¹⁹⁴ См.: Дни нашей жизни (Из хроники ЦГАЛИ) // Встречи с прошлым. Вып. 5. М., 1984. С. 418; На чердаке старого московского дома (Об архиве Е.Я. Архиппова). Сообщение К.Н. Суворовой // Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 150–163; мемуарный рассказ о находке: <http://therese-phil.livejournal.com/37529.html>. Эти документы вошли во вторую опись фонда 1458.

¹⁹⁵ Об этом К.Л. Архиппова пишет М.А. Торбин 29 ноября 1964 и 4 декабря 1967. Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/ 961 и 1033. Часть материалов о ЕА К.Л. Архиппова передала и в музей г. Орджоникидзе. Письмо к Торбин от 14 февраля 1965. Там же. КП 1530/ 967.

фрагментами мне дали: Г.М. Дашевский, С.Ю. Мазур, Б.М. Никольский, В.А. Резвый, О.В. Самоцветова, А.Л. Соболев, Р.Д. Тименчик. Письма ЕА к Волошиным из Дома-музея М.А. Волошина в Коктебеле для книги предоставила Н.М. Мирошниченко. Ценные консультации по отдельным вопросам я получила от М.В. Акимовой, З.Г. Годович, Г.Н. Датновой, В.А. Дроздова, В.В. Зельченко, С.Е. Зенкевича, А.В. Лаврова, З.А. Малометовой, В.И. Масловского, Н.М. Сперанской, М.Л. Спивак, Л.М. Турчинского, А.Б. Шишкина. Компьютерный набор части писем ЕА к Звенигородскому осуществила А.А. Конюхова. Фотографию статуи Расе выполнил поэт Владимир Беляев. Радушное отношение Е.В. Наседкиной, Е.Р. Обатниной, М.М. Павловой сделало работу в государственных архивах уютной. Многолетнее неизменное гостеприимство Л.В. Зубовой открыло мне возможность трудиться в Петербурге. Понимание и поддержка Э.С. Красовской и доброжелательный энтузиазм Е.А. Кольчужкина помог обрести рукописи ее книжный облик. Всех названных, а также тех, кого я, по оплошности, забыла поименовать, я сердечно благодарю. Несмотря на такую прекрасную роту помощников, в книге, наверняка, осталось множество недостатков, за которые отвечаю, конечно, только я.

Татьяна Нешумова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БКиП – сборник стихотворений Е.Я. Архиппова «Баллада камня и покрова».

Гаспаров – М.Л. Гаспаров. ВЕРА МЕРКУРЬЕВА (1876–1943) Стихи и жизнь// Лица. Биографический альманах. Вып.5. М.–СПб. 1994. С. 5–97.

ГЛМ – Отдел рукописей Государственного литературного музея.

ДМ – сборник стихотворений Е.Я. Архиппова «Дальняя Морена».

Дом-музей Марины Цветаевой – Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой».

Д. Щ. – Дмитрий Щербинский, один из псевдонимов Е.Я. Архиппова, образованный от фамилии его деда.

Звенигородский – Князь Звенигородский Андрей Владимирович. Генеалогия и биография. Стихи разных лет. Воспоминания современников. М., 2008. *Вынужденно отсылая читателя к этому изданию – плоду энтузиазма потомков поэта, далеких от филологической проблематики, – за неимением в настоящий момент другого, я вынуждена предупредить о имеющемся в нем множестве вопиющих ошибок.*

ЕА – Евгений Яковлевич Архиппов.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом).

Исповедь – Черубина де Габриак. Исповедь. Сост. В.П. Купченко, М.С. Ланда, И.А. Репина. М., 1998.

КЛ – сборник стихотворений Е.Я. Архиппова «Каменная лира».

КиС – сборник стихотворений Е.Я. Архиппова «Крест и стрелы».

Кочетков–1985 – *Кочетков А.С.* С любимыми не расставайтесь: Стихотворения и поэмы. Вступ. ст. Л. Озерова. М., 1985.

Музей Волошина (Коктебель) – Государственное Бюджетное Учреждение Республики Крым «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник “Киммерия М.А.Волошина”».

Нешумова–2005 – Нешумова Т.Ф. Невидимый трилистник: Черубина де Габриак, Д.С. Усов, Е.Я. Архиппов // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. Материалы Четвертых Герцыковских чтений в г. Судаке 6–10 июня 2005 года. М.-Симферополь-Судак. 2007.

ОбР – сборник стихотворений Е.Я. Архиппова «Обиды Расе».

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

- Тщета** – Меркурьева В.А. Тщета. Собрание стихотворений. Сост. и примеч. В.А. Резвого, вступ. ст. М.Л. Гаспарова. М., 2007.
- «Умейте жить минуткой»** – Меркурьева В.В. «Умейте жить минуткой» (подг. текста и комментарии Т.Ф. Нешумовой) // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 24. <http://www.utoronto.ca/tsq/24/merkurjeva24.shtml>.
- Усов** – Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...». В 2-х тт. Сост., вступ. статья, подготовка текста и комм. Т.Ф. Нешумовой. М., 2011.
- Хранитель** – Хранитель. Е.Я. Архиппов. Письма Д.С. Усову. Подгот. текста, примеч., вступ. заметка Т. Нешумовой // «Волга», 2009, № 9–10. С. 153–208.
- Черубина** – Е.И. Васильева.
- Черубина–2009** – Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной. Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана М.А. Волюшину. Сост., подгот. текстов, примечания В. Купченко и Р. Хрулевой. Феодосия–М., 2009.
- «28. Стихотворения. 29»** – Рукописная книга. Автограф Архиппова. Кроме 3-х стихотворений 1928-1929 г. в книгу позднее вписано стихотворение 1933 г. «Воспоминание об Учителе». РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 7.

КОММЕНТАРИИ К СТИХОТВОРЕНИЯМ

Свои стихотворения ЕА объединил в несколько поэтических книг, частично пересекающихся по своему составу. Одна из них – «Каменная лира» является избранным из предыдущих сборников, поэтому она в настоящем издании воспроизводится сокращенно, с изъятием дублирующихся стихотворений, однако полная композиция этой книги описана в соответствующем разделе комментариев. Сборник «Баллада камня и покрова» по той же причине оказался расформирован, его описание см. в конце примечаний к стихотворениям. Единственное стихотворение из него, не входившее в другие книги («Черубине де Габриак <2>»), в нашем издании включено в сборник «Крест и стрелы», что обговорено в соответствующем месте комментариев. Разделы «Стихотворения на случай. Послания. Надписи» и «Ранние стихотворения» сборные и составлены нами из стихотворений, не оформлявшихся автором как отдельные книги. В вариантах, приводимых в примечаниях, фиксируются лексические разночтения и не фиксируются пунктуационные и стихографические отличия. Орфография и пунктуация приведены к современной норме. Не известными нам остались несколько стихотворений ЕА, от которых сохранились только строки, взятые эпитафиями к другим его произведениям, и стихотворение, посвященное А.В. Звенигородскому «В твоей душе напев стихийности; я вижу близость ярких тайн» (упомянуто как произведение Д. Щербинского в «Библиографии Звенигородского» (1924), составленной ЕА – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 36).

ДЫМЫ ЛУЧЕЙ

РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 3. Надпись на обложке: «Евгений Архиппов. Дымы лучей. Примечания В. Меркурьевой». Место и время создания обозначены: «Кайенна / 1923». (*Кайенна* – город во французской Гвиане, служивший (как и вся Гвиана) на протяжении в XVIII–XX вв. местом политической ссылки и каторги, из-за тяжелого климата почти не оставляющий ссыльным шансов на выживание; см. также прим. 9 к письму 58 во втором томе наст. изд.). Рукописная книга ЕА, составленная из стихотворений, датированных нами 1922. В ней – запись В.А. Меркурьевой: «Я сказала бы: это лучшая из трех маленьких Ваших книг, кот<орые> дошли до меня. Эти Дымы прекрасны цельностью, сжатостью, углубленностью боли. И форма здесь суровая, одноцветная – черное и белое. Книга надолго ранит сердце. Я нарочно пишу бледным карандашом, надеясь, что он сотрется скоро: разве можно что-нибудь писать на полях Ваших книг? грубыми пальцами трогать надгробные цветы? Про-

стите. В беседе не так грубо: интонация, взгляд смягчают, а на бумаге все так бездушно. И не могу я ничем показать, как дороги мне Ваши строки, как люблю и ценю я их “хрупкий и ломкий стих”. Больно и хорошо». *«Хрупкий и ломкий стих»* – строка из стихотворения ЕА «Я полюбил бы будку...». В книгу вклеена часть конверта, в котором она посылалась из Новороссийска, где жил ЕА, во Владикавказ к Меркурьевой с почтовым штемпелем получения «Владикавказ. 26.9. <19>26»). Три эпитафия, предпосланные сборнику, из И.Ф. Анненского: 1-й – из стихотворения «Зимнее небо», 2-й – «Дымы» («Зимний поезд»), 3-й – «Стансы ночи». Второе и десятое стихотворения ЕА из книги изъял (и мы не знаем, что это были за стихи), этим объясняются два пропуска в нумерации стихотворений.

С. 7. **«Противно, противно, противно...»**. *Грааль* – чаша, из которой Иисус Христос пил во время Тайной Вечери и в которой вино превратилась в кровь. По преданию, в Грааль была собрана кровь, изошедшая из тела распятого Христа. В религиозных учениях эзотерического типа Грааль – символ совокупности тайных знаний, являемых избранным посвященным. Помета Меркурьевой: «Мне нравится стремительность ритма, музыкальность, текучесть».

С. 7. **«Смерти колочие руки...»**. Стихотворение имеет номер III, однако II номер в книге отсутствует. Помета Меркурьевой: «Наряду с поразительными по четкости, выпуклости “Где столько умолкло ревнивых хрустальных очей и свеч” – неясный, даже неверный образ первых 2-х строк 2-го четверостишия ужасно досадует и цепляет. Чудесное испорченное стих<отворен>ие». Включено в качестве четвертого стихотворения цикла «Автопортрет» в книгу КЛ, где посвящено А.С. Кочеткову. Другой автограф: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 4. с подписью «Д. Щ.».

С. 8. **«Может ли пепел гореть?...»**. Эпитафия – из стихотворения ЕА «Растянуться в траве и ждать...». *Страстной костер четверга* – имеется в виду Великий Четверг на Страстной неделе. Помета Меркурьевой: «Все – прекрасно».

С. 8. **«На камнях, на плитах у моря...»**. Список рукой К.Л. Архипповой – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 12. Л. 1об.

С. 9. **«Когда за ночью калиткою...»**. *К.И.* – посвящено второй жене ЕА – *Клавдии Лукьяновне Архипповой* (в девичестве Иовиной; 1900–1977). Помета Меркурьевой: «Прекрасная, строгая вещь. Одно только я не принимаю: неумную – это когда-то народное слово избито Эренбургом с tutti [всеми (итал.). – Т. Н.] до билибинщины. Мне это просто режет глаз». Второй автограф с правкой – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–1об. В 11-й строке первоначально вместо «Над жалкой и темной» – «Над жизнью, над мертвой».

С. 9. **«Долго ли видеть морскую пучину?..»**. В списке рукой К.Л. Архипповой (ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 12. Л. 2) с третьей строфой:

Прощаясь, я знаю, ты склонись нежно
к белой печали снегов...
Как больно-смертельно и как неизбежно
умереть без дыханья твоих жемчугов.

С. 10. **«Томиться, сгорать и упасть...»**. Св. Себастиан (род. в III в. в Нарбонне) – христианский святой, претерпевший мученическую смерть при императоре Диоклетиане. Образ Св. Себастиана занимает значительное место в мире И.Ф. Анненского, Вл. Соловьева, Черубины де Габриака. Рукописная книга стихотворений ЕА «Крест и стрелы» (1924) имеет подзаголовок: «Сны о св. Себастиане Нарбоннском».

С. 10. **«Я полюбил бы будку...»**. Эпиграф из стихотворения И.Ф. Анненского «После концерта». Помета Меркурьевой: «Это одно из моих любимых. И обстановка: будка, шарманка и закутанность души как-то слились. Изумителен танец семи покрывал под шарманку!». Под стихотворением в списке рукой К.Л. Архипповой (ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 12. Л. 1): «3 июня [1922]. Суббота». Здесь в 4 строке «робкий» вместо «ломкий».

С. 11. **«Мое сердце будет мучиться...»**. Эпиграфы из стихотворений «Уж сердце снизилось, и как!» (1922) Ильи Эренбурга и «Прохожий» (1913) Марины Цветаевой. Помета Меркурьевой: «Лучшее в книге, лучшее из лучших». Другой автограф с пометой: «Суббота. После болезни» – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–2об. Третий автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 9–10. Здесь с одним эпиграфом из Эренбурга.

С. 11. **«Стоять на берегу, глядеть вдоль переулка...»**. Эпиграф – из трагедии Иннокентия Анненского «Фамира-кифаред». Помета Меркурьевой: «Кроме последней строки». Список рукой К.Л. Архипповой – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об. –2. Разнотчение в 4 строке «тлевший» вместо «тленый». «Дата» под стихотворением: «Напрасная среда».

КРЕСТ И СТРЕЛЫ

Рукописный сборник 1924 г. Место создания обозначено так: «Танезруфт» – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 4. *Танезруфт* – гигантское мертвое плато в центре пустыни Сахары, упоминается в приключенческом романе Пьера Бенуа «Атлантида» (1919, русский перевод – 1922). Имя этой пустыни в центре Сахары ЕА не раз использовал, заменяя название Новороссийска и Орджоникидзе, городов, в которых он жил, подчеркивая чуждость внешнего мира своему внутреннему миру. На л. 53 запись ЕА: «Все карандашные

пометки сделаны рукой ЧДГ <Черубины де Габриак>. 1924 г.»; л. 54 – вклеенная квитанция от заказной бандероли: Слепцовская 40, Новороссийск. Е.Я. Архиппову – от Елис<аветы> Васильевой, Анг<лийская> наб., 74, кв. 5а. Штамп: 23.11.<19>24). Л. 55 – вклеено письмо Е.И. Васильевой к ЕА от 7 ноября 1924 (см.: *Нешумова–2005*, с. 145–147) и конверт к нему с пометой ЕА: «О моих стихотворениях и о сведениях для Библиографии Черубины» и почтовыми печатями «Ленинград. 9.11.24», «Новороссийск. 14.11.24». Первый эпитаф – из стихотворения Е.И. Васильевой «Всем мертвым» (1913) вписан ее рукой. Второй эпитаф – рукою ЕА, источник не найден, вероятно, из несохранившегося письма Черубины к ЕА.

С. 13. **Иннокентию Анненскому.** Эпитаф – из стихотворения Н.С. Гумилева «В библиотеке» (1910). *Лебедь озера иного* – Отсылка к стихотворению Н.С. Гумилева «Памяти Иннокентия Анненского»: «Был Иннокентий Анненский последним / Из царскосельских лебедей». В весеннем письме 1923 г. к ЕА Д.С. Усов писал: «Знаете, если бы сбылась наша страстная мечта о содружестве, объединенном именем И. Ф. А., о своем журнале, о книгоиздательстве «Кипарисовый ларец», то мы не нашли бы лучшего книжного знака и печати, чем *Лебедь*. Этим было бы сказано всё! Лебедь Аполлона и лебедь Царского Села» (*Усов*. Т. 2, с. 139). Включено в рукописную книгу, подаренную Э.Ф. Голлербаху (продавалась на книжном аукционе № 15(55), лот 375 в ЦДХ (Москва) 2 марта 2013 <http://www.kabinet-auktion.com/auction/books15/375/>).

С. 14. **Полиелей.** <1923>. *Полиелей* – часть праздничной утрени от начала пения 134-го псалма до чтения канона. Без названия включено в диптих «Иннокентию Анненскому» в книге БКиП и в КЛ с незначительными пунктуационными разночтениями и отсутствием в 16 строке слова «тяжкой»: «и болью исполняют». В КЛ перед стихотворением обозначение раздела на древнегреческом: Κίθαροῦδὸς ἀυῆεις (светлоокий Кифаред) – и два эпитафа: «Целую раны крыл Твоих. / Муза»; второй – это последнее четверостишие предыдущего стихотворения ЕА («Целую лучи и траур ...»); в 8 строке вместо «ничем» – «ничьим». В списке рукой К.Л. Архипповой (ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 37) называется «30 ноября 1923 г.». Включено в рукописную книгу, подаренную Э.Ф. Голлербаху. Здесь в 8 строке вместо «ничем» – «ничьим».

С. 15. **Месса по И. Анненском.** Не позднее октября 1924. Посвящено сыну И.Ф. Анненского, поэту *Валентину Иннокентьевичу Анненскому* (1880–1936), публиковавшемуся под псевдонимом Кривич. Оформлялось и в виде отдельной машинописной (с надписью на титуле: «Изд-во К.Я.Смирновой [сестры ЕА. – Т. Н.] / Рединг / 1927 / Тираж 8»), и рукописной книг (таковая с датой «Танезруфт, 1927», подаренная Э.Ф. Голлербаху, в марте 2013 выставлялась для продажи на московском книжном аукционе). Включе-

но в сборник БКиП (без посвящения Кривичу) и КЛ. Опубликовано в кн.: *Иннокентий Анненский глазами современников / К 300-летию Царского села*. Сост., подгот. текста Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогоуровой, М.А. Выграненко. СПб., 2011, с. 501–502. *Anata* – в древнегреческой мифологии богиня лжи и обмана, дочь Нюкты. В КЛ под произведением «место создания» – Versailles (Версаль, *франц.*). В БКиП, экз. Голлербаха и КЛ изменено время глагола с настоящего на будущее: «Ты вступишь в состязание со смертью». Опубликовано в кн.: *Усов*. Т. 2, с. 226–228. Вс. А. Рождественский писал ЕА 24 декабря 1927: Э.Ф. Голлербаху «очень понравилась “Месса об Ин. Анненском”. А Вал. Кривич даже специально заходил к нему “ознакомиться с рукописью”» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед хр. 74. Л. 53об.). Разночтения в экз. Голлербаха: «стойкая» (вместо «стройная») осень.

С. 17. **А.А. Фету**. Включено в БКиП и в КЛ. *Stella vera* – истинная звезда (*лат.*). Две последние строки четвертого четверостишия отчеркнуты карандашом. «*Живой алтарь*» – цитата из стихотворения А.А. Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...». «*Феб севера! Податель света, Фет!*» – ср. «Податель света – Феб» – из сонета «Тому, кто зряч, но светом дня ослеп...» (венок сонетов «*Corona Astralis*») М.А. Волошина.

С. 17. **Владимиру Соловьеву**. Не позднее октября 1924. Включено в БКиП и в КЛ. *К скрижалям Платона и Фета* – т.е. к кумирам, владевшим ЕА в студенческие годы. *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853–1900) – религиозный философ, поэт, критик, публицист. *Софийская молитва, софиофилия* – отсылка к философскому учению Соловьева о Софии как о душе мира, его поэма о свиданиях с ней – «Три свидания». *Восток* – «Соловьев думал, что богочеловечество явится в результате соединения божественного начала, преимущественно выраженного на Востоке, с человеческим началом, преимущественно выраженным на Западе» (Бердяев), *Лилию* – из стихотворения Соловьева «У царицы моей есть высокий дворец...», *Лазурную Розу* – ср. «Помните ль розы над пеною белой, / Пурпурный отблеск в лазурных волнах?» в стихотворении В.С. Соловьева «*Das Ewig-Weibliche*». В письме от 7 (20) июля 1923 Меркурьева писала ЕА: «В. С-чу и Автопортрет удовлетворили меня внутренним рисунком, строгостью линии, цепкостью взглядывания и еще чем-то, что я не умею назвать иначе как “печальным звоном кольца” (“кольцо упало с печальным звоном”). Тени: нестрогость формы (размера, не одинаковость стоп и чередования муж. и жен. рифм). Я люблю или полную свободу (вольный стих, но внутренне скованный, как в “Люциферическом аспекте”, простите, цитирую свое, не вспомню сейчас чужого – 1 + 2 и 3 + 4 строки одинаковы по числу стоп: 11–13), или строжайшую, вычеканную правильность. Прекрасно: “нездешнего брака правил каноник”, “руки печальной, жалкой, нежной полуподъем и полувздох”» (полный текст письма см. во 2 томе наст. изд.).

- С. 18. **Александр Блок**. Не позднее 1924. Включено и в БКиП. *Молитве Креста и Розы* – правильное название драмы Блока – «Роза и крест». Две последние строки отчеркнуты карандашом. Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1.
- С. 19. **Черубине де Габриак**. Другой автограф – Музей А.С. Пушкина. ОФ–23519 РФБ–690. Здесь названо «Обмен крыльями. Черубине де Габриак». Под стихотворением помета: 1922. Страстной четверг (Из церкви). Различия: Ты, Твой в этом автографе с больших букв, слово «штейнерианства» густо зачеркнуто, видимо, после известия об аресте Черубины по делу антропософов. *Черубина де Габриак* – псевдоним поэта, переводчика и антропософа Елизаветы Ивановны Дмитриевой (в замужестве Васильевой; 1887–1928). Две последние строки второго и пятого четверостишия отчеркнуты карандашом. Включено в КЛ под названием «Черубине» и с эпиграфом – первой и третьей строками стихотворения В.С. Соловьева: «О, что значат все слова и речи... / перед тайною нездешней нашей встречи!». Включено в машинописную книгу «Черубина де Габриак. Собрание стихотворений. Вступительные статьи Евгения Архиппова и Д. Щербинского. Примечания Евгения Архиппова. Каллиэра. 1928» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 331–332). В «*магическом кольце*» – ср. у В.С. Соловьева: «Он сомкнулся, магический круг». *Штейнерианство* – учение Рудольфа Штейнера (1861–1925), немецкого философа-мистика, основателя антропософии. Е.И. Васильева слушала его лекции в 1913 (в Мюнхене) и 1914 (в Лейпциге) и была официальным гарантом антропософского общества в России. *Люциферического пенья* – ср.: «Две планеты определяют индивидуальность этого поэта: мертвенно-бледный Сатурн и зеленая вечерняя звезда пастухов – Венера, которая в утренней своей ипостаси именуется Люцифером» (Волошин М.А. Гороскоп Черубины де Габриак // Волошин М.А. Собр. соч. Т. 6 (1). М., 2007. С. 260). *Иоаннов киот* – св. Иоанна Богослова. В 1911 г. антропософы, руководимые Штейнером, создали «Иоганнесбауферейн» («Союз Иоаннова здания»), проектирующий здание для осуществления мистерий, к строительству которого приступили в 1913 г. в Дорнахе. Возведенное здание сгорело 1 января 1922. В письме от 12(25) апреля 1924 Меркурьева писала ЕА: «Это правда, что Ваши стихи тяжелы. Но разве стиху обязательно быть воздушным? Это хорошо, но хороша и каменная поступь. В Ваших стих., при всех особенностях, быть может, недостатках формы, хорошо, верно звучит нога религиозного поклонения красоте и скорби. Мне не понравилось к Черубине: слишком много символов и условности. Понравилось к Доленко (“иду к тебе на панихиду”). Евгений, Вы напишете чудесные стихи ко мне, когда я умру» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп.1. Ед. хр. 70. Л. 5–5об.).
- С. 19. **Черубине де Габриак <2>**. *Фюнеральный* – траурный. Это стихотворение в БКиП вместе с выше опубликованным (в составе книги КиС) «Твое

лицо теперь закрыто для меня...» составляло диптих. Этот диптих (в обратной последовательности) воспроизведен в машинописной книге (РГА-ЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 333). Даты под стихотворениями (1922 и 1923) здесь проставлены.

- С. 20. **П.Г. Доленко.** Не позднее мая 1924. *Доленко Петр Гаврилович* (1896?–1920) – поэт, врач. «Окончил Военно-медицинскую Академию. Среднее образование получил в Новороссийской мужской гимназии (1914 г.). К изучению литературы обратился под влиянием П.А. Вартминского. Литературные предпочтения: Рабиндранат Тагор, Федор Сологуб, В.В. Розанов, Иннокентий Анненский. Участвовал (в Н<овороссий>ске) в литературном объединении, проникнутом влиянием акмеистов и Вс. Эм. Мейерхольда (в то время заключенного в тюрьму). Участниками объединения были: Л. Иванов, Борис Алперс (поэт и театровед), Сергей Алперс (композитор) и Евгений Архиппов. Тяжело больной (туберкулез горла) П.Г. выехал в начале 1920 г. на корабле, в надежде достигнуть Каира. Одним из последних произведений П.Г. является пародия на античные трагедии Инн. Анненского – «Эльпида, трагедия. Перевод размером подлинника. 1919 г.» (РГА-ЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 109–111). Машинописный вариант триптиха, посвященного «Петру Гавриловичу Доленко» включен в них в качестве приложения. Здесь первое стихотворение носит название «Ланцет и лира» (автограф триптиха – Там же. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 44–46. ЕА писал о П.Г. Доленко: «Венок сонетов, посвященный облику Иннокентия Анненского. Автор умер по дороге в Каир. Сел на <нрзб.> судно в начале марта 1920 года. Еще не отделанный окончательно «Венок» взял с собою» (Пояснение ЕА. РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 74 об. –75). В мае 1924 Д.С. Усов писал ЕА: «В этих стихах мне многие строчки полюбились глубоко. “Смерть подошла глубоко, увела за темное море...”, “Где поник ты, его сраженный? У берега Крита? В Каире?” и все последнее четверостишие (“Ланцет и...”), 2 первые строки “Перед панихидой”, “Вот выпрямишься весь – и просияет вновь лицо, целящее улыбкой”... “Все кажется, что ты еще придешь” – все это 4-стишие до конца (до “не боролось”), вся строфа “Раскроются сжатые”... до “час один”. Милый! Что мне делать: о Ваших стихах я не умею говорить иначе, как молча поднимая руку, листая и показывая: это. И это. И еще вот это» (Усов. Т. 2, с. 238).

- С. 20. «Смерть подошла к тебе тихо...». Последняя строка отчеркнута карандашом. Разночтения: в машинописи «Лектистерний» (название воспоминаний ЕА, см. в наст. томе) и автографе: 11 строка начинается с союза «и», отсутствующего в КиС. В предпоследней строке вместо «твой» – «свой». *Маир* – прекрасная неведомая звезда из стихотворения Ф. Сологуба. *Его* – И.Ф. Анненского, «*Ларец*» – книга Анненского «Кипарисовый ларец». *Эвритмия* – искусство художественного движения, разработанное антропософами.

- С. 21. **Перед панихидой.** В КЛ называется «Ланцет и лира». Здесь с эпиграфом из предыдущего стихотворения: «Эвритмии служитель, целитель улыбки и жестом!» и посвящением «Памяти П.Г. Доленко».
- С. 21. **Поминование.** Включено и в ОбР. Здесь не имеет названия и посвящено П.Д.<оленко>. Разночтения: в ОбР, в «Лектистерниях» и в автографе в 6 строке: вместо «славы» (как в КиС) – «сплавы». Помета Меркурьевой: «кроме “волны стихий”». Другой ее отзыв, в письме, см. выше, в комментарии к стихотворению «Черубине де Габриаку».
- С. 22. **Автопортрет.** Не позднее октября 1924. Включено также в БКИП и КЛ. Эпиграф из «Медного всадника» А.С. Пушкина.
- С. 22. **«Лицо закрытое для мира...».** Разночтения: в варианте БКИП: 10 строка: «плена» – вместо «тлена». Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 8. С названием «Автопортрет». *Беатриче* (1266/1267–1290) – предположительно Беатриче Портинари – муза и тайная возлюбленная Данте Алигьери. Две последние строки отчеркнуты карандашом.
- С. 22. **«Во мне тоскует кровь святого Себастьяна...».** *Арум* (Arum) – род многолетних травянистых растений, принадлежащих семейству Ароидных (Araceae). *Семела* – в древнегреческой мифологии красавица, дочь фиванского царя Кадма и его супруги Гармонии, к Семеле под покровом ночи спускался с Олимпа Зевс. О *Св. Себастиане* – см. выше. Строки 7–9 отчеркнуты карандашом. Отзыв В.А. Меркурьевой, в письме, см. выше, в комментарии к стихотворению «Владимиру Соловьеву». В КЛ у стихотворения название «Cruх et sagittae» («Крест и стрелы», *лат.*).
- С. 23. **Парастас.** *Парастас* – последование великой панихиды по всем усопшим православным христианам, совершаемое на всенощном бдении родительских суббот. *Стихира* – в православном богослужении гимнический текст строфической формы, приуроченный к псалму. *Грааль Печали* – название статьи ЕА о Е.А. Баратынском (Жатва, кн. V, М., 1914, с. 257–274). *Черубины печать* – ср. «То французское письмо, которым неизвестная мать поручала Аполлону своего ребенка, было скреплено черной печатью со скорбным и грозющим девизом "Vae victis!". Он напоминает о "Too late! – слишком поздно!" на перстне Барбэ д'Оревильи» (*Волошин М.А.* Гороскоп Черубины де Габриаку // *Волошин М.А.* Собр. соч., т. 6 (1). М., 2007, с. 261). В КЛ посвящено Сергею Кудрявцеву. Имеет эпиграф: «Нежней, чем Смерть, обманчивей и горче». (Ч. де Г.) – из стихотворения Черубины де Габриаку «Лишь раз один, как папоротник, я...». *С.И. Кудрявцев* (ум. до 1947) – преподаватель литературы во Владикавказской гимназии, поэт. В его книге «Ночь и звезды» (Владикавказ, 1910. С. 32, 33–34) есть стихи, посвященные ЕА:

Кудри – мысли,
Мысли – кудри,
Лик прекрасный,
Светлый взор.
Знаешь, кто ты?
Ты – узор.
Благородство,
Блеск сарказма,
Вид обманчивой мечты,
Пониманье красоты,
Тайный друг мой,
Это – ты!

и его первой жене Н.С. Архипповой:

Чистая, свежая,
Вся белоснежная,
Юностью знойная,
Лилия стройная
Ты среди нас.
Нежная, хрупкая,
К холоду чуткая.
Вся из дрожаний
И колебаний
Ты соткана.
Многое в мире
Тебе незнакомо,
Знаешь и любишь
Ты только цветы.
Травка зеленая,
Озеро сонное,
Небо бездонное –
Вот твои все и мечты.
Грубого, дерзкого,
Гадкого, мерзкого
Прикосновения
Ты не снесешь –
Скоро завянешь,
Скоро умрешь...
1909.

Сохранилось его письмо к ЕА (среди писем «неустановленных лиц»), написанное вскоре после переезда ЕА из Владикавказа в Нальчик: «Дорогой мой! Так грустно без тебя, что рука не поднималась писать. Странно

даже как-то думать, что теперь общение с тобой можно поддерживать почти исключительно письмами. Сердечный привет Наденьке Архипповой. Твой С. К.» (почтовые штемпели: 20.8.1915 Владикавказ. – 23.8.1915. Нальчик. На открытке с фотографией Ольгинской гимназии во Владикавказе. РГА-ЛИ Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 2). К.Л. Архиппова упоминает в письмах к М.А. Торбин о стихотворении С.И. Кудрявцева, посвященном К.Д. Балломнту (15 мая 1965. Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/974), и другом, опубликованном в апреле 1912 в однодневной газете «Белая ромашка» (6 июня 1965. Там же. КП 1530/976).

С. 24. **Прощание.** Первые три строки отчеркнуты карандашом. Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 2. Без названия, с подписью «Д. Щ.».

С. 24. **Лития.** Эпиграф из стихотворения М.А. Волошина «Себя покорно предавая сжечь...». Первое и последние четверостишия и две последние строки третьего отчеркнуты карандашом. В КЛ посвящено Д.А. Тарноградскому, перед названием стихотворения – название раздела: Λιτανεία (литания, греч.) – в христианстве молитва, состоящая из повторяющихся коротких молебных воззваний. В КЛ композиция цикла изменена: третье стихотворение тут – «В моей душе, где мирно пепел спал...», четвертое – «Смерти колючие руки», затем следуют «Парастас» и «Лития», но как отдельные стихи, а не части цикла «Автопортрет».

ДАЛЬНЯЯ МОРЕНА

РГАЛИ. Ф. 1458. Оп.1. Ед. хр. 5. Рукописный сборник подписан псевдонимом «Д. Щербинский». Дата и место издания обозначены так: «Тимиссао. 1925». *Тимиссао* – город в Африке, упоминаемый в приключенческом романе Пьера Бенуа «Атлантида». На обороте первой страницы книги – автограф Е.И. Васильевой – стихотворение «Опять, как в письме, повторяю я то же...», посвященное ЕА и датированное 6 ноября 1925 г. Получив от ЕА экземпляр ДМ, Черубина писала ему (это письмо ЕА вклеил в книгу ДМ): «4.X.<1925>. Дорогой друг! <...> Ваша книжечка стихов легла радостью в руки. Я ее скоро Вам пришлю, но еще не сразу. Она очень, очень хороша. Точно отчеканился Ваш стих, и отпали ненужные слова и туманность для понимания. Я не могу сравнить Ваши стихи с живым растением, но они похожи на что-то сделанное из серебра и хрустала. Особенно хороша "Россия" и "Томление". Я еще подержу книжечку – можно? <...> Я только не люблю таких оборотов, как "рук терему", "смерти погони", – но это придирки». (Цит. по: *Нешумова–2005*. С. 149). В недатированном письме к ЕА В.А. Меркурьева писала: «Евгений, что сказать словами о «Дальней Морене»? Ее можно только бережно принять и сложить в сердце, как редкую драгоценность,

изысканную и неуместную в простом доме. Она прекрасна *магически*, она волшебною сетью охватывает и внимание, и душу. Три: “Где-Когда?”, “России” и “Ус<ов>у” оставили меня, не тронув. Но остальные – непостижимы и неприемлемы для мира. Они откуда-то издалека дошли к нам, и мы не все даже слова понимаем, только чувствуем, что это какое-то Появление не нашего порядка. Но и не понимая, и чуждаясь, не преклониться нельзя». 16 октября 1925 г. В.А. Меркурьева писала к ЕА: «Себе даже не верю, что пишу Вам. Не поверите Вы мне, пожалуй, а все-таки не было у меня ощущения, что не было между нами переписки. Была ощутима все время та внутренняя близость, кот. делает возможным общение без внешних проявлений. Благодаря за письма и за прекрасную книгу “Д. М.”. Привлекала она меня чрезвычайно, и я с большой грустью отсылала ее (вчера Клодя сказала мне, что отправила), но как Вы могли доверить такой *единственный* экземпляр почте? И у меня не было выбора, задерживать до оказии не могла. Пожалуйста, известите меня о получении, до тех пор я буду беспокоиться. Мало и наскоро сказала Вам о книге, а больше не смогу: статью писать бы – сил нет, а отрывочные слова, когда перечитаешь их потом, кажутся такими несоответственными. Ценная это вещь, Евгений, но до того вне нашей жизни, что не придумаешь для нее места. Когда-нибудь какой-нибудь будущий Гершензон найдет ее и Ваши рукописи в сундуках какого-нибудь Ирининового потомка и будет по ним восстанавливать жизнь и внутренний мир “исключительной красоты поэта Анненского толка, но не его школы”. И будут тогда повторять “Еще растет, и шелестит, и стелется”. А кстати, не пойму я, какая это “кольчатая сеть”? Думается мне, что символ может быть каким угодно туманным и недоступным, но *образ* должен быть ясным и без недоговорок. Я не должна искать, разгадывать, какая это сеть, чего – а *разом* увидеть картину, а уже потом, приняв ст-ие все внешне, ловить и угадывать, *что* за словами, в какие символические одежды облеклось переживание, последним покровом накинувшее отчетливый, видимый образ. Простите, Евгений, это не поучение (мне ли и Вас ли?), а простое отношение читателя.

Хотела бы иметь обращенное ко мне (пепельную царицу), “Еще растет”, да все! кроме трех, оставивших меня равнодушной. Но это *не* просьба и не намек. Когда-нибудь будем опять жить в одном городе и тогда я найду время выписать» (см наст. изд.: Т. 2. С. 253–254.). Эпиграф к книге – из стихотворения В.А. Меркурьевой «Кровавый выем белого венца...» (*Тщета*. С. 264).

С. 26. **Вере Меркурьевой.** Стихотворение включено в КЛ (под названием «Кассандре», с двумя эпиграфами: «И колосится церковь смерти» (И.Э.) – из стихотворения И.Г. Эренбурга «Остались – монументов медь...» (1922); «Ступив своей жизни мимо, / навстречу смертной косе – / давно я живая мнимо / и только кажусь, как все» (К.) – из стихотворения В.А. Меркурьевой «Как все», посвященного ЕА), под стихотворением здесь обозначено «место» создания: Танезруфт; чернилами другого цвета

приписано: «Кассандра ушла... <1>943»), БКиП и – под названием «Пепельной царице» – в книгу «Портреты Веры Меркурьевой. Янтарь и пепел. 1927» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 34–36). Две последние строки второго, третьего и четвертого четверостиший отчеркнуты карандашом. Строка «Ты стелешь строф поющую парчу» подчеркнута. Напротив нее на полях запись Е.И. Васильевой: «Как хорошо». В 15 строке исправлена описка, допущенная в ДМ: «но» вместо «не» (в КЛ – правильно: «не»).

- С. 26. **«В моих глазах я знаю анфилады...»**. Другие автографы – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2; в сборнике «Стихотворения» (1922, посв. К.Л. Иовиной – Там же. Ед хр. 4) и ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–2об. В двух последних с датой и эпитафией из М.А. Волошина: «В твоих глазах танцуют арлекины» (из его стихотворения «Двойной соблазн – любви и любопытства...»). В ДМ 6-я строка отчеркнута.
- С. 27. **Где – когда**. Другой автограф (с правкой) – ГЛМ. Ф. 490. Оп.1. Д. 11. Л. 2–2об. Первоначальный вариант 3-й строки: «Но хочу еще любоваться» исправлен на окончательный. В 4 строке вместо «сияние» – «слияние». Первоначально в 12 строке: не «заревые», но «золотые» миры. 14 строка: немая. Дата под стихотворением: Понедельник. 26/VI.
- С. 28. **«Не томлюсь, не ищу поцелуя...»**. Другие автографы – в сб. «Стихотворения» (1922, посв. К.Л. Иовиной – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп.1. Ед хр. 4) с эпитафией «Но я иду по шаткой пене моря...» из стихотворения А.А. Фета «Томительно-призывно и напрасно...». Список рукой К.Л. Архипповой – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–1об. С тем же эпитафией. Разночтения: в 4 строке «зубчатые» вместо «разжатые», в 11-й «в порыве» вместо «ночную», дата под стихотворением «Четверг». Усов писал ЕА 20 июля 1932 г.: «В отношении единства и цельности (новые качества Ваших стихотворений, к укоренению которых Вам, мне кажется, следует стремиться) я бы выделил: “Стоять на берегу”, “Не томлюсь, не ищу...” и “Мое сердце будет мучиться”. “Не томлюсь, не ищу” — совершенно женское стихотворение. И здесь Вы, конечно, невольно вторите голосу Черубины, каким мы слышали его в самые последние годы. И она, конечно, узнала в нем себя» (Усов. Т. 2. С. 585). В ДМ 6 строка подчеркнута Черубиной.
- С. 28. **«То имя, что я дам, пронизет грудь твою...»**. К.И. – Клавдия Лукьяновна Иовина (Архиппова). Под стихотворением дата обозначена так: «Октябрь<,> четверг». Другой автограф – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Л. 3–3об. – с датой «Четверг. Октябрь <1922>». Стихотворение публикуется по этому варианту (с заменами в 9 и 10 строках: вместо «со мной поэмой» (как в ДМ) – «с моей поэмой» и вместо «о олове» (как в ДМ) – «и олове»). Д.С. Усов писал 21 июля 1932: «Не нравится сплошная женская рифма в последнем четверостишии стих<отворен>ия “То имя, что я дам” (и она

идет снова после двух куплетов, где женские рифмы сталкиваются: “киота” – “дали”» (Усов Т. 2. С. 597).

- С. 29. **Россия.** Опубликовано в статье: *Нешумова–2005*. С. 160. *Эрн Владимир Францевич* (1882–1917) – философ, соученик ЕА по Тифлисской гимназии и Московскому университету. Его 8 писем ЕА см. в наст. изд. Помета Черубины: «Это мое любимое здесь». Третья строка ею подчеркнута.
- С. 30 **Томление.** *К.А.* – К.Л. Архиппова. Эпиграф – из стихотворения Б.Л. Пастернака «Мне снилась осень в полусвете стекол...». Посвящение М.О. Гершензону, видимо, приписано позднее – чернилами другого цвета (весь же сборник написан фиолетовыми и только заглавия – красными чернилами). Помета Черубины: «А это так хорошо по ритму». Последние две строки отчеркнуты двумя чертами карандашом. Другой автограф – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 11. Л. 3–5об. Разночтения: посвящения Гершензону нет, в 4 строке вместо «сердца» – «тела». Опубликовано в статье: *Нешумова–2005*. С. 161.
- С. 30. **Д.С. Усову.** <Апрель 1925>. Включено и в БКиП; фрагмент стихотворения с ошибочной датировкой опубликован в статье: *Нешумова–2005*. С. 128. Помета Черубины: «И это люблю». О Д.С. Усове и его и его взаимоотношениях с ЕА и Черубиной: *Нешумова–2005*; *Хранитель*; а также кн.: *Усов. Ты был у моей постели* – единственное (многодневное) свидание с Усовым у ЕА было летом 1928, поэтому «был» здесь надо понимать как присутствие голоса Усова в его письмах, перечитываемых ЕА во время болезни.
- С. 31. **Тишина.** *Лозина-Лозинский Алексей Константинович* (полная фамилия Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский; 1886–1916) – поэт, прозаик, критик. Отчеркнуты две последние строки. Включено в БКиП и КЛ (здесь с эпиграфом из стихотворения ЕА «Прощание»: «...Когда лебедь прольет свое пенье / и спадут стеклянные путы»; 8-я строка здесь: «раскроет тайный черный лед»). *Лития* от греч. λητή, усердное моление, в православном церковном богослужении часть всенощного бдения накануне праздников, следующая за ектениями.
- С. 32. **Иннокентию Анненскому.** <Ноябрь 1924>. В БКиП как вторая часть диптиха «Иннокентию Анненскому», первую часть которого – «Сожженные цветы падут перед портретом...» под названием «Полиелей» см. выше, в составе книги КиС. В КЛ под названием «Взглядов мена». Опубликовано в кн.: *Иннокентий Анненский глазами современников / К 300-летию Царского села*. Сост., подгот. текста Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой, М.А. Выграненко. СПб., 2011, с. 500. *Взглядов мена* – из стихотворения М.А. Кузмина «Я – заказчик, ты – купец: нам пристала взглядов мена...».

[СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ПОПАВШИЕ В КНИГИ 1922–1924 ГОДОВ]

- С. 33 «**Растянуться в траве и ждать...**». Автограф – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–1об.
- С. 33. «**Люблю Шуваловский проезд...**». Автограф неизвестен. Список рукой К.Л. Архиповой – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–2об.
- С. 34. «**Ты идешь Саломей походкой...**». Автограф и полный текст стихотворения неизвестны. Д.С. Усов в недатированном письме к ЕА (октябрь 1924) передает эти стихи, которые он узнал от Е.А. Бекштрем (Усов. Т. 2. С. 263).

ОБИДЫ РАСЕ

Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 8. Рукописная книга, выпущенная под псевдонимом Д. Щербинский; «с примечаниями и комментарием Евгения Архипова и вступительной статьей Регины де Круа». *Регина де Круа* – один из псевдонимов ЕА. Место и дата обозначены так: «Остров Орплид. / 1930». *Остров Орплид* – придуманная поэтом Мёрике страна грёз. *Расе* – мир (*итал.*); статуя богини мира в Царском Селе на дороге от Эрмитажа к озеру, воспетая И.Ф. Анненским и *Василем Алексеевичем Комаровским* (1881–1914). В рукописной книжечке «Μνημόνευμα», составленной ЕА, есть анонимная (вероятные авторы – В.А. Меркурьева и А.С. Кочетков) «Эпиграмма на участников кружка Расе»: «Назвать их надобно иначе / в моей крутой словесной хватке, / не слуги то богини “Паче”, / а просто жалкие початки», подписанная: «Расе. 1935–1939» (РГАЛИ. Ф. 2209. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 82об.).

С. 35. **Préface. Préface** – предисловие (*франц.*); в оглавлении книги названо иначе: «Вступление в книгу стихов: ОБИДЫ РАСЕ». Эпиграф к предисловию из стихотворения ЕА «Тоска круглого газона». «Город муз» – книга Э.Ф. Голлербаха о Царском Селе (1-е изд. 1927; 2-е изд. 1930, оба – Л.). *И равнодушная, она не обещала...* – цитата из стихотворения В.А. Комаровского «Статуя» (1914). *Кассандра* – В.А. Меркурьева. Начинаясь сборник со стихотворения «Память о Царском Селе», затем следовал короткий (без первых пяти строк) вариант стихотворения «Mon Versailles», которое мы публикуем ниже, среди стихотворений середины 1930-х годов, в полном его варианте. Третьим шло стихотворение «С поющей нескорой отравой...», включенное ранее в сборник КиС под названием «Поминование».

С. 36. **Память о Царском Селе. К.А.** – К.Л. Архипова. Карандашная запись В. Меркурьевой: «*Не нравится: “отвага облаков”, хороши “царствующие*

гении беды». Эмаль не может расцвечивать сагу». Второй автограф – РГА-ЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 7. (Рукописная книга, на обложке которой значится: «28. Стихотворения. 29»). Посвящение: «Во имя той птички / что спустилась / на плечо / Кифареда / 8.IV. 1929». Посвящение всей книги *Клавдии Лукиановне Архиповой*. Кроме 3-х стихотворений 1928–1929 г. («Память о Царском Селе», «Сергею Соловьеву», «Утро после смерти») в книгу позднее вписано стихотворение 1933 г. «Воспоминание об Учителе»).

- С. 37. **Шаги Расе**. Другие автографы – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 8–11 и Ед. хр. 2. Л. 129. *Беата* – от *beatus* – блаженный (лат.), возможно, отсылка к картине Д.Г. Россетти «*Beata Beatrix*» (Блаженная Беатриса), героиня которой (умершая жена художника) изображена с опущенными глазами. Это имя встречается в стихотворениях Усова (*Усов*. Т. 1, с. 67) и Бориса Олидорта, который, так же, как и ЕА, продолжал тему особого отношения к «полуразбитой» статуе, восходящую к Анненскому и Комаровскому:

Преодолев ночную дрему,
Светильники мои гася,
Влечет забытая стезя
Меня к покинутому дому.

Олив и кипарисов ряд...
Осколки позабытых статуй:
За Клеопатрой и Беатой
Наземь поверженный Сократ.

Земные дали позабыты...
Клонюсь в томительной тоске
К холодномраморной руке
Полуразбитой Афродиты...

(*Олидорт Б.* Геммы. М.: изд. В. Португалова, 1912 (на обложке: 1911), с. 7–8).

Геката – древнегреческая богиня лунного света. Мотивно стихотворение перекликается с сонетом Д.С.Усова «Нине Волькенау» (*Усов*. Т. 1. С. 148–149; см. о нем: *Нещумова Т.Ф.* Из комментариев к поэтическим текстам 1920–1930-х годов (Осип Манделштам, Владислав Ходасевич, Дмитрий Усов, Борис Пастернак) // РЛ. 2007. № 3. С. 191–200). В Ед. хр. 2 в 23 строке вместо «сон» – «свет»; здесь без посвящения. Включено и в КЛ, с посвящением Усову.

- С. 38. **Vestes Coronariae**. Другой автограф: ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–1 об. Здесь над эпиграфом подзаголовок: Обручение. Первоначальные ва-

рианты в 3 строке вместо «бедной»: «тайной», «ветхой». В последней строке вместо «семизвездный – синий» – «семизвездно-синий». *Vestes Coronariae* – одежды венчалные (*лам.*). Комментарий Меркурьевой: «Прекрасная строгая вещь, но нельзя: “единый – синий”».

С. 38. **Statuae Lunari.** <Лето 1922>. *Statuae Lunari* – статуе луны (*лам.*). Комментарий Меркурьевой: «Нельзя “сплав льда и огня”, образ должен быть конкретно точен (хотя бы и неверен)». Другой автограф: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 3. Здесь без названия. Последняя строка: «или райская Ты Лилит?». Подпись под стихотворением: «Д.Щ.», карандашом приписка: «лето 22 г.». Другой автограф – ГЛИМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–1об. Первоначально последняя строка: «Или пленная ты Лилит?». На отдельном листке пояснение К.Л. Архипповой: «Стихотворение Евгения Яковлевича Архиппова, посвященное К.Л. Архипповой. (Одно из последних и подарено ей в День рождения)». Но, конечно, это не «одно из последних» стихотворений ЕА.

С. 39. **«В моей душе, где мирно пепел спал...».** <1922>. Эпиграф из стихотворения Е.И. Васильевой «Прислушайся к ночному сновиденью...». Комментарий Меркурьевой: «Это удивительно. Одно из самых цельных по сдержанному натяжению». Включено в качестве третьего стихотворения цикла «Автопортрет» в КЛ. Здесь посвящено Андрею Звенигородскому. Правка: черновой вариант начала 11 строки: Закатный день, 12-й: вместо «Ангелов» – зачеркнутое «день всех». Другой автограф с правкой – ГЛИМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–2об. В 11 строке первоначальный вариант вместо «Паденье звезд»: «Последний день», второй зачеркнутый вариант: «Закатный час». В 12 строке: вместе «Ангелов» первоначальные варианты: «день всех», «час всех». См. также письмо ЕА к Звенигородскому от 15 мая 1944 в наст. изд.

С. 39. **«Моя тоска – твоим рукам...».** Помета Меркурьевой: «Прекрасное, уводящее за собой». Второй автограф с правкой – ГЛИМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 4. Л. 3. Здесь после первого четверостишия следует строфа, заключенная в квадратные скобки, с пометой: «опустить»:

В твоих руках – мой тайный храм
и боль в глазах зеркальных.
Я поклоняюсь жемчугам
озер холодно-дальних.

Измененные последние строки стали эпиграфом к стихотворению. Первоначальный вариант 6 строки: вместо «туманам» – «ладоням». Листы автографа здесь предварены листом с фотографией К.Л. Архипповой и ее объяснением: «Стихотворения Евгения Яковлевича Архиппова, посвященные К.Л. Архипповой (1918–1922 гг.)».

С. 40. **Евгению Баратынскому.** Первый эпитафия – неточная цитата из стихотворения Черубины «По старым иду мостовым...». Второй – из стихотворения Андрея Белого «Пустыня». Помета Меркурьевой: «Об этом странно сказать: хорошо, не подходят слова ободрения. И все-таки – хорошо. Такова судьба наша: любоваться отраженным страданием и страхом».

С. 40. **Сергею Соловьеву.** Включено в «28. Стихотворения. 29» и КЛ. Разночтения: в КЛ: в 9 строке вместо «же пробудится» – «выше поднимется», под стихотворением подписано место создания: Киммерия (т.е. Крым) и зафиксирован еще один вариант начала этой строки: «О, пусть...». Помета Меркурьевой в ОБР: «Очень верно: птице за птицей пути знакомой, их чертог – пустынный». Опубликовано на сайте «Поэзия МГУ» с неточностями. В *чадном альбоме* – возможно, в альбоме З.И. Рукавишниковой, дружившей и с ЕА, и с С.М. Соловьевым.

С. 41. **Стигийский завтрак.** Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 21. Здесь с названием «Стигийский Мрак» и дополнительной, перед последней, строкой:

О как бы хотел разлучиться
с тревогой, с чадающей тоской!
Обиженной Расе молиться,
закрыться в покой голубой!

4 строка: о мраке Стигийских полей. 7 строка: вместо «одеяло» – «покрывало». Последняя строка: «будто Стиковы камни кладу». Эпитафия из стихотворения И.Ф. Анненского «Расе». *Стигийский* – загробный (от названия реки Стикс). *Эреб, Орк* – другие названия Аида, царства мертвых.

С. 41. **Сквозь строй дождя.** Помета Меркурьевой: «Все принимаю, кроме “погонь”». Другой автограф – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 138. В последней строке здесь нет кавычек. «*И вот те страшные ступени / в вокзале Царского Села*», где от сердечного приступа умер И.Ф. Анненский. Ср. в сонете Анненского «Желание жить» ту же, что и здесь, рифму: «пени – ступени»; «*безлюбая*» из одного из последних стихотворений Анненского «Моя тоска».

С. 42. **Молитва на берегу.** Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 11. С названием «Туман на море» и эпитафией «Мне любо, что брызги зеленой волны / словно слезы мои, солонь» из стихотворения А. Ахматовой «По неделе ни слова ни с кем не скажу...» (1916). *О, ignis sanans, Sol!* (*лат.*) – о, целящий огонь, Солнце. *Франциск* – Франциск Ассизский.

С. 42 **Тоска круглого газона.** Помета Меркурьевой: «Бесценное стих<отворе>ие, большое очарование в его прямых линиях». Включено в КЛ. Здесь с подзаголовком «Расе» и посвящением Вс.А. Рождественскому. *Рождественский Всеволод Александрович* (1895–1977) – поэт, мемуар-

рист. Его 70 писем к ЕА с лета 1926 по январь 1935 г. (т.е. вплоть до ареста их общего друга Д.С. Усова, после чего, видимо, переписка показалась небезопасной и либо прекратилась, либо не сохранилась): РГАЛИ. Ф. 1458. Оп.1. Ед. хр. 74. Частично опубликованы в комментариях к изд.: *Рождественский Вс. А. Стихотворения* (Большая серия «Библиотеки поэта»). Л., 1985 и *Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...»*. Т. 1, 2. М., 2011. Перед эпиграфом из Комаровского здесь еще один, из стихотворения И.Ф. Анненского «Расе»: «Богини изваянье / над сердцем сладкое имеет обаянье». Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп.1. Ед. хр. 10. Здесь место создания обозначено так: «Каменоломня Танезруфта» (о *Танезруфте* см. комментарий к сборнику КиС). Разночтения в 14 строке: в КЛ – «слоеных», в ед. хр. 10 – «слоистых».

С. 43. **Ad Lilium Auratum.** К лилии золотистой (*лат.*); название цветка отсылает и к домашнему имени Е.И. Васильевой – Лиля, на ее смерть и написал цикл.

С. 43. **«Беата, Расе, Черубина...».** Другие автографы – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп.1. Ед. хр. 2. Л. 134. Здесь с названием «Призраки сердца и тлена»; Там же. Ед. хр. 10, здесь название опущено и эпиграфа нет. Так же без названия включено и в сборник КЛ. Здесь с эпиграфом: «Чья-то лазурная жизнь зыблется в ясной воде. / Пентадий» – из стихотворения позднеантичного поэта Пентадия (конец III – начало IV в.) «Могила Ацида» (пер. В. Брюсова). В КЛ 13 строка без слова «моя», в 15 строке вместо «звук» – «звон». Опубликовано в статье: *Нешумова–2005*. С. 152. *Таиах* (Тайа) – египетская царица, жена фараона Аменхотепа III. Привезенный Волошиным в Коктебель из Берлина слепок, однако, как полагают ныне египтологи (<http://victorsolkin.livejournal.com/476412.html>), изображает не Таиах (ее Волошин воспел в одноименном стихотворении), а царицу Мутноджемет, младшую сестру Нефертити.

С. 44. **Утро после смерти.** Включено и в КЛ, и в «28. Стихотворения. 29». Эпиграф – из стихотворения В.А. Меркурьевой «*Поскорей, ведь счастье так хрупко...*». 8 строка в «28. Стихотворения. 29»: Вместе шедший к Дамаску? В КЛ названо «Ad Lilium Auratum», за этим названием следует эпиграф: «И смерти радостному чуду цветы сладчайшие отдать. / Ч. де Г.» (неточная цитата из стихотворения Черубины «Она ступает без усилия...»), а после эпиграфа название «Утро после смерти» отнесено вправо, как эпиграф. Опубликовано на сайте «Поэзия МГУ». Ч. – Черубина де Габриак, скончавшаяся 5 декабря 1928.

С. 45. **Успение.** Эпиграф из стихотворения Е.И. Васильевой «Прислушайся к ночному сновиденью...», посвященного ЕА. Под стихотворением обозначено «место создания» – «СПБург. Спас на Водах», однако так как в тексте есть знание о будущей смерти Черубины, произошедшей 5 декабря 1928,

а единственная в жизни ЕА поездка в Ленинград совершилась летом 1928, место создания нужно считать не реальным, а символическим, или считать, что стихотворение было начато в Ленинграде, а закончено позже. Помета Меркурьевой: «Прикоснуться – нельзя. Стих перестал быть стихом, стал легкой, почти несуществующей оболочкой духа». *Ангел белый* – ангел Александровской колонны в Санкт-Петербурге. *Дом твой ... на углу канала* – Е.И. Васильевна жила на углу Набережной Красного Флота, д. 74, кв. 7. Список рукой К.Л. Архипповой – Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А.Торбин. КП–1531/8. С ошибочной датой (июль 1928) – перенос даты эпитафии на дату стихотворения.

- С. 46. **Свидание с Расе.** Второй автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 32. Эпитафия из стихотворения И.Ф. Анненского «Расе. Статуя мира». «*Le Génie de la Paix*» – гений мира (франц.). *Еще четыре сердца привлечены к тебе* – встретившиеся в Царском Селе летом 1928 г. ЕА, К.Л. Архиппова, Д.С. Усов, А.Г. Усова.
- С. 48. **Мифическая история Расе.** *Любкер* – обиходное название «Реального словаря классических древностей для гимназий» (Reallexicon des Klassischen Alterthums für Gymnasien), составленного и изданного в 1854 *Фридрихом Любкером* (1811–1867) – немецким филологом, педагогом и историком античности (последующие издания: 1860, 1874, 1877, 1882, 1914; на рус. яз. – 1885).

[СТИХОТВОРЕНИЯ 1930–1940 ГОДОВ]

- С. 49. **Воспоминания об Учителе.** Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 15–15 об. Второй автограф – Там же. Ед. хр. 10. Л. 32–33 об. Здесь без названия и без 3-й строфы, но с эпитафией из Вс. Рождественского: «В бесплодном океане / есть отмель – Коктебель» и подписью под стихотворением «Киммерия». 18 строка: вместо «всё твое» – «милое»; строки 19–24: «И ужель не разорвется в треске / Карадага древнее кольцо?... // И ужель не увидаться снова; / Не сидеть у ног Твоих? / Вот залив – лазурная подкова, / и прибой жемчужный не затих! // Лишь стихи, подобные лавине/ грохотанье повторяет в годах. / В них услышат, как и ныне, / Кифаредов шаг».
- С. 50. **Белейшему Лебедю.** Первый эпитафия – из «Баллады» («Мостки есть в саду, на пруду, в камышах...», 1903) З.Н. Гиппиус, второй – из драмы А.А. Блока «Песня судьбы». Второй автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 4: без названия, с одним эпитафией из З. Гиппиус.
- С. 50. **Поздно вечером.** <1935>. Посвящено К.Л. Архипповой.

- C. 51. **Veneri Verticordiae.** *Veneri Verticordiae* – Венере, отворачивающей сердца (*лат.*). Венера Вертикordia – защитница женской чести у древних римлян. После этого стихотворения следует запись: «По свидетельству В.Н. Княжнина, еще летом 1901 г. Б<лок> уверен был, что “новая эра началась, старый мир рушится”». *Владимир Николаевич Княжнин* (псевдоним – Ивойлов; 1883–1942) – историк литературы, критик, друг Блока.
- C. 52. **Музе.** Над стихотворением записан еще один эпитаф: Я sny ловить устал... / Петrarка. Другой автограф – Там же. Ед хр. 10. Здесь с названием «Призывание Муз. Серена III» и единственным эпитафом из Петrarки. Эпитафы из стихотворений В.Ф. Ходасевича «Молитва» и А.А. Блока «Сердце предано метели».
- C. 53. **К портрету Мадонны Лит<т>ы.** Другой автограф – Ф. 1458. Оп.1. Ед. хр. 10. Л. 23–24, без названия. В КЛ с названием «Моление к мадонне», с посвящением К.Л. Архипповой и эпитафом «Очнешься <-> вновь безумный, неизменный, / и за сердце хватающий полет» – из стихотворения А.А. Блока «Миры летят. Годы летят. Пустая...». *Мадонна Литта* – картина Леонардо да Винчи из собрания семьи Литта. С 1865 г. находится в Эрмитаже.
- C. 53. **Моление к Голубой Розе.** *Голубая роза* – символ поэтической мечты о несбыточно-прекрасном, ср. такое же название объединения русских художников-символистов, данное по одноименной выставке, состоявшейся в Москве в 1907 г. *Mater Dolorosa* – мать скорбящая (*лат.*). В подлиннике подзаголовки этого и последующего стихотворений «Серена I» и «Серена II».
- C. 54. **Дворик в Ленэе.** Другой автограф, с названием «Дворик в Ленэях» – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 25. *Ленэей* (или Ленэями) ЕА называл свою квартиру на Линеиной улице, 3 в Орджоникидзе. *Хирам* – см. ниже, комм. к стих. «На Венере». *Миракль* – средневековое религиозно-назидательное представление о чуде, совершаемом одним из святых или Девой Марией.

ИЗ КНИГИ «КАМЕННАЯ ЛИРА»

Каменная лира – рукописный сборник, подписанный Регина де Круа. На «тителе»: «*Várbiton líthivon*. Джудекка». Т.е. «каменный барбитон» (*греч.*); барбитос или барбитон – многострунный щипковый инструмент, похожий на лиру. *Джудекка* – остров возле Венеции. Так как многие стихотворения сборника были включены в более ранние книги ЕА, мы описываем здесь композицию книги, но публикуем только уникальные тексты. Книга «Каменная лира» открывалась предисловием «*De nomine et vita Reginae*» [Об имени и жизни Регины. *Лат.*] и лесом эпитафов: 1) Камнем ставший сон... / «Дымы лучей»

2) Столетий каменный хорал / М. Лозинский, 3) Хочу, чтоб расцвели все пышным жаром раны... / Сквозь пышный арум ран и ближе, и виднее / мои миражные, безвыходные страны. / Е.А. 4) Что ж мир? – Я все ему простил / за хрупкие хрустальные раздумья... / Д. Щ. (Д. Щ. – Дмитрий Щербинский). Первый – из стихотворения ЕА «Мое сердце будет мучиться...», второй – из стихотворения М.Л. Лозинского «Я видел пламя вечных скал...» (1908; опубл. в его кн.: Горный ключ. Стихи. Пг., 1922. С. 102), третий и четвертый – опять из ЕА, однако тексты этих стихотворений нам не известны. Далее следовали стихотворения: «Mon Versailles» («Вот колыхнулся въявь тот сон крылатый...»), 1935 (в оглавлении название стихотворения дало название разделу книги); «Шаги Расе»; «Затменная улыбка»; «Ландыши воду пьют...»; «Осень в парке»; «Как Данте простираю руку...»; «Явление античности»; «Полиелей» («Сожженные цветы падут перед портретом...»), «Взглядов мена» («В холодной комнате усталый твой портрет...»), «Месса по Анненском», «Пепельный бал», «Арсению Альвингу» («Пепельный снег за окном сердце уносит в полет...»); «Имя» («Дождь непроглядный идет, и небесные очи затмились...»); «Моление к Мадонне»; затем – раздел «Αἰταναία» с эпиграфом «К сердцу своему / он прижимал поспешно руку, / как бы его смиряя муку...» (Пушкин). В этом разделе: «Автопортрет» («Лицо, закрытое для мира...»), «Стух et sagittae» (Крест и стрелы, *лат.*; «Во мне тоскует кровь святого Себастиана...»), «В моей душе, где мирно пепел спал...», «Смерти колючие руки...», «Парастас» (Что мне осталось с Вами...), «Лития» (На дрогах, на строгих клячах...); затем следовал раздел «Ἀγαπητοῦς Ι» (Любимым, *греч.*) с двумя эпиграфами: 1. Здесь на земле мы все одни / и накануне вечной встречи. / Черубина. 2. Как снов твоих хрустален караван! / Е.А. В этом разделе: «Бессонница»; «Черубине» («Твое лицо теперь закрыто от меня...»); «Ad Liliū Auratum» (со вторым названием – «Утро после смерти» – «Бледный рассвет идет...»); «Беата, Расе, Черубина...». Затем следовал раздел «Ἀγαπητοῦς ΙΙ» с эпиграфом: Каких фиалковых полей / Касаешься крылами ты своими? / Черубина. В это разделе: «Фету»; «Люзина-Лозинскому» (второе название: «Тишина»); «Сергею Соловьеву»; «Ланцет и Лира» («Все не могу понять...»); «Владимиру Соловьеву». Затем следовал раздел «Ῥόδον χρύσεον» (Золотая роза, *греч.*) с эпиграфом «Бессмертен воздух розоватый» (Вс. Ρ<ожественский>). В этом разделе: «Второе свидание»; «Призывание Музы Ι» (второе название: «Серена ΙΙ»); «Призывание Музы ΙΙ» (второе название «Серена ΙΙΙ»), «Тоска круглого газона», «Кассандре» («Открыть твои парчовые страницы...»). Заклучало книгу послесловие «De Reginae carminibus» (О песнях Регины, *лат.*), подписанное «Атьян Зорэ. Киммерия».

С. 57. **Mon Versailles.** Эпиграфы – из стихотворений Ахматовой «Пусть голоса органа снова грянут...» (1921) и Бальмонта «В моем саду» (цикла «Трилистник», сб. «Будем как Солнце»; опубл.: 1903). Другой автограф – Там же. Ед. хр. 14. Л. 67об.–68. Здесь оставлен только эпиграф из Бальмонта. В

9 строке, видимо, описка: вместо «земли» – «воды». Стихотворение в сокращенном варианте (опущены первые 5 строф и эпитафии) включено и в сборник ОБР. В КЛ с эпитафией «Проходят тени длинной чередой / старинной поступью оживших изваяний...» (из стихотворения Арс. Альвинга «Сад покинутой дачи») и посвящением Якову Максимовичу Архиппову. Другие эпитафии здесь сняты. В ОБР, КЛ и ед. хр. 14 в 22 строке вместо «клонятся» – «шелестят».

С. 59. **Затменная улыбка.** Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 82об.–83об. Эпитафии из стихотворений В.А. Меркурьевой «Во власти слов» и ЕА «Клодиньке гиперборейской».

С. 59. **«Ландыши воду пьют...».** Включено в КЛ с посвящением «Владимиру Францевичу Эрну». Эпитафия – из стихотворения И.Ф. Анненского «Бронзовый поэт». Опубликовано в статье: *Нешумова–2005*. С. 157–158. В сборнике РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 118об.–119об. стихотворение посвящено «Черубине де Г.»; Разночтения: 1 строфа: Призраки снова плывут, / призраки сердца и плена. 3 строфа: Айдесской рекою. 4 строфа: в последнем слове ударение над «ю». Дата: <1>935. Июнь. Т<анезруф>т. Перед стихотворением здесь еще выписан возможный эпитафия:

Озер студеньих сила
с благословеньем дня
на ландыше почил
.....

Но ландыш так послушен
в неведение обид.

Сев. Цветы.
Д. Ф.
1903

Это – цитаты из стихотворения Дмитрия Фридриха «Ландыш» (Северные цветы. Третий альманах книгоиздательства Скорпион. М., 1903. С. 157–158; благодарим А.Л. Соболева за подсказку источника цитаты), по воле цитирующего переставленные друг относительно друга местами. *Айдесской* – от Ἀίδης или Αἰδής, Аид.

С. 60. **Осень в парке.** Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп.1. Ед. хр. 2. Л. 133. Источником первого эпитафия установить не удалось. Второй – из баллады К. Случевского «Князь». Другой вариант – Там же. Л. 119–119об. Здесь с эпитафией: «Прекрасная рука! Разжала ты / и держишь сердце на ладони тесной» (Петрарка) – из сонета СХСІХ книги «На жизнь Мадонны Лавуры» в пер. Вяч. Иванова. Включено в КЛ. Еще один автограф – Там же. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 5. Так же с эпитафией из Петрарки. Опубликовано в статье: *Нешумова–2005*. С. 159.

- С. 61. «**Как Данте простираю руку...**». Первый эпиграф из сонета Ф. Петрарки «На жизнь мадонны Лауры (LXXV)» (пер. В.И. Иванова). Второй – неточная цитата из стихотворения Б.А. Садовского «Сражен я златокудрым Фебом...». Другой автограф: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 10. Здесь посвящено «Валерию Брюсову» и имеет единственный эпиграф «Согнул бессмертный лук чугунный Кифарэд...» из стихотворения Вс. А. Рождественского «В зимнем парке». Еще один вариант в машинописном сборнике КЛ. Здесь к эпиграфам из Садовского и Петрарки добавлен еще один, из стихотворения В. Брюсова «Поэту»: «Как Данту подземное пламя / Должно тебе щеки обжечь!». Причем эпиграфы из Петрарки и Садовского взяты в фигурные скобки. Третий автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 3–3об. Без названия, с единственным эпиграфом из Петрарки.
- С. 62. **Явление античности.** Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 11–13. Разночтения: перед строкой 20, которая тут начинается без союза, на отдельной строке: «и рядом»; глагол в строке 25 не «упадет», а «упадает»; строка 47 отсутствует. Эпиграфы – из стихотворений Ф.И. Тютчева «Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья...», М.А. Волошина «В янтарном забытии полуденных минут...», В.В. Бородаевского «Нынче Горе мое нарядилось...». Джорджо Барбарелли да Кастельфранко, более известный как *Джорджоне* (1476/1477–1510) – итальянский художник, представитель венецианской школы живописи. Фрагмент I (от строки «Тот же, что прежде» до слов «закроются мои глаза») включен в сборник ОбР с названием «Явление Античности. Симфония. Гл. II» и имеет посвящение В.А. Меркурьевой. Разночтения: вместо строк 19–20 следуют три строки: «и плеск, и блики, / и рядом / пронзительная музыкальная тишина...». Включено в КЛ (с посвящением Меркурьевой, но без эпиграфа из Бородаевского). Разночтения: после 8 строки здесь следует строчка: «как нежащая боль,»; 19 строка: «и плеск, и блики,», после нее следует строка: «после»; строка «Отходят трубные звуки» отсутствует; строка 49: «готовится <в> путь»; строка 52: без слова «тонкое»; без слова «блаженным» в 55 строке.
- С. 64. **Пепельный бал.** <Не ранее второй половины февраля 1934>. Автограф этого и последующих стихотворений, включая «Дворик в Лензе», – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 114–135. Первый эпиграф из стихотворения А.А. Ахматовой «Заплаканная осень, как вдова...», второй и четвертый – из «Среди миров» и «Зимнего поезда» И.Ф. Анненского, третий – из «Надо мною как облако...» Ф. Сологуба. ЕА колебался, какой набор эпиграфов оставить к этому произведению. На странице, предшествующей «Пепельному балу», записано фиолетовыми чернилами: «Все эпиграфы снять, оставить 1) И бредет за дальним полюсом / Солнце сердца моего, / лдяным скованное поясом. / А. Блок [из стихотворения «Настигнутый метелью»]. Сохранить 3-ий эпиграф: / Стану долго». Зеленными чернилами

ми: «С какого берега / принес Амур слепительного снега / и теплой плотью снежность ожила / Петrarка» [ССХХ сонет из книги «На жизнь мадонны Лауры» в пер. В.И. Иванова]. В КЛ эпиграф из Блока соседствует с другими: «Доверься тишине, она одна звучна! / М. Л.» (с ошибкой в подписи: это строчка из стихотворения не М.Л. Лозинского, но А.К. Лозина-Лозинского «Есть в мире музыка безветренных высот...»), «И реквием метели ледовитой. / Зимние сонеты» (из стихотворения Вяч. Иванова «Незримый вождь глухих моих дорог...» и «...Тишайший снег... / Забвенье боли и забвенье нег – / за это жизнь отдать не мало. / А.А.» (из стихотворения Ахматовой «Заплаканная осень, как вдова...»). *Силенциальный* – от *silentium* (молчание, *лат.*). Датируется на основании последующих записей в тетради.

- С. 66. **Арсению Альвингу**. Другие автографы – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 53об. и Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 6. Оба – с названием «Снег» и без посвящения. Черновой автограф – Там же, Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 43а. Разночтения: 1 строка – «Радостный» вместо «Пепельный». Первоначальный вариант окончания 2-й строки взят в скобки: (бурно, нетленно и спешно); «нетленном» вместо «кистленном». Об Альвинге см. прим. 69 на с. 477. *Вяч. Великолепный* – Вяч. Иванов, так его называет в стихах В.А. Меркурьева. Эпиграф из стихотворения Вяч. Иванова «Мне Смерть в ответ: “Клянусь твоим оболком...”».
- С. 66. **Имя**. Включено в книгу «Семь обращений к Е.А. Юрченко». Другие автографы – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 52об. и Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 7. Оба – под названием «О имени твоём». Черновой автограф – Там же, Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 43а. В скобках над концом 2-й строки первоначальный вариант ее окончания [нимбом опаловом скрыто].
- С. 68. **ΑΓΑΠΗΤΟΙΣ**. *Αγαπητοῖς* – любимым (*греч.*). Эпиграфы к разделу из стихотворения Е. Васильевой «В невыразимую пустыню...» и ЕА «Вере Меркурьевой».
- С. 68. **Бессонница**. Эпиграф из стихотворения К. Липскерова «Закрыв глаза, я снова различаю...». Без эпиграфа и посвящения включено в сб. Ед. хр. 10 (здесь подпись под стихотворением: Джудекка. 101 год, т.е. со дня смерти Пушкина: 1938-й). Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 80об.–82. Здесь без посвящения Волошину и со вторым эпиграфом: «Как снов твоих хрустalen караван» из стихотворения ЕА «Вере Меркурьевой». Еще один автограф – Музей Волошина (Коктебель), НВ–2000. Здесь с пометой «Память о Максимилиане Александровиче Волошине», с тем же эпиграфом из ЕА, но без эпиграфа из Липскерова, с иной стихографикой, без слов «в голубом блистанье залива», с инверсией «лик Твой» (12 строка), «уносившей» (вместо «уносящей меня», 13 строка), «горечи» (вместо «горести», 19 строка), союзом А (вместо И, 23 строка), «неземной красоты» (вместо «заповедной крась», 28 строка) и датой «<1>936, Танез-

руфт». Список рукой К.Л. Архипповой – Музей А.С. Пушкина. ОФ 23520 РФБ 691. Л. 2, ОФ–23518 РФБ–689, с обоими эпитафиями, с датировкой «1931 г.», с посвящением К.Л. Архипповой. В первой строфе изменен порядок строк (1–3–4–2), строки 9–10: «Горечь замкнутых уст, данную мне благодать / Ощутил я на своих недостойных губах»; 11 строка отсутствует, 12 строка: «Так близок был лик твой» «горечи» (вместо «горести», 19 строка), «неземной красоты» (вместо «заповедной красы», 28 строка).

Каменный стол, переживший три лирных эпохи – ср. названия сборника ЕА «Каменная лира». *Кочетков* – А.С. Кочетков. *Друг мой милый* – Волошин. *Каффа* – бывшее название Феодосии, где в одной гимназии учились ЕА и Волошин. *Опук* – мыс в Крыму, на южной оконечности Керченского полуострова. В архиве М.А. Торбин (Дом-музей Марины Цветаевой) в машинописном оглавлении альбома «Е.Я. Архиппов и М.А. Волошин» упомянуты три стихотворения ЕА, обращенные к Волошину: «Так близок был твой лик...» (1931; черновой вариант «Бессонница»), «Царевне Таиах» (возможно, «Второе свидание» в наст. издании) и «Бессонница». Вообще мотив бессонницы восходит к И.Ф. Анненскому и развит в целом цикле стихотворений Арс. Альвинга.

- С. 69. **Второе свидание.** Посвящение «Евгению» следует понимать как продолжение мистификации, т.к. сборник приписан Регине де Круа. Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. 14. Л. 66об.–67. Здесь названо «Золотая роза», а «Второе свидание» (отсылающее к поэме А. Белого «Первое свидание») указано в скобках как подзаголовок, посвящения «Евгению» нет. Кроме эпитафий из В.С. Соловьева («Три свидания») и М.А. Волошина («Таиах») здесь еще два: «Благословен день, месяц, лето, час и миг, когда мой взор те очи встретил» (Ф. Петрарка, «На жизнь мадонны Лауры», LXI, пер. В.И. Иванова) и «Бессмертен воздух розоватый» (Вс. А. Рождественский, «Голубой залив»).
- С. 71. **Серенада III. Призывание Музы I.** В подлинниках этого и следующего стихотворений не «серенада», но «серена». Без эпитафии и без посвящения в сб. – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 10. Другой автограф – Там же. Ед. хр. 14. Л. 69–69об. Здесь без посвящения. Последняя строка стихотворения здесь без кавычек и короче: «смой гарь с лица!». Эпитафия – из драмы И.Ф. Анненского «Фамира-кифаред». *Петр Николаевич Петровский* (1864–1946) – поэт. Ср. «Призывание муз» в книге переводов Вяч. Иванова «Алкей и Сафо» (М., 1914).
- С. 72. **Серенада IV. Призывание Музы.** Другие автографы – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 15. Здесь без эпитафии, с названием «"Призывание муз". Серена 2». Другой автограф – Там же. Ед. хр. 14. Л. 73об.–74. с обозначением места создания: «Азербайджанск. погреб».

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СБОРНИКА «ΒΩΜΟΣ ΕΡΕΒΟΥΣ»

Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп.1. Ед. хр. 10. *Βωμός Ἐρέβους* – жертвенник Эреба (*греч.*). Первый, неподписанный, и второй эпиграфы из стихотворений ЕА «Мон Versailles» и «Воспоминание об Учителе», третий – из стихотворения А.А. Фета «Отъезд». М.М. – Мария Меркурьева. Композиция сборника такова (курсивом набраны тексты, ранее опубликованные в составе других книг и исключенные на этом основании при публикации этого раздела): 1. «Валерию Брюсову» («Как Данте простираю руку...»), 2. В.с. Мейерхольду («Благословляю вас, двадцатые года...»), 3. «Раса» («Голова болит тонкой болью...»), *посв. В.с. Рождественскому*, 4. «Бессоница 1-я», 5. «Конец осенней сказки», 6. «Призывание Муз. Серена I» («И вот, когда бессильная ложится...»), 7. «Призывание Муз. Серена 2» («Когда я пью златейшее вино...»), 8. «Призывание Муз. Серена III» («Я устал смотреть во тьму...»), 9. «Моление к Голубой Розе» («Моя душа томится по тебе...»), 10. «Призывание звезд», 11. «Стигийский Мрак», 12. «Моление к кипарису», 13. «Тоска Летейской гребли», 14. «За дальним ликом Беатриче...», 15. «Беата, Раса, Черубина...», 16. «Бессонница» («Я не сплю и безжалостным взглядом вникаю...»), 17. «Наша жизнь – жестокая игра...», 18. «Анне Ахматовой».

С. 73. **В.с. Мейерхольду.** Второй автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 41 об. Здесь в последней строке «Креста и Стрел» – в кавычках. Без названия, но с пометой: «Танезруфт. Место свиданий с В.с. Эм. Мейерхольдом, Борисом А<лперсом>, Б. Божневым и Рюриком Ивневым». Подробнее об этих лицах и встречах (кроме Божнева) – см. в «Лектистерниях». *Борис Борисович Божнев* (1898–1969) – поэт первой волны эмиграции. В письме к Д.С. Усову от 20 декабря 1920 ЕА назвал Божнева «одним Петроградским поэтом из кружка Гумилева» и переписал его стихотворение «Кипит лазурная кастрюля...» (см.: *Хранитель*. С. 158). Однако ни переписанного ЕА стихотворения, ни указания на причастность Божнева к петербургскому кружку Гумилева в наиболее репрезентативном издании (*Божнев Б. Собрание стихотворений: В 2 т. / Сост. Л. Флейшман. – Беркли, 1987–1989*) нет. Согласно Л. Флейшману, первая публикация стихов Божнева состоялась в Софии, в 1920-м г., но это были другие тексты. Все остальные известные стихи Божнева – более позднего периода.

С. 74. **Бессоница 1-я.** Включено в сборник «7 обращений к Юрченко» под названием «Бессонница», без посвящения. Разночтения: 2 строка: *я же не сплю*. Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 51. Здесь без посвящения. Во 2-й строка: «Я же не сплю» вместо «Я всё не сплю». О *Хираме* см. комментарий к стихотворению «На Венере», с. 546.

С. 74. **Конец осенней сказки.** Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 71 об. Здесь под названием «Конец сказки» и с эпиграфом из

И.Ф. Анненского: «Кончилась яркая чара» из стихотворения «Пробуждение». В 12 строке вместо «гореть» – «горечь».

- С. 75. **Моление к кипарису.** Эпиграф из неустановленного перевода стихотворения «Le grain de blé nourrit et l'homme et les corbeaux...» французского поэта *Жана Мореаса* (1856–1910).
- С. 76. **Тоска Летейской гребли.** Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 35. Здесь без названия и эпиграфа, но с пометой «Последние дни в Танезруфте». Эпиграф из стихотворения О.Э. Мандельштама «Отравлен хлеб и воздух выпит...».
- С. 76 «**За дальним ликом Беатриче...**». Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 68об. 10-я строка здесь: в чреде стремлений и разлук. *Вельвичия мирабилис* – уникальное растение пустыни, внешним видом напоминает гигантского осьминога. У Иеронима Босха портретов Беатриче нет.
- С. 77. **Анне Ахматовой.** Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 84. Здесь под названием «Musae Danteanae» (Музе Данте, *лат.*). Дата под стихотворением здесь: «7-й год», что надо понимать как седьмой год после столетия Пушкина: 1944. *Профетида* – пророчица.

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ. ПОСЛАНИЯ. НАДПИСИ

- С. 78 **Ландыши.** Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 31. *Наль* – герой древнеиндийского эпоса «Махабхарата».
- С. 78. **На продажу книг букинисту.** Автограф – там же. Л. 32об. Посвящено Д.А. Тарноградскому.
- С. 78. **ΑΠΟΕΥΣΜΑΤΑ. Семь обращений к Е.А. Юрченко.** Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 11, отдельная рукописная книга. *Αποῦσματα* – соскобы, очистки (*греч.*). На «титule»: «Гальвареталозо Αποῦσματα Citta Dolente 3-ий год». *Citta Dolente* – скорбный град (*итал.*), здесь о Владикавказе – см. прим. 171 на с. 507 наст. изд. *3-ий год* после года Пушкина (1937), т.е. 1940-й. *Тальвареталозо* – название «издательства», возможно, от тальвар – индийская сабля, при анаграмматическом чтении это слово можно прочесть: «Золотарева та ль<?>», однако интерпретировать такое прочтение затруднительно. Другой автограф этого цикла (с иной последовательностью стихов и посвящением «Катеньке Ах! Юрченко / – Атьян Зорэ») в отдельной книжечке из собрания А.Л. Соболева. *Екатерина Андреевна Юрченко* (?–1966?) – знакомая В.А. Меркурьевой и ЕА, переехавшая из Орджоникидзе в Москву в 1935 г. ЕА дарил ей некоторые составлен-

ные им рукописные сборники: «Castellum Maximilianum» (1931, Кок Тене Эли) и «Фернампикс» (1931, Коктебель), «Черубина де Габриак» (Петербург. Кунгахелла. <Год не обозначен>) подарен ей в 1932 (запись об этом: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 66об.–67об.). В 1966 году (11 марта) о ней писала К.Л. Архиппова Юрию Николаевичу Володину: «В Москве умирает или уже умерла наша знакомая, почти сестра Евг<ения> Яков<левича> (названная), Екатерина Андреевна Юрченко... У Екатерины Андреевны есть редкая библиотека (кн. Гумилева, Ахматовой, Кузьмина [так! – Т.Н.] и др.). ... Екатерина Андреевна жила в своей комнате на Пироговской ул. (близ Новодев<ичьего> монастыря), № 7, кв. 1. Но в последнее время ее, кажется, взяли какие-то люди для ухода за ней, и она имела след<ующий> адрес в Москве: Москва Ж–114, 3-й Павелецкий, дом 9а, кв. 33. Кузьмины (фамилия хозяек). Потом, говорят, что ее поместили в дом престарелых, но она жила у этих людей Кузьминых по указанному мной адресу. ...Ек. Андр. работала в Институте Истории Ан СССР, Волхонка, 14, ком. 206» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 10–11об). Два стихотворения посвятила Юрченко В. Меркурьева (*Тщета*. С. 464; «*Умейте жить минуткой*»). Фотографии Юрченко (1918 – здесь она значится как Е.А. Юрченко-Цыцхалова – и 1928) – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 47), на несохранившейся фотографии 1935 была надпись: «Дорогому Евгению от названной сестрицы Катя (Справа). 1935 г. 7 декабря г. Москва (Екатерина Андреевна Юрченко)» (Там же. Л. 3).

С. 78 **Усопшие оконца**. В экземпляре из собрания А.Л. Соболева есть посвящение: «Посвящено двум окнам на Хлебном» и дата: «<1>936». Под стихотворением запись: «Хочу, чтоб милой Катеньке было легко, тепло и радостно жить. Атьян. Владикавказ <1>938». *Хлебный, 1* – адрес Е. Юрченко во Владикавказе.

С. 79. **На бегство Катеньки**. В экземпляре из собрания А.Л. Соболева: «На бегство Катеньки в <1>937 г.». Разночтения: 1 строка: «Наверное, Вы уж в Москве». Подпись: «Атьян Зорэ. <1>937». *Ме-Ве* – неустановленное лицо, князь *Мышь* – вероятно, ЕА; О М.И. Слободском см. прим. 136 на с. 497. Вот что написано о М.И. Слободском в статье, подготовленной по материалам Архиппова (не подписана, как и все статьи в словаре): «Род. ... в с. Рассказове Тамбовского уезда в семье крестьянина. Через 2 года отец ушел город и приписался к сословию мещан. С. окончил 1-е тамбовское реальное училище. Высшее экономическое образование было прервано призывом в армию. Живет во Владикавказе; в 1922–24 гг. состоял в местном поэтическом кружке «Вертеп», руководимом поэтом Верой Меркурьевой. Впервые выступил в печати во фронтовой газ. «Голос окопа» (1917. № 29, № 33. Изд. комитетов военных депутатов частей 32 корпуса). Участвовал в газ. «Власть труда» (Владикавказ), в журн. «Студенче-

ский журнал» (Тамбов, 1918), «Грядущая культура» (Тамбов, 1918–19), в сборн. «Золотая зурна» (Владикавказ, 1926) и др.» (Писатели современной эпохи. Библиографический словарь. Том второй. Книга подготовлена к изданию Н.А. Богомоловым. М., 1995. С. 179). «М.И. Слободской был изъят при культе личности и погиб. Сейчас он реабилитирован. У него есть жена и сын, научный работник здесь, в г. Орджоникидзе»; жена Слободского, Татьяна Владимировна Слободская, была родной сестрой мужа К.Я. Архипповой (Архиппова К.Л. Письма к М.А. Торбин от 23 февраля 1964 и 31 декабря 1968. Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/ 940 и 1053). В базе «Жертв политического террора в СССР», составленной обществом «Мемориал», М.И. Слободского нет.

- С. 80. **В окно летящему письму.** Второй автограф – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 9. Л. 1. Здесь называется: «Атьян Зорэ – Кате Юрченко». В 13 строке слово «быта» взято в кавычки. Под стихотворением дата: «<1>937. Тане 3-т» (т.е. 1937, Танезруфт). Помета рукой К.Л. Архипповой: «Атьян Зоре – один из псевдонимов Евгения Архиппова». Третий автограф – в экземпляре из собрания А.Л. Соболева. Здесь названо по первой строке «Хочу еще, поклонник небылицы» и посвящено «Летящему в окно письму». В 9 строке «быта» в кавычках. Под стихотворением: «937 / Тане 3-т / Атьян Зорэ». *Быта Веры – Черкизово, Динамовская, Стárки...* – адреса В.А. Меркурьевой, московские и летний, у Шервинских. *А-товой* – А.А. Ахматовой. *Новодевичьева* – в одном из строений Новодевичьего монастыря жил Д.С. Усов. Опубликовано: *Перцова Н.Н.* Евгений Архиппов // Поэзия Московского университета от Ломоносова и до ... Кн. 5. М., 2010. С. 14, подпись под стихотворением «Тане 3-т» следует читать как указание места создания произведения: «Танезруфт».
- С. 80. **На переход к изучению истории.** Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 24об. С названием: «Катеньке, перешедшей к изучению истории».
- С. 81. **На Венере.** В экземпляре из собрания А.Л. Соболева стихотворение не имеет названия и имеет посвящение «Катеньке – одиннадцать двестишестидесяти», подпись: «Альян Зорэ» и дату «<1>938». *Годавери* – река в Индии. *Зузунд, Хирамуд (Хирам)* – коты В.А. Меркурьевой и ЕА. *Раскозловской* – знаменитый тенор *Иван Семенович Козловский* (1900–1993). *Лера, Муля* – неустановленные лица. «На Венере, ох на Венере» – неточная цитата из стихотворения Н.С. Гумилева «На далекой звезде Венере...».
- С. 82. **На прибытие книг.** Другой автограф: ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 9. Л. 2, с публикуемым названием. В рукописной же книге «Семь обращений...» название иное: «На призывание книг». *Линейская* – шутовское название адреса ЕА (ул. Линейная). *Volunt'ы* – тома (*франц.*).

С. 82. **Кл<одинь>е Гиперборейской.** Другой автограф – Автограф – РГА-ЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 102, без названия. *Гиперборейская* – северная. Обращено к младшей сестре ЕА *Клавдии Яковлевне Сушилиной*. См. о ней прим. 56 на с. 474. Последние строки – неточная цитата из М.И. Цветаевой.

С. 83. **Κόνωψ.** Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 24 об. С названием: «Конопсхольду». *Конопсхольд* – неологизм ЕА, состоящий из двух корней – «конопс» – Κόνωψ – комар (*греч.*), и «хольд» (*hauldr, holdr*, норвежск.) по своему первоначальному содержанию означало «воин», «герой». *Тарноградский Давид Абрамович* (1891–1974), биолог, директор Сев.-Кавказской гидробиологической станции, проф. кафедры зоологии Горского с.-х. ин-та. Друг ЕА. Его архив: РМК Сев.-Осетинской АССР. Ф. 5119 и 7359 (759 ед. хр.), 1906–1971. Награжден за освобождение Сев. Кавказа от малярии (переносимой укусами комаров). *Мейерхольд Григорьева* – портрет Вс. Э. Мейерхольда (1916; ГРМ), выполненный Борисом Дмитриевичем *Григорьевым* (1886–1939).

В рукописной книге ЕА содержится оглавление составленного им рукописного сборника «Петрокеравия», Коктебель, 1931 (включающий произведения М. Цветаевой, Вл. Ходасевича, С. Парнок, М. Волошина, Ю. Верховского, А. Сидорова и С. Шервинского) – с указанием «Собственность Д.А. Тарноградского» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 66). Там же (Л. 72 об.) – запись о подаренной книге «"Коктебельская элегия"» (в голубой обложке). Миниатюрное издание. 1932. Собств. Д. А. Т.». Там же (Л. 75) – запись о подаренной Д.А. Тарноградскому книге «Избранные стихотворения Веры Меркурьевой. Выбор Дм. Щербинского. Вступление Е. Архиппова. Посвящение М<еркурьевой> Вяч. Иванова. Роченсальм. 1933. Июль. Темная квадратная книжка с желтой <нрзб.> наклейкой». Там же (Л. 79) – запись о 2-м томе (с оглавлением) избранного Веры Меркурьевой, принадлежащем Д.А. Тарноградскому. Там же (Л. 83) – «Надпись на книге Черубины де Габриак. Собрание стихотворений. Каллиэра. 1928: С большой радостью отпускаю в книгохранилище блистательной библиотеки моего Прекрасного Друга Д.А. Тарноградского эту страдальческую книгу Черубины, погребенную, как и она, "в степях чужбины". Роченсальм. 1933. 23.VII». Там же (Л. 96)– «Д. Усов. Избранные стихотворения. Выбор Евгения Архиппова. Вступление Всеволода Рождественского. (15.II. 1928 г.). Роченсальм. 1934. Собственность Д. А. Т.

С. 84. **Моя география.** ЕА указывает фантастические, но говорящие названия, «места издания» своих сборников: *Танезруфт* – см. выше, в комментарии к сб. КиС. На домашнем языке ЕА синоним Новороссийска. *Роченсальм* – финское название города-крепости, где произошло морское сражение между Россией и Швецией в 1790 г. (швед. Svensksund, фин.

Ruotsinsalmi; с 1878 года – финский город Котка), место службы Е.А. Баратынского. На домашнем языке ЕА синоним Новороссийска и Владикавказа. *Кунгахелла* (Конунгахелла) – древний скандинавский город на территории Швеции, разрушенный в XII веке пиратами. В сознании европейского читателя начала двадцатого века был оживлен Сельмой Лагерлёф, написавшей сборник новелл «Герои Кунгахеллы». На домашнем языке ЕА синоним Владикавказа. *Necropolis* – город мертвых (*лат.*), так, вслед за П.Я. Чаадаевым, ЕА называет Москву. *Петрополис* – город Петра (*греч.*), Петербург. *Равенна* – город в Италии, где умер в изгнании Данте. *Смальгольмский замок* – по названию баллады В.А. Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», возможно, поэтич. название башни, где жил Д.А. Тарноградский (см. в книге ЕА о нем главу «*Turris Ciscaucasia*»). *Коктебелевый музей* – дом М.А. Волошина в Коктебеле, где ЕА гостил с женой в 1931. *Ленэй* – см. с. 537.

- С. 85. **К годовщине «Расе».** <1938?>. О *Rase* см. с. 531. Сведений о Г.Г. Федорове, как видно из стихотворений, владикавказском книголюбе, найти не удалось. *Лаодамии лунный херувим* – И.Ф. Анненский, о *Лаодамии* см. ниже, примеч. к статье ЕА «Три аспекта античной Лаодамии». *Франческа* – Франческа да Римини, воспетая Данте.
- С. 85. **Надпись на книге А.Ахматовой, по поводу получения Тристана.** <1938?>. Видимо, речь о кн.: Сборник «Тристан и Исольда», «Труды Института языка и мышления» при Академии наук, II, Л., 1932. А книга Ахматовой, очевидно, была подарена в обмен на «Тристана».
- С. 85. **Надпись на книге Теофиля Готье.** <1938?>. Речь идет об издании: *Готье Т.* Избранные стихи. Пер. Вс. Рождественского. Со ст. Н. Гумилева «Теофиль Готье». Пг., 1923.
- С. 86. **Прославление кукурузы.** Автографы этого и последующих стихотворений данного раздела – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1–15 (кроме стихотворения «Хлеб, увлажненный сахаром», переписанного рукой К.Л. Архипповой).
- С. 86. **На переселенье во Владикавказ.** *Макс* – М.А. Волошин. *Карадаг* – горный массив между долиной реки Отузка и Коктебелевской котловиной. *Отузы* – поселок в Крыму. Ср. стихотворение Э.Ф. Голлербаха с той же рифмой Отузы-кукурузы.
- С. 87. **На возвращение К. с огорода.** *К.* – К.Л. Архиппова.
- С. 87. **Из Марциала.** <1945?>. Отсылка к Марциалу носит шуточный характер. Ср. в письмах к А.В. Звенигородскому того же времени.
- С. 88. **Тютчеву («Мой Тютчев, мой мудрец...»).** Эпиграф из стихотворения Ф.И. Тютчева «Как хорошо ты, о море ночное...».

- С. 90. **На продажу книжечки новелл о Пушкине.** И.М. Луценко – возможно, *Луценко Иван Михайлович*. «Родился в 1908 г., Кабардино-Балкарская АССР, Терский р-н, ст. Николаевской; Проживал: Беломоро-Балтийский ИТЛ. Приговорен: тройка ПП ОГПУ в ЛВО в 1933 г. Приговор: выселение – Мурманская обл. Реабилитирован 27 сентября 2000 г. прокуратурой Мурманской обл. Источник: УВД Мурманской обл.». Надпись под стихотворением «Библиограф, иллюстратор и книгопродавец» является, очевидно, характеристикой И.М. Луценко. *Авзоний Децим Магнус* (ок. 310–395) – поздний латинский поэт. *Лукиан* (ок. 120– после 180) – греческий писатель.
- С. 90. **О Тютчеве.** Эпиграф из стихотворения Ф.И. Тютчева «Но все, неизбежимо тая...».
- С. 91. **Антологические строки.** *И. М. Л.* – возможно, И.М. Луценко.
- С. 92. **Три старушки и чукчá.** *Накарат* – слово «таракан», прочитанное наоборот.
- С. 93. **«Что говорил, то повторю опять...».** *Иван Антонович Сокольников* – муж сестры К.Л. Архиповой.
- С. 93. **Осень 1948 года.** Источник эпиграфа уточнить не удалось.
- С. 95. **«О счастье редкое! Сегодня – дома Ты...».** Посвящено К.Л. Архиповой.

РАННИЕ СТИХИ

- С. 96 **Сказка без смысла и значения.** Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1. *Клодя* – младшая сестра ЕА К.Я. Сушилина.
- С. 97. **[Памяти восстания против самодержавия трудящихся Москвы. 1905 год]**. Автограф – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 8об. Название напечатано на машинке, видимо, дано К.Л. Архиповой при составлении альбома об ЕА.
- С. 98. **На гробовой покров князя Сергея Трубецкого, демиурга моей души.** Автограф – ГЛМ. Ф. 490. Оп.1. Ед хр. 37. Л. 31. *Трубецкой Сергей Николаевич* (1862–1905) – религиозный философ, историк философии, публицист, профессор Московского университета. О встречах с С.Н. Трубецким см. главы в книге Архипова «Лектистернии».
- С. 98. **Величию незабвенной души князя Сергея Николаевича Трубецкого.** Автограф – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 27.
- С. 99. **Великой памяти князя Сергея Николаевича Трубецкого.** Автограф – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 28.

- С. 100. «**Был увит паутиною тиной...**». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2. Источники эпиграфов установить не удалось.
- С. 100. «**Сердце твоё мне хотелось узнать...**». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4. Это и следующее стихотворения – в непрошитой рукописной тетради с названием «9ть стихотворений Евгения Щербинского 1906–1908», где, однако, других текстов нет. Под стихотворением подпись: «Э.А.» – Эжен Архиппов.
- С. 101. «**Мне снилось счастье только раз...**». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5.

В состав настоящего издания не вошла отдельным разделом книга «Баллада камня и покрова», так как стихотворения, составившие ее, уже были включены ЕА в другие его книги. Здесь приводим только описание этой книги.

БАЛЛАДА КАМНЯ И ПОКРОВА. Машинописная книга: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 6. Место и дата создания обозначены на титульном листе: «Рединг. 1927» (указание на вымышленное место издания отсылало к «Балладе Редингской тюрьмы» О. Уайльда). Вся книга посвящена К.Л. Архипповой и напечатана К.Я. Архипповой. «Вместо предисловия» сборник открывает стихотворение Е.И. Васильевой «Е.Я. Архиппову» («Опять, как в письме, повторяю я то же...»), подписанное: «Черубина де Габриак / 6.XI.1925. СПб.»; после него следуют стихотворения ЕА, посвященные поэтам: «Инокентию Анненскому» (1. «Сожженные цветы падут перед портретом...»). 2. «В холодной комнате усталый твой портрет...»); «А.А. Фету» (1923), «Владимиру Соловьеву», «Александру Блоку», «Вере Меркурьевой» («Открыть Твои парчовые страницы...»), «А.К. Лозина-Лозинскому» («Тишина»), «Черубине де Габриак» (1. «Висят неподвижно тучи...»). 2. «Твое лицо теперь закрыто для меня...», 1922), цикл из пяти стихотворений «Автопортрет», поэма в прозе «Месса по И. Анненском». Отзыв Д.С. Усова (в письме к ЕА от 20. VII. <19>32): «Вы вспоминаете об экземпляре “Лектистерний”. Да, к нему была приложена “Баллада камня и покрова”, но я не отозвался о ней отдельно, потому что большинство стихотворений (в том числе “Автопортрет”, Посвящения Владимиру Соловьеву, “В холодной комнате усталый твой портрет”) было мне уже известно. Из посвящений И.Ф. Анненскому я очень люблю «Сожженные цветы падут перед портретом». И об этих стихотворениях я, помнится, уже писал Вам в 23 или 24 году. А посвящение Фету мне не нравится» (Усов. Т. 2. С. 586). Еще один экземпляр машинописи включен в конволют вместе с «Лектистериниями» и «Золотой маской» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 38). В этом конволюте состав стихов тот же, но после стихотворения «Тишина» следует посвященное Д.С. Усову стихотворение «Ты был у моей постели...».

КОММЕНТАРИИ К РАЗДЕЛУ ПРОЗЫ

¹ **ВСТРЕЧА С ФЕТОМ.** Автограф (недатированный) – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 90–92.

² 3-я московская гимназия основана в 1839 г., размещалась в доме Голицына (Б. Лубянка, 12), отличалась большим по сравнению с обычными гимназиями числом уроков по математике и латинскому языку. После революции здание занимала ВЧК, в 1928 дом снесен.

³ В анкете, написанной ЕА для словаря «Писатели современной эпохи», он указывал на свое происхождение «из крестьянского звания». В набросках к автобиографии ЕА сообщает об отце: «Родился и долго (до 45 лет) жил в Москве», «собирал книги: старинные журналы, светские наряду с духовными, подбирал серии романов западных писателей, много выписывал сам. Но к концу жизни его собрание книг сильно поредело и потеряло свою ценность. Стихи писал очень редко, в форме писем и посланий сатирико-бичующего характера. В последний год жизни (1907–1908) очень полюбил Бальмонта, восхищался его переводами Томаса Гуда». «Фамилию Архиппов принял после 2-го польского восстания с своим отцом, моим дедом» (Там же. Л. 11). Из Москвы Архипповы уехали в 1893, значит, отец ЕА родился примерно в 1848 г. *Томас Гуд* (1798–1845) – английский поэт и юморист.

⁴ *Иоганн Карл (Иван) Бартельс* – московский купец немецкого происхождения, владел несколькими булочными и кондитерскими. О той же кофейне вспоминает А.И. Цветаева.

⁵ Ср. в стихотворении ЕА «А.А. Фету» (1923): «Феб севера! Податель света, Фет!».

⁶ Отпевание совершилось 24 ноября 1892.

⁷ Первая книга стихотворений Фета, 1840.

⁸ *Солдатенков Козьма Терентьевич* (1818–1901) – купец, издатель, меценат. Упомянуто его издание «Стихотворений» Фета в 2 т. (М., 1863).

⁹ *Маркс Адольф Федорович* (1838–1904) – петербургский издатель. Трехтомное «*Полное собрание стихотворений*» Фета было издано «Товариществом А.Ф. Маркса». *Никольский Борис Владимирович* (1870–1919, расстрелян ВЧК) – публицист, филолог, поэт, политический и общественный деятель.

¹⁰ Женская Ольгинская гимназия существовала во Владикавказе в 1863–1918 гг. См. о ней: *Пелевина П.* Осетинская женская Ольгинская гимназия // Модный Владикавказ. 2006. № 6. http://www.modvlad.ru/mag/2006/3/osetinskaya_zhenskaya_olginskaya_gimnaziya/. Этому выпуску гимназии посвящена статья ЕА «Поэзия Фета как религия сердца».

¹¹ [**НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИИ**]. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 42.

¹² Дом Александра Аркадьевича Журавлева имел адрес: 1-я Мещанская владение 244 (позднее: стал 1-я Мещанская дом 3) (благодарим за эту справку В.В. Нехотина).

¹³ *Второе польское восстание – 1863–1864.*

¹⁴ *Остробрамская икона Божьей Матери* находится на городских воротах Вильнюса (Острой броне) и почитается как католиками, так и православными.

¹⁵ В набросках к автобиографии (Там же. Л. 11об.): «последние 6 лет жизни была прикована к постели, впадала в летаргическое забытие, длившееся трое суток и более». «В детстве ни в школе, ни в домашней жизни товарищей не имел».

¹⁶ *Церковь Спаса Преображения* на Большой Спасской улице (снесена в 1937 г.).

¹⁷ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Буддийская месса в Париже».

¹⁸ Упомянутый с 1472 г. *Алексеевский (во имя Алексея человека Божия) женский монастырь* располагался в это время в Красном Селе, где сейчас существуют две оставшиеся от него церкви.

¹⁹ Часовня великомученика целителя *Пантелеймона* русского Пантелеймоновского Афонского монастыря у Владимирских ворот Китай-Города (Никольская ул., 25, на месте нынешнего торгового центра «Наутилус»). Закрыта в 1932. Сломана вместе с Китайгородской стеной в 1934 (См.: Сорок сороков: краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Собр. П. Паламарчук. Т. 2. М., 1994. С. 61. Далее: *Паламарчук* с указ. тома и стр.).

²⁰ *Церковь Антония на Колымажном дворе* – церковь, предположительно построенная в III четверти XVI века, на пересечении Колымажной улицы и Малого Знаменского переуллка. Закрыта в 1929, с 2005 в распоряжении РПЦ.

²¹ *Иоанн Кронштадтский* (Иван Ильич Сергиев; 1829–1908) – проповедник, духовный писатель, член Синода. Причислен к лику святых в 1990 г.

²² У ЕА описка (?): устанавливалась.

²³ У ЕА описка (?): оторженным.

²⁴ Старшая сестра ЕА. Возможно, ее звали Мария: она упомянута в письме Я.М. Архипова к ЕА: «Геня! Не откажи в просьбе, достать из гимназической библиотеки Шекспира “Макбет”, “Король Лир”, Островского – “Гроза”. Это очень нужно, одной особе, на недельный срок. Передай книги Марии Яковлевне, которая доставит их мне. Любящий всегда тебя твой Яков Архипов <так! – Т. Н.>. 19-е января 1908 года г. Владикавказ» (ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 17. Л. 1).

²⁵ Сведений о *булочной Севастьянова* на углу Сретенки и Сухаревской площади мы не нашли, известная же булочная Севастьянова располагалась на пересечении Тверской и Настасьинского переуллка, после Октябрьского переворота 1917 г. в ее подвале было устроено Кафе поэтов. Дом не сохранился.

²⁶ *Газета Гатцука* – политико-литературная, художественная и ремесленная газета, еженедельно издавалась в Москве с 1875 года под названием: «Газета, еженедельное иллюстрированное прибавление к Крестному календарю», а начиная с № 43 этого же года под названием: «Газета А. Гатцука». Выходила до 1890. *Алексей Алексеевич Гатцук* (1832–1891) – археолог, публицист, издатель.

²⁷ Видимо, иллюстрация новеллы П. Мериме «Души чистилища».

²⁸ Баллада В.А. Жуковского «Суд Божий над епископом» (перевод из Роберта Саути).

²⁹ *Храм Успения Пресвятой Богородицы*, что в Печатниках, на углу Сретенки и Рождественского бульвара. В первый раз он упоминается в 1631–1632. После 1917 был закрыт.

³⁰ Сохранился журнал ученика 1 класса Московской 3-й гимназии Архиппова Евгения за 1891–1892 учебный год с пятерками по чистописанию и рисованию, по остальным предметам преобладали тройки (ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 10).

³¹ *Петровск-Дагестанский* – ныне город Махачкала, Архипповы переехали туда из Феодосии около 1894.

³² **ГИПСОВАЯ МАСКА.** Черновой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 40. [1921]

³³ Эпиграфы из стихотворений Б.Л. Пастернака «Я в мысль глухую о себе...» и И.Ф. Анненского «Другому».

³⁴ *Часовня Иверской Божией Матери*, с 1882 г. размещавшаяся внутри здания Сухаревой башни. Закрыта в 1921. После ремонта, в 1925 в башне разместился Московский коммунальный музей, часовня была переделана в туалет. Сухарева башня снесена в 1934 при реконструкции площади. (*Паламарчук*. Т. 2. С. 468).

³⁵ См. главу «Ведущие аллеи» в мемуарном эссе «Испытание садом».

³⁶ Профессора Московского университета: историк *Ключевский Василий Осипович* (1841–1911), философ *Лопатин Лев Михайлович* (1855–1920).

³⁷ «Скорпион» (1899–1916) – московское издательство русских символистов, основанное С.А. Поляковым, В.Я. Брюсовым и Ю.К. Балтрушайтисом.

³⁸ Общежитие университета по адресу: Грузинская Б. ул., д. 10, стр. 1 (1900–03, арх. Р.И. Клейн; ныне Институт физики земли РАН), соседствовало с бывшей (уже к нач. XX в.) усадьбой кн. Грузинских на р. Кабаныха, ныне пруды на новой территории зоопарка.

³⁹ *Флоренский Павел Александрович* (1882–1937) – религиозный философ, ученый-энциклопедист. О *Звенигородском* см. с. 467–468 наст. изд. При жизни Звенигородский издал три сборника стихотворений: 1) «На память» (Н. Новгород: тип. Нижегородского губ. правления, 1898); 2) *Delirium tremens*. М.: тип. В.И. Воронова, 1906. 3) *Sub Jove frigido*. М.: тип. В.И. Воронова, 1909.

⁴⁰ «Путь» (1910–1919) – московское книгоиздательство, выпускавшее на средства М.К. Морозовой книги по философии, фактически орган Религиозно-

философского общества памяти Соловьева. Наиболее заметными фигурами в деятельности издательства, кроме перечисленных, были Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, В.И. Иванов, А.С. Глинка (Волжский). *Бердяев Николай Александрович* (1874–1948) – философ, публицист, мемуарист. *Булгаков Сергей Николаевич* (1871–1944) – философ, богослов, православный священник. *Рачинский Григорий Алексеевич* (1859–1939) – литератор, философ, переводчик.

⁴¹ *Ratio* (лат.) – разум, прием, метод. *Λόγος* (греч.) – термин древнегреческой философии, означающий одновременно «слово» (или «предложение», «высказывание», «речь») и «смысл» (или «понятие», «суждение», «основание»).

⁴² *Эри В.Ф.* Борьба за Логос. Опыты философские и критические. М.: Путь, 1911.

⁴³ *Вагнер Николай Петрович* (1829–1907) – прозаик, автор книги философских «Сказок кота Мурлыки» (СПб., 1872).

⁴⁴ «*Теон и Эхин*» – стихотворение В.А. Жуковского. Уточнить иллюстраторов не удалось.

⁴⁵ *Ростопчина Евдокия Петровна* (1811–1858), *Мирра Александровна Лохвицкая* (1869–1905), *Каролина Карловна Павлова* (1807–1893) – поэтессы. Стихи К. Павловой публиковались в символистском альманахе «Северные цветы» (выходил в 1901–1904, 4 вып.). Из забвенья имя К. Павловой было извлечено усилиями А.Ф. Кони и В.Я. Брюсова. *Андрей* – Звенигородский.

⁴⁶ Зачеркнуто: только в соединении с Вл. Соловьевым.

⁴⁷ *Пяст Владимир Алексеевич* (наст. фам. Пестовский; 1886–1940) – поэт, мемуарист, переводчик, критик. Автор некролога «Умер Блок» (газета «Жизнь искусства», 1921, 10 авг.) и мемуаров о нем: «Воспоминания о Блоке» (П., 1923), где писал: «1904-м годом “Ущербом” и “Перекрестками” кончился период стихов о “Прекрасной Даме”. Поэт начал сам пугаться своей двуликости. Того, в сущности, явления, которое классифицировано Эдгаром По как “демон извращенности”. Этот демон толкнул Блока на кощунство. И появились “Балаганчик” и “Незнакомка”» (с. 16), «“Снежная маска” и “Песня судьбы”, бессмертные памятники этого <1908-го. – Т. Н.> года – все это относится к слабым вещам в его творчестве» (С. 39). Подробнее о взаимоотношениях Пяста и Блока см. статью З.Г. Минц, сопровождающую публикацию их переписки (ЛН. Т. 92. Кн. 2).

⁴⁸ Романы Андрея Белого: «Серебряный голубь» («Весь», 1909, №№ 3–4, 6–7, 10–12; отдел. изд.: М., 1910), «Петербург» впервые опубликован в альманахе «Сирин» (сб. 1–3, СПб., 1913–1914). К.Л. Архиппова писала М.А. Торбин: «Письма Андрея Белого к Евгению Яковлевичу нет у меня. Есть копия письма Евгения Яковлевича к Андрею Белому от 8 декабря 1917 г.» (23 марта 1964. Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/944). Местоположение этого письма и копии нам не известны.

⁴⁹ *Кассандра* – В.А. Меркурьева.

⁵⁰ *Корона* – венок сонетов М.А. Волошина «Corona Astralis». Книга «Демонов»: Волошин М.А. Демоны глухонемые. [Стихи]. Харьков. 1919. В 1923 книга была переиздана книгоиздательством писателей в Берлине. Книга Волошина названа цитатой из стихотворения Ф.И. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...».

⁵¹ Анненский. Зачеркнуто: Больно и горько читать, что выходит 3-я книга Его стихов и в Петербурге – вечер Его имени. А я? Буду ли я иметь его книгу, буду ли знать все новое о Нем?

⁵² В 1920-м г. Е.И. Васильева стала «заниматься» с Ю.С. Перцовичем (вероятно, это были частные уроки – или занятия в поэтическом кружке, который она вела в Екатеринодаре). Ю.С. Перцович был гимназическим учеником ЕА и, по всей видимости, писал ему о Е.И. Васильевой и посылал ее неопубликованные стихи. Так – через Перцовича – и завязалась переписка ЕА и Черубины. О ней ЕА написал две статьи, обе см. в настоящем издании, здесь речь о статье «Корона и ветвь» (1921).

⁵³ Зачеркнуто: Мучительно и с большой тревогой ищем ее. Знаем только, что была жива в 1918 году (Весенний салон поэтов).

⁵⁴ *Е.В. Цингер* – дочь математика, профессора Московского университета В.Я. Цингера (1836–1907), дальняя родственница Л.Н. Толстого. В замужестве Рискина. Художница. О ней ЕА писал в газетной статье «Весенняя выставка»: «Богатая и тонкая душа Е.В. Рискиной раскрывается за ее картинами. Она знает северную хрупкую весну с широким течением вод, с медленно уступающим снегом. Ее весна («При первых жаворонках») – это душевная боль и скорбь, это мольба о возрождении <...> «Свете тихий» – трогает душу несказанным покоем, это – сама молитва, медленная, покойная, дающая высокое удовлетворение. «Свете тихий» – прекрасное толкование священной песни. Душа художницы видит «свет вечерний». Отчего он ей так близок?.. Отчего так волнует это соприкосновение души с неземным покоем? <...> Редкая работа и «Из окна», где ель живет своей жизнью, своим замкнутым подснежным настроением» (Терек. 20 апреля 1911. Подпись: Марцелий Струнский). После ее смерти, произошедшей 27 января 1912, ЕА напечатал некролог «К кончине Елизаветы Васильевны Рискиной» с эпиграфом из А.В. Звенигородского «Дни мои смертью раздавлены» (Терек, 1912, № 6 – вырезка: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 17), где сообщал: «15 декабря 1910 года, в год смерти Л.Н. Толстого, Елизавета Васильевна прочла в “Обществе народных чтений” свои личные воспоминания о встречах и драгоценных деталях образа жизни Льва Николаевича... Новое полное собрание сочинений Толстого, бывшее с ней во время болезни, было предметом ее тщательного изучения. Поля нескольких томов покрыты блестящими философскими комментариями Елизаветы Васильевны... Много душевного родства обнаружилось в умении Елизаветы Васильевны толковать и воспроизводить необыкновенные вещи Врубеля». В одном из вариантов автобиографии (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 14) ЕА называет Цингер-Рискину среди лиц, которым он

читал свои статьи до напечатания (наряду с В.А. Меркурьевой, А.Г. Пономаревой и философом-математиком В.В. Горячкиным).

⁵⁵ Сведений о ней разыскать не удалось.

⁵⁶ См. об этом событии главу в «Лектистерниях».

⁵⁷ Об этих событиях ЕА рассказал в «Лектистерниях».

⁵⁸ *Хмельков Александр Михайлович* (1880–1937, расстрелян) – священник, родился во Владикавказе, перед арестом служил в Вятской области (источник информации: *Ожегин П.Т.* Список репрессированных служителей церкви Вятской епархии. Архив автора. Машинопись <http://ruguard.ru/forum/index.php/topic,186.540.html>).

⁵⁹ Планы лекций ЕА см. в настоящем издании.

⁶⁰ См. об этом: *Нешумова–2005*.

⁶¹ В студенческие годы ЕА подрабатывал статистом во МХАТе, видел А.П. Чехова. О сохранившихся в архиве ЕА фотографиях с дарственными надписями актеров В.И. Качалова и А.Л. Вишневого см. прим. 22 (с. 466 наст. изд.).

⁶² *Гюисманс Жорис Карл* (1848–1907) – французский писатель, автор романов «Наоборот» и «Там внизу», прошедший путь от декаденства к католичеству, «серьезный, утонченный до муки, настоящий мученик упадочности» (Н.А. Бердяев). Характеристика, данная Гюисмансу Бердяевым: «Все кажется ему в окружающей жизни чужим, далеким, уродливым до боли. Он прежде всего человек, глубоко оскорбленный, изъязвленный, раненный тем «миром», в котором призван жить и которого не принимает <...> В нем есть что-то бескровное, призрачное, чувственность его почти уже бесплотна» – в значительной степени может быть отнесена и к ЕА.

⁶³ У Анненского: «И глядятся туберозы / В позлащенные кристаллы» («Параллели», сб. «Тихие песни»). Ср. в воспоминаниях В.И. Анненского-Кривича: «Все свободное время сидел он за своим письменным столом, на кот<ором> бесменно цвели белые лилии и туберозы». *Каприфоли* – кустарник, вид жимолости.

⁶⁴ *Жерар де Нерваль* (наст. имя Жерар Лабрюни; 1808–1855), *Лафоре Жюль* (1860–1887) – французские поэты.

⁶⁵ *Церковь Покрова Богородицы в Кудрине* известна с 1660, в камне – с первой четверти 18 в. Закрыта в 1931. Окончательно разрушена к 1937. (*Паламарчук*. Т. 3. М., 1995. С. 384–286).

⁶⁶ Слова из стихотворения И.Ф. Анненского «Зимнее небо», стали названием одной из поэтических книг ЕА.

⁶⁷ **ЗОЛОТАЯ МАСКА.** Эта автобиография писалась в несколько этапов. В архиве ЕА сохранились ее рукопись, доведенная до 1935 г., и машинопись, датированная 1923 г. (на титульном листе, оформленном как у печатных книг, с указанием места и времени издания: Танезруфт, 1927 – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед.хр. 39 и 42). Текст машинописного варианта почти не от-

личается от рукописного. В основу данной публикации лег рукописный вариант автобиографии.

⁶⁸ Баллада В.А. Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» (1822).

⁶⁹ Большая Лубянка, 13. Трындины торговали медицинским оборудованием.

⁷⁰ «У нее был порок сердца, она редко вставала, ей сводило ноги». («Танец Таниты»)

⁷¹ Часовня великомученика целителя *Пантелеймона*. См. о ней выше.

⁷² Деревянная *церковь Адриана и Натальи* в Мещанской слободе была построена в 1672 г., сгорела, на ее месте выстроили каменный храм в 1686–1688 г. В 1936 г. храм был снесен. Сейчас – сквер между домами 11 и 13 по Проспекту Мира. *Дом Юшина* – домовладелец *Модест Николаевич Юшин* (справочник «Вся Москва», 1893). По справочнику 1901 собственность перешла к Елене Николаевне Юшиной (благодарим за эти сведения В.И. Масловского).

⁷³ Основана Карлом Ивановичем *Феррейном* в 1832. С 1862 – в том же здании (перестроенном в 1894) на Никольской, где в советское время была московская аптека № 1. Это была одна из крупнейших в Европе аптек, имевшая свои химические лаборатории, великолепные интерьеры с золочеными вазами, дубовыми резными шкафами, мраморные лестницы, канделябры, аквариум.

⁷⁴ *Вознесенский женский монастырь* в Кремле был основан в конце XIV в. Традиционная усыпальница великих княгинь и цариц. Ажурная екатерининская церковь архитектора Карло Росси. Монастырь сильно пострадал во время ноябрьских артиллерийских обстрелов Кремля в 1917. Весной 1918 г. монахини были изгнаны из его стен. В 1929 монастырь был снесен.

⁷⁵ Московская *церковь Божией Матери Неопалимой Купины* близ Девичьего поля дала название трем Неопалимовским переулкам; построена в 1680. С 1722 – каменная. Разрушена в 1929.

⁷⁶ Белокаменная *церковь Трифона* в Напрудном построена в начале или середине XVI в. В XIX в. трижды перестраивалась; в результате реставрационных работ, проводившихся в 1930–1940-е, освобождена от позднейших застроек. Находящаяся неподалеку *больница* была основана в 1776 по указу Екатерины II, поэтому долгое время носила ее имя (Старо-Екатерининская). Это была вторая в Москве больница для гражданского населения. Сейчас – больница МОНИКИ; Патриаршее подворье.

⁷⁷ *Домниковская улица* – с 1962 г. улица Маши Порываевой.

⁷⁸ Упомянуты незаконченное либретто И.С. Тургенева «*Ундина*» (1869–1870) и его мистическая повесть «*Сон*» (1877).

⁷⁹ «*Мила и Нолли*» – сказка Н.П. Вагнера. Черубина писала ЕА 11 января 1922: «Я тоже в детстве дольше всего любила сказки Кота Мурлыки, особенно – помните – Милу и Нолли, я уже давно не читала, но трепет до сих пор!» (*Черубина–2009*. С. 100–101).

⁸⁰ Принадлежала Д.И. Филиппову.

⁸¹ Имеется в виду чин погребения плащаницы, совершаемый в Страстную субботу.

⁸² О пребывании М.А. Волошина в феодосийской гимназии см. его воспоминания «О гимназии и об отношении к ней» (1932) (*Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. М., 2008. С. 358–361).

⁸³ *Айвазовский Иван Константинович* (1817–1900) – художник.

⁸⁴ См. «Воспоминания о Владикавказской гимназии» в наст. изд.

⁸⁵ *Камиль Фламарион* (1842–1925) – французский астроном, автор популярных книг. Экземляр его книги «Конец мира» (в 2 ч.; СПб., 1893) из библиотеки ЕА хранится в ННБ РСО–Алания. См.: *Мадзаева Е.К., Бигаева О.О.* Книжная коллекция Е.Я. Архиппова – исследователя русской поэзии Серебряного века // Вторые Репинские чтения – 2014 : сб. материалов / М-во культуры и туризма Астрахан. обл.; Астрахан. обл. науч. б-ка им. Н.К. Крупской. Астрахань, 2014. С. 131.

⁸⁶ М.В. Уланова преподавала историю вместе с ЕА во Владикавказской Ольгинской гимназии, но потом, вынуждена была переехать. 14 октября 1912 г. она писала ЕА: «С грустью вспоминаю то время, когда мы называли друг друга по имени, бродили втроем по улице, когда я засиживалась у Вас» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 3).

⁸⁷ *2-я мужская Тифлисская гимназия* – Великого князя Михаила Николаевича – была открыта в 1881 году в доме № 32 на Великокняжеской улице.

⁸⁸ Подробнее см. очерк о В.Ф. Эрне в «Лектистерниях».

⁸⁹ «По окончании 4-х курсов ист<орического> отделения перешел на славяно-русское» (Цит. по: *Купченко В.П.* «Лучший друг слова» // Советская библиография. 1989. № 2. С. 88).

⁹⁰ О С.Н. *Трубецком* см. стихотворения ЕА 1905–1906 гг. и главы в «Лектистерниях».

⁹¹ «*Царь-девица*» (1880) – стихотворение Якова Петровича Полонского (1820–1898). О Полонском ЕА читал лекцию, см.: «Список лекций, читанных Евгением Архипповым во Владикавказе, в Обществе народных чтений» на с. 474–475.

⁹² *Великий князь Сергей Александрович* был убит 4 февраля 1905 г. По другому поводу ЕА так комментировал свое участие в революционном студенческом движении начала века: «Линия, если можно говорить о ней у меня, – линия горечи, гари и дали, линия “уединенного презренья” – очень давняя. Я жестоко боролся с ней. Эта линия не приобретенная, а рожденная. Попытка вырвать и себя, и исказить свою линию: Бутырская тюрьма и Пресня... Линия осталась: Баратынский – Инн. Анненский – Лозина-Лозинский – В. Ходасевич – М. Цветаева» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 62об.).

⁹³ *Преображенский Петр Васильевич* (1851–?) – приват-доцент математического факультета Московского университета. ЕА находился под негласным надзором полиции вплоть до 1913.

⁹⁴ Творчеству А.В. Звенигородского ЕА посвятил две статьи: «Иерофант ужаса и страсти» (см. в настоящем издании), «Поэзия кн. Андрея Звенигородского» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14); составил библиографию (1924. Там же. Ед. хр. 28). В архиве ЕА частично сохранились письма А.В. Звенигородского (Там же. Ед. хр. 66; а также в личных собраниях М.Ю. Гоголина, Е.А. Калло, А.Л. Соболева). Поздние письма ЕА к Звенигородскому см. в наст. издании.

⁹⁵ Творчеству этих писателей посвящены литературоведческие этюды ЕА, собранные в его книге «Миртовый венец» (М., 1915).

⁹⁶ Перечислены профессора московского университета: *Павел Гаврилович Виноградов* (1854–1925), *Владимир Иванович Герье* (1837–1918), филологи *Николай Ильич Стороженко* (1836–1906), *Александр Иванович Кирпичников* (1845–1903), *Алексей Николаевич Веселовский* (1843–1918), *Всеволод Федорович Миллер* (1846–1913).

⁹⁷ Встреча с Бальмонтом описана в «Лектистерниях». Его подарок: *Шелли П.Б.* Освобожденный Прометей. Лирич. драма. С англ. пер. К.Д. Бальмонта. СПб., 1904. Экспромт – см. комментарий к письму Бальмонта к ЕА от 19 апреля 1916 во втором томе настоящего изд.

⁹⁸ Встреча с Брюсовым описана в «Лектистерниях».

⁹⁹ *Качалов Василий Иванович* (1875–1948) – актер. Исполнял главные роли в мхатовских спектаклях: *Иоганн Фокерат* («*Одинокие*» Гауптмана, 1903), *Юлий Цезарь* («Юлий Цезарь» Шекспира, 1903), *Консул Берник* («*Столпы общества*» Ибсена, 1903).

¹⁰⁰ См. об этом прим. 22 на с. 466.

¹⁰¹ Запись в альбоме о ЕА рукою К.Л. Архипповой: «Будучи статистом в Московском Художественном театре Евгений Яковлевич Архиппов видел Чехова» (ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Ед. 37. Л. 19). Там же вклеены листочки из записной книжки ЕА, где зафиксированы, по-видимому, именно те события, очевидцем которых ему довелось стать: «14 октября 1902 Чехов приехал в Москву, посещал Худож. театр. Ноябрь <1>902 Чехов присутствовал на репетициях пьесы Горького «На дне». Декабрь 1903 Чехов присутствовал на репетициях Вишневого сада. 17. 1. <1>904. 1-й спектакль «В. Сада» в присутствии автора и чествование Чехова по случаю 25-летия лит. деятельности» (Там же. Л. 37).

¹⁰² *Кобылинский Лев Львович* (псевдоним – Эллис; 1879–1947) – поэт, критик, переводчик.

¹⁰³ *Соловьев Михаил Сергеевич* (1862–1903) – педагог, переводчик, издатель сочинений своего брата В.С. Соловьева; *Соловьева (урожд. Коваленская) Ольга Михайловна* (1855–1903) – художница, переводчица, жена М.С. Соловьева; добровольно ушла из жизни, узнав о смерти мужа.

¹⁰⁴ *Блок А.* Стихи о Прекрасной Даме. М., 1905. По другому поводу ЕА писал: «Блок, “школа Блока” никогда меня не интересовала. Блок для меня оканчивается с 1-й книгой стихов, со спуском его в плоскости общественности.

В интересном конфликте Блок–Гумилев я не с Блоком» (письмо к М.И. Слободскому от 29 мая 1929, см. во 2 томе наст. изд.).

¹⁰⁵ *Лопатин Л.М.* Князь С.Н. Трубецкой и его общее философское мирозерцание. М., 1906. «Проходившие в двух столицах похороны С.Н. Трубецкого вылились в акцию протеста против существующего порядка и в поддержку освободительного движения. В Петербурге они собрали около 20 тысяч человек, в Москве – около 50 тысяч» (Князь Сергей Николаевич Трубецкой – первый борец за правду и свободу русского народа. СПб., 1905. С. 88).

¹⁰⁶ Тем не менее, воспоминания о событиях на Пресне С.И. Кустова включены в сб.: Красная Пресня: Сб. [воспоминаний], посвящ. дек. восстанию, 1905–1920. М.: Краснопресн. ком. РКП, 1920.

¹⁰⁷ *Мин Георгий Александрович* (1855–1906) – полковник, командовавший частями Семеновского полка, вызванными из Петербурга для подавления декабрьского восстания 1905 на Пресне, отдал приказ «арестованных не иметь и действовать беспощадно» и подверг восставших артобстрелу. Убит эсеркой З.В. Коноплянниковой.

¹⁰⁸ *Архипов Е.* Юрьевский протопоп Аввакум, черты его характера и религиозные убеждения. 1904 г. 2 т. – ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 513. Ед. хр. 387.

¹⁰⁹ К.Я. Архипова.

¹¹⁰ Иннокентий Федорович – И.Ф. Анненский.

¹¹¹ «Алкеста» – драма Еврипида, которую И.Ф. Анненский перевел в 1901.

¹¹² Зачеркнуто: «Много сокровищ почерпнул из глубочайшего источника духовных знаний и лирики – от Веры Александровны Меркурьевой».

¹¹³ Возможно, кот или собака Меркурьевых.

¹¹⁴ Мать В.А. Меркурьевой, Мелания (Эмилия) Васильевна. См. о ней ниже, в «Записях о годах дружбы» с В.А. Меркурьевой.

¹¹⁵ *Николаевское училище*, названное в честь Великого князя Николая Михайловича, было основано во Владикавказе в 1874 г. В мае 1921 г. в здании бывшего Николаевского училища открылся Горский народный художественный институт (*ГСХИ*). О публичных лекциях ЕА см. с. 474–475.

¹¹⁶ Бхагават-Гита или Песнь Господня, переведенная с английского и санскритского А. Каменской и И. Манциарли. Калуга, 1914.

¹¹⁷ *Атлантида* – легендарная страна, опустившаяся на морское дно в результате землетрясения либо другого катаклизма. Впервые упоминается в диалогах Платона. *Уильям Скотт-Эллиот* (ум. 1930), выпустивший книгу «История Атлантиды» (Лондон, 1896), опирался на труды Теософского общества. Подробнее см.: *Жиров Н.Ф.* Атлантида. М., 1957. В литературной анкете, составленной в 1932, ЕА спрашивал у своих друзей-поэтов: «Кого из поэтов Вы считаете обладающим атлантической памятью?». Д.С. Усов ответил: «Эдгар По. Черубина де Габриак. Максимилиан Волошин. Автор “Огненно-го столпа” <т.е. Гумилев – Т.Н.>».

¹¹⁸ О *Кудрявцеве* см. комментарии к стихам. *Евгения Захаровна Гурчинская* – неустановленное лицо.

¹¹⁹ См. выше, примечания к «Гипсовой маске».

¹²⁰ Возможно, навеяно впечатлениями от памятника Н.В. Гоголю работы скульптора Н.А. Андреева, установленного в Москве в 1909.

¹²¹ Изображение Лютеранской кирхи во Владикавказе (рис. 496): <http://www.anaharsis.ru/histori/vlad1.htm>.

¹²² Дата смерти И.Ф. Анненского.

¹²³ Посмертный сборник стихотворений И.Ф. Анненского «Кипарисовый ларец» (М., 1910), изданный его сыном, поэтом В.И. Анненским-Кривичем.

¹²⁴ ЕА составил «Библиографию И.Ф. Анненского» (М., 1914).

¹²⁵ О видениях лебедей ЕА писал в своей «Мессе по И. Анненском». Ср. слова Усова из его письма к ЕА 1923: «Знаете, если бы сбылась наша страстная мечта о содружестве, объединенном именем И.Ф. А<нненского>, о своем журнале, о книгоиздательстве “Кипарисовый ларец”, то мы не нашли бы лучшего книжного знака и печати, чем *Лебедь*. Этим было бы сказано все! Лебедь Аполлона и лебедь Царского Села...» (Усов. Т. 2. С. 139).

¹²⁶ Парк во Владикавказе, название от велосипедного трека.

¹²⁷ См. главу «Видение» в «Лектистерниях».

¹²⁸ Стихотворения Е.И. Дмитриевой были напечатаны под псевдонимом Черубина де Габриак в журнале «Аполлон» (1909, № 2 и 1910, № 10).

¹²⁹ *Волошин М.А.* Стихотворения. 1900–1910. М.: «Гриф», 1910. *Богаевский Константин* Федорович (1872–1943) – живописец.

¹³⁰ «Corona Astralis» (*лат.*) – венок сонетов М.А. Волошина (1909), впервые опубликованный в вышеназванном сборнике «Стихотворения». «Перевод названия может быть двояким: “звездная корона” и “астральная корона”; Corona astralis может быть истолковано также как “Астральный венец” – от теософского понятия “астрального света”: невидимой эфирной сферы, окружающей земной шар» (*Купченко В.П.* Комментарий // *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. I. М., 2003. С. 475).

¹³¹ Речь идет об издаваемом Н.С. Гумилевым и М.Л. Лозинским журнале «Гиперборей» (1912–1913).

¹³² В 1912 г. вышла первая книга Ахматовой «Вечер» (СПб.: Цех поэтов) с предисловием М.А. Кузмина.

¹³³ Сын друга ЕА, инженер *Василий Дмитриевич Иллин* (1898–1937) был расстрелян в Москве. Других сведений об этой семье найти не удалось.

¹³⁴ *Рыбинцев Георгий Иванович* (1884–1944; похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем) – поэт, автор книг «Ожерелье из слез и цветов» (М., 1913); «Осенняя просинь» (М., 1914). Сохранились посвященные ЕА стихи Г.И. Рыбинцева (одно из них см.: <http://tafen.livejournal.com/481673.html>), вырезки его газетных статей и письма (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 109, 99, 76).

¹³⁵ Письма В.Ф. Эрнэ к ЕА см. во втором томе наст. изд.

¹³⁶ См. выше, прим. к «Гипсовой маске».

¹³⁷ См. примечание 63 на с. 556.

¹³⁸ См. о ней в письмах ЕА к Альвингу в наст. изд.

¹³⁹ *Альвинг Арсений* (псевдоним Арсения Алексеевича Смирнова) (1885–1942) – поэт, прозаик, критик и переводчик. См. о нем в «Лектистерниях». Лирика Альвинга рассмотрена в статье ЕА «Мелодия мучения» (см. в наст. изд.). Переписку Альвинга с ЕА см. в наст. изд. «*Жатва*» – «вестник литературы», небольшой московский литературный альманах (1911–1916, вышло 8 выпусков), издаваемый Арс. Альвингом и Е.Е. Курловым, а также одноименное издательство.

¹⁴⁰ Переписка с Д.С. Усовым, начавшаяся при посредничестве Альвинга, продолжалась до смерти Усова (переписка за 1935–1942 почти неизвестна). Единственная личная встреча произошла летом 1928 в Царском Селе – несколько дней дружеского отдыха и общения.

¹⁴¹ В 1927 при переезде Звенигородского в Ардатов из Нижнего Новгорода письма ЕА были украдены в числе других бумаг (об этом сообщает Д.С. Усов: *Усов*. Т. 2. С. 467–468). О переписке со Звенигородским см. прим. 94.

¹⁴² *Бобров Сергей Павлович* (1889–1971) – поэт, прозаик, стиховед. Автограф Боброва в альбоме ЕА: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 36.

¹⁴³ Долинское, или Долинский – небольшой дачный поселок неподалеку от Нальчика, позже переименованный в Никольское. По воспоминаниям К.А. Чхеидзе: «В начале XX века в Нальчике появилась вдова генерала Александра Ивановна Никольская, богатая и властная женщина. Ей и ее дочери Кате врачи посоветовали поселиться близ Нальчика. Уже тогда были замечены целебные свойства нальчикского климата, особенно воздуха. А.И. Никольская скупила у Долинских почти все земельные участки, на одном из них построила красивую дачу. С тех пор она зажила, как главная персона, стала фактической правительницей поселка, имела большое влияние на начальствующих лиц в Нальчике. Словом, стала своего рода “феодалом”» (Цит. по: *Котляровы М. и В.* Высшая мера Константина Чхеидзе // Кабардино-балкарская правда. 17 сентября 2012).

¹⁴⁴ ЕА переведен учителем в мужскую гимназию Новороссийска.

¹⁴⁵ *Розанов Василий Васильевич* (1856–1919) – философ, прозаик, публицист. Два письма к нему ЕА: Приложение IV. См. также его переписку с Н.С. Архиповой во втором томе настоящего издания. Приложение III. В одной из тетрадей ЕА есть несколько выписок из писем Розанова к Э.Ф. Голлербаху (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2). Волошин, фиксируя впечатление, производимое ЕА, отмечает: «Есть еще сходство с В.В. Розановым. Быть может, в крайней неуверенности всех слов. Это отсутствие “авторитетности” поражало в В.В. и противоречило его положению в литературе» (запись в дневнике от 27 июня 1931). ЕА не был переведен в Москву.

¹⁴⁶ *Анненский И.Ф.* Фамира-Кифарэд. Вакхическая драма. Изд. посмертное. М., В.П. Португалов, 1913.

¹⁴⁷ См. в настоящем издании.

¹⁴⁸ Погребенные влюбленности (*франц.*).

¹⁴⁹ См. об этом: *Гаспаров*. С. 14–28.

¹⁵⁰ Зачеркнуто: (о Вл. Эрне). Переписку с Гершензоном см. в наст изд.

¹⁵¹ В декабре 1917 в Новороссийске установилась Советская власть. А в августе 1918-го город был занят белогвардейцами, продержавшимися до марта 1920.

¹⁵² Эссеистические воспоминания о Мейерхольде в «Лектистерниях» см. в наст изд. В новороссийской студии, руководимой Мейерхольдом, ЕА читал лекции по античной трагедии и работал библиотекарем.

¹⁵³ *Ивнев Рюрик* (Михаил Александрович Ковалев; 1891–1981) – поэт, прозаик, мемуарист, переводчик. См. о нем в «Лектистерниях».

¹⁵⁴ *Алперс Борис Владимирович* (1894–1974) – театровед, педагог. Автор книги о театре Мейерхольда: «Театр социальной маски» (М.–Л. 1931). Сохранилась фотокопия делового письма того времени: «Тов. Архиппову. Сегодня, 14 мая состоится совещание по делам театральной студии. Прошу прийти к 6 часам вечера в каб. Главн. Администатора (1-й Советский театр имени Ленина). Заведующий отделом искусства. Мейерхольд. Секретарь. Б. Алперс» (ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 119).

¹⁵⁵ О *Петре Гавриловиче Доленко* см. комментарий на с. 524.

¹⁵⁶ «Огненный столп» (П., 1921) – последняя книга стихотворений Н.С. Гумилева. По другому поводу ЕА писал: «Гумилев становится моим только после освобождения от Брюсова» (см. письмо 145 во 2-м томе наст. изд.).

¹⁵⁷ Машинопись, приплетенная из конволюта (Ед. хр. 38) в этом месте заканчивается датой: 1923.

¹⁵⁸ Упомянутое стихотворение Черубины – «Опять, как в письме, вторяю я то же...».

¹⁵⁹ См.: Черубина де Габриак. *Исповедь*. М., 2001. С. 176.

¹⁶⁰ В составе машинописного сборника ЕА «Крест и Стрелы. Сны о св. Себастиане Нарбоннском». См. в наст. изд.

¹⁶¹ Рождественский навестил ЕА по рекомендации Д.С. Усова.

¹⁶² «Возвращение Орфея» – название стихотворения Вс. Рождественского начала 1920-х (опубл.: *Усов*. Т. 2. С. 362–365), совпадающее с названием стихотворения В.Ф. Ходасевича 1910.

¹⁶³ В наиболее репрезентативный сборник Вс.А. Рождественского «Стихотворения» (Л., 1985) указанное стихотворение не включено. В прижизненных сборниках не опубликовано. Текст сохранился в виде машинописи:

Портрет Евгения Архиппова

Был приезд мой – верю – не случаен
в город возле моря, верный всем ветрам.
На ночном пороге благодный хозяин
с фонарем приветным улыбнулся нам!

Со стены смотрели дорогие лица;
а на книжных полках пел премудрый сад,
и была раскрыта тихая страница
на строфе про вещих северных дриад.
Но всего прекрасней – птицею летящей
Африка лежала на его столе,
чтобы странник с болью, самой настоящей,
захотел подумать об иной земле.
Что это – загадка? Иль напомиnanье?
Или символ утра, скрытого в ночи?
Дорогой хозяин! От Любви и знанья
я передаю вам хладные ключи.
Завтра новый парус, завтра возле мыса
перережет волны пенная ладья...
Вспоминайте, молча, бедного Улисса
и его скупые, снежные края!

Новороссийск

1926 год 5 июля (ГЛМ. Ф. 158. Оп. 2, д. 11. Л. 1).

Опубликованное нами (*Усов*. Т. 2. С. 613) как стихотворение Рождественского «Евгению Архиппову», на самом деле, является фрагментом пьесы А.С. Кочеткова, М.И. Слободского и В.А. Меркурьевой «Напрасный труд» (см. Приложение I в наст. изд.).

¹⁶⁴ *Лукницкий Павел Николаевич* (1902–1973) – биограф Н.С. Гумилева. Лукницкий навестил ЕА в Новороссийске в августе 1926. Его письма к ЕА 1926–1928: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 68 и Оп. 2. Ед. хр. 25.

¹⁶⁵ *Гумилев Н.С.* К синей звезде. Неизданные стихотворения. Берлин: Петрополис, 1923.

¹⁶⁶ В кн.: Константин Федорович Богаевский. Казань: изд. Центр. музея ТССР, 1927. С. 5–18. (Это не третья, а четвертая статья Волошина о Богаевском).

¹⁶⁷ *Каффа* или Кафа – название города Феодосия в XII–XV вв., в русских источниках до XVIII в.

¹⁶⁸ Границей «Золотой маски» в редакции 1927 являются слова: «План зеркал и башня над морем».

¹⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 40.

¹⁷⁰ *Архиппова Прасковья Степановна* – «2-я жена Якова Максимовича. Я помню венчание их здесь, во Владикавказе, в Тенгинской церкви за Терekom. Помню себя в карете с образом... До сих пор я называю Прасковью Степановну “мамой”» (из письма ЕА к Д.С. Усову от 5 апреля 1932).

¹⁷¹ *Рединг* – город в Великобритании, в тюрьме которого отбывал срок Оскар Уайльд. Это вымышленное «место издания» – намек на арест и высылку в Ташкент Черубины.

¹⁷² Д. Тарноградским.

¹⁷³ См. о нем прим. 136 на с. 497.

¹⁷⁴ *Каллизра* – вымышленное название места создания книги: венецианская гавань в коктебельской бухте, основанная на месте древнего порта тавро-скифов в XIV в. Ср. стихотворение Волошина «Каллизра» (1926).

¹⁷⁵ Волошина.

¹⁷⁶ Упомянуты книга М.А. Волошина «Демоны глухонемые» (Харьков, 1919), его поэма «Протопоп Аввакум» (1918), стихотворения «Машина» (1922), «Государство» (1922), «Бунтовщик» (1923) (под названием «Пророк» в книге «Стихи о терроре» (Берлин, 1923)).

¹⁷⁷ *Ходасевич Владислав Фелицианович* (1886–1939) – поэт, критик, мемуарист.

¹⁷⁸ Об этой дуэли см.: *Волошин М.А.* Лики творчества. Л., 1988. С. 758 (комментарий В.А. Мануйлова).

¹⁷⁹ См. о них прим. 24 на с. 467.

¹⁸⁰ Две эти статьи ЕА, подписанные псевдонимом «Д. Щербинский», входят в составленный им сборник, посвященный Черубине (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 102).

¹⁸¹ «Черный альбом» – рукописный сборник Черубины, «Гондла» – «драматическая поэма» Н.С. Гумилева (опубл.: Русская мысль. № 1. Декабрь 1917). «Сказки»: *Васильева Е., Маршак С.*, Театр для детей, Краснодар, 1922.

¹⁸² Стихотворение «Прислушайся к ночному сновиденью» (июль 1928):

Ты посмотри (я так томлюсь в пустыне
Вдали от милых мест...):
Вода в Неве еще осталась синей?
У Ангела из рук еще не отнят крест?

¹⁸³ Ср. в письме Усова к ЕА от 12 апреля 1925: «Из *мест*, которые я особенно выделил бы в самом Петербурге, назову: арку Ламотта <...> – указание Ч<ерубины> де Г<абриак> и ее предпочтение» (*Усов*. Т. 2. С. 300).

¹⁸⁴ Воспоминание о них опубликовано: *Богомолов Н., Малмстад Дж.* Михаил Кузмин. Искусство, жизнь, эпоха. С. 447–448.

¹⁸⁵ *Гильдебранд-Арбенина Ольга Николаевна* (1897–1980) – художница, мемуаристка, жена Ю.И. Юркуна. Адресат стихотворений Н.С. Гумилева, М.А. Кузмина, О.Э. Мандельштама.

¹⁸⁶ Книга Кузмина выходила дважды: *Кузмин М.* Нездешние вечера. Пг.: «Петрополис», 1921; Берлин: «Слово», 1923. Неизвестно, какая из них была подарена ЕА.

¹⁸⁷ Т.е. Царское село, в то время переименованное в Детское село.

¹⁸⁸ *Усова Алиса Гуговна* (урожденная Левенталь, 1895–1951) – вторая жена Д.С. Усова. См. о ней: *Нешумова Т.Ф.* «Гуговна» // «Сохрани мою речь...» Вып. 4/1. М., 2008. С. 226–244.

¹⁸⁹ См. о нем в комментариях на с. 521.

¹⁹⁰ *Голлербах Эрих Федорович* (1895–1942) – историк искусства, прозаик, поэт, библиофил. Автор книги о Царском Селе: «Город муз» (Л., 1927; 2-е изд.: Л., 1930).

¹⁹¹ *О Расе* см. комментарии к стихам ЕА.

¹⁹² Это была первая и последняя встреча друзей: в 1935 Усов был арестован, а освободившись, отправился в Киргизию, к высланной из Москвы жене, а в 1940-м г. переехал в Ташкент, где и умер. Таким образом, в Ташкенте скончались трое из близких друзей ЕА: Е.И. Васильева, В.А. Меркурьева и Д.С. Усов. Могилы их не сохранились.

¹⁹³ Место, где поселился после выхода из тюрьмы О. Уайльд.

¹⁹⁴ Кто-то из сослуживцев написал в доносе, что ЕА будто бы «служил при дворе», что привело к увольнению в начале 1929 (см. письмо ЕА к Волошину от 25 марта 1929 во втором томе наст. изд.).

¹⁹⁵ *Гладков Федор Васильевич* (1883–1958) – писатель. До конца 1921 возглавлял в Новороссийске отдел народного образования. Помог ЕА восстановиться на службе.

¹⁹⁶ *Алавастр* (греч.) – в православной церкви сосуд для хранения мира.

¹⁹⁷ Стихотворение Черубины де Габриак (12 июля 1928).

¹⁹⁸ *Лидия Павловна Брюллова-Владимирова* (1886–1954) – поэтесса, близкая подруга Черубины, антропософка; *Всеволод Николаевич Васильев* (1883–1944) – инженер-гидролог, с середины 1920-х работал в Ташкенте – муж Черубины; *Юлиан Константинович Шуцкий* (1897–1938) – синолог, переводчик, антропософ, друг Черубины и адресат многих ее стихотворений 20-х годов.

¹⁹⁹ Из стихотворения М.И. Цветаевой «Долго на заре туманной...».

²⁰⁰ См. комментарий к стихотворению «Дворик в Лензях».

²⁰¹ См. комментарий к стихотворению «Моя география».

²⁰² *Попов Всеволод Иванович* (1887–1950-е) – педагог, с которым Волошин познакомился в 1928 в Кисловодске. Письмо ЕА к Попову см. в наст. изд.

²⁰³ Название скал в море, расположенных у Керченского полуострова, похожих на каменные паруса. Рукописный сборник ЕА, включающий по одному стихотворению М.А. Волошина, С.Я. Парнок, Ю.Н. Верховского и В.Ф. Ходасевича, так же назывался «Петрокеравия».

²⁰⁴ Цитага из стихотворения Вс. А. Рождественского «Феодосия», посвященного К.Ф. Богаевскому.

Путник, кто бы ты ни был, присядь, отдыхая,
над откосом, где ходит морской купорос:
под тобой Феодосия – чаша пустая,
сохранившая запах аттических лоз.

Над рыбачьим поселком, над скудным прибоем
по колючкам оврагов ты будешь готов
целый день пробродить, обессиленный зноем,
в жидкой охре ее невысоких холмов.

День сегодняшний здесь так похож на вчерашний:
над пустыющим портом – соленая синь,
черепицы лачуг, генуэзские башни,
те же сети рыбацьи и та же полынь.

По извилинам рва заблудилась корова,
время гложет латинские буквы ворот,
и, как девушка, башня Климента VI-го
в хороводе подруг над холмами идет...

На закате мы вышли к стене Карантина,
где оранжевый холм обнажен и высок,
где звенит под ногой благородная глина
и горячей полынью горчит ветерок.

Зоркой тростью слегка отогнув подорожник,
отшвырнув черепицу и ржавую кость,
в тонких пальцах сломал светлоглазый художник
скорлупу из Милета – сухую насквозь.

И, седого наследства хозяин счастливый,
показал мне, кремнистый овраг обходя,
золотую эмаль оттоманской поливы,
генуэзский кирпич и обломок гвоздя.

Но не только монеты разбойничей расы
сохранила веков огненосная сушь –
есть колодец у стен Караимской Кенассы,
весь обсыпанный листьями розовых груш.

Здесь, покуда у двери превратник сердитый
разбирал принесенные дочкой ключи,
я смотрел, как ломались о дряхлые плиты
в виноградном намете косые лучи.

Желтый вяз простирал над стеною объятья,
розовеющий запад был свеж и высок,
и у девочки в желтом разорванном платье
тихо полз по плечу золотистый жучок.

Где-то козы бродили и ссорились дети,
и казалось, что здесь, на обрыве земли,
осыпаются волны и розы столетий,
и все те же по небу идут корабли.

А потом мы спукались по алым ступеням,
лабиринтами улицы к порту, к огням,
и не мог надышаться я этим осенним
винным воздухом славы – с тоской пополам.

Итальянская улица. Сад. И у входа
громыханье оркестра. В ларьках – виноград.
И в порту – нескончаемый рев парохода,
где у мола тяжелые волны гремят.

Ровно в полночь, качаясь на койке каютной,
я увижу, вдыхая прохладу и мрак,
как мигнет мне в окошко тревогой попутной
над Двукорной бухтой зеленый маяк,

и останется, звездною ночью хранима,
у ворот в Киммерию, страну забытья,
внучка синей Эллады, соперница Рима,
смутлоокая Кафа, турчанка моя.

Феодосия. Сентябрь 1930 г. Коктебель.

(РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 32–35).

²⁰⁵ Слово Коктебель восходит к сочетанию трех тюркских слов: *кок* (*гек*) – синий, голубой, небесного цвета; *тэбэ* (*тэнэ*) – вершина, верхушка, холм, курган, крыша; *эль* – край, страна, народ, племя, семья. А все вместе – «Страна голубых вершин», «Край синих холмов».

²⁰⁶ М.А. Волошина.

²⁰⁷ Цитата из стихотворения А.А. Сидорова «М.А. Волошину», вписанного в коктебельский альбом. *Остатний* – последний, оставшийся (просто реч.).

²⁰⁸ Замок Максимилиана (*лат.*).

²⁰⁹ О *Tauiah* см. в комментарии к стихотворению «Беата, Расе, Черубина...» на с. 535 настоящего издания. Впервые Волошин увидел копию бюста египетской царицы в Париже, в музее Гюме 6 июня 1904.

²¹⁰ См. прим. 659 на с. 601.

²¹¹ Ср.: «Максимилиан Александрович был талантливым рассказчиком; часто он читал свои новые стихи, и они звучали в вечерней тишине, едва нарушаемой шорохом волн, как-то особенно проникновенно и убедительно. В такие вечера слушатели начинали верить его рассказам о том, что здесь, у этих берегов, некогда проплывала ладья Одиссея, а вот на этом плато лежал большой средневековый итальянский город Каллиэра... Самые неожиданные

и фантастические утверждения поэта приобретали некую достоверность, и образы древних легенд возникали перед слушателями, как живые.

А наутро Максимилиан Александрович писал акварелью созданную его воображением Каллиэру, окруженную крепостными башнями с бойницами, обращенными в сторону степи» (*Барсамов Н.С. Художники-киммерийцы*. <http://www.krimoved-library.ru/books/45-let-v-galeree-aivazovskogo7.html>).

²¹² Упомянуты произведения Волошина: цикл стихотворений о терроре гражданской войны «Усобица» (1923), поэма или цикл стихотворений «Путями Каина» (ок. 1923); поэма «Св. Серафим» (ок. 1929), очерк «История Черубины» (1930).

²¹³ Цитата из стихотворения Л. Остроумова «Морской пустыни гладь, и стены Ханаана...», посвященного Волошину.

²¹⁴ «Габриак был морской черт, найденный в Коктебеле, на берегу, против мыса Мальчин. Он был выточен волнами из корня виноградной лозы и имел одну руку, одну ногу и собачью морду с добродушным выражением лица. Он жил у меня в кабинете, на полке с французскими поэтами, вместе со своей сестрой, девушкой без головы, но с распущенными волосами, также выточенной из виноградного корня, до тех пор, пока не был подарен мною Лиле» (*Волошин М.А. Воспоминания о Черубине де Габриак // Волошин М.А. Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. С. 451*).

²¹⁵ «Художник должен перестрадать ту землю, которую он пишет. Он должен пережить историю каждой ее долины, каждого холма, каждого залива. Опыт сердца, исходившего тоской в ее сумерках, и опыт ступней, касавшихся всех ее тропинок, ему дают не меньше, чем впечатления глаза» (*Волошин М.А. Константин Богаевский // Волошин М.А. Лики творчества. Л., 1988. С. 313*).

²¹⁶ Принятая транскрипция *Кучук-Енишар* – гора высотой 191 м над уровнем моря, расположенная в 1 километре к северо-востоку от Коктебеля. С ее вершины открывается один из лучших видов на Коктебельскую долину и Карадаг. Согласно последней воле М.А. Волошина, он был похоронен на ее вершине.

²¹⁷ «*Лук Геракла*» – здесь цитата из стихотворения о волошинском Коктебеле Вс. А. Рождественского «Nature morte»: «Залив, натянутый, как гибкий лук Геракла» (1929).

²¹⁸ Е.А. Юрченко, см. о ней комментарии к стихотворениям на с. 544–545.

²¹⁹ *Лензон* – в древней Греции месяц выжимки винограда (от названия виноградных тисков, давших имя отмечаемому в январе-феврале празднику в честь Диониса – Ленеи).

²²⁰ *Кочетков Александр Сергеевич* (1900–1953) – поэт, переводчик, ученик В.А. Меркурьевой. ЕА переписал его стихи в отдельную книжечку: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 15, в которую вошли его избранные стихотворения и поэмы 1925–1932 гг., отрывки из писем к В.А. Меркурьевой. Поме-

ты ЕА, касающиеся сделанных для Д.А. Тарноградского списков: «Давидочке. Апрель 1941», «Давидочке. 2.V. <1>941» и оглавление составленной для М.И. Слободского книжечки Кочеткова.

²²¹ Меркурьевой.

²²² См. в разделе «Приложения» (2-й т. наст. изд.) интермедию «Напрасный труд».

²²³ Первая публикация: «Лучший друг слова» <Е.Я. Архиппов>. Ответы М.А. Волошина на анкету Е.Я. Архиппова... 1932 г. // Советская библиография. 1989. № 2. Март-апрель. С. 83–88.

²²⁴ Ср.: «В 1931 умерла сестра Мария Александровна, с которой жила Вера: порвалась последняя родственная связь с Владикавказом. Через год она решается уехать. Решение было болезненным: “Милые! поймите же: я иду в изгнание”. 16 сентября 1932 друзья собрались на прощальную встречу; заодно отметили “45-летний юбилей” первых, детских стихов Меркурьевой. Этот день совпал с известием о смерти Волошина в Крыму» (*Гаспаров*. С. 71).

²²⁵ «*Год в Винете*» – см. в наст изд.: «Из книги о Вере Меркурьевой “Винетийские раздумья”».

²²⁶ Во Владикавказе В.А. Меркурьева жила по адресу: Красивая, 1. Дом располагался рядом с Церковью на Линеинной улице. До 1935 Меркурьева не имела в Москве своей жилплощади и ютилась у своей гимназической подружки Е.Я. Рабинович на Зубовском бульваре – т.е. в «Зубово».

²²⁷ *Волошин М.А.* Голод // *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 1. М., 2003. С. 345. В. Меркурьева. «Хлеба нет – зато жасмин цветет...», «Стансы» (*Тщета*. С. 41–43, 302); «Над головой голубое небо», «Голодная» («*Умейте жить минуткой*»).

²²⁸ Книге стихотворений Анны Ахматовой (Пг., 1917).

²²⁹ Вс. Рождественский.

Надпись на книге А. Ахматовой «Белая стая»

У Музы Царского Села
Походка птиц и речь простая,
От лебединого крыла
Ее блистательная «стая».

Стихи летят, летят на юг
Берущей сердце вереницей...
Не провожай их, старый друг, –
Все возвращается сторицей.

Ты знал лазурные пути
И ослепительное небо;
Чего же больше! Все прости
И больше мудрости не требуй!

20 января 1933

(О, муза плача... Стихотворения, посвященные Анне Ахматовой. М., 1991. С. 69–70). Послано в письме Рождественского к ЕА 20 января 1933 с названием «Евг. Архиппову» и подзаголовком «Надпись на “Белой стая”» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 109).

²³⁰ Стихотворение Рождественского о Волошине, заканчивающееся строчками:

И на крутом холме, где мак роняет пламя,
Где свищут ласточки и рушится прибой,
Мудрец, поэт, дитя, закрыв лицо кудрями,
Свой посох положил для вечности земной.

Машинопись другого стихотворения Рождественского, посвященного ЕА (1932): РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 115а.

²³¹ В автографе описка: 4.

²³² «Начало века» (М.-Л.: ГИХЛ, 1933) – мемуарная книга А. Белого.

²³³ *Розанов Матвей Никанорович* (1858–1936) – литературовед.

²³⁴ *Брандт Роман Федорович* (1853–1920) – языковед, славист, профессор Московского университета. *Цветаев Иван Владимирович* (1847–1913) – филолог, искусствовед, историк, профессор Московского университета, создатель и первый директор Музея Изыщных искусств в Москве, отец М.И. Цветаевой.

²³⁵ *Любавский Матвей Кузмич* (1860–1936) – историк, профессор Московского университета.

²³⁶ *Озеров Иван Христофорович* (1869–1942) – экономист, профессор Московского университета.

²³⁷ *Иванов Иван Иванович* (1862–1929) – историк литературы, критик, профессор Московского университета.

²³⁸ *Фохт Борис Александрович* (1875–1946) – логик, философ, профессор Московского университета.

²³⁹ *Бугаев Николай Васильевич* (1837–1903) – профессор математики Московского университета, отец Андрея Белого.

²⁴⁰ *Трубецкой Евгений Николаевич* (1863–1920) – религиозный философ, правовед, общественный деятель. О нем есть очерки в «Лектистерниях».

²⁴¹ *Тимирязев Климент Аркадьевич* (1843–1920) – биолог, профессор Московского университета.

²⁴² *Коган Петр Семенович* (1872–1932) – историк литературы, критик; президент Государственной академии художественных наук.

²⁴³ *Кречетов Сергей (Соколов Сергей Алексеевич; 1878–1936)* – поэт, прозаик, переводчик, основатель и редактор издательства «Гриф».

²⁴⁴ *Ликуардопуло Михаил Федорович* (1883–1925) – переводчик, рецензент, сотрудник журнала «Весы».

²⁴⁵ *Соловьев Сергей Михайлович* (1885–1942) – поэт, переводчик, историк литературы, священник. Его письма к ЕА неизвестны, но об одном его письме к ЕА от 24 июля 1925 упоминает К.Л. Архиппова.

²⁴⁶ Письма ЕА к Брюсову см. в наст. изд.

²⁴⁷ *Садовской* (наст. фам. Садовский) *Борис Александрович* (1881–1952) – поэт, прозаик, литературный критик. Переписку с Садовским см. в наст. изд.

²⁴⁸ *Рукавишников Иван Сергеевич* (1877–1930) – писатель, поэт. Его письмо к ЕА 1926 – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 75.

²⁴⁹ *Печковский Александр Петрович* (1880–1944) – переводчик (с латинского) книги «Цветочки Франциска Ассизского», вышедшей с предисловием С.Н. Дурылина в 1913 г. Писем А.П. Печковского как отдельных единиц хранения в бумагах ЕА, хранящихся в РГАЛИ, нет.

²⁵⁰ *Чулков Георгий Иванович* (1879–1939) – прозаик, поэт, публицист, мемуарист, литературовед. Его письмо к ЕА 1915 г. – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 82.

²⁵¹ Письма В.В. Розанова к ЕА не сохранились, ответные см. «Приложение IV» во 2-м т. наст. изд. Переписку Розанова с Н.С. Архипповой см. в «Приложении III» во 2-м т.

²⁵² *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855–1920) – историк русской литературы, библиограф. 2 письма Венгерова к ЕА (1915, 1916) – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 60.

²⁵³ Переписку с Гершензоном см. в наст. изд.

²⁵⁴ Письма Эрна к ЕА см. в наст. изд.

²⁵⁵ Письма М.А. Волошина к ЕА (1927–1932) см. в кн.: *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 13 (Кн. 1, 2). М.: «Азбуковник», 2015.

²⁵⁶ В этом месте зачеркнуты еще два имени: Бальмонт и Гершензон.

²⁵⁷ Киммерийский дневник (*греч.*). См. в наст. изд. 16 августа 1934 Вс. Рождественский писал ЕА: «С исключительной радостью узнал я о том, что Вы окончили свою рукопись о М.А. <...> Сборник памяти М.А. все же собирается, принципиальное разрешение на печать получено, а потому Вашу рукопись следовало бы иметь на учете» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 133).

²⁵⁸ *Эссе (франц.)*.

²⁵⁹ Рукопись эссе – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 99–111об. Вошло в «Ερφηρις Κιμμερια ».

²⁶⁰ У ЕА и его друзей со времен «Жатвы» существовала мечта об издании альманаха с таким названием (повторяющим название одного из стихотворений И.Ф. Анненского). К 1935, давно отказавшись от идеи коллективного альманаха (Усов весной 1935 уже был арестован, а связь с Альвингом ослабла), ЕА решил использовать это название уже для собственного сборника стихотворений, который, однако, или не сохранился, или не был составлен.

²⁶¹ Перечисленные стихотворения ЕА написаны не в 1935, но в более ранние годы. Далее в рукописи библиографическая справка о псевдонимах ЕА: Д. Щербинский, Марселий Струнский.

²⁶² **ТАНЕЦ ТАНИТЫ.** Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2. В письме к Звенигородскому от 13 декабря 1939 ЕА сообщает о замысле этой вещи, который осуществился, по-видимому, в конце 1939 – начале 1940. Дата под произведением «Третий год», т.е. третий со дня столетнего юбилея гибели А.С. Пушкина: 1940.

²⁶³ Эпиграфы – цитаты из стихотворений Вс.А. Рождественского «Ирина» («Звездою ты входишь в глухое жилье...»), 1927, посвященного его будущей жене И.П. Стуккей, И.Ф. Анненского «Traumerei»; С.М. Соловьева «Венера и Анхиз».

²⁶⁴ Цитата из стихотворения Анны Радловой «В ночи лежу с открытыми глазами...» (*Радлова А.* Крылатый гость. Третья книга стихов. Петрополис. 1922. С. 35):

В ночи лежу с открытыми глазами.
Глазами, ртом и порами вбираю
Ползучую ночную темноту.
Когда во мне становится, как в склепе,
Непоправимой темнотой темно,
Совой прозревшей летает сердце
И ищет выхода. У человека
От века и до века нет исхода.
И вижу все обломки и спирали
Вчерашних головокружений, штифт
Огня бенгальского, что мне казался
Похищенным моей рукой у Бога.
И надо всем немая Мнемозина
Бессмысленной прохладною рукою
Черту магическую провела.
Сперва неясно, вот ясней, яснее
Я вижу белое твое лицо.
Глаза закрыты. Как посмел ты солнце
Запрятать за дремучий лес ресниц,
Ресницами от мира заслониться,
Ресницы разложить как мертвых птиц?
Ведь на земле темно и дети плачут,
И хлеб не родится, и голод воет,
И холод сковывает нашу землю,
И ошупью земля слепая бродит,
Орбиту потерявшая свою.
Открой глаза! Да будет свет! ужели
Мой дух слабее эха, что над бездной
Его глаголу вторило стократно?
Скорей, скорей, ты видишь, вот рассвет
Бездушный, серый и ненастоящий

Встает над городом. Опять день долгий
Притворствовать, что мы живем под солнцем,
Когда я твердо знаю, что оно
В груди моей навек погребено.

Январь 1922 года.

²⁶⁵ Измененная цитата из стихотворения Вс. Рождественского «Сад» (*Рождественский Вс.* Окно в сад. С. 81; здесь: «колонны сдержанный полет»).

²⁶⁶ *Аспазия* (ок. 470–400 до н. э.) – подруга Перикла, политического деятеля древних Афин. Отличалась умом, образованностью и красотой, в ее доме собирались художники, поэты, философы.

²⁶⁷ *Даная* – в мифах древних греков дочь аргосского царя Акрисия. Зевс, пленившись ею, пролился на нее золотым дождем. Возможно, упомянутый золотисто-розовый оттенок – знак картины на этот сюжет Тициана или Рембранта.

²⁶⁸ *Левкипп* – сын царя Мессении Перьера и дочери Персея Горгофоны, брат Тиндарея и Икария (Аполлодор, III 10, 3), отец Левкиппид – Фебы, Арсиной, Гилаейры – невест Афареитидов (Идаса и Линкея).

²⁶⁹ По адресу: 1-я Мещанская, влад. 243 помещался чайный склад, но Перловых (а не Боткиных), (позднее, при наделении здешних домов номерами, стал 1-я Мещанская, д. 5); дом Журавлева был ближайшим соседним. О *Николае Викторовиче* см. прим. 275. *Булюбаши Федор Валерианович* (1844 – после 1902) – сверхштатный ординатор Шереметевской больницы, лечил внутренние и детские болезни. Благодарим за эти уточнения В.В. Нехотина.

²⁷⁰ Рядом с этой страницей клеена вырезка из советской газеты с фотографией картины «Битва при Ангиари» Леонардо да Винчи. В романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи» говорилось: «Художник работал в Палаццо Веккьо над Битвой при Ангиари. В 1503 году, приехав из Рима во Флоренцию, получил он заказ от пожизненного гонфалоньера, тогдашнего Верховного правителя Республики, Пьеро Содерини, изобразить какую-либо достопамятную битву на стене новой залы Совета, во дворце Синьории, в Палаццо Веккьо. Художник выбрал знаменитую победу флорентийцев при Ангиари, в 1440 году, над Никколо Пичинино, военачальником герцога Ломбардии, Филиппо-Мария Висконти. На стене залы Совета была уже часть картины: четыре всадника сцепились и дерутся из-за боевого знамени; на конце длинной палки треплется лохмотье; древко сломано. Пять рук ухватились за него и с яростью тащат разные стороны. В воздухе скрещены сабли. По тому, как рты разинуты, видно, что неистовый крик вылетает из них. Искаженные человеческие лица не менее страшны, чем звериные морды баснословных чудовищ на медных панцирях. Люди заразили коней своим бешенством: они взвились на дыбы, сцепились передними ногами и с прижатыми ушами, сверкая дико скошенным зрачком, оскалив зубы, как хищные звери, грызутся. Внизу, в кровавой грязи, под копытами, один человек убивает дру-

гого, схватив его за волосы, ударяя головой о землю и не замечая, что тотчас они оба вместе будут раздавлены. Это война во всем своем ужасе, бессмысленная бойня, самая зверская из глупостей – "pazzia bestialissima", по выражению Леонардо, которая "не оставляет ни одного ровного места на земле, где бы не было следов, наполненных кровью)". Упомянутая картина Рубенса «Похищение дочерей Левкиппа» (ок. 1617) – сейчас в Старой Пинакотеке Мюнхена.

²⁷¹ «Пентеликийский мрамор – розоватый мрамор с гор Петеликона в Греции, удивительный по теплоте тона (стал употребляться с V в. до Р.Х.)» (объяснение ЕА). Более распространено написание «пентелийский».

²⁷² Неточная цитата из стихотворения В. Бородаевского «Огнем пожара сожигая...».

²⁷³ Цитата из романа А. Франса «Харчевня королевы Педок».

²⁷⁴ Неточная цитата из новеллы А. Франса «Валтасар».

²⁷⁵ Кладбище при Шереметевской богадельне никогда не существовало. Вероятно, на самом деле, речь о другой больнице; врача по имени Николай Викторович в Шереметевской больнице по состоянию на 1892 тоже не было. Ближайшее кладбище, подходящее по описанию, – Лазаревское. На 1892 единственный в России врач с таким именем и отчеством – это *Слётон Николай Викторович* (1863 – после 1929), москвич, свехштатный ординатор университетских клиник (то же: 1895). Благодарим за эти сведения В.В. Нехотина.

²⁷⁶ От имени прекрасного юноши Адониса, которого полюбила Афродита.

²⁷⁷ Источник цитаты не установлен.

²⁷⁸ Текст стихотворения Доленко нам не известен.

²⁷⁹ В стихотворениях Вс. Рождественского такой стих не нашелся.

²⁸⁰ О жонглере Парижской богоматери – возможно, пересказ новеллы А. Франса «Жонглер богоматери». *Екатерина Васильевна Гельцер* (1876–1962) – балерина, народная артистка России (1925). *Айседора Дункан* (1877–1927) – американская танцовщица.

²⁸¹ Имеется в виду статья: *Сологуб Ф.* Мечта дон Кихота (Айседора Дункан) // Золотое руно. 1908. № 1.

²⁸² **ИСПОВЕДЬ.** Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1–33. Amours défunts – погребенные влюбленности (*франц.*). Рукопись была закончена в мае 1922 и отправлена Д.С. Усову.

²⁸³ Цитата из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник».

²⁸⁴ Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...».

²⁸⁵ Источник цитаты не установлен.

²⁸⁶ Цитата из стихотворения Валериана Бородаевского «Вкруг колокольни обомшелой...»: *Бородаевский В.* Стихотворения. Элегии, оды, идиллии. СПб., 1909. С. 9.

²⁸⁷ Д.С. Усовым, его ответ на «Исповедь» см.: *Усов.* Т. 2. С. 96–102.

²⁸⁸ Неточная цитата из стихотворения Мариэтты Шагинян «Жалоба» («Волну окликнула волна...»).

- ²⁸⁹ Цитата из стихотворения Андрея Белого «Разуверенье».
- ²⁹⁰ Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium».
- ²⁹¹ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Тоска миража».
- ²⁹² Цитата из стихотворения Андрея Белого «Как пережить и как оплатить мне...».
- ²⁹³ Цитата из стихотворения Аполлона Майкова «Fortunata».
- ²⁹⁴ В кавычках – вольные цитаты из стихотворения М.А. Волошина «Я ждал страданья столько лет»: «И сердце стало из стекла, / И в нем так тонко пела рана».
- ²⁹⁵ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Что счастье?».
- ²⁹⁶ Цитата из стихотворения З.Н. Гиппиус «Нелюбовь».
- ²⁹⁷ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Дальние руки» из «Трилистника одиночества».
- ²⁹⁸ Очевидно, самоцитата ЕА.
- ²⁹⁹ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Аметисты» («Трилистник огненный»).
- ³⁰⁰ Цитата из стихотворения Н. Минского «Все что в мире живет, происходит от мира» (курсив здесь и далее – ЕА) из его книги «Песни любви»: *Минский Н.* Полное собрание стихотворений. Т. 4. Песни любви. СПб., 1907. С. 46.
- ³⁰¹ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Старая усадьба».
- ³⁰² Цитата из стихотворения А.А. Блока «Настигнутый метелью».
- ³⁰³ О К. Павловой см. прим. 45 на с. 554.
- ³⁰⁴ Цитаты из трех стихотворений И.Ф. Анненского: «Призраки», «Квадратные окошки» (из «Трилистника призрачного»), «Träumerei».
- ³⁰⁵ Цитата из стихотворения М.А. Волошина «Себя покорно предавая сжечь...» (1910, опубли. в 1918; обращено к Е.И. Васильевой).
- ³⁰⁶ Цитата из стихотворения М.А. Волошина «То в виде девочки, то в образе старушки» (1911, опубли. в 1918).
- ³⁰⁷ Неизвестный, неизданный (*лат.*). По-видимому, строки этих двух эпиграфов из сочинений самого ЕА.
- ³⁰⁸ Цитата из стихотворения М.А. Волошина «Себя покорно предавая сжечь...», обращенного к Черубине (1910, опубли. в 1918).
- ³⁰⁹ Цитата – воспроизведенное целиком стихотворение Ахматовой «В каждых сутках есть такой». Большие буквы в словах «Тоска» и «Она» – транскрипция ЕА.
- ³¹⁰ Цитата из стихотворения В. Бородаевского «Нынче Горе мое нарядилось...» (*Бородаевский В.* Указ. соч. С. 18).
- ³¹¹ Цитата из стихотворения Болеслава Лесьмяна «Древняя повесть» (Весы. 1907. № 10).
- ³¹² Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Второй мучительный сонет».
- ³¹³ Цитата из стихотворения А.Н. Майкова «Excelsior».

- ³¹⁴ О С.Н. Трубецком см. в комментариях к стихам.
- ³¹⁵ Цитаты из стихотворений И.Ф. Анненского «Призраки», «В марте», «Облака», «Струя резеды в темном вагоне».
- ³¹⁶ Цитата из стихотворения М.А. Волошина «Как некий юноша, в скитаньях без возврата...».
- ³¹⁷ Цитата из стихотворения М. Лохвицкой «Любовь совершенная». У Лохвицкой – «из снега».
- ³¹⁸ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Минута».
- ³¹⁹ Там же.
- ³²⁰ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Нет, мне не жаль цветка, когда его сорвали...».
- ³²¹ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Минута».
- ³²² Неточная цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Я думал, что сердце из камня...» Правильно: «Задуй, пока можно задуть».
- ³²³ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Зимний романс».
- ³²⁴ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Что счастье?»
- ³²⁵ Цитата из стихотворения М.А. Волошина «На старых каштанах сияют листы...»
- ³²⁶ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Мелодия для арфы».
- ³²⁷ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Две любви».
- ³²⁸ Фамира – герой трагедии И.Ф. Анненского «Фамира-кифаред».
- ³²⁹ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Месяц».
- ³³⁰ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Снова иду я над этой пустынной равниной...»
- ³³¹ Цитата (с нарушением авторской строфики) из монолога Фамиры в четвертой сцене трагедии «Фамира-кифаред».
- ³³² Там же.
- ³³³ Там же.
- ³³⁴ Цитата из монолога Нимфы в восьмой сцене трагедии «Фамира-кифаред».
- ³³⁵ Цитата из «Третьего мучительного сонета» «Трилистника призрачного» И.Ф. Анненского.
- ³³⁶ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Что счастье?».
- ³³⁷ Цитата из монолога Фамиры в семнадцатой сцене трагедии «Фамира-кифаред». У ЕА ошибка: притаишься.
- ³³⁸ Цитата из монолога Фамиры в четвертой сцене трагедии «Фамира-кифаред».
- ³³⁹ Цитата из четвертой сцены трагедии.
- ³⁴⁰ *Небрида* – шкура лани, одежда вакханок.
- ³⁴¹ Цитата из семнадцатой сцены трагедии.
- ³⁴² Там же.
- ³⁴³ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Мелодия для арфы».

³⁴⁴ **РЫЦАРЬ ЛОГОСА И ЛИЛИИ (Памяти Владимира Эрна).** Публикуется по машинописи – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1–51. Автограф – ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. № 99. Здесь с пометой «Статья 1917» и эпиграфом, отсутствующим в машинописи: «И если уходит из редуемых рядов наших воин Христов от трудного часа, значит, отозван. С. Б.». Источник цитаты: *Булгаков С. [Н.]* Памяти друга (В.Ф. Эрн) // Русские ведомости. 1917. 30 апреля. № 96. С. 6. Усов прислал в письме к ЕА (май 1923) отзыв на эту работу ЕА:

«Эту работу я уже давно хотел иметь. М.О. Гершензон говорил мне о ней весною 1918 г., в Университете. Помнится, говорил он тогда следующее: работа хорошая (он два раза с очень серьезным взглядом сказал это. <...> “Рыцарь Логоса и Лилии” мне понравился очень. Необычайно волнует та глубочайшая радость понимания, которая разлита по всей работе. Очень хороша та часть, где выясняется непреходящая ценность философствования Эрна и его подлинность. Прекрасны и прекрасно расположены цитаты.

Но кое-где от работы требую большего. Мне кажется, именно Вы были уполномочены сказать это большее. Оно – по-разному и всякий раз верно – сказано у С. Булгакова и П. Флоренского (работа последнего, правда, очень хороша; я недостаточно оценил ее, прослушав в чтении С. Н-ча). Но есть еще какой-то третий поворот; Вы даете его почувствовать, но не показываете, в чем собственно он заключается – не умею сказать, и потому об этом довольно... Жаль, что не затронуты работы самого последнего периода – “Меч и крест”, “Верховное постижение Платона”; следовало упомянуть о “Семинарии по Платону” (1915–1916 академический год) – ведь здесь В. Фр-ч возвращался в места своей юности и воскрешал образ кн. С. Н. Трубецкого, который тоже вел этот семинарий. Мне кажется, что нельзя было пройти мимо работ о Розмине и Джоберти, их надо было исходить вдоль и поперек и извлечь оттуда то, что было в них лично-эрновского. Затем я бы прибавил хоть несколько страниц о своеобразии изложения, о стиле Эрна, проследив с особым тщанием, как за последние годы все яснее проступает в нем влияние Вяч. Иванова, гесп. эллинизма; Вл. Фр-ч сам говорил однажды (в Платоновском семинарии), что много жалуются на темноты и трудности стиля Вяч. Ив.; но стоит – говорил он – представить себе, что все это – точное повторение греческих конструкций, и все трудности мгновенно отпадают. Наконец детали: не названа гимназия, где Вы обучались с В. Ф-чем (я-то ее знаю). Жаль, что не нашла себе места черточка, великолепно подмеченная Вами в одном из писем в мае 1917 г.: “его почерк (– теперь уже исторический), мелкий и непрерывный, напоминающий телеграфные знаки на ленте”. Эти вставки я позволил себе сделать на Вашем манускрипте. (Милый мой. Не можете ли Вы подарить мне хоть какой-нибудь клочок, содержащий письма руки Эрна). Но все это, конечно, мои соображения. Возможно, что специалист-философ, подойдя к “Рыцарю Логоса и Лилии”, нашел бы больше погрешностей, не отрицающих – я в этом уверен – у Вашей работы ее основной стоимости.

Вам же я очень, очень благодарен за рукопись, и, если когда-нибудь я буду иметь власть в напечатании чего-либо из этого круга – я издам ее, с некоторыми своими вставками, как Вы сами дали мне право на это, говоря о моей предполагаемой книге о Русских Проклятых» (*Усов*. Т. 2. С. 158–160).

³⁴⁵ В рукописи: приготовление.

³⁴⁶ Неточная цитата из драмы А.А.Блока «Роза и крест».

³⁴⁷ Источник цитаты не установлен.

³⁴⁸ Позднее заседание состоялось в Мертвом переулке в доме М.К. Морозовой (произнесены речи Г.А. Рачинским, С.Н. Дурылиным, С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым, о. С.М. Соловьевым и присланы речи А.С. Волжским и о. П.А. Флоренским). (*Примечание ЕА*).

³⁴⁹ Эрн В. Борьба за Логос. М., 1911. С. 361.

³⁵⁰ Тифлисская П-я Е.И.В. Велик. Князя Михаила Николаевича Гимназия. (*Примечание ЕА*. Есть в автографе, отсутствует в машинописи).

³⁵¹ «Записки о Галльской войне» (*лат.*), сочинение Гая Юлия Цезаря.

³⁵² Семенников Николай Алексеевич (1881–?) – соученик Эрна по тифлисской гимназии и московскому университету (закончил математическое отделение физико-математического факультета в 1906), сын столоначальника Кавказского Военно-народного Управления надв. сов. А.А. Семенникова (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314, д. 762. Благодарим Г.Н. Датнову за эти сведения). Вилли Фрей – соученик Эрна по Тифлисской гимназии. Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934) – священник, писатель.

³⁵³ Гехтман Георгий Николаевич (1870–1956) – учитель истории во 2-й тифлисской гимназии, организатор историко-философского кружка, членами которого были П.А. Флоренский, А.В. Ельчанинов, В.Ф. Эрн. Уроженец Кутаиса, Г.Н. Гехтман окончил Харьковский университет и с 1895 работал в Тифлисе, преподавая в различных учреждениях литературу, историю и географию. В.Ф. Эрн писал о нем в своем Curriculum vitae: «Его влияние в смысле возбуждения самостоятельности мысли и интереса к серьезному исследованию – на весь класс было огромно. А для меня лично его уроки были целой эпохой в моем внутреннем развитии. Пробуждавшейся мысли он давал обильное содержание, а своей обаятельной личностью давал живое и наиболее убедительное доказательство всей важности и ценности того пути, по которому он шел. Его преподавание подготовило меня к университету» (В.Ф. Эрн: Новые документы и материалы // Начала. 1993. № 3. С. 131).

³⁵⁴ Автор пьесы «Сократ» (опубл. в журнале «Нива» в 1899 г.) – Петр Алексеевич Сергеев (1854–1930).

³⁵⁵ Гамерлинг Роберт (1832–1889) – австрийский поэт и драматург. Его роман «Аспазия» (1876) переведен на русский в 1884 (2 тт., СПб.).

³⁵⁶ Ираклий Георгиевич Церетели (1881–1959) – политический деятель России и Грузии. В 1907 избран членом Второй Думы. С мая 1917 по октябрь министр почт и телеграфов второго состава Временного правительства. Меньшевик. Оппонент Ленина.

³⁵⁷ *Ярослав Иосифович Сватош* (1871–1932) – педагог, по происхождению чех. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, педагогическую службу начал в Тифлисской гимназии. С 1924 – преподаватель, а с 1929 и до смерти директор русской пражской гимназии.

³⁵⁸ *Петр Александрович Каленов* (1839–1900) – писатель, переводчик, выпускник Московского университета, отдавший свою библиотеку в пользование студентов.

³⁵⁹ Возможно, студент Московской практической академии коммерческих наук (1897–1903) *Михаил Квасников*.

³⁶⁰ Журнал «Весы» (1904–1909) – центральный орган русского символизма.

³⁶¹ *Августин Блаженный* (354–430) – христианский теолог, виднейший представитель западной патристики. *Ориген* (185–254) – греческий христианский теолог, философ, ученый. Основатель библейской филологии. Автор термина «Богочеловек». «*Три разговора* о войне, прогрессе и конце всемирной истории» – сочинение В.С. Соловьева.

³⁶² Трубецкого.

³⁶³ Александровский приют для престарелых священнослужителей (Садовая-Кудринская, 11, стр. 4, перестроен в административное здание) и Софийская детская больница (Филатовская); пруд – на Кабанихе, ныне «новая» территория зоопарка. Благодарим за уточнение В.В. Нехотина.

³⁶⁴ Церковь Георгия Победоносца, что на Всполье (ул. Малая Никитская, 26). Снесена в 1932.

³⁶⁵ П.Н. Карелина называет эту первую работу Вл. Фр.: «Разговор о Толстом» и относит ее к январю 1902. (Письмо к Е.Я. А<рхиппо>ву от 13 июня 1917). (Примечание ЕА в рукописи, отсутствует в машинописи).

³⁶⁶ *Болотов В.В.* Учение Оригена о св. Троице. СПб., 1879.

³⁶⁷ *Гобсон Д.А.* Общественные идеалы Рескина. СПб., 1899.

³⁶⁸ *Звенигородский А.* Delirium Tremens. М., 1906.

³⁶⁹ *Свенцицкий В., Эрн В.* Взыскующим града. М., 1906.

³⁷⁰ *Иона Пантелеймонович Брхничев* (1879–1968) – публицист, издатель, поэт. Учился в Тифлисской семинарии одновременно с И. Джугашвили. Приятельствовал с Флоренским, Ельчаниновым и Свенцицким. В 1906 – член «Христианского братства борьбы», возглавляемого В.Ф. Эрном и В.П. Свенцицким. С апреля по июнь 1906 издавал газету «Встань, спящий» («Ходите в свете» – одно из ее названий), пропагандируя христианский социализм, после чего лишен священнического сана и посажен на год в тюрьму, а затем выслан в Егорьевск. В 1911 выпускал журнал «Новая земля», который официально объявил органом «голгофских христиан» и «мистического анархизма». Печатал в нем Н. Клюева. В 1913 затеял журнал «Новое вино» и издание сборника «Вселенское дело» для пропаганды идей Николая Федорова. В его кружок входили поклонники Федорова А.К. Горский и Н.А. Сетницкий.

1922–1923 – секретарь Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИКе (Помгол). В 1923 – издал памфлет против находящегося под арестом и под угрозой расстрела патриарха Тихона. В 1924–1925 – «воинствующий безбожник». В 1931 издал брошюру «Книга в жизни великих людей». Умер в доме для престарелых.

³⁷¹ В рукописи зачеркнуто: «Вспоминая теперь образ этой газеты, невольно скажешь: Как нужна сейчас именно такая газета!.. Но духовенство, как и тогда, в 1906 году, остается сонным и инертным, а революция протекает без Креста, без благословения и без христовой работы Церкви». В машинописи это место опущено.

³⁷² «Белая горячка» (*лат.*). Вторая книга А.В. Звенигородского (М., 1906).

³⁷³ «Начало всех вещей» (*лат.*) – название стихотворения Звенигородского:

Помнишь звездный небосвод?
Нас весна ласкала.
Мы стояли у ворот.
Ты роняла сладкий мед,
Как пчела, дрожала.

Ты ждала. Я вдруг приник.
Ты раскрыла жало.
Где-то пели. Пел родник.
Я спешил уйти в тайник,
Всех вещей начало.

³⁷⁴ «Огонь исцеляющий» (*лат.*). Текст стихотворения Звенигородского см. на с. 414–415 наст. изд.

³⁷⁵ За прочитанную в Московской духовной академии в марте 1906 г. проповедь, посвященную памяти лейтенанта Шмидта, П.А. Флоренский отсидел семь суток не в Бутырской, а в Таганской тюрьме. *Примечание ЕА*: Впоследствии эта проповедь напечатана под заглавием «Вопль крови». Слово в неделю крестопоклонную. М. 1906 г. Издание М-на и Х-ва. Ц. 7 к.

³⁷⁶ «Тантал» (1904) – трагедия Вяч. Иванова.

³⁷⁷ См. об этом: *Морозова Я.В.* Московское Религиозно-Философское Общество памяти Вл. Соловьева: у истоков возникновения (<http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/420708/>).

³⁷⁸ Упомянуты работы В.Ф. Эрн «Семь свобод», «Христианское отношение к собственности» (обе: М., 1906), «Пастырь нового типа» (М., 1907); «Церковное возрождение. О приходе» (Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906); вступ. ст. В. Эрн к кн.: *Гарнак А.* Сущность христианства. М., 1907.

³⁷⁹ Евгения Давидовна Эрн (*примечание ЕА*) (1886–1972).

³⁸⁰ Ирина Владимировна Эрн (*примечание ЕА*) (1909–1991) – историк архитектуры.

³⁸¹ Война – отец всех существ (*греч.*). Изречение Гераклита.

³⁸² Слова И.В. Гете, записанные П. Эккерманом.

³⁸³ Сокращенная цитата из выступления В.Ф. Эрна в Религиозно-философском обществе 22.XI.1910 «Основной характер русской философской мысли и метод ее изучения» (Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. 1907–1917. Т. 2. М., 2009. С. 178). Сокращения обозначены ЕА отточиями.

³⁸⁴ *Меонизм* – от греч. *ме он* (μή ὄν) – не-сущий. В Новое время, по Эрну, происходит разрыв с онтологизмом античной и средневековой мысли и начинается эпоха господства меонической (у Эрна – без-бытийной, без-жизненной) философии.

³⁸⁵ *Тонизм* – от греч. *тонос* (τόνος) – напряжение. Таблица резюмирует содержание VI части Послесловия кн. «Борьба за Логос».

³⁸⁶ *Иоганн Скотт Эригена* (810 (837?)–880) – ирландский схоластик, преподавал в Париже и Оксфорде.

³⁸⁷ Цитаты из послесловия к книге «Борьба за Логос»: «На пути к логизму».

³⁸⁸ Цитата из книги «Борьба за Логос».

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Цитата из выступления В.Ф. Эрна «Основной характер русской философской мысли...».

³⁹¹ Там же.

³⁹² Цитата из книги «Борьба за Логос».

³⁹³ Цитата из послесловия к книге «Борьба за Логос»: «На пути к логизму».

³⁹⁴ Цитата из книги «Борьба за Логос».

³⁹⁵ Обе цитаты из книги Эрна «Григорий Савич Сковорода. Жизнь и учение» (М., 1912).

³⁹⁶ Цитата из выступления В.Ф. Эрна «Основной характер русской философской мысли...».

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ Цитата из книги «Г.С. Сковорода...».

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ *Юркевич Памфил Данилович* (1826–1874) – философ, педагог.

⁴⁰¹ Эрн В. Проблема истории (По поводу диссертации Г.Г. Шпета «История как проблема логики») // Журнал Министерства народного просвещения. 1917, № 6. С. 316.

⁴⁰² Это слово мы оставили в авторской (Эрна) орфографии (в такой же форме находим его у Волошина и Блока), эту же форму (не «аполлонический») употребляет и ЕА в своих сочинениях.

⁴⁰³ В рукописи зачеркнута еще одна цитата из Эрна: «Одинокие усилия одиноких людей уже не могут спасти культуры от задушения цивилизацией. Приходится сниматься с мест, уходить в глубь, оставляя Вавилону цивилизацию, строиться и созидаться».

⁴⁰⁴ Все семь цитат из книги Эрнэ «Борьба за Логос».

⁴⁰⁵ В рукописи зачеркнута еще одна цитата из книги Эрнэ о Сковороде: «Нет другой культурной нации в мире, которая бы так мало сознавала свои духовные богатства, так мало ценила возможности ей предстоящие, как Россия».

⁴⁰⁶ Цитата из книги «Г.С. Сковорода...».

⁴⁰⁷ Цитата из выступления В.Ф. Эрнэ «Основной характер русской философской мысли...».

⁴⁰⁸ Неточная цитата из книги Эрнэ «Меч и крест. Статьи о современных событиях» (М., 1915).

⁴⁰⁹ Цитата из книги Эрнэ «Г.С. Сковорода...».

⁴¹⁰ Цитата из доклада Эрнэ «Основной характер русской философской мысли».

⁴¹¹ Три цитаты из книги «Г.С. Сковорода...».

⁴¹² Сокращенная цитата из книги Эрнэ «Григорий Савич Сковорода...».

⁴¹³ Цитата из книги Эрнэ «Борьба за Логос».

⁴¹⁴ **БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ В.Ф. ЭРНА (1882–1917)**. Автограф – РГА-ЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 52–55.

⁴¹⁵ *Корелина Надежда Петровна* (1854 – после 1940) – журналистка, мемуаристка.

⁴¹⁶ Ирина Владимировна и Евгения Давидовна Эрнэ (*примечание ЕА*).

⁴¹⁷ Сообщение М.И. Гершензона, бывшего при смерти Вл. Ф. (Письма к Е.Я. А<рхиппо>ву от 28 мая и 18 июня 1917 г.) (*примечание ЕА. Отчество Гершензона Осипович – ЕА транскрибирует «Иосифович», отсюда неприличный инициал*).

⁴¹⁸ **РАССЫПАННЫЙ СТЕКЛЯРУС**. Автограф в составе книги «Рассыпанный стеклярус» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1–16, отдельно прошитые листы. Глава III – отдельно прошитые листы л. 17–25; IV – в отдельном блокноте (Л. 26–52) с клеенными листами об О. Уайльде; л. 53–60 – об А.В. Звенигородском («Все-таки никто в России...»). Первый лист рукописи открывается римской II. О «Рассыпанном стеклярусе» как о новом, не известном для себя тексте ЕА писал Усов в декабре 1922 (*Усов. Т. 2. С. 112*).

⁴¹⁹ *От Марка*, 5, 22.

⁴²⁰ Об этом замысле ЕА писал Альвингу 18–19 декабря [1914].

⁴²¹ Замысел написать о Ключевском, Трубецком, Мейерхольде все-таки осуществился: главки о них вошли в книгу «Лектистернии».

⁴²² Название стихотворения Анненского.

⁴²³ Из стихотворения Анненского «Желание».

⁴²⁴ Цитата взята эпиграфом к статье ЕА «Письмо к умершему».

⁴²⁵ Из стихотворения А. Лозина-Лозинского «Как это грубо, жить... А, в мире, на краю...».

⁴²⁶ Из стихотворения В.Я. Брюсова «Одиночество».

⁴²⁷ Статья А.А. Блока «Русские дэнди» (1918), в которой перечислены имена «крылатых» По, Бодлера и Уайльда, повторенные ЕА.

⁴²⁸ В книге «Рассыпанный стеклярус» раздел начат записями о Ключевском, Бальмонте, Брюсове, Ивнeve, позднее вошедшими в «Лектистернии».

⁴²⁹ «*Податель света*» – слова отца ЕА (см. «Встреча с Фетом»), процитированные в стихотворении ЕА «Фет». Фет похоронен в каменном склепе Покровской церкви села Клейменова Мценского уезда Орловской губ.

⁴³⁰ «Ночные часы» (М., 1911) – сборник стихотворений А. Блока.

⁴³¹ «Безлюбая» – из стихотворения Анненского «Моя тоска».

⁴³² А.В. Звенигородскому.

⁴³³ В изд.: Уайльд О. Саломея. Драма. Пер. В. и Л. Андрусон. Под ред. К.Д. Бальмонта. М.: «Гриф», 1904. *Дурнов Модест Александрович* (1867/1868–1928) – художник, архитектор, поэт.

⁴³⁴ Так, с обрывом фразы. «*A rebours*» – роман Жориса-Карла Гюисманса «Наоборот» (1884). *Синагога* – возможно, повесть С. Пшибышевского «Синагога Сатань» (1899). *Марсель Швоб* (1967–1905) – французский писатель-символист, переводчик.

⁴³⁵ *Добролюбов Александр Михайлович* (1876–1945) – поэт, чьи духовные искания оказали большое влияние на русских символистов. *Гиппиус Владимир (Вольдемар) Васильевич* (1876–1941) – поэт, прозаик, критик, педагог, подружившийся с Добролюбовым еще в школьные годы. Цитата из статьи Гиппиуса о Добролюбове: «Этим исступленным культом смерти была проникнута его юношеская жизнь, когда он отравлял себя ядами; с этого культа он начал “свои” стихи; этим исступлением было проникнуто все, что он писал в эту третью зиму, и то, что он делал, когда на самом деле становился повинен не только в собственном медленном самоубийстве, то и в самоубийстве других, которых он склонял и склонил к этому» (Русская литература XX века. 1890–1910. Под ред. С.А. Венгерова. Т. 1. С. 267).

⁴³⁶ [ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ]. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 80–80об. Возможно, это черновики писем ЕА к Вс. Рождественскому, беловые письма не сохранились.

⁴³⁷ **ЛЕКТИСТЕРНИИ.** Машинописная книга – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 38. «Издательство» и время издания на титуле обозначено так: Идалиум. 1928. Еще один экземпляр авторизованной машинописи: Там же. Оп. 2. Ед. хр. 3. Так как главы о В.А. Меркурьевой, входившие в Лектус 3 как отдельный раздел «Янтарь и пепел (аспекты Веры Меркурьевой)» («Сквозь янтарное солнце», «Посмертный поединок», «В индийских садах», «Звезда волхов»), повторены в посвященной ей отдельной мемуарной книге, здесь они не воспроизводятся, а воспроизведены в разделе «10 портретов Веры Меркурьевой» «Книги о Вере Меркурьевой». Стихи см. в разделе «Стихотворения».

⁴³⁸ Слова из стихотворения В.С. Соловьева «Les revenants». Так как для понимания мемуарного цикла ЕА оно очень важно, приводим его текст здесь полностью:

Тайною тропинкою, скорбною и милою,
Вы к душе пробрались, и – спасибо вам!
Сладко мне приблизиться памятью унылою
К смерти занавешенным, тихим берегам.

Нитью непонятною сердце все привязано
К образам незначашим, к плачущим теням.
Что-то в слово просится, что-то недосказано,
Что-то совершается, но – ни здесь, ни там.

Бывшие мгновения поступью беззвучною
Подошли и сняли вдруг покрывало с глаз.
Видят что-то вечное, что-то неразлучное
И года минувшие – как единый час.

⁴³⁹ *Ресуррективный* – воскрешающий.

⁴⁴⁰ Здесь в переносном значении глагола «привести» – сделать так, чтобы объект оказался в определенном состоянии. Ср. «привести в чувство».

⁴⁴¹ До 1894 Казанский вокзал в Москве назывался *Рязанским*.

⁴⁴² В.А. Меркурьевой.

⁴⁴³ В.С. Соловьеве.

⁴⁴⁴ *Якунчикова Мария Васильевна* (1870–1902) – художница. Упомянутая картина – репродукция ее акварели «Деревенское кладбище» или офорта «Сельское кладбище».

⁴⁴⁵ «Метафизика в Древней Греции» (М., 1890). *Василий Николаевич Карпов* (1798–1867) – философ-идеалист, переводчик. Его перевод Платона вышел в 1841 г. в Санкт-Петербурге. Первый том «Творений» Платона в переводе В.С. Соловьева вышел при его жизни, в 1899 г. (М., изд. Солдатенкова), второй посмертно, в 1908 г., с предисловием С. Трубецкого.

⁴⁴⁶ Упомянуто стихотворение Я.П. Полонского «Царь-девица» (1880), процитировано стихотворение В.С. Соловьева «Das Ewig-Weibliche».

⁴⁴⁷ *Антисфеновская полуулыбка* – Антисфен из Афин (ок. 435–370 до н. э.) – древнегреческий философ, основатель школы киников.

⁴⁴⁸ О Лопатине см. прим. 36 на с. 553.

⁴⁴⁹ Страницы этих воспоминаний ЕА о Е. Трубецком опубликованы в кн.: *Половинкин С.М.* Князь Евгений Николаевич Трубецкой. Жизненный и творческий путь. Биография. М., 2010.

⁴⁵⁰ *Танезруфт* – Новороссийск, см. комментарий к стих. «Моя география».

⁴⁵¹ Разыскать эти публикации не удалось.

⁴⁵² Ср. письмо ЕА к Д.С. Усову из Новороссийска от 20 декабря 1920 в наст. изд.

⁴⁵³ *Лев Кобылинский* – Эллис. См. о нем прим. 102 на с. 559. *Б. Бугаев* – Андрей Белый.

⁴⁵⁴ *Михаил Николаевич* (1832–1909) – вел. князь, брат имп. Александра II. О гимназическом круге общения Флоренского (его одноклассниками, кроме упоминаемых ЕА лиц, были Д. Бурлюк, И. Церетели. Л. Розенфельд (Камнев)) см. публикацию: *Флоренский П.В., Шутова Т.А.* П. Флоренский и А. Ельчанинов: На пути создания православной педагогики // Новый журнал. 2005. № 241.

⁴⁵⁵ «Сшествие святого духа на апостолов» в Кирилловской церкви в Киве (1884). Известно, что для изображения апостолов в Кирилловской церкви (при психиатрической больнице) художнику позировали душевнобольные.

⁴⁵⁶ Вероятно, намек на строки В.С. Соловьева о «тяжких, душевных, грозных днях» из его стихотворения «Вновь белые колокольчики» (8 июля 1900).

⁴⁵⁷ Творения Платона. Перевод с греч. Вл. Соловьева. Т. 1. М.: К.Т. Солдатенков, 1899.

⁴⁵⁸ В 1873 немецко-российский предприниматель, археолог *Генрих Шлиман* (1822–1890), одержимый идеей найти гомеровскую Трою, производил раскопки в Малой Азии и нашел т. н. «клад Приама», в 1876 – шахтовые гробницы в Микенах, первое свидетельство существования древнейшей микенской культуры. В 1900 британский археолог *Артур Джон Эванс* (1851–1941) организовал раскопки Кносского дворца на о. Крит, что привело к открытию Минойской цивилизации.

⁴⁵⁹ ЕА окончил университет по двум отделениям: историческому и славяно-русскому.

⁴⁶⁰ Парк Александровского приюта для престарелого духовенства, ныне «новая» территория Московского зоопарка.

⁴⁶¹ Портрет поэта и драматурга *Алексея Константиновича Толстого* (1817–1875) работы *Карла Павловича Брюллова* (1799–1852), выполненный в 1836 (ГРМ, Петербург).

⁴⁶² См. прим. 358 на с. 580.

⁴⁶³ *Белый А.* Стихотворения и поэмы. В 2 т. Вступ. ст. А.В. Лаврова, сост., подг. текста и прим. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб. – М., 2006. Т. I. С. 206–207.

⁴⁶⁴ Диссертация С.Н.Трубецкого «Учение о логосе в его истории» (1900; опубл. в 1906). Гравюра А. Дюрера «Св. Евстафий» (1501).

⁴⁶⁵ *Сергея Николаевича* – Трубецкого.

⁴⁶⁶ Автограф в составе книги «Рассыпанный стеклярус» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп.1. Ед. хр. 41. Л. 27–52).

⁴⁶⁷ Упомянуты портреты В.О. Ключевского работы *Леонида Осиповича Пастернака* (1862–1945), *Матвея Алексеевича Доброва* (1877–1958), дипломная работа *Александра Михайловича Герасимова* (1881–1963) «В. О. Ключевский на лекции в Училище живописи» (1915).

⁴⁶⁸ В «Рассыпанном стеклярусе» дата (отражающая не время этой записи, а день посещения Бальмонта): 9 ноября 1904 г. Т.е. «1904» в машинопи-

си «Лектистерний» надо понимать как датировку события, а не этой записи о нем. См. экспромт Бальмонта во втором томе наст. изд.

⁴⁶⁹ Редакция журнала «Весь» и издательства «Скорпион» располагалась в здании отеля «Метрополь» в Москве.

⁴⁷⁰ В архиве ЕА сохранилась недатированная квитанция (№ 1175) подписки *Библиотеки I Николаевского общежития* на журнал «Весь», заверенная Брюсовым (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 2).

⁴⁷¹ Цитата из стихотворения А.А. Фета «Люди нисколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю...»:

Сердце – Икар неразумный – из мрака, как бабочка к свету,
К мысли заветной стремится.
Вот, вот опаленные крылья,
Круг описавши во мраке, несутся в неверном полете
Пытку свою обновлять добровольную.

⁴⁷² **Андрей Звенигородский.** Автограф в составе книги «Рассыпанный стеклярус» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп.1. Ед. хр. 41. Л. 53–60).

⁴⁷³ Звенигородский писал ЕА 10 июля 1910: «Читаю Эдгара По, привезенного из Нижнего; с ним я был в разлуке 13 лет. Единственный писатель во всем мире! Перевод “Ворона”, сделанный Брюсовым, Бальмонтом и другими, совершенно не отвечают <так! – Т.Н.> подлиннику. Удивляешься, как Бальмонт (такой знаток По) и Брюсов (ну, этот мог и не чувствовать) не чувствовали, что они своими переводами убили “Ворона”. Единственно достойный перевод – это перевод моего брата» (архив Е.А. Калло).

⁴⁷⁴ Звенигородский писал к ЕА 23 июля 1933: «Я перечитал твои “Три портрета”. Хорошо, четко! В первом портрете ты пишешь: “Хирурги... так варварски срastить ногу почти в самом бедре”. Тут ты, дорогой, ошибаешься. У меня был вывих левого бедра, который не был выровнен и так и остался (благодаря небрежности доктора Зеленко, институтского врача, который смотрел на свое дело как на доходную статью) не выровненным в гипсе. Слома же бедра у меня не было. Но это пустая деталь» (архив Е.А. Калло).

⁴⁷⁵ См. стихотворение Шелли «Азиола».

⁴⁷⁶ Скрипка (*франц.*). *Феликс Валлотон* (1865–1925) – швейцарский художник. На его рисунке лица человека, сидящего у камина со скрипкой в руках, не видно.

⁴⁷⁷ **3-ий аспект А. Звенигородского.** Есть только в рукописи «Рассыпанный стеклярус», не датирован, в машинописи «Лектистерний» отсутствует. Несомненно – этот аспект – реакция ЕА на фотопортрет Звенигородского с дарственной надписью: «Дорогому другу Евгению неизменно преданный ему Андрей. 1931 г. Ноябрь. Москва» (воспроизведен в кн: *Усов*. Т. 1, вклейка).

⁴⁷⁸ Сохранилась еще один фрагмент ЕА о Звенигородском (очевидно, выписка из письма АЕ к нему): «...а тема все та же: одна, любимая Россия. И Ты даешь видеть ее бессмертные, ее нищие, убогие стороны, но все в таком

аспекте, в таком прозрении – что к этим сторонам, как к дорогому лицу, не нет сердце, пусть даже оно лежит сейчас в гробе смертном. И Ты говоришь сейчас о России прекрасной, драгоценной, лежащей в убогом гробу. “Пески”, “гребень синих вод”, “загадочная глушь” – вот грани, в которых покоится Россия. В Тебе уже окрепла и преобразилась стихия русского национального поэта» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 19).

⁴⁷⁹ Этот венок сонетов, видимо, утрачен.

⁴⁸⁰ После этого слова небольшой пропуск в машинописи.

⁴⁸¹ Повесть С. Ауслендера (1909), иллюстрированная М. Добужинским.

⁴⁸² Сборник стихотворений индийского писателя *Робиндраната Тагора* (1861–1941), за англоязычную версию которого он был удостоен Нобелевской премии в 1913 г.

⁴⁸³ Далее в машинописи «Лектистерний» следовал раздел о В.А. Меркурьевой «Янтарь и пепел», состоящий из 4 главок («Сквозь янтарное солнце», «Посмертный поединок», «В индийских садах», «Звезда волхвов»), полностью включенный в «Десять аспектов Веры Меркурьевой» (первые ее четыре главы, датированные 1921–1922 гг.). См. их ниже, в составе этого произведения.

⁴⁸⁴ **М.А. Кузмин.** Машинопись – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 886–88е; опубликована в кн.: *Богомолов Н., Малмстад Дж.* Михаил Кузмин. Искусство, жизнь, эпоха. СПб., 2007. С. 447–448.

⁴⁸⁵ Кузмин (с Ю.И. Юркуном и его матерью) занимал две комнаты в коммуналке на ул. Рылеева, 17. *Воинов Всеволод Владимирович* (1880–1945) – график, его портрет Кузмина – 1921.

⁴⁸⁶ Об О.Н. Гильдебрандт-Арбениной см. прим. 185. *Сарьян Мартирос Сергеевич* (1880–1972) – армянский художник.

⁴⁸⁷ Картина «Три архангела и Товий» Ф. Боттичини, ранее приписываемая не Веронезе, но Верроккьо. *Юркун Юрий Иванович* (настоящее имя – Иосиф Юркунас; 1895–1938) – писатель, художник. Вместе с *Владимиром Алексеевичем Милашевским* (1893–1976), Гильдебрандт-Арбениной и др. входил в группу «13». *Тамара Платоновна Карсавина* (1885–1978) – балерина.

⁴⁸⁸ «Александрийские песни» (Пг., 1921), «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (Пг., 1919).

⁴⁸⁹ Арестованный Уголовным розыском ВСЮР, Мейерхольд сидел в Новороссийской тюрьме с сентября по ноябрь 1919, см.: <http://vestarchive.ru/arhivnye-dokumenty/1222-dokumenty-rgva-o-tragicheskoi-sydbе-ve-meierholdak-90-letiu-rossiiskogo-gosydarstvennogo-voennog.html>. *Жезл Аарона* – статья А. Белого «Жезл Аарона (О слове в поэзии)» из 1-го сб. «Скифы» (СПб., 1917).

⁴⁹⁰ Пропуск в машинописи.

⁴⁹¹ Вяч. Ивановым.

⁴⁹² **10 ПОРТРЕТОВ В.А. МЕРКУРЬЕВОЙ.** Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 43. На титульном листе место и год обозначены так: «Citta Dolente / 103». (См. прим. 171 на с. 507 наст. изд.) О завершенной рабо-

те над этими воспоминаниями ЕА писал Звенигородскому в июле 1940. Главы «Сквозь янтарное солнце», «Посмертный поединок», «В Индийских садах», «Звезда волхвов» составили раздел «Янтарь и пепел» в книге ЕА «Лектистерии» (1928). Список этих глав рукою К.Л. Архипповой – РГАЛИ. Ф. 2209. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 4–9. Машинопись с этими же главами называется «Аспекты Веры Меркурьевой» (Там же. Л. 10–29), она датирована 1921–1922 гг. В книгу вклеены объявление из «Литературной газеты» 15 января 1936: «Книги в гранках»: о сборнике стихов Шелли в новых переводах В.А. Меркурьевой под ред М.М. Розанова, предисл. Дм. Мирского, ист.-лит. комм. М. Заблудовского; фотография Винетийской роши (и садика Меркурьевой); рисунок карандашом Е. Дервиз 7 сентября 1924 – дом и сад – по улице идет с тростью или палкой Кочетков; на обороте портрет Кочеткова и кошечки.

Оглавление:

Книга о Вере Меркурьевой

I. Янтарь и пепел (Портреты Веры Меркурьевой).

Вместо предисловия. Вяч. Иванов «Мирьядами зеркал мой образ отражая...»

1. Сквозь янтарное солнце
2. Посмертный поединок
3. В индийских садах
4. Пепельной царице

II. Винетийские раздумья (Портреты Веры Меркурьевой)

- 6 <так! – Т.Н.>. Поющий кубок
7. пляж зверей
8. Винетийские сети
9. Винетийские прохлады
10. Погружение Винеты (Отдание почестей).
11. Пантомима шепота и сна

III. Запись о годах дружбы 1908–1938

IV. Встречи и расхождения. 1909–1938.

⁴⁹³ Впервые опубликовано М.Л. Гаспаровым в составе его статьи о Меркурьевой по автографу Вяч. Иванова. Список ЕА, поставленный им «вместо предисловия» имеет существенные разночтения с автографом Иванова, которые мы фиксируем ниже.

⁴⁹⁴ У Гаспарова: Гонимый.

⁴⁹⁵ У Гаспарова: нищий.

⁴⁹⁶ У Гаспарова: обветшал.

⁴⁹⁷ У Гаспарова: и.

⁴⁹⁸ У Гаспарова: изгнаны.

⁴⁹⁹ У Гаспарова: мест.

⁵⁰⁰ У Гаспарова с большой буквы: Смиренья.

- ⁵⁰¹ У Гаспарова: На розу ветерок порою.
- ⁵⁰² У Гаспарова: кочевья.
- ⁵⁰³ Цитага из стихотворения М.А. Волошина «В янтарном забытгыи полуденных минут...».
- ⁵⁰⁴ *Анатолий Афанасьевич Арапов* (1876–1949) – художник.
- ⁵⁰⁵ Е.В. Цингер.
- ⁵⁰⁶ *Переpletчиков Василий Васильевич* (1863–1918) – художник, знакомый В.А. и Н.А. Меркурьевых. О картине Переpletчикова, проданной в Краснодарский краеведческий музей в 1963, упоминает К.Л. Архиппова (письмо к М.А. Торбин 6 июня 1965. Дом-музей Марины Цветаевой. Архив М.А. Торбин. Оп. 1. КП 1530/ 976).
- ⁵⁰⁷ *Бромлей Надежда Николаевна* (во втором браке Сушкевич; 1884–1966) – актриса, режиссер, драматург, поэтесса.
- ⁵⁰⁸ *Рыцарь Дориан* – возможно, сам ЕА (ср. посвящение стихотворения Меркурьевой и Кочеткова «Дориану Евгениевичу Архивову» – Приложение П к наст. изд.). *Борисов-Мусатов Виктор Эльпидифорович* (1870–1905) – художник.
- ⁵⁰⁹ Вероятно, *Чарльз Роберт Найт* (1874–1953) – американский художник, известный реконструкциями внешнего вида доисторических животных, в частности, динозавров.
- ⁵¹⁰ *Стивен Грэм (Стефан Грэхем; 1884–1975)* – британский журналист, путешествовавший по России. См. письмо 83 во 2-м т. наст. издания.
- ⁵¹¹ В оригинале (описка?): хрустальный.
- ⁵¹² ЕА рассказывает о своем приезде из Новороссийска во Владикавказ летом 1931, когда, пытаясь подготовить свой окончательный переезд, он останавливался у Меркурьевой.
- ⁵¹³ *Кассандра* – В.А. Меркурьева, *королева Мария* – ее сестра М.А. Меркурьева.
- ⁵¹⁴ Е. Цингер.
- ⁵¹⁵ Примечание ЕА: «Цикл стихов о М.А. Меркурьевой ”Осталась”». См.: *Тщета*. С. 325–336.
- ⁵¹⁶ Примечание ЕА: «Витрина», баллада А.С. Кочеткова.
- ⁵¹⁷ Примечание ЕА: 3, 5, 6 «Тристан и Изольда» А.С. Кочеткова, его же «Деревья» и «Княжна Елисавета».
- ⁵¹⁸ Примечание ЕА: «Провинциальные вечера» М.И. Слободского, его же «Лермонтов», «Лезгинка».
- ⁵¹⁹ Поэма А.С. Кочеткова. См.: *Кочетков–1985*. С. 137–142. Наследником двух корон он назван по своему ученичеству у Вяч. Иванова и В.А. Меркурьевой.
- ⁵²⁰ Его же поэма «Княжна Елисавета», пока не опубликована.
- ⁵²¹ Примечание ЕА: «”Дом Поэта”, поэма Максимилиана Волошина, прочитанная Е.Я. Архипповым». См.: *Волошин М.А. Собр. соч. Т. 2, М., 2004*. С. 78–82.

⁵²² Примечание ЕА: «"Напрасный Труд", интермедия В. Меркурьевой, А. Кочеткова и М. Слободского, посвященная Е.Я. Архиппову». См. Приложение I ко второму тому наст. изд.

⁵²³ О «Вертепе» см. с. 221, 497, 545.

⁵²⁴ Т.е. о смерти М.А. Волошина.

⁵²⁵ *Бёме Антонина Павловна* (1877?–1940-е?) – гимназическая подруга Меркурьевой, адресат нескольких ее стихотворений.

⁵²⁶ Профессор-кавказовед *Леонид Петрович Семенов* (1886–1959).

⁵²⁷ Видимо, речь об А.С. Кочеткове.

⁵²⁸ В оригинале описка: написанный. Сам Слободской сочинил для Меркурьевой стихотворение «На прощанье» (опubl.: «*Умейте жить минуткой*»). Текст упоминаемого телесонета (т.е. сонета-телеграммы) нам не известен, но приводим здесь как образец жанра телесонет, написанный Кочетковым и Меркурьевой и адресованный ЕА:

Зовем Старки благословенья Клоди
Река погосты среднерусский вид
Шервинских Анна Атова гостит
Читаем Фауст новом переводе

Десятидневку вырвитесь свободе
Зухирамур сестра посторожит
Подобный поэтический магнит
Большая редкость северной природе

Отвѣтьте телеграфом кратко да
Потом подробно встретим вас вокзале
Ждем (восклицательный) Все ерунда

Искусство вечно (точка) Так сказали
Меркурьева (тире) душа Старков
Архиппова Шервинский Кочетков

15 июля 1936, Старки

(Гаспаров. С. 84). *Зухирамур* – шутливая контаминация кличек двух кошек Архипповых: Зу (доставшейся им от Меркурьевой) и Хирама.

⁵²⁹ Ниже цитируются его фрагменты. О Рудневе см. прим. 6 к письму № 228 (т. 1, с. 424 наст. изд.).

⁵³⁰ Полные имена обоих нам не известны.

⁵³¹ Возможно, речь идет об умершем в 1918 В.В. Переплетчикове.

⁵³² Вписано.

⁵³³ *Кирилл Петрович Яновский* (1822–1902) – педагог, администратор, попечитель Кавказского учебного округа, в год окончания ЕА университета уже три года как был в могиле.

⁵³⁴ Вероятно, упоминаемый ниже *Иван Васильевич Рябкин*, владикавказский архитектор.

⁵³⁵ См. о ней ниже.

⁵³⁶ «Ревнителю отеческих преданий» (*Тицета*. С. 429). Два карандашных наброска работы Рябкина, изображающие ЕА – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 113.

⁵³⁷ *Семенов Александр Федотович* – действительный статский советник. Учитель рисования Владикавказского реального училища. В 1889–1898 преподаватель рисования и черчения во Владикавказской гимназии. С 1887 наблюдатель за постройкой здания для Владикавказской гимназии (ранее гимназия располагалась в наемном помещении), в 1905 – агент по особым поручениям при Управлении Владикавказской железной дороги по учебной части (г. Владикавказ). В последующие годы Семенов – гласный городского приюта «Ясли» для подкидышей, член попечительного совета Владикавказской Ольгинской женской гимназии, Владикавказской женской прогимназии. В 1912 – почетный мировой судья Владикавказского судебного-мирового округа. В 1911–1916 – заведующий учебной частью в Управлении Владикавказской железной дороги (Ростов н /Д) (информация о нем взята с сайта Национальной научной библиотеки республики Северная Осетия-Алания <http://nslib.tnweb.ru/knpamat/17.html>).

⁵³⁸ См. о нем выше, прим. 54.

⁵³⁹ *Казаров Сергей Иосифович* – издатель газеты «Терек» (где с 1912 работал С.М. Киров).

⁵⁴⁰ Статьи В.А. Меркурьевой в «Терек» не выявлены. Статьи ЕА в «Терек»: об Е.В. Рискиной (Цингер) – 20 апр. 1911 и № 6 1912, о Бальмонте – 25 марта 1912, о Майкове – 16 мая 1907, об Анненском – 27 мая 1914, «Не давайте им умирать!» – статья о голоде крестьян восточных поволжских губерний («Терек», 1 апреля 1912 г.). Газетные вырезки этих публикаций: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр.13.

⁵⁴¹ Авторы сборника стихотворений «Золотая зурна» (Владикавказ, 1926): А. Кочетков, С. Аргашев. Л. Беридзе, В. Меркурьева, М. Слободской.

⁵⁴² Книга И.Ф. Анненского.

⁵⁴³ *Бромлей Н.Н.* Пафос. Композиции, пейзажи, лица. М., 1911.

⁵⁴⁴ Перечислены книги И. Северянина «Ананасы в шампанском. Поэзы», «Громокипящий кубок. Поэзы», «Victoria Regia. Четвертая книга поэз» (все: М., 1915).

⁵⁴⁵ *Белый А.* Золото в лазури. М., 1904.

⁵⁴⁶ В мемуарах А. Белого «Между двух революций» есть строки: «Много было тяжелого, когда гнали Меркурьеву, Пашуканиса, Переплетчикова; не в том суть, что гнали, – в том, как это делалось! Ушибли Меркурьеву; Переплетчиков – плакал...». В комментариях к этому месту А.В. Лавров пишет: «В чем было существо конфликта в Обществе свободной эстетики вокруг В.В. Переплетчикова, В.В. Пашуканиса и Н.А. Меркурьевой (сестры по

этессы В.А. Меркурьевой), остается неясным. Ср. запись Белого об октябре 1907 г.: «...разрыв с Переплетчиковым»; «Бурное заседание в "Своб<одной> эстетике": моя речь против "богемства"; и уход из "Эстетики" Переплетчикова, Пашуканиса, Меркурьевой и др.».

⁵⁴⁷ *Тщета*. С. 106, 310.

⁵⁴⁸ См. раздел «Приложения» во 2 т. наст. изд.

⁵⁴⁹ *Митрофан Васильевич Мохир* – действительный статский советник, инспектор народных училищ Терской обл., в 1915 директор Владикавказского реального училища. Составитель «Кумыкско-русского словаря».

⁵⁵⁰ *Иван Васильевич Рябкин* – архитектор, зам. начальника управления строительством Терской обл., автор проекта крупнейшей православного храма на Северном Кавказе – Казачьей церкви в честь иконы Знамения Пресвятой Богородицы (1903) в Хасавюрте. О его живописных работах ЕА писал в заметке: «Весенняя выставка» («Терек», 20 апреля 1911).

⁵⁵¹ *Константин Георгиевич Григорьянц* (1876–1955) – художник, член Союза художников Узбекистана. О его работах («Почти все работы К.Г. Григорьянца посвящены жизни гор») ЕА писал в заметке: «Весенняя выставка».

⁵⁵² Возможно, *Казьмин Сергей Петрович* – надворный советник, гидротехник, инженер-технолог Владикавказской городской думы, почетный блюститель Владикавказского им. Гоголя двухклассного городского училища; общественный деятель, член Общества любителей казачьей старины.

⁵⁵³ «Мир искусства» – художественное объединение, главный орган которого иллюстрированный журнал «Мир искусства» выходил в Петербурге в 1898–1904. Упомянуты русские художники: *Сомов Константин Андреевич* (1969–1939), *Судейкин Сергей Юрьевич* (1882–1946), *Сапунов Николай Николаевич* (1880–1912).

⁵⁵⁴ Цитата из стихотворения ЕА «Моя география».

⁵⁵⁵ День именин ЕА.

⁵⁵⁶ Поэты – поэту (*лат.*). 17 августа 1925 Волошину на тридцатилетие литературной деятельности были подарены «49 поздравлений от имен поэтов всех времен и народов (составившие отдельную тетрадь “Poetae-poetae”), авторами которых были Б. Ярхо (10 стихотворений), С. Шервинский (9), Г. Шенгели (8), А. Сидоров (7), Л. Остроумов (5), Е. Ланн (4), М. Дорогова (3), Петрово-Соловово (2), В. Верховский и Девлет-Матвеева (по одному)» (*Кулчеченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб. – Симферополь. 2007. С. 275).

Полезную информацию об этом сборнике находим в комментарии М.В. Акимовой: «Полный текст собрания пародий хранится в Доме-музее М.А. Волошина в Коктебеле; в фонде Б.И. и Г.И. Ярхо находится вариант из 39 текстов [см.: РГАЛИ. Ф. 2186 (Б. И. и Г. И. Ярхо). Оп. 1. Ед. хр. 170; М.И. Шапир, ‘Б.И. Ярхо: штрихи к портрету’, *Quinquagenario Alexandri Iľušini oblata*, М., 1990, 63–70 (68 примеч. 5); М.В. Акимова, М.И. Шапир, ‘Борис Исаакович Ярхо и стратегия «точного литературоведения»’, Б.И. Ярхо, *Методоло-*

гия точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы. М., 2006, xxv примеч. 24)]. О «Poetae – poetae» см. подробнее: М.И. Шапир, Указ. соч., 65, 68, примеч. 6; М.В. Акимова, М.И. Шапир, Указ. соч., xxv–xxvi примеч. 24, 25; публикацию отдельных пародий Ярхо см.: М.Л. Гаспаров, Очерк истории европейского стиха, М., 1989, 53–54; М.И. Шапир, Указ. соч., 68 примеч. 6; В. Купченко, Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование, СПб., 1996, 398; неполную публикацию цикла, а также комментарий, к сожалению, с неточностями, см.: Русская литература XX века в зеркале пародии, Составление, вступительная статья, статьи к разделам, послесловие, комментарий О.Б. Кушлиной, М., 1993, 239–254, 448–449» (Письма Б.И. Ярхо к М.А. Волошину. Подготовка текста, публикация, вступительная статья и примечания М.В. Акимовой. – *Philologica*. Т.10. № 24. С.88–122 <http://rvb.ru/philologica/10pdf/10iarxo.pdf>).

Упомянуты подражания, написанные от имени Ганса Сакса – Б. Ярхо «Благочестивый шпрух о мейстере Максимилиане, старшине препохвального цеха стиходелателей и гражданине этого доброго города» (опубл. в кн.: Русская литература XX в зеркале пародии. М., 1993. С.243–244), от имени Ронсара – С. Шервинский «Макс, ты роза. Или, нет...» (Там же. С. 244–245; Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников. Феодосия–М., 1997. С. 52), от имени Некрасова – Л. Остроумов «Еду ли ночью по улице темной...» (Русская литература XX в зеркале пародии. С. 252), «Имилиан Кириенко» (настоящая фамилия Волошина была Кириенко-Волошин) – Г. Шенгели («Шестикрылая, четвероногая...»). Там же. С. 253–254; более точная публикация: Образ поэта.... С. 54–55). От имени Вийона – А.А. Сидоров.

⁵⁵⁷ Кошка Меркурьевой.

⁵⁵⁸ Как ни удивительно, приходится констатировать, что это тоже кошка.

⁵⁵⁹ *Тщета*. С. 27, 387–388 (здесь: «Неизвестные нам пружины...»), 458, 173.

⁵⁶⁰ *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 539 («Неотлучная»), 562–563 («Наг возвращусь»), 76 («Приближение»).

⁵⁶¹ *Рождественский Вс.А.* Стихотворения. Л., 1985. С. 89.

⁵⁶² *Тщета*. С. 68–83.

⁵⁶³ Кудрявцев А.В. – директор Ольгинской гимназии во Владикавказе. Его дом на ул. Ломоносова (сейчас Назранская) сохранился.

⁵⁶⁴ Выше ЕА написал, что автор гимна – М. Руднев. Полный текст нам не известен.

⁵⁶⁵ Цикл, написанный В.А. Меркурьевой после смерти сестры Марии. *Тщета*. С. 325–336.

⁵⁶⁶ Ср. слова из письма ЕА к Вс. Попову: «Градация поэтических степеней, в представлении М<аксимилиана> А<лександровича>, Вам, вероятно, известна. Это: 1) стихослагатели, 2) стиходелатели, 3) стихотворцы, 4) Подмастерье, 5) Мастер-Поэт и 6) Поэт-Пророк». К этой же теме ЕА возвращался в письмах к Звенигородскому.

⁵⁶⁷ *Омар Хайям*. Рубайат. М.: Academia, 1935. 41 четверостишие в переводах О. Румера. Л. Некоры (скрытого под криптонимом «Л. Н.»), В. Тардова и К. Чайкина. Параллельно русским переводам в издании приведены подлинные тексты стихов. Короткая вступительная статья о поэте написана А. Болотниковым. *III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии* проходил в Советском Союзе в 1935.

⁵⁶⁸ Названы следующие издания: *Блок А.* Седое утро. Стихотворения. Пг., 1920; *Дневник Ал. Блока.* 1911–1913. Под ред. П.Н. Медведева. [Т. 1, 2. Л.], 1928; *Белый А.* Стихотворения. Берлин – Пг. – М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1923 (напечатано в Магдебурге); *Кузмин М.* Сети. Первая книга стихов. М., 1908; его же, Осенние озера. Вторая книга стихов. М., 1912; *Сологуб Ф.* Фимиама. [Стихи]. СПб., 1921 (на обл.: 1920); *Ахматова А.* Белая стая. Пг.: Гиперборей, 1917 (или второе издание 1922 г.); *Цветаева М.* Из двух книг. [М.] Оле-Лукойе, 1913; ее же, Версты. Стихи. Вып. 1, М., 1922; *Крандиевская Н.* Стихотворения. Одесса: Омфалос, 1919; ее же, Стихотворения. М.: К.Ф. Некрасов, 1913; *Клюев Н.А.* Песнослов. Пг., 1919; *Эренбург И.Г.* Стихи о канунах. М., 1916.

⁵⁶⁹ История Манон Леско и кавалера де Грие (*франц.*). Правильно: Histoire du chevalier des Grioux et de Manon Lescaut. Роман аббата Прево.

⁵⁷⁰ [Ю ТАРНОГРАДСКОМ]. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 44. Архивное название этой единицы хранения ошибочно: «Воспоминание Е.Я. Архиппова о встречах с Верой Меркурьевой».

⁵⁷¹ Золотой сундук (*греч.*).

⁵⁷² Такая поэма нам не известна. Вероятно, авторами ее были Меркурьева или Меркурьева и Слободской или Руднев.

⁵⁷³ Сельскохозяйственного института.

⁵⁷⁴ *Буся* – Анна Гавриловна Пономарева, *Иван Васильевич* – вероятно, И.В. Рябикин, *Антонина* – А.П. Беме.

⁵⁷⁵ Цитата из поэмы В.С. Соловьева «Три свидания».

⁵⁷⁶ *Рискин Яков Аронович* – муж Е.В. Рискиной (Цингер), врач, специалист по детским и внутренним болезням владикавказской лечебницы и электросветоводолечебного института доктора К.А. Исаковича; впоследствии возглавлял отдел здравоохранения при наркомате тяжелой промышленности СССР; его брат Нисон Рискин был одним из основателей аптечной сети во Владикавказе.

⁵⁷⁷ Стихотворение И.Ф. Анненского.

⁵⁷⁸ Книга стихотворений Г. Рыбинцева «Осенняя просинь» вышла в издательстве «Альциона». Речь идет о его первом стихотворном послании к ЕА (из Москвы, датировано 5 января 1914), из которого мы приводим выдержки:

Старинный друг! Прими посланье...
...Все мнится мне: балкон, бульвары
И китель белоснежный твой,

Осенних глаз святая чара
И профиль, светом залитой.
Походка, возгласы, пожатья –
Как Бальмонт, милый наш поэт –
Готовый броситься в объятия,
Заметив встречный мой привет.
(А там, в глухом чаду подвала
Василь Васильич, Митя, я
Вели беседу как попало,
В веселье детском и шутя.
Кто бросит слово о поэте,
Уставя взор в пятно картин,
А на столе – душа Кахетий,
Знакомый строй игристых вин.
Еще я помню волны дыма
И карачаевский шашлык,
И блещет вновь неуловимо
Твой поэтический язык.
... Знакомых милых стен обои
И Анненского милый лик,
Как хорошо, нас было двое,
Но был недолгим этот миг.
Твой золотой сундук – и ныне
Твое сокровище одно
В холодной мерзостной пустыне,
Где жизнь истратить суждено ...

(РГАЛИ. Ф. 1458. Оп.1. Ед. хр. 109. Л.1–2).

⁵⁷⁹ Зачеркнуто: Брюсову.

⁵⁸⁰ «Зеркало теней» (М., 1912) – книга стихов В. Брюсова.

⁵⁸¹ *Анненский И.Ф.* Кипарисовый ларец. Вторая книга стихов. Посмертная. М., 1910.

⁵⁸² *Арнштам Александр Мартынович* (1880–1969) – художник, участник выставок «Мира Искусства». В декабре 1919 арестован Петроградской ЧК, до конца лета 1920 – в тюрьме. С 1921 в эмиграции.

⁵⁸³ Т.е. книга ЕА «Библиография Иннокентия Анненского» (М., 1914), его статьи «Письмо к умершему», «Религия Фамиры» (см. в наст. изд.)

⁵⁸⁴ Не вполне ясное по смыслу место: *авзинийский* – возможно, неологизм ЕА, произведенный от поэтического названия Италии – Авзония. Здесь, очевидно: на поэтическом небосклоне. Слово «Жемчуга» должно отсылать к книге Н.С. Гумилева (1910), но следующие дальше эпитеты – почти повторяют строчку из сонета Усова, посвященного И.Ф. Анненскому (у Усова: «Сиреневых, и розовых, и черных»). *Усов*. Т. 1. С. 114).

⁵⁸⁵ Зачеркнуто до этого предложения: «Вместе мы очарованы были и Брюсовым-романистом: его европейским блистательным повествованием “Огненный ангел”».

⁵⁸⁶ Зачеркнуто: «Парижа».

⁵⁸⁷ Цитата из стихотворения М.А. Волошина «Парижу».

⁵⁸⁸ *Абрам Яковлевич Тарноградский* – отец Д.А. Тарноградского, владелец владикавказского ювелирного магазина «Рубин» на Александровском проспекте.

⁵⁸⁹ *Деви* – домашнее имя Д. Тарноградского.

⁵⁹⁰ Цитата из указанного стихотворения Волошина.

⁵⁹¹ Прикавказская башня (*лат.*).

⁵⁹² См. прим. 167.

⁵⁹³ Из стихотворения Вс. Рождественского. См. прим. 204.

⁵⁹⁴ *Анатолий Грант* – поэтическое имя Н.С. Гумилева в стихах Черубины.

⁵⁹⁵ Башня из слоновой кости (*лат.*). Так же назван цикл стихов в книге Вяч. Иванова «Сог Ardens».

⁵⁹⁶ Цитата из «Медного всадника» А.С. Пушкина.

⁵⁹⁷ *Анри Франсуа Жозеф де Ренье* (1864–1936) – французский поэт и прозаик.

В 1937-м издательство «Academia» влилось в Гослитиздат (впоследствии – изд. «Художественная литература»). В августе в газете «Правда» издательство было названо «кормушкой врагов народа».

⁵⁹⁸ См. прим. 567.

⁵⁹⁹ Ср. воспоминания Э.С. Штивельмана о Тарноградском: «Имел большую квартиру в центре города, она была до потолка заполнена книгами. Книжки стояли на стеллажах, а промежутки между ними называл улицами и давал им собственные имена. Для собственно жилья там места не оставалось. Вольготно жилось только большому коту, который загадил своими волосами всю продавленную мебель. В далеком прошлом был женат на грузинской княгине, она рано умерла» (благодарим Е.А. Тахо-Годи, приславшую нам эти воспоминания в письме 4 июля 2008). «Ряды стеллажей носили причудливые названия, типа – ул. Научной зоологии, или пер. Дракулы и т. д.» (из живого журнала соседа Д.А. Тарноградского: <http://donyfars.livejournal.com/20296.html>).

⁶⁰⁰ **ИСПЫТАНИЕ САДОМ.** Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 58–66.

⁶⁰¹ *Малэн* (Мален) – героиня пьесы М. Метерлинка «Принцесса Мален».

⁶⁰² Источник первых двух цитат (видимо, из Вс. Рождественского) не установлен. Третий эпиграф – из стихотворения А.В. Звенигородского, процитированного ЕА в статье «Иерофант ужаса и страсти». См. с. 409 в т. I наст изд.

⁶⁰³ Версаля (*франц.*).

⁶⁰⁴ Кап-Кой – старое осетинское название Владикавказа. А.С. Пушкин ненадолго заезжал во Владикавказ в 1829 г., о чем написал в первой главе

«Путешествия в Арзрум». Стихотворение Пушкина «Калмычке» имеет в автографе помету «22 мая. Кап-Кой».

⁶⁰⁵ Цитата из стихотворения ЕА «Осень в парке».

⁶⁰⁶ Из стихотворения ЕА «Mon Versailles».

⁶⁰⁷ Эпиграфы из стихотворений ЕА «Серенада IV. Призывание музыки» и А. Ахматовой «Пусть голоса органа снова грянут...».

⁶⁰⁸ См. «Танец Таниты».

⁶⁰⁹ Из стихотворения ЕА «Лицо, закрытое для мира...» (цикл «Автопортрет»).

⁶¹⁰ См. о ней прим. 5 к письму 6 во втором томе наст. изд. *Учителем* ЕА называет И.Ф. Анненского. Автор «Белой стаи» – Ахматова.

⁶¹¹ Речь идет об Альвинге и Усове.

⁶¹² **СТО ВТОРОЙ ГОД**, Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 97–101. Возможный адресат этого письма-эссе – П.А. Вартминский.

⁶¹³ «Питательная» о книгах писал Усов: «Был бы благодарен Вам, если б Вы присоветовали мне для летнего чтения хорошую, *питательную* книгу», «Последнее время я охотно читал “Слово о полку Игореве”, погружаясь в чистую и питательную языковую среду»; «Много всящая, *питательная* книга, которою можно *жить* долгое время» (*Усов*. Т. 2. С. 594, 491, 335). В письме к Звенигородскому от 12 сентября 1938 ЕА уточняет, что читал: «Анри де Ренье: *La Peur de l'amour* (там очень хорошая Венеция)».

⁶¹⁴ Т. е. для разъехавшихся участников кружка Расае.

⁶¹⁵ Цитата из посв. Гумилеву стихотворения Рождественского «О задержи коня, тюльпан Шираза» (*Рождественский Вс.*, Золотое Веретено. Стихи. Пб. 1921. С. 40).

⁶¹⁶ «Романтическая поэма» В.Я. Брюсова «Исполненное обещание» (опубл. в лит.-худ. альманахе изд. «Шиповник». Т. 4. СПб., 1908), «благодарейно» посвящена памяти В.А. Жуковского.

⁶¹⁷ *Маслов Георгий Владимирович* (1895–1920) – поэт. Упомянута кн.: *Маслов Г.* Аврора. Поэма. Вступительная статья Ю. Тынянова. Пб., издательство «Картонный домик», 1922. Эту книгу для ЕА раздобыл П.Н. Лукницкий (см. его письмо к ЕА от 2 ноября 1926 – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 4). «Три свидания» – поэма В.С. Соловьева, «Коринфская невеста» – баллада Гете в переводе А.К. Толстого.

⁶¹⁸ Т. е. сцена из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, поэма С.М. Соловьева из его книги «Цветник царевны» (М., 1913); стихотворение А. Белого «Маскарад» (цикл «Город» в сборнике «Пепел», СПб., 1909); стихотворение Меркурьевой опубликовано с изменением в первой строке: «Неизвестные нам пружины...» (*Тцета*. С. 387).

⁶¹⁹ «Буддийская месса в Париже» – стихотворение И.Ф. Анненского; «Месса по Анненском» – стихотворение ЕА.

⁶²⁰ «Ленора» – баллада Г. Бюргера, перевод Кочеткова; «Светлана» – баллада В.А. Жуковского, «Аврора» – см. прим. 617.

⁶²¹ Новелла Н.С. Гумилева «Последний придворный поэт» была написана весной 1908 и опубликована 27 июля 1908 года в «Речи» (№ 178). Одним из возможных прообразов поэта мог быть И.Ф. Анненский (подробнее: *Золотухина Н.* Поэтика новелл Н.С. Гумилева 1907–1909 годов // <http://www.gumilev.ru/about/135/>).

⁶²² По сб. критических статей Б.А. Садовского «Русская камена» (1910).

⁶²³ Одноименный сборник стихотворений Голлербаха.

⁶²⁴ Зеркала (*зреч.*). Коллективный сборник сохранился, его краткое описание см.: *Тщета*. С. 581.

⁶²⁵ Водевиль Садовского опубл.: Альманах «Гриф». М., 1914. С. 138–150.

⁶²⁶ Ср. лирический цикл М. Волошина «Амоги amara sacrum» (Святылише горькой любви, *лат.*).

⁶²⁷ *Амалия Ризнич* (1803?–1825) – жена одесского негодянта сербского происхождения И. Ризнича, с весны 1823 по май 1824 проживавшая в Одессе. Объект страсти А.С. Пушкина, посвятившего ей несколько стихотворений.

⁶²⁸ В автографе описка (?): знакомому детству.

⁶²⁹ См. комментарий к стихотворению «Стигийский завтрак». См. с. 534.

⁶³⁰ См. комментарий к книге «Обиды Расе». См. с. 531.

⁶³¹ Домашнее именование Линеинной улицы во Владикавказе у ЕА.

⁶³² М.С. Волошина навестила Архиповых весной 1938 года. См. письма № 282, 283.

⁶³³ См. прим. 225 в наст. томе.

⁶³⁴ Рождественского.

⁶³⁵ *Архипова* <так! – Т.Н.> *К.Л.*, *Жданова Е.П.*, *Кокоева Р.П.* Учебник русского языка для осетинской начальной школы. Кн. 3. Для 4 класса. [М.], 1938 (переиздавался в Дзауджикау (Владикавказе) в 1941, 1944, 1947). К уехавшей жене ЕА писал письма: № 284–286.

⁶³⁶ Эти стихи ЕА до нас не дошли.

⁶³⁷ На отдельном листке в той же тетради (л. 101а-об.) запись, имеющая отношение к этому тексту: «Письмо пришло от реньериста... / Видали ль вы артиста? / Писать неэпохально / Так длинно и нахально, / тут связи нет с эпохой, / хоть впрямь садись да охай! / Письмо было послано П. А-чу в середине марта <1>939». Видимо, письмо об одном прожитом годе было послано П.А. Вартминскому и записанное стихотворение является, по-видимому, ироническим автокомментарием ЕА. Под этой записью следует без указания авторства эпиграмма:

Надпись:

Седое утро Блока Александра –
как вечная пылает саламандра –
в страницах книги вновь и вновь
вскипает печенная кровь.

⁶³⁸ **ΕΦΗΜΕΡΙΣ ΚΙΜΜΕΡΙΑ**. «Киммерийский дневник» (греч.). Повествование о пребывании в гостях у М.А. Волошина летом 1931. Обработка дневниковых записей и создание на их основе связного повествования была закончена летом 1934. Ранее опубликовано с сокращениями под названием «Коктебельский дневник» в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: 1990. В настоящем издании текст воспроизведен без купюр по автографу (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 21об.–69). В комментариях частично использованы комментарии З.Д. Давыдова и В.П. Купченко к указанной публикации, а также составленная В. Купченко и Р. Хрулевой «Иконография М.А. Волошина» (Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников. Феодосия-М., 1997. С. 146–151). В записной книжке ЕА (Там же. Ед. хр. 2. Л. 99–104, 107–111об.) сохранился черновик эссе ЕА об акварелях Волошина, включенного в текст «Εφημερίς Κιμμερία».

⁶³⁹ См. прим. 203.

⁶⁴⁰ Обе цитаты из статьи М.А. Волошина «Константин Богаевский» (Аполлон. 1912. № 6. С. 9).

⁶⁴¹ «Киммерийские сумерки» – цикл стихотворений М.А. Волошина, написан в 1907–1909.

⁶⁴² В автографе: предпочтением.

⁶⁴³ Прочитирован ранний вариант стихотворения Вс. Рождественского «Феодосия».

⁶⁴⁴ Отец ЕА.

⁶⁴⁵ Крымский мыс, расположенный между Феодосией и Коктебелем.

⁶⁴⁶ Зачеркнуто: «из отчета».

⁶⁴⁷ Ошибка ЕА, это цитата из статьи Э.Ф. Голлербаха «Миражи Киммерии» (Акварели М.А. Волошина. Л., 1927. С. 8). Имеются в виду декорации для постановки оперы К.-В. Глюка «Орфей и Эвридика» в Мариинском театре.

⁶⁴⁸ См. прим. 207

⁶⁴⁹ Стихотворение Вс. Рождественского «Nature morte» (1929).

⁶⁵⁰ Т.е. в Новороссийске. См. о ней письмо ЕА к Волошину от 20 марта 1928.

⁶⁵¹ 9 ноября 1929 М.А. Волошин перенес инсульт.

⁶⁵² Рождественский дал портреты Волошина в стихотворениях «Коктебельская элегия» (1928), «Nature morte» (1929), «Terra antiqua» (1930).

⁶⁵³ Т.е. протопопа Аввакума, описанного в поэме Волошина.

⁶⁵⁴ Замок Максимилиана (*лат.*).

⁶⁵⁵ Цитата из стихотворения «Дом поэта» (*Волошин М.А. Собр. соч. Т. 2, М., 2004. С. 81*).

⁶⁵⁶ Цитата из стихотворения М.Н. Розанова «Castellum Maximilianum». Опубликовано в кн.: Образ поэта... С. 63.

⁶⁵⁷ Цитаты из стихотворения Волошина «Дом поэта».

⁶⁵⁸ См. прим. 209. Волошин увидел копию бюста Таиах в Париже, но купил слепок в Берлине. Прочитировано стихотворение Волошина «В мастерской».

⁶⁵⁹ Ср. в воспоминаниях М.С. Волошиной «Макс в вещах»: «На одном из ящиков фотография Елизаветы Ивановны Дмитриевой (Лиля) – Черубины де Габриак, присланная ею из Ташкента в 1927 году» (*Волошина М.С. О Максе, о Коктебеле, о себе. Воспоминания, письма. Сост., подгот. текстов и прим. В. Купченко. М., 2003. С. 91*).

⁶⁶⁰ *Курульное кресло* – особое кресло без спинки для сидения римских консулов, преторов, эдилов, диктаторов. Кресло Волошина в стиле итальянского Возрождения, работы Ф.П. Толстого, досталось ему, по-видимому, от Е.Ф. Юнге.

⁶⁶¹ «Воспоминание об Италии» – пейзаж К. Богаевского.

⁶⁶² *Франческо Лаурана* (ок. 1430–1502) – итальянский скульптор. В летнем кабинете Волошина хранится слепок с его работы «Голова неизвестной» (оригинал в Лувре).

⁶⁶³ Первая маска Л.Н. Толстого была снята формовщиком Училища живописи, ваяния и зодчества М.И. Агафьиным. См.: *Меркуров С. Записки скульптора* (М., 1953. С. 92). Подробнее об этом: *Волошина М.С. Указ. соч. С. 114*.

⁶⁶⁴ См. прим. 556.

⁶⁶⁵ Подражание немецким миннезингерам «Долг Тангейзера» написано Б. Ярхо.

⁶⁶⁶ По сведениям М.И. Шапира, Вийону подражал А.А. Сидоров (благодарим М.В. Акимову за это указание).

⁶⁶⁷ «Макс, ты роза или нет?». Это стихотворение написал С.В. Шервинский (опубл.: *Образ поэта... С. 52*).

⁶⁶⁸ Сонет «Коктебель», написан от имени Эредиа А.А. Сидоровым (опубл.: *Русская литература XX века в зеркале пародии... С. 248*).

⁶⁶⁹ См.: *Образ поэта... с. 48*, републ.: *Из архивов Шервинского, Дурьлина, Сидорова. Публ. Т.Ф. Нешумовой // <http://www.utoronto.ca/tsq/18/neshumova18.shtml>*.

⁶⁷⁰ От имени Н.М. Языкова поздравление написал Г.А. Шенгели (опубл.: *Русская литература XX века в зеркале пародии... С. 250*).

⁶⁷¹ *Кириенко-Волошина Елена Оттобальдовна* (ур. Глазер, 1850–1923) – мать Волошина.

⁶⁷² М.С. Волошина была прооперирована в Харькове 25 февраля 1925 года. Волошин находился там в то время, с 20 февраля до 20 марта.

⁶⁷³ Цитата из стихотворения Волошина «Каллиера».

⁶⁷⁴ Горный массив в районе Карадага.

⁶⁷⁵ *Парнок София Яковлевна* (1885–1933) – поэт, критик. Книга «Вполголоса» (М.: Узел, 1928) вышла тиражом 200 экз.

⁶⁷⁶ «И вот мне снится сон такой...».

⁶⁷⁷ «Мне снилось: я бреду впотьмах...». *Тарховская Елизавета Яковлевна* (1891–1968) – поэтесса, переводчица, сестра С.Я. Парнок.

⁶⁷⁸ *Александр Иванович Анисимов* (1877–1937, расстрелян) – историк, реставратор древнерусской живописи. Ему посвящено стихотворение Волошина «Владимирская Богоматерь» (1929).

- ⁶⁷⁹ Песня на стихи Ф. Сологуба. Об исполнении ее вспоминает и И. Басалаев (в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: 1990. С. 575).
- ⁶⁸⁰ См. примечание 654.
- ⁶⁸¹ *Александр Иванович Введенский* (1888–1946) – лидер и идеолог обновленческого движения в русском православии.
- ⁶⁸² О В.И. Анненском-Кривиче см. комментарий к стихотворению «Месса по Анненском» на с. 521.
- ⁶⁸³ *Блох Элеонора Абрамовна* (1881–1942) – скульптор, художник. В 1898–1905 посещала студию Огюста Родена.
- ⁶⁸⁴ *Хрустачев Николай Иванович* (1883–1962) – феодосийский художник. Его портрет Волошина см., например, в кн.: М.А. Волошин. Жизнь и творчество. М., 2012. С. 185.
- ⁶⁸⁵ *Загоскин Михаил Николаевич* (1789–1852) – прозаик и драматург, автор исторического романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829).
- ⁶⁸⁶ *Ривера Диего* (1886–1957) – мексиканский художник. Его портреты Волошина см., например, в кн.: М.А. Волошин. Жизнь и творчество. М., 2012. С. 164–165.
- ⁶⁸⁷ *Мане-Кац* (Мане Лазаревич Кац, 1884–1962) – художник. Портрет Волошина анфас его работы датируется 1919 (Образ поэта... С. 149).
- ⁶⁸⁸ *Бобрицкий Владимир Васильевич* (1898–1986) – художник. Его портрет Волошина см., например, в кн.: М.А. Волошин. Жизнь и творчество. М., 2012. С. 126.
- ⁶⁸⁹ *Шаронов Михаил Андреевич* (1881–1957) – художник.
- ⁶⁹⁰ У ЕА: Елгашиной: *Зинаида Ивановна Елгаштина* (Сомова по мужу) (1897–1979) – балерина (ученица В.Ф. Нижинского), танцовщица 1920-х годов, художница-аппликатор, кукольник, художник театра, мемуарист, музейщик.
- ⁶⁹¹ *Харт Виолетта* (1878–1950) – ирландская художница. М.С. Волошина называет ее «англичанка». «Этот этюд был написан ею в 1911 г., когда она гостила в Коктебеле у Макса» (*Волошина М.С.* Указ. соч. С. 105–106) – а не 1907, как пишет ЕА.
- ⁶⁹² *Баруздина Варвара Матвеевна* (1862–1941) – художница. Портрет М.А. Волошина датируется 1916 г.
- ⁶⁹³ *Головин Александр Яковлевич* (1863–1930) – художник. Его портрет Волошина 1909 г. воспроизведен в ж. «Аполлон» (1909. № 3), однако местонахождение его неизвестно. М.С. Волошина упоминает не сам портрет, а фотографию с портрета Головина (*Волошина М.С.* Указ. соч. С. 106).
- ⁶⁹⁴ У ЕА: Виттинга. *Виттиг Эдвард* (1879–1941) – скульптор. «Бюст на пьедестале (230 см.). Песчаник. Париж, 1908–1909. Установлен в сквере на бульваре Эксельман, 66. Репр.: Илл. еженедельник (Варшава), 1910. № 39. С. 782» (Образ поэта... С. 147). Об этом бюсте см.: *Волошина М.С.* Указ. соч. С. 117–118.

Возможно, ЕА приводит дату изготовления слепка, хранящегося в Коктебеле.

⁶⁹⁵ В автографе: Сливницкого. *Слевинский Владислав* (1854–1918) – польский художник. Портрет Волошина воспроизведен в кн.: *Яворска В.* В кругу Гогена. Варшава, 1969.

⁶⁹⁶ *Борис Николаевич Матвеев* (1873–1919) – художник, *Кругликова Елизавета Сергеевна* (1865–1941) – живописец, график, театральный художник.

⁶⁹⁷ Статьи ЕА о творчестве Е.И. Васильевой. См. в наст. издании.

⁶⁹⁸ *Державин Владимир Васильевич* (1908–1975) – поэт, переводчик, художник (ученик Р. Фалька и А. Древина). О странностях его поведения в Коктебеле см.: *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 13. Кн. 2. М., 2015. С. 125–133. *Наум* – скрипач *Наум Рейнгальд* (его портрет, выполненный в 1925 П.В. Митуричем, хранится в Третьяковской галерее), выразительный образ этого «спящего, бездомного, бродячего скрипача» дан в «Воспоминаниях» М.П. Митурич-Хлебникова. В «Списках жертв» сталинских репрессий значится: «Рейнгальд Наум Михайлович. Родился в 1899 г., г. Одесса; без определенных занятий. Проживал: без определенного места жительства. Арестован 10 ноября 1935 г. Приговорен: ОСО при НКВД СССР 20 декабря 1935 г., обв.: 58–10. Приговор: направлен в больницу для принудительного лечения, ОСО при НКВД СССР, от 29.10.38 г. прежнее решение отменено, подвергнут лишению свободы на 3 года. Реабилитирован 20 февраля 1996 г. Источник: Прокуратура г. Москвы. Рейнгальд-Ренгальд Наум Михайлович-Мовшович. Родился в 1899 г., г. Одесса; бродячий музыкант. Проживал: Московская обл., г. Кашира, Первомайская ул., 3. Источник: Книга памяти Московской обл.». Жил у Волошина в мае-июле 1929 и при этом «публично срамил и ругал» их (*Волошин М.А.* Там же. Кн. 1. С. 626, 628).

⁶⁹⁹ Мыс на пути от Коктебеля к Феодосии.

⁷⁰⁰ Спектакль «С ружьем по Африке» (с участием А. Белого и В. Брюсова) был поставлен в Коктебеле 17 августа 1924 года в честь именин Волошина. В этом спектакле пародировались приемы убыстренного приключенческого немого кино.

⁷⁰¹ Ссора Белого и Брюсова, связанная с именем Нины Петровской, начавшись осенью 1904 г., привела к вызову Брюсовым Белого на дуэль в январе 1905, закончившуюся формальным примирением. Подробнее см. работу: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Ново-Басманная, 19. 1990. М., 1990. «Белый прекратил личные отношения с Брюсовым в начале 1912 г. после того как П.Б. Струве, редактор журнала «Русская мысль» (литературным отделом которого заведовал Брюсов), отказался принять к печати рукопись романа, заказанного Белому (будущего «Петербурга»)» (*Лавров А.В., Мальмстад Дж.* Комментарий. – в кн.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 307. Там же см. перечень источников, повествующих о встрече Белого и Брюсова летом 1924).

⁷⁰² *Бугаева Клавдия Николаевна* (урожд. Алексеева, в первом браке Васильева; 1886–1970) – антропософка, ближайший друг и спутница жизни А. Белого после его возвращения в Россию в 1923 из Германии, с 1931 – официально его жена; автор воспоминаний о нем. *Петр Николаевич Васильев* (1885–1976) – первый муж К.Н. Бугаевой, брат мужа Е.И. Дмитриевой (Черубины), Вс.Н. Васильева.

⁷⁰³ *Шенгели Георгий Аркадьевич* (1894–1956) – поэт, переводчик, стиховед. Рассказ М.С. Волошиной об этом эпизоде записан Волошиным в дневнике «История моей души»: «Шенгели прочел несколько стихов. Затем его начинают просить прочесть стихи памяти Гумилева. Просит М.М. Шкапская. Г<еоргий> А<ркадьевич> стесняется, говорит: “Это ведь ненапечатанное – может многим не понравится». Я: “Тем более... Здесь цензуры нет”. Ш<енгели> читает хорошее стихотворение, где говорится о том, что приговор поэту писали “накокаиненные бляди”. ...Но что же им до того, когда им светит “вершковый лоб Максима”?... “А позвольте спросить, что это «вершковый лоб Максима»?” – спрашивает Б<орис> Н<иколаевич> срывающимся голосом. “Лоб Алексея Максимовича Пешкова”, – хладнокровно и раздельно отвечает Ш<енгели>. “Как, так говорят о Русском Писателе – в твоём доме, Мак! Нет, я этого не могу допустить”... – “Да, но вы живете в обществе, где не только говорят, но где расстреливают поэтов”, – отвечает Шенгели на этот вызов. Тук, тук, тук... Он (Б<орис> Н<иколаевич>) бегом сбегает с вышки по лестнице. Я (гов<орит> Маруся) бегу за ним, застаю его в комнате на палубе. Горит свет, и он сбрасывает книги, тетради и рукописи в чемодан, раскрытый на полу» (*Волошин М.А. Собр. соч. Т. 7, кн. 1. М., 2006. С. 360–361*). См. также восп. Г.А. Назаревской, которые процитированы в кн.: *Бугаева К.Н. Воспоминания об Андрее Белом. СПб, 2001. С. 253*. Благодарим за последнее указание М.Л. Спивак.

⁷⁰⁴ Цитата из стихотворения Волошина «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...».

⁷⁰⁵ Цитата из стихотворения Волошина «Польнь».

⁷⁰⁶ Обе цитаты из стихотворения Волошина «Дом поэта».

⁷⁰⁷ Цитата из стихотворения Волошина «Фиалки волн и гиацинты пены...».

⁷⁰⁸ Обе цитаты из стихотворения Вс. Рождественского «11 сентября 1932 г.» (Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников. Феодосия-М., 1997. С. 101, 100).

⁷⁰⁹ Речь о поэме Волошина «Святой Серафим».

⁷¹⁰ *Савинков Борис Викторович* (1879–1925) – эсер-террорист, поэт, прозаик. Псевдоним – В. Ропшин.

⁷¹¹ *Успенский Виктор Борисович* (1901–1935, расстрелян) – сын Б.В. Савинкова.

⁷¹² *Успенская Вера Глебовна* (1877–1942) – дочь писателя Г.И. Успенского, 1-я жена Б.В. Савинкова.

⁷¹³ См.: *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 1, М., 2003. С. 349, 318–327, 345–346, 338–339, 340–341. Стихотворение «Феодосия (Голод)» здесь опубликовано под названием «Голод», а «Феодосия, декабрь 1920 года» под названием «Бойня».

⁷¹⁴ Стихотворения из цикла Волошина «Путиами Каина».

⁷¹⁵ Книга Н.А. Морозова (СПб., 1907).

⁷¹⁶ Стихотворение Б. Ярхо, написанное от имени Г. Сакса, см. прим. 556.

⁷¹⁷ Цитата из статьи «Константин Богаевский» (*Волошин М.А.* Лики творчества. Л., 1988. С. 316).

⁷¹⁸ «Обрыву Хоба-тепе» (*Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб. – Симферополь. 2007. С. 492).

⁷¹⁹ *Лакколит* – «неудавшийся» вулкан, т. к. магма не смогла вырваться наружу и лишь приподняла верхний пласт осадочных пород, застыв под ним в виде купола или полушария, часто грибообразных очертаний.

⁷²⁰ См. выше, прим. 656.

⁷²¹ *Соловьев С.М.* «Мне ближе с каждым днем и с каждой минутой...» (Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников. Феодосия–М., 1997. С. 71)

⁷²² *Брюсов В.Я.* «Максимилиану Волошину» («Наш Агамемнон, наш Амфитрион...») – Там же. С. 41.

⁷²³ *Виноградов Василий Ксенофонович* (1843–1894) – директор мужской Феодосийской гимназии.

⁷²⁴ *Галабутский Юрий Андреевич* (1863–1928) – феодосийский педагог. Стихотворение «Над могилой В.К. Виноградова».

⁷²⁵ Жена ЕА.

⁷²⁶ Правильно: второго тома.

⁷²⁷ Идет речь о книге «Константин Федорович Богаевский» (Казань, 1927), куда вошла и статья Волошина «К. Ф. Богаевский – художник Киммерии».

⁷²⁸ *Лобанов Сергей Иванович* (1887–1943) – искусствовед, художник. *Дульский Петр Максимович* (1879–1956) – искусствовед, педагог. *Корнилов Петр Евгеньевич* (1896–1891) – педагог, искусствовед.

⁷²⁹ *Шенгели Г.* Норд [стихи]. М., 1927.

⁷³⁰ Крутая лестница... Окошко с хлебной коркой,
Стропила в извести... (с подобною каморкой

В восторженные дни беседовал уже
У муз и нищеты гостивший Беранже),

Скрипучий пол, тюфяк, немного звезд и света –
Все, что классически пригодно для поэта.

(Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников. Феодосия–М., 1997. С. 82).

⁷³¹ *Остроумова-Лебедева Анна Петровна* (1871–1955) – художница.

⁷³² *Габричевский Александр Георгиевич* (1891–1968) – искусствовед.

⁷³³ *Звягинцева Вера Клавдиевна* (1894–1972) – поэт.

⁷³⁴ «Ошибка: в 1927 А. Белый в Коктебеле не был, речь может идти о 1930 году, т.к. в 1924 <как напечатано в кн. «Воспоминания о Максимилиане Волошине» – Т.Н.> Белый жил на верхней «Палубе», в дальнем ее конце» (*Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб.–Симферополь. 2007. С. 492*).

⁷³⁵ ЕА неточно воспроизводит название. С лекцией «Жестокость в жизни и ужасы в искусстве» после диспутов о картине Репина «Иван Грозный и его сын Иван» Волошин выступал в марте 1913 года в Смоленске, Витебске и Вильно.

⁷³⁶ Имеются в виду книга С.Н. Дурылина «Сибирь в творчестве В.И. Сурикова» (М., 1930) и работа И.В. Евдокимова «В.И. Суриков», вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» (М., 1933).

⁷³⁷ Роман создавался в 1926–1930 гг., первые издания: *Белый А. Московский чудак. Первая часть романа «Москва»*. М., 1926; *Белый А. Москва под ударом. Вторая часть романа «Москва»*. [М.], 1926.

⁷³⁸ Из стихотворения Вс. Рождественского, посв. Волошину. Правильно: «Мудрец, поэт, дитя».

⁷³⁹ *Стефан Малларме* (1842–1898) – французский поэт.

⁷⁴⁰ *Жюль Амеде Барбэ д'Оревильи* (1808–1889) – французский писатель.

⁷⁴¹ *Волошин М.* Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. М., 1919. *Ренье А.* Маркиз д'Амеркер. Пер. М. Волошина. М., 1914. Отдельные переводы Волошина из Анри де Ренье появлялись в периодике, но вместе собраны только в кн.: *Волошин М.А. Собр. соч. Т. 4. М., 2006.* Летом – осенью 1914 Волошин жил в антропософской общине в Дорнахе и общался с Р. Штейнером. По словам М.С. Волошиной, М.А. Волошин «считал его одним из самых интересных людей, с которыми встречался» (*Волошина М.С. Указ. соч. С. 109*).

⁷⁴² Из кн.: *Эренбург И.* «Портреты современных поэтов» (Берлин, 1922).

⁷⁴³ Цитата из стихотворения Волошина «Дом поэта».

⁷⁴⁴ Ошибка ЕА. Бюст Волошина (1928 или 1929) лепил *Александр Терентьевич Матвеев* (1878–1960). Хранится в Коктебельском музее Волошина. Воспроизведен в кн.: *Бассехес А. А.Т. Матвеев. М., 1960. С. 34. Лансере Евгений Евгеньевич* (1875–1946), *Бенуа Александр Николаевич* (1870–1960) – художники.

⁷⁴⁵ «На самом деле – Остроумовой-Лебедевой» (*Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб. – Симферополь. 2007. С. 493*). Но портрет Марьи Степановны работы Шаронова описан ею: «Под Майиным портретом – мой, сангина, рисовал Шаронов. 1924 г. Портрет этот Макс не любил и говорил: “Это Маруся Чеберячка. Сестра, знаете, той Веры Чеберячки в процессе Бейлиса. Это не моя Маруся”». Но работу Шаронова любил за крепость рисунка» (*Волошина М.С. Указ. соч. С. 116*).

⁷⁴⁶ Черновой автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 99–104, 107–111об.

⁷⁴⁷ Цитаты из статьи Волошина «Константин Богаевский» и из его стихотворений «Священных стран...», «Над зыбкой рябью вод встает из глубины...».

⁷⁴⁸ Цитаты из стихотворений Волошина «Гроза», «Полдень», «Священных стран / Вечерние экстазы...», «Сочилась желчь шафранного тумана...», «Зеленый вал отпрянул и пугливо...», «Облака».

⁷⁴⁹ *Рута и Дайтия* – легендарные затонувшие острова Атлантиды.

⁷⁵⁰ Цитаты из стихотворений Волошина «Здесь был священный лес. Божественный гонец...», «Старинным золотом и желчью напитал...», «Полдень», «Гроза», «Вещий крик осеннего ветра в поле...», «Ах, не крещен в глубоких водах Леты...» (из венка сонетов «Согона Astralis»), «Дом поэта».

⁷⁵¹ Из стихотворения Волошина «Равнина вод колыхнется широко...».

⁷⁵² Рисунок В. Державина воспроизведен в кн.: День поэзии. 1983. М., 1983. *Костенко Константин Евтихевич* (1879–1956) – художник-график.

⁷⁵³ *Наталья Яковлевна Данько* (1892–1942) – скульптор фарфорового завода имени М.В. Ломоносова в Ленинграде.

⁷⁵⁴ Два «коллективных комических портрета» – «Bestiarium coctebelens» и «Меню» – работы А.Г. Габричевского. З. Елгаштина последний описала так: «Макс питается, а все живущие – это различные блюда <...>. Максимилиан Александрович держит на вилке "плоть". <...> Над головой у него летит какая-то игла, это сушеная корюшка – я» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 545).

⁷⁵⁵ Неточная цитата из стихотворения Волошина «Над зыбкой рябью вод встает из глубины...».

⁷⁵⁶ Из стихотворения «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...».

⁷⁵⁷ Из стихотворения Волошина «Сердце мира, солнце Алкиана...».

⁷⁵⁸ *Юнге Эдуард Андреевич* (1833–1898) – профессор-окулист, коктебельский землевладелец.

⁷⁵⁹ Речь об альбоме: *Богаевский К.* Автолитографии (М., 1923).

⁷⁶⁰ Цитата из «Коктебельской элегии» Вс. Рождественского.

⁷⁶¹ Венки сонетов «Согона Astralis» посвящен Волошиным Черубине де Габриак.

⁷⁶² Своего рода комментариев к этому «мистификаторскому» сборнику содержится в воспоминаниях Вс. Рождественского, рассказывающего о «спектакле-феерии» в честь Волошина: «К восседающему на троне “Максу”, которого изображал какой-нибудь толстяк, подходили один за другим с шуточными стихотворными поздравлениями условно загримированные “Гомер”, “Овидий”, “Данте”, “Вийон”, “Виктор Гюго”, “Шекспир”, “Протопоп Аввакум”, “Игорь Северянин” и многие другие, вплоть до делегации футуристов с “Давидом Бурлюком” во главе» (*Рождественский Вс.* Избранное в 2-х т. Т. 2. С. 164).

⁷⁶³ От лица Пентаура (переписчика знаменитой древнеегипетской поэмы об истории царствования Рамсеса II) и Омара Хайяма – стихи писал А.А. Сидоров, от имени Сафо, Катюлла – Б.И. Ярхо, от имени Пушкина – С.В. Шервинский, от имени Тютчева – А. Петрово-Соловово. Опубл.: Русская литература XX в зеркале пародии... С. 239–251.

⁷⁶⁴ Возможно, ЕА имеет в виду оду Максимилиану Волошину, написанную Брюсовым, в которой Волошин изображен как *genius loci* Коктебеля.

⁷⁶⁵ Цитата из стихотворения В.Я. Брюсова «Максимилиану Волошину».

⁷⁶⁶ Цитата из стихотворения Л. Остроумова «Морской пустыни гладь, и стены Ханаана...» (Образ поэта... с. 49).

⁷⁶⁷ Гора Кучук-Енишары, на которой Волошин завещал похоронить себя.

⁷⁶⁸ *Оболенская Юлия Леонидовна* (1889–1945) – художница, ученица К.С. Петрова-Водкина. Л. Бакста и М. Добужинского.

⁷⁶⁹ *Галанов Владимир Алексеевич*.

⁷⁷⁰ См. 7-ю главу «Исповеди» ЕА.

⁷⁷¹ Цитата из стихотворения «Κλητικοί» (призывные, *греч.*) (*Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 1, М., 2003. С. 106; здесь ошибочно: «Καυτηχοί»).

⁷⁷² «Темный ваш язык учу» – неточная цитата поправленной В.А. Жуковским в публикации 1841 года строки стихотворения А.С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» – в редакции Жуковского: «Темный твой язык учу».

⁷⁷³ **МИРТОВЫЙ ВЕНЕЦ.** Книга статей ЕА, изданная А. Альвингом в издательстве «Жатва» (М., 1915). «Как много свежести и тайны / На тех встречаю берегах!» (пер. А.А. Фета). Из стихотворения Тютчева «Des premiers ans de votre vie...».

⁷⁷⁴ Персонаж древнегреческой мифологии, распятый на огненном колесе по воле Зевса. В сознании ЕА актуализирован трагедией Анненского «Царь Иксион».

⁷⁷⁵ Цитаты стихотворений К.Д. Бальмонта «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...» и «Тайнопись».

⁷⁷⁶ Измененная цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «А в воздухе жила непонятая фраза...».

⁷⁷⁷ Точный источник цитаты не найден. Может быть, имеет место аллюзия на стихи С.Я. Надсона:

Страшна глухая мгла, – но робкого смятенья
Я чужд... Окаменев измученной душой,
Я жажду одного – бесстрастного забвенья,
Я смерть к себе зову, – зову ее покой.

⁷⁷⁸ Ср. «Я нарцисс Саронский, лилия долин!» (*Книга песни песней Соломона*, гл. 2, ст. 1). Ориген, относя стих 1-й к словам Жениха, комментирует ст. 1 так: «Ради меня, находящегося долу, Он – сходит в долину, и, приведши в долину, делается лилиею. Вместо древа жизни, которое насаждено было в

раю Божию, Он сделался цветком целого поля, то есть целого мира и всей земли. Ибо что может быть цветком мира в такой степени, как имя Христо-во?». О сложноочерчиваемой символике образа лилии у Анненского см.: *Леонова Н.Е.* Образ лилии в искусстве модерна и в поэзии И.Ф. Анненского // Вестник Новгородского государственного университета. 2010. № 56. С. 40–43.

⁷⁷⁹ **МОЛИТВЫ ВИТЯЗЯ (ОПЫТ РЕЛИГИОЗНОГО ПОРТРЕТА ГР. А.К. ТОЛСТОГО)**. Впервые: Нижегородская земская газета. № 33, 23 августа 1912. С. 929–932.

⁷⁸⁰ Неточная цитата (правильно не «поэт», а «певец») из стихотворения А.К. Толстого «Прозрачных облаков спокойное движенье...».

⁷⁸¹ Цитата из драматической поэмы А.К. Толстого «Дон Жуан».

⁷⁸² Цитата из поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин».

⁷⁸³ Цитата из поэмы А.К. Толстого «Портрет».

⁷⁸⁴ Цитата из «Гимна брату солнцу» Франциска Ассизского (пер. А. Ельчанинова).

⁷⁸⁵ Цитата из стихотворения А.К. Толстого «Меня, во мраке и в пыли...».

⁷⁸⁶ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Ты в поля отошла без возврата...».

⁷⁸⁷ Цитата из стихотворения К.Д. Бальмонта «Солнечный луч».

⁷⁸⁸ Цитата из стихотворения А.К. Толстого «Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре...».

⁷⁸⁹ Цитата из стихотворения К.Д. Бальмонта «В моем саду».

⁷⁹⁰ Цитата из стихотворения К.Д. Бальмонта «В стране лучей, незримой нашим взорам...».

⁷⁹¹ Цитата из того же стихотворения.

⁷⁹² Цитата из стихотворения «Утро вечности» (автора не удалось установить).

⁷⁹³ **НЕВОЛЯ БЕЗВОЛИЯ (ЧЕРТЫ ДУХОВНОГО ОБЛИКА А.Н. АПУХТИНА)**. Впервые под названием «А.Н. Апухтин. (Черты духовного облика)»: «Нижегородская земская газета». № 17 [1912]. С. 509–510.

⁷⁹⁴ Цитата из стихотворения Апухтина «Праздником праздник».

⁷⁹⁵ Цитата из стихотворения Апухтина «Любовь».

⁷⁹⁶ Цитата из драматической поэмы А.К. Толстого «Дон Жуан».

⁷⁹⁷ Стихотворение Тютчева процитировано полностью.

⁷⁹⁸ Цитата из стихотворения Апухтина «Мне не жаль, что тобою я не был любим...».

⁷⁹⁹ Цитата из стихотворения А.А. Фета «Я видел твой млечный, младенческий волос...».

⁸⁰⁰ ЕА процитировал 1 и 3 строфы стихотворения Апухтина, опустив 2-ю.

⁸⁰¹ **ГРААЛЬ ПЕЧАЛИ (ЛИРИКА Е.А. БАРАТЫНСКОГО)**. Опубл.: Жатва, V, М., 1914. С. 257–274. Эпиграфы: из стихотворений М.А. Волошина «В нас тлеет боль внежизненных обид...» (из венка сонетов «Corona astralis») и Черубины де Габриа «Святому Игнатию».

- 802 Цитата из стихотворения «Идеал».
- 803 Цитата из стихотворения «Зимнее небо».
- 804 Цитата из стихотворения Е.А. Баратынского «Дельвигу» («Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...»).
- 805 Неточная цитата из стихотворения Е.А. Баратынского «Толпе тревожный день приветен, но страшна...».
- 806 Цитата из того же стихотворения «Дельвигу».
- 807 Цитата из «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина.
- 808 Цитата из «Коринфской невесты» А.К. Толстого.
- 809 Цитата из письма Баратынского (в переводе с франц.) из письма к И.И. Козлову.
- 810 Цитата из стихотворения Е.А. Баратынского «Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель...».
- 811 Ин. 14: 6.
- 812 Обе цитаты из стихотворения Баратынского «Истина».
- 813 В книге ЕА ошибочно: какое.
- 814 Цитата из стихотворения Баратынского «Любовь».
- 815 Цитата из письма Баратынского к Н.И. Путяге.
- 816 Цитата из того же стихотворения «Дельвигу».
- 817 Цитата из стихотворения Баратынского «Истина».
- 818 Цитата из стихотворения Баратынского «Дельвигу» («Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...»).
- 819 Цитата из стихотворения Анненского «На северном берегу».
- 820 Цитата из стихотворения Анненского «Что счастье? Чад безумной речи?».
- 821 Цитата из стихотворения Баратынского «Безнадежность».
- 822 Цитата из стихотворения «Себастиан».
- 823 Цитата из статьи И.Ф. Анненского «Гамлет» («Вторая книга отражений»).
- 824 Из стихотворения Баратынского «Недоносок».
- 825 Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Зимний поезд».
- 826 Цитата из стихотворения «Тени сизые смешались...».
- 827 Неточная цитата из стихотворения А. Белого «Образ вечности».
- 828 Из стихотворения Баратынского «Недоносок».
- 829 Стихотворение Ф.И. Тютчева называется «Сон на море».
- 830 См. прим. 787.
- 831 Из стихотворения Баратынского «Буря».
- 832 Цитата из стихотворения А.К. Толстого «Меня, во мраке и пыли...».
- 833 Из стихотворения «Разуверение».
- 834 Из стихотворения Н.С. Гумилева «Царица».
- 835 Из стихотворения Баратынского «Л.С. Пушкину».
- 836 Из стихотворения Баратынского «В глуши лесов счастлив один...».
- 837 Из стихотворения Баратынского «Осень».

- 838 Из стихотворения Баратынского «Песня».
- 839 Из стихотворения К.Д. Бальмонта «Есть люди: мысли их и жесты...».
- 840 Из стихотворения Баратынского «Разуверение».
- 841 Из стихотворения Баратынского «Последняя смерть».
- 842 Цитата из стихотворения М.А. Волошина «Я ждал страдания столько лет...».
- 843 Из стихотворения Баратынского «Финляндия».
- 844 Из стихотворения «Который?».
- 845 Из стихотворения Баратынского «Запустение».
- 846 Из стихотворения Баратынского «Элизийские поля».
- 847 Цитаты из стихотворения Баратынского «Смерть».
- 848 «Пока в тоске растущего испуга томиться нам живя еще дано» (примечание ЕА).
- 849 Из стихотворения Ф. Сологуба «Прикасясь холодной рукой...».
- 850 Из стихотворения Ф. Сологуба «Звезда Маир».
- 851 Из стихотворения Баратынского «Отрывок».
- 852 Из стихотворения Баратынского «Последняя смерть».
- 853 Там же.
- 854 Там же.
- 855 Из стихотворения В.Я. Брюсова «Гимн смерти ордена освободителей».
- 856 Из стихотворения К.Д. Бальмонта «Отчего мне так душно? Отчего мне так скучно?»
- 857 Неточная цитата из стихотворения К. Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...».
- 858 Неточная цитата из стихотворения Баратынского «Пироскаф».
- 859 Цитата из «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше.
- 860 Из стихотворения Баратынского «Сумерки».
- 861 Процитировано стихотворение Баратынского «Болящий дух врачует песнопенье...».
- 862 Цитата из стихотворения А. Белого «Пустыня».
- 863 Цитата из послания Баратынского «Богдановичу».
- 864 Цитата из стихотворения Баратынского «К<нягине> З.Н. Волконской».
- 865 Цитата из стихотворения М.А. Волошина, посвященного М.В. Сабашниковой, «Я ждал страдания столько лет...» (1903).
- 866 Из стихотворения А.А. Блока «Я жду призыва, ищу ответа...».
- 867 Из стихотворения «Измучен жизнью, коварством надежды...»
- А.А. Фета.
- 868 **ВОПРОСЫ ВЕЧНОСТИ В ЛИРИКЕ К.Д. БАЛЬМОНТА.** Впервые статья напечатана во владикавказской газете «Терек» (25 марта 1912).
- 869 См. прим. 787.
- 870 Цитата из стихотворения «Будем как Солнце! Забудем о том...», ставшая названием шестой книги стихов Бальмонта (М., 1903).
- 871 Там же.

- 872 Цитата из стихотворения «Сквозь мир случайностей – к живому роднику...».
- 873 Цитата из стихотворения «*Rex hominibus bonae voluntatis*».
- 874 Цитата из стихотворения «Я мечтаю ловил уходящие тени...».
- 875 Цитаты из стихотворения «Молитва».
- 876 Цитаты из стихотворения «Зачем?».
- 877 Цитата из стихотворения «О, только бы знать, что могу я молиться...».
- 878 Цитата из стихотворения «О, Господи, молю Тебя, приди!».
- 879 Цитата из стихотворения «Только что сердце молилось Тебе...».
- 880 Неточная цитата из стихотворения «Я откроюсь тебе в неожиданный миг...».
- 881 Цитаты из стихотворения «Путь правды».
- 882 Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Весна».
- 883 Цитата из стихотворения Бальмонта «Смертью – смерть».
- 884 Цитата из стихотворения А.К. Толстого «Меня, во мраке и в пыли...».
- 885 Цитата из стихотворения Бальмонта «Мудрецы говорят».
- 886 Там же.
- 887 Цитата из стихотворения «Благовестие».
- 888 Цитата из стихотворения «Гимн огню».
- 889 Цитата из стихотворения «Мир должен быть оправдан весь...».
- 890 Цитата из стихотворения «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...».
- 891 **ЛИРИКА ФЕТА КАК РЕЛИГИЯ СЕРДЦА.** Впервые под названием «Лирика А. Фета как религия сердца»: Терек. 21 ноября 1912. № 4470.
- 892 Т.е. восьмому классу Ольгинской женской гимназии во Владикавказе, который ЕА выпустил в 1914.
- 893 Из стихотворения А.М. Жемчужникова «Памяти Владимира Сергеевича Соловьева».
- 894 Из стихотворения К.Д. Бальмонта «Огонь».
- 895 Цитата из стихотворения А.А. Фета «Я видел твой млечный, младенческий волос...».
- 896 Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Как хорошо ты, о море ночное...».
- 897 Цитата из стихотворения Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...».
- 898 Цитата из стихотворения Фета «На стоге сена ночью южной...».
- 899 Цитата из стихотворения Фета «Людские так грубы слова...».
- 900 Цитата из стихотворения Фета «Не тем, Господь, могуч, непостижим...».
- 901 Цитата из «Песни 2-й» («Оставь, о дух мой, вскоре все земляныи места!») Григория Сковороды.
- 902 Из стихотворения Тютчева «*Silentium*» и Фета «Людские так грубы слова...».

- 903 Из стихотворения Тютчева «Так в жизни есть мгновения...».
- 904 Из стихотворения Фета «В пене несется поток...».
- 905 Из стихотворения «Как мошки зарею...».
- 906 Из стихотворения Ф. Сологуба «Ангел благого молчания».
- 907 Из набросков стихотворения А.С.Пушкина «Денису Давыдову».
- 908 Из стихотворения Фета «О, не зови! Страстей твоих так звонок...».
- 909 «Сердце цветет» – из стихотворения Фета «Я тебе ничего не скажу...».
- 910 Из стихотворения Фета «О, не зови! Страстей твоих так звонок...».
- 911 Из стихотворения Тютчева «Видение».
- 912 Из стихотворения Бальмонта «Придорожные травы».
- 913 Из стихотворения Фета «Как беден наш язык! – Хочу и не могу...».
- 914 Из стихотворения Фета «В дымке-невидимке...».
- 915 Из стихотворения Фета «Не нужно, не нужно мне проблесков счастья...».
- 916 Из перевода А.К. Толстого «Коринфской невесты» Гете.
- 917 Из стихотворения Фета «Долго снились мне вопли рыданий твоих...».
- 918 Из стихотворения Фета «Учись у них – у дуба, у березы...».
- 919 Из стихотворения Фета «Напрасно!...».
- 920 Из стихотворения Тютчева «О, вещая душа моя...».
- 921 Из стихотворения Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...».
- 922 Из стихотворения А.К. Толстого «О, не спеши туда, где жизнь светлей и чище...».
- 923 Из стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...».
- 924 Из стихотворения Фета «Я тебе ничего не скажу...».
- 925 Название стихотворения К.Д. Бальмонта.
- 926 Из стихотворения Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...».
- 927 Из стихотворения Фета «Я тебе ничего не скажу».
- 928 Из стихотворения Бальмонта «Зачем?».
- 929 Из стихотворения Фета «Еще люблю, еще томлюсь...».
- 930 *Нестеров Михаил Васильевич* (1862–1942) – живописец.
- 931 Цитата из статьи К.Д. Бальмонта «Элементарные слова о символической поэзии».
- 932 Там же.
- 933 **НИКТО И НИЧЕЙ.** До «Миртового венца» не публиковалась. Эпиграфы из стихотворений И.Ф. Анненского «Сирень на камне» и «Пробуждение».
- 934 В кн.: История русской литературы XX века (1890–1910). Под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. I. М., 1914.
- 935 Первая книга стихов (и переводов) И.Ф. Анненского «Тихие песни» (СПб., 1904) вышла под псевдонимом: Ник. Т-о. О «Весах» см. прим. 360.
- 936 «Новый декадентский поэт», – говорили об Иннокентии Федоровиче в редакции «Перевала», «кое-что мы выбрали. Остальное пришлось вернуть». (И.Ф. Анненский – лирик, статья М. Волошина). (*Примечание ЕА*).

⁹³⁷ *Архагет* – высшее должностное лицо в Спарте.

⁹³⁸ *Протезилай (Протесилай)* – персонаж древнегреческой мифологии, участник Троянской войны. По версии, его звали *Иолай*, но он был прозван Протесилаем (первым от народа) после смерти. Муж Лаодамии. Когда Лаодамия узнала о смерти мужа, она обратилась с мольбой к богам, чтобы они вернули ей мужа хоть на 3 часа. Боги согласились, и Гермес привел Протесилая на землю; затем, когда наступило время уходить в подземное царство, Лаодамия решила идти на смерть вместе с ним. Герой трагедии Еврипида «Протесилай».

⁹³⁹ Неточная цитата из «Моих воспоминаний» А.А. Фета (его слова о Ф.И. Тютчеве).

⁹⁴⁰ Неточная цитата из стихотворения Мирры Лохвицкой «Я спала и томилась во сне...».

⁹⁴¹ Цитата из стихотворения Тютчева «Как океан объемлет шар земной...».

⁹⁴² Цитата из стихотворения Анненского «На северном берегу».

⁹⁴³ Цитата из стихотворения Ф. Сологуба «Солнце, которому больно!..».

⁹⁴⁴ Инверсионная цитата из стихотворения Анненского «Тоска возвращается».

⁹⁴⁵ Цитата из стихотворения Фета «В дымке-невидимке...».

⁹⁴⁶ Цитата из стихотворения «Зимнее небо».

⁹⁴⁷ Цитата из стихотворения В.С. Соловьева «Бескрылый дух, землю полоненный...».

⁹⁴⁸ Цитата из стихотворения Анненского «Моя тоска».

⁹⁴⁹ Цитата из стихотворения Анненского «Баллада».

⁹⁵⁰ Цитата из стихотворения Анненского «Перед панихидой».

⁹⁵¹ От *греч.* танатос (смерть).

⁹⁵² Перифраз из стихотворения «Перед панихидой». У Анненского: «Два дня здесь шепчут: прям и нем, / Все тот же гость в дому».

⁹⁵³ Оттуда же.

⁹⁵⁴ Цитаты из стихотворения Фета «Ласточки».

⁹⁵⁵ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Аметисты» («Трилистник огненный»).

⁹⁵⁶ Цитаты из стихотворений Анненского «Черный силуэт», «Ледяная тюрьма».

⁹⁵⁷ Цитируется стихотворение «Прикасясь холодной рукой...».

⁹⁵⁸ Эпитеты из стихотворений «Дельвигу» и «Смерть».

⁹⁵⁹ У Брюсова такого эпитета нет. Брюсов цитирует стихотворение Тютчева «И гроб опущен уж в могилу...» в своей статье «Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества»: «В ясный день при обряде погребения, проповедь ученого, сановитого пастора о крови Христовой уже кажется Тютчеву только “умною, пристойною речью”, и он противопоставляет ей “нетленно-чистое небо” и “го-лосисто реющих в воздушной бездне” птиц».

- ⁹⁶⁰ Из стихотворения Бальмонта «Благовестие».
- ⁹⁶¹ Неточная цитата из П.Я. Чаадаева: «Но что же такое смерть? Та мигу в целом бытии человека, в которую он перестает видеть себя в теле».
- ⁹⁶² Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Умирание».
- ⁹⁶³ Из стихотворения Анненского «∞».
- ⁹⁶⁴ См. комментарий 811.
- ⁹⁶⁵ Из стихотворения Арсения Альвинга «Тоска осени» (1912; опубли.: Жатва. Кн. IV. 1913)
- ⁹⁶⁶ Из стихотворения Брюсова «Себастьян».
- ⁹⁶⁷ **Статьи, опубликованные в периодических изданиях.**
А.Н. МАЙКОВ. Терек, 16 марта 1907 г. Вырезка: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 13. *Майков Аполлон Николаевич* (1821–1897) – поэт, переводчик. Статья написана к десятой годовщине его смерти.
- ⁹⁶⁸ *Мережковский Д.С.* А.Н. Майков. Впервые: Труд. 1891. № 4.
- ⁹⁶⁹ Упомянуты лирическая драма «Три смерти» (1851) и трагедия «Два мира» (1872, 1881) Майкова.
- ⁹⁷⁰ Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Зачем твой дивный карандаш...».
- ⁹⁷¹ Проф. Зелинский «Из жизни идей» (*примечание ЕА*). Имеется в виду кн.: *Зелинский Ф.Ф.* Из жизни идей. Т. I. СПб., 1905.
- ⁹⁷² Из стихотворения Майкова «Fortunata».
- ⁹⁷³ Процитированы 1 и 3 строфы стихотворения Фета «Поэтам».
- ⁹⁷⁴ **ДВА ОБРАЗА.** Опубли.: Однодневная газета в поддержку борьбы с туберкулезом «Белая ромашка». 12 апреля 1912. Вырезка – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 13. Знакомая ЕА М.В. Уланова писала ему 27 июня 1912: «Сами знаете, что “Два образа” лучшее, что есть в “Белой ромашке”» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 2об.).
- ⁹⁷⁵ В газете ошибочно: со страстью.
- ⁹⁷⁶ Из сборника Бальмонта «Будем как Солнце» (М., 1903).
- ⁹⁷⁷ Из стихотворения Я.П. Полонского «Последний вздох» (1864).
- ⁹⁷⁸ **«ПРЕСВЕТЛАЯ ДУША». ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ СВЯТОГО ФРАНЦИСКА АССИЗСКОГО.** Опубли.: Нижегородская земская газета. 25 октября 1912. Вырезка – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 13. М.В. Уланова писала ЕА 14 октября 1912: «Какое у Вас проникновенное любовное отношение с чужой душой. Какой яркий, близкий и дорогой образ Франциска Ассизского. Как Вы удивительно близко подошли к нему и сделали его живым ... Так может писать только художник и большой психолог» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 3).
- ⁹⁷⁹ Из стихотворения Вяч. Иванова «Псалом солнечный».
- ⁹⁸⁰ Из стихотворения Ф. Сологуба «Ангел благого молчания».
- ⁹⁸¹ «Воздушная дорога» – стихотворение К.Д. Бальмонта памяти В.С. Соловьева.
- ⁹⁸² Из стихотворения А.К. Толстого «И.С. Аксакову».

⁹⁸³ Там же.

⁹⁸⁴ Из стихотворения Бальмонта «Голос дьявола».

⁹⁸⁵ Из стихотворения А.К. Толстого «Меня, во мраке и в пыли...»

⁹⁸⁶ «Герольд великого царя» – Посланник сил божественных, посланник Господа. (Прим. редакции газеты).

⁹⁸⁷ Такт смирения – умение управлять собою путем смирения. (Прим. редакции газеты).

⁹⁸⁸ С. Р. – Сергей Раевский (псевдоним С.Н. Дурылина). Цитата из его стихотворения «День благой и радостный Господень...» из «Антологии» Мусажета (М., 1911. С. 146).

⁹⁸⁹ Название монастыря. (Прим. редакции газеты).

⁹⁹⁰ Из стихотворения М.А. Кузмина «Не верю солнцу, что идет к закату...».

⁹⁹¹ Из поэмы Д.С. Мережковского «Франциск Ассизский».

⁹⁹² Герье В. Франциск. Апостол нищеты и любви. М., 1908. С. 156.

⁹⁹³ Серафический – по красоте продобный серафиму. Серафим – вышний чин ангельский, ангел. Крест у Франциска связан с явлением распятого на нем серафима. Католическое прозвание Франциска: «Серафический Отец». (Прим. редакции газеты).

⁹⁹⁴ Альверно, высокая вершина в верховьях реки Арно; Франциск поднимался на нее в 1224 году. (Прим. редакции газеты).

⁹⁹⁵ Раевский Сергей (С.Н. Дурылин). Хвала святому Франциску [Стихотворение] // «Антология» Мусажета. М., 1911. С. 143.

⁹⁹⁶ Псалом 102.

⁹⁹⁷ Клир – причт духовенства. (Прим. редакции газеты).

⁹⁹⁸ **ПИСЬМО К УМЕРШЕМУ (И. Ф. А.). Об эстетическом восприятии смерти.** Терек. 27 мая 1914. № 4911. Вырезка: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 13. Начиная со слов «Меня всегда удивлял...» заметка легла в основу статьи ЕА «Никто и ничей», включенной в его сборник «Миртовый венец».

⁹⁹⁹ Из стихотворения И.Ф. Анненского «Моя тоска».

¹⁰⁰⁰ Из стихотворения И.Ф. Анненского «Nox vitae».

¹⁰⁰¹ Анненский умер 30 ноября 1909 г. от разрыва сердца на ступенях Царскосельского вокзала в Петербурге.

¹⁰⁰² В Обществе классической филологии и педагогики Анненский должен был прочесть доклад «Об Ифигении Таврической у Еврипида, Ручелай и Гете». «Это было в понедельник, 30 ноября, на Высших Историко-литературных курсах Н.П. Раева, где покойный в течение последних полутора лет читал античную словесность, и где мы с ним исправно встречались по понедельникам в 12 ч., в перерыве между его парой лекций и моей. Мне рассказывали потом, что он читал в этот день особенно бодро и воодушевленно и потом весело беседовал со слушательницами, приглашавшими его прийти вечером на их концерт и бал. Да и мне он показался тем И.Ф., каким я его знал в лучшие моменты его жизни; говорили мы с ним об его курсе, об Ев-

рипиде и в отдельности об его реферате, который ему предстояло прочесть в тот же вечер в "Обществе классической филологии" о "Таврической жрице" Еврипида. Затем – моя лекция, а следовательно, и прощание. Говорю ему машинально обычное "до свидания", уже погруженный в свой курс. "Сегодня вечером – не правда ли?" "Да, конечно" – отвечаю, не подозревая, какое это будет свидание» (*Зелинский Ф. Ф.* Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик // Аполлон. 1910. № 4. Январь).

¹⁰⁰³ Цитата из элегии Е.А. Баратынского «Запустение».

¹⁰⁰⁴ Цитата из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон».

¹⁰⁰⁵ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Баллада» («Трилистник траурный»).

¹⁰⁰⁶ Цитата из сонета И.Ф. Анненского «Перед панихидой».

¹⁰⁰⁷ Отсылка к стихотворению «Перед панихидой».

¹⁰⁰⁸ Цитата из сонета И.Ф. Анненского «Перед панихидой».

¹⁰⁰⁹ Цитата из стихотворения А.А. Фета «Ласточки».

¹⁰¹⁰ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Аметисты».

¹⁰¹¹ Цитаты из стихотворения И.Ф. Анненского «Ледяная тюрьма».

¹⁰¹² Цитата из стихотворения Ф. Сологуба «Прикасясь холодной рукой...».

¹⁰¹³ В стихотворениях Баратынского «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...», «Смерть».

¹⁰¹⁴ Неточность ЕА: эпитет принадлежит не В.Я. Брюсову, но Ф.И. Тютчеву («И гроб опущен уж в могилу...»). Брюсов процитировал его в своей статье «Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества»: «Так, в ясный день, при обряде погребения, проповедь ученого, сановитого пастора о крови Христовой уже кажется Тютчеву только "умной пристойной речью", и он противопоставляет ей "нетленно-чистое" небо и "голосисто реющих в воздушной бездне" птиц» (*Брюсов В.Я.* Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // *Брюсов В.Я.* Собр. соч. Т. 6. М., 1975. С. 199).

¹⁰¹⁵ Из упомянутого выше стихотворения К.Н. Бальмонта «Благовестие».

¹⁰¹⁶ См. примечание 961 на с. 615.

¹⁰¹⁷ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Умирание».

¹⁰¹⁸ Из статьи: *Зелинский Ф. Ф.* Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик.

¹⁰¹⁹ Анненский перевел все сохранившиеся драмы Еврипида.

¹⁰²⁰ Стихи ЕА.

¹⁰²¹ См. примечание 964 на с. 615.

¹⁰²² **БЕЗВЕСТНАЯ ЛАОДАМИЯ.** Опуubl. в альманахе «Жатва» (вып. VI–VII, М., 1915).

¹⁰²³ Цитата из стихотворения «Смерть» Шарля Ван Лерберга (1861–1907) в переводе К.Д. Бальмонта.

¹⁰²⁴ Примечание ЕА: *К.К. Павлова (рожд. Яниш), почетный член Общества любителей русской словесности при Московском университете, ро-*

дидась в Ярославле в 1810 г. † в 1894 г. в Дрездене. ЕА приводит ошибочные даты жизни К. Павловой, правильные: 1807–1893. Умерла она под Дрезденом, в Клостервице.

¹⁰²⁵ Цитата из статьи И.Ф. Анненского «Трагедия Ипполита и Федры».

¹⁰²⁶ Цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Аметисты».

¹⁰²⁷ Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...».

¹⁰²⁸ Цитата из стихотворения А.А. Фета «Не тем, Господь, могуч, непо-стижим...».

¹⁰²⁹ Цитата из стихотворения К. Павловой «Мотылек».

¹⁰³⁰ Примечание ЕА: Федра умирает, обвинив Ипполита, увлекая его к ги-бели.

¹⁰³¹ Цитата из книги М.С. Шагинян «О блаженстве имущего: поэзия З.Н. Гиппиус» (М., 1912. С. 36).

¹⁰³² Обе цитаты из стихотворения З.Н. Гиппиус «Победа».

¹⁰³³ Правильное название стихотворения – «Победы».

¹⁰³⁴ Там же.

¹⁰³⁵ Цитаты из стихотворения К. Павловой «Мотылек».

¹⁰³⁶ Стихотворение К. Павловой называется «Лампада из Помпеи».

¹⁰³⁷ Цитата из стихотворения «Лампада из Помпеи».

¹⁰³⁸ Цитаты из стихотворения К. Павловой «Нет! не прав ваш ропот тай-ный!».

¹⁰³⁹ Цитата из стихотворения К. Павловой «В часы раздумья и сомне-нья...».

¹⁰⁴⁰ Обе цитаты из стихотворения К. Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...».

¹⁰⁴¹ Цитата из стихотворения К. Павловой «Ты силу дай! Устам моим хра-нение...».

¹⁰⁴² Цитата из стихотворения К. Павловой «Не пора!».

¹⁰⁴³ Цитата из стихотворения К. Павловой «Не гордою возьмем борь-бою...».

¹⁰⁴⁴ Цитаты из стихотворения К. Павловой «Дума».

¹⁰⁴⁵ Из стихотворения «Мудрецу».

¹⁰⁴⁶ Цитата из стихотворения К. Павловой «10 ноября 1840».

¹⁰⁴⁷ Цитата из стихотворения К. Павловой «Серенада».

¹⁰⁴⁸ Цитата из перевода К. Павловой «Стансов к Августе» Байрона.

¹⁰⁴⁹ Цитаты из стихотворения К. Павловой «Дума».

¹⁰⁵⁰ Цитата из стихотворения К. Павловой «Гондола».

¹⁰⁵¹ Цитата из стихотворения К. Павловой «Умолк шум улиц – поздно...».

¹⁰⁵² Цитата из стихотворения К. Павловой «И.С. Ак<сако>ву».

¹⁰⁵³ Цитата из стихотворения А.А. Фета «Люди нисколько ни в чем пре-до мной не виновны, я знаю...».

- ¹⁰⁵⁴ Здесь и во всей главке цитируется перевод К. Павловой поэмы А. Шамиссо «Salas у Gomez».
- ¹⁰⁵⁵ Цитата из стихотворения К. Павловой «Молчала дума роковая...».
- ¹⁰⁵⁶ Стихотворение К. Павловой.
- ¹⁰⁵⁷ Цитата из стихотворения К. Павловой «Младых надежд и убеждений...».
- ¹⁰⁵⁸ Цитата из стихотворения К. Павловой «Рудокоп».
- ¹⁰⁵⁹ Цитата из стихотворения К. Павловой «Старуха».
- ¹⁰⁶⁰ Цитата из стихотворения К. Павловой «Рассказ».
- ¹⁰⁶¹ Неточная цитата из того же стихотворения.
- ¹⁰⁶² Цитата из стихотворения Ф. Тютчева «Предопределение».
- ¹⁰⁶³ Цитата из стихотворения К. Павловой «10 ноября 1840». Курсив ЕА.
- ¹⁰⁶⁴ Цитата из письма К. Павловой 1890 г. к сыну А. Мицкевича Владиславу.
- ¹⁰⁶⁵ Цитата из стихотворения К. Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...».
- ¹⁰⁶⁶ Трагедия Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел» (1907).
- ¹⁰⁶⁷ **ТРИ АСПЕКТА АНТИЧНОЙ ЛАОДАМИИ.** Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 18, на отдельных печатных листах стихотворений Ф. Сологуба «Творчество» («Будетлянка другу расписала щеку...», 1913) и др. *Лаодамия* – в древнегреческой мифологии дочь иолакского царя Акаста и супруга фиолакского царя Иолая, образец супружеской верности. Этот миф лег в основу утраченной трагедия Еврипида; И.Ф. Анненский написал на этот сюжет собственную пьесу «Лаодамия» (окончена 1902, опубликована 1906 в сб. «Северная речь» (СПб., 1906); отд. изд.: *Анненский И.* Фамира-Кифарэд. Вакхическая драма. М.: изд. Португалова, 1913. Тираж 100 экз. Так же о Лаодамии были написаны трагедии Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел» (1907) и В.Я. Брюсова «Протесилай умерший» (1913). После заглавия запись: «Статья, прочитана в Москве в поэтич. объединении “Кифара”». *Кифара* – общество, посвященное памяти И.Ф. Анненского. Его членами были А. Альвинг, Д. Усов и др. Подробнее см.: *Усов.* Т. 2. С. 210–217.
- ¹⁰⁶⁸ Об этой трагедии есть статья М.А. Волошина «Федор Сологуб. “Дар мудрых пчел”» (Русь. 1907. 16 июня. № 152. С. 2). См. современные исследования, посвященные сходной проблематике: *Силард Л.* Античная Ленора в XX в. // *Studia Slavica Hungarica* 1982. N 28. С. 313–331; *Меррилл Дж.* «Дар мудрых пчел» Ф. Сологуба – диалог с Анненским? // *Русская литература.* 2010. № 2. С. 48–54; *Зельченко Вс.* К тексту «Лаодамии» И.Ф. Анненского // *Древний мир и мы.* Вып. 3. СПб., 2003. С. 317–322.
- ¹⁰⁶⁹ Цитата из авторской ремарки в пьесе Сологуба.
- ¹⁰⁷⁰ Цитата из реплики Персефоны в пьесе Сологуба.
- ¹⁰⁷¹ Слова Лаодамии из пьесы Сологуба.
- ¹⁰⁷² Цитаты из «Молитвы святому кресту».

¹⁰⁷³ Из стихотворения К. Павловой «Рассказ».

¹⁰⁷⁴ Обе цитаты из монолога Лаодамии в пьесе Брюсова.

¹⁰⁷⁵ Там же.

¹⁰⁷⁶ Там же.

¹⁰⁷⁷ Там же.

¹⁰⁷⁸ Слова Протесилая в пьесе Брюсова.

¹⁰⁷⁹ Обе цитаты – слова Лаодамии из пьесы Брюсова.

¹⁰⁸⁰ Из стихотворения З.Н. Гиппиус «Если».

¹⁰⁸¹ Слова Лаодамии из «Лаодамии» Анненского.

¹⁰⁸² Ср. название стихотворения Анненского – «Невозможно».

¹⁰⁸³ **РЕЛИГИЯ ФАМИРЫ.** Печатается по автографу – РГАЛИ. Ф. 1458.

Оп. 1. Ед. хр. 21. Второй список – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 2. Д. 4. Еще один список (выполненный не рукой ЕА) хранится в собрании Е.А. Калло.

¹⁰⁸⁴ Посвящение оформлено как титульный лист книги вымышленного издательства, название которого образовано из сокращений слов: Чурленис, Фамира, Фет.

¹⁰⁸⁵ Цитата из стихотворения Б. Олидорта:

Насыщен словом сумрак зала...
Вдали ж стройноколонный храм.
Толпа растроганно рукоплескала
Никем не понятым словам.

А я томительно молчал,
Униженный и оскорбленный,
И обводил глазами зал,
Толпу и белые колонны.

И мне казалось: мы с тобой,
Под белой колоннадой храма,
Перед разнузданной толпой
Такую же играем драму.

И я, потупив дерзкий взор,
Сжимая бутафорский меч,
Веду, напыщенный актер,
Свою кощунственную речь.

Мечту божественной причуды,
Мечту поэтов и мою
Я целованием Иуды
Неверующим предаю.

Я жду: прервут рукоплесканья
Непонятую скорбь мою

И театральные страдания
Сантиментальной инженерии.

(*Олидорт Б.* Тростниковая флейта. М., 1914. С. 37–38).

В экземпляре из собрания Е.А. Калло присутствуют еще два эпитафия:
«Десяток фраз, пленительных и странных, / Как бы случайно уроня, / Он вбрасывал в пространство безымянных / мечтаний – слабого меня. / Н. Г<умилев>» (из стихотворения «Памяти Анненского») и «Непонятая фраза, / рождения душой в мучении экстаза. И.Ф. <Анненский>» (из стихотворения «Буддийская месса в Париже»).

¹⁰⁸⁶ Премьера состоялась не 8, а 2 ноября 1916.

¹⁰⁸⁷ Свод сведений о постановке спектакля см. в статье: *Канатьева А.В.* «Фамира-кифарэд» на сцене Московского Камерного театра // *Иннокентий Анненский. Материалы и исследования. 1855–1909. Материалы научно-литературных чтений.* М., 2009. С. 249–259.

¹⁰⁸⁸ Спектакль *Александра Яковлевича Таурова* (1885–1950) по пьесе Анненского был оформлен художницей Александрой Александровной Экстер (урожд. Григорович, 1882–1949).

¹⁰⁸⁹ Эпитафия из стихотворений В.С. Соловьева «Колдун-камень» и И.Ф. Анненского «Кошмары». В экземпляре из собрания Е.А. Калло есть еще один эпитафия из стихотворения Анненского «То было на Валлен-Коски»: «Нам камень седой, ожив, / стал другом, а голос друга / как детская скрипка, фальшив».

¹⁰⁹⁰ Цитата из венка сонетов Волошина «Corona Astralis».

¹⁰⁹¹ Цитата из стихотворения Анненского «Буддийская месса в Париже».

¹⁰⁹² Эпитафия из стихотворений Анненского «Буддийская месса в Париже», Брюсова «Камни», Волошина «Я соблюдаю обещанье...», В.С. Соловьева «Память» (вариант, приводимый в статье С.М. Соловьева «Идея церкви и поэзии Владимира Соловьева» – *Богословский вестник*, 1915, т. 1, № 1), Бальмонта «Звуковой зазыв (А.Н. Скрябин)». В списках из ГЛМ и собрания Е.А.Калло еще один эпитафия из стихотворения Н. Клюева «Звук Ангелу собрат, бесплодному лучу...»:

Звук Ангелу собрат, бесплодному лучу.

.....

Я видел звука лик.

Н. К.

¹⁰⁹³ Речь о картинах-сонатах Чюрлениса: «Аллегро (Соната змеи)» и «Картина пирамид. Аллегро»

¹⁰⁹⁴ Из стихотворения В.С. Соловьева «У царицы моей есть высокий дворец...».

¹⁰⁹⁵ Цитата из стихотворения А. Белого «И била временем волна...».

¹⁰⁹⁶ Цитата из стихотворения А.А. Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...».

¹⁰⁹⁷ Цитаты из стихотворения А. Белого «Пустыня» и неточная цитата из упомянутого в предыдущем примечании стихотворения Фета.

¹⁰⁹⁸ Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «О вещая душа моя...».

¹⁰⁹⁹ В ГЛМ фраза продолжена: «то, чего участником хотел быть Фамира».

¹¹⁰⁰ Цитируется уже упомянутое стихотворение Фета.

¹¹⁰¹ Цитаты из стихотворений Фета «В дымке-невидимке...», Ахматовой «Все мне видится Павловск холмистый...», Бальмонта «Звуковой зазыв (А.Н. Скрябин)».

¹¹⁰² В ГЛМ место создания статьи обозначено так: «Νέα νεκρόπολις» (Новый некрополь, *греч.*).

¹¹⁰³ **МЕЛОДИЯ МУЧЕНИЯ (СТИХОТВОРЕНИЯ АРСЕНИЯ АЛЬВИНГА)**. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 23. Приносим благодарность В.А. Резвому, любезно предоставившему нам для комментариев корпус неопубликованных стихотворений Альвинга.

¹¹⁰⁴ Из стихотворения «Аспект космический» – *Тюцета*. С. 207.

¹¹⁰⁵ Подробное см. прим. 3 к письму 20 во 2-м томе наст. изд.

¹¹⁰⁶ В газете «Новь» (1914) Альвинг напечатал рецензии на «"Доходный дом" и др. рассказы» В.П. Ютанова (8 марта), «Стихотворения» Н.В. Крандиевской (15 марта 1914), «сборник II» «Слово» (к десятилетию смерти Чехова) (22 марта); 6-ю книгу «Истории западной литературы XIX века» под ред. Ф.Д. Батюшкова (29 марта); «Осенний цветник. Стихотворения» Н.С. Ашукина, на книгу переводов И.Г. Эренбурга «Поэты Франции» (5 апреля). В автобиографии 1923 г. Альвинг сообщает о своей критической статье «Имеем ли мы право не верить Бальмонту» (ИМЛИ. Ф. 516. Оп. 1. № 3. Л. 1).

¹¹⁰⁷ Заключительная строфа и три предыдущие инверсионные цитаты из стихотворения Альвинга «Тоска осени» (опубл. как первое стихотворение цикла «Тоска» в альманахе «Жатва», вып. IV).

¹¹⁰⁸ Цитата из стихотворения Альвинга «Зной полдня» (там же). Стихотворение републ.: *Усов*. Т. 2. С. 127.

¹¹⁰⁹ Две последние строфы из стихотворения Альвинга «Тоска сирени» (опубл. как первое стихотворение цикла «Тоска» в альманахе «Жатва», вып. IV. Здесь и далее в статье курсив ЕА).

¹¹¹⁰ Стихотворение было известно ЕА в рукописи, не публиковалось. *Vin de souvenir* – вино памяти (*франц.*).

¹¹¹¹ Цитата из стихотворения Альвинга «Quand les lilas refleuriront» («Когда сирень снова зацветет», *франц.*), опубл. в «Песнях "Жатвы"» (Тетрадь 1-я, М., 1915. С. 5).

¹¹¹² Цитата из первой части непубликовавшегося диптиха Альвинга «Не оживут».

¹¹¹³ Оpubл.: *Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...* Книга 6. М., 2011. С. 18.

¹¹¹⁴ Это стихотворение Альвинга не публиковалось, ЕА знал его в ранней редакции. В более позднем варианте: «Банальные, скучные дни / Без темнолиловых волнений».

¹¹¹⁵ В более поздней редакции: «наплыве тьмы».

¹¹¹⁶ Цитата из стихотворения Альвинга «Осенью» (опубл. в другой редакции: *Аргонавты*. Кн. 2. Киев, 1914. С. 7).

¹¹¹⁷ Цитата из И.Ф. Анненского «О нет, не стан, пусть он так нежно-зыбок...».

¹¹¹⁸ *Фернан Кроммелинк* (1886–1970) – бельгийский драматург и журналист. См.: *Ваятель масок*, пер. К.Д. Бальмонта. М., 1912. С. 63

¹¹¹⁹ Оpubл.: *Аргонавты*. Кн. 2, Киев, 1914. С. 6.

¹¹²⁰ Цитата из стихотворения Альвинга «Мука струн» (*Жатва*. Кн. IV).

¹¹²¹ Цитата из неопубликовавшегося стихотворения Альвинга «О нет, не то, что в сердце жадно билось...».

¹¹²² Цитата из стихотворения «Мука струн» (неопубликованный вариант).

¹¹²³ Цитата из неопубликованного раннего варианта стихотворения Альвинга «Ирис».

¹¹²⁴ Цитата из стихотворения Альвинга «Осенью».

¹¹²⁵ Цитата из стихотворения Альвинга «Quand les lilas refleuriront».

¹¹²⁶ Цитата из стихотворения «Мука струн».

¹¹²⁷ Из стихотворения Альвинга «Проводы» (*Песни «Жатвы»*. Тетрадь I-я. С. 6).

¹¹²⁸ В опубликованном варианте: скукой.

¹¹²⁹ В опубликованном варианте: презрительно.

¹¹³⁰ Эта и предыдущие цитаты из стихотворения «Зачем».

¹¹³¹ Цитата из неопубликовавшегося стихотворения Альвинга «Мой рай».

¹¹³² Цитата из стихотворения «Осенью».

¹¹³³ Цитата из неопубликованного стихотворения Альвинга «Бессонница III-я («Не спится...»).

¹¹³⁴ В опубликованном варианте: пусть.

¹¹³⁵ Из стихотворения «Nocturne».

¹¹³⁶ Из стихотворения «Мой рай».

¹¹³⁷ Оpubл.: *Аргонавты*. Кн. вторая. Киев, 1914. С. 5. Републ.: *Усов*. Т. 2. С. 422.

¹¹³⁸ Стихотворение не было опубликовано.

¹¹³⁹ Из второго (неопубликованного) стихотворения диптиха «Не ожи- вут».

¹¹⁴⁰ Цитаты из стихотворений Анненского «Снег» и «Ты опять со мной, подруга осень...».

¹¹⁴¹ Оpubл.: *Вечера*. Ежемесячник стихов. № 2. Париж, 1914.

¹¹⁴² В другом варианте: сон.

¹¹⁴³ В другом варианте: хотя к ним.

¹¹⁴⁴ В другом варианте: «И нам разувериться с ним бы, / Чтоб вместе в холодных словах».

¹¹⁴⁵ Из стихотворения Анненского «Тринадцать строк».

¹¹⁴⁶ Опубл.: Жатва. Кн. IV.

¹¹⁴⁷ При жизни Альвинга не публиковалось. Опубл.: Усов. Т. 2. С. 129.

¹¹⁴⁸ В другом варианте: Затем вы качнулись

¹¹⁴⁹ В другом варианте: Заплакали тихо

¹¹⁵⁰ В другом варианте: Все тяжкий решали

¹¹⁵¹ В другом варианте: Ронять ли скорей лепестки вам, / Весь ужас стеблей обнажа.

¹¹⁵² В другом варианте: желтея, / Хоть мертвый – как будто живет!

¹¹⁵³ В другом варианте:

Ведь надо же нам на концерте,
Куда неизбежно идти,
Артистке за «Песню о смерти»
С улыбкой его поднести!

¹¹⁵⁴ Опубл.: Жатва. Кн. IV.

¹¹⁵⁵ [СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ТРАГЕДИИ, ЧИТАННЫХ ЕВГЕНИЕМ АРХИППОВЫМ В 1920 ГОДУ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ СТУДИИ ВС. ЭМ. МЕЙЕРХОЛЬДА (Г. НОВОРОССИЙСК)]. Список рукой К.Л. Архипповой: ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 37 (вклейка 110). «С живейшим интересом прочел я план Ваших лекций в студии Мейерхольда. Какая подробная, научная разработка, какой тонкий и своеобразный подход! Наверное, Вс. Э. был очень рад этому курсу, но, мне кажется, для него нужна совсем особая аудитория. А была ли она в Новороссийске?» – спрашивал ЕА Усов (Усов. Т. 2. С. 112). Благодарю Г.М. Дашевского и Б.М. Никольского за помощь в комментировании и заочном прочтении трудных мест текста.

¹¹⁵⁶ *Алкамен* – греческий скульптор, работавший во второй половине V в. до н.э.

¹¹⁵⁷ *Тиады* (фиады) – участники тиааса (фиаса), т.е. шествия или процессии в честь какого-либо божества, чаще бога виноделия Диониса. В свите Диониса были вакханки, менады, сатиры, силены. Их и называли тиадами.

¹¹⁵⁸ *Триетериды* (Триетерии) – справляемый раз в три года праздник Диониса.

¹¹⁵⁹ *Агриониш* – у древних греков празднества в честь Диониса, называемого из-за них «агрионийским»; совершались в Орхомене в Беотии ночью, с участием одних женщин («губительниц») и жрецов Вакха. Мужья оставались дома в роли «скорбящих».

¹¹⁶⁰ *Миниады* – в греческой мифологии три дочери Миния, царя Орхомена. Их имена: Алкифоя, Левконоя, третья не названа по имени у Овидия. Либо Левкиппа, Арсиппа и Алкафея. Были очень трудолюбивы и отвергали оргии Диониса, но после были охвачены безумием и запылали неодолимой

страстью к человеческому мясу и съели сына Левкиппы. С этими событиями связан обычай проведения ночного празднества агрионий.

¹¹⁶¹ Ср. статью И.Ф. Анненского, сопровождающую его перевод «вакханок» Еврипида: «Дионис в легенде и культе» («Миф и культ. Дионис. – Оргии в поэзии. Оргии в историческом освещении. Фракия. Мэнада – амазонка. Вино. Кровь. Музыка. Вещий дар. – Легенда о рождении Диониса. Дионис ребенок. – Загрей. – Дионис и пираты. Перевод Гомеровского гимна. – Легенды об установлении культа. – Тиас Диониса. – Дионис-освободитель. Виноградная легенда. – Аттические Дионисии. – Мистерии и Дионис-мист. – Лидийский Дионис. – Всемирный Дионис. – Дионис и Агни-Сома. – Имена Диониса. – Женоподобный образ Диониса. Дионис в искусстве»).

¹¹⁶² *Скопада*, т.е. Скопасова. *Скопас* (ок. 395 до н. э. – 350 до н. э.) – греческий скульптор и архитектор. Имеется в виду его мраморная скульптура менады, исполненная движения и страсти: http://www-2005.rsu.edu.ru/chairs/cult/hist_art/Pictures/Pict_90_166.html.

¹¹⁶³ Миф о Дионисе *двухчастен*. Как и во многих других случаях, этот бог имел два воплощения: «старшее» и «младшее». Старший Дионис, Дионис *Загрей* или Дионис *Сабазий* (Σαβάζιος) – фригийское или фракийское божество.

¹¹⁶⁴ Т.е. дважды рожденный: сначала Семелой, потом из бедра Зевса, который его донашивал.

¹¹⁶⁵ *Тиас* – см. выше.

¹¹⁶⁶ Эпитет Диониса, значит: «разрешитель».

¹¹⁶⁷ Эпитет Диониса, значит: «освободитель».

¹¹⁶⁸ *Бассаревс* – неистовствующий, от вина, каким величали Вакха (Вакх Бассаревс).

¹¹⁶⁹ Аполлону и Дионису в Риг-Веде соответствуют Агни и Сома.

¹¹⁷⁰ *Двиджанман* – дважды рожденный: в индуистском обряде упанаяны, которая рассматривается как второе, духовное рождение человека и практикуется первыми тремя варнами. Прошедшие обряд и называются «двиджа» («двиджати», «двиджанман») – «дважды рожденные», как и диссоток – дважды рожденный.

¹¹⁷¹ Видимо, имеется в виду *асклепиас*, *asclepias gigantea* или *calotropis gigantea*, т.н. «ваточник», на санскрите арка, индийский кустарник. Сок из волокон этого растения имел магическое опьяняющее действие. Упоминается в «Ригведе» и в «Авесте».

¹¹⁷² *Котито* – в греческой мифологии богиня фригийского происхождения, близкая *Кибеле*. Культ носил оргиастический характер. *Кибела* – фригийская богиня, близкая к Рее.

¹¹⁷³ *Погонит* – бородач.

¹¹⁷⁴ *Лидийский Дионис* – одно из античных изображений бога вина и плодородия в образе женственного, мечтательного юноши.

¹¹⁷⁵ См. выше.

¹¹⁷⁶ *Эврихайт* – «с широко спадающими волосами».

¹¹⁷⁷ Зооморфизм Аполлона проявляется в его связи и даже полном отождествлении с вороном, лебедем, мышью, волком, бараном.

¹¹⁷⁸ Символы, эмблемы Аполлона, так же, как ворон и лебедь.

¹¹⁷⁹ *Локсий* – светодатель, эпитет Аполлона.

¹¹⁸⁰ Аполлон исцеляющий (*лат.*).

¹¹⁸¹ *Хорегия* – в Древней Греции один из видов *натуральной* повинности, обязывавший наиболее состоятельных из граждан давать средства на музыкальные и хоровые состязания и поставлять хоры для драматических представлений во время общественных празднеств. Первоначально хорегом назывался «руководитель хора», обучавший его участников и исполнявший обязанности, позднее распределенные между *корифеем* и *дидаскалом*.

¹¹⁸² *Проагон* – первый акт Великих Дионисий, поэты представляли своих актеров и хор.

¹¹⁸³ Флейтист.

¹¹⁸⁴ Ср. главу «Тризна и маска. – Корни трагедии» в статье Вяч. Иванова «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» («Вопросы жизни», 1905, № 6, 7).

¹¹⁸⁵ **ИЕРОФАНТ УЖАСА И СТРАСТИ (ЛИРИКА КН. А.В. ЗВЕНИГОРОДСКОГО).** Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 15. Статья не датирована, предположительная датировка – начало 1920-х. Эпиграф из сонета И.Ф. Анненского «Перед панихидой». Опубликовано с большим числом опечаток в кн.: *Звенигородский*. С. 158–179. Звенигородский писал ЕА по получении этой статьи 17 марта 1923 ст. ст.: «Вчера (16 марта) пришло письмо от Д.С. Усова и твоя статья обо мне. Я так долго ждал ее, что долго не верил, что она в моих руках. Статья – вне похвал – поразительна, необыкновенна. Только ты мог так написать. Я ее перечитываю и наслаждаюсь. Ты доставил мне величайшее счастье! Брат Дмитрий от нее в восторге и сегодня опять ее перечитывал. Крепко-крепко жму твою благородную руку. Я был удивлен, читая главу (III) о старом доме, встретить в ней прозаический отрывок, воспроизводящий так удивительно магию старого дома. Будь добр отписать, откуда ты извлек этот поразительный отрывок, из какого моего письма (год, месяц, число)? Я совсем не припоминаю, когда я мог создать такую вещь! Я изумлен и потрясен. Весь этот отрывок с первых фраз “Звуки успокаивающихся птиц” и до последних “моя душа так проникнута вечно-женственным: Лизой Тургеневой” и т. д. – чудо! Откуда ты его взял? Отпиши и скорее, и подробнее» (собрание М.Ю. Гоголина).

¹¹⁸⁶ С *Б.А. Садовским* Звенигородский, вероятно, был знаком с отрочества по Дворянскому институту имени императора Александра II-го, в 1912 опубликовал свое стихотворение 1910 г. «Есть волшебная поэзия куста...» с посвящением «Борису Садовскому» («Нижегородский листок», 12 сентября). Садовской посвятил Звенигородскому стихотворение «Дуб» из сборника «50 лебедей» (П., 1913).

Начиная с 1914, довольно регулярно Звенигородский сообщал о нем ЕА: «Сегодня был у Бориса Садовского. он все болеет и жметя. Лицо желтое. Говорил, что на днях появятся его новые книги. Напиши, как ты его ценишь и что из него любишь? Читал ли его “50 лебедей”?» (14 февраля 1914); «Альманах “Альциона” купил по совету Садовского, но в нем не нашел ничего хорошего. Только Брюсов порадовал. Его рассказ вырезал, а все остальное выбросил, как раздражающий своей ненужностью хлам, сор, жалел, что послушался совета Садовского и радовался, когда сборник был выкинут. Рассказ Садовского отвратителен по скуке, едва дочитываем <...> О Садовском ты очень многое метко подметил» (11 марта 1914); «Сейчас он выехал с Ремизовым в Италию. Он мне подарил “Самовар”, прося об нем дать отзыв в письме, что я и сделал. Нравится его предисловие, восхищение Самоваром и только. Его книга о Фете выйдет еще не скоро» (14 апреля 1914; по записи в «Библиографии А.В.Звенигородского», составленной ЕА, заметка Звенигородского о «Самоваре» была напечатана в «Нижегородском листке» в 1914); ругал книгу «Озимь» (16 апреля 1915 – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 66); «Борис Садовской в Москве. Приглашен Васильевым в “Летучую мышь”. Адреса его не знаю. Видел его в Нижнем несколько минут, в кот. он преподнес мне “Ледоход”. Книга его интересна и читается легко и радостно. Некоторые статьи великолепны. Если ты ему пошлешь свою книгу, то он будет тронут твоим вниманием.» (20 июля 1915); «На днях меня посетил Садовской. Подарил три своих книги: “Адмиралтейская игла”, “Лебединые клики” (два романа, напеч. в Рус. мысл<и>) и “Полдень” – стихи (сводка всех старых сборников)» (письмо к Н.С. Архиповой, февраль 1916), «Был у Бориса Садовского. Он сильно и опасно болен. Едва передвигается по комнате. Жаль бедного» (24 января 1917); «Садовской Борис сильно болеет. Никого не принимает. У него что-то *скверное*» (16 июня 1917). «Садовский разбит параличом спинного мозга – последствия сифилиса. Узнал от врача М.В. Лобуса» (9 августа 1921, собрание М.Ю. Гоголина). «О Б. Садовском ничего не знаю. Говорят, он “лежит как труп”. Читаю его сонеты, присланные Усовым. Красиво, но не глубоко. Вообще, говоря правду, он лишен всякой глубины. Лишь предпоследний сонет силен. Б. Садовский – зоил. Моя душа к нему не лежит» (13 апреля 1924, собрание М.Ю. Гоголина). «Ровно месяц я был в отсутствии. Получил ли ты “Ледоход” Бориса Садовского? Эта книга давно тебе выслана заказной бандеролью... Я совершил великий подвиг. Из-за этого подвига стоило ехать в Нижний. Я примирился с Борисом христианским образом, и та черная кошка, которая пробежала между нами, навсегда убита. Мы теперь сделались, вернее, вернулись раз и навсегда в лоно искренней дружбы. С сердца целая гора слетела. Как мне теперь легко, как я радуюсь и ликую, – сказать трудно. Борис посвятил мне стихотворение “Н.Н. Пушкина”» (2 декабря 1924, собрание М.Ю. Гоголина). О дальнейшем развитии отношений см. прим. 2 к письму 110 во втором томе наст. изд.

Чешихин-Ветринский Василий Евграфович (настоящая фамилия – Чешихин; 1867–1923) – историк русской литературы, публицист. 17 февраля

1908 Звенигородский писал ЕА: «Посылаю тебе вырезку из “Нижегородского Листка”, которую прошу мне вернуть, где какой-то Ч. Ветринский (я его не знаю совсем), разбирая труд Гершензона о Чаадаеве, доводит до сведения нижегородцев о моих розысках <sic! – ТН> писем бр. Чаадаевых». Работы обоих соседствуют в кн.: Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Том VIII. Н. Новгород, 1910.

Знакомство Звенигородского с *Гершензоном* состоялось на почве занятий П.Я. Чаадаевым и его окружением. В книге «П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (СПб., 1908. С. 51) Гершензон благодарит Звенигородского за сообщение 26 писем П.Я. Чаадаева (см. также благодарственные упоминания Звенигородского в подготовленных Гершензоном «Сочинениях» П.Я. Чаадаева (Т. 1, 1913. С. V, 345, 381, 386). Впоследствии Гершензон написал о Звенигородском: «Юноша чистый, как горная вода» (*Гершензон М.О.* Письма к брату. Избранные места. Вступ. статья и прим. М. Цявловского. [М.], 1927. С. 162). См. также прим. 1 к письму 101 во втором томе наст. изд. Звенигородский писал ЕА: «Грустно писать Вам, что “Ж<урнал> д<ля> в< всех>” снова прислал мне отказ. Поступает он, по-моему, незаконно. Какие еще стихи им посылать? Удивительно, что всякий сброд идет и находит место, а моего бреда не хотят. Ведь уже не так плохо! Гершензон понимает, а вот “они там” меня не желают. Присылайте еще. Я плюнул и больше не хочу иметь с ними пока дела» (недатированное письмо, около 1905 г.); «От Гершензона получил с надписью 1 т. Чаадаева, от него же получил очень любезное письмо» (30 марта 1913), «Получил у книгоиздательства “Путь” II том сочинений П.Я. Чаадаева, где напечатано очень важное письмо Петра Чаадаева, сообщенное мною Гершензону» (14 апреля 1914); «Стихи Гершензона отвратительны. Он роняет свое достоинство» (4 марта 1915); «Перечитал недавно... подаренную Гершензоном в Москве книгу “Мечта и мысль Тургенева”. Последняя оставила неприятный откус. Гершензон совершенно, по-моему, исказил мечту и мысль великого создателя Клары Милич. Тургенев так нежен и стыдлив, что только особенные избранные, а не Гершензон, могли бы угадать его мечту и мысль. Самое название книги нелепо и противно правилам творчества: “что не знаю сам, что буду петь, но только песня знает”» (14 октября 1922, собрание М.Ю. Гоголина).

20 июня 1914 Звенигородский сообщал ЕА: «Через Гершензона я познакомился с Вяч. Ивановым. У последнего пробыл около трех часов. Вячеслав Иванов удивителен, нежен, приковывает к себе. Я доселе полон им. Он подарил мне, сделал милые надписи “Нежная тайна” и “Кормчие звезды”. (Библиограф. редкость). От “Кормчих звезд” я отказывался, узнав, что у самого В. Иванова осталось лишь два экземпляра, но он был так добр, что я решился принять от него этот ценный подарок. Стихи мои он критиковал и жестоко, он забраковал “Кошмары”, “*Omnium initium regum*” и мн. др. но он хвалил “Знаю девушку где-то”, “Твоя душа как птенчики”. Я был удивлен, что стихотворение “*Omnium initium regum*”, стихотворение, которым так востор-

гался Эрн, им раскритиковано. Мы дружески с ним и нежно расстались. Целый день я был счастлив».

Глинка-Волжский (наст. фам. Глинка, псевдоним – Волжский) *Александр Сергеевич* (1878–1940) – критик, историк литературы. О нем Звенигородский тоже сообщал ЕА: «В Нижнем поселился Волжский (Глинка), друг Эрна. С ним познакомился, и он у меня бывает. Скоро должна выйти его книжка об отце Серафиме Саровском в издании книгоиздательства “Путь”. На этих днях слушал лекции Степуна о духе современности. Блестящий и хорошо знающий философию оратор. С ним тоже познакомился» (6 ноября 1913), «Из новых книг с большим увлечением прочитал (только что получил от Глинки) об от. Серафиме, называется “В обители преподобного Серафима”, изд. “Путь”, цена 35 к. За последнее время мы <с> ним сошлись и стали близки друг к другу» (1 января 1914), «Часто выдаю Глинку. Очень милый и сердечный» (14 апреля 1914); «Жду возвращения из Москвы Алек. Серг. Глинки, который поехал повидаться со своими старыми друзьями: Сер. Булгаковым, Эрном, Вяч. Ивановым и друг<ими>» (4 октября 1914); «Прекрасный человек. Но он ничего не пишет. Резигнация и прошлое. И он, и я этим живем» (24 января 1915, цит. по: *Усов*. Т. 2. С. 179).

Об отношении Глинки-Волжского к Звенигородскому мы узнаем из письма Д.С. Усова к ЕА от 23 июля 1923: «Про кн<язя> Андрея Волжский сказал, что это большой ребенок и что его поэзия для него самого (кн<язя> Анд<рея>) – “уединенное острие”. Волжский с неудовольствием вспоминал только о том, как кн. Андрей поспешно откликнулся на пошлый клик “Свобода!” в 17-м году и, как-то прельщенный красными тряпками, написал и напечатал стихотворение на тему “Свобода лучезарна!” и сравнивал самодержавие с мертвою бабочкою. Волжский говорит, что это как бы “родимчик” у кн. Андрея. “Это по-детски, но это, конечно, преступно”» (*Усов*. Т. 2. С. 176).

Бальмонта Звенигородский, как и все молодые поэты его поколения, пристально читал: переписывая в письме от 3 мая 1905 его стихотворение «О забытом трубадуре, что ушел в иной предел...», Звенигородский сообщал ЕА: «”Литургию красоты“ прочел от доски до доски. Этот сборник не так мне понравился, как “Будем как солнце”, “Только любовь”. Но есть места поразительные. Простите, что в этом письме не цитирую ни одного стихотворения. В следующем... Но одну строфу приведу:

О, Польша! Я с детства тебя полюбил,
Во мне непременно есть польская кровь:
Я вкрадчив, я полон утонченных сил,
Люблю, и влюблен я в любовь.

Помните:

Нежнее, чем польская панна,
И, значит, нежнее всего.

Это у него особенно ясно повторяется:

В ней есть что-то лебединое,
Лебединое, змеиное,
И поет мечта несмелая:
Ты ужалишь, лебедь белая?

Стих-то! Действительно, жалит и крадывается» (везде здесь, где не оговорено иначе, цитируются письма Звенигородского из собрания Е.А. Калло). Виделся с ним в 1914 году в Нижнем Новгороде (см. прим. 4 к письму 14 во втором томе наст.изд.).

¹¹⁸⁷ «*Delirium tremens*» – белая горячка (лат.).

¹¹⁸⁸ «*Sub Jove frigido*» – цитата из Горация: «под холодным небом» (лат.). Книга посвящена «Евгению Яковлевичу Архиппову».

¹¹⁸⁹ Речь идет о сборнике стихотворений А.В. Звенигородского «Чуть на крылах», который первоначально предполагалось назвать «*Albo corvo rariores*» («Более редкие, чем белый ворон», лат.). Некоторые стихотворения Звенигородского под названием «Из «*Albo corvo rariores*»» печатались в «Нижегородском листке», в частности, «Ясна вся невозможность поворота...» (1916. № 72 от 14 марта), «Чудные дамы в вуалях...» (1913. 15 ноября) и др. Неисправно опубликован вместе со стихотворениями первых трех книг в кн.: *Звенигородский*.

¹¹⁹⁰ Цитата из стихотворения Е.А. Баратынского «Муза».

¹¹⁹¹ Из стихотворения А.В. Звенигородского «Вы окружили меня криком...» (1916; вошло в сб. «Чуть на крылах». Опубл.: *Звенигородский*. С. 71).

¹¹⁹² Видимо, цитата из письма Звенигородского к ЕА.

¹¹⁹³ Триптих, открывающий сборник «*Delirium tremens*»: «Тяжелой глыбой чугуна...», «О, час мучительно-великий...», «В слова не верь. Не надо слов...».

¹¹⁹⁴ Из стихотворения И.Ф. Анненского «У гроба».

¹¹⁹⁵ Строка из первого стихотворения указанного триптиха Звенигородского: «В ней плещет страсть волной».

¹¹⁹⁶ Стихотворения «Городьба» и «Спутались в узел аллеи...» как отдельные тексты не включены в кн.: *Звенигородский*. Опубликовано в ней только в составе статьи ЕА.

¹¹⁹⁷ Датируется 1915. Включено в кн. «Чуть на крылах» (*Звенигородский*. С. 73).

¹¹⁹⁸ Датируется 1905. Включено в кн. «Чуть на крылах» (*Звенигородский*. С. 77, с опечаткой в 3 строке – правильно: «воет»).

¹¹⁹⁹ Ср. др. редакцию: «Во имя лживых слов, что на устах невинных / Нависнут, точно яд на лепестках цветов» («К лорду канцлеру» К. Бальмонта).

¹²⁰⁰ Из письма к ЕА.

¹²⁰¹ «Чеканить буду там я слогом / Твои черты!» («Моя любовь к тебе отныне...», сб. «*Sub Jove frigido*»).

¹²⁰² Сб. «Sub Jove frigido».

¹²⁰³ Вошло в сб. «Чуть на крылах» (*Звенигородский*. С. 75). С заглавием «Из “Albo corvo rariores”» прислано в письме Звенигородского к М.О. Гершензону 1916 г. в виде газетной вырезки (РГБ. Ф. 746. К. 33. Ед. хр. 45. Л. 68).

¹²⁰⁴ Вошло в сб. «Чуть на крылах» (*Звенигородский*. С. 78). С заглавием «Из “Albo corvo rariores”» прислано в письме Звенигородского к М.О. Гершензону 1916 г. в виде газетной вырезки (там же).

¹²⁰⁵ Из стихотворения «Моя жизнь» (1916; *Звенигородский*. С. 73–74), вошедшего в сб. «Чуть на крылах» с опущенной первой строфой (в которую входят первые две процитированные ЕА строки).

¹²⁰⁶ *Звенигородский*. С. 143.

¹²⁰⁷ *Звенигородский*. С. 75–76. Опубл. в кн. «Delirium tremens». Вошло в сб. «Чуть на крылах».

¹²⁰⁸ Из сб. «Delirium tremens». См. мнение В.Ф. Эрна об этом стихотворении, приведенное ЕА в его статье об Эрне. См. с. 160 наст. тома.

¹²⁰⁹ Из стихотворения Звенигородского «Крин» (*Звенигородский*. С. 57), вошедшего в сб. «Чуть на крылах».

¹²¹⁰ Первая цитата из не известного нам стихотворения Звенигородского. Вторая – из стихотворения «На золотом песке аллеи...» (*Звенигородский*. С. 70, с опечаткой в 4 строке, правильно: «твоих»).

¹²¹¹ *Звенигородский*. С. 51–52. Сб. «Sub Jove frigido».

¹²¹² *Пэан* – гимн радости и восхваления в честь бога солнца Аполлона или Гелиоса.

¹²¹³ Вошло в сб. «Чуть на крылах». Опубл.: *Звенигородский*. С. 55.

¹²¹⁴ Цитата из не известного нам стихотворения Звенигородского.

¹²¹⁵ Сб. «Sub Jove frigido». Датируется 1905. Опубл. с двумя опечатками в кн.: *Звенигородский*. С. 51.

¹²¹⁶ Из стихотворения «Тебя любить я не могу...» (*Звенигородский*. С. 50). Сб. «Sub Jove frigido».

¹²¹⁷ Цитаты из неопубликованного стихотворения Звенигородского (собрание М.Ю. Гоголина):

Ты не забудешь, как – девятый вал –
Я, иступлённый, дико целовал
Твои колена, что меня влекли
Коснуться огненной твоей земли.

Ночные птицы мчались сквозь туман.
Ты билась вся, свой запрокинув стан.
А я, безумец, проникал в тайник,
Где тьмы богатств мой исказили лик.

В письме к ЕА от 18 января 1913 г. Звенигородский писал: «Сборника я не издал, т.к. Гершензон напугал меня цензурой. “Вас привлечет к ответ-

ственности за порнографию”. Последнюю он усмотрел в стихотворении «Ты не забудешь, как девятый вал...». Без этого стихотворения издавать нового сборника мне не хотелось. И я отложил издание до февраля, когда вновь буду в Москве. Издам сборник по твоему совету, в количестве 40–50 экз.» (собрание Е.А. Калло). Весной 1913 г. Звенигородский перенес тяжелую операцию, и издание отложилось на неопределенный срок. Новый сборник Звенигородского в печати так и не появился.

¹²¹⁸ Из стихотворения Ф.И. Тютчева «Предопределение».

¹²¹⁹ *Звенигородский*. С. 41–42. Сб. «Delirium tremens».

¹²²⁰ Сб. «Sub Jove frigido» и «Чуть на крылах». Опубл.: *Звенигородский*. С. 50 и 57.

¹²²¹ Из стихотворения И.В. Гете «Коринфская невеста» в пер. А.К. Толстого.

¹²²² Источник цитаты не установлен.

¹²²³ Из стихотворения «Ясна вся невозможность поворота...» (1916; вошло в сб. «Чуть на крылах». Опубл.: *Звенигородский*. С. 74)

¹²²⁴ Эта слова процитированы в одном из писем Звенигородского к ЕА 1923 г. (собрание М.Ю. Гоголина). Полностью текст стихотворения нам не известен.

¹²²⁵ Из стихотворения «Церкви крест, усадьбы крыша...» (*Звенигородский*. С. 49). Сб. «Sub Jove frigido».

¹²²⁶ Сб. «Sub Jove frigido». *Звенигородский*. С. 46.

¹²²⁷ Из его стихотворения «Лесные травы».

¹²²⁸ В стихотворении «Азиола» Шелли с нежностью признается: «Люблю я возглас грусти изначальной / И Азиолу – милую сову – / Пушистую» (пер. А. Голембы).

¹²²⁹ Это недатированное (но имеющее в нумерации ЕА № 5, т.е. написанное примерно в 1900 или 1901) письмо – в собрании Е.А. Калло. В нем описан дом дяди Звенигородского, в котором протекало счастливое детство князя Андрея.

¹²³⁰ Роман Вальтера Скотта «Ламмермурская невеста».

¹²³¹ Прозаические цитаты – из писем Звенигородского к ЕА, стихотворение «В старом доме» – Сб. «На память». *Звенигородский*. С. 34.

¹²³² *Звенигородский*. С. 47. Сб. «Sub Jove frigido».

¹²³³ *Звенигородский*. С. 49. Сб. «Sub Jove frigido».

¹²³⁴ Из стихотворения Ф.И. Тютчева «Не верь, не верь поэту, дева...».

¹²³⁵ Примечание ЕА: «Его сборники: “Delirium tremens” и “Sub Jove frigido” найти теперь почти невозможно».

¹²³⁶ Первая цитата – видимо, из ранней, нам не известной редакции стихотворения «Ignis sanatus»; третья – из не известного нам стихотворения; вторая и четвертая – из стихотворений «Пан» (сб. «Delirium tremens») и «Вы окружили меня криком...» (1916; вошло в сб. «Чуть на крылах») – *Звенигородский*. С. 42 и 71.

¹²³⁷ Из стихотворения «Стих как женское тело...», 1905 («Хаос в нем и денница / Жаждут слиться в одно» – *Звенигородский*. С. 50).

¹²³⁸ **КОРОНА И ВЕТВЬ.** Машинопись, подписанная псевдонимом ЕА «Дмитрий Щербинский» – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 3–38 (в составе конволюта, посвященного Черубине де Габриак. На титульном листе: Каллиэра 1928 г.). Другая машинопись с рукописными пометами ЕА: музей А.С. Пушкина. ОФ–23517 РФБ–688. Здесь на титуле: «Лирика Черубины де Габриак. Статья Евгения Архипова», помета: «Часть 1-я работы о творчестве Ч. де Г.». Других существенных различий нет. 11 апреля 1921 ЕА писал о статье Е.И. Васильевой: «Она уже давно готова». В предпасхальном (а Пасха в 1921 приходилась на 18 апреля) письме к ЕА Звенигородский писал: «Доселе болею незнанием Черубины де Габриак. Пришли хоть одно ее стихотворение. Любимое. Д.С. <Усов> в восторге от твоей статьи о ней. А я не знаю» (из собрания М.Ю. Гоголина). 23 апреля 1921 Е.И. Васильева просила прислать статью о ней через Ю.С. Перцовича, а 3 июня того же года уже писала к ЕА: «Спасибо за статью. Очень трудно писать о ней. Все же думаю, что она больше меня... сердцем чувствую за нее к Вам теплоту. Приняла как подарок». 24 июля 1921 повторяла: «Огромное спасибо за любовный подход к моему творчеству – это лучший для меня подарок. Но все, что Вы говорите обо мне, есть желаемая правда, увы! Не реальная. Но некие мои тайны Вы угадали. Есть одно определение, которое и меня всю жизнь мучило: сивилла...» (*Черубина–2009*. С. 92, 93). Д.С. Усов, работавший над своей статьей о Черубине, писал 15 октября 1921 ЕА: «Большой радостью также было для меня увидеть строчки из моих сонетов вкрапленными в Вашу великолепную работу. О ее I-й главе я уже писал Вам. Меньшего я не ожидал от следующих глав. В одном я только немного разочаровался: Максимилиан Волошин и Черубина де Габриак. Я ожидал стилистических и эйдологических сопоставлений (а их немало, и они интересны!). Но зато в наших работах *совсем* не будет скрещений! Я позволю себе цитировать Вашу работу (manuscriptum), только скажите, каким годом ее пометить – 20 или 21?»

Мне больше всего дала глава «Ступени». Я не знаю только, почему Вы не оттенили резче «мотив покорности» у Черубины; он есть несомненно, а *выделить* его, – по-моему, чрезвычайно важно. Я вполне понимаю, что она сама считает Ваши слова о ней «желаемой правдой» – при всей моей любви к Черубине я должен сказать, что Вы возводите ее *так* высоко, как она того – может быть – и ... не заслуживает» (*Усов*. Т. 2. С. 46). 11 декабря 1921 Усов пересказывал ему же еще одно свое, потерявшееся на почте письмо с отзывом о работе ЕА: «1) Вся работа есть то самое, что Вы называете в предисловии к "Миртовому венцу" "интуитивной записью" образов, рожденных сопереживанием. И едва ли образы "Couronne Mystique" не *значительнее* образов лирики Черубины. Лирика Черубины представлена богаче, нежели она есть.

2) В драгоценной ризе, которую представляет собой работа (в данном случае в ее I-й главе) есть несколько небольших изъянов. Они касаются частью стиля, частью самих образов, рожденных интуицией критика. Вот они:

а) ”пепел Испании и Католической Тайны” – “Католическая Тайна” представляется мне чем-то слишком отвлеченным; по-моему, можно было (именно Вам!) найти другое более точное и исторически обоснованное определение.

б) «Новый Калиостро, явившийся из Атлантиды в мир... через густую вуаль поклонницы Св. Игнатия» – я не могу принять этого образа! Это – совершенно неправильное наложение красок, из коих каждая была бы прекрасной и радующей глаз; но все вместе – диссонанс. И потом это – простите! – исторический и стилевой абсурд.

с) В I-й главе особенно назойливо интонируется мотив *Атлантиды*: ”Память об Атлантиде”... ”пенно поглощенная Атлантида”... вышеприведенная цитата. К чему? Как раз у Черубины, по-моему, атлантической памяти нет, и из русских поэтов новейшей формации она, если есть, то только у Вяч. Иванова и Ф. Сологуба (ни в коем случае не у Бальмонта!) Это была бы весьма благодарная тема для целого *экскурса*. Разработайте ее!» (Там же. С. 54–55). Эту или другую свою статью – «Темный ангел Черубины» – ЕА послал в 1928 Волошину. Тот отвечал: «Спасибо за дорогие мне слова Черубины обо мне и за интересную статью о ней» (письмо от 12 мая 1928 – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 9). Статьи ЕА о Черубине учтены в современной работе: *Никитченко А.А. Поэзия Е. Васильевой: текст и предтекст // Література в контексті культури: Зб. наук. праць. Вип. 18. Днепропетровск, 2008. С. 175–184*. Ниже в комментариях названия стихотворений Черубины приводятся без уточнения авторства.

¹²³⁹ Эпиграфы из стихотворений А.А. Блока «Она росла за дальними горами...» и И.Ф. Анненского («Ледяная тюрьма», «Человек») и – последний – из статьи Анненского «Оне», посвященной женской лирике.

¹²⁴⁰ Каролина Павлова, Мирра Лохвицкая.

¹²⁴¹ Вера Меркурьева (*примечание ЕА*).

¹²⁴² Из стихотворения «Лишь раз один, как папоротник, я...».

¹²⁴³ Из стихотворения «Ищу защиты в преддверьи храма...».

¹²⁴⁴ Из стихотворений «Средь звездных рун, в их знаках и названьях...» и «Вписала нас в единых начертаньях...».

¹²⁴⁵ Из стихотворения «Замкнули дверь в мою обитель...».

¹²⁴⁶ Прочитрованы первые две строфы стихотворения М.А. Волошина, посвященного А.Р. Минцловой, датированного 1911 и опубликованного в 1918 в альманахе «Творчество» (М., Пг.).

¹²⁴⁷ Эпиграфы из стихотворений А.А. Фета «Говорили в древнем Риме...», Черубины де Габриак «Горький и дикий запах земли...», А.А. Блока «Здесь ночь мертва. Слова мои дики...».

¹²⁴⁸ Из стихотворения А.К. Толстого «В стране лучей, незримой нашим взорам...».

- 1249 Из стихотворения К.Д. Бальмонта «Зачем?».
- 1250 Из стихотворения «С мою царственной мечтой...».
- 1251 Из стихотворения «Св. Игнатий».
- 1252 Из стихотворения «С мою царственной мечтой...».
- 1253 Из стихотворения «Наш герб».
- 1254 Из стихотворения «Двойник».
- 1255 Там же.
- 1256 Неточная цитата из стихотворения А.А. Фета «Говорили в древнем Риме...».
- 1257 Обе цитаты из стихотворения «Двойник».
- 1258 Там же.
- 1259 Из стихотворения «Твои руки».
- 1260 Эпиграфы из стихотворений А.А. Блока «Ты отходишь в сумрак алый...» и «Ты горишь над высокой горою...» и Д.С. Усова «Sursum corda».
- 1261 Из стихотворения «Золотая ветвь».
- 1262 Из стихотворения «Retrato de una piña».
- 1263 Там же.
- 1264 Из стихотворения «Наш герб».
- 1265 Из стихотворения «В созвездье Сна вечерняя рука...».
- 1266 Из стихотворения Д.С. Усова «Vae victis».
- 1267 Из стихотворения «Благовещение».
- 1268 Из стихотворения «Сонет».
- 1269 Из стихотворения «Золотая ветвь».
- 1270 См. примечание 130 на с. 561.
- 1271 Из стихотворения А.А. Фета «Сны и тени...».
- 1272 Эпиграфы из стихотворений «Покраснели и гаснут ступени...» А.А. Блока, «К Елене» Э. По (пер. К. Бальмонта), «Хрупкой прялки трепет...» Черубины де Габриак.
- 1273 Из стихотворения «Прялка».
- 1274 Сокращенная цитата из стихотворения «Зеркало».
- 1275 Инверсированная цитата, оттуда же.
- 1276 Там же.
- 1277 Из стихотворения «Благовещение».
- 1278 Из стихотворения «Распятие».
- 1279 Из стихотворения «Он упрекает».
- 1280 Все четыре цитаты из стихотворения «Св. Игнатию».
- 1281 Из стихотворения «Ищу защиты в преддверьи храма...».
- 1282 Из стихотворения «Мечтою близка я гордыни...».
- 1283 Из стихотворения «Твои руки».
- 1284 Из стихотворения «Я венки тебе часто плету...».
- 1285 Из стихотворения «Золотая ветвь».
- 1286 Обе цитаты – из стихотворения «Замкнули дверь в мою обитель...».

- ¹²⁸⁷ Из стихотворения «Лишь раз один, как папоротник, я...».
- ¹²⁸⁸ Эпиграфы из стихотворений И.В. Гете «Коринфская невеста» (пер. А.К. Толстого), «Четверг» и «Лишь раз один, как папоротник, я...» Черубины де Габриак и Д.С. Усова «Sursum corda».
- ¹²⁸⁹ Из стихотворения «Он упрекает» (3-е в цикле «Пророк»).
- ¹²⁹⁰ Цикл «Пророк» не «трилогический»: он состоит из 4 частей.
- ¹²⁹¹ Из стихотворения «Он упрекает».
- ¹²⁹² Звездный венок и золотая ветвь (*лат.*). «Золотая ветвь» – «поэма» Черубины де Габриак, состоящая из восьми семистиший-полусонетов, образующих «венки»; ответ на венок сонетов М.А. Волошина «Corona Astralis».
- ¹²⁹³ Цитата из «Энеиды» Вергилия. В переводе С. Ошерова: «В чаше татится / Ветвь, из золота вся, и листья на ней золотые. / Скрыт златокудрий побег, посвященный дольней Юноне».
- ¹²⁹⁴ Эпиграфы из стихотворений «Ах, дитя, к тебе привязан...» А.А. Фета, «Тебя скрывали туманы...», «В бездействии младом, в передрагнетной лени...», «Сторожим у входа в терем...» А. Блока, «Золотая ветвь» Черубины де Габриак, «Полночных Солнц к себе нас маняет свет...» М.А. Волошина (как и все цитируемые ниже стихотворения Волошина, входит в обращенный к Черубине венок сонетов М.А. Волошина «Corona Astralis», 1909).
- ¹²⁹⁵ Неточная цитата из стихотворения М.А. Волошина «Наш горький дух... (И память нас томит...)» (там: «гробницы солнц»).
- ¹²⁹⁶ Из сонета М.А. Волошина «А темные восторги расстаивая...».
- ¹²⁹⁷ Геомант – гадающий по земле, складкам земной коры.
- ¹²⁹⁸ Из стихотворения «Наш горький дух... (И память нас томит...)» М.А. Волошина.
- ¹²⁹⁹ Из стихотворения Черубины де Габриак «Амфибрахий».
- ¹³⁰⁰ Короны (*лат.*).
- ¹³⁰¹ Из стихотворения М.А. Волошина «Кому земля – священный край изгнания...».
- ¹³⁰² Описывая населяющие Атлантиду народы, Блаватская и Штейнер выделяли у атлантов 7 подрас, одна из них – Рмоагали – владела магической силой слова и поразительной памятью.
- ¹³⁰³ Из стихотворения «В мирах любви, – неверные кометы...».
- ¹³⁰⁴ Из стихотворения «С моею царственной мечтой...».
- ¹³⁰⁵ Из сонетов «Ах, не крещен в глубоких водах Леты...», «Изгнанники, скитальцы и поэты...», «Наш горький дух... (И память нас томит...)» М.А. Волошина.
- ¹³⁰⁶ Обе цитаты из стихотворения «Зеркало».
- ¹³⁰⁷ Из стихотворения «В слепые ночи новолунья...».
- ¹³⁰⁸ Из стихотворения «Мое сердце словно чаша...».
- ¹³⁰⁹ Из стихотворения «Она ступает без усилья...».
- ¹³¹⁰ Из стихотворения «С моею царственной мечтой...».
- ¹³¹¹ Из стихотворения Волошина «Закрыт нам путь проверенных орбит...».

- ¹³¹² Из стихотворения Волошина «Полночных Солнц к себе нас манят светлы...».
- ¹³¹³ Из стихотворения «Двойник».
- ¹³¹⁴ Из стихотворения Волошина «Полночных Солнц к себе нас манят светлы...».
- ¹³¹⁵ Из стихотворения Волошина «В мирах любви, – неверные кометы...».
- ¹³¹⁶ Обе цитаты из стихотворения Волошина «Явь наших снов земля не истребит...».
- ¹³¹⁷ Из стихотворения Волошина «Полночных Солнц к себе нас манят светлы...»
- ¹³¹⁸ Из стихотворения «Сонет».
- ¹³¹⁹ Из стихотворения Волошина «В мирах любви, – неверные кометы...».
- ¹³²⁰ Из стихотворения Волошина «Наш горький дух... (И память нас томит...)...».
- ¹³²¹ Из стихотворения Волошина «В мирах любви, – неверные кометы...».
- ¹³²² Там же.
- ¹³²³ Из стихотворения Волошина «Тому, кто жив и брошен в темный склеп...».
- ¹³²⁴ Сокращенная цитата из стихотворения И.Ф. Анненского «Светлый нимб».
- ¹³²⁵ Из стихотворения Волошина «Тому, кто жив и брошен в темный склеп...».
- ¹³²⁶ Из стихотворения Волошина «Кому земля – священный край изгнанья...».
- ¹³²⁷ Обе цитаты – из стихотворения Волошина «Тому, кто жив и брошен в темный склеп...».
- ¹³²⁸ Из стихотворения «Кому земля – священный край изгнанья...».
- ¹³²⁹ Из стихотворения Волошина «А темные восторги расставанья...».
- ¹³³⁰ Из стихотворения «Наш герб».
- ¹³³¹ Из стихотворения Волошина «В нас тлеет боль внежизненных обид...».
- ¹³³² Из стихотворения Волошина «В мирах любви, – неверные кометы...».
- ¹³³³ Из стихотворения В. Бородаевского «Ноктурно».
- ¹³³⁴ Из стихотворения «Сонет».
- ¹³³⁵ Из стихотворения «С моею царственной мечтой...».
- ¹³³⁶ Все цитаты в этой главе, кроме помеченных инициалами Ч. де Г., взяты из венка «Corona Astralis» (М. Волошин, 1909) (*примечание ЕА*).
- ¹³³⁷ **DE POETAЕ DEMETRII USSOWI CARMINIBUS ATQUE FRAGMENTIS. 1915–1922.** «О стихотворениях и отрывках поэта Дмитрия Усова» (*лат.*). Работа представляет собой соединение разновременных отзывов на стихи Д.С. Усова (очевидно, и выполненное Усовым), составленное из фрагментов писем к нему ЕА. Опубликовано по списку, сделанному рукою Д.С. Усова (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 1–1об.) в кн.: Усов.

Т. 2. С. 61–63. 1. Все упоминаемые стихотворения см. в кн.: *Усов*. Т. 1. Дата первой части отрезана и подписана карандашом. Это письмо полностью см. в наст. изд. в разделе «Письма». В февральском письме 1922 Усов уточнял свой замысел: «Я так рад листам, говорящим обо мне! У меня теперь 3 Ваших отклика на мои стихи – они взаимно дополняются. Теперь я жду Вашего суждения о моем венке. И когда оно придет – хотите, я перепишу для Вас все, что Вы обо мне написали? Вам стоит наложить несколько швов – и получится целая новая работа (для “полноты впечатления” я даже могу прислать Вам что-нибудь вроде рассказа о себе).

Только, ради всего, не поймите меня превратно, дорогой друг, не усмотрите в этом нескромности или навязчивости. Мне просто было бы жаль, если бы эти драгоценные и *сами по себе* такие глубокие и значительные слова затонули в ящике моего столика. То, что Вы говорите о вещах в моей лирике, для меня ближе всего. Тут Вы, действительно, говорите все то, что я сам бы сказал, будь это в меру сил моих. Вы говорите “о том высоком детском восприятии, которое мы хотели бы удержать навек вследствие своеобразной зоркости его и чистоты”... “Ожидание-боль заключены – в молитве, и в искании дружбы у вещей: у часов, у ковров, у стойкости кресла”... Пейзаж “всегда в отдалении”, “почти гобелен, но видимый в живом – детском после болезни – ожидании”... Вещи “в союзе с поэтом”. Кто-то снял с них холод, отдаленность, смягчил их углы, о которые ушибаются дети – все это *так*, все это верно до конца. И как томительно сладко, что Вы меня понимаете. Черубина де Габриак не хотела смотреть на меня так, как Вы... Надо ли мне еще благодарить Вас?

Но есть многое другое, дорогой Евгений Яковлевич, чего я не имею, и что Вы влагае в меня. Это же Вы делали и с Черубиною. Я бы не обозначал эту Вашу склонность близоруким словом “усложнять” и тем менее – тупым словом “переоценивать”. Тут нечто совсем другое. Ведь Вы сами – светящийся, хрупкий, седой и целомудренный, с очертаниями мыслей, которые находят друг на друга и друг от друга отсвечивают. Вы ищите большей глубины и напряжения, нежели поэты могут дать Вам. Всякое Ваше критическое построение – это кристаллическая надстройка над зерном самого стихотворения. Вы – Чурлянис критики.

Вы напоминаете мне одну чудную средневековую легенду: женщина принесла частицу Св. Даров в улей. Пчелы из воска возвели над ней капеллу так, что причастие оказалось на алтаре, где ему и подобало быть. Ваше сердце – это

улей, полный сотами
золотыми, несравненными...

Благо тому, кого Вы пожелаете принять в свою галерею, чей портрет Вы сочтете достойным рамы. Он от этого станет еще живее и ярче» (*Усов*. Т. 2. С. 74–75).

¹³³⁸ Слова из «Херувимской песни» («Иже херувимы тайно образующе...»).

¹³³⁹ *Новалис* (1772–1801) – немецкий поэт и философ. О том, что для Дикса «все тайна», писал И.Ф. Анненский: «Мотив лунного света – один из существенных для Дикса (“Неужели ты не любишь темных комнат / с пятнами лунного света / на полу и на стенах”))» (*Анненский И.Ф. О современном лиризме // Аполлон. 1909. № 1–3. Цит. по кн.: Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 373*).

¹³⁴⁰ Цитируется стихотворение Д.С. Усова «В складках мелкой драпировки...».

¹³⁴¹ Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Как сладко дремлет сад темно-зеленый...».

¹³⁴² Обе строчки – из стихотворения Усова «Октябрь».

¹³⁴³ Цитата из стихотворения Усова «Смерть» (триптих «Пиковая дама», 1914).

¹³⁴⁴ Все пять цитат – из стихотворения Усова «Звездный холод целует и режет...» (1915).

¹³⁴⁵ Все три цитаты из стихотворения Усова «Сонет» («В соседней комнате во мгле слышна рояль...», 1914).

¹³⁴⁶ Имеется в виду стихотворение Усова «Мой святой (Димитрий Солунский)» (1914).

¹³⁴⁷ Быт. XXVIII, 12–22.

¹³⁴⁸ В словосочетании «мир мира» оба раза первое слово мир написано с «і». Цитата из стихотворения Усова «Мой святой (Димитрий Солунский)» (1914).

¹³⁴⁹ Цитата из стихотворения Усова «Тоска» (1914).

¹³⁵⁰ Цитата из стихотворения Усова «Глубокий взор неумолимо строг» (1914).

¹³⁵¹ Названные в пунктах IV и V письма ЕА к Усову не сохранились.

¹³⁵² **ФРАГМЕНТЫ ИЗ РАБОТЫ «ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ. ОБЛИК И ТЕНИ».** 1922. Список рукой К.Л. Архиповой (название – рукой ЕА) в записной книжке ЕА: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 11–16. До этого, на л. 10–10об. рукой К.Л. Архиповой переписаны фрагменты об Анненском, видимо, тоже имеющие отношение к указанной работе: «Уже собрался и сдружился весь символический Парнас в “Скорпионе”, уже отстроена цитадель символистов – “Весы” – метала гармонические громы и в вихре изысканных ракет “выводила русскую поэзию из Вавилонского плена идейности и предвзятости”, – а он, – по праву кифарэд и начинатель хора, – не сделал ни одного жеста и не усилил голоса, чтобы быть заметным. В год открытия Весов (1904) в своей книге “Тихие песни” он надел маску Улисса.

Всего два имени, с которыми был сопоставлен поэт, – Иван Рукавишников и Платон Кусков (!), и ему не нашлось места в списке символистов первого поколения.

Победы, оживленной и мучимой среди русских дней и явлений, голос, призывающий и сломленный, дарящий и отравляющий болью».

¹³⁵³ Возможно, имеется в виду речь В.Ф. Ходасевича «Об Анненском», произнесенная в петербургском Доме Искусств на вечере, посвященном памяти И.Ф. Анненского, 14 декабря 1921, где с Анненским сопоставлялся герой повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: «Жизнь для Ивана Ильича мертвенна, глуха ко всему, полна лжи, пошлости и призрачности. Точно такой же она представляется Анненскому».

¹³⁵⁴ Отсылка к одноименному стихотворению Анненского.

¹³⁵⁵ Ср.: «Очевидно, что антитеза: искусство и жизнь – стоит перед автором “Книг отражений” во всей ее льдистой остроте» (*Эрберг К.* Цель творчества. М., 1913. С. 225).

¹³⁵⁶ **ТЕМНЫЙ АНГЕЛ ЧЕРУБИНЫ.** Машинопись – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 39–62 (в составе конволюта, посвященного Черубине де Габриак).

¹³⁵⁷ Цитата из 15-го сонета венка сонетов Вяч. Иванова «Два града». Вторым он назван после другого его венка сонетов – «Мы – два грозой зажженные ствола...».

¹³⁵⁸ Из переведенного Черубиной со старофранцузского стихотворения «Прекрасная Дозтта у окна...». Далее ссылки на стихотворения Е.И. Васильевой даны без указания авторства.

¹³⁵⁹ Из стихотворения ЕА «Парастас».

¹³⁶⁰ Эпиграфы из стихотворений Е. Васильевой «Любовь» (*Исповедь*. С. 106), «Глухих, как смерть, крылатых и узорных...» Д.С. Усова (*Усов*. Т. 1. С. 115), «Черубине де Габриак» ЕА.

¹³⁶¹ В стихотворении «Тебя скрывали туманы...».

¹³⁶² 1920. *Исповедь*. С. 101.

¹³⁶³ Обе цитаты из названного стихотворения.

¹³⁶⁴ *Исповедь*. С. 134–135.

¹³⁶⁵ *Исповедь*. С. 116.

¹³⁶⁶ *Исповедь*. С. 131–132.

¹³⁶⁷ М. Лохвицкой.

¹³⁶⁸ Правильно: «И с духом слита плоть – / в безмерности – не хочет поцелуя». (1921. *Исповедь*. С. 106).

¹³⁶⁹ Из стихотворения «Где б нашей встречи не было начало ...» (1921). *Исповедь*. С. 116.

¹³⁷⁰ Ср. «Сегодня в эту ночь никто не будет рядом – / А как мне хочется прикосновенья рук...» (1922), «И все нежней, и все любовней / Прикосновенье к руке...» (1922). *Исповедь*. 147, 152.

¹³⁷¹ Цитата из стихотворения 1921 г. «В глубоком озере под влагой голубой...»

¹³⁷² Цитата из стихотворения 1921 г. «Любовь». *Исповедь*. С. 106.

- ¹³⁷³ Из стихотворения «Был синий вечер в небе...» (1925). *Исповедь*. С. 177.
- ¹³⁷⁴ Из стихотворения «Ты не вытянешь полным ведра...» (1925). *Исповедь*. С. 178.
- ¹³⁷⁵ Автор обозначен тремя астерисками. Эти стихи цитировала в письме к ЕА от 7 ноября 1924 Е.И. Васильева, приписывая их «не известному Вам молодому поэту» (по нашему предположению, их автор – Ю.К. Щуцкий, см.: *Нешумова–2005*).
- ¹³⁷⁶ Из стихотворения «И вот опять придет суббота ...» (1922). *Исповедь*. С. 160.
- ¹³⁷⁷ Из стихотворения «Петербургу» (1922). *Исповедь*. С. 146.
- ¹³⁷⁸ Из стихотворения «Красное облако стелется низко» (1922), обращенного к Ю. Щуцкому. *Исповедь*. С. 166.
- ¹³⁷⁹ Из стихотворения «Сон мой темней и короче...» (1922). *Исповедь*. С. 139.
- ¹³⁸⁰ Ср. «А на сердце малиновым звоном / Запевала цыганская кровь...» («Чудотворным молилась иконам...»). *Исповедь*. С. 169).
- ¹³⁸¹ Ср. «тебя манит смуглая кожа, / меня – рот цвета гвоздик» («Ты сказал, что наша любовь – вереск...», 1924. *Исповедь*. С. 169).
- ¹³⁸² Из стихотворения «Ты сам мне вырезал крестик...» (1924). *Исповедь*. С. 169.
- ¹³⁸³ Из стихотворения «Ты сказал, что наша любовь – вереск...» (1924). *Исповедь*. С. 170.
- ¹³⁸⁴ Из стихотворения «Чудотворным молилась иконам...» (1924). *Исповедь*. С. 172.
- ¹³⁸⁵ Из стихотворения «Господи, помилуй нас...» (1922). *Исповедь*. С. 165.
- ¹³⁸⁶ Из стихотворения «Вот и окна мои занавешены...» (1922). *Исповедь*. С. 161.
- ¹³⁸⁷ Из стихотворения «Разве тебе так страшен...» (1922). *Исповедь*. С. 154.
- ¹³⁸⁸ Франциск называл свое тело «брат осел», считая, что его нужно обременять тяжелой ношей, плохо кормить и т. д.
- ¹³⁸⁹ Из стихотворения ЕА «Парастас».
- ¹³⁹⁰ Ср. названия русских икон с изображением Богоматери: «Покрой нас кровом крылу Твоею».
- ¹³⁹¹ Из стихотворения «Уж много кто разглядывал...» (1921). *Исповедь*. С. 122.
- ¹³⁹² Из стихотворения «Все то, что я так много лет любила...» (1922). *Исповедь*. С. 155.
- ¹³⁹³ Из стихотворения «Мечом двусторонним ...» (1922). У автора это не две, а четыре строки. *Исповедь*. С. 154 (здесь текст стихотворения воспроизведен с опечаткой («ее бойся» вместо «не бойся»).
- ¹³⁹⁴ Там же.

¹³⁹⁵ Из стихотворения «Каких неведомых преддверий...» (1922). *Исповедь*. С. 158.

¹³⁹⁶ Ср. в стихотворении Е. Васильевой «России»: «но дух сошел в темницу плоти» (*Исповедь*. С. 140)

¹³⁹⁷ Обе цитаты из стихотворения Ф.И. Тютчева «Близнецы».

¹³⁹⁸ Из стихотворения «Я не забуду голос строгий...» (1921). *Исповедь*. С. 127.

¹³⁹⁹ Из стихотворения «Мечом двусторонним...» (1922). *Исповедь*. С. 154.

¹⁴⁰⁰ Из стихотворения «Не говори и не думай...» (1921). *Исповедь*. С. 121.

¹⁴⁰¹ Из стихотворения «И не уйдешь, и не пойдешь навстречу...» (1921). *Исповедь*. С. 123.

¹⁴⁰² Из стихотворения «Пускай душа в смятении снова...» (1921). *Исповедь*. С. 110.

¹⁴⁰³ Из стихотворения «И не уйдешь, и не пойдешь навстречу...» (1921). *Исповедь*. С. 124.

¹⁴⁰⁴ Из стихотворения «Все то, что я так много лет любила...» (1922). *Исповедь*. С. 156.

¹⁴⁰⁵ **ГЛАВА ИЗ ТРАКТАТА РЕГИНЫ ДЕ КРУА О РОЖДЕНИИ СТИХА.** Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 49. Не датирован. Опубликовано: *Нешумова Т.Ф.* Последняя статья Евгения Архиппова: «Глава из трактата Регины де Круа о рождении стиха» // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М., 2014. С. 242–248. *Регина де Круа* – псевдоним ЕА. Об этом сочинении ЕА упоминает в письме к А.В. Звенигородскому 5 августа 1938: «У меня есть начало маленького экскурса о рождении стиха, экскурса, написанного (еще в отрывках!) на основании двух твоих прозрений: “Хаос в нем и денница” и “С горящими, как Африка, губами”. Основное утверждение экскурса: Стих есть произносимое пламя!». На полях текста на первой странице позднейшие записи о ходе боев в феврале 1944 в районе Корсуня-Шевченковского (единственная в бумагах ЕА запись, касающаяся событий Великой Отечественной войны) и записка, обращенная к К.Л. Архипповой: «Клодинька / Я оч. ждал тебя, чтобы покушать, но сейчас ушел, чтобы купить вина для Мих. Ив-ча / Тв. же».

¹⁴⁰⁶ Из стихотворения А.В. Звенигородского «Ignis sanatus», вошедшего в его книгу «Delirium tremens» (М., 1906). *Звенигородский*. С. 44.

¹⁴⁰⁷ Обе цитаты из стихотворения О.Э. Мандельштама «Она еще не родилась...».

¹⁴⁰⁸ Из стихотворения Звенигородского «Стих как женское тело...», вошедшего в его книгу «Sub Jove frigido» (М., 1909). *Звенигородский*. С. 50.

¹⁴⁰⁹ «В творчестве А. Звенигородского есть одна, может быть, оставленная линия, но правильно и единственно им найденная и сверкающая, геракли-тианская линия, Великого Гераклита-Огнепоклонника. Андрею Звенигородскому принадлежит перенесение этой древней, священной линии в область

гиперборейской лирики...» (*примечание ЕА*). Для ЕА Гераклитианский миф был актуализирован книгой М.О. Гершензона "Гольфстрем" (1922). Подробнее о гершензоновском Гераклите см. главу ""Огненный" Гераклит и архаический субстрат творчества Пушкина" статьи В.Ю. Проскуриной "Пушкинский миф М.О. Гершензона" (НЛЮ, № 20, 1996. С. 135–141).

¹⁴¹⁰ Из стихотворения Звенигородского «Ignis sanat».

¹⁴¹¹ Из стихотворения Звенигородского «В слова не верь. Не надо слов...», вошедшего в его книгу «Delirium tremens» (М., 1906). *Звенигородский*. С. 41.

¹⁴¹² Видимо, цитата из ранней, нам не известной редакции стихотворения Звенигородского.

¹⁴¹³ Исцеляющий огонь (*лат.*).

¹⁴¹⁴ Видимо, цитата из ранней, нам не известной редакции стихотворения Звенигородского «Ignis sanat».

¹⁴¹⁵ *Атэ (Ата)* – в древнегреческой мифологии – богиня, персонификация заблуждения, помрачения ума, обмана, глупости.

¹⁴¹⁶ Смерть (*греч.*).

¹⁴¹⁷ **АНКЕТА О ЛЮБВИ К ПОЭТАМ. ОТВЕТЫ, ДАННЫЕ ЕВГЕНИЕМ АРХИПОВЫМ.** Автограф – ГЛМ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 8. При публикации сокращения раскрыты, названия произведений взяты в кавычки. Анкету с аналогичными вопросами ЕА посылал Звенигородскому, Меркурьевой, Кочеткову, Рождественскому, Усову, Волошину, Голлербаху. Ответы Усова и Звенигородского опубликованы: *Усов*. Т. 1. С. 465–468, 640–645; Меркурьевой: *Тщета*. С. 525–527, Волошина: *Волошин М.А.*, Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. М., 2008. С. 301–306.

¹⁴¹⁸ В одном из вариантов автобиографии (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 12об.) ЕА как бы продолжает ответ на этот вопрос, распространяя его на последующие периоды взросления: «В последних классах гимназии очень полюбил Гофмана и из лирики – выпуск «Вечерних огней» Фета. В университете почти все внимание было приковано к Вл. Соловьеву, кн. С.Н. Трубецкому и В.О. Ключевскому. Тогда же с 1904 г. был совершенно захвачен лирикой Б<альмон>та, Бл<ока>, А. Белого, В. Иванова и Брюсова. Вместе с этой группой как бы на самом себе испытал все недостойное глумление толстых журналов и все виды травли со стороны “общественного мнения”. «Сказки кота Мурлыки» – см. прим. 43. «Людмила», «Ивиковы журавли», «Замок Смальгольм» – баллады В.А.Жуковского.

¹⁴¹⁹ См. прим. 85.

¹⁴²⁰ Информацию о таком рисунке мы не нашли.

¹⁴²¹ О Тютчеве АЕ написал кандидатское сочинение «Основания философской лирики Ф.И. Тютчева».

¹⁴²² В одном из вариантов автобиографии ЕА писал: «Ближе и теснее всего связан с символизмом эпохи Мусагета и “Трудов и дней”» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 16об.). *Комаровский Василий Алексеевич* (1881–1914) – поэт.

¹⁴²³ *Вилье де Лиль Адан Филипп Огюст Матюас* (1838–1889) – французский писатель, один из «Проклятых поэтов». *Леконт де Лиль Шарль Мари Рене* (1818–1894) – французский поэт, глава Парнасской школы.

¹⁴²⁴ *Парнасцы* – группа французских поэтов, объединившихся вокруг Теофиля Готье и противопоставивших свое творчество поэтике устаревшего, по их мнению, романтизма. Анненский перевел стихи парнасцев Леконта де Лиля, Сюлли Прюдона.

¹⁴²⁵ Вторая часть вопроса осталась без ответа.

¹⁴²⁶ *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М., 1914.

¹⁴²⁷ «Портрет Дориана Грея».

¹⁴²⁸ «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1731).

¹⁴²⁹ *Константин Константинович Случевский* (1837–1904) – поэт, прозаик, драматург, переводчик.

¹⁴³⁰ Утверждение несколько парадоксальное. Возможно, ЕА ценил книгу А.Л. Блока «Политическая литература в России и о России» (Варшава, 1884).

¹⁴³¹ Рассказ М.А. Кузмина «Бабушкина шкатулка» («Лукоморье», 1916, № 19).

¹⁴³² Упомянуты книги В.Я. Брюсова: роман «*Огненный ангел*» (М., 1908) и «рассказы и драм. сцены (1901–1907)» «*Земная ось*» (М., 1910).

¹⁴³³ Перечислены книги Вяч. Иванова: «*Cor ardens*» (СПб., 1911), «По звездам» (СПб., 1909), «Борозды и межи» (М., 1916), «Родное и вселенское» (М., 1917) и публиковавшиеся в журналах работы «Эллинская религия страдающего бога» (Новый путь. 1904. № 1–3, 5, 8–9) и «Религия Диониса» (Вопросы жизни. 1905. № 6–7), позже ставшие докторской диссертацией «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923).

Евгений Яковлевич Архипов

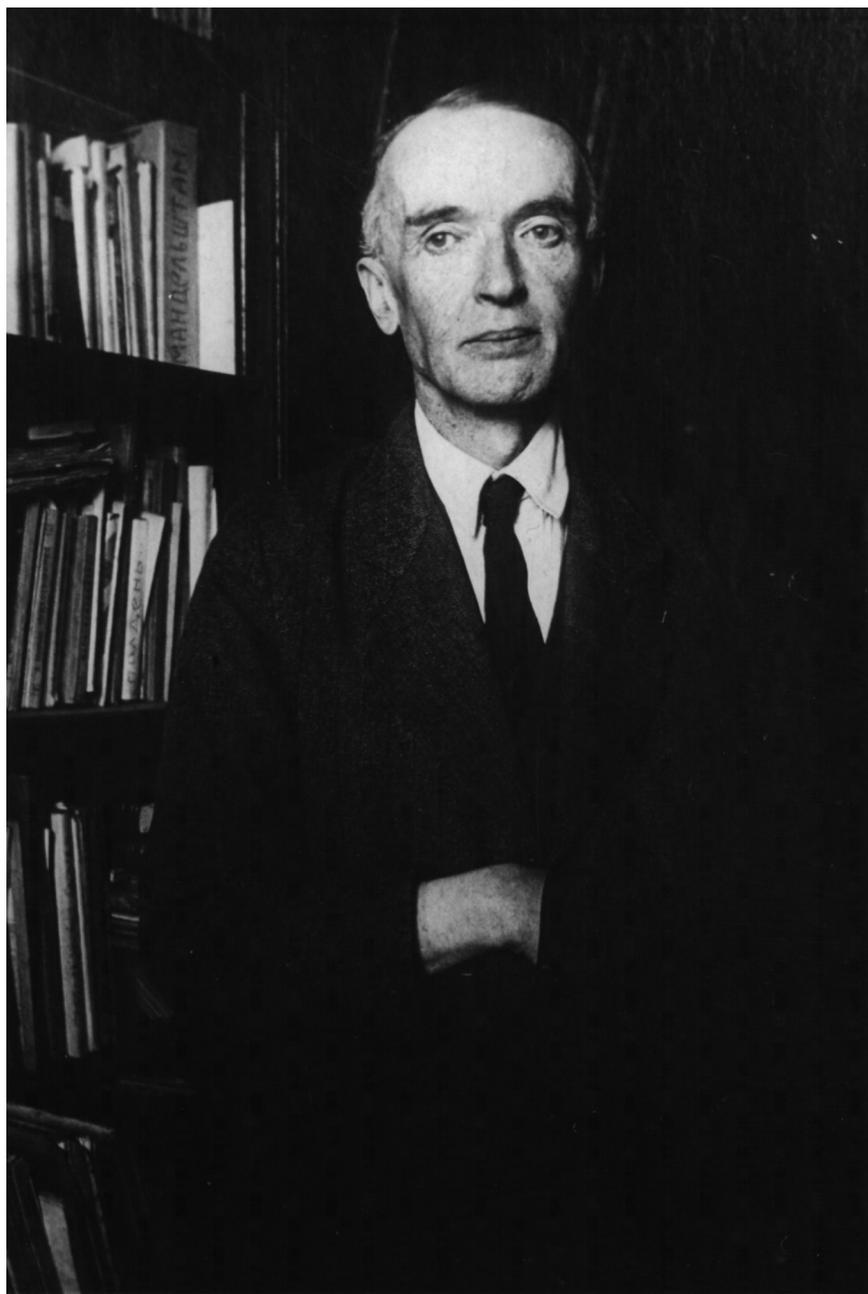
Дмитрий Сергеевич Усов в 1914

Д.С. Усов. Фотография
из следственного дела 1935

Андрей Владимирович Звенигородский

А.В. Звенигородский

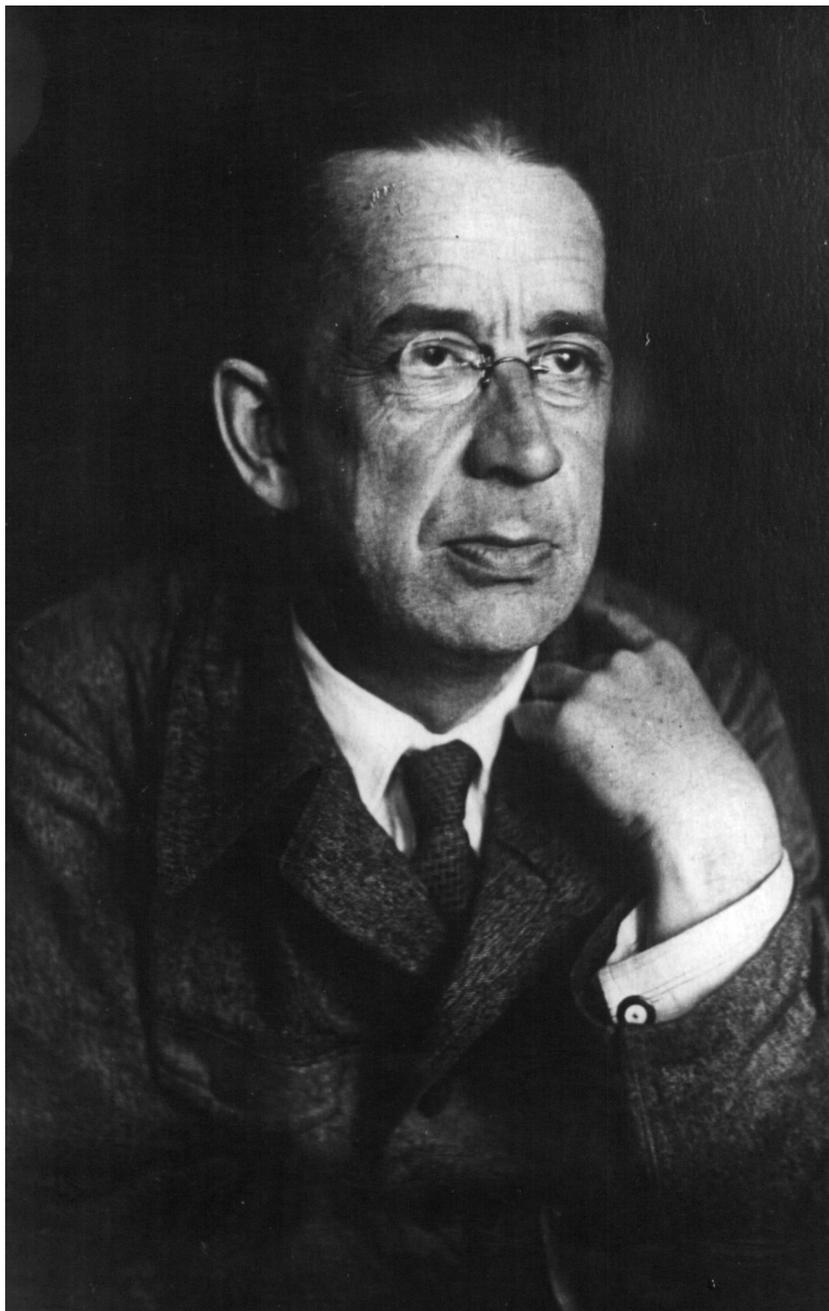

Надежда Сергеевна Архиппова

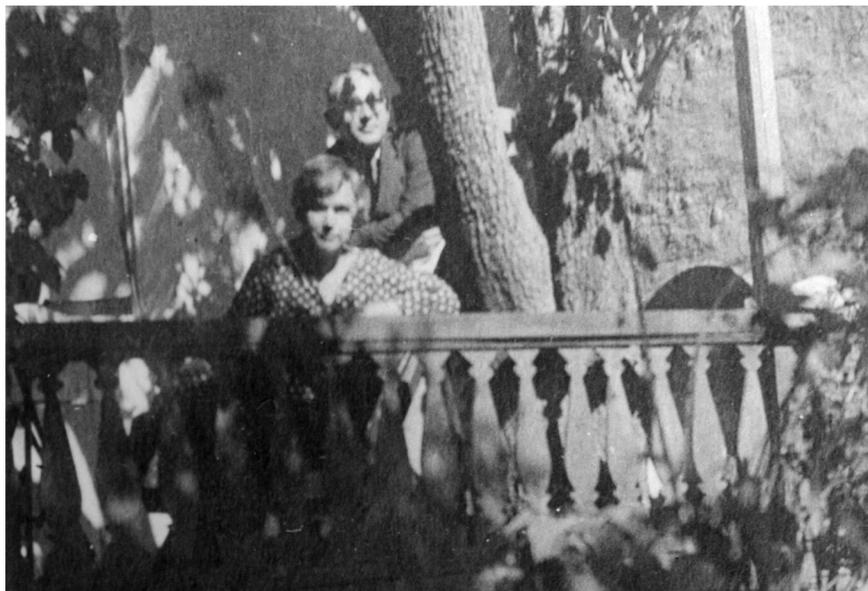
Н.С. Архиппова с дочерью Ириной.
Фотографии, о которых пишет
В.В. Розанов

Н.С. Архиппова
с дочерью Ириной.
Около 1909

Арсений Альвинг

Е.И. Васильева и С.Я. Маршак в Краснодаре

Е.И. Васильева в Краснодаре

Е.И Васильева. Ленинград, 1927. Фрагмент групповой фотографии

Е.Я. Архипов и К.Л. Архипова
в своей комнате в Новороссийске. 1920-е

Е.Я. Архипов с женой К.Л. Архиповой
и сестрой К.Я. Сушилиной

В.А. Меркурьева, М.И. Слободской,
К.Л. Архипова и Е.Я. Архиппов.
Владикавказ. Начало 1930-х

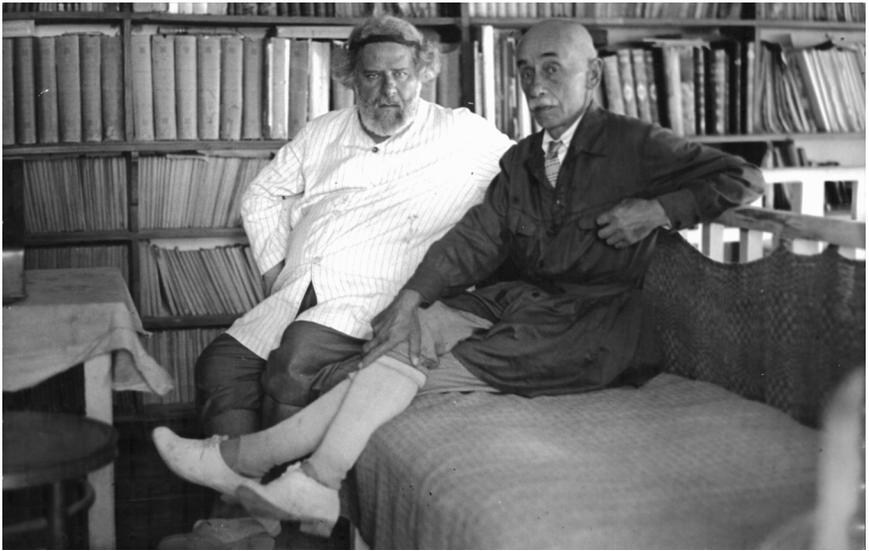
В.А. Меркурьева. Москва. 1930-е.
Фотография Л.В. Горнунга

Вера Александровна Меркурьева. Москва. 1930-е
Фотография Л.В. Горнунга

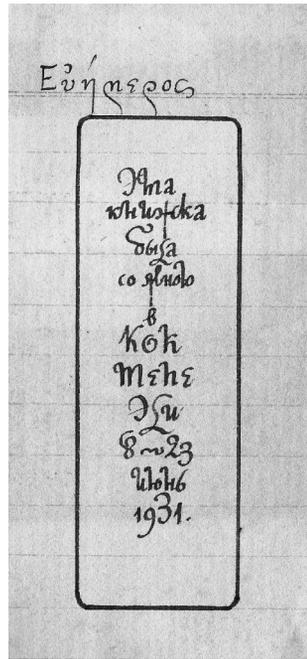
Александр Сергеевич Кочетков. 1930-е
Фотография Л.В. Горнунга

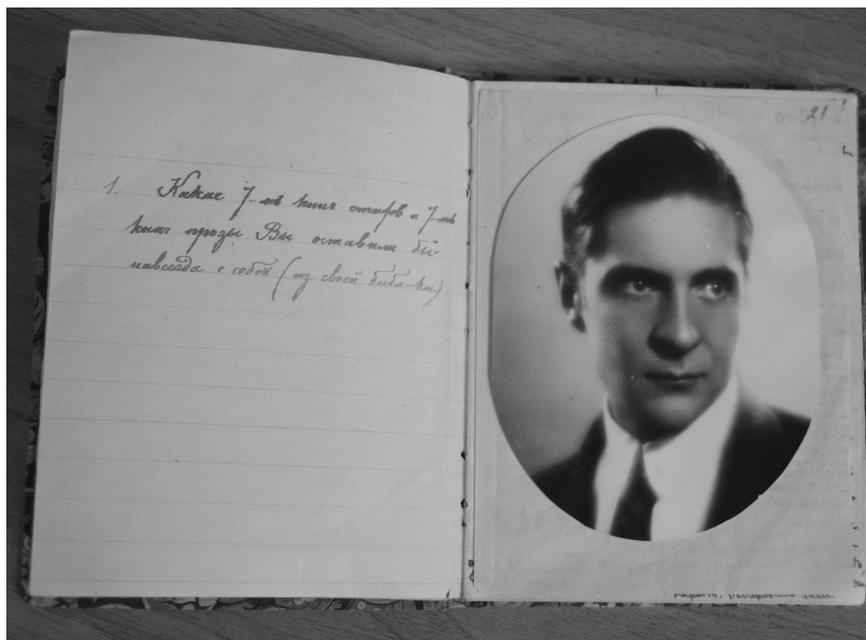
М.А. Волошин и К.Ф. Богаевский

Л.В. Горнунг, С.В. Шервинский
и М.С. Волошина в Коктебеле

Страница записной книжки
Е.Я. Архиппова

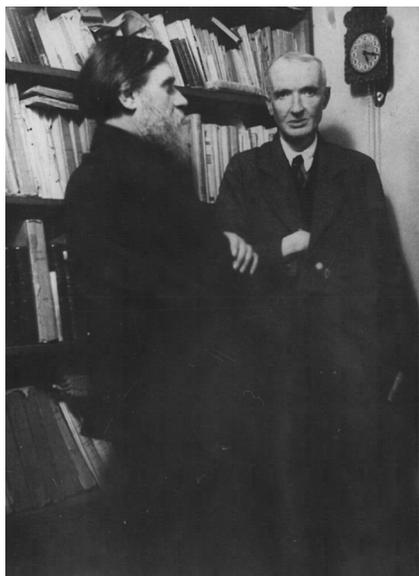
Разворот анкеты о любви к поэтам с фотографией В.А. Рождественского

Головин А.Я.
Портрет Э.Ф. Голлербаха. 1923

А.С. Кочетков, Е.В. Шервинская,
Л.В. Горнунг. 1930-е

Ю.Н. Верховский
и А.В. Звенигородский. 1930-е
Фотография Л.В. Горнунга

А.В. Звенигородский (справа)
в гостях у С.Н. Дурьлина (в центре)

В 1-м ряду: Д.А. Тарноградский и В.А. Меркурьева.
Во 2-м: К.Л. Архиппова, Е.Я. Архиппов, А.С. Кочетков. Владикавказ. 1930-е

Росинская
г. 9 33.
20. IX

Колумно 27. IX. 33.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

В переписке между давальцами и спонсором наша связь и благодарит глубоко за присланное письмо. Я еще ждал его, традиционного письма с предвещаниями у Вас. Да. Я очень рад, что открылся бы мой дождь до Вас. За это время не было ничего интересного. Погода я видю знак, что я спонсором по погоде.) на редкость жаркая. Дни 8-10 выходящие темные тучи, без дождя, затемняя Васскую котловину. Суровость и жаркость. Два дня назад начался сильный дождь, почти непрерывно, дождя, дождя. В сентябре дождя не было.

Письмо Е.Я. Архипова к Д.С. Усову с пометой Д.С. Усова

13 июня

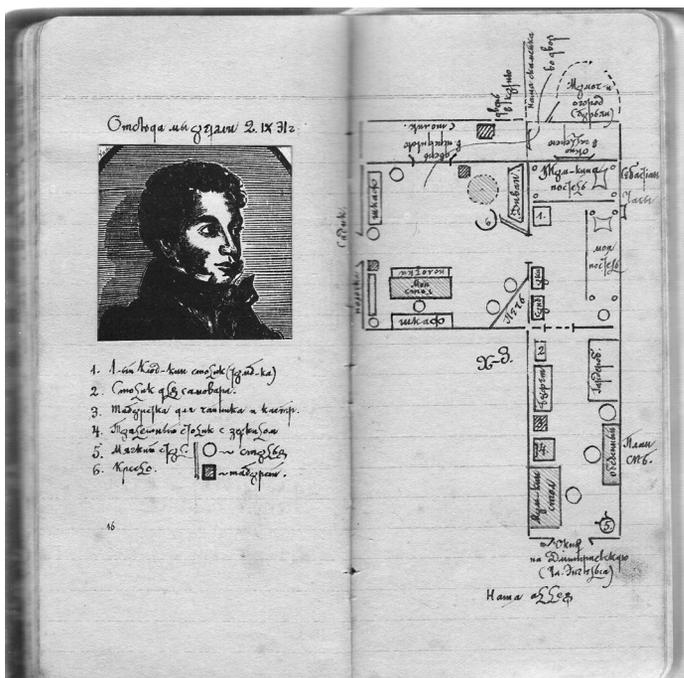
1945

Дорогой мой друг!

Что же ты мне пишешь? Не обращай на нас больше внимания. У нас свет бесперебойно. Вышла новая книга Бориса Леонидовича. Сказки, покаяния, что знаешь о смерти Марины Цветаевой, где, когда, в каком духе. Это слышал от Анны. Кто от тебя? Нет от тебя нет даже открытки. Пиши скорее. Крепко обнимаю

Твой Е.

Письмо Е.Я. Архипова к А.В. Звенигородскому на самодельной почтовой открытке

Статуя богини мира Расе
в Царском Селе. 1915.
Фотография В.М. Беляева

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДЫМЫ ЛУЧЕЙ

I. «Противно, противно, противно...»	7
III. «Смерти колючие руки...»	7
IV. «Может ли пепел гореть?..»	8
V. «На камнях, на плитах у моря...»	8
VI. «Когда за ночную калиткою...»	9
VII. «Долго ли видеть морскую пучину?..»	9
VIII. «Томиться, сгорать и упасть...»	10
IX. «Я полюбил бы будку...»	10
XI. «Мое сердце будет мучиться...»	11
XII. «Стоять на берегу, глядеть вдоль переулка...»	11

КРЕСТ И СТРЕЛЫ

СНЫ О СВ. СЕБАСТИАНЕ НАРБОННСКОМ

Иннокентию Анненскому	
1. «Над головою сиянье...»	13
<2>. Полиелей	14
Месса по И. Анненском	
I	15
II	15
III	16
А.А. Фету	17
Владимиру Соловьеву	17
Александрю Блоку	18
Черубине де Габриак	19
Черубине де Габриак <2>	19

П.Г. Доленко	
I. «Смерть подошла к тебе тихо...»	20
II. Перед панихидой	21
III. Поминовение	21
Автопортрет	
I. «Лицо, закрытое для мира...»	22
II. «Во мне тоскует кровь Святого Себастьяна...»	22
<III>. Парастас	23
<IV>. Прощание	24
<V>. Лития	24

ДАЛЬНЯЯ МОРЕНА

Вере Меркурьевой	26
«В моих глазах я знаю анфилады...»	26
Где – когда?	27
«Не томлюсь, не ишу поцелуя...»	28
«То имя, что я дам, пронизжет грудь твою...»	28
Россия	29
Томление	30
Д.С. Усову	30
Тишина	31
Иннокентию Анненскому	32

[СТИХОТВОРЕНИЯ 1922–1924 ГОДОВ, НЕ ПОПАВШИЕ В КНИГИ]

«Растянуться в траве и ждать...»	33
«Люблю Шуваловский проезд...»	33
«Ты идешь Саломеи походкой...»	34

ОБИДЫ РАСЕ

<i>Регина де Круа. Préface</i>	35
Память о Царском Селе	36
Шаги Расе	37

Vestes Coronariae.....	38
Statuae Lunari	38
«В моей душе, где мирно пепел спал...».....	39
«Моя тоска – твоим рукам...».....	39
Евгению Баратынскому	40
Сергею Соловьеву.....	40
Стигийский завтрак	41
Сквозь строй дождя	41
Молитва на берегу.....	42
Тоска круглого газона.....	42
Ad Liliū Auratum	
[1] «Беата, Расе, Черубина...»	43
[2] Утро после смерти	44
[3] Успение.....	45
Свидание с Расе.....	46
Статуя Расе	47
Мифическая история Расе.....	48

[СТИХОТВОРЕНИЯ 1930–1940-х]

Воспоминание об учителе.....	49
Белейшему лебедю.....	50
Поздно вечером	50
Veneri Verticordiae.....	51
Музе (<i>Лазурной подружке</i>).....	52
К портрету мадонны Лит<т>ы.....	53
Моление к голубой розе	
Серенада 1. Призывание роз.....	53
Серенада 2. Призывание звезд.....	54
Дворик в Ленэ.....	54

ИЗ КНИГИ «КАМЕННАЯ ЛИРА»

<i>E. A. De nomine et vita Reginae</i>	56
Mon Versailles.....	57
Затменная улыбка.....	59
«Ландыши воду пьют...».....	59

Осень в парке.....	60
«Как Данте простираю руку...».....	61
Явление античности	62
Пепельный бал	64
Арсению Альвингу	66
Имя	66
<i>Аτϋαν Ζορρ. De Reginae carminibus</i>	66
Αυαλητοῖς	
I. Бессонница	68
Второе свидание	69
Серена III. Призывание музыки 1	71
Серена IV. Призывание музыки.....	72

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СБОРНИКА «ΩΜΟΣ ΕΡΕΒΟΥΣ»

Вс. Мейерхольду	73
Бессонница 1-я	74
Конец осенней сказки	74
Моление к кипарису	75
Тоска летеической гребли	76
«За дальним ликом Беатриче...»	76
Анне Ахматовой.....	77

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ. ПОСЛАНИЯ. НАДПИСИ

Ландыши	78
На продажу книг букинисту.....	78
Αλοξῶματα. Семь обращений к Е.А. Юрченко	
1. «Были Вы марочной моей королевной...»	78
2. Усопшие оконца	79
3. На бегство Катеньки	79
4. В окно летящему письму	80
5. На переход к изучению истории	80
6. На Венере.....	81
7. На прибытие книг	82
Кл<одиньк>е гиперборейской	82
Κῶνονϋ	83

Моя география.....	84
К годовщине «Расе».....	85
Надпись на книге А. Ахматовой, по поводу получения Тристана....	85
Надпись на книге Теофиля Готье.....	85
Эпиграмма подореховая.....	86
Прославление кукурузы	
<1>. На переселенье во Владикавказ.....	86
<2>. «Висят гирлянды кукурузы...».....	86
Прославление кукурузы	
1. На возвращение К. с огорода.....	87
2. «Возвращаясь с базара, нагружен я снопом кочерузы...».....	87
3. Гирлянда кукурузы перед постелью.....	87
Из Марциала	
<1>. «Дрова, самовар, кипятик...».....	87
<2>. «Кастрюли, тарелки и щепки...».....	87
<3>. «Кувшин, и ведро, и горшки...».....	88
Тютчеву	
1. «Мой Тютчев, мой мудрец!...».....	88
2. «О, толкователь страшных песен!...».....	88
<3>. «Мой друг! Ты истину пойми вот эту...».....	88
«Ветер – это безумный поэт. Над морем...».....	89
«Не закрывай плотно свою дверь для...».....	89
Тютчеву.....	89
«Омой свою душу Молчанием...».....	89
На продажу книжечки новелл о Пушкине.....	90
«Перед Домом Сумасшедших...».....	90
О Тютчеве.....	90
Тень на потолке.....	91
Антологические строки.....	91
Три старушки и Чукча.....	92
«Вся философия проста...».....	92
«Стал облик Твой дорожке во сто крат...».....	93
«Что говорил, то повторю опять...».....	93
Осень 1948 года.....	93
«Не друг, не брат...».....	94
«Хлеб, увлажненный сахаром...».....	94
«Какая тяжкая тревога...».....	94
«О счастье редкое! Сегодня – дома Ты...».....	95

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Сказка без смысла и значения.....	96
[Памяти восстания против самодержавия трудящихся Москвы. 1905 год].....	97
На гробовой покров князя Сергея Трубецкого, демиурга моей души.....	98
Величию незабвенной души князя Сергея Николаевича Трубецкого.....	98
Великой памяти князя Сергея Николаевича Трубецкого	99
«Был увит паутиною тиной...».....	100
«Сердце твое мне хотелось узнать...»	100
«Мне снилось счастье только раз...»	101

ПРОЗА

Встреча с Фетом.....	105
[Начало автобиографии].....	106
Гипсовая маска	114
Золотая маска. <i>Автобиография</i>	122
ТАНЕЦ ТАНИТЫ	
Глава 1. Богиня.....	134
Глава 2. Дочери Левкиппа.....	135
Глава 3. Пентеликийский мрамор	137
Глава 4. Бессмертное блаженство линий.....	138
ИСПОВЕДЬ	
<i>Предисловие к погребенным романам (Amours défunts)</i>	
Глава I. Заклятие	141
Глава II. Эротика влюбленности.....	143
Глава III. Эротика преодоления пола	144
Глава IV. Эротика Тоски и боли.....	145
Глава V. Эротика Аполлона.....	147
Глава VI. Эротика миражной Мечты.....	148
Глава VII. Эротика лучей. (<i>Поклонение Фамире</i>)	151
Рыцарь Логоса и лилии (<i>Памяти Владимира Эрна</i>)	155
Болезнь и смерть В.Ф. Эрна.....	174
Рассыпанный стеклярус	176
[Из записной книжки].....	181

ЛЕКТИСТЕРНИИ	
Предисловие	182
<i>Лектус 1</i>	
Вл. Соловьев	
I. Встреча	183
II. Видение	184
С.Н. Трубецкой	
I. В Кудрине	185
II. В большой словесной	186
III. Прощание	186
IV. У раскрытой могилы	187
Евгений Трубецкой	
I. Лекция	188
II. Тяжелый путь	189
Л.М. Лопатин	
Аудитория под лестницей	190
Владимир Эрн	
I. Две тени	190
II. В горячем тумане	191
III. Лилии сердца	192
IV. Рыцарь Дюрера	193
V. Китежский голос	194
<i>Лектус 2</i>	
В.О. Ключевский	
I. Прохождение к кафедре	195
II. На кафедре	195
III. На Моховой	196
<i>Лектус 3</i>	
I. К. Бальмонт	197
II. В. Брюсов	197
III. Арсений Альвинг	198
IV. Рюрик Ивнев	199
V. Андрей Звенигородский	
1	199
2	200
3-й аспект А. Звенигородского	200
VI. П.Г. Доленко	201
[VII.] М.А. Кузмин	202

Лектус 4

Вс. МЕЙЕРХОЛЬД

1. Первая встреча.....	203
2. Новый аспект Самозванца.....	203
3. Сверкающий клинок.....	204
4. Колодец древности.....	204
5. Статуэтка Родэна.....	205
Примечания.....	206

КНИГА О ВЕРЕ МЕРКУРЬЕВОЙ

10 портретов В.А. Меркурьевой

I. Янтарь и пепел

Вместо предисловия. Вяч. Иванов «Мирьядами зеркал мой образ отражая...».....	208
1. Сквозь янтарное солнце.....	209
2. Посмертный поединок.....	210
3. В индийских садах.....	211
4. Звезда волхвов.....	211
5. Пепельной царице.....	212

II. Из книги о Вере Меркурьевой «Винетийские раздумья»

5. Поющий кубок.....	213
6. пляж зверей.....	214
7. Винетийские сети.....	215
8. Винетийские прохлады.....	216
[9.] Погружение Винеты (<i>Отдание почестей</i>).....	217
[10.] Пантомима шепота и сна.....	218

Записи о годах дружбы. 1908–1938.....	219
---------------------------------------	-----

Встречи и расхождения.....	223
----------------------------	-----

[О ТАРНОГРАДСКОМ]

I. Произносимый огонь. 1-ая встреча.....	229
II. Κιβωτὸς χρυσεῖα. Золотой сундук.....	230
III. Turris Ciscaucasia.....	232
IV. Венецейские львы.....	234

Испытание садом.....	235
----------------------	-----

Сто второй год.....	241
---------------------	-----

Ἐφημερίς Κτιμηρία.....	244
------------------------	-----

[Воспоминания о Владикавказской гимназии].....	276
--	-----

МИРТОВЫЙ ВЕНЕЦ

Предисловие	281
Молитвы витязя (<i>Опыт религиозного портрета</i> <i>А.К. Толстого</i>)	283
Неволя безволия (<i>Черты духовного облика А.Н. Апухтина</i>)	289
Грааль печали (<i>Лирика Е.А. Баратынского</i>)	292
Вопросы вечности в лирике К.Д. Бальмонта	307
Лирика Фета как религия сердца	314
Никто и ничей	323

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

А.Н. Майков	331
Два образа	335
«Пресветлая душа». Жизнь и учение святого Франциска Ассизского	338
Письмо к умершему (И.Ф.А.). Об эстетическом восприятии смерти	349
Безвестная Лаодамия	354

НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ РАБОТЫ

Три аспекта античной Лаодамии	363
Религия Фамиры	373
Мелодия мучения (<i>Стихотворения Арсения Альвинга</i>)	390
Содержание лекций по истории античной трагедии	403
Иерофант ужаса и страсти (<i>Лирика кн. А.В. Звенигородского</i>)	406
Корона и ветвь	426
De poetae Demetrii Ussowi carminibus atque fragmentis	440
Фрагменты из работы «Иннокентий Анненский. Жизнь и смерть. Облик и тени»	443
Темный ангел Черубины	445
Глава из трактата Регины де Круа о рождении стиха	453
Анкета о любви к поэтам. Ответы, данные Евгением Архипповым	456

<i>Татьяна Неиумова. О Евгении Яковлевиче Архиппове</i>	461
Список сокращений	516
Комментарии к стихотворениям.....	518
Комментарии к разделу прозы.....	551

ББК 84(2Рос=Рус)6

УДК 821.161.1

А87

Архиппов Е. Я.

А87 Рассыпанный стеклярус: Сочинения и письма / Сост., подгот. текста, комм., вступ. статья Т.Ф. Нешумовой. – Т. I. – М.: Водолей, 2016. – 656 с., [16] с. ил. – (Серебряный век. Паралипоменон).

ISBN 978–5–91763–269–8

ISBN 978–5–91763–270–4 (Том I)

Евгений Яковлевич Архиппов (1880/1881–1950) – составитель первой библиографии И.Ф. Анненского (1914), критик, эссеист, поэт и автор мемуарной прозы. Верный друг и хранитель наследия поэтов, возвращающихся к читателю лишь в последние годы: А.В. Звенигородского, В.А. Меркурьевой, Д.С. Усова, Черубины де Габриак. В настоящем издании впервые собрано литературное наследие Архиппова, представляющее значительный литературный и исторический интерес.

В первый том включены стихотворения, проза и статьи Е.Я. Архиппова, а также статья о нем Татьяны Нешумовой. Републикована книга эссе о русских поэтах «Миртовый венец» (1915). Большая часть стихов и прозы публикуется впервые: послереволюционные тексты писались для узкого круга друзей, без надежды на публикацию.

ББК 84(2Рос=Рус)6

УДК 821.161.1

Архиппов Евгений Яковлевич

Рассыпанный стеклярус

Том I. Стихотворения и проза

Технический редактор *А. Ильина*

Подписано в печать 18.04.16. Формат 60х90/16. Бумага офсетная
Печать цифровая. Печ. л. 42. Заказ №

Издательство «Водолей»

127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23

Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>

E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано: Публичное акционерное общество

«Т8 Издательские Технологии»

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

Тел.: 8 (499) 322-38-30

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παραλιπομένων